

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ЖИЗНЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛЪ.

Томъ I.

Январь

1901 г.

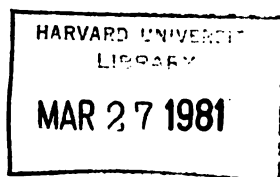

Кантора и редакция: Спб., Знаменская, 20.
Телефонъ № 2782.

и 3361

WID-LC
AP
50
.Z 428
vol. 1901
t. 1
✓

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Января 1901 г.

8742

Типографія А. Е. Колпинскаго, Конная ул., д. 3—5.

ТОМЪ I.

ЯНВАРЬ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	СТРАН.
1) Трое. <i>(Продолженіе). Повесть М. Горькаго</i>	1
2) Мужъ съ револьверомъ. <i>Очеркъ Евг. Чирикова</i>	36
3) Золотыя утки. Изъ дорожныхъ впечатлѣній. <i>Тана</i>	59
4) Русская кустарная промышленность (По даннымъ послѣднихъ лѣтъ: 1894—1899). <i>М. Курчинскаго</i>	76
5) Забѣтки о новѣйшей польской литературѣ. <i>Л. Украинки</i>	103
6) Садъ осенью. <i>Стих. Н. Я. Абрамовича</i>	124
7) Изъ Андрея Нѣмоевского. Переводъ съ польскаго <i>В. Ольшевской</i>	125
8) На родинѣ <i>Н. А. Некрасова. Ѳ. Смирнова</i>	134
9) „Царство тихихъ звуковъ“... <i>Стих. К. Бальмонта</i>	149
10) Современное положеніе и задачи этнографической соціологіи. <i>Л. Крживицкаго</i>	150
11) Трудъ. <i>Романъ Эм. Золя. Перев. А. Коморской</i>	172
12) Критицизмъ. <i>А. Гуревича</i>	208
13) Европейское искусство въ картинахъ русскихъ художниковъ конца XIX вѣка. <i>П. Ге</i>	217
14) Пѣсни скитальца. <i>Стих. Скитальца</i>	225
15) На лиманѣ. <i>Очеркъ А. Серафимовича</i>	227
16) Очерки текущей русской литературы. Настроенія. <i>Андреевича</i>	238
17) Библиографія. <i>К. М. Фофановъ. Иллюзія. Стихотворенія. А. — П. Инфантьевъ. Влуждающій огонекъ. Стихотворенія. — Гюи де Мопассанъ. Поля. собр. сочиненій. А. — В. М. Грибовскій. Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины Второй. Н. Рожкова. — А. Тобинъ. Лифляндское аграрное законодательство XIX столѣтія. Н. Рожкова. — Гиббинсъ и Сатуринъ. Исто-</i>	

рiя современной Англіи. Н. Рожкова. — Н. Г. Вороновъ. Опытъ сравнительной исторiи Европы. Н. Рожкова. — Э. Вандервальде. Притягательная сила городовъ. Переводъ съ франц. П. Берлина. — Dr. Franz Walter. Die Propheten in ihrem socialen Beruf und das Wirtschaftsleben ihrer Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte der Sociaethik. П. Берлина. — Dr. Prof. Heinrich Dietzel. Weltwirtschaft und Volkswirtschaft. П. Берлина	252
18) Новая Зеландiя и ея рабочее законодательство. Д. Сатурина.	271
19) Письмо въ редакцію. Юл. Адамовича	297
20) Стихотвореніе. Ив. Бунина	310
21) Некрологъ. (Л. К. Туганъ-Барановская).	311
22) Изъ психологiи мысли и творчества. Д. Овсяннико-Куликовскаго	312
23) Очерки херсонской деревни. (Голосъ изъ провинціи). Я. Яковлева.	348
24) Провинціалныя картинки. „Столпы“ уѣзднаго общества. — Неустанный городской голова. — О „хорошемъ либеральномъ тонѣ“. — Зарайскіе земцы и ихъ благоразуміе. — „Махмудкины дѣти“. — Изъ жизни незамѣтныхъ тружениковъ. — Охрана школьниковъ отъ библиотекъ, книгъ и лекцій. — Нѣсколько словъ къ инциденту въ „лощинѣ межъ горъ“. Евгенія Чирикова	370
25) Хроника внутренней жизни. Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1901-й годъ. — Циркуляръ министра юстиціи отъ 15 декабря 1900-го года. — Pro domo sua. — Правительственное постановленіе о прекращеніи газеты „Сѣверный Курьеръ“. — Сообщеніе министерства народного просвѣщенія о студенческихъ безпорядкахъ въ университетѣ св. Владимира.	382
26) Иностранное обозрѣніе. XIX вѣкъ продолжается. — Власть золота. — Накопленіе. — Имперіализмъ и націонализмъ. — Разложеніе Австріи. — Мировая политика. — Культурная борьба. — Смерть королевы Викторіи. — Викторія, какъ жена, мать, и королева	403
27) Письмо въ редакцію. Инсарова	410
Новыя книги, поступившія въ редакцію	413
28) Трое. Повесть М. Горькаго. Главы I и II. Объявленія.	
Снимки съ картинъ. „Помолвка въ деревнѣ“. Жана Батиста Греза. — „Триумфъ Галатен“. Николая Пуссена. — „Портретъ г-жи Рекамье“. Жана Луи Давида. — „Проклятіе сына“. Жана Батиста Греза. — „Предобѣденная молитва“. Шардена. — „Смерть Камиллы“. Ф. А. Бруни. — „Помѣщица, занятая хозяйствомъ“. Алексѣя Венеціанова.	

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

V-я
годъ
изда-
нія.

„ЖИЗНЬ“.

V-я
годъ
изда-
нія.

Составъ редакціи и постоянныхъ сотрудниковъ остается въ 1901 г. тотъ же, что и въ два предыдущіе года.

Журналъ выходитъ **ежемесячно** книжками въ размѣрѣ не менѣе 25 печатныхъ листовъ. Въ каждой книжкѣ помѣщаются иллюстраціи, отпечатанныя на отдѣльныхъ листахъ мѣловой бумаги.

Одна изъ книжекъ журнала 1901 г. будетъ посвящена *характеристикѣ XIX столѣтія* и будетъ состоять изъ статей по естествознанію, философіи, социологіи, исторіи, политической экономіи, литературѣ и искусству. Книга будетъ иллюстрирована снимками съ картинъ художниковъ XIX в. и портретами ученыхъ.

Новые подписчики „ЖИЗНИ“ 1901 г. получаютъ бесплатно начало повѣсти М. Горькаго: „ТРОЕ“.

Годовые подписчики получаютъ въ 1901 г. въ видѣ бесплатнаго приложенія сочиненіе: проф. Роберта Дугласа, „Исторія Китая“, перев. съ англ. подъ ред. Д. Сатурина.

Подписная цѣна на годъ съ дост. и перес. 7 руб. За-границу—10 р.

Допускается разсрочка годовой платы (7 р.), на слѣд. условіяхъ: или I) при подпискѣ вносятся 2 р., къ 1 марта—2 р. и къ 1 іюля—3 р.; или II) при подпискѣ—4 р. и къ 1 іюля—3 р.; или III) при подпискѣ—3 р. и къ 1 мая—4 руб. За-границу на полгода—6 руб. Подписчикамъ, не доставившимъ денегъ въ указанные сроки, высылка журнала приостанавливается.

Книжные магазины могутъ удерживать съ cadaго годового экземпляра 35 коп.; подписка въ разсрочку и по частямъ года отъ нихъ не принимается.

Въ видахъ ознакомленія, желающимъ высылаются отъ конторы, по ея выбору, книжка журнала за 50 коп. (7 семикопеечныхъ марокъ).

Главная контора и редакція: С-Петербургъ, Знаменская, 20.

Редакторъ-издатель М. С. Ермолаевъ.

Изданія товарищества „ЗНАНІЕ“

(С.-Петербургъ, Невскій, д. № 92).

НАХОДЯТСЯ ВЪ ПРОДАЖЪ:

- М. Горькій.** Разказы. Второе изданіе въ 4 томахъ. Всѣ 4 тома поступили въ продажу одновременно. Цѣн. каждаго тома—1 р.
- Исаровъ.** Современная Франція. 2 р. 50 к.
- Штраусъ.** Вольтеръ. 1 р.
- Гобсонъ.** Общественные идеалы Рёскина. 1 р. 50 к.
- Эрیمانъ-Шатранъ.** Гаспаръ Фиксъ. 65 к.
- Э. Бернштейнъ.** Историческій материализмъ. 80 к.
- Каутскій.** Аграрный вопросъ. 1 р. 50 к.
- Вигуру.** Рабочіе союзы въ Сѣв. Америкѣ. 1 р. 50 к.
- Вурмъ.** Жизнь нѣмецкихъ рабочихъ. 80 к.
- Люксембургъ.** Промышленное развитіе Польши. 50 к.
- Финляндія.** 3 р. 50 к.
- Гуго.** Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. 1 р. 50 к.
- Герцъ.** Аграрные вопросы. 80 к.
- Фальборкъ и Чарнолускій.** Народное образованіе въ Россіи. 1 р. 50 к.
- Фальборкъ и Чарнолускій.** Учительскія семинаріи и школы. 2 р.
- Фальборкъ и Чарнолускій.** Учительскія общества, кассы, курсы и сѣзды.
- Фальборкъ и Чарнолускій.** Испытанія на званія уѣздныхъ, домашнихъ, городскихъ и начальныхъ учителей и на первый классный чинъ. 50 к.
- Левассеръ.** Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ. 3 р.
- Леклеркъ.** Воспитаніе и общество въ Англіи. 3 р.
- Гюйо.** Исторія и критика современныхъ ученій о нравственности. 2 р.
- Его же.** Происхожденіе идеи времени.—Мораль Эпикура и ея связь съ современными ученіями. 2 р.
- Его же.** Задачи современной эстетики — Очеркъ морали. 2 р.
- Его же.** Воспитаніе и наслѣдственность. 2 р.
- Майръ.** Статистика и обществовѣдѣніе, 2 тома. 6 р.
- А. Мертваго.** Не по торному пути. 1 р. 50 к.
- Вандервельде.** Притягательная сила городовъ. 40 к.
- Гиббинсъ и Сатуринъ.** Исторія современной Англіи. 1 р. 20 к.
- Сеньюбосъ.** Политическая исторія современной Европы. Второе изд. 3 р.
- Курти.** Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи. 1 р.
- Зомбартъ.** Идеалы социальной политики. 40 к.
- Каутскій.** Колониальная политика въ прошломъ и настоящемъ. 40 к.
- Клейнъ.** Астрономическіе вечера. Третье изд. 2 р.
- Клейнъ.** Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Второе изд. 1 р. 50 к.
- Юнгъ.** Солнце. Второе изд. 1 р. 50 к.
- Никольскій.** Лѣтнія повѣдки натуралиста. 2 р.
- Гетчинсонъ.** Вымершія чудовища. 1 р. 20 к.

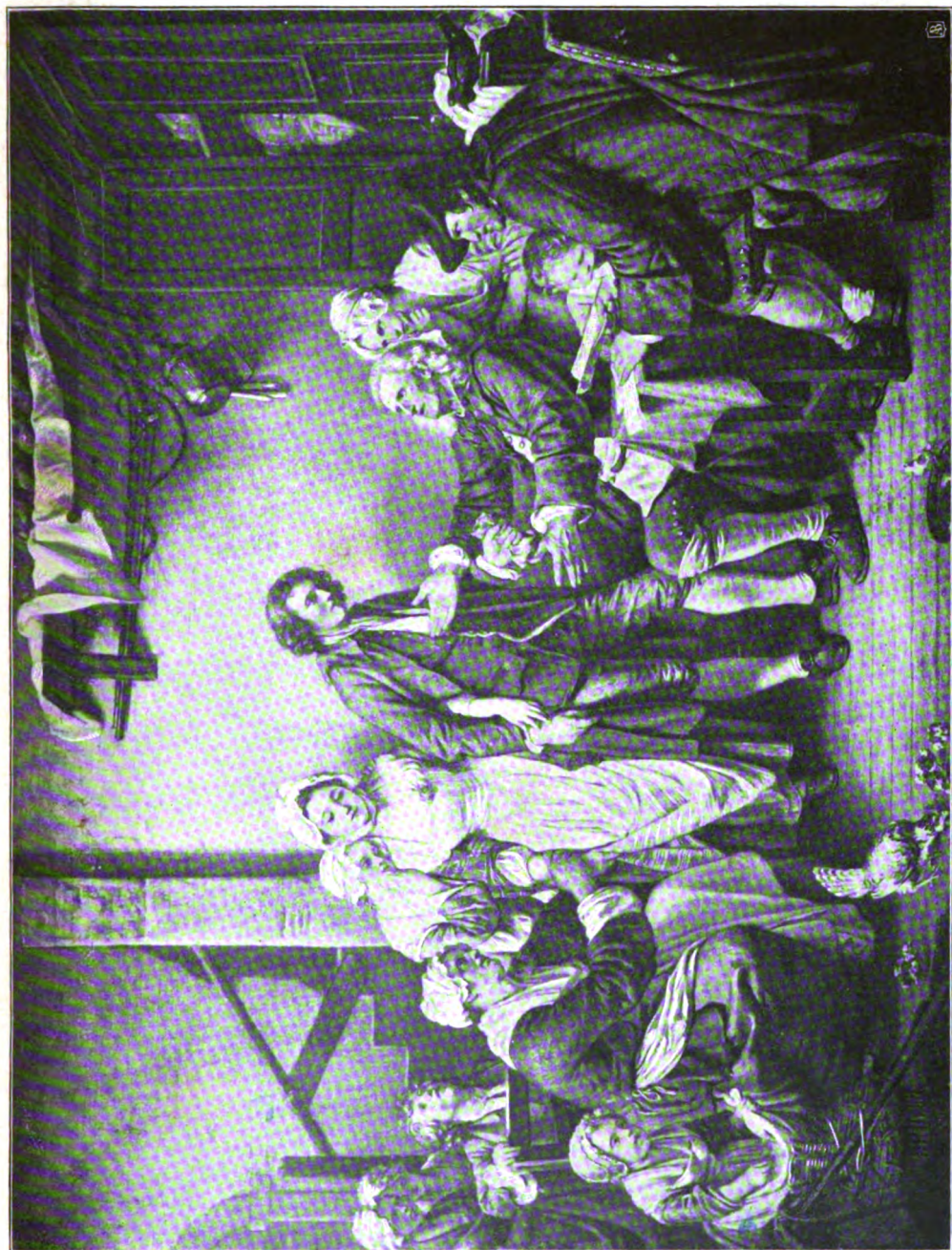
ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА:

- Фальборкъ и Чарнолускій.** Настольная книга по народному образованію, 3 т. Безъ перес. 5 р., съ перес. 6 р.
- Гюйо.** Собраніе сочиненій, 4 т. Безъ пер. 4 р., съ перес. 5 р.
- Его же.** Собраніе сочиненій 5 т. Безъ перес. 5 р., съ перес. 6 р. 30 к.
- Мутеръ.** Исторія живописи въ XIX столѣтіи. Безъ перес. 10 р., съ перес. 12 р.
- Клейнъ.** Чудеса земного шара. Безъ пер. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.
- Боммели.** Исторія земли.
- Гетчинсонъ.** Вымершія чудовища.
- Его же.** Животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ. Ц. за 3 книги безъ пер. 4 р. 50 к., съ перес. 5 р. 50 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

- Гюйо.** Искусство съ точки зрѣнія социологін.
- Его же.** Стихи философа.
- Куно Фишеръ.** Исторія новой философіи: Кантъ.
- Эсхиль, Софокль и Эврипидъ.** Трагедіи.
- Эсхиль.** Прометей.
- Софокль.** Эдипъ-царь.
- Софокль.** Эдипъ въ Колонѣ.
- Софокль.** Антигона.
- Эврипидъ.** Медея.
- Эврипидъ.** Ипполитъ.
- Мутеръ.** Исторія живописи. (Отъ среднихъ вѣковъ до новѣйшихъ временъ).

Простятъ обращаться: контора т-ва „Знаніе“, С.-Петербургъ, Невскій, 92. Выписывающіе по этому адресу за пересылку книгъ, поступившихъ въ продажу, не платятъ.

Поголовка въ деревнѣ. — Жанъ Батистъ Грезъ.

Копія на твое

ТРОЕ.

*Товарищу моему Владимиру Тоссе съ уваженіемъ
посвящаю.*

Среди лѣсовъ Керженца разсѣяно много одинокихъ могилъ; въ нихъ тлѣютъ кости старцевъ, людей древняго благочестія, и объ одномъ изъ такихъ старцевъ,—Аптигѣ,—въ деревняхъ на Керженцѣ рассказываютъ:

Суровый характеромъ, богатый мужикъ Антипа Луневъ, доживъ во грѣхѣхъ мірскомъ до пятидесяти лѣтъ, задумался крѣпко, затосковалъ душой и, бросивъ семью, ушелъ въ лѣса. Тамъ, на краю крутого оврага, онъ срубилъ себѣ келью и жилъ въ ней восемь лѣтъ кряду и зиму, и лѣто, не допуская къ себѣ никого: ни знакомыхъ, ни родныхъ своихъ. Порою люди, заблудясь въ лѣсу, случайно выходили къ его кельѣ и видѣли Антипу молящагося, стоя на колѣняхъ у порога ея. Былъ онъ страшный: изсохъ въ постѣ и молитвѣ и весь, какъ звѣрь, обросъ волосами. Завидѣвъ челоуѣка, онъ поднимался на ноги и, молча, кланялся ему до земли. Если его спрашивали, какъ выйти изъ лѣса, онъ безъ словъ указывалъ рукою дорогу, еще кланялся челоуѣку до земли и, уходя въ свою келью, запирался въ ней. За восемь лѣтъ его видѣли часто, но никто никогда не слышалъ его голоса. Жена и дѣти приходили къ нему; онъ принималъ отъ нихъ пищу и одежду и, какъ всѣмъ людямъ, кланялся имъ земно, но, какъ всѣмъ людямъ, и имъ во время подвижничества своего ни слова не сказалъ.

Умеръ онъ въ годъ, когда разоряли скиты, и смерть его была такова:

Пріѣхалъ въ лѣсъ исправникъ съ командой, и увидали они, что стоитъ Антипа среди кельи на колѣняхъ и безмолвно молится.

— Ты!—крикнулъ ему исправникъ.—Уходи! Ломать будемъ твое логовище!..—Но Антипа не слышалъ его голоса. И сколько ни кричалъ исправникъ—ни слова не отвѣтилъ ему старецъ. Тогда исправникъ приказалъ вытащить Антипу изъ кельи. Но люди, видя старца, который, не замѣчая ихъ, все молился истово и неустанно, смутились предъ твердостью его души и не послушали исправника. Тогда исправникъ приказалъ имъ ломать келью. и осторожно, боясь ударить молящагося, они молча стали разбирать крышу.

Стучали надъ головой Антипы топоры, трещали доски и падали на землю, гулкое эхо ударовъ понеслось по лѣсу, заматались вокругъ кельи птицы, встревоженные шумомъ, задрожала листва на деревьяхъ. А старецъ все молился, какъ бы не видя, не слыша ничего... Начали раскатывать вѣнцы кельи, а хозяинъ ея все стоялъ неподвижно на колѣняхъ. И лишь когда откатили въ сторону послѣднія бревна и самъ исправникъ, подойдя къ старцу, взялъ его за волосы, Антипа, вскинувъ очи въ небо, тихо сказалъ Богу:

— Господи милостивый... Прости ихъ.

И, упавъ навзничь, умеръ.

Когда это случилось, старшему сыну Антипы, Якову, было двадцать три года, а младшему, Терентию,—восемнадцать лѣтъ. Красавецъ и силачъ Яковъ, еще будучи подросткомъ, приобрѣлъ въ селѣ прозвище Безшабашнаго, а ко времени смерти отца онъ былъ уже первый кутила и буянъ во всей округѣ. На него всѣ жаловались,—мать, староста, сосѣди; его сажали въ холодную, пороли розгами, били и просто такъ, безъ суда, но все это не укрощало широкой натуры Якова и все тѣснѣе становилось ему жить въ деревнѣ, среди раскольниковъ, людей хозяйственныхъ, какъ кроты, суровыхъ ко всякимъ новшествамъ и упорно охранявшихъ завѣты древняго благочестія. Яковъ курилъ табакъ, пилъ водку, одѣвался въ нѣмецкое платье, на молитвы и радѣнія не ходилъ, а когда степенные люди увѣщевали его, напоминая ему объ отцѣ, онъ насмѣшливо отзывался:

— Погодите, старички почтенные,—всему мѣра есть. Нагрѣшу вдоволь—покаюсь и я. А теперь—рано еще. Батюшкой меня не корите,—онъ пять десятковъ лѣтъ грѣшилъ, а каялся всего восемь... На мнѣ грѣхъ—какъ на птенцѣ пухъ, а вотъ выростеть грѣха, какъ на воронѣ пера, тогда, значить, молодцу пришла каяться пора...

— Еретикъ!—говорили про Якова Лунева въ селѣ и ненавидѣли, и боялись его. Года черезъ два послѣ смерти отца Яковъ женился. Онъ подъ корень подорвалъ разгульной жизнью крѣпкое.

тридцатилѣтнимъ трудомъ сколоченное хозяйство отца, и уже никто въ родномъ селѣ не хотѣлъ выдать ему дѣвushку въ жены. Гдѣ-то въ дальней деревнѣ онъ взялъ красавицу-сироту, а для того, чтобъ сыграть свадьбу, продалъ отцовъ пчельникъ и пару лошадей. Его братъ Терентій, робкій и молчаливый горбунъ съ длинными руками, не мѣшалъ ему жить; мать хвораая лежала на печи и оттуда говорила ему зловѣщимъ, хриплымъ голосомъ:

— Окаянный!.. Пожалѣй свою душеньку!.. Опомнись!..

— Не безпокойтесь, маменька!—отвѣчалъ Яковъ.—Отецъ за меня передъ Богомъ заступится...

Сначала, почти цѣлый годъ, Яковъ жилъ съ женою мирно и тихо, даже началъ было работать, а потомъ опять закутилъ и, цѣлые мѣсяца исчезая изъ дома, возвращался къ жепѣ избитый, оборванный, голодный... Умерла мать Якова: на поминкахъ по ней пьяный Яковъ изувѣчилъ старосту, давняго своего врага, и за это былъ посаженъ въ арестантскія роты. Отсидѣвъ срокъ, онъ снова явился въ деревню, бритоголовый, угрюмый и злой. Деревня все болѣе ненавидѣла его, перенося свою ненависть и на семью Якова, а особенно на безобиднаго горбуна Терентія, съ малыхъ лѣтъ служившаго посмѣшищемъ для дѣвокъ и парней. Якова звали арестантомъ и разбойникомъ, а Терентія—уродомъ и колдуномъ. Терентій молчалъ въ отвѣтъ на ругань и насмѣшки, Яковъ же открыто грозилъ всѣмъ:

— Ладно! Погодите!.. Я вамъ покажу!

Ему было около сорока лѣтъ, когда въ деревнѣ случился пожаръ; онъ былъ обвиненъ въ поджогъ и сосланъ въ Сибирь.

На рукахъ Терентія осталась жена Якова, помѣшавшаяся въ умѣво время пожара, и сынъ его Илья, десятилѣтній мальчикъ, крѣпкій, черноглазый и не по лѣтамъ серьезный. Когда этотъ мальчикъ появлялся на улицѣ, ребяташки гонялись за нимъ и бросали въ него камнями, а большіе, видя его, говорили:

— У, деймоненокъ! Каторжное сѣмя!.. Чтобъ те сдохнуть!..

Неспособный къ работѣ, Терентій до пожара торговалъ дегтемъ, нитками, иглами и всякой мелочью, но огонь, истребившій половину деревни, уничтожилъ и избу Луневыхъ, и весь товаръ Терентія, такъ что послѣ пожара у Луневыхъ осталась только лошадь да сорокъ три рубля денегъ—и больше ничего. Видя, что въ деревнѣ нельзя и нечѣмъ жить, Терентій сдать жену брата на попеченіе бобылкѣ за полтинникъ въ мѣсяць, купилъ старенькую телѣгу, посадилъ въ нее племянника и рѣшилъ ѣхать въ губернской городъ, надѣясь, что тамъ ему поможетъ жить

дальній родственникъ Луневыхъ Петруха Филимоновъ, служившій буфетчикомъ въ трактирѣ.

Выѣхаль Терентій изъ родного пепелища ночью, тихо, какъ воръ. Молча правилъ онъ лошадыю и все оглядывался назадъ своимн большущими черными глазами. Лошадь шла шагомъ, телѣгу славно потряхивало, и скоро Илья, зарывшись въ сѣно, уснулъ крѣпкимъ сномъ ребенка...

Проснулся онъ среди ночи отъ какого-то жуткаго и страннаго звука, похожаго на волчій вой. Ночь была свѣтлая, телѣга стояла у опушки лѣса. около нея ходила лошадь и, фыркая, щипала траву, покрытую росой. Большая сосна съ опаленной вершиной выдвинулась далеко въ поле и стояла одинокая, точно ее выгнали изъ лѣса. Зоркіе глаза мальчика безпокойно искали дядю, а въ тишинѣ ночи отчетливо звучали глухіе и рѣдкіе удары копытъ лошади по землѣ, тяжелыми вздохами разносилось ея фырганье и уныло плавать непонятный дрожащій звукъ, пугая Илью.

— Дя-дя!—тихо позвалъ онъ.

— Ась?—торопливо отозвался Терентій, и вой вдругъ замеръ.

— Ты гдѣ?

— Тутъ... спи, знай...

Тогда Илья увидаль, что дядя, черный и похожіи на пень, вывороченный изъ земли, сидитъ у опушки лѣса на холмѣ.

— Я боюсь,—сказаль мальчикъ.

— Ну чего тамъ? Чего бояться?.. Одни мы...

— Кто-то воить...

— Приснилось тебѣ...—тихо сказалъ горбунъ.

— Ей-Богу воить.

— Ну... волкъ это... Онъ —далеко... Ты спи...

Но Илья уже не спалось. Было жутко отъ тишины, а въ ухахъ у него все дрожаль этотъ жалобный звукъ. Онъ пристально оглядѣль мѣстность и увидаль, что дядя смотритъ туда, гдѣ надъ горой, далеко среди лѣса, стоитъ пятиглавая бѣлая церковь, а надъ нею ярко сіяеть большая, круглая луна. Илья узналь, что это ромодановская церковь, и что въ двухъ верстахъ отъ нея, ближе сюда, къ нему и дядѣ, среди лѣса, надъ оврагомъ, стоитъ ихъ деревня—Китежная.

— Не далеко мы уѣхали,—сказаль онъ задумчиво.

— Что?—спросилъ дядя.

— Дальше бы уѣхать, говорю... Еще придетъ кто-нибудь оттуда...

Илья неприязненно кивнулъ головой по направлению къ своей деревнѣ.

— Уѣдемъ... погоди...—молвилъ дядя.

И снова стало тихо. Илья свернулся въ комокъ, облокотясь на передокъ телѣги, и тоже сталъ смотрѣть туда, куда дядя смотрѣлъ. Деревню было не видно въ густой, черной тѣмѣ лѣса, но ему казалось, что онъ видитъ всю ее, со всѣми избами и людьми, и со старой ветлою у колодца среди улицы. У корней ветлы лежитъ отецъ его, связанный веревкой, въ изорванной рубахѣ; руки у него прикручены за спину, голая грудь выпятилась впередъ, а голова какъ будто приросла къ стволу ветлы. Лежитъ онъ неподвижно, какъ убитый, и страшными глазами смотреть на мужиковъ, стоящихъ у старостинной избы. Ихъ много, всѣ они злые, кричать, ругаются. Отъ этого воспоминанія мальчику сдѣлалось скучно и у него начало щипать въ горлѣ. Онъ почувствовалъ, что заплачетъ сейчасъ отъ скуки и ночной свѣжести, но ему не хотѣлось тревожить дядю, и онъ сдерживался, все плотнѣе сжимая свое маленькое тѣльце...

Вдругъ снова въ воздухъ раздался тихій вой. Сначала кто-то тяжело вздохнулъ, всхлипнулъ и потомъ нестерпимо-жалобно завылъ:

— О-о-у-о-о!..

Мальчикъ вздрогнулъ отъ страха и замеръ. А звукъ все дрожалъ и росъ въ своей силѣ.

— Дядя! Это ты воешь?..—крикнулъ Илья.

Терентій не отвѣтилъ и не пошевелился. Тогда мальчикъ прыгнулъ съ телѣги, подбѣжалъ къ дядѣ, упалъ ему на ноги, вцѣпился въ нихъ и тоже зарыдалъ. Сквозь рыданія онъ слышалъ голосъ дяди:

— Выжили... насъ... Го-споди-и! Куда пойдёмъ... а?

А мальчикъ, захлебываясь слезами, говорилъ:

— Погоди... я вотъ вырасту большой... я имъ задамъ!.. да...

Наплакавшись, онъ сталъ дремать. Тогда дядя взялъ его на руки, снесъ въ телѣгу, а самъ опять ушелъ прочь и снова завывъ протяжно, жалобно...

Помнилъ Илья, какъ онъ пріѣхалъ въ городъ. Проснулся онъ однажды рано утромъ и увидалъ передъ собою рѣку, широкую, мутную, а за нею, на высокой горѣ, кучу домовъ съ красными и зелеными крышами и высокія, густыя деревья между домами. Дома поднимались по горѣ густою, красивой толпой все выше, а на самомъ гребнѣ горы они вытянулись въ ровную линію и гордо смотрѣли оттуда черезъ рѣку. Золотые кресты и главы церквей поднимались надъ ихъ крышами, уходя глубоко въ небо. Только

что взошло солнце; косые его лучи отражались въ окнахъ домовъ, и весь городъ горѣлъ яркими красками, сіялъ золотомъ.

— Вотъ такъ а-яй!—тихо воскликнулъ мальчикъ, широко раскрытыми глазами глядя на чудесную картину, и надолго замеръ въ молчаливомъ восхищеніи передъ нею. Потомъ въ душѣ его родилась безпокойная мысль, гдѣ будетъ жить онъ, маленькій, черноволосый и вихрастый мальчикъ въ худыхъ пестрядиныхъ штанишкахъ, и его горбатый, неуклюжій дядя? Пустятъ ли ихъ туда, въ этотъ чистый, богатый, блестящій золотомъ, огромный городъ? Ему подумалось, что ихъ телѣга именно потому и стоитъ здѣсь, на берегу рѣки, что въ городъ не пускаютъ людей бѣдныхъ, оборванныхъ и некрасивыхъ. И должно быть дядя пошелъ просить, чтобы пустили.

Илья съ тревогой въ сердцѣ сталъ искать глазами дядю. И впереди, и сзади ихъ телѣги стояло еще много возовъ; на однихъ торчали деревянныя стойки съ молокомъ, на другихъ корзины съ птицей, огурцы, лукъ, лукошки съ ягодами, мѣшки съ картофелемъ. На возахъ и около нихъ сидѣли и стояли мужики и бабы, и это были совсѣмъ особенные люди. Говорили они громко, отчетливо, а одѣты были не въ синюю пестрядину, а все въ пестрые ситцы и ярко-красный кумачъ. Почти у всѣхъ на ногахъ были сапоги, и хотя около нихъ расхаживалъ кто-то съ саблей на боку,—урядникъ или становой,—но они не только не боялись его, а даже и не кланялись ему. И это очень нравилось Ильѣ. Сидя на телѣгѣ, онъ осматривалъ ярко освѣщенную солнцемъ живую картину и мечталъ о времени, когда и онъ тоже надѣнетъ сапоги и кумачную рубаху. Вдали, среди мужиковъ, появился дядя Терентій. Онъ шелъ, крѣпко упираясь ногами въ глубокій песокъ, высоко поднявъ голову; лицо у него было веселое, и еще издали онъ улыбался Ильѣ, протянувъ къ нему руку и что-то показывая.

— Господь за насъ, Илюха! Значить—не горюй! Дядю-то Петруху сразу нашель я... На-ко вотъ, погрызи пока что!..

И онъ далъ Ильѣ баранку.

Мальчикъ почти съ благоговѣніемъ взялъ ее, сунулъ за пазуху и безпокойно спросилъ:

— Не пускаютъ въ городъ-то?

— Сейчасъ пустятъ... Вотъ придетъ паромъ —и поѣдемъ.

— И мы?

— А какъ же? И мы поѣдемъ... Тутъ намъ не жить...

— Ухъ! А я думалъ—насъ не пустятъ... А тамъ гдѣ мы будемъ жить-то?

— Это ужъ неизвѣстно... Господь укажетъ...

- Вонъ бы въ томъ большомъ-то, красномъ...
- Чудашка! Это казарма!.. Тамъ солдаты живутъ...
- Ну ишь вонъ въ томъ... в-онъ въ этомъ!
- Ишь ты! Высоко намъ до него!..
- Ничего!—увѣренно сказала Илья.—Долѣземъ!..
- Э-эхъ ты!—вздыхнулъ дядя Терентій и снова куда-то ушелъ.

Жить имъ пришлось на краю города, около базарной площади, въ огромномъ сбромъ домѣ. Со всѣхъ сторонъ къ его стѣнамъ прилипли разныя пристройки, однѣ поповѣе, другія такія же сбро-грязныя и старыя, какъ самъ онъ. Окна и двери въ этомъ домѣ были кривыя, и все въ немъ скрипѣло. Пристройки, заборъ, ворота,—все наваливалось другъ на друга, объединяясь въ большую кучу полугнилого дерева, поросшаго зеленоватымъ мохомъ. Стекла въ окнахъ были тусклы отъ старости, нѣсколько бревенъ въ фасадѣ выпятились впередъ, и отъ этого домъ былъ похожъ на своего хозяина, который держалъ въ немъ трактиръ. Хозяинъ тоже былъ старый и сѣрый; глаза на его дряхломъ лицѣ были похожи на стекла въ окнахъ дома; онъ ходилъ, тяжело опираясь на толстую палку; ему, должно быть, тяжело было носить свой огромный животъ, и онъ тоже всегда скрипѣлъ.

Дядя Терентій поселился въ одномъ изъ безчисленныхъ угловъ дома, въ подвалѣ, на лавкѣ у окна, выходившаго въ уголь двора, гдѣ лежала большая куча мусора и росла старая, душистая липа и два куста бузины. Дня черезъ три хозяинъ дома скрипѣлъ, указывая палкой на Илью, который, спрятавшись отъ него за кучу мусора, испуганными глазами смотрѣлъ на него.

— Ты чей мальчикъ, а? Ты откуда явился, а?

Илья мигалъ глазами и молчалъ.

— Эй, чей это мальчишка? Чтобы его не было! Пошелъ вонъ, мальчишка! Вотъ я тебя!.. У-у-ррр! Ахъ ты, мышонокъ, а? Что? Посудника? Сынь? А-га-а! Племянникъ? Горбатый жуликъ, онъ долженъ былъ сказать, что у него племянникъ! Петръ! Ты чего глядишь, а? У горбатаго племянникъ — это что такое? Чтобы не было!..

Румяный буфетчикъ Петруха смотрѣлъ на дворъ изъ окна трактира и, встряхивая кудрями, тоже кричалъ:

-- На время-съ, Василій Доримендонтычъ, малолѣтній Илья... совершенный круглый сирота-съ... Принять съ мого вѣдома... но я уберу, если вамъ не угодно-съ...

Когда Илья услышалъ, что его будутъ убирать отсюда, онъ взревѣлъ во всю мочь и, стрѣлой мелькнувъ мимо хозяина, какъ мышонокъ въ нору, скользнулъ въ окно подвала. Тамъ онъ свалился на лавку и, съ головой закутавшись въ дядинъ армякъ,

заплакать, весь вздрагивая отъ страха. Но пришелъ дядя и успокоилъ его.

— Ничего! не бойся!.. Онъ такъ это кричить!.. Отъ старости изъ ума выжилъ... Тутъ главная персона не онъ, а Петруха... Петруха всему дѣлу голова!.. Съ нимъ ты будь ласковѣе... Почтителенъ будь!.. А хозяинъ при немъ совсѣмъ даже лишній...

Первое время, прожитое въ этомъ домѣ, Илья всюду лазилъ и все осматривалъ въ немъ. Домъ понравился ему и поразилъ его своей удивительной ѣмкостью. Онъ былъ до того тѣсно набитъ людьми, что Илья казалось—людей въ этомъ домѣ больше, чѣмъ во всей деревнѣ Китежной. И шумно въ немъ, какъ на базарѣ. Въ обонхъ этажахъ помѣщался трактиръ, всегда полный народа, на чердакахъ жили какія-то пьяныя бабы, и одна изъ нихъ, по прозвищу Матица черная, огромная, басовитая, пугала мальчика своими сердитыми и темными глазами. Въ подвалѣ жилъ сапожникъ Перфишка съ больной, безногою женой и дочкой лѣтъ семи, тряпичникъ дѣдушка Еремѣй, нищая старуха, худая, крикливая, за что на дворѣ ее звали Полоротой, и извозчикъ Макаръ Степанычъ, человѣкъ уже пожилой, смирный и молчаливый. Въ углу двора помѣщалась кузница; въ ней съ утра до вечера горѣлъ огонь, наваривали шины, ковали лошадей, стучали молоты, и высокій жилистый кузнецъ Савель густымъ и угрюмымъ голосомъ пѣлъ безконечныя длинныя пѣсни. Иногда въ кузницѣ являлась Савелова жена, небольшая, полная женщина, русоволосая съ голубыми глазами. Она всегда накрывала голову бѣлымъ платкомъ, и было странно видѣть эту бѣлую голову въ черной дырѣ кузницы. Она почти всегда смѣялась серебристымъ смѣхомъ, а Савель вторилъ ей громко, точно молотомъ билъ. Но чаще онъ въ отвѣтъ на ея смѣхъ рычалъ. Говорили, что онъ очень любитъ жену, а она гуляетъ...

Въ каждой щели дома сидѣлъ человѣкъ, и съ утра до поздней ночи домъ сотрясался отъ крика и шума, точно въ немъ, какъ въ старомъ ржавомъ котлѣ, что-то кипѣло и варилось. Вечерами всѣ люди выползали изъ своихъ щелей на дворъ и на лавочку къ воротамъ дома; сапожникъ Перфишка игралъ на гармоникѣ, Савель мычалъ пѣсни, а Матица, если она была выпивши, пѣла что-то особенное, очень грустное, никому непонятными словами, пѣла и всегда о чемъ-то горько плакала.

Гдѣ-нибудь въ углу на дворѣ около дѣдушки Еремѣя собирались всѣ жившіе въ домѣ ребяташки и, усѣвшись въ кружокъ, просили его:

— Дѣ-ѣдушка! Расскажи сказочку!..

Дѣдушка смотрѣлъ на нихъ болящими красными глазами,

изъ которыхъ, не изсякая, текли по морщинамъ его лица мутныя слезы, и, крѣпко нахлобучивъ на голову старую, рыжую шапку, заводилъ параспѣвъ дрожащимъ тонкимъ голосомъ:

„А и въ нѣкоторемъ царствѣ, вотъ и въ нѣкоторемъ государствѣ уродился формазонъ-еретикъ отъ невѣдомыхъ родителей, за грѣхи сыномъ наказанныхъ Богомъ Господомъ Всевидящимъ...“

Длинная, сѣдая борода дѣдушки Еремѣя вздрагивала и тряслась, когда онъ открывалъ свой черный, беззубый ротъ, тряслась и голова, а по морщинамъ щекъ одна за другой все катились слезы.

„А и дерзокъ былъ сей сынъ-еретикъ: во Христа-Бога не вѣровалъ, не любилъ Матери Божіей, мимо церкви шель — не кланялся, отца, матери не слушался...“

Ребятишки слушали тонкій дрожащій голосъ старика и молча смотрѣли въ его лицо.

Всѣхъ внимательнѣе слушалъ и смотрѣлъ русый Яшка, сынъ буфетчика Петрухи. Это былъ мальчикъ тощій, остроносый, съ большой головой на тонкой шеѣ. Когда онъ бѣжалъ, его голова такъ болталась отъ плеча къ плечу, точно готова была оторваться. Глаза у него были тоже большіе и какіе-то безпокойные. Они всегда пугливо скользили по всѣмъ предметамъ, точно боясь остановиться на чемъ-либо, а остановившись, странно выкатывались, таращились и придавали лицу Якова какое-то овечье выраженіе. Онъ выдѣлялся изъ всей кучи ребятъ своимъ тонкимъ безкровнымъ лицомъ и чистой, крѣпкой одеждой. Илья сразу подружился съ нимъ, и въ первый же день знакомства Яковъ таинственнымъ голосомъ спросилъ новаго товарища:

— У васъ въ деревнѣ колдуновъ много?

— Есть, — отвѣтилъ Илья. — И колдуньи тоже есть... У насъ шаберъ колдунъ былъ.

— Рыжій? — шопотомъ освѣдомился Яковъ.

— Сѣдой... они всѣ сѣдые...

— Сѣдые такъ ничего. Сѣдые — добрые... А вотъ которые рыжіе — ухъ ты! Тѣ кровь пьютъ...

Они сидѣли въ лучшемъ, самомъ уютномъ углу двора, за кучей мусора, подъ бузиной и липой. Сюда можно было попасть черезъ узкую щель между сараемъ и домомъ; здѣсь всегда было тихо и, кромѣ неба надъ головой да стѣны дома съ тремя окнами, изъ которыхъ два были заколочены, изъ этого уголка не видно было ничего. Онъ сталъ любимымъ мѣстомъ товарищей. На вѣткахъ липы чирикали воробьи, а на землѣ, у корней ея, сидѣли мальчики и тихо бесѣдовали обо всемъ, что занимало ихъ.

Цѣлые дни предъ глазами Ильи вертѣлось съ крикомъ и шумомъ что-то большущее, пестрое и ослѣпляло, оглушало его. Сначала онъ растерялся и какъ-то поглупѣлъ въ кипучей сутолокѣ этой жизни. Стоя въ трактирѣ около стола, на которомъ дядя Терентій, потный и мокрый, мыль посуду, Илья смотрѣлъ, какъ люди приходятъ, пьютъ, ѣдятъ, кричатъ, цѣлуются, дерутся, поютъ пѣсни. Потные они, усталые, грязные, тучи табачнаго дыма плаваютъ вокругъ нихъ, и въ этомъ дыму они возятся, какъ полуумные...

— Эй-эй! — говорилъ ему дядя, потряхивая горбомъ и неустанно звеня стаканами.— Ты чего тутъ? Иди-ка на дворъ! А то хозяинъ увидитъ—заругаетъ!..

— Вотъ такъ а-яй! — мысленно произносилъ Илья свое любимое восклицаніе и, ошеломленный шумомъ трактирной жизни, уходилъ на дворъ. А на дворѣ Савель стучалъ молотомъ и ругался съ подмастерьемъ, изъ подвала на волю рвалась веселая пѣсня сапожника Перфишки, сверху сыпались ругань и крики пьяныхъ бабъ. Пашка Зубастый, Савеловъ сынъ, скакалъ верхомъ на палкѣ и кричалъ сердитымъ голосомъ:

— Тпру, дьяволъ!

Его круглая, задорная рожица вся испачкана грязью и сажей; на лбу у него шишка; рубаха рваная, и сквозь ея безчисленныя дыры просвѣчиваетъ крѣпкое тѣло. Это былъ первый озорникъ и драчунъ на дворѣ; онъ уже успѣлъ дважды и очень больно поколотить пеловкаго Илью, а когда Илья, заплакавъ, пожаловался дядѣ, тотъ только руками развелъ да сказалъ:

— Ну ужъ!.. что сдѣлаешь? Потерпи!.. пройдетъ!

— Я вотъ пойду, да такъ его вздую! — сквозь слезы пообѣщала Илья.

— Не моги! — строго молвилъ дядя. — Никакъ этого нельзя!..

— А онъ что?

— То онъ!.. Онъ, видишь ты... тутошній... свой... А ты — чужой..

Илья продолжалъ угрожать Пашкѣ, но дядя вдругъ рассердился и закричалъ на него, что съ нимъ бывало рѣдко. Тогда Илья смутно почувствовалъ, что ему нельзя равняться съ „тутошними“ ребятишками, и, затаивъ въ себѣ неприязнь къ Пашкѣ, еще больше сдружился съ Яковомъ.

Яковъ велъ себя степенно: онъ никогда ни съ кѣмъ не дрался, даже кричалъ рѣдко. И онъ почти не игралъ, но всегда любилъ говорить о томъ, въ какія игры играютъ дѣти во дворахъ у богатыхъ людей и въ городскомъ саду. Изъ всѣхъ дѣтей на дворѣ, кромѣ Ильи, Яковъ дружился только съ семилѣтней Машкой, дочерью сапожника Перфишки. Это была чумазая дѣвчоночка, тоненькая

и хрупкая; ея маленькая головка, осыпанная черными кудрями, съ утра до вечера торчала на дворѣ. Ея мать тоже всегда сидѣла у двери въ подвалѣ. Высокая, съ большой косою на спинѣ, она постоянно шила, низко согнувшись надъ работой, а когда поднимала голову, чтобы посмотрѣть на дочь, Илья видѣлъ ея лицо. Оно было толстое, синее, неподвижное, какъ у покойника. И черные, добрые глаза на этомъ лицѣ тоже были неподвижны. Она никогда ни съ кѣмъ не разговаривала и даже дочь свою подзывала къ себѣ знаками, лишь иногда, очень рѣдко, вскрикивая хрипящимъ, задушеннымъ голосомъ:

— Маша!

Сначала Илья что-то нравилось въ этой женщинѣ, но когда онъ узналъ, что она уже третій годъ не владѣетъ ногами и скоро помретъ, онъ сталъ бояться ея.

Однажды, когда Илья проходилъ вблизи нея, она протянула руку, схватила его за рубаху и привлекла испуганнаго мальчика къ себѣ.

— Попрошу я тебя... — сказала она, — не обижай Машу!.. не обижай!..

Ей трудно было говорить: она задыхалась отчего-то.

— Не обижай... милый!..

И, взглянувъ въ лицо Ильи жалобными глазами, она отпустила его отъ себя. Съ этой поры Илья вмѣстѣ съ Яковомъ сталъ внимательно ухаживать за дочерью сапожника, стараясь оберечь ее отъ разныхъ непріятностей жизни. Онъ не могъ не оцѣнить просьбы со стороны большого человѣка, потому что всѣ другіе большіе люди только приказывали. Потомъ, они всегда били маленькихъ. Извозчикъ Макарь лягался ногами и шлепалъ ребятишекъ по лицу мокрой тряпкой, если они подходили близко къ нему въ то время, когда онъ мылъ пролетку. Савель сердился на всѣхъ, кто заглядывалъ въ его кузницу не по дѣлу, а изъ любопытства, и бросалъ въ дѣтей угольными мѣшками. Перфишка швырялъ, чѣмъ попало, во всякаго, кто останавливался предъ его окномъ и закрывалъ ему свѣтъ... Иногда били и просто такъ, отъ скуки или изъ желанія пошутить съ дѣтьми. Только дѣдушка Еремѣй не дрался.

Вскорѣ Илья стало казаться, что въ деревнѣ гораздо лучше жить, чѣмъ въ городѣ. Въ деревнѣ можно гулять, гдѣ хочешь, а здѣсь дядя запретилъ уходить со двора; въ деревнѣ можно поѣсть огурцовъ, гороху и всякой всячины, а здѣсь огородовъ нѣтъ и все нужно купить за деньги. Тамъ и просторнѣе, и тише, тамъ всѣ люди дѣлаютъ одно и то же дѣло, — здѣсь всѣ бранятся, толкаются, каждый дѣлаетъ, что хочетъ, и всѣ — бѣдные, всѣ жи-

вуть чужимъ хлѣбомъ, впроголодь. Илья болтался по двору изо дня въ день, и ему становилось скучно жить около этого сѣраго, тяжелаго дома съ тусклыми окнами.

Однажды за обѣдомъ дядя Терентій сказалъ племяннику, тяжело вздыхая:

— Осень идетъ, Илюха... Н-да! Подвернетъ она намъ съ тобой гайки-то!.. тугонько подвернетъ!.. О Господи!..

Онъ задумался и долго молчалъ, уныло глядя въ чашку со щами. Задумался и мальчикъ. Обѣдали они на томъ же столѣ, на которомъ горбунъ мылъ посуду. Въ трактирѣ гудѣлъ страшный шумъ.

— Петруха, вонъ, говоритъ, чтобы тебя вмѣстѣ съ его Яшуткой въ училище отдать... Эхе-хе! Надо, я понимаю... Безъ грамоты здѣсь, какъ безъ глазъ!.. пропадешь! Да вѣдь одѣть, обувь надо тебя для училища!.. А отъ пяти рублей въ мѣсяцъ на одежду не разгонишься!.. О Господи! На Тебя надежда!..

Отъ вздоховъ дяди и отъ грустнаго его лица у Ильи защемило сердце, и онъ тихо предложилъ:

— Давай, уйдемъ отсюда!..

— Ку-уда-а?—протяжно и уныло спросилъ горбунъ.—Куда мы уйти можемъ?..

— А въ лѣсъ!?—сказалъ Илья и вдругъ воодушевился.

— Дѣдушка, ты говорилъ, сколько годовъ въ лѣсу жить одинъ! А насъ—двое! Лыки бы драли!.. Лисъ, бѣлокъ били бы... какъ Корней Кривой... Ты бы ружье завелъ... а я—силки... Птицу буду ловить разную... Ей-Богу! Ягоды тамъ, грибы... Уйдемъ?..

Дядя поглядѣлъ на него ласковыми глазами и съ улыбкой спросилъ:

— А волки? А медвѣди?

— Съ ружьемъ-то ежели?—горячо воскликнулъ Илья.—Да я, когда большой выросту, я звѣрей не побоюсь!.. Я ихъ руками душить стану!.. Я и теперь ужъ никого не боюсь! А здѣсь—тоже!—житье-то тугое! Я хоть и маленькій, да вижу вѣдь... Здѣсь, вонъ, больнѣ дерутся, чѣмъ въ деревнѣ, да... Я вѣдь чувствую: не деревянный я!.. Кузнецъ какъ треснетъ по башкѣ, такъ тамъ ажъ гудитъ весь день послѣ того!.. И люди-то здѣсь все... драные, даромъ, что форсятъ...

— Эхъ, ты, сирота Божія!—сказалъ Терентій и, бросивъ ложку, ушелъ куда-то. Поспѣшно таково ушелъ...

Вечеромъ этого дня Илья, уставши бродить по двору, гдѣ уже все было извѣстно ему, сидѣлъ на полу около стола дяди и сквозь дрѣму слушалъ разговоръ Терентія съ дѣдушкой Еремѣемъ, который пришелъ въ трактиръ попить чайку! Тряпичъ

никъ очень подружился съ горбуномъ и, возвращаясь съ работы, всегда усаживался пить чай рядомъ со столомъ Терентія.

— Ничего-о!—слышалъ Илья скрипучій голосъ Еремѣя.—Ты—знай себѣ на Бога уповай!.. Ты только одно мысли про себя—Богъ! Онъ! Ты вродѣ крѣпостного у Него... потому сказано въ писаніи—рабъ! Такъ и знай—рабъ ты Божій. И все твое — Богово!.. И доброе, и худое—все Ему! Онъ разберетъ, Онъ твою жизнь видитъ, Онъ Батюшка все-е видитъ!.. И придетъ такой свѣтлый день твой, скажетъ Онъ ангелу: слуга Мой небесный! иди, облегчи житье Терентію, мирному рабу Моему... И дойдетъ въ тѣ поры до тебя твое счастье... до-ой-де-етъ!

— Я, дѣдушка, уповаю на Господа, — что больше могу я? — тихо говорилъ Терентій.—Вѣрую—Онъ поможетъ!

— Онъ-то? Онъ никогда, я тебѣ скажу, человекъ не покинетъ зря на землѣ. Земля дана Богомъ для испытанія нашего... для исполненія нами заповѣди Его... Онъ взираетъ съ высотъ Своихъ и слѣдитъ: како любите другъ друга, людіе? Тако ли, како Азъ заповѣдалъ вамъ?.. И коли видитъ Онъ—трудно Терентію, то и пошлетъ благую вѣсть Еремѣю-старцу: эй, Ерема, помоги-ка рабу Моему!..

И вдругъ другимъ голосомъ, похожимъ на голосъ буфетчика Петрухи, когда онъ сердился,—дѣдъ сказалъ Терентію:

— На снаряженіе Илюшки въ училище я тебѣ дамъ!.. рублей съ пять... Поскребусь и наберу... Взаймы дамъ... Богать будешь—отдашь...

— Дѣдушка!—тихо воскликнулъ Терентій.

— Стой, молчи! А покамѣсть ты его, мальчишку-то, дай-ка мнѣ,—печего тутъ ему дѣлать!.. А мнѣ замѣсто процента онъ и послужить... Тряпку подниметь, кость подасть... Все мнѣ, старику, спины не гнуть...

— Ахъ ты!.. Господь тебѣ!..—вскричалъ горбунъ звенящимъ голосомъ.

— Господь — мнѣ, я — тебѣ, ты — ему, а онъ — опять Господу, такъ оно у насъ колесомъ и завертится... И никто никому не долженъ будетъ... Хе-хе-хе-хе! Ми-ила-и! Э-эхъ, братъ ты мой! Жилъ я, жилъ, глядѣлъ, глядѣлъ—ничего, окромѣ Бога, не вижу. Все Его, все Ему, все отъ Него, все для Него!..

Илья заснулъ подъ эти тихія рѣчи. А на другой день рано утромъ дѣдъ Еремѣй разбудилъ его и весело сказалъ:

— Айда гулять, Илюшка! Ну-ка, живенько! Протирай глядѣлки-то!

Хорошо зажилъ Илья. подъ ласковой рукой дѣдушки Еремѣя. Каждый день рано утромъ дѣдъ будилъ мальчика, и оба они вплоть до поздняго вечера ходили по городу, собирая тряпки, кости, рваную бумагу, обломки желѣза, куски кожи. Великъ былъ этотъ городъ и много любопытнаго было въ немъ, такъ что первое время Илья плохо помогаль дѣду, а все только разглядываль людей и дома, удивлялся всему и обо всемъ разпрашиваль старика... Еремѣй былъ словоохотливъ. Низко наклонивъ голову и глядя въ землю, онъ ходилъ со двора на дворъ и, постукивая палкой съ желѣзнымъ концомъ, утиралъ слезы съ лица рукавомъ своихъ лохмотьевъ или концомъ грязнаго мѣшка и, не умолкая, пѣвуче, однотонно рассказываль своему помощнику:

— А этотъ домъ Пчелина купца, Саввы Петровича. Богатый человекъ купецъ Пчелинъ!.. Въ серебрѣ живетъ да въ хрустали...

— Дѣдушка,—спрашиваль Илья,— а какъ это богатыми дѣлаются?

— А трудятся для этого, работаютъ, значить... И день работаютъ, и ночь и все деньги копятъ да копятъ. А какъ накопятъ много — выстроятъ себѣ домъ, заведутъ лошадей, посуду разную и всякое такое... эдакое разное. Новое все! И наймутъ, значить, приказчиковъ, дворниковъ и разныхъ, тамъ, людей, чтобы они ужъ работали, а сами отдыхаютъ — живутъ. Ну, тогда говорится: разжился человекъ честнымъ трудомъ... н-да!.. А то есть, которые отъ грѣха богатѣютъ. Про Пчелина-купца говорятъ люди, будто онъ душу погубилъ, когда молодой еще былъ. Можетъ это отъ зависти сказано, а можетъ и правда. Злой онъ, Пчелинъ-то, и глазъ у него такой пугливой... Все бѣгаетъ глазъ, все прячется... Но можетъ и врутъ про Пчелина... Бываетъ, что человекъ богатѣетъ сразу... просто такъ... Удача ему... Удача на него взглянула... Эхъ, — одинъ Богъ въ правдѣ живетъ, а мы всѣ ничего не знаемъ!.. Люди мы! А люди — сѣмена Божіи... сѣмена, душа, люди-то! Посѣяль насъ Господь на землѣ — растите! а Я погляжу, какой хлѣбъ насущный будетъ изъ васъ... Такъ-то!.. А вотъ это вотъ — Сабанѣевъ домъ, Митрія Павлыча... Онъ еще Пчелина богаче. И ужъ онъ настоящій злодѣй — я знаю... не сужу, — Богу судить, — а знаю вѣрно... Въ нашей деревнѣ бурмистромъ онъ былъ и всѣхъ насъ продалъ, всѣхъ ограбилъ!.. Долго ему Богъ терпѣль это, да и началъ съ нимъ считаться. Перво-на-перво — оглохъ Митрій Павловъ, потомъ сына у него лошади убили... А недавно вотъ дочь, слышь, сбѣжала изъ дома...

Старикъ зналъ все и всѣхъ въ городѣ и обо всемъ говорилъ

беззлобно, просто. Все, что онъ рассказывалъ, выходило у него какимъ-то чистымъ, точно каждую исторію онъ омывалъ неизсякаемыми слезами своими.

Мальчикъ внимательно слушалъ его, поглядывая на огромные дома, и порой говорилъ:

— Хоть бы глазомъ однимъ въ нутро-то взглянуть!..

— Увидишь! Погоди! Знай учишь да трудись: вырастешь — все увидишь! Можетъ, и самъ разбогатѣешь... Живи, знай... Охо-хо-о! Вотъ я жилъ-жилъ, глядѣль-глядѣль... глаза-то себѣ и испортилъ... Вотъ онѣ, слезы-то, текутъ да текутъ у меня... и оттого сталъ я тощій да хилый... Истекъ, значить, слезой-то... и кровь моя высохла...

Пріятно было Ильѣ слушать увѣренныя и любовныя рѣчи старика о Богѣ, и подъ ихъ ласковые звуки въ сердцѣ мальчика рождалось бодро и крѣпкое чувство надежды на что-то хорошее, радостное, что ожидало его впереди. Онъ повеселѣлъ и сталъ больше ребенкомъ, чѣмъ былъ первое время жизни въ городѣ.

Онъ съ увлеченіемъ началъ помогать старику рыться въ мусорѣ. Было очень интересно раскапывать палкой кучи разнаго хлама, а особенно пріятно было Ильѣ видѣть радость старика, когда въ мусорѣ находилось что-нибудь особенное. Однажды Илья отрылъ въ помойной ямѣ большую серебряную ложку, и дѣдъ купилъ ему за это полфунта мятныхъ пряниковъ. Потомъ онъ откопалъ маленькій, покрытый зеленой плѣсенью, кошелекъ, а въ немъ оказалось больше рубля денегъ. Порой попадались ножи, вилки, гайки, изломанныя мѣдныя вещи, хорошія жестянки изъ-подъ ваксы и маринованной рыбы, а какъ-то разъ въ оврагѣ, гдѣ сваливался мусоръ со всего города, Илья отрылъ совершенно цѣлый, тяжелый мѣдный подсвѣчникъ. За каждую изъ такихъ цѣнныхъ находокъ дѣдъ покупалъ Ильѣ гостинцевъ.

Находя какую-нибудь диковину, Илья радостно кричалъ:

— Дѣдушка, гляди-ка, гляди!.. Вотъ такъ а-яй!

А дѣдъ, суетливо и безпокойно оглядываясь, увѣщевалъ его:

— Да ты не кричи! Не кричи ты!.. ахъ, Господи!..

Онъ всегда пугался, когда находили необыкновенныя вещи, и, быстро выхватывая ихъ изъ рукъ мальчика, пряталъ въ свой огромный мѣшокъ.

— Вотъ такъ поймалъ я рыбинку!— хвалился Илья, оживленный удачей.

— Молчи, знай, помалкивай!.. Младенецъ ты милый,—ласково говорилъ старикъ, а слезы все текли и текли изъ его болящихъ красныхъ глазъ.

— Гляди, дѣдушка, костица-то какая—во!— снова кричалъ Илья.

Кости и тряпки не беспокоили дѣда; онъ бралъ ихъ изъ рукъ мальчика, очищалъ щепочкой грязь съ нихъ и совалъ въ мѣшокъ спокойно. Дѣдъ сплелъ Ильѣ небольшой мѣшокъ, далъ палку съ желѣзнымъ концомъ, и мальчикъ гордился этими вещами. Въ свой мѣшокъ онъ собиралъ разныя коробочки, поломанныя игрушки, красивые черепки, и ему правилось чувствовать всѣ эти вещи у себя за спиной и слышать, какъ онѣ постукиваютъ тамъ. Собирать все это научилъ его дѣдъ Еремѣй.

— А ты собирай эти штучки и тащи ихъ домой. Принесешь, ребятишекъ обдѣлишь, радость имъ дашь. А хорошо это—радость людямъ дать. любить это Господь... Эхъ, сынъ ты мой милый!.. Всѣ-то люди радости хотятъ, а радости на свѣтѣ ма-ало-мало! Такъ-то ли мало, что иной человѣкъ живетъ, живетъ и никогда ея не встрѣтитъ, никогда!.. •

Городскія свалки нравились Ильѣ больше, чѣмъ хожденіе по дворамъ. На свалкахъ не было никого, кромѣ двухъ, трехъ стариковъ такихъ же, какъ Еремѣй, и также рывшихся въ мусоръ, и здѣсь не нужно было тревожно оглядываться по сторонамъ, ожидая дворника съ метлой въ рукахъ, который придетъ и начнетъ браниться нехорошими словами, прогнать да еще иной разъ и ударить.

Каждый день Еремѣй, порывшись въ свалкахъ часа два, говорилъ мальчику:

— Будетъ, Илюша, будетъ, милый!.. посидимъ-ка, отдохнемъ давай, поѣдимъ малость!..

Онъ вынималъ изъ-за пазухи ломоть хлѣба, крестясь разламывалъ его, и они ѣли, а поѣвши—отдыхали съ полчаса, лежа на краю оврага. Оврагъ выходилъ устьемъ на рѣку, и ее видно было имъ. Широкая, серебристо-синяя, она тихо катила мимо оврага свои волны, и, глядя на нее, Ильѣ хотѣлось куда-то плыть по ней. За рѣкою развертывались пустынные зеленые луга, стоги сѣна стояли на нихъ сѣрыми башнями и далеко на краю земли въ синее небо упиралась темная зубчатая стѣна лѣса. Было въ лугахъ тихо, ласково и чувствовалось, что воздухъ тамъ чистый, прозрачный и сладко-пахучій... А здѣсь было душно отъ запаха прѣвшаго мусора; запахъ этотъ давилъ грудь, щипалъ въ носу, и отъ этого у Ильи, какъ у дѣда, тоже слезы изъ глазъ потекли...

— Видишь, Иля, какія пространства на землѣ?—говорилъ дѣдъ.—И на всѣхъ ея пространствахъ все люди живутъ—бьются... А на нихъ Господь съ небеси смотритъ и все видитъ, и все знаетъ. Подумаетъ что человѣкъ—и все Ему извѣстно. Зато и дало имя святое Ему—Всевѣдущій Господь Богъ Саваоѣъ Ісусъ

Христось. Онъ все знаетъ, все считаетъ, про все помнить. Отъ людей ты пятна грѣховныя на душѣ своей скроешь, отъ Него—нельзя: Онъ видитъ! Онъ говоритъ Себѣ про тебя: ахъ ты грѣшникъ, грѣшникъ ты, несчастный! погоди, Я те возмещу! И придетъ часъ—Онъ возмѣститъ тебѣ, бо-ольно возмѣститъ!.. Приказалъ Онъ людямъ—возлюбите другъ друга, и сдѣлалъ такъ, что которые людей не любятъ—и ихъ никто не любитъ. И живутъ они одни: тяжело имъ на свѣтѣ и нѣтъ для нихъ радости..

Лежа на спинѣ, мальчикъ смотрѣлъ въ небо и не видѣлъ конца высотъ его. Грусть и дрѣма овладѣвали имъ, какіе-то неясные, огромные образы зарождались въ его воображеніи. Казалось ему, что въ небѣ плаваетъ кто-то неуловимо глазу огромный, прозрачно-свѣтлый, ласково-грѣющій, добрый и строгій, и что онъ, мальчикъ, вмѣстѣ съ дѣдомъ и всею землей поднимается къ нему туда, въ бездонную высь, въ ея голубое сіянье, въ чистоту и свѣтъ ея... И сердце его сладко замирало въ чувствѣ тихой, покойной радости.

Вечеромъ, возвращаясь домой, Илья входилъ на дворъ съ важнымъ и недоступнымъ видомъ челоуѣка, который хорошо поработалъ, желаетъ отдохнуть и совсѣмъ не имѣетъ времени заниматься пустяками, какъ всѣ другіе мальчишки и дѣвчонки. Всѣмъ дѣтямъ на дворѣ онъ внушалъ почтеніе къ себѣ своей солидной осанкой и мѣшкомъ за плечами, въ которомъ всегда ужъ лежали разныя интересныя штуки..

Дѣдъ, улыбаясь ребятишкамъ, говорилъ имъ какую-нибудь шутку.

— Вотъ и пришли Лазари, весь городъ облазили, вездѣ напроказили!.. Илька! Иди, помой рожу да приходи въ трактиръ чай пить!..

Илья вразвалку шелъ къ себѣ въ подвалъ, а ребятишки гурьбой слѣдовали за нимъ, осторожно ощупывая содержимое его мѣшка. Только Пашка дерзко, загоразивая дорогу Ильѣ, говорилъ:

— Эй, ветошникъ! Ну-ка кажи, что принесъ...

— погодишь!—говорилъ Илья сурово.—Напьюсь чаю, покажу...

Въ трактирѣ его встрѣчалъ дядя, ласково улыбаясь.

— Пришелъ работничекъ? Ахъ ты, сердяга!.. усталъ?

Ильѣ было пріятно слышать, что его называютъ работникомъ, а слышалъ это онъ не отъ дяди только. Однажды Пашка что-то созорничалъ; Савель поймалъ его, ущемилъ въ колѣни Пашкину голову и, нахлестывая его веревкой, приговаривалъ:

— Не озоруй, шельма, не озоруй! На вотъ тебѣ, на! на! Другіе ребята въ твои годы сами себѣ хлѣбъ добываютъ, а ты только жрешь да одежу дерешь!..

Пашка визжалъ на весь дворъ и дрягалъ ногами, а веревка все шлепалась объ его спину. Илья со страннымъ удовольствіемъ слушалъ болѣзненные и злые крики своего врага, но слова кузнеца наполнили его сознаниемъ своего превосходства надъ Пашкой, и тогда ему стало жаль мальчика.

— Дядя Савель, брось!—вдругъ закричалъ онъ.—Дядя Савель!

Кузнецъ ударилъ сына еще разъ и, взглянувъ на Илью, сказалъ сердито:

— А ты—цыцъ! Заступникъ!.. Вотъ я те дамъ!..—Потомъ онъ отшвырнулъ сына въ сторону и ушелъ въ кузницу. Пашка всталъ на ноги и, спотыкаясь, какъ слѣпой, пошелъ въ темный уголъ двора. Илья отправился за нимъ, полный жалости къ нему. Придя въ уголъ, Пашка всталъ на колѣни, уперся лбомъ въ заборъ и, глядя руками поясицу, началъ выть еще громче. Ильѣ захотѣлось сказать что-нибудь ласковое избитому врагу, но онъ только спросилъ Пашку:

— Больно?

— У-уйди!—крикнулъ тотъ.

Этотъ злой крикъ обидѣлъ Илью, и онъ поучительно заговорилъ:

— Вотъ ты самъ всѣхъ колотишь, вотъ и...

Но раньше, чѣмъ договорилъ онъ, Пашка бросился на него и сшибъ его съ ногъ. Илья тоже освирѣпѣлъ, вцѣпилъ въ него, и оба они кромомъ покатались по землѣ. Пашка кусался и царапался, а Илья, схвативъ его за волосы, колотилъ о землю его голову до поры, пока Пашка не закричалъ:

— Пусти-и!

— То-то!—сказалъ Илья, вставая на ноги, гордый своей побѣдой.—Видалъ? Я сильнѣе-то! Значить, ты меня не задирай теперь, а то я и еще побью тебя!..

Онъ отошелъ прочь, отирая рукавомъ рубахи въ кровь царапанное лицо. Среди двора стоялъ кузнецъ, мрачно нахмуривъ брови. Илья, увидѣвъ его, вздрогнулъ отъ страха и остановился, увѣренный, что сейчасъ кузнецъ избьетъ его за сына. Но тотъ повелъ плечами и сказалъ:

— Ну чего уставилъ буркалы на меня? Не видалъ раньше? Иди, куда идешь!..

А вечеромъ, поймавъ Илью за воротами, Савель легонько щелкнулъ его пальцемъ въ темя и, сумрачно улыбувшись спросилъ:

— Какъ дѣлишки, мусорщикъ? а?

Илья радостно хихикнулъ, — онъ былъ счастливъ. Сердитый кузнецъ, самый сильный мужикъ на дворѣ, котораго всѣ боялись

и уважали, шутить съ нимъ. Кузнецъ схватилъ его желѣзными пальцами за плечо и добавилъ ему еще радости:

— Ого-о!—сказалъ онъ.—Да ты—крѣпкій мальчишка!.. Не скоро износишься, нѣтъ, парень!.. Ну, расти!.. Выростешь—я тебя въ кузню возьму!..

Илья схватилъ у колѣна огромную ногу кузнеца и крѣпко прижался къ ней грудью. Должно быть Савель ощутилъ трепеть маленькаго сердца, задыхавшагося отъ его грубой ласки: онъ положилъ на голову Илья свою тяжелую руку, помолчалъ немножко и густо молвилъ:

— Э-э-хъ, сирота!.. ну-ка, пусти-ка!..

Сіяющій и веселый принялся Илья въ этотъ вечеръ за обычное свое занятіе—раздачу собранныхъ за день диковинокъ. Дѣти уже давно ждали его. Они усѣлись вокругъ Илья на землю и жадными глазами глядѣли на грязный мѣшокъ. Илья доставалъ изъ мѣшка лоскутки ситца, деревяннаго солдатика, полинявшаго отъ невзгодъ, коробку изъ-подъ ваксы, помадную банку, чайную чашку безъ ручки и съ выбитымъ краемъ.

— Это мнѣ, мнѣ, мнѣ!—раздавались завистливые крики, и маленькія, грязныя ручонки тянулись со всѣхъ сторонъ къ рѣдкостнымъ вещамъ.

— погоди! Не хватай! — командовалъ Илья.—Развѣ игра будетъ, коли вы все сразу растащите? Ну, открываю лавочку! Продаю кусокъ ситцу... Самый лучший ситецъ! Цѣна—полтина!.. Машка, покупай!

— Купила!—отвѣчалъ Яковъ за сапожникову дочь и, доставая изъ кармана заранѣе приготовленный черепокъ, совалъ его въ руку торговцу. Но Илья не бралъ.

— Ну, какая это игра? А ты торгуйся, чо-ортъ! Никогда ты не торгуешься!.. Развѣ такъ бываетъ?

— Я забылъ!—оправдывался Яковъ. И начинался упорный торгъ; продавецъ и покупатели увлекались имъ, а въ это время Пашка ловко похищалъ изъ кучи то, что ему нравилось, убѣгалъ прочь и, приплясывая, дразнилъ ихъ:

— А я укралъ! А я укралъ! Розини вы! Дураки, черти!

Сначала онъ такими поступками приводилъ всѣхъ въ изступленіе: маленькіе кричали и плакали, а Яковъ и Илья бѣгали по двору за воромъ, но почти никогда не могли схватить его. Потомъ къ его выходкамъ привыкли, уже не ждали отъ него ничего хорошаго, единодушно не возлюбили его и не играли съ нимъ. Пашка жилъ въ сторонѣ и усердно старался дѣлать всѣмъ что-нибудь непріятное. А большеголовый Яковъ возился, какъ нянька, съ курчавой дочерью сапожника. Она принимала его

заботы о ней какъ должное и хотя звала его Яшечка, но частенько царапала и била. Дружба съ Ильей крѣпла у него, и онъ постоянно рассказывалъ товарищу какіе-то странные сны.

— Будто у меня множество денегъ и все рубли, огромный мѣшокъ. И вотъ я тащу его по лѣсу. Вдругъ—разбойники идутъ. Съ ножами, страшные! Я—бѣжать! И вдругъ будто въ мѣшкѣ-то затрепыхалось что-то... Какъ я его брошу! А изъ него птицы разныя ф-р-р!.. Чижі, синицы, щеглята—видимо-невидимо! Подхватили онѣ меня и понесли, понесли высоко-высоко!

Онъ прерывалъ рассказъ, глаза его выкатывались, лицо принимало овечье выраженіе...

— Ну?—поощрялъ его Илья, нетерпѣливо ожидая конца.

— Такъ я совсѣмъ и улетѣлъ!..—задумчиво доканчивалъ Яковъ.

— Куда?

— А... такъ ужъ... совсѣмъ!

— Эхъ ты!—разочарованно и пренебрежительно говорилъ Илья.—Ничего не помнишь!..

Изъ трактира выходилъ дѣдъ Еремѣй и, приставивъ ладонь ко лбу, кричалъ:

— Илюшка! Ты гдѣ? Иди-ка спать, пора!..

Илья послушно шелъ за старикомъ и укладывался на свое ложе—большой кулъ, набитый сѣномъ. Сладко спалось ему на этомъ кулѣ, хорошо жилъ онъ съ тряпичникомъ, но скоро промелькнула эта пріятная и легкая жизнь.

Дѣдушка Еремѣй сдержалъ свое обѣщаніе: онъ купилъ Ильѣ сапоги, большое, тяжелое пальто, шапку, и вотъ мальчика отдали въ школу. Онъ пошелъ туда съ любопытствомъ и страхомъ, а воротился обиженный, унылый, со слезами на глазахъ: мальчики узнали въ немъ снутника дѣдушки Еремѣя и хоромъ начали дразнить:

— Тряпичникъ! Вонючій! Вонючій! Тряпичникъ!

Иные щипали его, другіе показывали языки, а одинъ подошелъ къ нему, потянулъ воздухъ носомъ и съ гримасой отскочилъ, громко крикнувъ:

— Вотъ такъ вонючъ пахнетъ!

— Что они дразнятся?—съ недоумѣніемъ и обидой спрашивалъ онъ дядю.—Али это зазорно, тряпки-то собирать?

— Ничего-о!—глядя мальчика по головѣ, говорилъ Терентій, скрывая свое лицо отъ вопрошающихъ и пытливыхъ глазъ племянника.—Это они такъ.... просто озоруютъ... Ничего! Ты потерпи!.. Они привыкнутъ... И ты привыкнешь...

— И надъ сапогами смѣются, и надъ пальтомъ!.. Чужое, говорятъ, изъ помойной ямы вытасчено!..

Дѣдъ Еремѣй, весело подмигивая глазомъ, тоже утѣшалъ его:

— Терпи, знай! Онъ зачтетъ!.. Онъ-то? Милый! Кромѣ Его—никого!

Старикъ говорилъ о Богѣ съ такой радостью, съ такой вѣрой въ Его справедливость, точно зналъ всѣ мысли Бога и проникъ во всѣ Его намѣренія. И слова Еремѣя какъ будто погасили обиду въ сердцѣ мальчика, но на другой же день она вспыхнула еще сильнѣе. Илья уже привыкъ считать себя величиной, работникомъ: съ нимъ даже кузнецъ Савель говорилъ благосклонно, а школьники смѣялись надъ нимъ и дразнили его. Онъ не могъ помириться съ этимъ: обидныя и горькія впечатлѣнія школы съ каждымъ днемъ все увеличивались, все глубже врѣзывались въ память его сердца. Посѣщеніе школы стало для него тяжелой и непріятной обязанностью. Держался онъ въ ней одиноко, нелюдимо. Онъ сразу обратилъ на себя вниманіе учителя своею понятливостью; учитель сталъ ставить его въ примѣръ другимъ, а это еще болѣе обостряло отношеніе мальчиковъ къ нему. Сидя на первой партѣ, онъ всегда чувствовалъ у себя за спиной враговъ, а они постоянно, имѣя его предъ своими глазами, тонко и ловко подмѣчали въ немъ все, надъ чѣмъ можно было посмѣяться, и смѣялись. Яковъ учился въ этой же школѣ и тоже былъ на худомъ счету у товарищей; они прозвали его „бараномъ“. Разсѣянный и неспособный, онъ постоянно подвергался наказаніямъ, но относился къ нимъ равнодушно. Казалось, онъ вообще плохо замѣчалъ то, что творилось вокругъ него, живя какой-то особенной жизнью и въ школѣ, и дома. У него были свои думы, и онъ почти каждый день вызывалъ у Ильи удивленіе непонятными вопросами. То онъ сосредоточенно, прищуривая глаза, спрашивалъ:

— Илька! Это отчего бываетъ,--глаза у людей маленькіе, а видятъ все!.. Цѣлый городъ видятъ. Вотъ—всю улицу... Какъ она въ глаза убирается большая такая?

Или, глядя въ небо, вдругъ замѣчалъ:

— Солнце-то!..

— Что?—спрашивалъ Илья.

— Ишь жарить!..

— Ну?..

— Ничего!.. Знаешь, что я думаю? Можетъ оно мужъ, а мѣсяць—жена ему!.. Оттого и звѣзды!..

Сначала Илья задумывался надъ этими странными рѣчами, но потомъ онѣ стали мѣшать ему, отводя мысли куда-то въ сто-

рону отъ тѣхъ событій, которыя задѣвали его. А такихъ событій было много, и мальчикъ уже научился тонко подмѣчать ихъ.

Однажды онъ пришелъ изъ школы домой и, не хорошо оскаливъ зубы, сказалъ дѣду Еремѣю:

— Учитель-то?! Гы-ы!.. Тоже понятливый!.. Вчера лавошника Малафѣева сынъ стекло разбилъ въ окошкѣ, такъ онъ его только пожурилъ легонько, а стекло-то сегодня на свои деньги вставилъ...

— Видишь, какой добрый человекъ!—съ умиленіемъ сказалъ Еремѣй.

— Добрый, да-а! А какъ Ванька Ключаревъ разбилъ стекло, такъ онъ его безъ обѣда оставилъ, да потомъ Ванькина отца позвалъ и говоритъ: подай на стекло сорокъ копеекъ!.. А отецъ Ваньку выпоролъ!.. Ишь какіе!

— А ты этого не замѣчай себѣ, Илюша!—посоветовалъ ему дѣдъ, безпокойно мигая глазами.—Ты такъ гляди, будто не твое дѣло. Неправду разбирать—Богу принадлежитъ, а не намъ! Мы не можемъ. Мы неправду всегда видимъ, а правды найти не умѣемъ. А Онъ ужъ все свѣситъ!.. Онъ всему мѣру и вѣсь знаетъ!.. Я вотъ, видишь, жилъ-жилъ, глядѣлъ-глядѣлъ,—столько неправды видѣлъ—сосчитать невозможно! А правды не видалъ!.. Восьмой десятокъ мнѣ пошелъ однако... И не можетъ того быть, чтобы за такое большое время не было правды около меня на землѣ-то... А я не видалъ... не знаю ее...

— Ну-у!—недовѣрчиво сказалъ Илья.—Тутъ чего знать-то? Коли съ одного сорокъ, такъ и съ другого сорокъ: вотъ и правда!..

Старикъ не согласился съ этимъ. Онъ еще много говорилъ о себѣ, о слѣпотѣ людей и о томъ, что не могутъ они правильно судить другъ друга, а только Божій судъ справедливъ. Илья слушалъ его внимательно, но все угрюмѣе становилось его лицо и глаза все темнѣли.

— Когда Богъ судить-то будетъ?—вдругъ спросилъ онъ дѣда.

— Не вѣдомо это!.. Ударить часъ, снизойдетъ Онъ со облакъ судити живыхъ и мертвыхъ... а когда? —Не вѣдомо... Ты вотъ что пойдемъ-ка со мною ко всенощной въ субботу...

— Пойдемъ!..

— Ну, вотъ!..

И въ субботу Илья стоялъ со старикомъ на церковной паперти, рядомъ съ нищими, между двухъ дверей. Когда отворилась наружная дверь, Илью обдавало морознымъ воздухомъ съ улицы, у него зябли ноги, и онъ тихонько топалъ ими по каменному полу. А сквозь стекла двери въ церковь онъ видѣлъ, какъ огни свѣчей, сливаясь въ красивые узоры изъ трепетно

живыхъ точекъ золота, освѣщали сверкающій металлъ ризъ, черныя головы людей, лики иконъ, красивую рѣзбу иконостаса.

Люди въ церкви казались болѣе добрыми и смиренными, чѣмъ они были на улицѣ. Они были и красивѣе въ золотомъ блескѣ, освѣщавшемъ ихъ темныя, молчаливо и смиренно стоящія фигуры. Когда дверь изъ церкви растворялась, на паперть вылетала душистая отъ ладана, теплая, звучная волна пѣнія; она ласково обливала мальчика, и онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ ее въ себя. Ему было хорошо стоять тутъ, около дѣдушки Еремѣя, шептавшего молитвы. Онъ слушалъ, какъ по храму носились красивые звуки и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда отворится дверь и они хлынутъ на него, громкіе, радостные, и пахнутъ въ лицо его душистымъ тепломъ. Онъ зналъ, что на клиросѣ поетъ Гришка Бубновъ, одинъ изъ самыхъ злющихъ насмѣшниковъ въ школѣ, и Федька Долгановъ, силачъ и драчунъ, не разъ колотившій его. Но теперь онъ не чувствовалъ ни обиды на нихъ, ни злобы къ нимъ, а только немножко завидовалъ. Ему самому хотѣлось бы пѣть на клиросѣ и смотрѣть оттуда на лица людей. Должно быть это очень хорошо—пѣть, стоя у золотыхъ царскихъ вратъ выше всѣхъ людей, и видѣть ихъ спокойныя, мирныя лица. Онъ ушелъ изъ церкви, чувствуя себя добрымъ и готовый помириться и съ Бубновымъ, и съ Долгановымъ, и со всѣми учениками. Но въ понедѣльникъ онъ пришелъ изъ школы такой же, какимъ и прежде приходилъ,—угрюмый и обиженный.

Во всякой толпѣ есть человѣкъ, которому тяжело въ ней, и не всегда для этого нужно быть лучше или хуже ея. Можно возбудить въ ней злое вниманіе къ себѣ и не обладая выдающимся умомъ или смѣшнымъ носомъ: она выбираетъ себѣ человѣка для забавы, руководствуясь только желаніемъ забавляться. Въ данномъ случаѣ выборъ палъ на Илью Лулева. Онъ навѣрное со временемъ примирился бы съ нею, а она съ нимъ, но какъ разъ въ этотъ моментъ въ жизни Ильи произошли событія, которыя подавили его тяжелыми впечатлѣніями, сдѣлали школу окончательно не интересной для него, въ то же время приподняли его надъ ея мелочами и затушевали его воспоминанія о ней.

Началось съ того, что однажды, подходя къ дому вмѣстѣ съ Яковомъ, Илья увидалъ какую-то суету у воротъ.

— Гляди!—сказалъ онъ товарищу,—опять, видно, дерутся!... Бѣжимъ!

Они стремглавъ бросились впередъ и, прибѣжавъ, увидели, что по двору испуганно мечутся какіе-то чужіе люди и кричатъ:

— Полицію зовите! Связать его надо!

Около кузницы люди собрались въ большую, плотную кучу и

стояли молча, неподвижно. Ребятишки пролѣзли въ центръ толпы и попятились назадъ. У ногъ ихъ, на снѣгу, лежала внизъ лицомъ женщина; затылокъ у нея былъ въ крови и какомъ-то тѣстѣ, а снѣгъ вокругъ головы былъ густо красенъ отъ крови. Около нея валялся смятый бѣлый платокъ и большія кузнечныя клещи. Въ дверяхъ кузни, скорчившись, сидѣлъ Савель и смотрѣлъ на руки женщины. Онѣ были вытянуты впередъ, кисти ихъ глубоко вцѣпились въ снѣгъ и голова лежала между ними такъ, точно женщина эта хотѣла уползти, спрятаться. Брови у кузнеца были сурово нахмурены, лицо осунулось; было видно, что онъ крѣпко сжалъ зубы: скулы торчали двумя большими шишками. Правой рукой онъ упирался въ косякъ двери; черные пальцы его шевелились, какъ когти у кошки, и кромѣ этихъ пальцевъ все въ кузнецѣ было неподвижно. Но Ильѣ казалось, что вотъ сейчасъ онъ откроетъ плотно сжатые губы и крикнетъ во всю силу своей широкой груди.

Люди молча смотрѣли на него; лица у всѣхъ были важныя, строгія, и хотя на дворѣ было шумно и суетно, здѣсь, около кузницы, ни шума, ни движенія... Вотъ изъ толпы тяжело вылѣзъ дѣдушка Еремѣй, растрепанный, потный; онъ дрожащей рукой протянулъ кузнецу ковшъ воды и сказалъ:

— На-ко... испей-ко...

— Не воды ему, разбойнику, а петлю на шею,—сказалъ кто-то вполголоса. Савель взялъ ковшъ лѣвой рукою и пилъ долго, долго. А когда выпилъ всю воду, то посмотрѣлъ въ пустой ковшъ и заговорилъ глухимъ своимъ голосомъ:

— Я ее упреждалъ... Перестань, стерво! Говорилъ — гляди, убью! Прощаль ей... сколько разовъ прощаль... Не вникла... Ну и вотъ!.. Пашка-то... Сирота теперь... Дѣдушка... Погляди за нимъ... Тебя вотъ Богъ любить... Погляди...

— И-и-эхъ-ты-ы!—печально сказалъ дѣдъ и потрогалъ кузнеца за плечо дрожащей рукой своей, а кто-то изъ толпы опять замѣтилъ:

— Ишь, злодѣй!.. Про Бога говорить тоже!!

Тогда кузнецъ вскинулъ на людей страшными глазами и вдругъ звѣрѣмъ заревѣлъ:

— Чего надо? Прочь всѣ!

Крикъ его какъ плетью ударилъ толпу. Она глухо заворчала и отхлынула прочь. Кузнецъ поднялся на ноги, шагнулъ къ мертвой женщинѣ, но тотчасъ же повернулся назадъ и—огромный, прямой—ушелъ въ кузню. Всѣ видѣли, что, войдя туда, онъ сѣлъ на наковальню, схватилъ руками голову, точно она вдругъ нестерпимо заболѣла у него, и началъ качаться впередъ и назадъ.

Ильѣ стало жалко кузнеца; онъ ушелъ прочь отъ кузницы и какъ во снѣ сталъ ходить по двору отъ одной кучки людей къ другой, слушая разговоры, но ничего не понимая. Предъ его глазами стояло красное пятно, и сердцу въ его груди было тѣсно.

Явилась полиція и начала гонять людей по двору, а потомъ кузнеца забрали и повели.

— Прощайте... прощай, дѣдушка!—крикнулъ Савель, выходя изъ воротъ.

— Прощай, Савель Иванычъ, прощай, милый! — торопливо и тонко крикнулъ Еремѣй, порываясь за нимъ.

И, кромѣ старика, никто не простился съ кузнецомъ...

Стоя на дворѣ маленькими кучками, люди разговаривали, сумрачно поглядывая туда, гдѣ лежало тѣло убитой, покрытое рогожей. Въ дверяхъ кузни, на мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ Савелій, теперь помѣстился будочникъ съ трубкой въ зубахъ. Онъ курить, сплевывалъ слюну и, мутными глазами глядя на дѣда Еремѣя, слушалъ его рѣчь.

— Развѣ онъ убилъ?—тайственно и тихо говорилъ старикъ.— Черная сила это, она это! Человѣкъ человѣка не можетъ убить... Человѣкъ—добро, онъ Богоносецъ... Не онъ убиваетъ, неправда то, люди добрые!

Еремѣй прикладывалъ руки къ своей груди, отмахивалъ ими что-то отъ себя, кашлялъ и продолжалъ объяснять людямъ тайну событій.

— Давно ему черный нашептывалъ въ мысли-то: убей, дескать!

— Давно, говоришь?—важно освѣдомился полицейскій.

— Давно-о! Твоя, дескать, она. А это неправда... Лошадь — моя... Собака—моя... а жена—Богова!.. Она—человѣкъ!.. Она всѣ труды-тягости отъ Господа приняла въ рай и несетъ ихъ купно съ нами, мужиками... А черный-то все и гвоздитъ: убей, твоя!.. Ему надо, чтобы человѣкъ противъ Бога шелъ... Онъ самъ противъ Бога идетъ и въ человѣкъ помощника ищетъ...

— Однако клещами-то ее не чортъ двинулъ, а кузнецъ,—сказалъ полицейскій и сплюнулъ.

— А кто ему внушилъ? — вскричалъ дѣдъ. — Ты разгляди, кто внушилъ?

— Погоди!—сказалъ полицейскій. — Онъ кто тебѣ, кузнецъ этотъ? Сынъ?

— Нѣтъ, гдѣ тамъ!..

— Погоди! Родня онъ тебѣ?

— Нѣ-ѣтъ. Нѣтъ у меня родни...

— Постой! Такъ чего же ты беспокоишься?

— Я-то? А, Господи...

— Я тебѣ вотъ что скажу, — строго молвилъ полицейскій: — все это ты отъ старости лопочешь... И—пошелъ прочь!

Будочникъ выпустилъ изъ угла губъ густую струю дыма и отвернулся отъ старика. Но Еремѣи взмахнулъ руками и вновь заговорилъ быстро, визгливо.

Илья, блѣдный, съ расширенными глазами, отошелъ отъ кухни и остановился у группы людей, въ которой стояли извозчикъ Макаръ, Перфишка, Матица и другія женщины съ чердака.

— Она, милые, еще до свадьбы погуливала!—говорила одна изъ женщинъ.—Я это знаю! Еще, можетъ, Пашка-то не кузнеца сынъ, а учителя изъ гимназiи, что у лавошника Малафѣева жить... пиль-то все...

— Это что застрѣлился который?—спросилъ Перфишка:

— Вотъ, вотъ!.. Она съ нимъ и начала...

— Однако за все за это не того... — степенно говорилъ Макаръ.—Этакъ-то больно ужъ просто... Онъ свою бабу пристукнетъ, я свою.

— Подбирать не успѣютъ!—сказалъ веселый сапожникъ Перфишка.—У меня вонъ тоже жена ни къ чему не служить, однако я терплю!..

— Терпишь ты, чортъ!—угрюмо сказала Матица.

А безногая жена Перфишки тоже вылѣзла на дворъ и, вся закутавшись въ какіе-то лохмотья, сидѣла на своемъ мѣстѣ у входа въ подвалъ. Руки ея неподвижно лежали на колѣняхъ; она подняла голову и смотрѣла черными глазами на небо. Губы ея были плотно сжаты, концы ихъ спустились книзу. Илья тоже сталъ смотрѣть то въ глаза женщины, то въ глубину неба, и ему подумалось, что, можетъ быть, Перфишкина жена видитъ Бога и, молча, просить Его о чемъ-то.

Вскорѣ всѣ ребяташки тоже собрались въ тѣсную кучку у входа въ подвалъ. Зябко кутаясь въ свои одежды, они сидѣли на ступеняхъ лѣстницы и, подавленные жуткимъ любопытствомъ, слушали рассказъ Савелова сына. Лицо у Пашки осунулось, а его лукавые глаза глядѣли на всѣхъ безпокойно и растерянно. Но онъ чувствовалъ себя героемъ: никогда еще люди не обращали на него столько вниманія, какъ сегодня. Рассказывая въ десятый разъ одно и то же, онъ говорилъ какъ бы нехотя, равнодушно:

— Какъ ушла она третьяго дня, такъ еще тогда отецъ зубами заскрипѣлъ и съ той поры такъ и былъ злющій, рычить. Меня то и дѣло за волосья дереть... Я ужъ вижу—ого! И вотъ она пришла. А квартира-то заперта была,—мы въ кузнѣ были. Я стоялъ у мѣховъ. Вотъ вижу, она подошла, встала въ двери и

говорить: дай-ко ключъ! А отецъ-то взялъ клещи и пошелъ на нее... Идетъ это онъ тихо такъ, будто крадется... Я даже глаза зажмурилъ—страшно! Хотѣлъ ей крикнуть: бѣги, мамка! Не крикнулъ... Открылъ глаза, а онъ все идетъ еще! Глазищи горятъ! Тутъ она пятиться начала... А потомъ обернулась задомъ къ нему: видно, бѣжать хотѣла...

Лицо у Пашки дрогнуло, все его худое, угловатое тѣло задргалось. Глубокимъ вздохомъ онъ глотнулъ много воздуха и выдохнулъ его протяжно, сказавъ:

— Тутъ онъ ее клещами ка-акъ брякнетъ!

Неподвижно сидѣвшія дѣти зашевелились.

— Она взмахнула руками и упала... какъ въ воду мырнула...

Онъ замолчалъ, взявъ въ руки какую-то щепочку, внимательно осмотрѣлъ ее и бросилъ ее куда-то черезъ головы дѣтей. Они всѣ тоже сидѣли молча и неподвижно, какъ будто ждали отъ него чего-то еще. Но онъ молчалъ, низко наклонивъ голову.

— Совсѣмъ убилъ?—спросила Маша тонкимъ дрожащимъ голосомъ.

— Дура!—не поднимая головы, сказалъ Пашка.

Яковъ обнялъ дѣвочку и подвинулъ ее ближе къ себѣ, а Илья подвинулся къ Пашкѣ, тихо спросивъ его:

— Тебѣ ее жалко?

— А что тебѣ за дѣло?—сердито отозвался Пашка.

Всѣ сразу и молча взглянули на него.

— Вотъ она все гуляла,—раздался звонкій голосъ Маши, но Яковъ торопливо и безпокойно перебилъ ея рѣчь:

— Загуляешь!.. Вонъ онъ какой былъ, кузнецъ-то!.. Черный всегда, страшный, урчить!.. А она веселая была, какъ Перфишка... И было ей скучно... съ кузнецомъ...

Пашка взглянулъ на него и заговорилъ угрюмо, солидно, какъ большой:

— Я ей говорилъ: смотри, мамка! Онъ тебя убьетъ!.. Не слушала... Бывало, только просить, чтобъ ему не сказывалъ ничего... Гостинцы за это покупала. А фетьфебель все пятаки мнѣ дарилъ. Я ему принесу записку, а онъ мнѣ сейчасъ пятакъ дастъ... Онъ—добрый!.. Силачь такой!.. Усищи у него...

— А сабля есть?—спросила Маша.

— Еще какая!—отвѣтилъ Пашка и съ гордостью прибавилъ:—Я ее разъ вынималъ изъ ноженъ,—чижолая, дьяволь!

Яковъ задумчиво сказалъ:

— Вотъ и ты теперь сирота... какъ Илюшка...

— Какъ бы не такъ,—недовольно отозвался сирота.—Ты думаешь, я тоже въ тряпичники пойду? Наплевалъ я!

— Я не про то...

— Я теперь, что хочу, то и дѣлаю!..—поднявъ голову и сердито сверкая глазами, говорилъ Пашка гордымъ голосомъ. — Я не сирота... а просто... одинъ буду жить. Вотъ отецъ-то не хотѣлъ меня въ училище отдать, а теперь его въ острогъ посадятъ... А я пойду въ училище да и выучусь... еще получше вашего!

— А гдѣ одежду возьмешь?—спросилъ его Илья, усмѣхаясь съ торжествомъ.—Въ училище драного-то не больно еще примутъ!.. Что?

— Одежу? А я... кузницу продамъ!

Всѣ взглянули на Пашку съ уваженіемъ, а Илья почувствовалъ себя побѣжденнымъ. Пашка замѣтилъ впечатлѣніе и понесся еще выше.

— Я еще лошадь себѣ куплю... живую, всамдѣлишную лошадь! И буду ѣздить въ училище верхомъ!..

Ему такъ понравилась эта мысль, что онъ даже улыбнулся, хотя улыбка была какая-то пугливая,—мелькнувъ на губахъ, она тотчасъ же исчезла.

— Бить тебя ужъ никто теперь не будетъ. — вдругъ сказала Маша Пашкѣ, глядя на него съ завистью.

— Найдутся охотники! — увѣренно возразилъ Илья.

Пашка взглянулъ на него и, ухарски сплюнувъ въ сторону, спросилъ:

— Ты что ли? Сунься-ка!

Снова вмѣшался Яковъ.

— А какъ чудно, братцы!.. былъ человекъ и ходилъ, говорилъ и все... какъ всѣ, — живой былъ, а ударили клещами по головѣ—его и нѣтъ!..

Ребятишки, всѣ трое, внимательно посмотрѣли на Якова, а у него глаза полѣзли на лобъ и остановились, смѣшно выпученные.

— Да-а!—сказалъ Илья.—Я тоже думаю про это...

— Говорятъ — умеръ, — тихо и таинственно продолжалъ Яковъ,—а что такое умеръ?

— Душа улетѣла,— сумрачно пояснилъ Пашка.

— На небо,—добавила Маша и, прижавшись къ Якову, взглянула на небо. Тамъ уже загорались звѣзды; одна изъ нихъ,—большая, яркая и не мерцающая,—была ближе всѣхъ къ землѣ и смотрѣла на нее холоднымъ, неподвижнымъ окомъ. За Машей подняли головы кверху и трое мальчиковъ. Пашка взглянулъ и тотчасъ же убѣжалъ куда-то. Илья смотрѣлъ долго, пристально, со страхомъ въ глазахъ и въ одну точку, а большіе глаза Якова блуждали въ синевѣ небесъ такъ, точно онъ искалъ тамъ чего-то.

... Яшка!—кликнулъ его товарищъ, опуская голову.

— А?

— Я вотъ все думаю...—голосъ Ильи оборвался.

— Про что?—тоже тихонько спросилъ Яковъ.

— Про всѣхъ...

— Ну?

— Какъ они... Не ладно какъ-то... Убили человѣка... всѣ суетятся, бѣгаютъ... говорятъ разное... А никто не заплакалъ... никто не пожалѣлъ...

— Да-а... Еремѣй плакалъ...

— Онъ всегда ужъ... А Пашка-то какой? Ровно сказку рассказывалъ...

— Онъ форсить... Ему жаль, да онъ насъ стыдится плакать-то... А вотъ теперь побѣждалъ и чай такъ то ли реветъ... держись только!

Они посидѣли нѣсколько минутъ молча, плотно прижавшись другъ къ другу.

Маша уснула на колѣняхъ Якова, а лицо ея такъ и осталось обращеннымъ къ небу.

— А страшно тебѣ?—уже шопотомъ спросилъ Яковъ.

— Страшно!—также отвѣтилъ Илья.

— Теперь душа ея ходить будетъ тутъ...

— Да-а... Машка-то спитъ...

— Надо стащить ее домой... А и шевелиться-то боязно...

— Идемъ вмѣстѣ...

Яковъ положилъ голову спящей дѣвочки на плечо себѣ, охватилъ руками ея тонкое тѣльце и съ усиліемъ поднялся на ноги, шопотомъ говоря:

— Погоди, Илья, я впередъ пойду...

Онъ пошелъ, покачиваясь подъ тяжестью ноши, а Илья шелъ сзади, почти упираясь носомъ въ затылокъ товарища. И ему чудилось, что кто-то невидимый идетъ за нимъ, дышитъ холодомъ въ его шею и вотъ-вотъ схватитъ его. Онъ толкнулъ товарища въ спину и чуть слышно шепнулъ ему:

— Иди скорѣе!..

Вслѣдъ за этимъ событіемъ началъ прихварывать дѣдушка Еремѣй. Онъ все рѣже выходилъ собирать тряпки, а оставался дома и скучно бродилъ по двору или лежалъ у себя, въ своей темной конурѣ. Приближалась весна, и во дни, когда на ясномъ небѣ ласково сіяло теплое солнце, старикъ сидѣлъ гдѣ-нибудь на припекѣ, озабоченно высчитывая что-то на пальцахъ и без-

звучно шевеля губами. Сказки дѣтямъ онъ сталъ разсказывать рѣже и хуже. Заговорить и вдругъ закашляется. Въ груди у него что-то хрипѣло, точно просилось на волю.

— Будеть ужъ тебѣ!—увѣщевала его Маша, любившая сказки больше всѣхъ.

— По... г-годи!..—задыхаясь говорилъ старикъ.—Погоди, сейчасъ... отступить...

Но кашель не отступалъ, а еще сильнѣе трясъ изсохшее тѣло старика. Иногда ребятишки такъ и расходились, не дождавшись конца сказки, и когда они уходили, дѣдъ смотрѣлъ на нихъ какъ-то особенно жалобно.

Илья замѣтилъ, что болѣзнь дѣда очень беспокоить буфетчика Петруху и дядю Терентія. Петруха по нѣскольку разъ въ день появлялся на черномъ крыльцѣ трактира и, отыскавъ веселыми, сѣрыми глазами старика, спрашивалъ его:

— Какъ дѣлишки, дѣдка? Полегче, что ли?

Коренастый, въ розовой ситцевой рубахѣ, онъ ходилъ засунувъ руки въ карманы широкихъ суконныхъ штановъ, заправленныхъ въ блестящіе сапоги съ мелкимъ наборомъ. Въ карманахъ у него всегда побрякивали деньги. Его круглая голова уже начинала лысѣть солба, но на ней еще много было кудрявыхъ русыхъ волосъ, и онъ всегда молодецки встряхивалъ ими. Илья не любилъ его и раньше, но теперь это чувство все росло у мальчика. Онъ зналъ, что Петруха не любитъ дѣда Еремѣя. Однажды онъ слышалъ, какъ буфетчикъ училъ дядю Терентія:

— Ты, Тереха, надзираай за нимъ! Онъ—скаредь!.. У него, чай, въ подушкѣ-то, поди, накоплено не мало. Не зѣвай!.. Ему, старому кроту, вѣку не много осталось; ты съ нимъ въ дружбѣ, а у него—ни души родной!.. Сообрази, красавецъ!..

Вечера дѣдушка Еремѣй попрежнему проводилъ въ трактирѣ около Терентія, разговаривая съ горбуномъ о Богѣ, правдѣ и дѣлахъ человѣческихъ. Горбунъ, живя въ городѣ, сталъ еще уродливѣе. Онъ какъ бы вымокъ въ своей работѣ; глаза у него стали тусклые, пугливые, тѣло точно растаяло въ трактирной жарѣ. Грязная рубашка постоянно всползала на горбъ, обнажая поясицу. Разговаривая съ кѣмъ-нибудь, Терентій все время держалъ руки за спиной и оправлялъ рубашку быстрымъ движеніемъ рукъ,—казалось, что онъ прячетъ что-то въ свой огромный горбъ.

Когда дѣдушка Еремѣй сидѣлъ на дворѣ, Терентій тоже выходилъ на крыльцо и смотрѣлъ на него, прищуривая глаза и прислоня ладонь ко лбу. Желтая бороденка на его остромъ лицѣ

вздрагивала, когда онъ спрашивалъ слабымъ и виноватымъ голосомъ:

— Дѣдушка Ерема! Не надо ли чего?

— Спасибо!.. Не надо... ничего ужъ не надо...—отвѣчалъ старикъ.

Горбунъ медленно повертывался на тонкихъ ногахъ и уходилъ. А старику съ каждымъ днемъ становилось все хуже.

— Видно ужъ не оправиться мнѣ,—сказалъ онъ однажды Ильѣ, сидѣвшему рядомъ съ нимъ.—Видно, время ужъ помирать! Только...

Еремѣй подозрительно оглянулся вокругъ и шопотомъ продолжалъ:

— Рано, Илюша! Дѣла я моего нѣ сдѣлалъ!.. Не успѣлъ! Деньги-то... копилъ я деньги, семнадцать годовъ копилъ... На церковь накопить думалъ... Думалъ въ деревнѣ своей храмъ Божій построить... Нужно это... охъ, нужно людямъ Божіи храмы имѣть. Одно убѣжище намъ—у Бога... Мало накопилъ я... не хватаетъ... И тѣ, что есть, куда дѣвать—не знаю... Господи, научи!.. А ужъ воронье летаетъ, каркаетъ, чуетъ кусъ!.. Илюша, ты знай: деньги у меня есть... Не говори никому, а знай!..

Илья выслушалъ рѣчь старика, почувствовалъ себя носителемъ большой и важной тайны и понялъ, кто это воронье, о которомъ со страхомъ и скорбью говорилъ старикъ.

А черезъ нѣсколько дней, придя изъ школы и раздѣваясь въ своемъ углу, Илья услышалъ въ конуркѣ дѣдушки Еремѣя странные звуки. Кто-то бормоталъ, всхлипывалъ и хрипѣлъ, точно его душили. Порой раздавалось ясно выдѣлявшееся шипѣніе:

— Кш... кшш... про-очь!..

Мальчикъ боязливо толкнулся въ дверь къ дѣду,—она была заперта. Тогда онъ дрожащимъ голосомъ крикнулъ:

— Дѣдушка!

А изъ-за двери раздался въ отвѣтъ ему торопливый задыхающійся шопотъ:

— Кшш!.. Господи... помилуй!.. помилуй!.. помилуй!..—И вдругъ стало тихо. Илья отскочилъ отъ двери, не зная, что дѣлать, но тотчасъ же прислонилъ лицо къ щели въ переборкѣ и замеръ на мѣстѣ, весь вздрагивая. Въ крошечной комнатѣ старика стояла мутная мгла. Свѣтъ едва проникалъ туда сквозь грязное, маленькое окно. Было слышно, какъ въ стекла бьютъ брызги весенней капли и въ яму предъ окномъ течетъ со двора вода. Илья присмотрѣлся и увидалъ, что старикъ лежитъ на своей постели вверхъ грудью и молча размахиваетъ руками.

— Дѣдушка!—тоскливо окрикнулъ мальчикъ.

Старикъ вздрогнулъ, приподнялъ голову и громко забормоталъ:

— Кш... Петруха... гляди, Бо-огъ! Это Ему!.. это на храмъ Ему... Кш... Воронъ ты... Господи... Твое... Тво-ое!.. Сохрани... Спаси... помилуй... помилуй, помилуй...

Илья дрожалъ отъ ужаса, но не могъ уйти. И онъ видѣлъ, какъ бессильно мотавшаяся въ воздухѣ, черная и сухая рука Еремѣя грозила кому-то невидимому крючковатымъ пальцемъ.

— Гляди!.. Богово!.. не моги!..

А потомъ дѣдъ весь подобрался, съежился и—вдругъ сѣлъ на своемъ ложѣ. Бѣлая борода его трепетала, какъ крыло летящаго голубя. Онъ протянулъ руки впередъ и, сильно толкнувъ ими кого-то, свалился на полъ.

Илья взвизгнулъ и бросился вонъ. А въ ухахъ у него шипѣло, преслѣдуя его:

— Кш... кш...

Мальчикъ вбѣжалъ въ трактиръ и, задыхаясь, крикнулъ:

— Дядя!.. померъ...

Терентій охнулъ, затопалъ ногами на одномъ мѣстѣ и сталъ судорожно оправлять рубаху, глядя на Петруху, стоявшаго за буфетомъ.

— Дядя, иди скорѣ!..

— Ну что жъ ты?—строго сказалъ Петруха.—Иди! Царство небесное! Хорошій былъ старичокъ, между прочимъ... Пойду и я... погляжу... Илья, ты побудь здѣсь... понадобится что, прибѣги за мной,—слышишь? Яковъ, постой за буфетомъ... Я скоро приду...

Петруха пошелъ вонъ изъ трактира, не торопясь, громко стучая каблуками, и оба мальчика слышали, какъ за дверями онъ снова сказалъ горбуну:

— Иди иди... дурья голова...

Илья былъ сильно испуганъ всѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, но этотъ испугъ не мѣшалъ ему замѣчать все, что творилось вокругъ.

— Ты видѣлъ, какъ онъ помиралъ?—спросилъ Яковъ изъ-за стойки.

Илья посмотрѣлъ на него и отвѣтилъ вопросомъ же:

— А зачѣмъ они пошли туда?..

— Смотрѣть!.. ты же ихъ позвалъ!..

Илья промолчалъ. Потомъ онъ крѣпко закрылъ глаза и заговорилъ:

— Ну и страшно!.. Какъ онъ его толкалъ!..

— Кого?—любопытно вытянувъ голову, спросилъ Яковъ.

— Чорта!..—отвѣтилъ Илья, подумавъ.

— Ты видѣлъ?

— А?

— Ты чорта видѣлъ?—подбѣгая къ нему, тихо крикнулъ Яковъ. Но товарищъ его опять закрылъ глаза и не отвѣчалъ.

— Испугался?—дергая его за рукавъ, спрашивалъ Яковъ.

— погоди!—вдругъ таинственно сказалъ Илья.—Я... выбѣгу я... на минуточку... ладно? А ты отцу не говори,—ладно?

-- Ладно! А потомъ бѣги сюда...

Подгоняемый своей догадкой, Илья бѣгомъ бросился изъ трактира и черезъ нѣсколько секундъ былъ уже въ подвалѣ. Осторожно, безшумно, какъ мышонокъ, онъ подкрался къ щели въ перегородкѣ и вновь прильнулъ къ ней. Дѣдъ былъ еще живъ,—онъ хрипѣлъ... Но Илья не видѣлъ его: тѣло умирающаго старика валялось на полу у ногъ двухъ живыхъ черныхъ фигуръ. Во мглѣ онѣ обѣ сливались въ одну большую, уродливую. Потомъ Илья разглядѣлъ, что его дядя, стоя на колѣняхъ у ложа старика, держитъ въ рукахъ подушку и торопливо зашиваетъ ее. Былъ ясно слышенъ шорохъ нитки, продергиваемой сквозь матерію. Петруха стоялъ сзади Терентія, наклонясь надъ нимъ. Вотъ онъ встряхнулъ волосами и укоризненно зашепталъ:

-- Скорѣе... уродъ... Говорилъ я тебѣ—держи наготовѣ иглу съ ниткой... Такъ нѣтъ... вдѣвать пришлось... Эхъ, ты, тюр! Хорошенько-то не умѣлъ поглядѣть... Но, между прочимъ, Богъ съ нимъ! Будетъ и того!.. Слышишь? Да ты приди въ себя, чучело!

Спокойный шопотъ Петрухи, клокащія вздохи умирающаго, шорохъ нитки и жалобный звукъ воды, стекавшей въ яму предъ окномъ, — всѣ эти звуки сливались въ глухой шумъ, отъ котораго въ сознаниіи мальчика все помутилось. Онъ тихо откачнулся отъ стѣны и пошелъ вонъ изъ подвала. Большое, черное пятно вертѣлось, какъ колесо, предъ его глазами и шипѣло, отъ этого у Ильи кружилась голова и было ему тошно. Идя по лѣстницѣ въ трактиръ, онъ крѣпко цѣплялся руками за перила и съ усиленіемъ поднималъ ноги, а дойдя до двери, онъ всталъ въ ней и тихо заплакалъ. Предъ нимъ вертѣлся Яковъ и что-то говорилъ ему. Потомъ его толкнули въ спину и раздался голосъ Перфишки:

— Кто—кого? чѣмъ—до чему? Н-но? Померъ? Ахъ... ч-чортъ!.. — И вновь сильно толкнувъ Илью, сапожникъ бросился внизъ по лѣстницѣ такъ, что она затрещала подъ ударами его ногъ. Но внизу лѣстницы онъ громко и жалобно вскричалъ:

— Э-эхма-а!

Илья слышалъ, что вверхъ по лѣстницѣ идетъ дядя съ Петрухой, и ему не хотѣлось плакать при нихъ, но онъ не могъ сдерживать своихъ слезъ.

— Яковъ!—крикнулъ Петруха,—сбѣгай-ка за Михѣемъ-будочникомъ!.. Скажи: ветошникъ, молю, представился ко Господу...—живо!

— Ахъ ты!..—воскликнулъ Перфишка.—Такъ вы были ужъ тамъ? мм...

Терентій прошель мимо племянника, не взглянувъ на него. А Петруха положилъ руку на плечо Ильи и сказалъ:

— Плачешь? Плачь,—это хорошо... Значить, ты паренекъ благодарный и содѣянное тебѣ добро можешь понимать. Старикъ былъ тебѣ ба-альшимъ благодѣтелемъ!..

Онъ помолчалъ и, потомъ легонько отводя Илью въ сторону, добавилъ:

— Но, между прочимъ, въ дверяхъ ты не стой!..

Илья вытеръ лицо рукавомъ рубахи и посмотрѣлъ на всѣхъ. Петруха уже стоялъ за буфетомъ и встряхивалъ кудрями. Предъ нимъ стоялъ Перфишка и, глядя на него, лукаво ухмылялся. Но лицо у него, несмотря на улыбку, было такое, какъ будто онъ только что проигралъ въ орлянку послѣдній свой пятакъ.

— Ну-съ, чего тебѣ, Перфиль? — поводя бровями, строго спросилъ Петруха.

— Мнѣ?.. Мм... могоарыча не будетъ? — вдругъ сказалъ Перфишка.

— По какому такому случаю?—медленно спросилъ буфетчикъ.

— Эхъ-ма!—вскричалъ сапожникъ, притопнувъ ногой по полу.— И ротъ широкъ, да не мнѣ пирогъ! Такъ тому и быть! Одно слово—желаю здравствовать вамъ, Петръ Якимычъ!

— Что такое? Что ты мелешь?—уже съ миролюбивой улыбкой спросилъ Петруха.

— Такъ это я... отъ простоты ума и сердца!

— Стало быть поднести тебѣ стаканчикъ,—къ этому ты клонилъ? Хе-хе-хе!

— Ха, ха, ха!—раскатился по трактиру веселый смѣхъ сапожника.

Илья качнулъ головой, какъ бы стравивая съ нея что-то, и вышелъ вонъ.

Въ эту ночь онъ легъ спать поздно и не у себя въ коморкѣ, а въ трактирѣ подъ столомъ, на которомъ Терентій мылъ посуду. Горбунъ уложилъ племянника, а самъ началъ вытирать столы. На стойкѣ горѣла лампа, освѣщая бока пузатыхъ чайниковъ и бутылки въ шкафу. А въ трактирѣ было темно, въ окна смотрѣла черная ночь, стучалъ мелкій дождь, тихо шуршалъ вѣтеръ... Терентій, похожій на огромнаго ежа, двигалъ столами и все вздыхалъ. Когда онъ подходилъ близко къ лампѣ, отъ него

на полъ ложилась густая тѣнь,—Ильѣ казалось, что это ползеть душа дѣдушки Еремѣя и хрипѣть на дядю:

— Кш... кшш...

Мальчику было холодно и страшно. Его душила сырость,— была суббота, полъ только что вымыли, отъ него пахло гнилью. Ему хотѣлось попросить, чтобы дядя скорѣе легъ подъ столъ, рядомъ съ нимъ, но тяжелое, нехорошее чувство мѣшало ему говорить съ дядей. Воображеніе рисовало сутулую фигуру дѣда Еремѣя съ его бѣлой бородой, и въ памяти звучалъ ласковый скрипучій голосъ:

— Сынокъ, сынокъ! Господь мѣру знаетъ... Ничего-о!..

— Ложился бы ты ужъ!..—не вытерпѣвъ, сказалъ Илья жалобнымъ голосомъ.

Горбунъ вздрогнулъ и замеръ. Потомъ тихо, робко спросилъ:

— А? Кто это?

— Я; ложился бы, говорю...

— Сейчас! Сейчасъ, сейчасъ!..—торопливо заговорилъ горбунъ и завертѣлся около столовъ быстро, какъ волчокъ. Илья понялъ, что дядѣ тоже страшно, и съ чувствомъ удовольствія подумалъ про себя:

„Такъ тебѣ и надо!..“

Дробно стучалъ дождь, гдѣ-то раздавались глухіе удары. Огонь въ лампѣ вздрагивалъ, а чайники и бутылки молча ухмылялись. Илья закрылся съ головой дядинымъ полушубкомъ и лежалъ, затаивъ дыханіе. Но вотъ около него что-то завозилось. Онъ весь похолодѣлъ, высунулъ голову и увидалъ, что Терентій стоитъ на колѣняхъ, наклонивъ голову, такъ что подбородокъ его упирался въ грудь, и шепчетъ:

— Господи, батюшкѣ... Господи!

Этотъ шопоть былъ похожъ на хрипъ дѣда Еремѣя. Тѣма въ комнатѣ какъ бы двигалась и полъ качался вмѣстѣ съ ней, а въ трубахъ вылъ вѣтеръ:

— У-у-у-у!..

— Не молись,—звонко крикнулъ Илья.

— Охъ, что ты это?—вполголоса сказалъ горбунъ.—Спи, Христа ради!

— Не молись!—настойчиво повторилъ мальчикъ.

— Н-ну... не буду...

Темнота и сырость все тяжелѣе давили Илью, ему трудно было дышать, а внутри его kloкоталъ страхъ, жалость къ дѣду, злое чувство къ дядѣ. Онъ завозился на полу, сѣлъ и засталъ.

— Что ты? Что!.. — испуганно шепталъ дядя, хватая его ру-

ками. А Илья отталкивалъ его и со слезами въ голосъ, съ тоской и ужасомъ говорилъ:

— Господи! Хоть бы спрятаться бы... куда-нибудь... отъ всего... Господи!

Слезы перехватили ему голосъ. Онъ съ усиленіемъ глотнулъ гнилого воздуха и зарыдалъ, ткнувшись лицомъ въ полъ...

Сильно измѣнился характеръ Ильи послѣ этихъ событій. Раньше онъ держался въ сторонѣ только отъ учениковъ своей школы, не умѣя примириться съ ихъ отношеніемъ къ нему, не находя въ себѣ желанія уступать имъ и сближаться съ ними. Но дома онъ былъ общителенъ и довѣрчивъ со всѣми, вниманіе взрослыхъ доставляло ему удовольствіе. А теперь онъ сталъ держаться одиноко и не по лѣтамъ серьезно. Выраженіе его лица стало сухимъ, губы плотно сжались, онъ зорко присматривался ко взрослымъ и съ подстрекающимъ выраженіемъ въ глазахъ вслушивался въ ихъ рѣчи. Его тяготило воспоминаніе о томъ, что онъ видѣлъ въ день смерти дѣда Еремѣя, ему казалось, что и онъ вмѣстѣ съ Петрухой и дядей тоже виноватъ предъ старикомъ. Можетъ быть, дѣдъ, умирая и видя, какъ его грабятъ, подумалъ, что это онъ, Илья, сказалъ Петрухѣ про деньги. Эта мысль родилась въ Ильѣ какъ-то вдругъ, незамѣтно для него и наполнила душу мальчика смятеніемъ, скорбной тяжестью. Онъ носилъ ее въ себѣ, и она еще болѣе возбуждала въ немъ подозрительное чувство ко всѣмъ людямъ. И когда онъ замѣчалъ за ними что-нибудь нехорошее, ему становилось легче отъ этого, какъ будто вина его предъ дѣдомъ уменьшалась. А нехорошаго въ людяхъ онъ видѣлъ много. Всѣ во дворѣ называли буфетчика Петруху пріемщикомъ краденаго, мошенникомъ, но въ глаза всѣ ласкались къ нему, уважительно раскланивались и называли Петромъ Якимычемъ. Бабу Матицу всѣ звали браннымъ словомъ: когда она напивалась пьяная, ее толкали, били; однажды она, выпивши, сѣла подъ окно кухни, а поваръ облилъ ее помоями... И всѣ постоянно пользовались ея услугами, никогда ничѣмъ не вознаграждая ее, кромѣ ругани и побоевъ. Перфишка приглашалъ ее мыть свою больную жену, Петруха заставлялъ бесплатно убирать трактиръ передъ праздниками, Терентію она шила рубахи. Она ко всѣмъ шла, все дѣлала безропотно и хорошо, она любила ухаживать за больными, любила водиться съ дѣтьми...

Илья видѣлъ, что самый работающій челоувѣкъ во дворѣ—сапожникъ Перфишка—живетъ у всѣхъ на смѣху, и то всѣ замѣчаютъ его лишь тогда, когда онъ пьяный съ гармоникой въ ру-

кахъ сидитъ въ трактирѣ или шляется по двору, папгравая и распѣвая веселыя, смѣшныя пѣсенки. Но никто не хотѣлъ видѣть, какъ осторожно этотъ Перфишка вытаскивалъ на крыльцо свою безногую жену, какъ онъ укладывалъ спать свою дочку, осыпая ее поцѣлуями и строя для ея потѣхи смѣшныя рожки. Никто не смотрѣлъ на сапожника, когда онъ, смѣясь и шутя, училъ Машу варить обѣдъ и убирать комнату, а потомъ садился работать и шилъ до поздней ночи, согнувшись въ три погибели надъ худымъ и грязнымъ сапогомъ.

Когда кузнеца увели въ острогъ, никто не позаботился объ его сынѣ, кромѣ сапожника. Онъ тотчасъ же взялъ Пашку къ себѣ, и уже Пашка давно сучилъ ему дратву, мелъ комнату, бѣгалъ за водой и въ лавочку за хлѣбомъ, квасомъ, лукомъ. Всѣ видѣли сапожника пьянымъ въ праздники, но никто не слыхалъ, какъ на другой день трезвый онъ разговаривалъ съ женой:

— Ты меня, Дуня, прости! Вѣдь я пью не потому, что потерянный пьяница, а съ устатку. Цѣлую недѣлю работаешь... скушно! Ну ихватишь!..

— Да развѣ я виню? О Господи! Жалѣю я тебя!..—хриплымъ голосомъ говорила жена, и въ горлѣ у нея что-то переливалось.— Развѣ, думаешь, я твоихъ трудовъ не вижу? Камнемъ Господь положилъ меня на шею тебѣ. Умереть бы!.. Освободить бы мнѣ тебя!..

— Не моги такъ говорить! Я не люблю этихъ твоихъ рѣчей. Я тебя обижаю, не ты меня!.. Но я это не потому, что злой, а потому, что ослабъ. Вотъ, однажды, переѣдемъ на другую улицу, и начнется все другое... окна, двери... все! Окна на улицу будутъ. Вырѣжемъ изъ бумаги сапогъ и на стекла наклеимъ. Вывѣска! И повалить къ намъ нар-родъ! За-акипитъ дѣло!.. э-эхъ-ты! Дуй, бей, давай углей! Шибко живемъ, деньги куемъ!

Илья зналъ до мелочей жизнь Перфишки, видѣлъ, что онъ бьется, какъ рыба объ ледъ, и уважалъ его за то, что онъ всегда со всѣми шутилъ, всегда смѣялся и великолѣпно игралъ на гармоніи.

А Петруха сидѣлъ за буфетомъ, игралъ въ шашки со знакомыми, да съ утра до вечера пилъ чай и ругалъ половыхъ. Вскорѣ послѣ смерти Еремѣя онъ сталъ пріучать Терентія къ торговлѣ за буфетомъ, а самъ все только расхаживалъ по двору да по-свистывалъ, разглядывая домъ со всѣхъ сторонъ и даже стучая въ стѣны кулаками.

И много другого замѣчалъ Илья, но все это было нехорошее, скучное, все толкало его въ сторону отъ людей. Иногда впечатлѣнія и мысли, скопляясь въ немъ, вызывали настойчивое жела-

ніе поговорить съ кѣмъ-нибудь. Но говорить съ дядей не хотѣлось: послѣ смерти Еремѣя между Ильей и дядей выросло что-то невидимое, но плотное, и мѣшало мальчику подходить къ горбуну такъ свободно и близко, какъ раньше. А Яковъ ничего не могъ объяснить ему, живя тоже какъ-то въ сторонѣ ото всего, но на свой особый ладъ.

Его опечалила смерть стараго тряпичника. Онъ часто съ жалобой въ голосъ и на лицѣ вспоминалъ о немъ.

— Скушно стало!.. Кабы живъ былъ дѣдушка Ерема—сказки бы разсказывалъ намъ; ничего нѣтъ лучше сказокъ! Хорошія сказки онъ зналъ!..

— Онъ все зналъ,—сумрачно говорилъ Илья.

Однажды Яковъ таинственно сказалъ товарищу:

-- Хочешь—я покажу тебѣ одну штуку?

— Хочу!..

— Только сперва побожись, что никому не скажешь!..

— Ей-Богу не скажу!..

— Будь я анафема, проклять, скажи!..

Илья повторилъ клятву, и тогда Яковъ отвелъ его въ уголокъ двора, къ старой липѣ. Тамъ онъ снялъ со ствола искусно прикрѣпленный къ нему кусокъ коры, и подъ нею въ деревѣ открылось большое отверстіе. Это было дупло, расширенное ножомъ и красиво убранный внутри разноцвѣтными тряпочками и бумажками, свинцомъ отъ чая, кусочками фольги. Въ глубинѣ этой дыры стоялъ маленькій, литой изъ мѣди образокъ, а предъ нимъ былъ укрѣпленъ огарокъ восковой свѣчи.

— Видалъ?—спросилъ Яковъ, снова прилаживая кусокъ коры.

— Видалъ... А это зачѣмъ?

-- Часовня это!..—объяснилъ Яковъ.-- Вотъ я буду по ночамъ тихонечко уходить сюда изъ горницы и зажигать свѣчку, да молиться... Ладно?

Ильѣ понравилась мысль товарища, но онъ тотчасъ же сообразилъ опасность затѣи.

— А какъ увидятъ огонь-то? Выпоретъ тогда отецъ тебя!..

— Ночью—кто увидитъ? Ночью всѣ спятъ; на землѣ совсѣмъ тихо... Я—маленькій: днемъ мою молитву Богу не слышно... А ночью-то ужъ будетъ слышно!.. Будетъ?

— Не знаю!.. Можетъ, услышитъ!..—задумчиво сказалъ Илья, глядя на большеглазое блѣдное лицо товарища.

— А ты со мной будешь молиться?—спросилъ Яковъ.

-- А ты о чемъ хочешь молиться?—въ то же время спросилъ Илья. И оба они улыбнулись другъ другу.

— Я о томъ,—сказалъ Илья,—чтобы умнымъ быть мнѣ... и еще, чтобы у меня все было, чего захочу!.. а ты?

— И я тоже...

Но, подумавъ, Яковъ объяснилъ:

— Я просто такъ хотѣлъ... безо всего... Просто бы молился и все тутъ!.. А ужъ Онъ какъ хочетъ!.. что дастъ... Но коли ты такъ хочешь, и я тоже такъ буду!..

— Ладно,—сказалъ Илья.

Они тутъ же уговорились начать молиться въ эту же ночь, и оба легли спать съ твердымъ намѣреніемъ проснуться среди ночи. Но не проснулись ни въ эту, ни въ слѣдующую, и проспали много ночей. А потомъ у Ильи явились новыя впечатлѣнія и совершенно уже заслонили собою часовню.

На той же липѣ, въ которой Яковъ устроилъ часовню, — Пашка вѣшалъ западни на чижей и синицъ. Ему жилось тяжело, онъ похудѣлъ, осунулся и глаза его бѣгали по сторонамъ, какъ хищнаго звѣрька. Бѣгать по двору ему было уже некогда: онъ цѣлые дни работалъ у Перфишки, и только по праздникамъ, когда сапожникъ былъ пьянъ, товарищи видѣли его. Пашка спрашивалъ ихъ о томъ, что они учатъ въ школѣ, и завистливо хмурился, слушая ихъ рассказы, полные сознаніемъ превосходства надъ нимъ.

— Не больно зазнавайтесь,—выучусь и я!..

— Перфишка-то не пустить!..

— А я убѣгу,—рѣшительно говорилъ Пашка.

И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этого разговора сапожникъ ходилъ по двору и рассказывалъ, посмѣиваясь:

— Подмастерье-то мой? Сбѣжалъ, дьяволенокъ!.. Не поправилась ему кожаная наука!..

День былъ дождливый. Илья поглядѣлъ на растрепаннаго Перфишку, на сѣрое, угрюмое небо, и ему стало жалко озорника-товарища. Они оба стояли подъ навѣсомъ сарая, прижавшись къ стѣнѣ, и смотрѣли на домъ. Ильѣ казалось, что домъ становится все ниже, точно уходитъ въ землю подъ тяжестью времени. Старыя ребра выпячивались все болѣе, какъ будто грязь, накопленная въ его внутренностяхъ за десятки лѣтъ, распирала домъ и онъ уже не могъ сдерживать ее. Насквозь пропитанный несчастьями, всю жизнь свою всасывая пьяные крики, пьяныя, горькія пѣсни, расшатаанный, избитый ударами ногъ по доскамъ его пола,—домъ не могъ больше жить и медленно разваливался, печально глядя на свѣтъ Божій тусклыми стеклами оконъ.

— Эх-ма!—сказалъ сапожникъ. — Скоро лопнетъ лукошко, и

разсыплются грибы по сырой землѣ. Пополземъ мы, жители, кто куда... Будемъ искать себѣ щелочекъ по другимъ мѣстамъ!.. Найдёмъ и—жить по-другому будемъ... Все другое заведется: и окна, и двери, и даже клопы другіе будутъ насъ кусать!.. Скорѣ бы! А то ужъ надоѣлъ мнѣ этотъ свиной дворецъ... хоть и привыкъ я къ нему, чтобы его разорвало!

Но сапожникъ напрасно мечталъ: домъ не разорвало, а его купилъ буфетчикъ Петруха. Купивъ, онъ дня два кряду озабоченно щупалъ и ковырялъ эту кучу стараго дерева. Потомъ привезли кирпича, досокъ, обставили домъ лѣсами, и мѣсяца три кряду онъ стоналъ и вздрагивалъ подъ ударами топоровъ. Его пилили, рубили, вколачивали въ него гвозди, съ трескомъ и пылью выламывали изъ него гнилыя ребра, вставляли новыя и, наконецъ, увеличивъ его въ ширину пристройкой, обшили весь тесомъ. Приземистый, широкій, онъ теперь стоялъ на землѣ прямо и прочно, точно пустилъ глубоко въ нее новыя корни. На его фасадѣ, подъ самой крышей, Петруха повѣсилъ большую вывѣску, и на ней золотомъ по синему полю было написано:

„Веселое убѣжище друзей П. Я. Филимонова“.

— А внутри онъ все-таки гнилой! — сказалъ Перфишка однажды.

Илья слышалъ это и сочувственно улыбнулся. И ему перестроенный домъ казался обманомъ. Онъ вспомнилъ о Пашкѣ, который жилъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ и видѣлъ все другое. Илья, какъ и сапожникъ, тоже мечталъ о другихъ окнахъ, дверяхъ, людяхъ... Теперь въ домѣ стало еще хуже, чѣмъ было раньше. Старую липу срубили, укромный уголокъ около нея исчезъ, занятый постройкой. Исчезли и другія любимыя мѣста, гдѣ, бывало, бесѣдовали ребятишки. Только на мѣстѣ кузницы, за огромной кучей щепъ и гнилушекъ, образовался уютный уголь, но тамъ было страшно сидѣть,—все чудилось, что подъ этой кучей лежитъ Савелова жена съ разбитой головой.

Петруха отвелъ дядѣ Терентію новое помѣщеніе—маленькую комнатку, рядомъ съ трактирной залой! Въ эту комнатку сквозь досчатую тонкую переборку, заклеенную зелеными обоями, проникали всѣ звуки изъ трактира и запахъ водки, и табачный дымъ. Въ ней было чисто, сухо, но хуже, чѣмъ въ подвалѣ. Окно ея упиралось въ сѣрую стѣну сарая; она загораживала небо и солнце, и звѣзды, а изъ окошка подвала все это можно было видѣть, вставши предъ нимъ на колѣни...

Дядя Терентій одѣлся въ сиреневую рубаху, надѣлъ сверхъ ея пиджакъ, который висѣлъ на немъ, какъ на ящикѣ, и съ утра до вечера торчалъ за буфетомъ. Теперь онъ сталъ говорить

съ людьми на „вы“, отрывисто, сухимъ голосомъ, точно лаялъ, и смотрѣлъ на нихъ изъ-за стойки глазами вѣрной собаки, охраняющей хозяйское добро. Ильѣ онъ купилъ сѣрую суконную курточку, сапоги, пальто и картузь, и когда мальчикъ надѣлъ эти вещи, ему вспомнился старый тряпичникъ. Онъ почти не разговаривалъ съ дядей, жизнь его тянулась однообразно, медленно. И хотя въ немъ зарождались какія-то особенныя, не дѣтскія чувства и мысли, тяжелая скука все-таки давила и угнетала его. Все чаще онъ вспоминалъ о деревнѣ; теперь ему особенно ясно казалось, что тамъ лучше жить, тамъ тише, понятнѣе, проще. Вспоминались густые лѣса Керженца, рассказы дяди Терентія объ отшельникѣ Антипѣ, а мысль объ Антипѣ рождала другую—о Пашкѣ. Гдѣ онъ? Можетъ быть, тоже убѣжалъ въ лѣсъ, вырылъ тамъ пещеру и живетъ въ ней. Гудить въ лѣсу вьюга, воютъ волки. Это страшно, но сладко слышать. А зимой, въ хорошую погоду, тамъ все блеститъ серебромъ и бываетъ тихо, такъ тихо, что ничего не слышать, кромѣ того, какъ снѣгъ хруститъ подъ ногой, и если стоять неподвижно, тогда услышишь только одно свое сердце.

А вотъ въ городѣ всегда шумно и безтолково, даже ночь полна звуковъ. Поютъ пѣсни, кричатъ караулъ, стонуть, ѣздятъ извозчики, и отъ стука ихъ пролетокъ и телѣгъ вздрагиваютъ стекла въ окнахъ. Кричатъ и озорничаютъ мальчишки въ школѣ, большіе орутъ, ругаются, дерутся и пьянствуютъ. И все это не только безпокойно, а даже страшно иногда. Люди всѣ какіе-то взбалмошные—то жулики, какъ Петруха, то злые, какъ Савель, или никчѣмные, вродѣ Перфишки, дяди Терентія, Матицы... Сапожникъ всѣхъ больше поражалъ Илью своимъ несуразнымъ и дряннымъ поведеніемъ.

Однажды утромъ, когда Илья собрался въ школу, Перфишка пришелъ въ трактиръ растрепанный, не выспавшійся и молча всталъ у буфета, глядя на Терентія. Лѣвый глазъ у него все вздрагивалъ и прищуривался, а нижняя губа смѣшно отвисла. Дядя Терентій взглянулъ на него, улыбнулся и налилъ сапожнику стаканчикъ за три копейки, обычную Перфишкину порцію утромъ. Перфишка взялъ стаканъ дрожащей рукой, опрокинулъ его въ ротъ, но не крикнулъ, не выругался и даже не закусилъ. Онъ снова уставился на буфетчика странно вздрагивающимъ лѣвымъ глазомъ, а правый былъ тусклъ, неподвиженъ и какъ будто не видалъ ничего.

— Что это у васъ съ глазомъ-то?—спросилъ Терентій.

Перфишка потеръ глазъ рукой, поглядѣлъ на руку и вдругъ громко и внятно объявилъ:

— Супруга наша Авдотья Петровна скончалась...

— Н-ну-у?—протянуль дядя Терентій и, взглянувъ на образъ, перекрестился.

— Царствіе ей небесное!

— А?—спросилъ Перфишка, упорно разглядывая лицо Терентія.

— Говорю: царствіе ей небесное!

— Да-съ... Померли!..—сказалъ сапожникъ. Потомъ онъ круто повернулся и ушелъ.

— Чудакъ! — сокрушенно качая головой, проговорилъ Терентій. И Ильѣ сапожникъ тоже показался чудакомъ... Идя въ школу, онъ на минутку зашелъ въ подвалъ посмотрѣть на покойницу. Тамъ было темно и тѣсно. Пришли бабы сверху и, собравшись кучей въ углу, гдѣ стояла постель, вполголоса разговаривали. Матица примѣривала Машѣ какое-то платьишко и спрашивала:

— Подъ мышками рѣжетъ?

А Маша растопырила руки и тянула капризнымъ голосомъ:

— Да-а-а!..

Сапожникъ, согнувшись, сидѣлъ на столѣ, смотрѣлъ на дочь и глазъ у него все мигалъ. Ильѣ взглянуль на бѣлое, пухлое лицо' усопшей, вспомнилъ ея темные глаза, теперь навсегда закрывшіеся, и ушелъ, унося съ собой тяжелое и жуткое чувство.

А когда онъ воротился изъ школы и вошелъ въ трактиръ, то услыхалъ, что Перфишка играетъ на гармоніи и удалымъ голосомъ поетъ:

„Эхъ, ты, моя милая,
Мое сердце вынула.
Затѣмъ сердце вынула,
Д' куды его кинула?“

— Ихъ—ты!.. Выгнали меня бабы! Пошелъ, кричатъ, вонъ, извергъ неестественный! Морда, говорятъ, пьяная... Я не сержусь... я терпѣливый... Ругай меня, бей!.. только дай мнѣ пожить немножко!.. дай, пожалуйста! Эхма! Братья! Всѣмъ пожить хочется, какъ слѣдуетъ,—вотъ въ чемъ штука! У всѣхъ душа одинакова, что у Васьки, что у Якова!..

„Кто тамъ рыдаетъ?
Чего ожидаетъ?
Молчи, не тужи,
Сухи корочки гложи!“

Рожа у Перфишки была отчаянно веселая; Ильѣ смотрѣлъ на него съ отвращеніемъ и страхомъ. Ему подумалось, что Богъ жестоко накажетъ сапожника за такое поведение въ день смерти

жены. Но Перфишка былъ пьянъ и на другой день, за гробомъ жены онъ шелъ спотыкаясь, мигалъ глазомъ и даже улыбался. Всѣ его ругали, кто-то даже ударилъ по шеѣ...

— Вотъ такъ а-яй!..—сказалъ Илья товарищу вечеромъ послѣ похоронъ.—Перфишка-то? Настоящій еретикъ!

— Песъ съ нимъ!—равнодушно отозвался Яковъ.

Илья и раньше уже замѣчалъ, что съ нѣкотораго времени Яковъ очень измѣнился. Онъ почти не выходилъ гулять на дворъ, а все сидѣлъ дома и даже какъ бы нарочно избѣгалъ встрѣчи съ Ильей. Сначала Илья подумалъ, что Яковъ началъ завидовать его успѣхамъ въ школѣ и, сидя дома, учить уроки. Но оказалось, что и учиться-то онъ сталъ еще хуже; учитель постоянно ругалъ его за разсѣянность и непониманіе самыхъ простыхъ вещей. Отношеніе Якова къ Перфишкѣ не удивило Илью: Яковъ всегда почти не обращалъ вниманія на жизнь въ домѣ, но Ильѣ захотѣлось узнать, что такое творится съ товарищемъ, и онъ спросилъ его:

— Ты что какой сталъ? Не хочешь, что ли, дружитья со мной?

— Я? Не хочу? Что ты врешь?—удивленно воскликнулъ Яковъ и вдругъ быстро заговорилъ:

— Слушай, ты... иди домой... Иди, я сейчасъ тоже приду... Что я тебѣ покажу!

Онъ сорвался съ мѣста и убѣжалъ, а Илья, заинтересованный, пошелъ въ свою комнату. Яковъ скоро прибѣжалъ. Онъ заперъ за собой дверь и, подойдя къ окну, вынулъ изъ-за пазухи какую-то красную книжку.

— Иди сюда!—тихо и важно сказалъ онъ, усѣвшись на постель дяди Терентія и указывая Ильѣ мѣсто рядомъ съ собою. Потомъ онъ развернулъ книжку, положилъ ее на колѣни, согнулся надъ нею и, водя пальцемъ по сѣрой страницѣ, началъ читать:

„И вотъ... вдали храбрый рыцарь увидалъ гору... высотой до небесъ, а въ срединѣ ея желѣзную дверь. Огнемъ отваги запылало... его мужественное сердце, онъ наклонилъ копьѣ и съ громкимъ крикомъ помчался впередъ, приш... порывъ коня, и со всей своей могучей силой ударилъ въ ворота. Тогда раздался страшный громъ... желѣзо воротъ разлетѣлось въ куски... и въ то же время изъ горы хлынуло пламя и дымъ, и раздался громовой голосъ... отъ котораго сотряслась земля и съ горы посыпались камни къ ногамъ рыцарева коня. „Ага! ты явился... дерзкій безумецъ!.. Я и смерть давно ждали тебя!..“ Ослѣпленный дымомъ рыцарь...“

— Кто это?—спросилъ Илья удивленно, вслушиваясь въ дрожащей отъ волненія голосъ товарища.

— А?—откликнулся Яковъ, поднявъ отъ книги блѣдное лицо.

— Кто это—рыцарь?

— Это такой... верхомъ на конѣ... съ копьемъ... Рауль Безстрашный... у него драконъ невѣсту утащилъ... Прекрасная Луиза... да ты слушай, чортъ...—нетерпѣливо крикнулъ Яковъ.

— Валяй, валяй!.. Погоди,—а драконъ кто?

— Змѣя съ крыльями... и съ ногами... когтищи у нея желѣзные... Три головы... и всѣ дышать огнемъ—понимаешь?

— Эдо-орово!—сказалъ Илья, широко открывъ глаза.—Эдакъ-то онъ этому... за-адасть!..

— Да ну тебя!..

Плотно прижавшись другъ къ другу, мальчики съ трепетомъ любопытства и странной, согрѣвающей душу радостью входили въ новый, волшебный міръ, гдѣ огромныя, злыя чудовища погибали подъ могучими ударами храбрыхъ рыцарей, гдѣ все было величественно, красиво и чудесно и не было ничего похожаго на эту сѣрую, скучную жизнь. Не было пьяныхъ маленькихъ людей, одѣтыхъ въ рваную одежду, а вмѣсто полугнилыхъ деревянныхъ домовъ стояли дворцы, сверкая золотомъ, и неприступные замки изъ желѣза возвышались до небесъ. Они входили въ роскошную страну чудесныхъ вымысловъ, а за спинами у нихъ играла гармоника и разудалый сапожникъ Перфишка отчетливо выговаривалъ частушку:

„Меня послѣ смерти
Не утащатъ черти,
Я живой того добыюсь,
Какъ до чертиковъ напыюсь!“

• — Такъ ли, братья? Наяривай, за жаривай! Богъ веселыхъ любить!

Гармоника захлебывалась звуками, торопясь догнать звонкій голосъ сапожника, а онъ вперегонку съ ней отчеканивалъ плясовой мотивъ:

„И не пиши, что смолоду
Н-натерпѣлся холоду,
Сдохнешь — въ адъ попадешь,
А тамъ будетъ жарко!“

Каждый куплетъ пѣсни вызывалъ ревъ одобреній и взрывы хохота. Звуки гармоникки сливались со звономъ посуды, глухіе удары ногъ по полу, трескъ отодвигаемыхъ стульевъ,—всѣ звуки переплетались въ одинъ, подобный вою зимней вьюги въ лѣсу.

А въ маленькой конурѣ, отдѣленной отъ этой бури звуковъ тонкими досками, два мальчика согнулись надъ книгой, и одинъ изъ нихъ тихо шепталъ:

„Тогда рыцарь стиснулъ чудовище въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ, и оно громоподобно заревѣло отъ боли и ужаса...“

Послѣ книги о рыцарѣ и драконѣ явился „Гуакъ или непреоборимая вѣрность“, „Исторія о храбромъ принцѣ Францылѣ Венеціанѣ и прекрасной королевнѣ Рендивенѣ“, и впечатлѣнія дѣйствительности уступили въ душѣ Ильи мѣсто рыцарямъ и дамамъ. Товарищи по очереди крали изъ выручки двугривенные, и недостатка въ книгахъ у нихъ не было. Они ознакомились съ похождениями „Яшки Смертенскаго“, восхищались „Япанчой, татарскимъ наѣздникомъ“ и все дальше уходили отъ суровой и неприглядной жизни въ область, гдѣ люди всегда разрушали злыя ковы судьбы и всегда достигали счастья. Долго жили они такъ, и за все это время память Ильи отмѣтила лишь одно событіе.

Однажды Перфишку вызвали за чѣмъ-то въ полицію. Онъ ушелъ встревоженный, а воротился веселый и привелъ съ собой Пашку Грачева, крѣпко держа его за руку. Пашка былъ такой же остроглазый, только страшно похудѣлъ, пожелтѣлъ, да лицо у него стало менѣ задорнымъ. Сапожникъ притащилъ его въ трактиръ и тамъ рассказывалъ, судорожно подмигивая глазами:

— А вотъ вамъ, люди добрые, самъ Павлуха Грачевъ! Только что прибылъ изъ города Пензы по этапу... Вотъ какой народъ нарождается,—не сидя на печи счастья дожидается, а какъ только на заднія лапы встаетъ—самъ искать счастья идетъ!

Пашка стоялъ рядомъ съ нимъ, засунувъ одну руку въ карманъ драныхъ штановъ, а другую все пытался выдернуть изъ руки сапожника, искоса, угрюмо поглядывая на него. Кто-то совѣтовалъ сапожнику выпороть Пашку, но Перфишка серьезно возразилъ:

— Зачѣмъ? Пускай его ходитъ, авось счастье найдетъ.

— А вѣдь онъ, поди-ка, голодный! — догадался Терентій и, протянувъ мальчику кусокъ хлѣба, сказалъ ему:

— Пашка, на!

Мальчикъ, не торопяся, взялъ хлѣбъ и пошелъ вонъ изъ трактира.

— Фі-ю-ю!—свистнулъ сапожникъ вслѣдъ ему.— Опять пошелъ! До свиданія, нѣжное созданіе!

Илья, наблюдавшій эту сцену изъ двери своей комнаты, по-

манилъ Пашку къ себѣ, но прежде, чѣмъ войти къ нему, Пашка на секунду остановился, а войдя, подозрительно оглядѣлъ комнату и кратко, сурово спросилъ:

- Что надо?
- Здравствуй!..
- Ну здравствуй!..
- Садись!..
- А зачѣмъ?
- Такъ!.. поговоримъ!..

Илью смущали отрывчатые, сердитые вопросы Грачева и его сиповатый, грубый голосъ. Ему хотѣлось разспросить Пашку, гдѣ онъ былъ все лѣто, что видѣлъ. Но Пашка усѣлся на стулъ и съ рѣшительнымъ видомъ, кусая хлѣбъ, самъ началъ разспрашивать:

- Кончилъ учиться-то?
- Весной кончу!
- А я ужъ выучился!..
- Н-ну?—недовѣрчиво воскликнулъ Илья.
- А что? У меня живо!
- А гдѣ ты учился?
- Въ острогѣ, у арестантовъ!..

Илья подошелъ ближе къ нему и, съ уваженіемъ глядя на его худое лицо, спросилъ:

- Долго ты сидѣлъ? Страшно тамъ?

— Ничего не страшно!.. А сидѣлъ... мѣсяца четыре... Я вѣдь во многихъ острогахъ былъ... въ разныхъ городахъ... Я, братъ, къ господамъ прилипъ тамъ... И барыни были тоже... настоящіе господа! На разныхъ языкахъ говорятъ и все знаютъ... Я имъ камеру убиралъ! Веселые, черти, даромъ что арестанты!..

- Разбойники?

— Самые настоящіе воры,—съ гордостью выговорилъ Пашка. Илья мигнулъ глазами и почувствовалъ еще больше уваженія къ Пашкѣ.

- Русскіе они?—спросилъ онъ.

— Нѣкоторые жидаы... Первый сортъ народъ!.. Они, братъ, ого-го, какіе! Грабили всѣхъ, какъ слѣдуетъ!.. Ну, ихъ поймали да въ Сибирь!

- Какъ же ты выучился?

- А такъ... Говорю: выучите меня,—они и выучили...

- И читать, и писать?

— Писать плохо!.. А читать—сколько хочешь, могу! Я ужъ много книжекъ читалъ!..

- Рѣчь о книжкахъ оживила Илью.

— И мы съ Яковомъ читаемъ. Да какія!

Тогда оба они на-перебой другъ передъ другомъ стали называть прочитанныя книжки. Вскорѣ Павелъ со вздохомъ сказалъ:

— Да-а, вы, черти, больше прочитали! И книжки у васъ лучше. А я все стихи... Тамъ у нихъ много было всякихъ, но хорошія-то только въ стихахъ!..

Пришелъ Яковъ, удивленно выкатилъ глаза и засмѣялся.

— Овца!—встрѣтилъ его Пашка.—Чего хохочешь?

— Такъ!.. Ты гдѣ былъ?

— Тебѣ туда пе дойти!..

— Знаешь,—сказалъ Илья товарищу,—и онъ тоже книжки читалъ...

— О?—воскликнулъ Яковъ и тотчасъ же заговорилъ съ Пашкой болѣе дружески. Три мальчика усѣлись рядомъ, и между ними загорѣлся безсвязный, быстрый и удивительно интересный разговоръ.

— Я такія штуки видалъ—разсказать нельзя!—съ гордостью и воодушевленно говорилъ Пашка.—Одинъ разъ не жралъ двое сутокъ... совсѣмъ ничего! Въ лѣсу ночевалъ... одинъ.

— Боязно?—спросилъ Яковъ.

— Поди, ночуй,—узнаешь! А то собаки меня загрызли было... Былъ въ городѣ Казани... Тамъ есть памятникъ одному... за то, что стихи сочинялъ, поставили... Огромный былъ мужикъ!.. ножищи у него во какія! А кулакъ съ твою голову, Яшка! Я, братцы, тоже стихи сочинять буду, я ужъ научился немало!..

Онъ вдругъ съежился, подобралъ подъ себя ноги и, пристально глядя въ одну точку,—нахмуренный, важный, -- скороговоркой сказалъ:

„По улицѣ люди идутъ,
Всѣ они одѣты и сыты,
А попроси у нихъ поѣсть,
Такъ они скажутъ—поди ты
Прочь!..“

Онъ кончилъ, взглянулъ на мальчиковъ и тихо опустилъ голову. Съ минуту длилось неловкое молчаніе. Потомъ Илья осторожно спросилъ:

— Это развѣ стихи?

— А ты не слышишь?—сердито крикнулъ Пашка. -- Сказано: сыты—поди ты,—значить, стихи...

— Конечно, стихи! — торопливо воскликнулъ Яковъ. -- Ты всегда придираешься, Илья!

— Я и еще сочинилъ, — оживленно обратился Пашка къ Якову и тотчасъ же быстро выпалилъ:

„Тучи—сыры, а земля—сыра,
Вотъ приходитъ осенняя пора,
А у меня ни кола, ни двора,
И вся одѣжа—на дырѣ дыра!..“

— О-г-го-о!—протянулъ Яковъ, широко раскрывъ глаза.

— Вотъ это ужъ прямо стихи! — въ тонъ ему подтвердилъ Илья.

Лицо Пашки вспыхнуло слабымъ румянцемъ, и глаза его такъ сощурились, точно въ нихъ откуда-то дымъ попалъ.

— Я и длинные стихи буду сочинять! — похвалялся онъ. — Это вѣдь не больно трудно! Идешь и видишь — лѣсъ — лѣса, небо — небеса!.. А то поле — воля!.. Само собой выходитъ въ стихи!..

— А теперь-то что ты будешь дѣлать?—спросилъ его Илья.

Пашка мигнулъ глазами, оглянулся вокругъ, помолчалъ и, наконецъ, негромко и неувѣренно сказалъ:

— Что-нибудь!..

Но тотчасъ же снова рѣшительнымъ голосомъ объявилъ:

— А потомъ—опять убѣгу!..

Но пока онъ сталъ жить у сапожника, и каждый вечеръ ребятишки собирались къ нему. Въ подвалѣ было тише и лучше, чѣмъ въ каморкѣ Терентія. Перфишка рѣдко бывалъ дома—онъ пропиль все, что можно было пропить, и теперь ходилъ работать поденно по чужимъ мастерскимъ, а если работы не было—сидѣлъ въ трактирѣ. Онъ ходилъ полуголый, босый и всегда подъ-мышкой у него торчала любимая старенькая гармонія. Она какъ бы срослась съ его тѣломъ, а онъ вложилъ въ нее частицу своей веселой души, и они стали похожи другъ на друга — оба оборванные, угловатые, полные задорныхъ пѣсень и трелей. Вся мастеровщина въ городѣ знала Перфишку, какъ неистощимаго творца разудалыхъ и смѣшныхъ „частушекъ“—плясовыхъ пѣсенокъ и приговоровъ,—и сапожникъ былъ желаннымъ гостемъ въ каждой мастерской. И всѣ любили его за то, что тяжелую, скучную жизнь рабочаго люда онъ скрашивалъ своими пѣснями и складными, шутливыми рассказами о разныхъ разностяхъ.

Когда ему удавалось заработать нѣсколько копеекъ, онъ половину отдавалъ своей дочери—этимъ и ограничивались его заботы о ней. Она была полной хозяйкой своей судьбы. Она очень выросла, ея черные кудри спустились до плечъ, темные глаза стали серьезнѣе и больше, и—тоненькая гибкая—она хорошо

играла роль хозяйки въ своей маленькой норѣ. Она собирала щепы на постройкахъ, пробовала варить какія-то похлебки и до полудня ходила съ подоткнутымъ подоломъ, вся испачканная сажей, мокрая, озабоченная. А состряпавъ себѣ обѣдъ, убирала комнату, мылась, одѣвала чистое платье и садилась за столъ къ окну чинить что-нибудь изъ своей одежды. Ковыряя иглой лохмотья, она звонко распѣвала пѣсни и—живая, подвижная—была похожа на синицу въ клѣткѣ.

Къ ней часто приходила Матица, принося съ собой булку, чай, сахаръ, а однажды она даже подарила Машѣ голубое платье. Маша вела себя съ этой женщиной, какъ взрослый человѣкъ и хозяйка дома: она ставила маленькій жестяной самоваръ, угощала Матицу чаемъ, и, попивая горячій, вкусный чай, онѣ говорили о разныхъ дѣлахъ и ругали Перфишку. Матица ругалась съ увлеченіемъ, Маша вторила ей тонкимъ голосомъ, но безъ злобы, а какъ бы только изъ вѣжливости и по долгу хозяйки. Во всемъ, что она говорила про отца, всегда звучало снисхожденіе къ нему.

— Извѣстно ужъ,—ежели мужчина пьетъ, такъ отъ него мало толку,—разсуждала она.—Къ тому же онѣ веселье любить... Онѣ вѣдь для веселья пьетъ... Мать-то жива была—онѣ не много пилъ...

— А чтобъ въ него печенки зсохлись!—гудѣла Матица, свирѣпо поводя бровями.—Что жъ? Забылъ онѣ, пьянчуга, что въ него дитя малое зосталось? Гадка его морда, чтобъ здохъ, якъ песь!

— Онѣ вѣдь знаетъ, что я ужъ большая и все сама могу...—говорила Маша.

— Боже мой, Боже мой!—тяжело вздыхала Матица.—Что же это творится на свѣтѣ бѣломъ? Что будетъ съ дѣвочкой? Вотъ и у меня была дѣвочка, какъ ты!.. Зосталась она тамъ, дома... у городъ Хороли.... И это такъ далеко—городъ Хороль, что если бѣ меня и пустили туда, такъ не нашла бы я до него дороги.... Вотъ такъ-то бываетъ съ человѣкомъ!.. живетъ онѣ, живетъ на землѣ и забываетъ, гдѣ его родина...

Машѣ правилось слушать густой голосъ этой женщины съ большимъ лицомъ и глазами, какъ у коровы. И хотя отъ Матицы всегда пахло водкой—это не мѣшало Машѣ влѣзать на колѣни къ бабѣ, крѣпко прижимаясь къ ея большой, бугромъ выступавшей впередъ груди, и цѣловать ее въ толстыя губы красиво очерченнаго рта. Матица приходила по утрамъ, а вечеромъ у Маши собирались ребятишки. Они играли въ карты,—въ дураки, въ мельники, въ свои козыри,—но чаще сидѣли за

книжкой. Маша тоже съ большимъ интересомъ слушала чтеніе, а въ особенно страшныхъ мѣстахъ даже вскрикивала тихонько.

Яковъ относился къ дѣвочкѣ еще болѣе заботливо, чѣмъ прежде. Онъ постоянно таскалъ ей изъ дома куски хлѣба и мяса, чай, сахаръ, керосинъ въ бутылкахъ изъ-подъ пива, иногда давалъ деньги, оставшіяся отъ покупки книгъ. Онъ привыкъ дѣлать все это, и все выходило у него какъ-то незамѣтно, а Маша относилась къ его заботамъ, какъ къ чему-то вполнѣ естественному, и тоже не замѣчала ихъ.

— Яша!—говорила она,—углей нѣтъ!

— Ладно!

И черезъ нѣкоторое время онъ или приносилъ ей угли, или давалъ семишникъ, говоря:

— Ступай, купи!.. Украсть нельзя было!

Онъ притащилъ Машѣ грифельную доску и началъ по вечерамъ учить дѣвочку. Ученіе шло медленно, но все же въ два мѣсяца Маша умѣла назвать и написать на доскѣ всѣ буквы азбуки.

Илья тоже привыкъ къ этимъ отношеніямъ, да и всѣ на дворѣ какъ-то не замѣчали ихъ. Порой Илья и самъ, по порученію товарища, кралъ что-нибудь изъ кухни или буфета и тащилъ въ подвалъ къ сапожнику. Ему нравилась смуглая и тонкая дѣвочка, такая же сирота, какъ самъ онъ, а особенно нравилось то, что она умѣетъ жить одна и все дѣлаетъ, какъ большая. Онъ любилъ видѣть, какъ она смѣется, и постоянно старался смѣшить Машу. А когда это не удавалось ему,—Илья сердился и дразнилъ дѣвочку:

— Черномазая чумичка!

Она прищуривала глаза и говорила:

— Скуластый чортъ!..

Слово за слово и они ссорились серьезно: Маша быстро свирѣпѣла и бросалась на Илью съ намѣреніемъ поцарапать его, но онъ со смѣхомъ удовольствія убѣгалъ отъ нея.

Однажды, за картами, онъ уличилъ Машу въ плутовствѣ и въ ярости крикнулъ ей:

— Яшкина любовница!

А затѣмъ прибавилъ еще одно грязное слово, значеніе котораго уже было извѣстно ему. Яковъ былъ тутъ же. Сначала онъ засмѣялся, но увидавъ, что лицо его подруги искажилось отъ обиды, а на глазахъ ея блестятъ слезы, онъ замолчалъ и поблѣднѣлъ. И вдругъ вскочилъ со стула, бросился на Илью, ударилъ его въ носъ и, схвативъ за волосы, повалилъ на полъ. Все это произошло такъ быстро, что Илья даже не успѣлъ защититься

А когда онъ, ослѣпленный болью и обидой, всталъ съ пола и, наклонивъ голову, быкомъ пошелъ на Якова, говоря ему:

— Ну держись! Я тебя...—онъ увидалъ, что Яковъ жалабно плачетъ, облокотясь на столъ, а Маша стоитъ около него и говоритъ тоже со слезами въ голосъ:

— Не дружись съ нимъ. Онъ поганый... Онъ злющій! Они всѣ злые... у него отецъ въ каторгѣ... а дядя горбатый!.. У него тоже горбъ выростетъ! Пакостникъ ты!—смѣло наступая на Илью, кричала она.—Дрянъ паршивая!.. тряпичная твоя душа! Ну-ка иди? Иди-ка? Какъ я тебѣ рожу-то расцарапаю! Ну-ка сунься!?

Илья не сунулся. Ему стало нехорошо при видѣ плачущаго Якова, котораго онъ не хотѣлъ обижать, и было стыдно драться съ дѣвчонкой. А она стала бы драться, ужъ это онъ видѣлъ. Онъ ушелъ изъ подвала, не сказавъ ни слова, и долго ходилъ по двору, нося въ себѣ тяжелое, нехорошее чувство. Потомъ, подойдя къ окну Перфишкиной квартиры, онъ осторожно заглянулъ въ нее сверху внизъ. Яковъ съ подругой уже снова играли въ карты. Маша, закрывъ половину лица вѣромъ картъ, должно быть, смѣялась, а Яковъ смотрѣлъ въ свои карты и нерѣшительно трогалъ рукой то одну, то другую. Ильѣ стало грустно. Онъ походилъ по двору еще немного и смѣло пошелъ въ подвалъ.

— Примите меня!—сказалъ онъ, подходя къ столу. Сердце у него билось, а лицо горѣло и глаза были опущены. Яковъ и Маша молчали.

— Я не буду эдакъ ругаться!.. ей-Богу не буду!—сказалъ Илья, взглянувъ на нихъ.

— Ну ужъ садись... эхъ ты!—сказала Маша.

А Яковъ строго добавилъ:

— Дурачина! Не маленькій ужъ... Понимай, что говоришь...

— Нѣтъ, мы всѣ еще маленькіе!—стукнувъ кулакомъ по столу, возразила Маша Якову,—потому и нельзя намъ говорить похабныя слова.

— А какъ ты меня?—съ упрекомъ сказалъ Илья Якову.

— За дѣло! Не лайся...—резоннымъ тономъ и сердито бросила ему Маша.

— Ну, ладно! Я вѣдь не сержусь... я виновать-то...—сознался Илья и смущенно улыбнулся Якову.—И ты не сердись,—ладно?

— Ладно! Держи карты...

— Дикій чортъ!—сказала Маша, и этимъ все закончилось.

Черезъ минуту Илья, нахмуривъ брови, погрузился въ игру. Онъ всегда садился такъ, чтобы ему можно было ходить къ

Машѣ: ему страшно нравилось, когда она проигрывала, и во все время игры Илья упорно заботился объ этомъ. Но дѣвочка играла ловко, и чаще всего проигрывалъ Яковъ.

— Эхъ ты, лупоглазый!—съ ласковымъ сожалѣніемъ говорила Маша,—опять дуракъ.

— Ну ихъ къ лѣшему, карты эти! Надоѣло! Давайте снова „Камчадалку“ читать!

Они доставали растрепанную и испачканную книжку и читали о страданіяхъ влюбленной и несчастной „Камчадалки“.

Когда Пашка Грачевъ присмотрѣлся къ этой жизни, онъ сказалъ тономъ бывалаго человѣка:

— А вы, черти, здорово живете!

Потомъ онъ поглядѣлъ на Якова и Машу и съ усмѣшкой, но серьезно добавилъ:

— Такъ и живите! А потомъ ты, Яковъ, возьми замужъ Машку-то.... вотъ!

— Дуракъ!..—смѣясь, сказала Маша, и всѣ четверо захохотали.

Когда прочитывали книжку или уставали читать, Пашка рассказывалъ о своихъ приключеніяхъ, и его рассказы были интересны не менѣе книгъ.

— Какъ уразумѣлъ я, братцы, что нѣтъ мнѣ ходу безъ пачпорта,—началъ я хитрить. Увижу будочника—сейчасъ иду скоро, будто кто послалъ меня куда, а то такъ держусь около какого-нибудь мужика, будто онъ хозяинъ мой или тамъ отецъ, или кто.... Будочникъ поглядитъ и ничего,—не хватаетъ... Въ деревняхъ хорошо, тамъ никакихъ будочниковъ совсѣмъ нѣтъ: одни старики да старухи и ребятишки, а мужики въ полѣ. Спросить—кто такой? Нищій... Чей? Безъ роду... Откуда? Изъ города. Вотъ и все! Поятъ, кормятъ хорошо. Идешь это... идешь, какъ хочется: хоть бѣгомъ луни, хоть на брюхѣ ползи.... Поле вездѣ, лѣсъ... жаворонки поютъ.... такъ бы къ нимъ и полетѣлъ! Коли сытъ—ничего не хочется, такъ бы все и шелъ до самаго до края свѣта. Все равно какъ будто кто тащитъ тебя впередъ... какъ малаго ребенка мать несетъ. А то и голодалъ я—фью-ю! Бывало, кишки трещали—вотъ до чего брюхо высыхало! Хоть землю жри! Въ башкѣ мутилось... Зато какъ добьешься хлѣбца да воткнешь въ него зубы-то—ы-ыхъ! День и ночь ѣлъ бы. Хорошо было!.. А все-таки какъ въ тюрьму попалъ—обрадовался... Сначала испугался, а ужъ потомъ радостно стало! Очень я будочниковъ боялся. Думаю, схватятъ меня да ка-акъ начнутъ пороть—и запорютъ! А онъ меня легонько... подошелъ сзади да за шиворотъ—цапъ! Я у магазина на часы смотрѣлъ.... Множество ча-

совъ—золотые и разные. Цапъ! Я какъ зареву! А онъ меня ласково: кто ты да откуда? Ну, я и сказалъ, — все равно они узнали бы: они все знаютъ... Ну, онъ меня въ полицію... Тамъ разные господа... Куда идешь? Странствую... Хохочуть... Потомъ въ тюрьму... Тамъ тоже всѣ хохочуть. А потомъ господа эти меня къ себѣ приспособили... Вотъ черти были! Ого-го!

О господахъ онъ говорилъ больше междометіями,—очевидно, они очень поразили его воображеніе, но ихъ фигуры какъ-то расплылись въ памяти и смѣшались въ одно большое, мутное пятно. Проживъ у сапожника около мѣсяца, Пашка снова исчезъ куда-то. Потомъ Перфѣшка узналъ, что онъ поступилъ въ типографію и живетъ гдѣ-то далеко въ городѣ. Услышавъ объ этомъ, Илья съ завистью вздохнулъ и сказалъ Якову:

— А мы съ тобой видно такъ тутъ и прокиснемъ...

Первое время послѣ исчезновенія Пашки Илья чего-то не хватало, но вскорѣ онъ снова попалъ въ колею чудеснаго и чуждаго жизни. Снова началось чтеніе книжекъ, и душа Илья погрузилась въ сладкое состояніе полудремоты.

Пробужденіе было грубо и неожиданно. Илья, еще будучи въ школѣ, слышалъ, какъ дядя говорилъ:

— Скоро ты выучишься... минеть тебѣ четырнадцать лѣтъ... Мѣсто надо присматривать...

— Присмотримъ!—воскликнулъ Петруха.—При нашемъ знакомствѣ это очень даже просто... Яшкѣ вотъ не надо мѣста, ему—уготовано! Еще годикъ поболтается—за буфетъ! А для тебя, Тереха, другой трактиръ открою, гдѣ-нибудь поблизости. Сиди на отчетѣ, вродѣ какъ самъ себѣ хозяинъ... Н-да, могу хвалить Господа, позаботился Онъ обо мнѣ.

До Илья эти рѣчи доходили откуда-то издалека; онѣ не вязались съ тѣмъ, что въ эту пору занимало его, и не возбуждали въ немъ никакихъ думъ. Но вотъ однажды утромъ дядя разбудилъ его, говоря:

— Умойся почище, да скорѣе...

— Куда?—сонно спросилъ Илья.

— На мѣсто! Слава Богу! Нашлось!.. Въ рыбной лавкѣ будешь служить.

У Илья сжалось сердце отъ какого-то неприятнаго предчувствія. Желаніе уйти изъ этого дома, гдѣ онъ все зналъ и ко всему привыкъ, вдругъ исчезло, а эта комната, которую онъ не любилъ, теперь показалась ему такой чистой, свѣтлой. Сидя на кровати, онъ смотрѣлъ въ полъ и ему не хотѣлось одѣваться...

Пришелъ Яковъ, хмурый и нечесанный, склонилъ голову къ лѣ-
вому плечу и, вскользь взглянувъ на товарища, сказалъ:

— Иди скорѣе, отецъ ждетъ... Ты приходишь сюда будешь?

— Буду...

— То-то... Къ Манькѣ зайди проститься.

— Чай, я не навсегда уйду,—сердито молвилъ Илья.

Но Манька сама пришла. Она встала у дверей и, поглядѣвъ
на Илью, грустно сказала:

— Вотъ тебѣ и прощай!

Илья съ сердцемъ рванулъ курточку, которую надѣвалъ, и
выругался. Манька и Яковъ, оба въ разъ, глубоко вздохнули.

— Такъ приходи же!—сказалъ Яковъ.

— Да ла-адно!—сурово отвѣтилъ Илья.

— Ишь зафорсиль, приказчикъ!..—замѣтила Маша.

— Эхъ ты... ду-ура!—тихо и съ укоромъ отвѣтилъ ей Илья.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ шелъ по улицѣ съ Петрухой,
парадно одѣтымъ въ длинный сюртукъ и скрипучіе сапоги, и
буфетчикъ внушительно говорилъ ему:

— Веду я тебя служить человѣку почтенному, всему городу
извѣстному, Кирилу Иванычу Строганому... Онъ за доброту свою
и благодѣянія медали получалъ—не токмо что! И состоитъ онъ
гласнымъ въ думѣ, а можетъ, будетъ избранъ даже и въ град-
скіе головы. Служи ему вѣрой и правдой, а онъ тебя, между
прочимъ, въ люди произведетъ... Ты парнишко сурьезный, не ба-
ловникъ... А для него оказать человѣку благодѣяніе—все равно,
что плюнуть...

Илья слушалъ и пытался представить себѣ купца Строганого.
Ему почему-то стало казаться, что купецъ этотъ долженъ быть
похожъ на дѣдушку Еремѣя,—такой же тощій, добрый и пріят-
ный. Но когда онъ пришелъ въ лавку, тамъ за конторкой стоялъ
высокій мужикъ съ огромнымъ животомъ. На головѣ у него не
было ни волоса, но лицо отъ глазъ до шеи заросло густой, ры-
жей бородой. Брови тоже были густыя и рыжія, а подъ ними
сердито бѣгали маленькіе, зеленоватые глазки.

— Кланяйся!—шепнулъ Петруха Ильѣ, указывая глазами на
рыжаго мужика. Илья разочарованно опустилъ голову.

— Какъ зовутъ?—загудѣлъ въ лавкѣ густой бась.

— Ильею,—отвѣтилъ Петруха.

— Ну, Илья, гляди у меня въ оба, а зри—въ три! Теперь у
тебя, кромѣ хозяина, никого нѣтъ! Ни родныхъ, ни знакомыхъ—
понялъ? Я тебѣ мать и отецъ,—а больше отъ меня тебѣ никакихъ
рѣчей не будетъ...

Илья исподлобья осматривалъ лавку. Въ корзинахъ со льдомъ лежали огромные сомы и осетры, на полкахъ полтѣницами были сложены сушеные судаки, сазаны и всюду блестяли жестяныя коробки. Густой запахъ тузлука стоялъ въ воздухѣ, и въ лавкѣ было душно, тѣсно, сыро. На полу въ большихъ чанахъ тихо и безшумно плавала живая рыба—стерляди, налимы, окуни, язи. Но одна небольшая щука дерзко металась въ водѣ, толкала другихъ рыбъ и сильными ударами хвоста разбрызгивала воду на полъ. Ильѣ стало жалко ее.

Одинъ изъ приказчиковъ—маленькій, толстый, съ круглыми глазами и крючковатымъ носомъ, очень похожій на филина—заставилъ Илью выбирать изъ чана уснувшую рыбу. Мальчикъ засучилъ рукава и началъ хватать рыбъ, какъ попало.

— За башки бери, дубина!—вполголоса сказалъ приказчикъ.

Иногда Илья по ошибкѣ хваталъ живую неподвижно стоявшую рыбу; она выскальзывала изъ его пальцевъ и, судорожно извиваясь, тыкалась головой въ стѣны чана.

— Возись живѣе!—командовалъ приказчикъ.

Но Илья укололъ себѣ палецъ костью плавника и, сунувъ его въ ротъ, сталъ сосать.

— Вынь палецъ!—басомъ крикнулъ хозяинъ.

Потомъ мальчику дали большой, тяжелый топоръ, велѣли ему слѣзть въ подвалъ и разбивать тамъ ледъ такъ, чтобъ онъ улегся ровно. Осколки льда прыгали ему въ лицо, попадали за воротъ, въ подвалъ было холодно и темно, топоръ, при неосторожномъ размахѣ, задѣвалъ за потолокъ. Черезъ нѣсколько минутъ Илья, весь мокрый, вылѣзъ изъ подвала и заявилъ хозяину:

— Я разбилъ тамъ какую-то банку...

Хозяинъ внимательно поглядѣлъ на него и молвилъ:

— На первый разъ прощаю. За то прощаю, что самъ сказалъ... За второй разъ—нарву уши...

И завертѣлся Илья незамѣтно и однообразно, какъ винтикъ въ большой и шумной машинѣ. Онъ вставалъ въ пять часовъ утра, чистилъ обувь хозяина, его семьи и приказчиковъ, потомъ шелъ въ лавку, мелъ ее, мылъ столы и вѣсы. Являлись покупатели,—онъ подавалъ товаръ, выносилъ покупки, потомъ шелъ домой за обѣдомъ. Послѣ обѣда дѣлать было нечего, и если его не посылали куда-нибудь, онъ стоялъ у двери лавки, смотрѣлъ на суету базара и думалъ о томъ, какъ много на свѣтѣ людей, и какъ много ѣдятъ они рыбы, мяса, овощей. Однажды онъ спросилъ приказчика, похожаго на филина:

— Михайль Игнатьичъ!

— Ну-съ?

— А что будутъ люди ѣсть, когда выловятъ всю рыбу и изрѣжутъ весь скоть?

— Дуракъ!—отвѣтилъ ему приказчикъ.

Другой разъ онъ взялъ газету съ прилавка и, стоя у двери, сталъ читать ее. Но приказчикъ вырвалъ газету изъ его рукъ, щелкнулъ его пальцемъ по носу и угрожающе спросилъ:

— Кто тебѣ позволилъ, а? Осель...

Этотъ приказчикъ сразу не понравился Ильѣ. Говоря съ хозяиномъ, онъ почти ко всякому слову прибавлялъ почтительный свистящій звукъ, а за глаза называлъ купца Строганого мошенникомъ, ханжей и рыжимъ чортомъ. По субботамъ и передъ праздниками хозяинъ уѣзжалъ изъ лавки ко всеобщей, а къ приказчику приходила его жена или сестра, и онъ отправлялъ съ ними домой кулекъ рыбы, икры, консервовъ. Любилъ приказчикъ издѣваться надъ нищими, среди которыхъ было много стариковъ, напоминавшихъ Ильѣ о дѣдушкѣ Еремѣѣ. Когда къ дверямъ лавки подходилъ какой-нибудь старикъ и, кланяясь, тихо просилъ милостыню, приказчикъ бралъ за голову маленькую рыбку и совалъ ее въ руку нищаго хвостомъ такъ, чтобъ кости плавниковъ вонзались въ мякоть ладони просящаго. И когда нищій, вздрагивая отъ боли, отдергивалъ руку, приказчикъ насмѣшливо и сердито кричалъ:

— Не хочешь? Мало? Пшелъ прочь...

А однажды старуха-нищая взяла тихонько сушенанаго судака и спрятала его въ своихъ лохмотьяхъ; приказчикъ видѣлъ это: онъ схватилъ старуху за воротъ, отнял украденную рыбу, а потомъ нагнулъ голову старухи и правой рукой, снизу вверхъ, ударилъ ее по лицу. Она не охнула и не сказала ни слова, а, наклонивъ голову, молча пошла прочь, и Ильѣ видѣлъ, какъ изъ нея разбитаго носа въ два ручья текла темная кровь.

— Получила?—крикнулъ приказчикъ вслѣдъ ей.

И, обращаясь къ другому приказчику, Карпу, сказалъ:

— Ненавижу я нищихъ!.. Дармоѣды! Ходятъ, просятъ и—сыты! И хорошо живутъ... Братія Христова, говорятъ про нихъ. А я кто Христу? Чужой? Я всю жизнь верчусь, какъ червь на солнцѣ, а нѣтъ мнѣ ни покоя, ни уваженія...

Другой приказчикъ, Карпъ, былъ человекъ молчаливый и богомольный. Разговаривалъ онъ только о храмахъ, пѣвчихъ, архіерейской службѣ и каждую субботу очень мучился при мысли, что опоздаетъ ко всеобщей. Еще его интересовали фокусы, и каждый разъ, когда въ городѣ появлялся какой-нибудь „магъ и чародѣй“, Карпъ непременно шелъ смотрѣть на него... Былъ

онъ высокъ, худъ и очень ловокъ; когда въ лавкѣ скоплялось много покупателей, онъ извивался среди нихъ, какъ змѣя, всѣмъ улыбаясь, со всѣми разговаривая, и все поглядывалъ на большую фигуру хозяина, точно хвастаясь предъ нимъ своимъ умѣньемъ дѣлать дѣло. Къ Ильѣ онъ относился пренебрежительно и насмѣшливо, и мальчикъ тоже не влюбилъ его. Но хозяинъ нравился Ильѣ. Съ утра до вечера купецъ стоялъ за конторкой, открывалъ ящикъ и швырялъ въ него деньги. Илья видѣлъ, что онъ дѣлаетъ это равнодушно, безъ жадности, и мальчику почему-то было пріятно видѣть это. Пріятно было и то, что хозяинъ разговаривалъ съ нимъ чаще и ласковѣе, чѣмъ съ приказчиками. Въ тихое время, когда покупателей не было, купецъ иногда обращался къ Ильѣ, понуро стоявшему у двери.

— Эй, Илья, дремлешь?

— Нѣтъ...

— То-то... А чего ты сурезный всегда?

— Я... не знаю...

-- Скушно что ли?

— Да-а...

— Ну, ладно, поскучай! И я скучалъ, было время... Съ девяти до тридцати двухъ лѣтъ скучалъ я по чужимъ людямъ... А теперь—двадцать третій годъ гляжу, какъ другіе скучаютъ...

И онъ покачивалъ головой, какъ бы договаривая:

— Ничего не подѣлаешь больше-то!

Послѣ двухъ, трехъ такихъ разговоровъ Илью сталъ занимать вопросъ: зачѣмъ этотъ богатый, почетный человекъ торчитъ цѣлый день въ грязной лавкѣ и дышитъ кислымъ, ѣдкимъ запахомъ соленой рыбы, когда у него есть такой большой, чистый домъ? Это былъ странный домъ: въ немъ все было строго и тихо, все совершалось въ незыблемомъ порядкѣ. И было въ немъ тѣсно, хотя въ обоихъ этажахъ, кромѣ хозяина, хозяйки и трехъ дочерей, жили только кухарка, она же и горничная, и дворникъ, онъ же и кучеръ. Всѣ въ домѣ говорили не полнымъ голосомъ, а проходя по огромному, чистому двору, всѣ жались къ сторонкѣ, точно боясь выйти и на широкое, открытое пространство. Сравнивая этотъ спокойный, солидный домъ съ домомъ Петрухи Илья неожиданно пришелъ къ мысли, что въ домѣ Петрухи лучше жить, хотя тамъ и бѣдно, и шумно, и грязно. Эта мысль удивила его, и онъ не хотѣлъ вѣрить ей. Но она все чаще и настойчивѣе шевелилась въ его головѣ. А то, что самъ хозяинъ не живетъ дома, только утверждало ее. И мальчику страшно захотѣлось спросить купца: зачѣмъ онъ беспокоитъ себя, живя весь день на базарѣ, въ шумѣ и суетѣ, а не дома, гдѣ тихо и смирно?

Однажды, когда Карпъ ушелъ куда-то, а Михаилъ отбиралъ въ подвалѣ попорченную рыбу для богадѣльни, хозяинъ заговорилъ съ Ильей, а мальчикъ вдругъ и торопливо сказалъ ему:

— Вамъ бы, Кирилъ Ивановичъ, пора ужъ бросить торговлю-то... Вы ужъ вѣдь богатый... Дома у васъ хорошо, а здѣсь вонь... и скука...

Строганый, облокотясь о конторку, зорко смотрѣлъ на него, и рыжія брови у купца вздрагивали.

— Ну?— спросилъ онъ, когда Илья замолчалъ.— Все сказалъ?

— Все...— смущенно и съ испугомъ въ сердцѣ отозвался Илья.

— Подъ-ка сюда!

Илья подошелъ. Тогда купецъ взялъ его за подбородокъ, поднялъ его голову кверху и, прищуренными глазами глядя въ лицо ему, спросилъ:

— Это тебя научили говорить такъ или ты самъ выдумалъ?

— Ей-Богу самъ.

— Н-да... Коли самъ, такъ... ладно... Ну, скажу я тебѣ вотъ что... больше ты со мной, хозяиномъ твоимъ— понимаешь?— хозяиномъ! — говорить такъ не смѣй! Запомни! Пошелъ на свое мѣсто...

А когда пришелъ Карпъ, хозяинъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, заговорилъ, обращаясь къ приказчику, но искоса и замѣтно для Ильи поглядывая на него:

— Человѣкъ всю жизнь долженъ какое-нибудь дѣло дѣлать— всю жизнь!.. Дуракъ тотъ, кто этого не понимаетъ. Какъ можно зря жить, ничего не дѣлая? Никакого смыслу нѣтъ въ человѣкѣ, который къ дѣлу своему не привержень...

— Совершенно справедливо, Кирилъ Ивановичъ!— отозвался приказчикъ и внимательно повелъ глазами по лавкѣ, какъ бы отыскивая въ ней какое-нибудь дѣло для себя. Илья взглянулъ на хозяина и задумался. Все скучнѣе жилось ему среди этихъ людей. Дни тянулись одинъ за другимъ, какъ длинныя сѣрыя нити, разматываясь съ какого-то невидимаго огромнаго клубка, и мальчику стало казаться, что ужъ конца не будетъ этимъ днямъ, всю жизнь свою онъ простоятъ у дверей, слушая базарный шумъ. Но его мысль, возбужденная ранѣе пережитыми впечатлѣніями и прочитанными книжками, не поддавалась умиротворяющему вліянію однообразія этой жизни и тихо, но неустанно работала. Душа мальчика воспринимала впечатлѣнія, они тлѣли въ ней и отъ этого тлѣнія голова его постепенно отягощалась туманомъ сужденій о всемъ, что происходило предъ его глазами. Ему не съ кѣмъ было говорить, онъ не могъ рассказать своихъ думъ кому-нибудь другому и хранилъ ихъ въ себѣ. Ихъ было мно-

жество, онъ тяготили его, но были неясны, сливались одна съ другой, поглощали одна другую и тяжелымъ комомъ давили его грудь и голову. Порой ему—молчаливому и серьезному—становилось такъ скучно смотрѣть на людей, что хотѣлось закрыть глаза и уйти куда-нибудь далеко,—дальше, чѣмъ Пашка Грачевъ ходилъ,—уйти и ужъ не возвращаться сюда, въ эту сбрую скуку и непонятную людскую суету.

Въ праздники его посылали въ церковь. И онъ возвращался оттуда всегда съ такимъ чувствомъ, какъ будто сердце его омыли въ храмѣ душистою, теплою влагой. Къ дядѣ за полгода службы его отпускали два раза. Тамъ все шло попрежнему. Горбунъ худѣлъ, а Петруха посвистывалъ все громче, и лицо у него изъ розоваго становилось краснымъ. Яковъ жаловался, что отецъ притѣсняетъ его.

— Все журить: дѣло, говорить, дѣлай... Я, говорить, книжника не хочу... Но ежели мнѣ противно за стойкой торчать? Шумъ, гамъ, вой, ревъ... самого себя не слышно!.. Я говорю: отдай меня въ приказчики куда-нибудь... Вотъ бы въ лавку, гдѣ иконами торгуютъ... Покупателя тамъ бываетъ мало, а иконы я люблю...

Глаза у Якова грустно мигали, кожа на лбу отчего-то пожелтѣла и свѣтилась, какъ лысина на головѣ его отца.

— Книжки-то читаете?—спросилъ Илья.

— А какъ же? Только и радости вижу... Пока читаешь, ровно въ другомъ городѣ живешь... а кончишь—какъ съ колокольни упаль...

Илья посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Какой ты старый сталъ... А Машутка гдѣ?

— Въ богадѣльню пошла за милостыней. Теперь я ей не много могу помочь: отецъ-то слѣдить... А Перфишка все хвораешь... Такъ Манька-то начала въ богадѣльню ходить... шей тамъ даютъ ей и всего... Матица помогаетъ еще... Сильно бьется Маша...

— Тоже и у васъ скушно,—задумчиво сказалъ Илья.

— А тебѣ очень скушно?

— Смерть!.. У васъ хоть книжки... а у насъ во всемъ домѣ одинъ „Новѣйшій фокусникъ и чародѣй“ у приказчика въ сундукѣ лежитъ, да и того я не добьюсь почитать... не даетъ, жуликъ.

— Плохо, видно, зажили мы, Яковъ...

— Плохо, братъ...

Они поговорили еще немного и простились, оба грустные и задумчивые.

Прошло еще нѣсколько недѣль такой жизни, и вдругъ судьба

сурово, но все же милостиво улыбнулась Ильѣ. Однажды утромъ, во время оживленной торговли, хозяинъ, стоя за конторкой, вдругъ быстро началъ перебирать все на ней. Любовь его покраснѣла, густо налившись кровью, и на шеѣ туго вздулись жилы.

— Ильѣ!—крикнулъ онъ.—Погляди-ка на полу... не лежить ли гдѣ десятирублевка...

Ильѣ взглянулъ на купца, потомъ быстрымъ взглядомъ окинулъ полъ и спокойно сказалъ:

— Нѣтъ...

— Я те говорю—погляди, какъ слѣдуетъ...—рвкнулъ хозяинъ своимъ рѣзкимъ басомъ.

— Да я глядѣлъ...

— Мм... хорошо же, упрямая шельма!—пригрозилъ ему хозяинъ.

А когда покупатели ушли, онъ позвалъ Илью, схватилъ крѣпкими и толстыми пальцами его ухо и началъ рвать изъ стороны въ сторону, приговаривая рычащимъ голосомъ:

— Велять глядѣть—гляди, велять глядѣть—гляди...

Ильѣ уперся обѣими руками въ брюхо хозяина, сильно оттолкнулся, вырвалъ ухо изъ его пальцевъ и злымъ голосомъ, съ дрожью обиды во всемъ тѣлѣ, громко закричалъ:

— Что вы деретесь? Деньги Михаилъ Игнатычъ утащилъ... да! Онъ у него въ лѣвомъ карманѣ, въ жилеткѣ...

Совиное лицо приказчика изумленно вытянулось, дрогнуло, и вдругъ, размахнувшись правой рукой, онъ ударилъ Илью въ ухо. Мальчикъ подскочилъ отъ удара, упалъ со стономъ и, заливаясь слезами, поползъ по полу въ уголъ лавки. Какъ сквозь сонъ онъ слышалъ звѣриный ревъ хозяина:

— Стой! Куда? Подай деньги...

— Онъ вреть-съ...—раздавался тонкій голосъ приказчика.

— Поди сюда...

— Ей-Богу-съ...

— Гирей кину въ башку!

— Кирилъ Иванычъ... Мои это-съ... Р-разрази меня...

— Молчать!..

И стало тихо. Хозяинъ ушелъ въ свою комнату, и тотчасъ же оттуда донеслось громкое щелканье косточекъ на счетахъ. Ильѣ, держась за голову руками, сидѣлъ на полу и съ ненавистью смотрѣлъ на приказчика, который стоялъ въ другомъ углу лавки и тоже смотрѣлъ на мальчика нехорошими глазами.

— Что, сволочь, здорово я тебя двинулъ?—тихо спросилъ, онъ, оскаливъ зубы.

Ильѣ дернулъ плечомъ и промолчалъ.

— А сейчас я тебѣ еще дамъ... памятку!

Приказчикъ, не торопясь, пошелъ на мальчика, уставивъ въ лицо его свои круглые, злые глаза. Но Илья всталъ на ноги, твердымъ движеніемъ взялъ съ прилавка длинный и тонкій ножъ и сказалъ:

— Иди!

Тогда приказчикъ остановился, неподвижными глазами измѣряя коренастую, крѣпкую фигурку съ длинными руками и ножомъ въ одной изъ нихъ, остановился и презрительно протянулъ:

— А, ка-аторжное отродье...

— Ну иди, иди!—повторилъ мальчикъ, шагнувъ навстрѣчу ему. Предъ глазами Ильи все вздрагивало и кружилось, а въ груди своей онъ ощущалъ большую силу, смѣло толкавшую его впередъ.

— Брось ножъ!—раздался голосъ хозяина.

Илья вздрогнулъ, взглянулъ на рыжую бороду и налитое кровью лицо, но не тронулся съ мѣста.

— Положи, говорю, ножъ!—тише сказалъ хозяинъ.

Илья, плавая въ какомъ-то мутномъ туманѣ, положилъ ножъ на прилавокъ, громко всхлипнулъ и снова сѣлъ на полъ. Голова у него кружилась и болѣла, ухо саднило, онъ задыхался отъ огромной тяжести, выросшей въ его груди. Она затрудняла біеніе сердца, медленно поднималась къ горлу и мѣшала ему говорить. Голосъ хозяина донесся до него откуда-то издали:

— Получи расчетъ, Мишка...

— Позвольте-съ...

— Вонъ! А то полицію позову...

— Хорошо-съ! Я—уйду... Но и за этимъ мальчикомъ вы поглядывайте... Совѣтую-съ... Онъ съ ножичкомъ... хе-хе! У него папенька-то въ каторгѣ-съ... хе-хе!

— Вонъ!

И снова въ лавкѣ стало тихо. Илья оглянулся отъ неприятнаго ощущенія: ему показалось, что по лицу его что-то ползаетъ. Онъ провелъ рукой по щекѣ, отеръ слезы и увидалъ, что изъ за конторки на него смотритъ хозяинъ острымъ, царапающимъ взглядомъ. Тогда онъ всталъ и пошелъ нетвердымъ шагомъ къ двери, на свое мѣсто.

— Стой, погоди!—сказалъ хозяинъ.—Могъ ты ударить его ножомъ?

— Ударилъ бы!—тихо, но твердо отвѣтилъ мальчикъ.

— Та-акъ... У тебя отецъ за что въ каторгу ушелъ—убилъ?

— Поджогъ...

— И то хорошо...

Пришелъ Карпъ, смиренно сѣлъ у двери на табуретку и сталь смотрѣть на улицу.

— Карпушка!—съ усмѣшкой глядя на него, сказалъ хозяинъ.— Михаила-то я прогналъ...

— Воля ваша, Кирилъ Ивановичъ!

— Воровать сталь, а?

— А-я-яй!—тихонько и съ испугомъ воскликнулъ Карпъ.— Да неужто? А-а?

Рыжая борода хозяина вздрогнула отъ усмѣшки, и онъ расхотался, покачиваясь за конторкой.

— Хо-хо-хо! Ахъ, Карпушка... фокусникъ ты у меня... смиренная душа...

Потомъ онъ вдругъ пересталь смѣяться, глубоко вздохнулъ и задумчиво, сурово сказалъ:

— Эхъ, люди, люди! Человѣки... Всѣ-то вы жить хотите, всѣмъ-то жрать надо, да чтобы каждому получше, повкуснѣе...

Онъ кивнулъ головой и замолчалъ.

А Илья, стоя у конторки, чувствовалъ себя обиженнымъ тѣмъ, что хозяинъ не обращаетъ болѣе на него вниманія.

— Н-ну, Илья,—послѣ долгаго и внушительнаго молчанія заговорилъ купецъ,—давай, побесѣдуемъ... Перво-на-перво скажи-ка мнѣ—замѣчалъ ты раньше, что Михайло воруетъ?

— Замѣчалъ... Онъ все воровалъ... и рыбу, и все...

— А что же ты мнѣ не сказалъ про это?

— Такъ...—подумавъ, отвѣтилъ Илья.

— Боялся его, что ли?

— Нѣтъ, не боялся...

— Та-акъ... Что же ты мнѣ не сказалъ: хозяинъ, молъ, грабятъ тебя...

— Не знаю... не хотѣлось...

— М-м... Значить, теперь ты мнѣ со зла сказалъ...

— Да,—твердо отвѣтилъ Илья.

— Ишь-ты... какой!—воскликнулъ хозяинъ. Потомъ онъ долго гладилъ свою рыжую бороду, не говоря ни слова и серьезно разглядывая Илью.

— Ну, а самъ ты, Илья, воровалъ?

— Нѣтъ...

— Вѣрю... Ты—не воровалъ... Ну-съ, а Карпъ, вотъ этотъ самый Карпъ, онъ какъ,—воруетъ?

— Воруетъ!—какъ эхо повторилъ мальчикъ.

Карпъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, мигнулъ глазами и спокойно отворотился въ сторону, какъ будто дѣло совершенно не касалось его. Хозяинъ угрюмо сдвинулъ брови и снова на-

чалъ гладить бороду. Илья чувствовалъ, что происходитъ что-то странное, и напряженно ждалъ конца. Въ пахучемъ воздухѣ лавки жужжали мухи и былъ слышенъ тихій плескъ воды въ чанѣ съ живой рыбой.

— Карпушка!—окрикнулъ купецъ приказчика, неподвижно и со вниманіемъ смотрѣвшаго на улицу.

— Чего изволите?—откликнулся Карпъ, быстро подходя къ хозяину и глядя въ лицо ему своими вѣжливо-ласковыми глазами.

— Слышалъ ты, что про тебя сказано?—съ усмѣшкой спросилъ Строганный.

— Слышалъ...

— Ну и что же?

— Ничего...—пожавъ плечами, сказалъ Карпъ.

— Т. е. какъ же—ничего?

— Очень просто, Кирилъ Ивановичъ. Я, Кирилъ Ивановичъ, имѣю свое достоинство, будучи человѣкомъ, уважающимъ себя, и потому на мальчика мнѣ не подобаетъ обижаться. Какъ сами изволите видѣть, мальчикъ откровенно глупъ, не имѣетъ никакихъ понятій... и я могу ему дерзость его совершенно простить...

— погоди! Ты мнѣ зубовъ не заговаривай! ты скажи—правду онъ говорилъ?

— Что такое правда, Кирилъ Ивановичъ?—тихо воскликнулъ Карпъ, снова пожимая плечами, и склонилъ голову на бокъ.— Всякъ по-своему ее разумѣетъ... И, конечно, ежели вамъ угодно—то вы его слова примете за правду, а не угодно—на то воля ваша...

Карпъ вздохнулъ и, поклонившись хозяину, обиженно развелъ руками.

— Н-да, на все здѣсь воля моя...—согласился хозяинъ.—Такъ по-твоему мальчонка-то глупъ?

— Совершенно глупъ,—съ глубокой увѣренностью сказалъ Карпъ.

— Ну это ты, пожалуй, и врешь...—неопредѣленно сказалъ Строганный и вдругъ захохоталъ.

— Нѣтъ, какъ это онъ ляпнулъ прямо въ зенки тебѣ... хо-хо! Воруешь Карпъ? Воруешь! Хо-хо-хо!

Илья отошелъ къ двери, всталъ тамъ и, слушая этотъ разговоръ, чувствовалъ, что онъ обижаетъ его. Но когда хозяинъ засмѣялся, онъ почувствовалъ, какъ въ сердцѣ его всыхнула мстительная радость, съ торжествомъ на лицѣ взглянулъ на Карпа и съ благодарностью—на хозяина. Строганный щурилъ глаза отъ удовольствія смѣяться, а Карпъ прислушался къ хозяйскому смѣху и тоже выпустилъ изъ горла сухонькій и осторожный смѣшокъ:

— Хе, хе, хе!..

Но Строганный, услыхавъ эти жиденъкіе звуки, сурово скома-
довалъ:

— Запирай лавку!..

Когда Илья шелъ домой, Карпъ, потрясая головою, говорилъ ему:

— Дуракъ ты, дуракъ. Ну, сообрази, зачѣмъ затѣялъ ты канитель эту? Развѣ такъ предъ хозяевами выслуживаются на первое мѣсто? Дубина! Ты думаешь, онъ не знаетъ, что мы съ Мишкой воровали? Да онъ самъ съ того жизнь начиналъ... хе, хе! Что онъ Мишку прогналъ—за это я обязанъ по всей моей совѣсти сказать тебѣ спасибо! А что ты про меня сказалъ—это тебѣ не простится никогда.... заранѣе говорю! Это, называется, глупая дерзость! При мнѣ и про меня—эдакое слово сказать. Нѣ-ѣтъ! Я тебѣ его попомню... Оно указываетъ, что ты меня не уважаешь...

Илья молча слушалъ эту рѣчь, но плохо понималъ ее. По его разумѣнію, Карпъ долженъ былъ сердиться на него не такъ: онъ былъ увѣренъ, что приказчикъ дорогой поколотитъ его, и даже боялся идти домой... Но вмѣсто злобы въ словахъ Карпа звучала только насмѣшка, и даже угрозы его не пугали Илью. Смыслъ рѣчей Карпа выяснился для Ильи въ тотъ же вечеръ, когда хозяинъ позвалъ его къ себѣ, на верхъ.

— Ага! Ну-ка, поди-ка!—проводилъ его Карпъ зловѣщимъ восклицаніемъ.

Войдя на верхъ, Илья остановился у двери большой комнаты, среди которой, подъ тяжелой лампой, опускавшейся съ потолка, стоялъ круглый столъ съ огромнымъ самоваромъ на немъ. Вокругъ стола сидѣлъ хозяинъ съ женой и дочерьми—всѣ три дѣвочки были какъ разъ на голову ниже одна другой, волосы у всѣхъ были рыжіе, и бѣлая кожа на ихъ длинныхъ лицахъ была густо усѣяна веснушками. Когда Илья вошелъ, онѣ плотно придвинулись одна къ другой и со страхомъ уставились на него тремя парами голубыхъ глазъ.

— Вотъ онъ!—сказалъ хозяинъ.

— Скажите, пожалуйста, какой!—опасливо воскликнула хозяйка и такъ посмотрѣла на Илью, точно раньше она никогда не видала его. Строганный усмѣхнулся, погладилъ бороду, постучалъ пальцами по столу и внушительно заговорилъ:

— Позвалъ я тебя, Илья, зачѣмъ, чтобы сказать тебѣ—ты мнѣ больше не нуженъ, стало быть собирай свою хурду-мурду и уходи...

Илья вздрогнулъ, удивленно раскрылъ ротъ, но не сумѣлъ сказать ни слова и, повернувшись, пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Стой!—сказаль купецъ, протянувъ къ нему руку, и, стукнувъ по столу ладонью, повториль тономъ ниже:

— Стой!

Затѣмъ онъ подняль палець кверху и солидно, медленно заговориль снова:

— Позваль я тебя не за однимъ этимъ... Нѣтъ... Поучить тебя надо... Надо объяснить тебѣ, почему ты сталъ мнѣ вреденъ. Никакого худа ты мнѣ не сдѣлалъ... паренекъ ты грамотный... и не лѣнивый... честный и здоровый... н-да! Все это твои козыри. Но и съ этими козырями ты мнѣ не нуженъ... такъ сказать, не ко двору... Почему,—вопросъ?.. н-да...

Илья понималъ, что его хвалить и гонять вонъ. Это не объединялось въ его головѣ, вызывало въ немъ какое-то двойственное чувство, и ему стало казаться, что хозяинъ самъ не понимаетъ того, что онъ дѣлаетъ... А лицо Строганаго точно подтверждало догадку мальчика: оно было напряжено какой-то мыслью, которую купцу, должно быть, не удавалось поймать и заключить въ слова. Тогда мальчикъ шагнулъ впередъ и смирно, съ почтеніемъ въ голосъ, спросиль:

— Это вы меня за то прогоняете, что я съ ножомъ давеча?..

— А, батюшки!—испуганно воскликнула хозяйка.—Какой дерзкій! Ахъ, Господи!..

— Вотъ!—сказаль хозяинъ съ удовольствіемъ, улыбаясь Ильѣ и тыкая въ него пальцемъ.—Ты—дерзокъ! Именно такъ! Ты—дерзокъ... А служащій мальчикъ долженъ быть смиренъ... смиренномудръ, какъ сказано въ писаніи... Онъ живетъ на всемъ хозяйскомъ... У него умъ хозяйскій, честность тоже... А у тебя свое... Ну, это не порядокъ... И оттого ты дерзокъ... Ты, напримѣръ, въ глаза человѣку лѣпишь—воръ! Это не хорошо, это дерзко... Ты, ежели честный, мнѣ скажи объ этомъ человѣкѣ, но тихонько скажи... Я ужъ самъ опредѣлю все... я—хозяинъ!.. А ты вслухъ—воръ... Нѣтъ, ты погоди... Коли изъ тронхъ одинъ честенъ—это для меня ничего не значить... Тутъ особый счетъ надобенъ... Если же одинъ честенъ, а девять подлецы, никто не выигрываетъ... Но человѣкъ пропадетъ. А ежели семеро честныхъ на трехъ подлецовъ—твоя взяла... Понялъ? Которыхъ больше, тѣ и правы... А ежели одинъ—что въ немъ? Вотъ какъ о честности разсуждать надо... И ты съ ней впередъ не суйся къ людямъ, а подумай сначала, пужна ли она имъ?

Строганный отеръ ладонью потъ со лба, вздохнулъ и съ умиленнымъ выраженіемъ удовольствія на лицѣ продолжалъ:

— Опять же хватаешь ты ножикъ...

— О, Господи Иисусе!—съ ужасомъ воскликнула хозяйка, а дѣвочки еще плотнѣ прислонились одна къ другой.

— Сказано—взявши ножъ, отъ него и погибнешь... Н-да... Вотъ почему ты мнѣ совсѣмъ лишній... Такъ-то... На вотъ тебѣ полтинку и—иди... Уходи... Помни—ты мнѣ ничего худого, я тебѣ тоже... Даже—вотъ, на! Дарю полтинникъ... И разговоръ вель я съ тобой, мальчишкой, серьезный, какъ надо быть и... все такое... Можетъ, мнѣ даже жалко тебя... но не подходящій ты! Коли чека не по оси, такъ ее до ѣзды надо бросить... Ну, иди...

— Прощайте!—сказалъ Илья. Рѣчь хозяина онъ выслушалъ внимательно и понялъ ее просто: купецъ прогонялъ его потому, что не могъ прогнать Карпа, боясь остаться безъ приказчика. Отъ этого Илья стало легко и радостно. И хозяинъ показался ему особеннымъ какимъ-то—простымъ, милымъ.

— Держи деньги!

— Прощайте!—повторилъ Илья, крѣпко сжавъ въ рукѣ серебряныя монетки. Покорно благодарю!

— Не на чемъ!—отвѣтилъ Строганный, кивнувъ ему головой.

— А-я-яй! Ни слезинки не выронилъ...—донесся вслѣдъ Илья укоризненный возгласъ хозяйки.

Когда Илья, съ узломъ на спинѣ, вышелъ изъ крѣпкихъ воротъ купеческаго дома, ему показалось, что онъ идетъ издалека, изъ сѣрой и пустой страны, о которой онъ читалъ въ одной книжкѣ, и гдѣ не было ничего, ни людей, ни деревьевъ, только одни камни, а среди нихъ жилъ старый, добрый волшебникъ, ласково указывавшій дорогу всѣмъ, кто попадалъ въ эту страну.

Быль вечеръ яснаго дня весны. Заходило солнце, на стеклахъ оконъ пылалъ красный огонь. Это напомнило мальчику тотъ день, когда онъ впервые увидалъ городъ съ берега рѣки. Тяжесть узла съ пожитками давила ему спину,—онъ замедлилъ шаги. По тротуару шли люди, задѣвая его ношу, съ трескомъ и грохотомъ ѣхали экипажи, въ косыхъ лучахъ солнца носилась пыль, было шумно, суетливо, весело. Въ памяти мальчика вставало все то, что онъ пережилъ въ городѣ за эти года. Онъ чувствовать себя взрослымъ человѣкомъ, сердце его билось гордо и смѣло, и въ ухахъ его звучали слова купца:

— Ты мальчикъ грамотный, не глупый, здоровый, не лѣнивый... Это твои козыри...

— Поиграемъ!—мысленно воскликнулъ Илья, снова ускоряя шагъ, чувствуя въ себѣ какую-то крѣпкую радость и невольно улыбаясь при мысли, что завтра ужъ не надо идти въ рыбную лавку...

Возвратясь въ домъ Петрухи Филимонова, Илья съ гордостью убѣдился, что онъ дѣйствительно очень выросъ за время службы въ рыбной лавкѣ. Всѣ въ домѣ относились къ нему со вниманіемъ и лестнымъ любопытствомъ. Перфишка подаль ему руку.

— Приказчику—почтеніе! Что, братъ, отслужилъ? Слышалъ я о твоихъ подвигахъ—ха, ха! Они, братъ, любятъ, когда языкъ имъ пятки лижетъ, а не когда онъ правду рѣжетъ...

Маша, увидавъ его, радостно вскричала:

— О-го-о! Какой ты большой сталъ!

Яковъ тоже обрадовался.

— Ну вотъ и опять вмѣстѣ будемъ жить... А у меня книжка есть „Альбигойцы“,—ну, исторія я тебѣ скажу. Есть тамъ одинъ Симонъ Монфоръ.. вотъ такъ чудище!—И Яковъ торопливо, сбивчиво началъ рассказывать содержаніе книжки. А Илья, глядя на него, съ удовольствіемъ подумалъ, что его большеголовый товарищъ остался такимъ же, каковъ былъ. Въ поведеніи Ильи у Строганого Яковъ не увидалъ ничего особеннаго. Онъ выслушалъ рассказъ товарища и просто сказалъ ему:

— Такъ и надо было...

И такое отношеніе Якова показалось Ильѣ немножко обиднымъ.

Самъ Петруха, выслушавъ рассказъ Ильи о происшествіи въ лавкѣ, видимо былъ удивленъ поведеніемъ Ильи и не скрывъ этого, одобрительно сказавъ:

— Ловко ты ихъ поддѣлъ, ловко, братъ! Ну, а Кирилъ Ивановичу, конечно, нельзя мѣнять Карпа на тебя. Карпъ дѣло знаетъ, цѣна ему высокая. А тебѣ съ нимъ послѣ такого случая нельзя было бы жить... Ты по правдѣ хочешь, въ открытую пошелъ... Потому онъ тебя и перевѣсилъ...

Но, однако, на другой день дядя Терентій тихонько сказалъ племяннику:

— Ты съ Петрухой-то не тово... не очень разговаривай... Осторожненько... Онъ тебя не влюбилъ... ругаетъ... Ишь, говорить, какой правдолюбъ! А отчего правдолюбъ? Оттого, что еще глупъ! Н-да... вонъ онъ какъ...

Илья выслушалъ слова дяди и засмѣялся.

— А вчера онъ меня восхвалялъ,—ловко, говорилъ. Вотъ жъ всѣ люди такъ: въ глаза хвалятъ, а за глаза хаятъ...

Но отношеніе Петрухи не умѣрило въ Ильѣ его повышенной самооцѣнки. Онъ ясно чувствовалъ себя героемъ, онъ понималъ, что вель себя у купца хорошо, лучше, чѣмъ вель бы себя другой въ такихъ обстоятельствахъ.

Мѣсяца черезъ два, послѣ тщетныхъ поисковъ новаго мѣста. у Ильи съ дядей завязался такой разговоръ:

— Да-а...—уныло тянулъ горбунъ.—Нѣту мѣстовъ для тебя... Вездѣ говорятъ—великъ... Какъ же будемъ жить, милачокъ? а? Какъ же?

А Илья солидно и убѣдительно говорилъ:

— Мнѣ пятнадцать лѣтъ... я парень грамотный, не глупый... А ежели я дерзкій, такъ меня и съ другого мѣста прогоняютъ... все равно! Кому нужно дерзкаго-то?

— Что же дѣлать будемъ? а?—опасливо спрашивалъ Терентій, сидя на своей постели и крѣпко упираясь въ нее руками.

— Вотъ что: закажи ты мнѣ ящикъ и купи товару. Мыловъ, духовъ, иголокъ, книжекъ... всякой всячины... И буду я ходить да торговать отъ себя...

— Что-то я не понимаю этого, Илюша,—у меня трактиръ въ головѣ... шумить!.. Тукъ, тукъ, тукъ... Всегда... Что-то мнѣ слабо думаться стало... И въ глазахъ, и въ сердцѣ все одно... все это самое... И въ думахъ....

Въ глазахъ горбуна дѣйствительно застыло какое-то напряженное выраженіе, точно онъ всегда что-то считалъ и не могъ сосчитать.

— Да ты попробуй! Ты пусти меня...—упрашивалъ его Илья, увлеченный своей мыслью, сулившей ему свободу.

— Ну, Господь съ тобой! Попробуемъ инъ...

— Вотъ! Увидишь, что будетъ!—радостно вскричалъ Илья.

— Эхъ!—глубоко вздохнулъ Терентій и съ тоской заговорилъ:

— Росъ бы ты поскорѣ! Будь-каты побольше—охо-хо! Ушелъ бы я... А то какъ якорь ты мнѣ... изъ-за тебя стою я въ гниломъ озерѣ этомъ... и пропадаю! Ушелъ бы я ко святымъ угодникамъ... Сказалъ бы имъ: угодники Божіи! Милостивцы и заступники! Согрешили я, окаянный! Тяжело мнѣ... избавьте! Заступитесь предъ Отцомъ моимъ!

И горбунъ вдругъ беззвучно заплакалъ. Илья понялъ, о какомъ грѣхѣ говоритъ дядя, и самъ вспомнилъ этотъ грѣхъ. Сердце у него вздрогнуло. Ему было жалко дядю, но онъ не находилъ словъ въ утѣшеніе ему и молчалъ. И лишь, видя, что все обильнѣе льются слезы изъ ввалившихся жалкихъ глазъ горбуна, онъ строго проговорилъ:

— Ну, не плачь ужъ... Погоди, вотъ я расторгуюсь, и пойдешь.. Онъ замолчалъ, подумалъ и утѣшительно добавилъ:

— Ничего, простятъ....

— Простятъ ли?—тихо спросилъ Терентій. А мальчикъ снова, и уже съ увѣренностью, повторилъ:

— Простятъ!.. Не то прощаютъ... я вѣдь знаю!..

И вотъ Илья началъ торговать. Съ утра до вечера онъ ходилъ по улицамъ города съ ящикомъ на груди и съ козлами въ рукѣ, прищуривая черные глаза, и, поднимъвъ носъ кверху, съ достоинствомъ поглядывалъ на людей. Нахлобучивъ картузь глубоко на голову, онъ выгибалъ кадыкъ и кричалъ молодымъ, ломкимъ голосомъ:

— Мыло! Вакса! Помада! Шпильки, булавки! Нитки, иголки! Книжки, хорошія книжки!

Пестрой и шумной волной лилась жизнь вокругъ него, и онъ плылъ въ этой волнѣ свободно и легко, чувствуя себя такимъ же человѣкомъ, какъ и всѣ. Онъ толкался на базарахъ, заходилъ въ трактиры, важно спрашивалъ себѣ пару чая и пилъ его съ бѣлымъ хлѣбомъ долго, солидно, какъ человѣкъ, знающій себѣ цѣну. Жизнь казалась ему простой, легкой и пріятной. Его мечты принимали тоже простыя и ясныя формы: онъ представлялъ себя чрезъ нѣсколько лѣтъ хозяиномъ маленькой, чистенькой лавочки, гдѣ-нибудь на хорошей, не очень шумной улицѣ города, а въ лавкѣ у него—легкій и чистый галантерейный товаръ, который не пачкаетъ и не портитъ одежды. И самъ онъ тоже чистый, здоровый, красивый. Всѣ въ улицѣ уважаютъ его, а дѣвушки смотрятъ ласковыми глазами. Вечеромъ, закрывъ лавку, онъ сидитъ въ чистой и свѣтлой комнатѣ рядомъ съ ней, пьетъ чай и читаетъ книжку. Чистота во всемъ казалась ему необходимымъ, почти главнымъ условіемъ порядочной жизни. Такъ мечталось ему, когда торговля шла успѣшно и никто не обижалъ его грубымъ обращеніемъ, ибо съ той поры, какъ онъ понималъ себя самостоятельнымъ человѣкомъ, онъ сталъ очень чутокъ и обидчивъ.

Но когда ему не удавалось ничего продать, и онъ, усталый, сидѣлъ въ трактирѣ или гдѣ-нибудь на улицѣ, ему вспоминались грубые окрики и толчки полицейскихъ, подозрительное и обидное отношеніе покупателей, ругательства и насмѣшки конкурентовъ, такихъ же разносчиковъ, какъ онъ,—тогда въ немъ смутно шевелилось большое, безпокойное чувство. Его глаза раскрывались шире, смотрѣли глубже въ жизнь, а память, богатая впечатлѣніями, подкладывала ихъ одно за другимъ въ механизмъ его разсудка. Онъ ясно видѣлъ, что всѣ люди идутъ къ одной съ нимъ цѣли, ищутъ той же спокойной, сытой и чистой жизни, какой хочется и ему. И никто изъ людей не стѣсняется оттолкнуть со своей дороги другого, если онъ мѣшаетъ ему; всѣ жадны, всѣ безжалостны и даже часто обижаютъ другъ друга, не имѣя въ этомъ надобности и безъ всякой пользы для

себя, а какъ бы только ради одного удовольствія обидѣть чело-
вѣка. Иногда оскорбляютъ со смѣхомъ и рѣдко кто-нибудь жа-
лѣеть обиженнаго.....

Отъ этихъ думъ торговля казалась ему скучнымъ дѣломъ,
мечта о чистой, маленькой лавочкѣ какъ будто таяла въ немъ,
онъ чувствовалъ въ груди своей пустоту, а въ тѣлѣ вялость и
лѣнь. Ему казалось, что онъ никогда не выторгууетъ столько де-
негъ, сколько нужно для того, чтобъ открыть лавочку, и онъ до
старости будетъ шляться по пыльнымъ и жаркимъ улицамъ съ
ящикомъ на груди и съ болью въ плечахъ и спинѣ отъ ремня.
Но удача въ торговлѣ вновь возбуждала его бодрость и ожи-
вляла мечту. Какъ-то разъ на одной изъ бойкихъ улицъ города
Илья увидаль Пашку Грачева. Сынъ кузнеца шелъ по тротуару
безпечной походкой гуляющаго человѣка; руки его были засу-
нуты въ карманы дырявыхъ штановъ, на плечахъ болталась не
по росту длинная и широкая синяя блуза, тоже рваная и гряз-
ная, и большіе опорки при каждомъ его шагѣ звучно шелкали
каблуками по камню панели. Картузъ со сломаннымъ козырь-
комъ былъ молодецки сдвинуть на лѣвое ухо, половину бритой
головы свободно пекло солнце, а рожу и шею Пашки покры-
вали густой налетъ какой-то маслянистой грязи. Онъ еще издали
узналъ Илью, весело кивнулъ ему головой, но не ускорилъ
шага навстрѣчу ему.

— Здравствуй!—сказаль Илья.—Какимъ ты фертомъ...

Пашка крѣпко стиснулъ его руку и, не выпуская ея, засмѣ-
лся. Его зубы и глаза блестяли подъ маской грязи ясно и
весело.

— Какъ живешь?

— Живемъ, какъ можемъ, есть пища—гложемъ, нѣтъ—по-
пищимъ, да такъ и ляжемъ... ха, ха! А я вѣдь радъ, что тебя
встрѣтилъ, чортъ те дерн!

— Ты что никогда не придешь?—спросилъ Илья, улыбаясь.
Ему тоже было пріятно видѣть стараго товарища такимъ весе-
лымъ и чумазымъ. Онъ поглядѣлъ на Пашкины опорки, потомъ
на свои новые сапоги, цѣною въ девять рублей, и самодовольно
улыбнулся.

— А я почему знаю, гдѣ ты живешь...—сказаль Грачевъ.

— Все тамъ, у Филимонова...

— Ну-у? А Яшка говорилъ, что ты гдѣ-то рыбой торгуешь...

Тогда Илья съ гордостью разсказаль Пашкѣ о своей службѣ
у Строганаго и о томъ, какъ онъ живетъ теперь.

— Ай да наши—чуваши!—одобрительно воскликнулъ Гра-
чевъ.—А я тоже... изъ типографіи прогнали за озорство, такъ

я къ живописцу поступилъ краски тереть и всякое тамъ... Да, чортъ ее, на сырую вывѣску и сѣлъ однажды... ну, начали они меня пороть! Вотъ пороли, черти! И хозяинъ, и хозяйка, и мастеръ.... прямо того и жди, что помрутъ съ устатка.... Потомъ прогнали.... Теперь я у водопроводчика живу... Шестъ цѣлковыхъ въ мѣсяць... Ходилъ вотъ обѣдать, а теперь опять на работу иду....

— Не торописья.

— А песь съ ней! Развѣ всю ее когда передѣлаешь? Надо будетъ зайти къ вамъ...

— Приходи!—дружески сказалъ Илья.

— Книжки-то читаете?

— Какъ же! А ты?

— И я клюю помалу...

— А стихи сочиняешь?..

— И стихи....

Пашка снова весело захохоталъ.

— Приходи, а? Стихи тащи...

— Право, приду... Водочки принесу...

— Пьешь развѣ?

— Хлещемъ... Однако, прощай!

— Прощай!—сказалъ Илья.

Онъ пошелъ своей дорогой, думая о Пашкѣ. Ему казалось страннымъ, что этотъ оборванный паренекъ не выказалъ никакой зависти къ его крѣпкимъ сапогамъ, чистой одеждѣ и даже какъ бы не замѣтилъ этого. А когда Илья рассказалъ о своей самостоятельной жизни, Пашка только обрадовался. И Илья съ непонятной ему тревогой въ душѣ подумалъ: неужели Грачевъ не хочетъ того, чего всѣ хотятъ? Чего можно хотѣть еще, кромѣ чистой, спокойной, независимой жизни?

Особенно ясно чувствовалъ въ себѣ Илья грусть и тревогу послѣ посѣщенія церкви. Онъ рѣдко пропускалъ церковныя службы, съ удовольствіемъ посѣщая и обѣдни, и всенощныя. Онъ не молился, а просто стоялъ гдѣ-нибудь въ углу и, ни о чемъ не думая, смотрѣлъ на людей, слушалъ пѣніе. Люди стояли неподвижно, молча, и было въ ихъ молчаніи что-то единодушное, какъ будто каждый человѣкъ упорно думалъ о томъ же, о чемъ думали и всѣ другіе. Волны пѣнія носились по храму вмѣстѣ съ облаками ладана, и порой Ильѣ казалось, что и онъ вмѣстѣ со звуками поднимается вверхъ, плаваетъ съ ними въ теплой и ласковой пустотѣ и теряетъ себя въ ней. Въ торжественномъ и важномъ настроеніи, которое, наполняя храмъ, миротворно вѣяло на душу, было что-то совершенно чуждое суетѣ жизни, непри-

миримое съ ея стремленіями. Сначала въ душѣ Ильи это впечатлѣніе укладывалось отдѣльно отъ другихъ обычныхъ впечатлѣній его дня, не смѣшивалось съ ними и не беспокоило его. Но потомъ онъ замѣтилъ, что въ сердцѣ его живетъ нѣчто, всегда наблюдающее за нимъ. Оно пугливо скрывается гдѣ-то въ немъ и безмолвно въ суетѣ жизни, но когда онъ приходитъ въ церковь, оно тихо растетъ въ груди его и вызываетъ въ ней что-то особенное, тревожное, противорѣчивое его мечтамъ о чистой жизни. Въ эти моменты ему всегда вспоминались рассказы объ отшельникѣ Антипѣ и любовныя рѣчи тряпичника о Богѣ:

„Господь все видитъ, всему мѣру знаетъ! Кромѣ Его—никого!“

Илья приходилъ домой полный смутнаго безпокойства, чувствуя, что его мечта о будущемъ выпѣла и слиняла, и что въ немъ же самомъ есть кто-то, не желающій открыть галантерейную лавочку. Но жизнь брала свое, и скоро этотъ кто-то опять скрывался въ глубь души...

Разговаривая съ Яковомъ обо всемъ, Илья, однако, не говорилъ ему о своемъ раздвоеніи. Онъ и самъ думалъ о немъ только по необходимости, никогда своей волей не останавливая мысли на этомъ непонятномъ ему чувствѣ.

Вечера онъ проводилъ очень пріятно. Возвращаясь изъ города, онъ шелъ въ подвалъ къ Машѣ и хозяйскимъ тономъ спрашивалъ:

— Машутка! какъ у насъ насчетъ самоварчика?

А самоварчикъ уже былъ готовъ и стоялъ на столѣ, курлыкая и посвистывая. Илья всегда приносилъ съ собою чего-нибудь вкуснаго: баранокъ, мятныхъ пряниковъ, медовой коврижки, а иногда и варенья паточнаго,—и Маша любила поить его чаемъ. Дѣвочка тоже начала зарабатывать деньги: Матица научила ее дѣлать изъ бумаги цвѣты, и Машѣ нравилось составлять изъ тонкихъ, весело шуршавшихъ бумажекъ яркія розы. Иногда она зарабатывала до гривенника въ день. Ея отецъ заболѣлъ тифомъ, слишкомъ два мѣсяца пролежалъ въ больницѣ и пришелъ оттуда сухой, тонкій, съ прекрасными, темными кудрями на головѣ. Онъ сбрилъ свою растрепанную, безшпашную бороденку и, несмотря на желтыя ввалившіяся щеки, казался помолодѣвшимъ лѣтъ на пять. Попрежнему онъ работалъ у чужихъ людей и даже ночевать являлся домой рѣдко, предоставивъ квартиру въ полное распоряженіе дочери. Она чинила ему одежду и тоже стала звать отца, какъ всѣ,—Перфишкой. Сапожникъ забавлялся ея отношеніемъ къ нему и даже какъ бы чувствовалъ уваженіе къ своей кудрявой дѣвочкѣ, умѣвшей хохотать такъ же великолѣпно и весело, какъ самъ онъ.

Вечернее чаепитіе у Маши вошло въ привычку Ильи и Якова. Ребята усаживались за столъ и пили долго, много, обливаясь потомъ и разговаривая обо всемъ, что задѣвало ихъ. Илья рассказывалъ о томъ, что видѣлъ въ городѣ, Яковъ, читавшій цѣлыми днями,—о книгахъ, о скандалахъ въ трактирѣ, жаловался на отца, а иногда—и все чаще—начиналъ плести языкомъ что-то такое, что и Ильѣ, и Машѣ казалось и несуразнымъ, и непонятнымъ. Маша, съ утра до вечера сидѣвшая въ своей комнатѣ, работая и распѣвая пѣсни, слушала разговоръ парней, сама говорила мало и смѣялась, когда было надъ чѣмъ. Чай былъ необыкновенно вкусенъ, а самоваръ, весь покрытый окисями, имѣлъ славною старческую рожу, ласково-хитрую. Почти всегда, когда ребята только-что входили во вкусъ чаепитія, самоваръ съ добродушнымъ ехидствомъ начиналъ гудѣть, ворчать, и въ немъ не оказывалось воды. Маша хватала его и тащила доливать; каждый вечеръ ей приходилось дѣлать это по нѣскольку разъ.

Если всходила луна, то и ея лучъ попадалъ въ компанію дѣтей—сегодня такой же, какъ и вчера,—всегда пятномъ одной и той же формы.

Въ этой маленькой ямкѣ, стиснутой полугнилыми стѣнами и накрытой тяжелымъ, низкимъ потолкомъ, всегда чувствовался недостатокъ воздуха, свѣта, воды, хлѣба, сахару и многого другого; но въ ней было весело и каждый вечеръ рождалось много хорошихъ чувствъ и наивныхъ, юныхъ мыслей.

Иногда при чаепитіи присутствовалъ Перфишка. Обыкновенно онъ помѣщался въ темномъ углу комнаты на подмосткахъ около коренастой, освѣщенной въ землю, печи или влѣзалъ на печь, свѣшивалъ оттуда голову, и въ сумракъ блестяли его бѣлые, мелкіе зубы. Дочь подавала ему большую кружку чаю, кусокъ сахару и хлѣба; онъ принималъ и, посмѣиваясь, говорилъ:

— Покорнѣйше благодарю, Марья Перфильевна. Чувствительно растрясенъ вашей добротой...

Иногда онъ со вздохомъ зависти восклицалъ:

— А хорошо вы живете, ребята, чтобъ васъ дождемъ размочило! Приятно! Совсѣмъ, какъ люди.

И потомъ, улыбаясь и вздыхая, рассказывалъ:

— Житье-то? Все улучшается! Все пріятнѣе жить человѣку годъ отъ года. Я въ ваши годы, бывало, только со шпандыремъ бесѣды велъ. Начнетъ это онъ меня по спинѣ гладить, а я отъ удовольствія вою, что есть мочи. Перестанетъ онъ—спина обидится, надуется и ноетъ, по миломъ другъ тоскуетъ. Ну, онъ долго себя ждать не заставлялъ,—чувствительный былъ шпандыр! Да! Только всего и удовольствія видѣлъ я, ей-Богу! Вотъ

вы теперь вырастете большіе и будете все это вспоминать... разговоры, случаи разные и всю вашу пріятную жизнь. А я вот выросъ,—тридцать-шестой годъ мнѣ,—а вспомнить нечего! Ни одной искры! Совсѣмъ нечего вспомнить. Вродѣ какъ бы слѣпъ и глухъ былъ я въ ваши годы. Только и помню, что во рту у меня всегда зубы щелкали съ голоду да холоду, на рожѣ синяки росли... а ужъ какъ у меня кости, уши, волосы цѣлы остались—этого я не могу понять. Не били меня, милаго, только печкой, а объ печку—сдѣлайте ваше одолженіе!—сколько угодно! Н-да, старались, учили, какъ веревочку сучили... А хоть меня и били, и кожу съ меня лупили, и кровь сосали, и на полъ бросали—русскій человѣкъ живучъ! Хоть толки его въ ступѣ—онъ все на свое мѣсто вступить! Ха-арошій, крѣпкій человѣкъ... Вотъ я: меня и мололи, и въ щепы кололи, а я живу себѣ кукушкой, порхаю по трактирамъ, доволенъ всѣмъ міромъ! Богъ меня любить... Разъ взглянулъ на меня, засмѣялся, ахъ, говоритъ,—такой сякой! И махнулъ на меня рукой...

Молодежь слушала складныя рѣчи сапожника и смѣялась. И Илья смѣялся, но въ то же время звуки пѣвучаго голоса Перфишки будили въ немъ всегда одну и ту же навязчивую и неотступную мысль. Однажды онъ попытался выяснить ее себѣ и съ недовѣрчивой усмѣшкой спросилъ сапожника:

— Такъ, Перфиша, будто ты ничего и не хочешь?

— Кто говоритъ? Мнѣ, примѣрно, всегда выпить хочется...

— Нѣтъ, ты правду скажи: вѣдь хочется чего-нибудь?—настойчиво спросилъ Илья.

— Въ правду? Н-ну, тогда... тогда гармонію бы... Ха-арошую бы гармонію желалъ я имѣть... Цѣлковыхъ, эдакъ, въ двадцать... пять! С-с-с! Тогда бы я сыгралъ вамъ!..

Онъ замолчалъ и тихо, съ удовольствіемъ, засмѣялся, но тотчасъ же умолкъ, что-то сообразилъ и уже съ полнымъ убѣжденіемъ сказалъ Ильѣ:

— Н-нѣтъ, братъ, и гармонія тоже ни къ чему мнѣ... Во-первыхъ—дорогую я обязательно пропью,—р-разъ! Во-вторыхъ—а вдругъ она объявитъ себя хуже моей?—Два! Вѣдь теперь у меня какая гармонія? Ей нѣтъ цѣны! Въ ней—душа моя квартируетъ! Она меня понимаетъ: я только подумаю палецъ на ладу поставить, а она ужъ поетъ! У меня, дядя, гармонія рѣдкостная,—она, можетъ, всего одна такая-то и живетъ на свѣтѣ... Гармонія—какъ жена... У меня вотъ жена тоже была—ангелъ, а не человѣкъ! И ежели мнѣ теперь жениться,—какъ можно? Другую такую, какъ была,—не найдешь... Къ новой-то женѣ—обязательно старую мѣрку прикинешь, а она окажется уже... и будетъ отъ того и

мнѣ и ей хуже! Вотъ оно какъ... Эхъ, братъ, не то вѣдь хорошо, что хорошо, а то, что люблю!

Съ похвалами сапожника своей гармоніи Илья соглашался. Перфишкинъ инструментъ своей чуткостью и звучностью у всѣхъ вызывалъ единодушное удивленіе. Но Илья не могъ повѣрить тому, что у сапожника нѣтъ никакихъ желаній. Предъ Луневымъ вставалъ ясный и опредѣленный вопросъ: неужели можно всю жизнь жить въ грязи, ходить въ отрепьяхъ, пить водку и, умѣя играть на гармоніи, не желать уже ничего иного, лучшаго? Эта мысль позволяла ему относиться къ Перфишкѣ, какъ къ блаженненькому, но въ то же время онъ всегда съ интересомъ и недовѣріемъ присматривался къ безопасному человѣку и чувствовалъ, что сапожникъ по душѣ своей лучше всѣхъ людей въ этомъ домѣ, хоть онъ и пьяница, и никчѣмный...

Иногда молодежь подходила къ тѣмъ огромнымъ и глубокимъ вопросамъ, которые, раскрываясь предъ человѣкомъ какъ бездонныя пропасти, властно влекутъ его пытливый умъ и сердце въ свою таинственную тьму. Эти вопросы возбуждали Яковъ. У него образовалась странная привычка: онъ сталъ ко всему прижиматься, точно чувствовалъ себя нетвердымъ на ногахъ. Сидя, онъ или опирался плечомъ на ближайшій предметъ, или крѣпко клалъ на него руку. Идя по улицѣ быстрымъ, но неровнымъ шагомъ, онъ зачѣмъ-то дотрогивался рукою до тумбъ, точно считалъ ихъ, или тыкалъ ею въ заборы, какъ бы пробуя ихъ устойчивость. За чаемъ у Маши онъ сидѣлъ подъ окномъ, прижимаясь спиною къ стѣнѣ, и длинные пальцы его рукъ всегда цѣплялись за стулъ или за край стола. Склонивъ на бокъ свою большую голову, покрытую гладкими и мягкими волосами цвѣта сырого мочала, онъ поглядывалъ на собесѣдниковъ, и голубые глаза на его блѣдномъ лицѣ все время то прищуривались, то широко открывались. Попрежнему онъ любилъ рассказывать свои сны и никогда не могъ изложить содержаніе прочитанной имъ книжки, не прибавивъ отъ себя чего-то страннаго и непонятнаго. Илья уличалъ его въ этомъ, но Яковъ не смущался и просто говорилъ:

— Такъ, какъ я рассказывалъ,—лучше. Вѣдь это только священное писаніе нельзя толковать, какъ хочется, а простыя книжки можно. Людьми писано, и я—человѣкъ. Я могу поправить, если не нравится мнѣ... Нѣтъ, ты мнѣ вотъ что скажи: когда ты спишь, гдѣ душа?

— А я почему знаю?—отвѣчалъ Илья, не любившій такихъ вопросовъ, ибо они вызывали въ немъ какую-то неприятную смуту.

— Я думаю, это вѣрно, что она улетаетъ,—объявилъ Яковъ.

— Конечно, улетаеть,—съ увѣренностью говорила Маша.

— А ты почему знаешь?—строго спрашивалъ Илья.

— Такъ... думаю...

— Улетаеть,—задумчиво улыбаясь, говорилъ Яковъ.—Ей тоже отдохнуть надо... Оттого и сны...

Илья не зналъ, что сказать на это безобидное замѣчаніе, и молчалъ, хотя всегда чувствовалъ въ себѣ сильное желаніе возражать товарищу. И всѣ молчали нѣкоторое время, иногда нѣсколько минутъ. Въ темной ямѣ становилось какъ будто еще темнѣе. Коптила лампа, пахло углями изъ самовара, долеталъ глухой, странный шумъ: гудѣлъ и вылъ трактиръ, тамъ, наверху. И снова раздавался тихій голосъ Якова:

— Шумять люди... работаютъ и все такое. Говорится—жить. Потомъ—хлопъ! Человѣкъ умеръ... Что это значить? Ты, Илья, какъ думаешь, а?

— Ничего не значить... Пришла старость, надо умирать...

— Нѣтъ... Умираютъ и молодые, и дѣти... Умираютъ здоровые.

— Значить, не здоровы, коли умираютъ...

— А зачѣмъ живутъ всѣ?

— Повезъ!—насмѣшливо восклицалъ Илья, чувствуя въ себѣ силу отвѣтить на такой вопросъ.—Зачѣмъ и живутъ, чтобы жить. Работаютъ, добиваются удачи. Всякій хочетъ хорошо жить, ищетъ случая въ люди выйти. Всѣ ищутъ случаевъ такихъ, чтобы разбогатѣть да жить чисто...

— Такъ это—бѣдные. А богатые? У нихъ все есть... Имъ чего искать?

— Ну, голова! Богатые! Коли ихъ не будетъ—на кого бѣднымъ работать?

Яковъ подумалъ и спросилъ:

— Значить, всѣ для работы живутъ, по-твоему?

— Ну да... т. е. не совсѣмъ всѣ... Одни—работаютъ, а другіе—просто такъ. Они ужъ наработали, накопили денегъ... и живутъ.

— А зачѣмъ?

— Да чортъ! Хочется имъ или нѣтъ? Вѣдь тебѣ жить хочется?—кричалъ Илья, сердясь на товарища. Но ему было бы трудно отвѣтить, за что онъ сердится: за то ли, что Яковъ спрашиваетъ о такихъ вещахъ, или за то, что онъ плохо спрашиваетъ? Онъ ощущалъ, что вопросы Якова что-то задѣваютъ въ немъ, но не могутъ поднять, а только будятъ досадное чувство.

— Вѣдь ты самъ-то—ты зачѣмъ живешь, ну?—кричалъ онъ товарищу.

— Вотъ я и не знаю!—покорно говорилъ Яковъ.—Я бы и умеръ... Страшно... а все-таки—любопытно...

И вдругъ онъ начиналъ говорить голосомъ ласковымъ и упрекающимъ:

— Ты вотъ сердишься, а напрасно. Ты подумай: люди живутъ для работы, а работа для нихъ... а они? Выходитъ колесо... вертится, вертится, а все на одномъ мѣстѣ. И непонятно зачѣмъ? И гдѣ Богъ? Вѣдь вотъ она ось-то гдѣ—Богъ! Сказано Имъ Адаму и Евѣ: плодитесь, множитесь и населяйте землю—а зачѣмъ?

И, наклонясь къ товарищу, Яковъ тихимъ, таинственнымъ шопотомъ, съ испугомъ въ голубыхъ глазахъ, сказалъ:

— Знаешь что? Было и это сказано, сказано было—зачѣмъ? А кто-нибудь ограбилъ Бога... укралъ и спряталъ объясненіе-то... И это сатана! Кто другой?—сатана! Оттого никто и не знаетъ—зачѣмъ?

Илья слушалъ безсвязную рѣчь товарища, чувствовалъ, какъ она захватываетъ его душу, и молчалъ.

А Яковъ говорилъ все торопливѣе и все тише, глаза у него выкатывались, на блѣдномъ лицѣ дрожалъ ужасъ, и рѣшительно ничего нельзя было понять въ его словахъ.

— Чего Богъ отъ тебя хочетъ—ты знаешь? Ага?!—вдругъ выдѣлялось изъ потока произносимыхъ имъ словъ торжествующее восклицаніе. И опять изъ его устъ сыпались тихія, безсвязныя слова. Маша смотрѣла на своего друга и покровителя, удивленно раскрывъ ротъ. Илья сердито хмурилъ брови. Ему было обидно не понимать. Онъ считалъ себя умнѣе Якова, но Яковъ всегда поражалъ его своей удивительной памятью и умѣньемъ говорить о разныхъ премудростяхъ. Уставши слушать и молчать, чувствуя, что у него въ головѣ выросъ тяжелый туманъ, онъ, наконецъ, сердито прерывалъ оратора:

— Ну те къ чорту! Что ты мелешь? Зачитался ты, вотъ что... и самъ ничего не понимаешь...

— Да я же про то и говорю, что ничего не понимаю!—съ удивленіемъ и досадою восклицалъ Яковъ.

— Такъ прямо и говори: не понимаю! А то завелъ волынку и лопочешь, какъ сумасшедшій... А я его слушаю!

— Нѣтъ, ты погоди!—не отставалъ Яковъ.—Вѣдь ничего и нельзя понять... Примѣрно... вотъ тебѣ лампа. Огонь. Откуда онъ? Вдругъ есть, вдругъ нѣтъ! Чиркнулъ спичку—горитъ... Стало быть—онъ всегда есть... Въ воздухѣ, что ли, летаетъ онъ невидимо?

Илью снова захватилъ этотъ вопросъ. Пренебрежительное выраженіе сползло съ его лица, онъ посмотрѣлъ на лампу и сказалъ:

— Кабы въ воздухѣ онъ былъ—тепло всегда было бы, а спичку и на морозѣ зажжешь... Значить, не въ воздухѣ...

— А гдѣ?—съ надеждой глядя на товарища, спросилъ Яковъ.

— Въ спичкѣ,—подала голосъ Маша. Но въ разговорахъ товарищей о премудростяхъ бытія голосъ дѣвочки всегда пропадалъ безъ отвѣта. Она уже привыкла къ этому и не обижалась.

— Гдѣ?—вновь съ раздраженіемъ кричалъ Илья.—А я не знаю. И знать не хочу! Знаю, что руку въ него нельзя совать, а грѣться около него можно. Вотъ и все.

— Ишь ты какой! — воодушевленно и негодуя говорилъ Яковъ.—Знать не хочу! Эдакъ-то и я скажу, и всякій дуракъ... Нѣтъ, ты объясни—откуда огонь? О хлѣбѣ я не спрошу, тутъ все видно: изъ зерна—зерно, изъ зерна—мука, изъ муки—тѣсто и—готово! А какъ человѣкъ рождается?

Илья съ удивленіемъ и завистью смотрѣлъ на большую голову товарища. Иногда, чувствуя себя забытымъ его вопросами, онъ вскакивалъ съ мѣста и произносилъ суровыя, карающія рѣчи. Плотный и широкій, онъ почему-то всегда въ этихъ случаяхъ отходилъ къ печкѣ, опирался на нее плечами и, взмахивая курчавой головой, говорилъ, твердо отчеканивая слова:

— Мутишь ты меня. Несуразный ты человѣкъ, вотъ что! И все это у тебя отъ бездѣлья въ голову лѣзетъ. Что твое житье? Стоять за буфетомъ—не велика важность. Ты и престоишь всю жизнь столбомъ. А вотъ походилъ бы по городу, какъ я, съ утра до вечера, каждый день, да поискалъ бы самъ себѣ удачи, тогда о пустякахъ не думалъ бы... а думалъ бы о томъ, какъ въ люди выйтн, какъ случай свой поймать. Оттого у тебя и голова большая, что все пустяки въ ней топорщатся. Дѣльные-то мысли, онѣ—маленькія, отъ нихъ голова не вспухнетъ...

Яковъ слушалъ его и молчалъ, согнувшись на стулѣ и крѣпко держась за что-нибудь руками. Иногда его губы беззвучно шевелились, глаза учащенно мигали. А когда Илья, кончивъ говорить, вновь садился за столъ, Яковъ опять начинать философствовать:

— Говорять, есть книга,—наука,—черная магія, и въ ней все объяснено... какъ и почему и зачѣмъ... Вотъ бы найти книгу такую да прочитать... Ты бы сталъ читать такую? Навѣрно страшно это?

Маша во время ихъ разговора пересаживалась отъ стола на свою постель и оттуда смотрѣла черными глазами то на одного, то на другого. Потомъ она начинала позѣвывать, покачиваться, пока, наконецъ, не сваливалась на подушку.

— Ну, спать пора,—говорилъ Илья.

— Айда! Погоди только... вотъ я Машутку укрою да огонь погашу.

Но видя, что Илья уже протянулъ руку и хочетъ отворять дверь, Яковъ торопливо и жалобно попросилъ:

— Да погоди-и! Я боюсь одинъ... темно...

— Эхма!—презрительно воскликнулъ Луневъ.—Шестнадцать лѣтъ тебѣ, парень, а все еще ты младенчикъ. Какъ это я ничего не боюсь, а? Хоть чорта встрѣчу—не охну! А ты...

И онъ махаль рукой на Якова. Яковъ молча суетился около Маши, потомъ торопливо дулъ на огонь въ лампѣ. Огонь вздрагиваль, исчезаль, и въ комнату отовсюду безшумно вторгалась тьма. Иногда, впрочемъ, черезъ окно на полъ ласково опускался голубой лучъ луны.

Всѣмъ каждаго сеи повѣсти.

ТРОЕ.

(Продолженіе).

III.

Однажды въ праздникъ Луневъ пришелъ домой блѣдный, со стиснутыми зубами и, не раздѣваясь, свалился на постель. Въ груди у него неподвижнымъ и холоднымъ комомъ лежала злоба, тупая боль въ шеѣ не позволяла двигать головой, и казалось ему, что все его тѣло ноетъ отъ нанесенной обиды.

Утромъ этого дня полицейскій, за кусокъ яичнаго мыла и дюжину крючковъ, разрѣшилъ ему стоять съ товаромъ около цирка, въ которомъ давалось дневное представленіе, и Илья свободно расположился у входа въ циркъ. Но пришелъ помощникъ частнаго пристава, ударилъ его по шеѣ, пнулъ ногой козлы, на которыхъ стоялъ ящикъ,—товаръ разсыпался по землѣ, нѣсколько вещей попортилось, упавъ въ грязь, инья пропали. Подбирая съ земли товаръ, Илья сказалъ помощнику:

— Это незаконно, ваше благородіе...

— Ка-акъ?..—расправивъ рыжіе усы, спросилъ обидчикъ.

— Дратся нельзя...

— Да? Мигуновъ! Отведи его въ часть!—спокойно приказалъ помощникъ.

И тотъ же полицейскій, который позволилъ Ильѣ стоять у цирка, отвелъ его въ часть, гдѣ Луневъ и просидѣлъ до вечера.

Столкновенія съ полиціей бывали у Лунева и раньше, но въ части онъ сидѣлъ еще впервые и первый разъ онъ ощущалъ въ себѣ такъ много обиды и злобы.

Лежа на кровати въ своей комнатѣ, онъ закрылъ глаза и весь сосредоточился на ощущеніи мучительно-тоскливой тяжести въ груди. За стѣной въ трактирѣ колыхался шумъ и гулъ, точно быстрые и мутные ручьи текли съ горы въ туманный день осени.

Гремѣло желѣзо подносовъ, дребезжала посуда, отдѣльные голоса громко требовали водки, чаю, пива... Половые кричали:

— Сичасъ! Подаю...

И, прорѣзывая шумъ дрожащей стальной нитью, высокій горловой голосъ грустно пѣлъ:

„Я-а не ча-яль... тебя из-мы-кати...“

Другой голосъ, басовой и звучный, утопая въ хаосъ звуковъ, подпѣвалъ первому негромко и красиво:

„А-ахъ измыкаль я-а... сво-ою мо-лодо-ость“.

Потомъ оба голоса слились въ одну чистую струю грустно-красиваго звука и на нѣсколько секундъ покрыли весь шумъ своей жалобой:

„Не-е въ жить-ѣ-быть-ѣ богачествѣ.

Да во прокля-атомъ одино-очествѣ“.

Кто-то закричалъ такъ, точно горло у него было деревянное, высохшее, съ трещинами:

— Вр-решь! Сказано: „яко соблюлъ еси слово терпѣнія моего и азъ ты соблюду въ годину искушенія...“

— Самъ врешь, — отчетливо и горячо возражалъ другой, — потому тамъ же сказано: „понеже теплъ еси, а не студень еси, ниже горящъ — имамъ ти изблевати изъ устъ моихъ...“ вотъ! Что взялъ?..

Раздался громкій хохоть и за нимъ посыпалась визгливая дробь:

— А я ее — по личику, а я ее — по нѣжному! да въ ухо ей, да въ зубы ей! разъ, разъ, разъ!

— А, дьяволъ! Ха, ха, ха! Н-ну?

Визгливый голосъ, захлебываясь, продолжалъ громко и рѣзко:

— Она — хлясь о земь! А я ее опять въ рожницу, опять въ милую! Н-на! Я первый цѣловаль, я и изуродую...

— На-ачетчикъ! — насмѣшливо воскликнулъ кто-то.

— Нѣтъ, я буду горячиться! Это подобаетъ человѣку, подобаетъ!

— „Азъ люблю, обличаю и наказую“... забыть?.. И еще: „не суди, да не судимъ будещи“... Опять же — Давида-царя слова — забыть?

Илья долго слушалъ споръ, пѣсню, хохоть, но все это падало куда-то мимо него и не будило въ немъ мысли. Предъ нимъ во тѣмѣ плавало худое, горбоносое лицо помощника частнаго пристава, на лицѣ этомъ блестяли зеленоватые, злые глаза и двигались рыжіе усы. Онъ смотрѣлъ на это лицо и все крѣпче стискивалъ зубы. Но пѣсня за стѣной росла, пѣвцы воодушевлялись, ихъ голоса звучали все смѣлѣй и громче, теплые, жалобные звуки

нашли дорогу въ грудь Ильи и коснулись тамъ ледяного кома злобы и обиды.

„Изоше-оль я, до-обрый молодець...“—пѣлъ высокій голосъ.

„Эхъ со устья до-о вершинушки...“—вторилъ ему товарищъ. И опять оба голоса слились въ одну жалобу:

„Всю сибирскую сторонушку,

Да, все искалъ до-омой до-оро-женьку...“

Илья вздохнулъ и сталъ прислушиваться къ этимъ грустнымъ словамъ. Въ густомъ шумѣ трактира они блестѣли какъ маленькія звѣзды въ небѣ средь темныхъ облаковъ. Облака плывутъ быстро и звѣзды то вспыхиваютъ, то исчезаютъ...

„Ой изжевалъ языкъ я съ го-олоду

Да изболѣли ко-ости съ хо-олоду...“—выразительно говорила пѣсня.

— Валяй, соловушки!—ласково крикнулъ кто-то...

Илья подумалъ, что вотъ поютъ эти люди, хорошо поютъ, такъ что пѣсня за душу беретъ. А потомъ они напьются водки и, можетъ быть, станутъ драться... Не надолго хватаетъ въ человѣкѣ хорошаго...

„Эхъ! ты судьба ли мо-оя че-орная...“—жаловался высокій голосъ.

Басъ сильно и густо запѣлъ:

„Ты какъ ноша мнѣ чу-гун-на-ая...“

Память Ильи зачѣмъ-то вызвала изъ прошлаго образъ дѣда Еремѣя. Старикъ говорилъ, потрясая головой и со слезами на щекахъ:

— Глядѣлъ я, глядѣлъ, а правды не видалъ...

Илья подумалъ, что вотъ дѣдушка-то Еремѣй Бога любилъ, а самъ потихоньку копилъ деньги. А дядя Терентій Бога боится, но деньги укралъ. И всѣ люди всегда какъ-то двоятся сами въ себѣ. Въ грудяхъ у нихъ какъ бы вѣсы, и сердце ихъ, какъ стрѣла вѣсовъ, наклоняется то въ одну, то въ другую сторону, взвѣшивая тяжести хорошаго и плохого.

— Ага-а!—рявкнулъ кто-то въ трактирѣ. И вслѣдъ за тѣмъ что-то упало, съ такой силой ударившись о полъ, что даже кровать подъ Илейю вздрогнула.

— Стой!.. Ба-атюшки...

— Держи его... а-а!

— Кра-у-уль...

Шумъ сразу усилился, закипѣлъ, родилась масса новыхъ звуковъ, всѣ они завертѣлись, завыли, затрепетали въ воздухѣ, сбѣпившись другъ съ другомъ, какъ стая злыхъ и голодныхъ собакъ. Отдѣльные голоса потонули въ хаосѣ возни и криковъ.

Илья съ удовольствіемъ вслушивался въ этотъ шумъ: ему было пріятно, что случилось именно то, чего онъ ожидалъ и какъ бы подтверждаетъ его мысли о людяхъ. Онъ повернулся на постели, закинулъ руки подъ голову и вновь отдалъ себя во власть думамъ.

„...А должно быть великъ грѣхъ совершилъ дѣдъ Антипа, если восемь лѣтъ кряду молча отмаливалъ его... И люди все простили ему, говорили о немъ съ уваженіемъ, называли праведнымъ... Но дѣтей его—погубили. Одного загнали въ Сибирь, другого выжили изъ деревни...“

„Тутъ особый счетъ надобенъ! — вспомнились Ильѣ внушительныя слова купца Строганаго.—Ежели одинъ честенъ, а девять—подлецы, никто не выигрываетъ, а человѣкъ пропадетъ... Которыхъ больше, тѣ и правы...“

Илья усмѣхнулся. Въ груди его холодно и змѣей зашевелилось злое чувство къ людямъ. А память все выдвигала предъ нимъ знакомые образы. Большая, неуклюжая Матица валялась въ грязи среди двора и стонала:

— Ма-атинко!.. Ма-атинко ридна! Коли бѣ ты минн ба-ачила!

Пьяненькій Перфишка стоялъ около нея, покачиваясь на ногахъ, и укоризненно говорилъ:

— Нажралась! С-свинья...

А съ крыльца смотрѣлъ на нихъ Петруха, здоровый, румяный, презрительно улыбавшійся...

Илья разсматривалъ все это, и сердце его сжималось, становясь все черствѣе, тверже...

Скандалъ въ трактирѣ кончился. Три голоса—два женскихъ и мужской—пытались запѣть пѣсню,—она не удалась имъ. Кто-то принесъ гармонію, поигралъ на ней немного и нехорошо, потомъ замолкъ. Около стѣны, у которой стояла кровать Ильи, двое людей говорили вполголоса и часто раздавались тяжелые вздохи. Илья прислушался къ нимъ съ какимъ-то враждебнымъ чувствомъ.

— Живешь эдакъ-то вотъ... работаешь... тянешь всѣ свои жилы... а толку—ни зерна... Всѣ люди, какъ люди, а мы—какъ мыслете... не стоимъ твердо, а только карячимся...

— Да-а...

— И ничего въ волнахъ не видно... Одно чуешь горбомъ, что отъ трудовъ то праведныхъ не токмо не выстроишь домовъ каменныхъ... а того гляди, переломишься да и сдохнешь...

— Эхе-хе! Что и говорить...

— А на неправедный трудъ нѣтъ у тебя ни смѣлости, ни ловкости. Такъ что—и скусенъ жабѣ орѣхъ, да зубовъ у жабы нѣтъ...

— О, Господи, Батюшка...

Илья тоже невольно вздохнул. Раздался звонкій голосъ Перфишки, покрывая весь шумъ въ трактирѣ. Сапожникъ пѣвучей скороговоркой кричалъ:

„И—эхъ лей, кубышка, поливай, кубышка, не жалѣй, кубышка, хозяйскаго добришка! Будемъ пить, будемъ бабъ любить, будемъ по міру ходить! Съ міру по ниткѣ—бѣдному петля! А отъ той петли избавишься—на своихъ жилахъ удавишься...“

Раздался веселый хохотъ и крики одобренія... Потомъ, у стѣны, снова загудѣлъ тихій голосъ:

— Я вотъ съ малыхъ лѣтъ работаю... скоро мнѣ сорокъ стукнетъ. А и хлѣба не всегда вдоволь. Всякъ день съ клещами, да не всякъ со щами. Дома-то тоска! Дѣти воютъ, жена ноетъ... не глядѣлъ бы! Ну, иной разъ не стерпишь, развинтишь всѣ свои гайки, загуляешь. Очухаешься—глядь, за время, пока ты пилъ да гулялъ, нужда-то еще вострѣе зубы наточила.

— Ужъ это такъ...

— Возмолишься Господу: Батюшка! Милосердный! За што такая мука?.. Не слышитъ, видно...

— Н-да-а... видно, не слышитъ...

Ильѣ стало тошно отъ безнадежнаго жужжанія глухого голоса и отъ однотонныхъ поддакиваний другого, еще болѣе безнадежныхъ, чѣмъ слова перваго. Онъ завозился на кровати и нарочно съ силой стукнулъ локтемъ въ стѣну. Тогда голоса умолкли.

Но Илья уже не могъ лежать, охваченный тоскливымъ безпокойствомъ. Онъ всталъ, вышелъ на дворъ и остановился на крыльцѣ, полный желанія уйти куда-нибудь и не зная, куда идти? Было уже поздно; Маша спала; Яковъ угорѣлъ и лежалъ у себя дома, куда Илья не любилъ ходить, потому что Петруха всегда при видѣ его неприятно двигалъ бровями. Дулъ холодный вѣтеръ осени. Густая, почти черная тѣма наполняла дворъ и неба не было видно. Всѣ постройки на дворѣ казались большими кусками сгущенной вѣтромъ тѣмы. Въ сыромъ воздухѣ носились какіе-то звуки, что-то хлопало, шелестѣло, былъ слышенъ тихій-странный шопотъ, напоминавшій людскія жалобы на жизнь. Вѣтеръ бросался на грудь Ильи, крѣпко дулъ ему въ лицо, дышалъ сырмъ холодомъ за воротъ... Илья вздрагивалъ, но не уходилъ, думая о томъ, что такъ жить совсѣмъ нельзя, нельзя! Надо уйти куда-нибудь отъ всей этой грязной суеты и склоки, надо жить одному, чисто, тихо...

— Это кто стоитъ?—вдругъ раздался глухой голосъ.

— Я... А кто говорить?

— Я... Матица...

— А ты гдѣ тутъ?

— На дровахъ сажу...

— Чего?

— Такъ...

И оба замолчали...

— А сегодня мати моей година,— сообщила Матица изъ тьмы.

— Давно померла?—спросилъ Илья, чтобы сказать что-нибудь.

— Давно-о... лѣтъ съ пятнадцать... А то больше... А твоя мати жива?

— Нѣтъ... тоже померла... Тебѣ который же годъ?

Матица помолчала и отвѣтила со свистомъ:

— С-с-тридцать ужъ... Стара... Болить у меня нога вотъ... Вспухла, какъ дыня, и болить... Я жъ ее терла, терла всякимъ— не помогаетъ.

— А ты въ больницу...

— Далеко... Не дойду...

— На извозчикѣ...

— Грошій нема...

Кто-то отворилъ дверь трактира; оттуда на дворъ вырвалась стая громкихъ звуковъ. Вѣтеръ подхватилъ ихъ и разсѣялъ во тьмѣ.

— Ты чего тутъ стоишь?—спросила Матица.

— Такъ... скушно стало...

— Какъ я... Тамъ у меня, какъ въ гробу...

Илья услышалъ тяжелый вздохъ. Потомъ Матица сказала ему:

— Пойдемъ ко мнѣ?

Илья взглянулъ по направленію голоса женщины и равнодушно отвѣтилъ:

— Пойдемъ...

По лѣстницѣ на чердакъ Матица шла впереди Ильи. Она становила на ступеньки сначала правую ногу и потомъ, густо вздыхая, медленно поднимала сверху лѣвую. Илья шель за нею безъ мысли и тоже медленно, точно тяжелая скука мѣшала ему подниматься вверхъ такъ же, какъ боль Матицѣ.

Комната женщины была узкая и длинная, а потолокъ ея дѣйствительно имѣлъ форму крышки гроба. Около двери помѣщалась печка-голландка, у стѣны, опираясь въ печку спинкой, стояла широкая кровать, противъ кровати—столъ и два стула по бокамъ его. Еще одинъ стулъ стоялъ у окна, которое казалось просто темнымъ пятномъ на сѣрой стѣнѣ. Здѣсь, на высотѣ, шумъ и вой вѣтра были слышнѣе. Илья сѣлъ на стулъ у окна, оглядѣлъ стѣны и, замѣтивъ маленькій образокъ въ углу, спросилъ:

— Это какой образъ?

— Святая Анна...—почтительно и тихо сказала Матица.

— А тебя какъ зовуть?

— Тоже Анна... не зналъ?

— Нѣтъ...

— Никто не знаетъ,—сказала Матица, тяжело усаживаясь на кровать. Илья смотрѣлъ на нее, но не чувствовалъ желанія говорить. Женщина тоже молчала. Такъ, молча, они сидѣли долго, минуты три и каждый изъ нихъ точно не замѣчалъ присутствія другого. Наконецъ Матица спросила:

— Ну, что же мы будемъ дѣлать?

— А я не знаю...—отвѣтилъ Илья съ недоумѣнiемъ.

— Ну, еще бы!—недовѣрчиво усмѣхаясь, воскликнула женщина.

— Такъ что жъ?

— А ты угости меня. Купи пару пива... Нѣтъ, вотъ что—купи ты мнѣ ѣсть!.. Ничего не надо, а только ѣсть...

Голосъ у нея перехватило, она кашлянула и виновато продолжала:

— Видишь ли... Какъ заболѣла нога, то не стало у меня дохода... Не выхожу, потому что... А все ужъ прожила... Еще бы—пятый день сижу вотъ такъ... Вчера ужъ и не ѣла почти... а сегодня такъ просто совѣмъ не ѣла... ей-Богу, правда!

Тутъ только Илья вспомнилъ, что вѣдь Матица — гулящая. Онъ пристально взглянулъ въ ея большое лицо и увидаль, что черные глаза ея немножко улыбаются, а губы такъ шевелятся, точно она сосеть что-то невидимое... Въ немъ вспыхнуло ощущение какой-то неловкости предъ нею и особеннаго смутнаго интереса къ ней.

— Сейчасъ я тебѣ принесу... и пива принесу...

Онъ быстро всталъ, торопливо сбѣжалъ по лѣстницѣ въ сѣни трактира и остановился предъ дверью въ кухню. Ему вдругъ не захотѣлось возвращаться на чердакъ. Но это нежеланiе блеснуло въ скучной тѣмѣ его души, какъ искра, и тотчасъ же угасло. Онъ вошелъ въ кухню, купилъ у повара на гривенникъ обрѣзковъ варенаго мяса, кусковъ хлѣба и еще остатковъ чего-то съѣдобнаго. Поваръ сложилъ все это въ засаленное рѣшето, Илья взялъ его въ обѣ руки, какъ блюдо, и, выйдя въ сѣни, снова остановился, озабоченный мыслью о томъ, какъ достать пива. Самому купить въ буфетѣ нельзя — Терентiй спросилъ бы, зачѣмъ это ему надо. Тогда онъ вызвалъ изъ кухни посудника и попросилъ его купить. Посудникъ сбѣгалъ въ буфетъ, при-

шелъ, молча ткнулъ ему Сутылки и схватился за ручку двери въ кухню.

— Постой!—сказалъ Илья.—Это не мнѣ... Это—товарищъ пришелъ... такъ ему.

— Что?—спросилъ посудникъ.

— Товарища я угощаю...

— Ага... ну, такъ что?

Илья почувствовалъ, что лгать было не нужно, и ему стало неловко. На верхъ онъ шелъ не торопясь, чутко прислушиваясь ко всему, точно ожидая, что кто-то позоветъ его, остановитъ. Но, кромѣ шума вѣтра, ничего не было слышно, никто не остановилъ юношу, и онъ внесъ на чердакъ къ женщинѣ вполне ясное ему, похотливое, хотя еще робкое, чувство.

Матица, поставивъ рѣшето себѣ на колѣни, молча вытаскивала изъ него большими пальцами сѣрые куски пици, клала ихъ въ широко-открытый ротъ и громко чавкала. Зубы у нея были крупные, острые. И передъ тѣмъ, какъ дать имъ кусокъ, она внимательно оглядывала его со всѣхъ сторонъ, точно искала въ немъ наиболѣе вкусныя мѣстечки.

Илья упорно смотрѣлъ на женщину и думалъ о томъ, какъ онъ обниметъ ее, станетъ цѣловать, и боялся, что онъ не сумеетъ сдѣлать этого, а она насмѣется надъ нимъ. Отъ этой мысли его бросало въ жаръ и холодъ.

На крышѣ шуршаль вѣтеръ. Залетая черезъ слуховыя окна на чердакъ, онъ торкался въ дверь комнаты и каждый разъ, когда дверь сотрясалась, Илья вздрагивалъ, ожидая, что вотъ сейчасъ войдетъ кто-то и застанетъ его тутъ...

— Я запру дверь?—сказалъ онъ.

Матица молча кивнула головой. Потомъ она составила рѣшето на лежанку, перекрестилась на образъ святой Анны и сказала:

— Слава Тебѣ, Святыи, — вотъ и сытая стала баба! Ой, немало же надо человѣку!

Илья промолчалъ. Женщина поглядѣла на него, вздохнула и сказала еще:

— А кто много хочетъ, съ того много и спросятъ...

— Кто спроситъ?—отозвался Илья.

— А Богъ? Развѣ жъ ты того не знаешь?

Илья снова не отвѣтилъ ей. Имя Божіе въ ея устахъ породило въ немъ острое, но неясное, неуловимое словомъ, чувство и оно противорѣчило его желанію обнять эту женщину. Матица уперлась руками въ постель, приподняла свое большое тѣло и подвинула его къ стѣнѣ. Потомъ она заговорила равнодушно, какимъ-то деревяннымъ голосомъ:

— Вла я и все думала про Перфишкину дочку... Давно я о ней думаю... Живетъ она съ вами—тобою да Яковомъ... не будетъ ей отъ того добра, думаю я... Испортите вы дѣвчоночку раньше время, и пойдетъ она тогда моей дорогой... А моя дорога, она—поганая и проклятая... и не ходять по ней бабы и дѣвки, а, какъ черви, ползуть...

Она помолчала и заговорила снова, разглядывая свои руки, лежавшія на колѣняхъ у нея:

— Скоро уже дѣвочка взростетъ. Я спрашивала которыхъ знакомыхъ кухарокъ и другихъ бабъ — нѣтъ ли мѣста гдѣ для дѣвочки? Нѣтъ ей мѣста, говорятъ... Говорять—продай ее... Такъ ей будетъ лучше... дадутъ ей денегъ и одѣнутъ... дадутъ и квартиру... Это бываетъ, бываетъ... Иной богатый, когда онъ уже станетъ хилымъ на тѣло да поганенькимъ, и уже не любятъ его бабы такъ, даромъ... то вотъ такой мерзюга покупаетъ себѣ дѣвочку... и портитъ ее... Можетъ это и хорошо ей... а все же противно должно быть сначала... и лучше бы ужъ безъ этого... Лучше ужъ жить ей голодной, да чистой, чѣмъ...

Она закашлялась, точно поперхнувшись какимъ-то словомъ, и съ усиленіемъ на лицѣ, но тѣмъ же равнодушнымъ голосомъ докончила:

— Чѣмъ и поганой, и голодной... вотъ какъ я.

Вѣтеръ все леталъ по чердаку и дерзко торкался въ дверь. По желѣзу крыши стучалъ мелкій дождь, и на волѣ во тѣмѣ за окномъ носился тихій звукъ:

— И-и-и...

Равнодушный голосъ женщины и ея тяжелая, неподвижная фигура не позволяли чувству Ильи развиться и внушить юношѣ храбрость, необходимую для выраженія его желанія. Матица какъ бы отталкивала его все дальше, онъ замѣчалъ это и раздражался противъ нея...

— Боже, Боже мой!—тихонько вздохнувъ, сказала женщина.— Святая Мати...

Илья сердито двинулся на стулѣ и угрюмымъ голосомъ заговорилъ:

— Называешь себя поганой, а сама все — Богъ, Богъ! Думаешь, Ему это... нужно отъ тебя?

Матица взглянула на него, помолчала и качнула головой.

-- Не понимаю твоей рѣчи...

— Понимать тутъ нечего!—продолжалъ Илья, вставъ со стула.—Всѣ вы такъ! Блудите, блудите — а потомъ Богъ! А коли Богъ—такъ не блуди...

— Ой!—безпокойно воскликнула женщина.—Что это? Кто же будетъ о Богѣ помнить, какъ не грѣшныя? Кто пной?

— Ужь я, тамъ, не знаю,—молвилъ Илья, чувствуя въ себѣ приливъ неукротимаго желанія обидѣть эту женщину и всѣхъ другихъ людей.—Знаю, что не вамъ о Немъ говорить, да! Не вамъ! Вы Имъ только другъ отъ друга прикрываетесь... я вѣдь вижу. Не маленькій... вижу я. Всѣ ноютъ, всѣ жалуются... а зачѣмъ пакостничаютъ? А зачѣмъ другъ друга обманываютъ, грабятъ... и жадничаютъ о кускѣ? Ага? Согрѣшить, да и за уголь! Господи, помилуй!.. Понимаю я... обманщики, черти! И сами себя, и Бога обманываете, а тоже...

Матица смотрѣла на него молча, открывъ ротъ и вытянувъ шею, а въ глазахъ ея было тупое удивленіе. Илья подошелъ къ двери, рѣзкимъ движеніемъ сорвалъ крючокъ и вышелъ вонъ. сильно хлопнувъ дверью. Онъ чувствовалъ, что жестоко обидѣлъ Матицу, и это было пріятно ему, отъ этого и на сердцѣ стало легче и въ головѣ яснѣй. Спускаясь съ лѣстницы твердыми шагами, онъ свисталъ сквозь зубы, а злоба все подсказывала ему обидныя и крѣпкія, камнямъ подобныя, слова. Казалось ему, что всѣ эти слова раскалены огнемъ, освѣщаютъ тьму внутри его и въ то же время показываютъ ему дорогу въ сторону отъ людей. И уже онъ говорилъ свои слова не одной Матицѣ, а и дядѣ Терентію, Петрухѣ, купцу Строганому--всѣмъ людямъ:

„Такъ-то вотъ!—выйдя на дворъ, думалъ онъ. — Нечего съ вами церемониться... сволочь!“...

По двору леталъ вѣтеръ, и вылъ, и гудѣлъ. Что-то хлопало, наполняя воздухъ дробными звуками, похожими на холодный, жесткій смѣхъ...

Вскорѣ послѣ посѣщенія Матицы Илья началъ ходить къ женщинамъ. Первый разъ это случилось такъ: однажды вечеромъ онъ шелъ домой, а какая-то женщина и сказала ему:

— Пойдемъ ко мнѣ?..

Онъ взглянулъ на нее и молча пошелъ рядомъ съ нею. Но идя, онъ наклонилъ голову и все оглядывался кругомъ, боясь встрѣтить знакомаго. Черезъ нѣсколько шаговъ женщина еще сказала предупреждающимъ голосомъ:

— Смотри—цѣлковый.

— Ладно!—сказалъ Илья.—Идемъ скорѣе...

И вплоть до квартиры женщины оба они шли молча. Вотъ и все...

Но знакомство съ женщинами сразу повело къ большимъ расходамъ и все чаще Илья думалъ о томъ, что его торговля—пустая трата времени и силъ и что не дастъ она ему возможности устроить чистую жизнь. Одно время онъ хотѣлъ, по примѣру другихъ разносчиковъ, заняться лотереей и обманывать публику,

какъ всѣ разносчики. Но, подумавъ, онъ нашелъ эту затѣю мелкой и хлопотливой. Пришлось бы прятаться отъ городскихъ или заискивать у нихъ и платить имъ, а это было противно Ильѣ. Онъ любилъ смотрѣть всѣмъ въ глаза прямо и смѣло и чувствовалъ острое удовольствіе отъ того, что всегда былъ одѣтъ чище и опрятнѣе другихъ разносчиковъ, не пилъ водки и не жульничалъ, какъ всѣ. Ходилъ онъ по улицамъ не торопясь, степенно, его скуластое лицо было сухо и серьезно; разговаривая, онъ прищуривалъ свои темные глаза, говорилъ не много и обдуманно. Часто онъ мечталъ о томъ, какъ хорошо было бы найти денегъ рублей тысячу или больше. Разказы о кражахъ возбуждали въ немъ жгучій интересъ: онъ покупалъ газету, внимательно читалъ о подробностяхъ кражи и долго потомъ слѣдилъ,—нашли воровъ или нѣтъ? А когда ихъ находили, Илья сердился и осуждалъ ихъ, говоря Якову:

— Попались, болваны!.. Ужъ не брались бы, коли не умѣютъ... черти!

Какъ-то разъ, сидя съ Яковымъ у себя въ комнаткѣ, онъ сказалъ:

— А все-таки жулику на свѣтѣ лучше, чѣмъ честному человѣку...

Лицо Якова напряглось, глаза прищурились и онъ сказалъ тѣмъ пониженнымъ и таинственнымъ голосомъ, которымъ всегда говорилъ о мудрыхъ вопросахъ:

— Позапрошлый разъ въ трактирѣ дядя твой чай пилъ съ какимъ-то старичкомъ... начетчикомъ, должно быть. И тотъ старичокъ говорилъ, будто въ Библии сказано: „покойны дома у грабителей и безопасны у раздражающихъ Бога, которые какъ бы Бога носятъ на рукахъ своихъ...“

— А не врешь ты? — спросилъ Илья, внимательно прослушавъ товарища.

— Не мои это слова...—разводя руками и какъ бы нащупывая что-то въ воздухѣ, продолжалъ Яковъ.—Не вѣрю и я, что это въ Библии сказано... можетъ, онъ самъ выдумалъ, старичишко-то... — Переспросилъ я его и разъ, и два... повторяетъ вѣрно... въ одно слово... А слова-то, пожалуй, правильныя... Поглядѣть надо въ Библию...

И, наклоняясь къ Ильѣ, Яковъ тихо сказалъ:

— Взять, къ примѣру, отца моего... Покоень! А Бога раздражаетъ...

— Еще какъ!—воскликнулъ Илья.

— Въ гласные его выбрали, отца-то...

Яковъ опустилъ голову, тяжело вздохнулъ и добавилъ:

— Надо бы, чтобы каждое человѣческое дѣло передъ совѣстью кругло было, какъ яичко, а тутъ... эхъ! Тошно мнѣ... Ничего не понимаю... Споровки къ жизни у меня нѣту, приверженности къ трактиру я не чувствую... А отецъ—все долбитъ... Будеть, говорить, тебѣ шематонить, возмись, дескать, за умъ... дѣло дѣлай... Какое? Торгую я за буфетомъ, когда Терентія нѣтъ... и хоть противно мнѣ, но я вѣдь терплю... А отъ себя что-нибудь дѣлать—не могу...

— Надо учиться!—солидно сказалъ Илья.

— Трудно жить...—тихо молвилъ Яковъ.

— Трудно? Тебѣ? Врешь ты!—вскричалъ Илья, вскочивъ съ кровати и подходя къ товарищу, сидѣвшему подъ окномъ. Мнѣ—трудно, да! Ты—что? Отецъ состарится—хозяинъ будешь... потомъ онъ умретъ... А я? Иду по улицѣ, въ магазинахъ вижу брюки, жилетки... часы и все такое... Вижу—думаю: мнѣ такихъ брюкъ не носить... мнѣ такихъ часовъ не имѣть... понялъ? А мнѣ—хочется... И прежде всего я хочу, чтобы меня уважали... Чѣмъ я хуже другихъ? Я—лучше! Жуликъ я? А жулики предо мной кичатся... ихъ, вонъ, въ гласные выбираютъ! Они дома имѣютъ... трактиры... Почему жулику счастье, а мнѣ нѣтъ его? Я тоже хочу... хорошаго... настоящаго!

Яковъ поглядѣлъ на товарища и вдругъ тихо, но внятно сказалъ:

— Не дай Богъ тебѣ удачи!

— Что? Почему?—вскричалъ Илья, остановившись среди комнаты и возбужденно глядя на Якова.

— Жаденъ ты... ничѣмъ тебя не успокоишь,—объяснилъ тотъ. Илья засмѣялся сухо и со злобой.

— Не успокоишь? Ты скажи-ка отцу своему, чтобъ онъ далъ мнѣ хоть половину тѣхъ денегъ, что у дѣдушки Еремѣя вмѣстѣ съ моимъ дядей они выкрали,—я и успокоюсь... да! Жаденъ я! А отецъ твой...

Но тутъ Яковъ всталъ со стула и, опустивъ голову, тихо пошелъ къ двери. Илья видѣлъ, что плечи у него вздрагиваютъ и шея такъ согнута, точно Якова больно ударили по ней.

— погоди! — смущенно сказалъ Илья, взявъ товарища за руку.—Куда ты?

— Пусти, братъ,—почти шопотомъ молвилъ Яковъ, но остановился и взглянулъ на Илью. Лицо у него было блѣдное, губы плотно сжаты и весь онъ какъ-то размякъ, точно его раздавила нѣкая тяжесть...

— Ну... ничего, погоди, — виноватымъ голосомъ говорилъ

Илья, осторожно отводя его от двери и снова усаживая на стуль.—Ты не сердись на меня... что там? Правда, вѣдь...

— Я знаю,—сказаль Яковъ.

— Знаешь?

— Да...

— Кто сказалъ?

— Всѣ говорятъ...

— Н-да-а... Но вѣдь и говорятъ—тоже жулики!

Яковъ взглянулъ на него жалобными глазами и вздохнулъ.

— Не вѣрилъ я... думаль, со зла говорятъ, изъ зависти. Потомъ—сталъ вѣрить... А коли и ты теперь сказалъ—значить...

Онъ махнулъ рукой, отвернулся отъ товарища и замеръ неподвижно, крѣпко упираясь руками въ сидѣнье стула и опустивъ голову на грудь. Илья отошелъ отъ него, сѣлъ на кровать въ такой же позѣ, какъ и Яковъ, и молчалъ, не зная, что сказать въ утѣшеніе другу.

За стѣной кричали, ревѣли, звенѣла посуда, и пьяный женскій голосъ тонко выводилъ:

„Ми-ине-е не спи-ится и не лежится-а,

И со-онъ ми-ня-а не бере-еть...“

— Вотъ тутъ и живи,—вполголоса сказалъ Яковъ.

— Да-а,—отозвался Илья въ тонъ ему.—Я, братъ, понимаю... не хорошо тебѣ. Одно утѣшенье—всѣ таковы, какъ поглядишь... Всѣмъ одна цѣна...

— Ты ужъ вѣрно про то знаешь?—робко спросилъ Яковъ, не глядя на товарища.

— Я? Видѣлъ... Помнишь, убѣжалъ я? Видѣлъ въ щель, какъ они подушку зашивали... а старикъ хрипѣлъ еще...

Яковъ повелъ плечами и не сказалъ ни слова. Они долго сидѣли молча, оба въ одинаковыхъ позахъ, одинъ на постели, другой на стулѣ. Потомъ Яковъ всталъ и пошелъ къ двери, сказавъ Ильѣ:

— Прощай...

— Прощай, братъ... Ты не того... не очень грусти... что подѣлаешь?

— Я ничего...—отозвался Яковъ, отворяя дверь.

Илья проводилъ его глазами и тяжело свалился на постель. Ему было жалко Якова, и въ немъ снова вскипѣла злоба над ядю, на Петруху, на всѣхъ людей. Онъ видѣлъ, что среди нихъ нельзя жить такому слабому человѣку, какъ Яковъ, а Яковъ былъ хорошій человѣкъ, добрый, тихій, чистый. Илья думаль о людяхъ, а память его подсказывала ему разные случаи, рисовавшіе людей злыми, жестокими, лживыми. Онъ много зналъ такихъ слу-

чаевъ, и ему легко было забрызгивать людей жолчью и грязью своихъ воспоминаній. И чѣмъ чернѣе становились, они предъ нимъ, тѣмъ тяжелѣе было ему дышать отъ страннаго чувства, въ которомъ была и тоска о чемъ-то, и злорадство, и страхъ отъ сознанія своего одиночества въ этой черной, печальной жизни, что крутилась вокругъ него бѣшеннымъ вихремъ...

Когда, наконецъ, у него не стало больше терпѣнія лежать одиноко въ маленькой комнаткѣ, сквозь доски стѣнъ которой просачивались мутные и пахучіе звуки изъ трактира, онъ всталъ и пошелъ гулять. Долго въ эту ночь онъ ходилъ одинъ по улицамъ города, нося съ собой неотвязную и несложную, тяжелую думу свою. Ходилъ онъ одинъ во тьмѣ и думалъ, что за нимъ точно слѣдитъ кто-то, врагъ ему, и неощутимо толкаетъ его все туда, гдѣ хуже, гдѣ скучнѣе, показываетъ ему только такое, отъ чего душа болитъ тоской и въ сердцѣ зарождается злоба. Вѣдь есть же на свѣтѣ хорошее,—хорошіе люди и случаи и веселье, почему онъ не видитъ ихъ, а всюду сталкивается только съ дурнымъ и скучнымъ? Кто направляетъ его всегда на темное, грязное и злое въ жизни?

Онъ шелъ во власти этихъ думъ полемъ около каменной ограды загороднаго монастыря и смотрѣлъ впередъ себя. Навстрѣчу ему изъ темной дали тяжело и медленно двигались тучи. Кое-гдѣ во тьмѣ надъ его головой, среди тучъ, проблескивали голубыя пятна небесъ и на нихъ тихо сверкали маленькія звѣзды. Въ тишину ночи изрѣдка вливался пѣвучій мѣдный звукъ сторожевого колокола монастырской церкви, и это было единственное движеніе въ мертвой тишинѣ, обнимавшей землю. Даже изъ темной массы городскихъ зданій, сзади Ильи, не долетало до поля шума жизни, хотя еще было не поздно. Ночь была морозная; Илья шелъ и спотыкался о мерзлую грязь. Жуткое ощущеніе одиночества и боязнь, рожденная думами, остановили его. Онъ прислонился спиной къ холодному камню монастырской ограды, упорно думая, кто водить его по жизни, кто это толкаетъ на него все дурное ея, все тяжкое?

Холодный ужасъ дрожью пробѣжалъ по тѣлу его, и, охваченный предчувствіемъ чего-то страшнаго, онъ оторвался отъ стѣны и торопливыми шагами, все чаще спотыкаясь о грязь, пошелъ въ городъ, боясь оглянуться назадъ, плотно прижимая руки свои къ тѣлу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого Илья встрѣтилъ Пашку Грачева. Былъ вечеръ; въ воздухѣ лѣниво кружились мелкія свѣжинки, сверкая въ огняхъ фонарей. Несмотря на холодъ, Павелъ былъ одѣтъ только въ бумазейную рубаху, безъ пояса. Шелъ онъ медленно, опутивъ голову на грудь, засунувъ руки въ карманы, согнувши спину, точно искалъ чего-то на своей дорогѣ. Когда Илья поровнялся съ нимъ и окликнулъ его, онъ поднялъ голову, взглянулъ въ лицо Ильи и равнодушно молвилъ:

— А! Это ты...

— Какъ живешь?—спросилъ Илья, идя рядомъ съ нимъ.

— Надо бы хуже, да нельзя... Ты какъ?

— Н-ничего...

— Тоже видно не сладко...

Помолчали, идя рядомъ другъ съ другомъ и касаясь одинъ другого локтями.

— Что къ намъ не придешь? Зову, зову...—сказалъ Илья.

— Все, братъ, некогда... Свободнаго-то время не больно намъ много отпущено, самъ знаешь...

— Нашлось бы, коли захотѣлъ...—съ упрекомъ сказалъ Илья.

— А ты не сердись... Меня зовешь, а самъ ни разу и не спросилъ, гдѣ я живу, не то, чтобы придти ко мнѣ...

— А вѣдь вѣрно!—воскликнулъ Илья съ улыбкой.—Поди вот!

Павелъ тоже взглянулъ на него, улыбнулся и заговорилъ болѣе оживленно:

— Я одинъ живу, товарищей нѣтъ,—не встрѣчаются по душѣ. Хворалъ, почти три мѣсяца въ больницѣ валялся... никто не пришелъ за все время...

— Чѣмъ хворалъ?

— Пьяный простудился... Брюшной тифъ былъ... Выздоровливать сталъ—мука! Одинъ лежишь весь день, всю ночь... и кажется тебѣ, что ты и нѣмъ, и слѣпъ... заброшенъ въ яму, какъ кутенокъ. Спасибо доктору... книжки все давалъ мнѣ... а то съ тоски издохъ бы я...

— Книжки-то хорошія?—спросилъ Луневъ.

— Да-а, братъ, хороши! Все стихи читалъ я,—Лермонтова, Некрасова, Пушкина... Бывало, читаю, какъ молоко пью. Есть, братъ, стихи такіе,—читаешь—словно тебя милая цѣлуешь. А иной разъ стихъ хлестнетъ тебя по сердцу, какъ искру высѣчетъ: вспыхнешь весь...

— А я отвыкать сталъ отъ книгъ,—вздыхнулъ, сказалъ Илья.

— Ну?

— Да. Что тамъ? Читаешь—одно, глядишь—другое...

— То и хорошо... Зайдемъ въ трактиръ? Посидимъ, потолкуемъ... Мнѣ надо въ одно мѣсто, да еще рано... А можетъ и туда вмѣстѣ пойдемъ...

— Въ трактиръ? Пойдемъ!—согласился Илья и дружески взявъ Павла за руку. Тотъ опять взглянулъ въ лицо ему, улыбнулся и сказалъ:

— Никогда у насъ съ тобой особой дружбы не было, а встрѣчать тебя мнѣ пріятно...

— Ну, не знаю, пріятно ли тебѣ... Какъ будто и нѣтъ... А вотъ я...

— Эхъ братъ!—прервалъ Павелъ его рѣчь.—Догналъ ты меня, когда я о такихъ дѣлахъ думалъ... лучше не вспоминать!—Махнувъ рукой, онъ замолчалъ и пошелъ медленнѣе.

Они зашли въ первый попавшійся на пути трактиръ, сѣли тамъ въ уголокъ и спросили себѣ пива. При свѣтѣ лампъ Илья увидаль, что лицо Павла похудѣло и осунулось, глаза у него стали безпокойные, а губы, раньше насмѣшливо полуоткрытыя, теперь плотно сомкнулись.

— Ты гдѣ работаешь?—спросилъ онъ Грачева.

— Опять въ типографіи,—невесело сказалъ Павелъ.

— Трудно?

— Н-нѣтъ... Не работа ѣсть, а забота.

Илья чувствовалъ какое-то смутное удовольствіе, видя веселаго и бойкаго Пашку унылымъ и озабоченнымъ. Ему хотѣлось узнать, что такъ измѣнило Павла, и онъ, усиленно подливая пива въ стаканъ ему, все выспрашивалъ:

— Ну, а со стихами какъ?

— Теперь бросилъ... а раньше много сочинялъ. Показывалъ доктору—хвалить. Одни онъ даже въ газетѣ напечаталъ... Тридцать девять копеекъ дали мнѣ за нихъ...

— Ого!—воскликнулъ Илья.—Здорово! Какіе же это стихи? Ну-ка скажи!

Горячее любопытство Ильи и нѣсколько стакановъ пива оживили Грачева. Его глаза вспыхнули и на желтыхъ щекахъ загорѣлся румянецъ.

— Какіе?—переспросилъ онъ, крѣпко потирая лобъ рукой.— Забылъ я. На! Ей-Богу, забылъ! Погоди, можетъ, вспомню. У меня ихъ всегда въ башкѣ, какъ пчель въ ульѣ... такъ и жужжать! Иной разъ начну сочинять, такъ разгорячусь даже... Кипить все въ душѣ и слезы на глаза выступаютъ...

— Н-ну? Отчего это?—удивленно и недовѣрчиво спросилъ Илья.

— Такъ ужъ... Горить въ тебѣ что-то, хочется рассказать про это гладко, а словъ нѣтъ... Ну и... обидно...—Онъ вздохнулъ и, тряхнувъ головой, добавилъ:

— Въ душѣ-то замѣшано густо, а выложить на бумагу— пусто...

— Ты мнѣ скажи какіе-нибудь!—попросилъ Илья. Чѣмъ больше онъ присматривался къ Павлу, тѣмъ сильнѣе росло его любопытство, и понемножку къ любопытству этому примѣшивалось какое-то хорошее, теплое и грустное чувство.

— Я больше смѣшные сочиняю... про себя, про свою жизнь,—сказалъ Грачевъ, смущенно улыбаясь.

— Ну, говори смѣшные!—настаивалъ Илья.

Тогда Грачевъ оглянулся вокругъ, кашлянулъ, потеръ себѣ грудь и вполголоса, торопливо началъ читать, не глядя въ лицо товарища:

„Ночь... Точно! Сквозь тускляя стекла окна
Мнѣ въ комнату лучъ свой бросаетъ луна,
И онъ, улыбаясь пріятельски мнѣ,
Рисуетъ какой-то узоръ голубой
На каменной, мокрой, холодной стѣнѣ,
На клочьяхъ оборванныхъ, грязныхъ обой.
Сижу я, смотрю и молчу, все молчу...
И спать я отъ думъ не хочу...“

Павелъ остановился, глубоко вздохнулъ и продолжалъ медленнѣе и тише:

„Судьба меня душитъ, она меня давить...
То сердце царапнетъ, то бьетъ по затылку,
Сударку—и ту для меня не оставитъ.
Одно оставляетъ мнѣ—водки бутылку...
Стоитъ предо мною бутылка вина...
Блеститъ, при лунѣ, какъ смѣется она...
Виномъ я сердечныя раны лѣчу:
Съ вина въ головѣ зародится туманъ,
Я думать не стану и спать захочу...
Не выпить ли лучше еще мнѣ стаканъ?
Я—выпью!. Пусть тѣ, кому спится, не пьютъ,
Мнѣ думы уснуть не дають...“

Кончивъ читать, Грачевъ мелькомъ взглянулъ на Илью и, еще ниже опустивъ голову, тихо сказалъ:

— Вотъ... все больше такіе у меня... несуразно выходить...

Онъ застучалъ пальцами по краю стола и спокойно задвигался на стулѣ.

Нѣсколько секундъ Илья пристально смотрѣлъ на Грачева съ недовѣрчивымъ удивленіемъ. Въ его ухахъ звучала горькая и складная рѣчь, и ему было трудно повѣрить, что ее сочинилъ именно этотъ худой, безусый парень съ беспокойными глазами, одѣтый въ старую, толстую рубаху и тяжелые сапоги.

— Н-ну, братъ, это не очень смѣшно!—медленно и не громко заговорилъ онъ, все присматриваясь къ Павлу. --Это хорошо... Меня, знаешь, за сердце взяло... право! Ну-ка, скажи еще разъ...

Павель быстро вскинулъ голову, взглянулъ на своего слушателя веселыми глазами и, подвинувшись къ нему ближе, тихонько спросилъ:

— Нѣтъ, вправду—нравится?

— Ей-Богу же! Чудакъ!.. стану я врать?

— Ну, я вѣрю... ты—прямой... Ты, братъ, славный, право!

— Говори еще!

Павель началъ читать тихо, задумчиво, съ остановками, глубоко вздыхая, когда у него не хватало голоса. И когда онъ прочиталъ, сомнѣніе Ильи въ томъ, что Павель самъ сочинилъ стихи, возросло.

— А ну-ка другіе?—попросилъ онъ.

— Видишь что,—я лучше когда-нибудь къ тебѣ приду съ тетрадкой... А то у меня все длинные... и пора мнѣ идти! Потомъ—плохо я помню... Все концы да начала вертятся на языкѣ... Вотъ одинъ конецъ: есть такіе стихи,—будто я иду по лѣсу ночью и запутался, усталъ... ну, и страшно... тихо все, одинъ я... ну, вотъ я ищу выхода и жалуясь будто:

„Изныли ноги,
Устало сердце—
Все нѣтъ пути!
Земля родная!
Хоть ты скажи мнѣ—
Куда идти?
Прилежь къ землѣ я—
Къ ея родимой
Сырой груды—
И слышалъ сердцемъ
Глубокій шопоть:
— Сюда иди!“

— Зѣдь это вѣрно: живешь, какъ цѣлиной по лѣсу идешь, видишь гдѣ-то свѣтъ, а дороги къ нему нѣтъ!.. Слушай, Илья, пойдемъ со мной, а? Пойдемъ? Не хочется мнѣ съ тобой прощаться...

Грачевъ всталъ со стула, суетился, дергалъ Илью за рукавъ и заглядывалъ въ лицо ему ласковыми глазами.

— Иду!—сказалъ Илья.—Мнѣ тоже хочется съ тобой побыть... По правдѣ скажу—и вѣрю я тебѣ и нѣтъ... Ужъ больно ты любопытень! Потомъ—ловко вѣдь у тебя стихи-то выходятъ...

— Не вѣришь, что мои. Ничего! Увидишь—повѣришь...—говорилъ Павелъ, выходя изъ трактира на улицу.

— Коли твои—молодчина ты!—искренно воскликнулъ Илья.—Валяй! Рассказывай, какъ настоящіе люди живутъ...

— Я, братъ, подучусь, такъ буду писать—держись только!

— Чеши! Пусть понимаютъ...

— Я иногда думаю: ахъ вы!.. Вы сыты, обуты, одѣты—а я?

— Вотъ!

— Я—не человѣкъ?

— Всѣ одинаковы!

— На комъ бархатъ да кумачъ—тому и калачъ, а у кого грудь голая—тому и брюхо полое? Нѣтъ, врешь!

— Вру-уть! Всѣ одинаковы!

— Эхъ, Илья! Кабы мнѣ ума!...

Они быстро шагали по улицѣ и, налету схватывая слова другъ друга, горячо и торопливо перекидывались ими, все болѣе возбуждаясь, все ближе становясь другъ къ другу. Оба они ощущали радость, видя, что каждый думаетъ такъ же, какъ и другой, и эта радость еще болѣе поднимала ихъ. Снѣгъ, падавшій густыми хлопьями, таялъ на лицахъ у нихъ, осѣдалъ на одеждѣ, пристаивалъ къ сапогамъ, и они шли въ мутной кашицѣ, безшумно кипѣвшей вокругъ нихъ.

— Я все понимаю!—увѣренно вскрикивалъ Павелъ.

— Такъ жить нельзя!—вторилъ ему Луневъ.

— Ты учился въ гимназіи—значить ты баринъ, хоть отецъ твой водовозъ?!

— Во-отъ! А я чѣмъ виновать, что въ гимназіи не былъ, а?

— Тебѣ наука, а мнѣ вотъ эта штука?—показывая кукишь Илья, говорилъ Грачевъ,—нѣтъ, погоди!

— О, дьяволъ!—выругался Илья, оступившись въ какую-то яму, полную грязи и снѣга.

— Держи лѣвъѣ...

— Да куда мы идемъ, чортъ ее!..

— Къ Сидорихѣ...

— Куда?

— Къ Сидорихѣ... не знаешь?

— Н-не бывалъ...—помолчавъ, отвѣтилъ Илья и, шагнувъ раза два впередъ, сказалъ, смѣясь:—коротки, братъ, дорожки наши...

— Эхъ!—тихо сказалъ Павель,—я это понимаю... Да надо мнѣ туда: дѣло у меня...

— Я—ничего вѣдь... я пойду, все равно!

— Скажу я тебѣ... Илья! Горько мнѣ говорить про это...

Павель шумно плюнулъ и замолчалъ.

— Что такое?—насторожившись, спросилъ Луневъ.

— Видишь,—не сразу сталъ рассказывать Павель,—дѣвушка тамъ есть одна... Поглядишь, какая... Всю душу спалить можетъ... Была она горничной у того доктора, что лѣчилъ меня. Ходилъ я къ нему за книжками... потомъ, когда выздоровѣлъ... Ну, придешь, сидишь, бывало, ожидаешь его въ кухнѣ... А она—тутъ... Еѣлочкой прыгаетъ, смѣется... Мнѣ около нея—какъ щепѣ у костра... Я—къ ней... Она сразу сдалась, безо всякихъ словъ... Началось у насъ—такое! Небо вспыхнуло... Лечу къ ней—какъ перо въ огонь... Нацѣлуемся—губы вспухнуть, кости ноютъ—эхъ! Чистенькая она, маленькая, какъ игрушечка... обнимешь—и нѣтъ ея! Будто птичкой въ сердце мнѣ влетѣла и поетъ тамъ пѣсню... и поетъ...

Онъ замолчалъ и какъ-то странно всхлипнулъ жаднымъ звукомъ.

— Ну?—спросилъ Илья, увлеченный его рассказомъ.

— Застала насъ жена доктора... чортъ бы ее, взялъ!

И барыня хорошая вѣдь, дура дьяволова! Бывало, тоже говорила со мной... славно такъ... Красивая... вѣдьма!..

— Ну?—повторилъ Илья.

— Ну—шумъ поднялся... Прогнали Вѣрку... и меня тоже. Изругали ее... и меня... Она, Вѣрка-то, ко мнѣ... А я, въ ту пору, безъ мѣста былъ... Голодали... Проѣли все до ниточки... Ну, а она—характерная... Убѣжала... Пропала недѣли на двѣ... Потомъ явилась... одѣтая по-модному и все... браслетъ... деньги...

Пашка скрипнулъ зубами и глухо сказалъ:

— Прибилъ я ее... больно...

— Ушла?—спросилъ Илья.

— Нѣ-ѣтъ... Кабы ушла, я бы въ омутъ головой...

— Осталась?

— Говорить—или убей, или не тронь... Я, говорить, тебѣ тяжела... Души, говорить, никому не дамъ...

— А ты что?

— Я—все дѣлалъ: и билъ ее, и... плакалъ... А что я могу еще? Кормить мнѣ ее нечѣмъ...

— А на мѣсто она—не хочетъ?

— Чортъ ее уломаетъ! Говорить—хорошо! Но дѣти у насъ пойдутъ—куда ихъ? А такъ, дескать, все цѣло, все—твое, и дѣтей не будетъ...

Илья Луневъ подумалъ и сказалъ:

— Умная она...

Пашка промолчалъ, быстро шагая въ снѣжной мглѣ. Онъ опередилъ товарища шага на три, потомъ обернулся къ нему, остановился и глухо, шипящимъ голосомъ, произнесъ:

— Какъ подумаю я, что другіе цѣлуютъ ее... словно свинецъ мнѣ въ грудь нальется...

— Бросить ее не можешь?

— Ее?—съ удивленіемъ крикнулъ Павелъ.

Илья понялъ его удивленіе, когда увидалъ дѣвушку.

Они пришли на окраину города, къ одноэтажному дому. Его шесть оконъ были наглухо закрыты ставнями, и это дѣлало домъ похожимъ на длинный, старый сарай. Мокрый снѣгъ густо облѣпилъ стѣны и крышу, точно хотѣлъ спрятать или раздавить этотъ домъ.

Пашка постучалъ въ ворота и сказалъ:

— Тутъ— особенное заведеніе. Сидориха даетъ дѣвушкамъ вѣздѣиру, кормить и беретъ за это пятьдесятъ цѣлковыхъ съ каждой... Дѣвушекъ всего четыре только... Ну, конечно, вино держитъ Сидориха, пиво и все нужное... конфеты... тамъ... Но дѣвушекъ не стѣсняетъ ничѣмъ: хочешь—гуляй иди, хочешь—дома сиди... только полсотни въ мѣсяцъ дай ей... Дѣвушки все дорогія... имъ эти деньги легко достать... Тутъ одна есть—Олимпиада—меньше четвертной не ходитъ...

— А твоя—почемъ?—спросилъ Илья, стряхивая снѣгъ съ одежды.

— Н-не знаю... тоже дорого...—помолчавъ, тихимъ голосомъ отвѣтилъ Грачевъ.

За дверь раздался шумъ, золотая нитка свѣта задрожала въ воздухѣ...

— Кто тамъ?

— Я это, Васса Сидоровна... Грачевъ...

— А!—дверь отворилась, и маленькая, сухая старушка, съ огромнымъ носомъ на дрябломъ лицѣ, освѣщая Павла огнемъ свѣчи, ласково сказала:

— Здравствуй, Папа... А Вѣрунька-то давно мечется, ждетъ тебя. Это кто съ тобой?

— Товарищъ...

— Кто пришелъ?—опросили откуда-то изъ темнаго, длиннаго коридора звучнымъ голосомъ.

— Къ Вѣрѣ это, Липочка...—сказала старуха.

— Вѣрка, пришелъ твой!—крикнулъ тотъ же звучный голосъ, гулко разносясь по коридору.

Тогда въ глубинѣ коридора быстро распахнулась дверь, и въ широкомъ пятнѣ свѣта встала маленькая фигурка дѣвушки, одѣтой во все бѣлое, осыпанной густыми прядями золотистыхъ волосъ.

— До-олго ты!—низкимъ груднымъ звукомъ, капризно протянула она. Потомъ приподнялась на носки, положила руки свои на плечи Павла и изъ-за него взглянула на Илью карими ласковыми глазами.

— Это—товарищъ мой... Луневъ Илья... встрѣтился съ нимъ... и опоздалъ я...—сказалъ Павелъ.

— Здравствуйте!

Дѣвушка протянула Ильѣ руку, и широкой рукавъ ея бѣлой кофточки поднялся почти до плеча. Илья пожалъ эту сухую и горячую ручку почтительно, бережливо и молча. Онъ смотрѣлъ на подругу Павла съ той милой радостью, съ какой въ густомъ лѣсу, средь бурелома и болотныхъ кочекъ, встрѣчаешь душистую, стройную березку. И когда она посторонилась, чтобъ пропустить его въ дверь, онъ тоже отступилъ въ сторону и, уважительно поклонившись ей, сказалъ:

— Вы—первая!

— Ка-акой кавалеръ!—засмѣялась она. И смѣхъ у нея былъ хороший,—веселый, ясный. Павелъ тоже смѣялся, говоря:

— Ошарашила ты, Вѣрка, парня... смотри-ка, какъ медвѣдь передъ медомъ, стоитъ онъ предъ тобой...

— Да развѣ?—весело спросила дѣвушка Илью.

— Вѣрно!—съ улыбкой согласился тотъ.—Землю вы изъ-подъ ногъ у меня вышибли красотой вашей...

— Влюбись-ка! Зарѣжу...—пригрозилъ Павелъ, радостно улыбаясь. Ему было приятно видѣть, какое впечатлѣніе произвела красота его милой на Илью, и онъ съ гордостью поблескивалъ глазами, глядя на нее. И она тоже съ наивнымъ безстыдствомъ хвасталась собою, сознавая свою женскую силу. На ней была одѣта только широкая кофта поверхъ рубашки и юбка, бѣлая, какъ снѣгъ. Незастегнутая кофточка распахивалась, обнажая крѣпкое, ядреное, какъ молодая рѣпа, тѣло. Малиновыя губы ея маленькаго рта вздрагивали отъ дѣтски-самодовольной улыбки; казалось, что она сама любитъ собою, какъ дитя игрушкой, которая ему еще не надоѣла. Илья, не отрывая глазъ, смотрѣлъ, какъ ловко она ходитъ по комнатѣ, вздернувъ носикъ, ласково поглядывая на Павла, смѣясь и разговаривая, и ему стало грустно при мысли, что у него вотъ нѣтъ такой подруги. Онъ сидѣлъ и молчалъ, осматриваясь.

Среди маленькой, свѣтлой, чисто убранной комнаты стоялъ

столъ, покрытый бѣлой скатертью; на столѣ шумно кипѣлъ самоваръ, и все вокругъ было свѣжо и молодо. Чашки, бутылка вина, тарелки съ колбасой и хлѣбомъ—все было новое, чистое и нравилось Ильѣ, возбуждая въ немъ зависть къ Павлу. А Павелъ сидѣлъ радостный и говорилъ складной рѣчью:

— Какъ увижу тебя—словно въ солнышкѣ грѣюсь... и про все позабуду и на счастье надѣюсь... Хорошо жить, такую красотку любя, хорошо, когда видишь тебя...

— Милый ты Пашка! Славно какъ!..—съ восхищеніемъ вскричала Вѣра.

— Горячіе! Сейчасъ испекъ... Эй, Илья! будетъ тебѣ!.. Али все не насмотришься? Свою заведи...

— Да хорошую!—страннымъ, какимъ-то новымъ голосомъ сказала дѣвушка, взглянувъ въ глаза Ильѣ.

— Лучше васъ Богъ не дастъ!—вздыхнувъ и улыбаясь, сказалъ Илья.

— Ну... не говорите, про что не знаете...—тихонько молвила Вѣра.

— Онъ знаетъ...—молвилъ Пашка, нахмурился и продолжалъ, обращаясь къ Ильѣ. — Понимаешь — все хорошо, радостно... и вдругъ это вспомнишь... такъ и рѣзнеть по сердцу!..

— А ты не вспоминай,—сказала Вѣра, наклонивъ голову надъ столомъ. Илья взглянулъ на нее и увидалъ, что уши у нея красныя.

— Ты думай такъ,—тихо, но твердо продолжала дѣвушка,—хоть день, да мой!.. Мнѣ вѣдь тоже не легко... но я горе съ радостью мѣшать не согласна... Я—какъ въ пѣснѣ поется—мое горе одна изопись, мою радость съ тобой разолью...

Павелъ слушалъ ея рѣчь и все хмурился. Илья почувствовалъ въ себѣ желаніе сказать что-нибудь хорошее, ободряющее этимъ людямъ и, подумавъ, сказалъ:

— Что же дѣлать, коли узла не развяжешь? Ая... такъ вамъ обоимъ скажу: будь у меня денегъ тысяча, десять тысячъ!—я бы вамъ! Натѣ! Примите, сдѣлайте милость, ради вашей любви... Потому—вижу я и чувствую—дѣло ваше съ душой, дѣло чистое, съ совѣстью... а на все прочее—плевать!

Въ немъ что-то вспыхнуло и горячей волной охватило его. Онъ даже всталъ со стула, видя, какъ дѣвушка, поднявъ голову, смотреть на него благодарными глазами, а Павелъ улыбается ему и какъ будто ждетъ еще чего-то отъ него.

— Я первый разъ въ жизни вижу такую красоту, какъ ваша... и первый разъ вижу, какъ люди любятъ другъ друга... И тебя, Павелъ, сегодня впервые оцѣнилъ по душѣ... какъ слѣдуетъ...

Сижу здѣсь... и прямо говорю—завидую... мнѣ и грустно, и весело... Дай Богъ, чтобы все обошлось у васъ по-хорошему. А насчетъ... всего прочаго... я вотъ что скажу: не люблю я чувашъ и мордву, противны они мнѣ! Глаза у нихъ въ гною, тѣло—пакостное... Но я въ одной рѣкѣ съ ними купаюсь... и ту же самую воду пью, что и они... Неужто изъ-за ихъ поганства откажется мнѣ отъ рѣки? Зачѣмъ? Я вѣрю—Богъ ее очищаетъ...

— Вѣрно, Илья! Молодчина!—горячо крикнулъ Павель.

— А вы пейте изъ ручья,—тихо прозвучалъ голосъ Вѣры.

— А гдѣ его найдешь?—спросилъ Илья.—Нѣтъ, ужъ лучше вы мнѣ, Вѣра, чайку налейте!

— Голубчикъ мой!—воскликнула дѣвушка.—Какой вы хорошій!

— Покорно благодарю!—серьезно сказалъ Илья и, поклонившись ей, сѣлъ.

На Павла его рѣчь и вся эта маленькая сцена подѣйствовала, какъ вино. Его живое лицо разрумянилось, глаза воодушевленно засверкали, онъ вскочилъ со стула и заметался по комнатѣ.

— Эхъ, чортъ меня съѣшь! Хорошо жить на свѣтѣ, когда люди—какъ дѣти! Ловко я угодилъ душѣ своей, что привелъ тебя сюда, Илья... Выпьемъ, братъ! Наливай, Вѣрунька...

— Разыгрался!—сказала дѣвушка, съ ласковой улыбкой взглянувъ на него, и обратилась къ Ильѣ: — Вотъ онъ всегда таковъ—то вспыхнетъ радугой, то станетъ сѣренькій, скучный да злой...

— Это нехорошо!—солидно сказалъ Луневъ. И всѣ трое заговорили бойко и весело, пересыпая рѣчи беззаботнымъ смѣхомъ.

Въ дверь постучались и кто-то спросилъ:

— Вѣра! можно мнѣ войти...

— Иди, иди! Вотъ, Илья Яковлевичъ,—это Липа, подруга моя...

Илья поднялся со стула и обернулся къ двери: предъ нимъ стояла высокая, стройная женщина и смотрѣла въ лицо ему спокойными, голубыми глазами. Запахъ духовъ струился отъ ея платья, щеки у нея были свѣжія, румяныя, а на головѣ возвышалась, увеличивая ея ростъ, прическа изъ темныхъ волосъ, похожая на корону.

— А я сижу одна,—скучно мнѣ... слышу, у тебя смѣются, говорятъ—и пошла сюда... Ничего? Вотъ кавалеръ одинъ, безъ дамы... я его занимать буду,—хотите?

Она плавнымъ движеніемъ подвинула стулъ къ Ильѣ, сѣла на него и спросила:

— Вамъ скучно съ ними, скажите? Они тутъ любезничаютъ, а вамъ завидно, да?

— Съ ними не скучно,—смущаясь отъ ея близости, сказалъ Илья.

— Жаль!—спокойно кинула женщина, отвернувшись отъ Ильи и заговорила, обращаясь къ Вѣрѣ:

— Знаешь—была я вчера у всенощной въ дѣвичьемъ монастырѣ и такую тамъ клирошанку видѣла—ахъ! Чудная дѣвочка... Стояла я и все смотрѣла на нее, и думала: отчего она ушла въ монастырь? Жалко было мнѣ ее...

— А я бы не пожалѣла,—сказала Вѣра.

— Ну какъ же! Повѣрю я тебѣ...

Илья вдыхалъ сладкій запахъ духовъ, разливавшійся въ воздухъ вокругъ этой женщины, смотрѣлъ на нее сбоку и вслушивался въ ея голосъ. Говорила она удивительно спокойно и ровно, въ ея голосѣ было что-то усыпляющее, и казалось, что слова ея рѣчи тоже имѣютъ запахъ пріятный и густой...

— А знаешь, Вѣра, я все думаю—идти мнѣ къ Полуэктову или нѣтъ?

— Я не знаю...

— Можетъ быть, я пойду... Онъ старый—это разъ, Богатый, -- это два... Но жадный... Я прошу, чтобъ онъ положилъ въ банкъ пять тысячъ и платилъ мнѣ полтора ста въ мѣсяць, а онъ даетъ три и сто...

— Липочка! Не говори про это,—попросила ее Вѣра.

— Хорошо,—не буду,—спокойно согласилась Липа и снова обернулась къ Ильѣ.—Ну-съ, молодой человѣкъ, давайте разговаривать... Вы мнѣ нравитесь... у васъ красивое лицо и серьезные глаза... Что вы на это скажете?

— Ничего не могу,—смущенно улыбаясь, отвѣтилъ Илья, чувствуя, что эта женщина окутываетъ его, какъ облако.

— Ничего? Да вы скучный... Вы кто?

— Разносчикъ...

— Да-а? А я думала, вы служите въ банкѣ... или приказчикомъ въ хорошемъ магазинѣ. Вы очень приличный...

— Я чистоту люблю,—сказалъ Илья. Ему стало томительно жарко и отъ духовъ у него кружилась голова.

— Любите чистоту? Это хорошо... А вы—догадливый?

— Т. е. какъ это?

— Вы уже догадались, что мѣшаете вашему товарищу, или нѣтъ еще?—плавно спросила его голубоглазая женщина.

— Да! Ну, я сейчасъ уйду!—сконфузившись, сказалъ Илья.

— Подождите! Вѣра, можно мнѣ утащить этого юношу?..

— Тащи, коли пойдетъ!—сказала Вѣра и засмѣялась.

— Куда?—спросилъ Илья, волнуясь.

— А ты иди, дурашка,—крикнулъ Павелъ.

Илья, отуманенный, стоялъ и растерянно улыбался, но женщина взяла его за руку и повела за собой, спокойно говоря:

— Вы—дикій, а я капризная и упрямая. Если я захочу погасить солнце, такъ влѣзу на крышу и буду дуть на него, пока не испущу послѣдняго дыханія... видите, какая я?

Илья шелъ рука объ руку съ ней, не понималъ, почти не слушалъ ея словъ и чувствовалъ только, что она теплая, мягкая, душистая...

Эта связь, неожиданная и капризная, первое время захватила Илью цѣликомъ, вызвала въ немъ гордое, самодовольное чувство и какъ бы залѣчила царапины, нанесенныя жизнью сердцу его. Мысль, что женщина, красивая, чисто одѣтая, свободно, по своей охотѣ, даетъ ему свои дорогіе поцѣлуи и ничего не проситъ взамѣнъ ихъ, еще болѣе поднимала его въ своихъ глазахъ. И онъ зажилъ, точно поплылъ куда-то по широкой рѣкѣ, вмѣстѣ со спокойной волной, нѣжно ласкавшей его тѣло, вливая въ него бодрость и силу.

— Мой милый капризь!—говорила ему Олимпіада, играя его курчавыми волосами или проводя пальцемъ по темному пуху на его верхней губѣ.—Ты мнѣ нравишься все больше... У тебя надежное, твердое сердце, и я вижу, что, если ты чего захочешь,—добьешься... Это хорошо... Вотъ и я такая же... И будь я моложе—вышла бы за тебя замужъ... Тогда вдвоемъ съ тобой мы разыграли бы всю жизнь, какъ по нотамъ...

Илья относился къ ней почтительно: она казалась ему умной, и, несмотря на зазорную жизнь, уважающей себя. Она не напибалась, не говорила скверныхъ словъ, какъ другія женщины, которыхъ онъ зналъ. Тѣло у нея было такое же гибкое и крѣпкое, какъ ея сильный грудной голосъ, и такое же стройное, какъ характеръ ея. Ему нравилась въ ней бережливость, любовь къ чистотѣ и порядку, умѣнье говорить обо всемъ и держаться со всѣми независимо, даже гордо. Но иногда онъ, приходя къ ней, заставлялъ ее въ постели, лежащую съ блѣднымъ измятымъ лицомъ, съ растрепанными волосами—тогда въ груди его зарождалось острое чувство брезгливости къ этой женщинѣ, и онъ смотрѣлъ въ ея мутные, какъ бы слинявшіе глаза сурово и молча, не находя въ себѣ даже желанія сказать ей: здравстуй!

Она, должно быть, понимала его чувство и, закутываясь въ одѣяло, говорила ему:

— Уходи отсюда! Ступай къ Вѣрѣ... Скажи старухѣ, чтобъ принесла воды со снѣгомъ...

Онъ уходилъ въ чистенькую комнатку подруги Павла, и Вѣра, видя его нахмуренное и недовольное лицо, виновато улыбалась. Однажды она спросила его:

— Что, Илья Яковлевичъ, щиплетъ наша сестра?

— Эхъ, Вѣрочка!—отвѣтилъ онъ.—На васъ и грѣхъ—какъ снѣгъ... Улыбнетесь вы—онъ и растаетъ...

— Бѣдненькіе вы съ Павломъ,—пожалѣла его дѣвушка.

Вѣру онъ любилъ, жалѣлъ ее, какъ ребенка, искренно беспокоился, когда она ссорилась съ Павломъ, и всегда мирилъ ихъ. Ему нравилось сидѣть у нея и смотрѣть, какъ она чесала свои золотистые волосы или шила себѣ что-нибудь, тихонько напѣвая. Порой въ ея карихъ глазахъ онъ видѣлъ жгучую скорбь, иногда она улыбалась безнадежной и горькой улыбкой. Въ такія минуты она нравилась ему еще больше, онъ еще острѣе чувствовалъ несчастіе дѣвушки и, какъ могъ, утѣшалъ ее. А она говорила:

— Нельзя такъ жить, нельзя, Илья Яковлевичъ. Подумайте!.. ну я, ужъ все равно... такъ пачколей и буду... а Павелъ-то за что около меня?

— На то его воля...

— Его ли?—какъ эхо переспросила дѣвушка.

Ихъ бесѣды нарушала Олимпіада, являясь предъ ними безшумно, какъ холодный лучъ луны, одѣтая въ широкій голубой капоть.

— Идемъ чай пить, мой капризь!.. Потомъ и ты приходи, Вѣрочка...

Розовая, отъ холодной воды, чистая, крѣпкая и спокойная, она властно уводила за собой Илью, а онъ шелъ за нею, и ему думалось: ели ли это часъ тому назадъ онъ видѣлъ измятой и захватанной грязными руками?

За чаемъ она говорила ему:

— Жаль, что ты крестьянинъ и мало учился... Трудно жить. Но все-таки торговлю надо бросить, надо попробовать что-нибудь другое. Погоди, я найду тебѣ мѣстечко... нужно устроить тебя... Вотъ, когда я поступлю къ Полуэктову, мнѣ можно будетъ сдѣлать это...

— Что, онъ даетъ пять-то тысячъ?—спросилъ Илья.

— Дастъ,—увѣренно отвѣтила женщина.

— Ну, ежели я его когда-нибудь встрѣчу у тебя — оторву башку...—съ ненавистью выговорилъ Илья.

— Зачѣмъ же? Онъ тебѣ не мѣшаетъ...

— Стало быть, мѣшается...

— Полно! Онъ старенькій, гаденькій...— съ усмѣшкой сказала Олимпиада.

— Шути! Я рукъ не пожалѣю... а грѣхъ не великъ паскудника раздавить...

— Погоди хоть, когда онъ дастъ мнѣ деньги, — смѣялась женщина.

Купецъ далъ ей все, чего она желала. Вскорѣ Илья сидѣлъ въ новой квартирѣ Олимпиады, разглядывалъ толстые ковры на полу, тяжелую мебель, обитую темнымъ плюшемъ, и слушалъ спокойную рѣчь своей любовницы. Онъ не замѣчалъ въ ней особеннаго удовольствія отъ перемѣны обстановки: она была такъ же спокойна и ровна, какъ всегда; казалось, что она одѣлась въ другое платье и—только.

— Мнѣ двадцать семь лѣтъ, къ тридцати у меня будетъ тысячъ десять. Тогда я дамъ старику по шапкѣ и—буду свободна... Учись у меня жить, мой серьезный капризъ...

Илья учился у нея этой неуклонной твердости въ достиженіи ея цѣли своей. Но порой, при мысли, что она даетъ ласки свои другому, онъ чувствовалъ обиду, тяжелую, унижавшую его. И тогда предъ нимъ съ особенной яркостью вспыхивала мечта о лавочкѣ, о чистой комнатѣ, въ которой онъ сталъ бы принимать эту женщину. Онъ не былъ увѣренъ, что любитъ ее, но она казалась ему необходимой для него, какъ умный, хорошій товарищъ... Такъ прошло мѣсяца два, три.

Однажды, придя домой послѣ торговли, Илья вошелъ въ подвалъ къ сапожнику и съ удивленіемъ увидаль, что за столомъ передъ бутылкой водки сидитъ Перфишка, счастливо улыбаясь, а противъ него—Яковъ. Навалившись на столъ грудью, Яковъ качалъ головой и нетвердо говорилъ:

— Х-рошо! Если Богъ все видитъ... и все-е знаетъ--Онъ видитъ и меня... Всѣ меня бросили, братъ... и я одинъ! Отецъ меня не любитъ... онъ—жу-уликъ! Онъ—грабитель и мерзавецъ,—вѣрно?

— Вѣрно, Яша! Не хорошо, а вѣрно!—сказалъ сапожникъ.

— Вотъ!.. Какъ жить? Во что вѣрить?..—встряхивая растрепанными волосами спрашивалъ Яковъ, тяжело ворочая языкомъ.

— Отцу—нельзя вѣрить... Илья—ушелъ... Маша... она маленькая, Маша... Гдѣ люди? Перфишка! Нѣтъ никого на свѣтѣ...

Илья стоялъ у двери, слушалъ рѣчь товарища, и сердце его сжалось отъ непріятнаго чувства. Онъ видѣлъ, какъ вяло и без-

сильно качается на тонкой шеѣ большая голова Якова, видѣль сухое, желтое лицо Перфишки, освѣщенное блаженной улыбкой, и ему какъ-то не вѣрилось въ то, что онъ дѣйствительно Якова видитъ, кроткаго и тихаго Якова. Онъ подошелъ къ нему и съ укоромъ спросилъ:

— Это ты что же дѣлаешь?

Яковъ вздрогнулъ, взглянулъ въ лицо его испуганными глазами и, криво улыбаясь, воскликнулъ:

— А, Илья... это ничего! Я думалъ—отецъ...

— Что ты дѣлаешь, а?—переспросилъ Илья.

— Ты, Илья Яковличъ, оставь его,—заговорилъ Перфишка, вставъ со стула и покачиваясь на ногахъ.—Онъ въ своемъ правѣ... Еще слава Тебѣ Господи, что пьеть...

— Илья!—истерически громко крикнулъ Яковъ.—Отецъ меня... избилъ!

— Совершенно правильно,—я тому дѣлу свидѣтель!—заявилъ Перфишка, ударивъ себя въ грудь.—Я все видѣль... хоть подъ присягой скажу! И зубы разбилъ, и носъ...

Лицо у Якова дѣйствительно распухло и верхняя губа вздулась. Онъ стоялъ предъ товарищемъ и жалко улыбался, говоря ему:

— Развѣ можно меня бить?—мнѣ девятнадцать лѣтъ... я ни въ чемъ не виноватъ.

Илья чувствовалъ, что не можетъ ни утѣшать товарища, ни осуждать его.

— За что онъ тебя прибилъ?..

Яковъ шевельнулъ губами, желая что-то сказать, но не сказалъ. Лицо его вздрогнуло, перекопилось, онъ свалился на стулъ и, схвативъ голову руками, завылъ, качаясь всѣмъ тѣломъ. Перфишка, поддерживавъ его, когда онъ падалъ, тотчасъ же отошелъ отъ него и, наливая себѣ водки, сказалъ:

— Пускай поплачетъ... хорошо, когда человѣкъ плакать умѣеть... Машутка тоже... Заливается во всю мочь... Кричитъ--зеньки выцарапаю! Хе, хе! Я ужъ ее къ Матицѣ отправилъ...

— Что у него вышло съ отцомъ?—спросилъ Илья.

— Это я могу рассказать... Вышло даже очень дико... Терентій, дядя твой, началъ музыку... Вдругъ говорить Петрухѣ: отпусти, говорить, меня въ Кіевъ, къ угодникамъ... Петруха очень былъ доволенъ: давно ужъ ему горбъ глаза колеть и, надо говорить всю правду,—радъ онъ, что Терентій уходитъ... Не во всякомъ дѣлѣ товарищъ пріятенъ, хе, хе! Н-ну и тово, иди, дескать, да и за меня словечко угодникамъ замолви... Вдругъ—Яковъ! Отпусти, говорить, и меня...

Перфишка вытаращилъ глаза, скорчилъ свирѣпую рожу и глухимъ голосомъ протянулъ:

— Что-о?.. И меня—къ угодникамъ... Т. е.—какъ такъ? Хочу, говорить Яковъ-то, и я помолиться за тебя... Петруха какъ рывкнетъ: я те помолюсь! А Яковъ свое: пусти! Молитва сына за грѣхи отца Богу, говоритъ, угодна... Кэ-екъ Петруха-то хряснетъ его въ морду! Да еще, да...

— Я не могу съ нимъ жить!—закричалъ Яковъ.—Я уйду! Удавлюсь! За что онъ меня ударилъ? А? За что? Я отъ сердца сказалъ...

Ильѣ стало тяжело отъ его криковъ, и онъ ушелъ изъ подвала, бессильно пожавши плечами. Вѣсть о томъ, что дядя уходитъ на богомолье, была ему пріятна: уйдетъ дядя, и онъ, наконецъ, уйдетъ изъ этого дома, сниметъ себѣ отдѣльную квартиру—маленькую комнатку—и заживетъ одинъ...

Когда онъ вошелъ къ себѣ, вслѣдъ за нимъ явился Терентій. Лицо у него было радостное, глаза оживились; онъ, встряхивая горбомъ, подошелъ къ Ильѣ и сказалъ:

— Ну—ухожу я! Господи! Какъ радъ... какъ изъ темницы, какъ изъ ямы на свѣтъ Божій лѣзу... Стало быть, не отвергнетъ Онъ молитвы моей, коли позволилъ отсюда вырваться...

— А ты знаешь—Яковъ-то?—сухо сказалъ Илья.

— Что?

— Пьянъ напился...

— А-а-а! Не хорошо-о! На-ко, молоденькій мальчишка!.. А еще со мной просился у отца...

— Отецъ-то его при тебѣ вѣдь ударилъ?

— При мнѣ... А что?

— Что жъ, ты не можешь понять, что онъ съ этого и напился?—сурово спросилъ Илья.

— Развѣ съ этого? Скажи, пожалуй, а?

Илья ясно видѣлъ, что дядю ни мало не занимаетъ судьба Якова, и это увеличивало его неприязнь къ горбуну. Онъ никогда не видалъ Терентія такимъ радостнымъ, и эта радость, явившаяся предъ нимъ тотчасъ же вслѣдъ за слезами Якова, возбуждала въ немъ непонятное ему мутное чувство. Онъ сѣлъ подъ окномъ и сказалъ дядѣ:

— Иди въ трактиръ-то...

— Тамъ хозяйнѣ... Мнѣ поговорить съ тобой надо...

— Ну... о чемъ?

Горбунъ подошелъ къ нему и таинственно заговорилъ:

— Я скоро соберусь. Ты останешься тутъ одинъ и... стало быть... значить...

— Да ну, говори сразу,—сказалъ Илья.

— Сразу. Радъ бы я...—часто мигая глазами, воскликнулъ Терентій вполголоса.—Тутъ тоже не легко..

— Насчетъ меня что ли говорить хочешь?

— И... насчетъ тебя... Но первое... накопилъ я тутъ денегъ... немного...

Илья взглянулъ на него и нехорошо засмѣялся.

— Ты что?—вздвогнувъ, спросилъ его дядя.

— Знаю я... Ну, скажемъ, накопилъ ты денегъ...

И онъ особенно отчетливо выговорилъ слово „накопилъ“.

— Да, такъ вотъ...—не глядя на него, заговорилъ Терентій.— Ну, значить... два ста рѣшилъ я въ монастырь дать.

— Такъ...

— Сто—тебѣ...

— Сто?—быстро спросилъ Илья. И тутъ онъ открылъ, что уже давно въ глубинѣ его души жила надежда получить съ дяди не сто рублей, а много больше. Ему стало обидно и на себя за свою надежду, —нехорошую надежду, онъ зналъ это,—и на дядю за то, что онъ такъ мало даетъ ему. Онъ всталъ со стула, выпрямился и твердо, со злобой сказалъ дядѣ:

• — Не возьму я твоихъ краденыхъ денегъ... понялъ?

Горбунъ попятился отъ него, сѣлъ на свою кровать,—жалкій, блѣдный. Весь съежившись и открывъ ротъ, онъ смотрѣлъ на Илью съ тупымъ страхомъ въ глазахъ и молчалъ.

— Ну, что смотришь? Не надо мнѣ...

— Господи Иисусе!—хрипло выговорилъ Терентій.—Погоди, милый! Какъ же?

— Чего?—спросилъ Илья, видя, что Терентій не можетъ выговорить какого-то слова.

— Илюша... ты мнѣ какъ сынъ былъ...—тяжело вздыхая, почти шопотомъ началъ Терентій.—Вѣдь я... для тебя... для твоей судьбы на грѣхъ рѣшилъ... Ты возьми деньги... возьми!.. А то не простить мнѣ Господь...

— Та-акъ!—насмѣшливо воскликнулъ Илья.—Со счетами въ рукахъ къ Богу-то идешь?.. Эхъ вы! И просилъ я тебя дѣдушкины деньги воровать? Какого человѣка вы ограбили!..

— Илюша! И родить тебя не просилъ ты...—смѣшно протянувъ руку къ Ильѣ, сказалъ ему дядя.—Нѣтъ, ты деньги возьми... Христа ради! Ради души моей спасенья... Я ворочусь—всѣ тебѣ отдамъ... А покамѣстъ—эти... Родной мой! Господь грѣха мнѣ не развяжетъ, коли не возьмешь...

Онъ умолялъ, а губы у него дрожали, а въ глазахъ сверкалъ

испугъ. Илья смотрѣлъ на него и не могъ понять—жалко ему дядю или нѣтъ?

— Ну, ладно! Я возьму...—сказалъ онъ наконецъ и тотчасъ же вышелъ вонъ изъ комнаты. Его рѣшеніе взять у дяди деньги было непріятно ему; оно унижало его въ своихъ глазахъ. Да и зачѣмъ ему сто рублей? Что можно сдѣлать съ ними? И онъ подумалъ, что если бъ дядя предложилъ ему не сто, а хоть тысячу рублей—онъ сразу перестроилъ бы свою безпокойную, темную жизнь на жизнь чистую, которая текла бы вдали отъ людей, въ покойномъ одиночествѣ... А что, если спросить у дяди, сколько досталось на его долю денегъ стараго тряпичника? Но эта мысль тотчасъ же показалась ему противной...

Съ того дня, какъ Илья познакомился съ Олимпиадой, ему казалось, что домъ Филимонова сталъ еще грязнѣе и тѣснѣй. Эта тѣснота и грязь вызывали у него чувство физическаго отвращенія, какъ будто тѣла его касались какія-то холодныя, скользкія руки. Сегодня это чувство особенно угнетало его, онъ не могъ найти себѣ мѣста въ домѣ и шелъ къ Матицѣ, не имѣя въ этомъ надобности. И, поднимаясь по лѣстницѣ кверху, онъ со страннымъ жуткимъ предчувствіемъ въ сердцѣ подумалъ, что этотъ домъ когда-нибудь толкнетъ его къ чему-то неожиданному и страшному.

Съ такими думами онъ вошелъ къ Матицѣ и увидалъ бабу сидящей у своей широкой постели на стулѣ. Она взглянула на него и, грозя пальцемъ, громко прошептала, точно вѣтеръ подулъ:

— Тихо! Спать!..

На постели ея, свернувшись клубкомъ, спала Маша.

— Каково это?—шептала Матица, свирѣпо выратащивъ свои большіе глаза.—Избивать дѣтей начали, якъ Ироды проклятыя! Избиваютъ младенцевъ! Чтобъ земля провалилась подъ ними...

Илья слушалъ ея шопотъ, стоя у печки, и, разсматривая окутанную чѣмъ-то сѣрымъ фигурку Маши, думалъ: а что будетъ съ этой дѣвочкой?..

— Знаешь ты, что онъ Марильку выдралъ за косу, этотъ чортовъ воръ, кабацкая душа? Избилъ сына и ее избилъ, и грозитъ выгнать ихъ со двора, а? Знаешь ты? Куда она пойдетъ, ну?

— Я, можетъ, достану ей мѣсто...—задумчиво сказалъ Илья, вспомнивъ, что Олимпиада ищетъ горничную.

— Ты!—укоризненно шептала Матица.—Ты ходишь тутъ, какъ важный баринъ... Растешь себѣ, какъ молодой дубокъ... ни тѣни отъ тебя, ни желудя... Ты давно бы могъ ужъ... Развѣ тебѣ не жалко ребенка?

— Погоди ты, не шипи!—съ раздраженіемъ сказалъ Илья, видя, что у него есть хорошій предлогъ пойти сейчасъ къ Олимпіадѣ.

— Сколько лѣтъ Машуткѣ?—спросилъ онъ.

— Пятнадцать... а сколько жъ? И что съ того, что пятнадцать? Да ей и двѣнадцати много... она хруплая, она тоненькая... э, она еще совсѣмъ ребенокъ! Никуда, никуда не годится дѣтина эта! И зачѣмъ жить ей? Спала бы вотъ и не просыпалась ужъ до Христа...

Илья ушелъ съ тяжелымъ туманомъ въ головѣ.

А черезъ часъ онъ стоялъ у двери въ квартиру Олимпіады и ждалъ, когда ему отворять. Не отворяли долго, потомъ за дверью раздался чей-то тонкій, кислый голосъ:

— Кто тамъ?

— Я...—отвѣтилъ Луневъ, недоумѣвая, кто это спрашиваетъ его. Прислуга Олимпіады—рябая, угловатая баба—говорила голосомъ грубымъ и рѣзкимъ и отворяла дверь, не спрашивая.

— Кого надо?—повторили за дверью.

— Олимпіада Даниловна дома?

Дверь вдругъ распахнулась, въ лицо Ильи хлынулъ свѣтъ,—юноша отступилъ на шагъ, щуря глаза и не вѣря имъ.

Предъ нимъ стоялъ съ лампой въ рукѣ маленькій старичокъ, одѣтый въ тяжелый, широкій малиноваго цвѣта халатъ. Черепъ у него былъ почти голый, только маленькій вѣничикъ сѣрыхъ волосъ окружалъ его отъ уха до уха, да на подбородкѣ безпокойно тряслась коротенькая, жидкая и тоже сѣрая бородка. Онъ смотрѣлъ въ лицо Ильи, и его острые, свѣтлые глазки ехидно сверкали, а верхняя губа, съ жесткими волосами на ней, шевелилась. И лампа тряслась въ сухой, темной рукѣ его.

— Кто таковъ? Ну входи... входи... ну?—говорилъ онъ.—Кто таковъ?

Илья понялъ, кто стоитъ предъ нимъ. Онъ почувствовалъ, что кровь бросилась въ лицо ему и въ груди его закипѣла гадкая, зазорная муть. Такъ вотъ кто дѣлится съ нимъ ласки этой чистой, крѣпкой женщины...

— Я—разносчикъ...—глухо сказалъ онъ, перешагнувъ черезъ порогъ.

Старикъ мигнулъ ему лѣвымъ глазомъ и усмѣхнулся. Вѣки у него были красныя, безъ рѣсницъ, а во рту торчали какія-то желтыя, острия косточки.

— Разносчикъ-молодчикъ? Хе, хе! Какой разносчикъ, а? Какой?—хитро посмѣиваясь, спрашивалъ старикъ, приближая лампу къ его лицу.

— Мелочной разносчикъ... торгую духами... лентами... всякой мелочью...—говорилъ Илья, опустивъ голову и чувствуя, что она у него кружится и красныя пятна плаваютъ предъ его глазами.

— Такъ, такъ, такъ... ленты-позументы... Да, да, да... Ленточки, душки... милые дружки... Что же тебѣ надо, разносчикъ, а?

— Мнѣ Олимпіаду Даниловну...

— А-а-а? Ее? Ну, ну... А зачѣмъ тебѣ ее, а?

— Мнѣ... деньги получить за товаръ...—съ усиліемъ выговорилъ Илья.

Онъ чувствовалъ непонятный страхъ предъ этимъ сквернымъ старикомъ и ненавидѣлъ его. Въ тихомъ, тонкомъ голосѣ старика, какъ и въ его ехидныхъ глазахъ, было что-то сверлившее сердце Ильи, оскорбительное, унижающее.

— Денежки? Должокъ? Хо-орошо-о...

Старикъ вдругъ отвелъ лампу въ сторону отъ лица Ильи, привсталъ на носки, приблизилъ къ Ильѣ свое дряблое, желтое лицо и тихо, съ ядовитой усмѣшкой, спросилъ его:

— А записочка гдѣ? Давай записочку!

— Какую?—со страхомъ отступая, спросилъ Илья.

— А отъ барина твоего? Записочку къ Олимпіадѣ Даниловнѣ? Вѣдь имѣешь? Ну? Давай! Я отнесу ей... ну, ну! скорѣе!—Старикъ лѣзъ на Илью, а тотъ все отступалъ къ двери, и у него высохло во рту отъ страха.

— У меня нѣтъ никакой записочки!—громко и съ отчаяніемъ сказала онъ, чувствуя, что вотъ, сейчасъ, произойдетъ что-то невѣроятное.

Но въ эту минуту сзади старика явилась высокая, стройная фигура Олимпіады. Она спокойно, не мигнувъ, взглянула на Илью черезъ голову старика и ровнымъ голосомъ спросила:

— Что у васъ тутъ, Василій Гавриловичъ?

— Разносчикъ-съ... вотъ-съ! Должокъ имѣеть за вами-съ. Вы ленточки у него брали? А денежки не платили, а? Хе, хе! Вотъ онъ и пришелъ-съ... и явился...

Старикъ вертѣлся передъ женщиной, щупая своими глазками то ея лицо, то лицо Ильи. Она отстранила его отъ себя властнымъ движеніемъ правой руки, сунула эту руку въ карманъ своего капота и сказала Ильѣ строгимъ голосомъ:

— Что, ты не могъ придти въ другое время?

— Да-съ!—визгливо крикнулъ старикъ. — Дуракъ эдакой, а? Ходишь, когда не нужно, а? Осель!

Илья стоялъ, какъ каменный.

— Не кричите, Василій Гавриловичъ! Нехорошо, — сказала

Олимпиада и обратилась къ Ильѣ:—Сколько тебѣ слѣдуетъ, три рубля сорокъ? Получи...

— И—ступай вонь!—снова крикнулъ старикъ.—Позвольте-сь, я запру... я самъ, самъ!

Онъ запахнулъ свой халатъ и, отворивъ дверь, крикнулъ Ильѣ:

— Иди!..

Илья стоялъ на морозѣ у запертой двери и тупо смотрѣлъ на нее, не понимая, дурной ли сонъ ему снится, или все это онъ видѣлъ наяву? Онъ держалъ въ одной рукѣ шапку, а въ другой крѣпко стиснулъ деньги, данныя Олимпиадой. Онъ стоялъ такъ до поры, пока не почувствовалъ, что морозъ сжимаетъ ему черепъ ледянымъ обручемъ, и ноги его ломить отъ холода. Тогда онъ надѣлъ шапку, положилъ деньги въ карманъ, сунулъ руки въ рукава пальто, сжался, наклонилъ голову и медленно пошелъ вдоль по улицѣ, неся въ груди своей оледенѣвшее сердце и чувствуя, что въ головѣ его катаются какіе-то тяжелые шары и стучать въ виски ему... Предъ нимъ плыла по воздуху темная фигура старика съ желтымъ черепомъ, освѣщенная холоднымъ огнемъ...

И лицо старика улыбалось побѣдоносно, ехидно, лукаво...

М. Горькій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мужъ съ револьверомъ.

(Очеркъ).

Павель Ивановичъ проснулся очень поздно. Бурно проведенная ночь, шумная, пьяная, безшабашная, еще держала его подъ своимъ впечатлѣніемъ: въ головѣ носился туманъ похмѣлья и не пропускалъ до сознанія чего-то очень сквернаго, что случилось...

Взъерошенная голова, мутный, какъ у замороженной щуки, взоръ, дрожащія руки — все это произвело отталкивающее впечатлѣніе на жену, заглянувшую въ дверь, съ лицомъ печальнымъ и оскорбленнымъ...

— Это—ты?

— Нѣтъ, не я! — глухо отвѣтила жена, глядя куда-то мимо Павла Ивановича.

Въ другой разъ подобный отвѣтъ могъ бы вызвать со стороны Павла Ивановича цѣлую бурю, но теперь онъ смолчалъ, чувствуя себя глубоко виноватымъ.

— Катя, дай мнѣ, пожалуйста, воды!—заискивающе произнесъ Павелъ Ивановичъ, и хриплыя нотки въ его голосѣ заставили Катю брезгливо поморщиться.

— Аграфена! подайте ему воды!—крикнула она съ раздраженіемъ, готовымъ перейти въ слезы, и отвернулась къ окну...

Вошла Аграфенушка съ графиномъ и стаканомъ въ рукахъ. Передъ Аграфенушкой Павлу Ивановичу тоже было неловко, и онъ, вмѣсто обычнаго приказанія, унижительно попросилъ ее:

— Налей, Аграфенушка, Христа-ради!... Ухъ, какъ поганю!..

— Капустки бы тебѣ кислой!.. Хорошо, говорить, съ похмѣлья-то...—произнесла Аграфенушка, наливая барину воду. -- Мужъ у меня, бывало, какъ напьется, такъ на другой день все капусту кушаетъ...

Катя истерически расхохоталась и исчезла за дверью, а Па-

вель Ивановичъ сталъ съ жадностью глотать холодную воду. И по мѣрѣ того, какъ онъ пилъ, въ головѣ его прояснялось, туманъ разсѣивался, и въ сознаниіи вставало воспоминаніе о чемъ-то въ высшей степени неприятномъ и непоправимомъ, и смутная тревога все сильнѣе разливалась по всему его организму... Что же случилось?.. Мозгъ, какъ моментальная фотографія, воспроизводилъ то англичанокъ съ ихъ многочисленными ногами, симметрично работавшими въ воздухѣ, то клочокъ дикаго танца какой-то дѣвицы, громахающей кастаньетами, то „женщину-змѣю“, вереницу лицъ, огней, звонъ посуды, хлопанье бутылочныхъ, пробокъ, рядъ зеленыхъ столовъ съ картами и грудями золота и бумажныхъ денегъ... Павелъ Ивановичъ наконецъ вспомнилъ...

Соскочивъ съ постели, онъ, словно воръ, началъ торопливо рыться въ карманахъ своей одежды, небрежно раскиданной по стульямъ. Скоро въ его рукахъ появился бумажникъ, большой, перетянутый резиновымъ жгутомъ. Онъ раскрылъ его и долго дрожащими руками рылся во всѣхъ отдѣленіяхъ, словно все еще не вѣрилъ, что денегъ тамъ не было. Усѣвшись въ постели, онъ трясъ бумажникъ надъ подушкой, но ничего не вытрясалось.

— Гм... нѣтъ! — тихо прошепталь онъ нѣсколько разъ и потомъ сдѣлался неподвижнымъ.

Какъ-то сразу прошелъ хмѣль, унеслись туманы, и передъ глазами встало то самое скверное и непоправимое, что случилось...

Вошла Катя и, не поднимая глазъ на мужа, сказала:

— У меня нѣтъ денегъ на мясо...

— Неужели нѣтъ?—спросилъ Павелъ Ивановичъ и потомъ тихо добавилъ:— И у меня тоже нѣтъ... Я проигралъ, Катя, и свои, и казенныя деньги...

— Такъ и надо!—оскорбленно, съ дрожью въ голосѣ, сказала Катя, и можно было подумать, что Катя рада.

— Не везетъ!—со вздохомъ прошепталь Павелъ Ивановичъ, потирая ладонью руки свой лобъ.

— Въ какія это игры вы проиграли?!—насмѣшливо проговорила Катя, презрительно прищуривъ глаза.

Павелъ Ивановичъ не переносилъ этихъ прищуренныхъ глазъ. И теперь, когда онъ поймалъ на себѣ эти прищуренныя глаза Кати, вся робость и неловкость, которыя онъ только что испытывалъ передъ женою, разомъ исчезли, и онъ пересталъ чувствовать себя передъ нею виноватымъ.

— Ну это все равно: проигралъ, потерялъ, пропилъ... Какъ вамъ будетъ угодно!—закричалъ онъ, потрясая пустымъ бумажникомъ.—Неумѣстное дознаніе! Прежде всего надо достать шесть-

сотъ рублей, чтобы покрыть растрату, чтобы сохранить мѣсто и честь! Удивительно, какъ мелочна женщина!.. Это прямо удивительно!..

— Честь!—произнесла Катя и, закрывъ лицо руками, выбѣжала изъ кабинета.

Павель Ивановичъ посидѣлъ еще нѣкоторое время въ постели, нѣсколько разъ повторилъ „прямо удивительно!“ и потомъ сталъ одѣваться. И все время въ его головѣ стояла цифра „600“, и то ему казалось, что шестьсотъ это—очень немного, со всѣмъ пустяки, то дѣлалось жутко, и отъ страха во всемъ тѣлѣ ощущалась расслабленность, и ему хотѣлось наплевать и на казенныя деньги, и на Катю, и на всю жизнь, и снова улечься въ постель и не подниматься съ нея...

Въ залѣ маленькая Надя начала разыгрывать свои скучныя гаммы, и отъ этихъ гаммъ дѣлалось еще хуже на душѣ у Павла Ивановича. Казалось, что изъ-подъ тоненькихъ пальчиковъ дѣвочки, прыгавшихъ по клавишамъ рояля, скачутъ прямо въ душу упреки, сожалѣнія, разочарованіе и горечь семейной жизни...

Павель Ивановичъ прісѣлъ къ письменному столу и началъ курить папиросу за папиросою, складывая окурки рядышкомъ на пьедесталъ черпильницы, въ величайшемъ порядкѣ, словно это было чрезвычайно важно.

„Можно продать рояль,—думалъ онъ, выпуская изъ рта табачныя кольца,—чортъ съ ней, съ музыкой!.. Обезьянничанье: не премѣнно надо, чтобы дѣвчонка барабанила на рояли!.. Но сколько за него дадутъ? Старый. Дуракъ развѣ дастъ полтораста, двѣсти рублей...“

Въ этомъ было много правды: однажды, когда имъ пужны были деньги до-зарѣзу, Павель Ивановичъ убѣдилъ Катю, что можно обойтись безъ музыки, и получилъ разрѣшеніе продать инструментъ (приданое жены); они выставили объявленіе на окнахъ, но всякій, приходившій покупать, потыкавъ пальцемъ клавиши, говорилъ: „извините!“ и удалялся; нашелся только одинъ господинъ, который далъ 5 р. задатку и пообѣщавъ прислать за инструментомъ лошадь, но и тотъ, видимо, опомнился: не приходилъ самъ и не присылалъ лошади.

„Пусть учится... Кто знаетъ: быть можетъ, что-нибудь и выйдетъ!“—подумалъ Павель Ивановичъ, прислушиваясь къ монотонному выстукиванію гаммъ, и началъ перебирать въ памяти друзей и знакомыхъ, отыскивая между ними человѣка, который могъ бы ссудить шестьсотъ рублей. Онъ думалъ долго и напряженно, но ничего не придумывалось: тѣ люди, которые съ удовольствіемъ выручили бы Павла Ивановича, сами вѣчно шны-

рали по городу, чтобы раздобыть денегъ до двадцатаго, а тѣ, которые могли бы это сдѣлать безъ всякихъ для себя затруднений, — не сдѣлають, потому что они, прохросты и мерзавцы, не повѣрятъ Павлу Ивановичу даже подъ вексель...

Сколько ни думалъ Павелъ Ивановичъ, но мысль его упорно вертѣлась и назойливо останавливалась на родной сестрѣ, Аннѣ Ивановнѣ, и на мужѣ ея, Александрѣ Сергѣевичѣ, Стрекаловыхъ... Стрекаловъ служить въ банкѣ и получаетъ около пяти тысячъ въ годъ. Имъ Павелъ Ивановичъ до сихъ поръ не отдалъ взятые два года тому назадъ пятьдесятъ рублей. Надо было отдать и можно было отдать. Катя пристала тогда съ этой ротондой, чортъ бы ее взялъ, и вмѣсто того, чтобы отдать долгъ, купили эту глупую ротонду.

„Какъ же можно! Всѣ носятъ ротонды, а мы будемъ — въ шубкѣ?! Удивительно, какъ мелочна женщина!..“

А теперь неловко: сейчасъ же вспомнятъ про эти проклятые пятьдесятъ рублей и подумаютъ, что и эти 600 р. не отдадутъ имъ, мерзавцамъ... Куда они дѣвають деньги — интересно было бы знать?.. Дѣтей нѣтъ, оба уже не молоды и живутъ весьма скромно. Навѣрное, накопили, скареды, тысячъ 20—30! А попробуй попросить:

— Что вы, какія у насъ деньги?—фистулой пропищаль вдругъ Павелъ Ивановичъ и, вскочивъ со стула, сталъ нервно ходить по кабинету.

А придется опять — къ нимъ, мерзавцамъ, ничего не подѣлаешь.

— Ффу!—съ омерзѣніемъ промышчалъ Павелъ Ивановичъ...

Сейчасъ начнутся допросы: зачѣмъ? что случилось? сколько проживаемъ? Почему не откладываемъ на черный день? Почему Павелъ Ивановичъ не застрахуетъ жизнь, — это нынче дешево... А потомъ, снявши допросъ, и преподнесутъ:

— Къ сожалѣнію, мы не можемъ... Не располагаемъ свободными деньгами...

Во всякомъ случаѣ Павелъ Ивановичъ будетъ говорить съ Александромъ, а не съ сестрой: та — черствый, сухой чловѣкъ, эгоистка до мозга костей и все боится, какъ бы бѣдные родственники не сѣли къ нимъ на шею...

„Вотъ люди! И зачѣмъ только они живутъ?! Это удивительно!“

Потомъ Павелъ Ивановичъ сталъ думать о томъ, что Катя не умѣетъ поддерживать хорошихъ отношеній съ нужными и полезными людьми, что она — нетактична, прямолинейна и вообще — плохая жена... Именно она — причина того, что они съ Стрекало-

выми не питають другъ къ другу родственныхъ чувствъ... Вадумала считаться визитами даже съ родными!.. Какая мелочность! Только женщина способна на такую пошлую мелочность!..

А теперъ вотъ надо идти и кланяться, чортъ бы ихъ подраль! Пусть сама идетъ и сама проситъ!..

Пробило двѣнадцать. Надо было давно уже быть на службѣ, но идти не хотѣлось, было немножко страшно и казалось, что какъ только сослуживцы посмотрятъ на Павла Ивановича, такъ сейчасъ же догадаются, что онъ спустилъ казенныя деньги... Павелъ Ивановичъ еще разъ вынулъ бумажникъ, пошарилъ въ немъ, повертѣлъ въ рукахъ и, пряча въ карманъ, произнесъ:

— Гм... нѣтъ!

Онъ умылся, волосы зачесалъ назадъ, а бороду расчесалъ на двѣ стороны и изъ-подъ горла, вспомнилъ на этотъ разъ о Богѣ и, наскоро прочитавъ „Отче нашъ“, пошелъ въ столовую. Здѣсь все было въ обычномъ порядкѣ: ярко блестяль никелированный самоваръ, стоялъ чайникъ, покрытый вязанымъ колпакомъ съ кисточкой, стаканы съ ложечками... Не было только за столомъ Кати въ папильоткахъ.

— Съ добрымъ утромъ, папочка!—прозвенѣлъ голосокъ Нади, и двѣ тонкія ручки потянулись къ шеѣ Павла Ивановича.

— Кончила свои упражненія?—спросилъ довольно хмуро Павелъ Ивановичъ и подставилъ щеку для поцѣлуя.

— Кончила...

— А Богу ты сегодня молилась? Барабанить вотъ васъ учать съ пеленокъ, а... „Отче нашъ“ каждый день надо читать...

— А я—„Богородицу“!

— Ну, и „Богородицу“! и „Отче нашъ“... Одно другому не мѣшаетъ... А гдѣ мать?

— Она въ спальнѣ что-то дѣлаетъ...

— Сходи, посмотри!..

— Она заперлась.

Павелъ Ивановичъ сердито кашлянулъ, налилъ себѣ стаканъ чаю, съ шумомъ и звономъ, и, усѣвшись на стулъ верхомъ, сталъ курить и опять думать о мерзавцахъ Стрекаловыхъ. Надя, чувствуя хмурость отца, незамѣтно исчезла изъ столовой, и въ комнатахъ наступила зловѣщая тишина...

— Катерина Васильевна!

— Что вамъ?

— Подите сюда! Не кричать же мнѣ на всѣ комнаты...

Въ дверяхъ появилась Катя съ красными, опухшими отъ слезъ глазами.

— Ну! сейчасъ и ревъ! Гдѣ бы поддержать мужа, а у насъ

однѣ нюни! Надо ѣхать къ Стрекаловымъ. Больше негдѣ достать.

— Что же, поѣзжай!..

— Не „поѣзжай“, а надо сдѣлать это тебѣ!

— Я не могу, — прошептала Катя, отворачиваясь въ сторону.

— Не могу... Гм... Если ты не можешь, то я тѣмъ паче... Тебѣ дадутъ скорѣе... Не могу! — сердито повторилъ Павелъ Ивановичъ и сдѣлалъ такое лицо, словно его оскорбили. — Если будутъ спрашивать, скажи: потерялъ, обронилъ, деньги казенныя, надо внести, а иначе... все кончено...

— Я не въ силахъ просить у нихъ...

— Что же, матушка, пулю, что ли, въ лобъ пускать? — спросилъ Павелъ Ивановичъ, приподнявъ брови, и швырнулъ окурокъ папиросы на поднось...

Когда съ Павломъ Ивановичемъ случалась какая-нибудь неприятность, онъ всегда сердился на Катю и говорилъ: „изъ-за васъ!“, „съ вами!“ и потому со стороны можно было подумать, что Павелъ Ивановичъ очень несчастливъ въ бракѣ и что Катя — очень дурная женщина. И теперь Павелъ Ивановичъ началъ злобно ворчать, и въ его ворчаніи то и дѣло мелькали эти „изъ-за васъ!“, „съ вами!“.

Катя слушала это ворчаніе, и ей дѣлалось такъ грустно и чего-то жалко, и вся жизнь начинала казаться испорченной, смятой и растоптанной. Она смотрѣла издали на мужа и думала о томъ, какъ онъ грубъ и несправедливъ, и что онъ совсѣмъ чужой ей человѣкъ...

„Я его не люблю“, — думала Катя, и когда Павелъ Ивановичъ повторилъ еще разъ свое „изъ-за васъ!“ и приплелъ къ чему-то женину ротонду, Катя не выдержала и съ ненавистью закричала:

— Ты лжешь, безчестный человѣкъ!

— Что такое? Повторите, что вы сказали! — съ угрозой произнесъ Павелъ Ивановичъ, и въ глазахъ его засвѣтилось столько злобы, словно передъ нимъ стоялъ самый лютой врагъ. Но отвѣта не послѣдовало...

— Папа! Мамочка! — закричала прибѣжавшая въ слезахъ Надя, и отчаянный дѣтскій плачь огласилъ комнаты.

— Мамочка! Мамочка!

Надя бросилась вслѣдъ за матерью, и обѣ онѣ исчезли за дверью спальни, и было слышно, какъ онѣ плакали тамъ, обнявшись, всхлипывая и мѣшая свои слезы.

— Довольно! Надоѣло ужъ мнѣ тянуть эту канитель. Для васъ лѣзешь изъ кожи, а когда очередь дойдетъ до васъ. — Не могу! Чортъ съ вами! Одинъ конецъ: пущу себѣ пулю въ лобъ

и конченъ балъ! — закричалъ Павелъ Ивановичъ, и въ его голосѣ прозвучала искренность возмущенія, словно все это было вѣрно, словно его дѣйствительно не цѣнили, не питали къ нему состраданія, между тѣмъ какъ онъ — мученикъ...

— Я отдалъ вамъ свою молодость, всѣ свои силы, всю жизнь... Я съ 28 лѣтъ впрягся въ этотъ хомутъ, когда имѣлъ возможность сдѣлать прекрасную партію... Свиныи! Неблагодарныя свиньи!

И Павелъ Ивановичъ рѣшительнымъ шагомъ направился въ кабинетъ.

Катя, въ сопровожденіи цѣплявшейся за ея платье дѣвочки, вышла въ залъ и, ставъ у дверей, прислушивалась, что дѣлаетъ Павелъ въ кабинетѣ. Глаза ея были широко раскрыты и слезинки застыли на рѣсницахъ...

Гдѣ у него револьверъ!

Онъ постоянно страшаетъ тѣмъ, что застрѣлится, и, Богъ знаетъ, можетъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлать надъ собой что-нибудь ужасное.

— Мамочка! Я боюсь!—шептала Надя, дергая мать за платье.

— Павелъ! Хорошо, я поѣду!

— Какъ вамъ угодно!—отвѣчалъ изъ кабинета суровый, полный достоинства голосъ.

— Мамочка! Я боюсь...

— Сейчасъ одѣнусь и поѣду!..—покорно и жалобно выкрикнула Катя.

— Какъ вамъ будетъ угодно!—повторилъ суровый голосъ, и было слышно, какъ Павелъ Ивановичъ вышелъ въ переднюю и стукнулъ выходной дверью.

— Боже мой! Куда онъ ушелъ? Господи, какая мука, какая мука!—со стenanіемъ, заломивъ руки, выкрикнула Катя и бросилась въ кабинетъ.

— Ушелъ баринъ?—спросила появившаяся въ передней Аграфенушка...

— Возьми, ради Бога, Надю! Уведи ее!..

Оставшись одна, Катя порывистыми движеніями принялась раскрывать и закрывать ящики письменнаго стола; сердце ея стучало и билось въ предчувствіи чего-то ужаснаго, что можетъ совершиться, а руки дрожали и пекали торопливо и настойчиво...

Слава Богу! Здѣсь!

Катя съ ужасомъ вынула изъ кабура револьверъ и стала бѣгать съ нимъ по комнатамъ. Она всѣми силами души боялась и ненавидѣла эту вещь, потому что при видѣ револьвера передъ ней проносился всегда цѣлый рядъ ужасныхъ воспоминаній, сценъ съ проклятіями, заклинаніями, колѣнопреклоненіями,

истериками и мольбами... Когда все пройдетъ, то Катя думаетъ, что Павелъ никогда не застрѣлится. Но какъ только дѣло доходитъ до револьвера, она снова трепещетъ и ждетъ, затаивъ отъ ужаса дыханіе, что вотъ-вотъ раздастся оглушительный выстрѣлъ,—какъ это бываетъ въ театрѣ,—и что-то грузно упадетъ на полъ... И Павла не станетъ... И тогда она почувствуетъ вдругъ, что Павелъ ей дороже всего на свѣтѣ и что безъ Павла—все кончится, вся жизнь,—и она снова ухватится обѣими руками за Павла, какъ за единственную цѣль и смыслъ своего существованія..

Прозвучали рѣзко два удара звонка. Катя засуетилась. Сперва она сунула револьверъ въ буфетъ, но сейчасъ же сообразила, что здѣсь его легко найти; вытащила и опять стала бѣгать по комнатамъ. Въ этотъ моментъ звонокъ стукнулъ снова два раза, удары его прозвучали какъ-то особенно рѣзко, зловѣще,—и Катя впопыхахъ сунула револьверъ къ себѣ подъ подушку...

Теперь отлегло отъ сердца: нельзя застрѣлиться Павлу,—не изъ чего... А потомъ они помирятся, и все какъ-нибудь обойдется, какъ случалось уже много разъ.

Вернулся Павелъ Ивановичъ.

— Ты вернулся?—спросила его плаксиво и виновато Катя.

— А вы полагали, что не вернусь? Подождите немного... Успѣете!—загадочно отвѣтилъ Павелъ Ивановичъ и исчезъ за дверью кабинета.

Если онъ хватится и потребуетъ отдать? Что тогда? Ни за что! Она не видала и ничего не знаетъ. Надо скорѣй исчезнуть, а тутъ безъ нея все какъ-нибудь устроится.

Катя, наскоро одѣвшись, понудривъ заплаканное лицо и незамѣтно перекрестившись, превозмогла муки самолюбія и гордости: она отправилась къ Стрекаловымъ просить денегъ...

А Павелъ Ивановичъ сѣлъ въ кресло, заложивъ ногу за ногу, и, покуривая, сталъ ожидать ея возвращенія, волнуясь то надеждой, то сомнѣніемъ...

Успокоившись, подошла къ отцу Надя. Глаза ея были красны и вѣки опухли; на маленькомъ, худомъ личикѣ горѣлъ румянецъ и во взглядѣ, какъ выглянувшій изъ-за тучъ солнечный свѣтъ, уже играла дѣтская радость и довѣріе къ жизни.

— Ты сидишь?—спросила дѣвочка, приблизившись къ стулу, на которомъ задумчиво возсѣдалъ Павелъ Ивановичъ.

— Сижу, дѣточка...

— А о чемъ ты думаешь?

— О жизни, дѣточка, о людяхъ... Ты еще маленькая и многого не понимаешь.

— А что ты про людей думаешь, папочка?

— Мало на свѣтѣ добрыхъ и хорошихъ людей, дѣточка... Больше злыхъ и эгоистовъ...

— А мама добрая... хорошая...

— Твоя мать—честная женщина!.. Она немного капризница, какъ и ты, но сердце у ней доброе и разумъ побѣждаетъ всѣ нехорошіе порывы... да!

Павель Ивановичъ погладилъ дѣвочку по головѣ и сказалъ:

— Будь доброй и честной, остальное—чепуха... Люби насъ, твоихъ родителей... Со временемъ поймешь, чѣмъ ты имъ обязана...

— Хорошо, папочка... А ты маму любишь?

— А то какъ же? Маму слѣдуетъ любить.

— А зачѣмъ же ты ее обижаешь?

— Вотъ тебѣ и разъ!.. Поди, дѣтка, поиграй, почитай „Родное Слово“, а я посижу и подумаю. Каждый долженъ дѣлать свое дѣло...

— А куда ушла мама?

— Мама пошла спасать твоего папу... Ну, иди! иди! дружокъ! Не мѣшай мнѣ думать!

Надя ушла, а Павель Ивановичъ снова углубился въ размышленія.

„Не дадутъ, мерзавцы!“—думалъ онъ о сестрѣ и ея мужѣ, и лицо его дѣлалось сперва безпомощнымъ и тупымъ, а потомъ злобнымъ.

„А въ такомъ случаѣ явлюсь съ револьверомъ и заявлю, что сейчасъ же, у нихъ на квартирѣ, пушу себѣ пулю въ лобъ!“

Павель Ивановичъ слегка улыбался, выпуская изъ-подъ усовъ колечки табачнаго дыма, и въ глазахъ его свѣтился огонекъ внутренняго удовольствія отъ сознанія, что „этимъ мерзавцамъ“ онъ все-таки можетъ надѣлать много неприятностей...

Павель Ивановичъ прибѣгалъ къ револьверу во всѣхъ критическихъ минутахъ и положеніяхъ своей жизни. Безъ преувеличенія можно сказать, что онъ съ револьверомъ въ рукахъ бралъ всѣ блага жизни...

Впервые онъ прибѣгнулъ къ револьверу, когда его исключили изъ гимназіи за неуспѣшность и не хотѣли дать свидѣтельства за шесть классовъ. Свидѣтельство это ему было необходимо, чтобы поступить въ ветеринарный институтъ, а держать экзаменъ онъ не желалъ, потому что не надѣялся его выдержать.

— Что ты, голубчикъ, намѣренъ теперь дѣлать?—спросили Павла Ивановича родители, узнавъ объ исключеніи сына изъ гимназіи.

— Я поступлю въ ветеринарный... Наплевать на ихъ гимназію... Буду хлопотать о выдачѣ свидѣтельства за шесть классовъ.

Онъ ходилъ по квартирамъ учителей и упрашивалъ ихъ поставить въ табели по тройкѣ.

— Если вы не поставите мнѣ тройку, я застрѣлюсь! — говорилъ онъ учителю.

-- Допустимъ, что я поставлю тройку, но вѣдь у васъ еще двѣ двойки?

-- Остальные согласны!—вралъ Павелъ Ивановичъ.

Двое учителей согласились, лишь бы спасти жизнь молодому человѣку, но третій, грекъ, заупрямился и ни за что не хотѣлъ переправить двойку.

— Но отъ этого зависитъ моя жизнь!—говорилъ Павелъ Ивановичъ.

-- Это меня не касается! — мотая головой и разводя руками, говорилъ черствый человѣкъ.

— Я застрѣлюсь...

— Сдѣлайте такое одолженіе...

— Вотъ какъ!.. Хорошо... Но мы еще увидимся... До свиданія!—сказалъ Павелъ Ивановичъ и ушелъ.

На другой день, запасшись отцовскимъ револьверомъ, онъ снова явился на квартиру къ греку и потребовалъ аудіенціи.

— Я нисколько не дорожу своей жизнью... Я пришелъ послѣдній разъ спросить васъ: поставите вы мнѣ тройку или нѣтъ?— мрачно спросилъ молодой человѣкъ.

— Я вамъ сказалъ уже...

— И это ваше послѣднее слово? Хорошо, я пушу себѣ пулю въ лобъ, но тотъ, кто встаетъ мнѣ поперекъ дороги, пусть знаетъ, что даромъ я свою жизнь все-таки не отдамъ!.. — рѣшительно произнесъ Павелъ Ивановичъ и, похлопавъ рукою по боковому карману, откуда торчало дуло револьвера, посмотрѣлъ на чахоточнаго педагога пристальнымъ, пронизывающимъ взглядомъ. Чахоточный педагогъ понялъ: онъ очень берегъ остатокъ своей жизни, боялся смерти, не любилъ, чтобы ему напоминали о людской смертности, и когда несли покойника, то онъ поворачивалъ назадъ и весь этотъ день усиленно лѣчился.

— Хорошо. Я вамъ поставлю тройку съ минусомъ! — прошепталъ онъ, пятясь къ дверямъ дальней комнаты.

— Вы даете честное слово?

Я сказалъ... Тройку съ минусомъ... Даю... я никого никогда не обманывалъ.

Свидѣтельство выдали, и съ тѣхъ поръ Павелъ Ивановичъ не разставался уже съ револьверомъ...

И женился онъ съ револьверомъ въ рукахъ. Будучи студентомъ ветеринарнаго института, Павелъ Ивановичъ снималъ комнату у покойныхъ теперь родителей Кати. Тѣ его не долюбливали: поздно приходилъ, часто требовалъ самоваръ, соблазнялъ кухарокъ, просилъ займы и неаккуратно отдавалъ деньги за комнату.

— Накачался лоботрясъ порядочный!.. Науками совсѣмъ не занимается, а либо шатается по портернымъ, либо бренчитъ на своей гитарѣ, лежа вверхъ брюхомъ, — часто говаривалъ отецъ Кати...

Но Катѣ онъ нравился: она находила, что онъ „интересенъ“. и бывала очень довольна, когда квартирантъ пѣлъ подь гитару „Не гулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу...“ Павелъ Ивановичъ началъ за Катей ухаживать и въ какихъ-нибудь три мѣсяца побѣдилъ ея сердце. Самъ онъ тоже воспылалъ, сдѣлалъ предложеніе и потребовалъ руки.

— Я подумаю,—отвѣтила дѣвушка.

— О чемъ же тутъ думать: можно любить или не любить, а думать не приходится!—отвѣтилъ Павелъ Ивановичъ.

Родители заупрямились и попросили Павла Ивановича очистить комнату. Павелъ Ивановичъ сѣхалъ, задолжавъ за два мѣсяца, но ухаживаній своихъ за Катей не прекратилъ. Онъ совсѣмъ потерялъ голову: забросилъ свои лекціи, экзамены, институтъ, пилъ пиво, писалъ стихи и слонялся около дома, гдѣ жила Катя, рассчитывая на встрѣчу. Однажды лѣтомъ онъ добился свиданія съ Катей въ общественномъ саду и здѣсь, въ укромномъ уголкѣ, показалъ ей револьверъ.

— Я требую категорическаго отвѣта, — сказалъ онъ, сжимая Катину руку.

— Боже мой! — прошептала дѣвушка, закрывъ лицо обѣими руками.

— Я знаю, что... ты меня любишь и что родители твои стоятъ поперекъ дороги... Повѣнчаемся безъ всякихъ благословеній или... если хочешь, умремъ вмѣстѣ...

Павелъ Ивановичъ положилъ револьверъ рядомъ, на лавочкѣ, и, помолчавъ, произнесъ:

— Рѣшай!..

— Лучше ужъ повѣнчаемся,—со слезами на глазахъ прошептала испуганная дѣвушка.

— Дорогая!.. Я такъ и зналъ, такъ и зналъ! — воскликнулъ Павелъ Ивановичъ и, поцѣловавши Катину руку, спряталъ револьверъ.

Спустя недѣлю они повѣнчались. Катины родители сперва ихъ

прокляли, потомъ примирились съ несчастіемъ, простили ихъ и въ знакъ полнаго примиренія подарили въ приданое за дочерью тотъ самый рояль, который никто не покупалъ, а всѣ только тыкали пальцемъ и извинялись... Сдѣлавшись счастливымъ, Павелъ Ивановичъ плюнулъ на всѣ науки и не окончилъ курса. Когда пришла нужда, Павелъ Ивановичъ пришелъ къ тестю и просилъ его найти какое-нибудь мѣсто:

— Изъ-за Катерины Васильевны я остался недоучкою!.. Не дали кончить курсъ, вотъ теперь и кусай локти!.. Лучше ужъ было бы пулю въ лобъ!..

Катинъ отецъ имѣлъ кое-какія связи, и потому Павлу Ивановичу удалось пристроиться на службу по акцизу.

Потомъ, когда Павелъ Ивановичъ привыкъ къ Катѣ и сталъ говорить, что „надоѣдаетъ все телятина да телятина“, и когда Катя узнала, что Павелъ завелъ интрижку съ какой-то горничной, она хотѣла отравиться, но не отравилась, а только уѣхала отъ Павла Ивановича къ родителямъ.

Когда Павелъ Ивановичъ насладился разнообразіемъ и сталъ снова цѣнить радости мирной семейной жизни, онъ рѣшилъ вернуть Катю къ семейному очагу и началъ осаждать ее любовными письмами. Отвѣта не было, а любовь Павла Ивановича къ Катѣ съ каждымъ днемъ возростала, и, наконецъ, онъ рѣшилъ покончить дѣло однимъ ударомъ.

„Я понялъ, что не могу безъ тебя жить, а такъ какъ ты не хочешь вернуться, то я рѣшилъ покончить счеты съ жизнью. Если ты меня хотя пемного любишь, зайди сегодня вечеромъ проститься. Я уйду отсюда, запечатлѣвъ твой образъ!“ — написалъ онъ женѣ.

Эта коротенькая записочка поразила Катю въ самое сердце. Уже смеркалось. Каждая минута была дорога. Отецъ не пускалъ Катю.

— Комедія!—ворчалъ онъ, ходя въ халатѣ и туфляхъ по комнатамъ.—Онъ съ долгами не можетъ свести счетовъ, а не то что съ жизнью!..

Но Катя не слушала. Вся душа ея всколыхнулась и ноющая боль отъ воспоминаній о былыхъ счастливыхъ дняхъ заставляла ее дрожать всѣмъ тѣломъ.

— Павелъ! Павелъ!.. Бѣдный мой!.. Я поѣду, поѣду! не могу!..—стонала Катя.

— Никуда не поѣдешь!—сердито кричалъ отецъ.

Катя какъ была, въ одномъ платьѣ, накинувъ лишь пледъ на голову, выбѣжала на улицу, сѣла на извозчика и все время со стономъ кричала ему: „Скорѣй! скорѣй!“ Подѣхавъ къ зна-

комому дому, Катя кинулась къ дверямъ и, задыхаясь, стала дергать ручку звонка.

— Что? Гдѣ Павелъ! Павелъ?—закричала она, когда отворилась дверь.

— Баринъ только что вышелъ... Онъ долго ждалъ... вѣрно, васъ... Боюсь я: ужъ онъ либо себя, либо васъ убьетъ...

Катя вбѣжала въ кабинетъ мужа. На письменномъ столѣ лежали револьверъ и записка: „Никого не вините въ моей смерти“.

— Павелъ! Павелъ!

— Ты пришла!—внезапно прозвучалъ гордый голосъ появившагося откуда-то Павла Ивановича. Пледъ упалъ съ Катиныхъ плечъ на полъ и теплыя руки обвились вокругъ шеи Павла Ивановича.

Катя вернулась къ мужу и опять началась идиллія:

— Ты моя?

— Твоя, твоя... вся твоя...

— Ты вѣдь мой? да?—съ нѣкоторой неувѣренностью спрашивала Катя.

— О, неужели въ этомъ ты когда-нибудь сомнѣвалась?

Личико Кати дѣлалось печальнымъ, озабоченнымъ: ее неотступно преслѣдовала горничная.

— Въ каждомъ человѣкѣ, Катя, есть кусочекъ звѣря... Есть онъ и во мнѣ... Но развѣ *то* была измѣна?! Развѣ я отдавалъ кому-нибудь, кромѣ тебя, хоть каплю своей души?.. А въ этомъ вся суть...

Зато честь своего семейнаго очага Павелъ Ивановичъ берегъ пуще глаза и готовъ былъ съ оружіемъ въ рукахъ защищать его святость и неприкосновенность. Онъ былъ страшно ревнивъ, какъ большинство невѣрныхъ супруговъ, и когда Катя смѣялась надъ его мнительностью въ этомъ отношеніи, Павелъ Ивановичъ сердился:

— Гдѣ нѣтъ ревности, тамъ нѣтъ и любви... Смѣяться тутъ не надъ чѣмъ. Это чувство, какъ цементъ, связываетъ любящихъ,—отвѣчалъ онъ, сморщивъ лобъ. Однажды Павелъ Ивановичъ приревновалъ Катю къ знакомому поручику и сейчасъ же обратился къ оружію:

— Предупреждаю, Катерина Васильевна, что вашъ адюльтеръ можетъ кончиться очень печально. Васъ, какъ женщину, я пощажу, а того фѣрта... Тому я пушу пулю въ лобъ! Въ такихъ случаяхъ даже формальное правосудіе станетъ на мою сторону, не говоря уже объ общественномъ мнѣніи...

— Что ты, Павелъ, белены объѣлся?—со смѣхомъ воскликнула Катя.

— Ничего я не объѣлся! Прошу оставить шутки! Повторяю, что я пушу тому ферту пулю въ лобъ! А впрочемъ, быть можетъ, лучше мнѣ самому ретироваться? Быть можетъ, я сталъ вамъ поперекъ дороги?.. Я не люблю, чтобы становились поперекъ дороги мнѣ, но и самъ не люблю останавливаться...

Павель Ивановичъ взялъ въ руку револьверъ и сталъ пощелкивать барабаномъ.

— Павель! Опомнись! Клянусь,—я невинна!—закричала Катя, и опять теплыя руки обвились вокругъ шеи Павла Ивановича. И опять наступила идиллія, въ результатъ которой была дочка Надя.

Когда нужны были деньги, а взять ихъ было негдѣ, Павель Ивановичъ шелъ къ покойнымъ теперь родителямъ Кати. Молча входилъ онъ къ нимъ въ комнаты, молча здоровался и садился въ уголь, мрачный, сосредоточенный...

— Что случилось?—тревожно спрашивала Катина мать, а старикъ-отецъ думалъ: „Сейчасъ начнетъ просить взаймы!“

— Что у васъ? Не пугайте, ради Бога!

Павель Ивановичъ говорилъ, что онъ женился по любви, исключительно по любви, что ему ничего не было нужно и онъ готовъ былъ взять Катю въ одной рубашкѣ..

— Это почти такъ и было,—замѣчалъ онъ какъ бы въ скобкахъ.

Но теперь у него семья, дѣти...

— Какія это дѣти?—перебивалъ тесть, чувствуя, къ чему идетъ дѣло.

— Т. е. какъ это какія?! А Надя?

— Ну такъ одна, одна Надя, а не дѣти!

— Я вижу, что мнѣ не о чемъ говорить,—отвѣчалъ Павель Ивановичъ и смолкалъ.

— Да говорите же! Не пугайте вы, ради Бога!—просила Катина мать.

О чемъ тутъ говорить? Развѣ кто-нибудь пойметъ, что ему тяжело, невыносимо тяжело тянуть эту лямку?

— Ну! въ чемъ же дѣло? Ахъ, Господи, всю душу вы мнѣ измотали!

— Однимъ словомъ: мнѣ нужны деньги, до-зарѣзу нужны деньги, а взять негдѣ... И, кажется, лучше всего пустить себѣ пулю въ лобъ!

Старики погружались въ тоскливое молчаніе. Часы стукали какъ-то особенно громко и отчетливо маятникомъ, а Павель Ивановичъ тихо говорилъ, какъ бы самъ съ собою:

— Одно нажатіе собачки—и все кончено! Нѣтъ больше терзаній ни за себя, ни за дорогихъ людей!.. Не все ли равно, когда

умереть? Сегодня, завтра или послѣзавтра?.. Стоит оглянуться на прошлое міра и на его будущее, чтобы понять, что время нашей жизни на землѣ—ничтожная секунда, изъ-за которой не стоитъ горячиться... Семья?..

И Павелъ Ивановичъ высказывалъ увѣренность, что теща и теща не оставятъ Катю съ Надеей, словно дѣло было уже окончательно рѣшено и оставалось всего нѣсколько часовъ до смерти.

Старикъ-тестъ хмурилъ сѣдые брови, надувалъ бритыя щеки, краснѣлъ, пыхтѣлъ и, наконецъ, разряжался:

— Какія могутъ быть у насъ деньги?! Какія? Какія?—выкрикивалъ, захлебываясь отъ злости.

— Я о вашихъ деньгахъ, кажется, не имѣлъ удовольствія говорить! Я пришелъ къ вамъ, какъ къ близкимъ людямъ, подѣлиться своимъ горемъ, а вы сейчасъ же вообразили, что я пришелъ тянуть изъ васъ деньги? Такъ? Нѣтъ, вы извольте отвѣтить: такъ вы полагаете?

— Гм... Я ничего не говорю... Я вообще... Мы живемъ на пенсію, — смущенно бормоталъ старикъ, пошлепывая своими туфлями.—Я думалъ, —вы рассчитываете на насъ...

Но теща, улучивъ минутку, тайкомъ отзывала Павла Ивановича въ другую комнату и спрашивала:

-- Да сколько тебѣ нужно-то? Много, поди?

-- Всего двѣсти рублей... Пустяковая сумма. Но теперь сердца у людей—каменные, а жизнь, мамаша,—дешева... Удивительно дешева! Изъ-за двухсотъ рублей люди сплошь и рядомъ пускаютъ себѣ пулю въ лобъ!

— А что сестра твоя? У нихъ деньги должны быть...

— Сестра? Да если я сейчасъ пушу себѣ пулю въ лобъ, такъ она не почешется. А если и пожалѣетъ, такъ развѣ потому только, что не успѣла съ меня получить десять цѣлковыхъ долгу!.. А чертъ ихъ всѣхъ возьми! Одинъ конецъ: пушу себѣ пулю въ лобъ и конченъ балъ!

— А ты погоди, не говори глупостей!

Старуха успокоительно похлопывала Павла Ивановича по плечу и шептала ему на ухо:

— Зайди вечеромъ, когда не будетъ папаши!

— Зачѣмъ?! Не все ли равно?!

— Зайди, говорятъ. Значить,—не все равно!—ворчливо шептала старушка.

И она спасала Павла Ивановича отъ пули въ лобъ, снабжая его деньгами изъ своихъ сбереженій на черный день, тайно откладываемыхъ отъ скромнаго пенсіона отставного подполковника.

Когда Катя родила Надю, тоже не обошлось безъ револьвера.

Роды были трудные и, какъ нарочно, въ то время, когда у нихъ не было ни копейки денегъ. Катя, истощенная предродовыми муками, лежала, какъ пласть, впадала въ забытье, а когда къ ней возвращалось сознание, тихо шептала запекшимися губами:

— Нѣтъ, не могу... Лучше умереть...

— А вы понатужтесь, голубушка!—уговаривала растерявшаяся акушерка...

— Нѣтъ силъ... нѣтъ!.. Паша! Пошли за батюшкой... За отцомъ Василюемъ...

— Хорошо, хорошо...— пробормоталъ Павелъ Ивановичъ, одѣлся и поскакалъ.

Вмѣсто отца Василя онъ привезъ лучшаго въ городѣ акушера. Докторъ внимательно осмотрѣлъ больную, сказалъ, что пока опасности никакой нѣтъ, далъ нѣсколько совѣтовъ акушеркѣ и взялъ шляпу.

— Сегодня я заѣхать не могу, не имѣю времени... Завтра часамъ къ двѣнадцати вы дайте знать. Если роды не послѣдуютъ,—я приѣду...

— Докторъ, вы не уѣдете... Я прошу васъ не оставлять больную!

— Не могу-съ, да и пока я все равно бесполезенъ...

— Вы, докторъ, не уѣдете!

Павелъ Ивановичъ загородилъ своею грудью дверь и закричалъ:

— Я требую, чтобы вы остались!

Въ этотъ моментъ раздались отчаянные вопли Кати. Павелъ Ивановичъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и прошепталъ съ дикимъ бѣшенствомъ:

— Я васъ убью, если вы бросите больную... Я знаю: мы бѣдны и потому не смѣемъ разсчитывать на ваше вниманіе... Я васъ заставлю! Я васъ заставлю быть честнымъ!..

Докторъ, кургузый старичокъ въ очкахъ, до того опѣшилъ, что выронилъ изъ рукъ взятое было пальто, развелъ руками и произнесъ:

— Успокойтесь!.. Опомнитесь!.. Я повторяю, что пока я не нуженъ...

— А я вамъ повторяю, что вы нужны и не уѣдете!

— Хорошо... Но я долженъ васъ предупредить, что мнѣ крайне дорого время: у меня есть другіе больные, которыхъ я обѣщаль сегодня посѣтить!

— Прошу васъ!—сердито сказалъ Павелъ Ивановичъ, предлагая жестомъ войти въ залъ.

— Хорошо, хорошо...—смущенно шепталъ докторъ, повинаясь грозному жесту.—Но я не нуженъ, бесполезенъ... Не могу же я, милостивый государь, родить вамъ...

— Не время, г. докторъ, шутить!..

Докторъ долго сидѣлъ въ креслѣ и курилъ, и на лицѣ его появлялось то выраженіе полнѣйшей апатіи, то безсильной злости...

— Не угодно ли рюмку портвейна? Прошу!—произнесъ Павелъ Ивановичъ и, поставивъ на столъ передъ докторомъ бокаль и бутылку съ виномъ, исчезъ.

„Должно быть, сумасшедшій,—подумалъ докторъ,—ничего подобнаго въ моей практикѣ до сихъ поръ не было...“ По временамъ по комнатамъ проносились вопли и крики родильницы, появлялся и исчезалъ растрепанный, съ блуждающимъ взоромъ, Павелъ Ивановичъ, пробѣгала мимо прислуга; потомъ все стихало, успокаивалось, и вся квартира погружалась въ какое-то странное тревожное ожиданіе... Въ пять часовъ вечера, постѣ одного особенно дикаго крика родильницы, Павелъ Ивановичъ выскочилъ въ залъ и радостно крикнулъ:

— Дѣвочка, докторъ!.. Уфъ! Слава Богу, слава!

И, перекрестившись, упалъ въ кресло въ полномъ изнеможеніи.

Докторъ навѣстилъ родильницу, посмотрѣлъ на младенца, опять далъ нѣсколько совѣтовъ акушеркѣ и вышелъ въ переднюю. Здѣсь онъ одѣлся, нѣкоторое время стоялъ, чего-то ожидая, но никто къ нему не вышелъ и никто не благодарилъ. Онъ пожалъ плечами и вышелъ, осторожно притворивъ за собою двери...

И Павелъ Ивановичъ цѣнилъ услуги револьвера и питалъ къ нему особую слабость. Когда онъ дѣлалъ предложеніе Катѣ, револьверъ у него былъ плохой, подержанный Лефосе, изъ котораго очень трудно было выстрѣлить, потому что онъ на десять осѣчекъ давалъ не больше одного выстрѣла и пуля его едва впивалась въ дерево. Но потомъ Павелъ Ивановичъ купилъ новый, крупнѣе калибромъ и лучшей системы, — „бульдогъ“.

— Этотъ можетъ положить на мѣстѣ быка!—говорилъ Павелъ Ивановичъ и лелѣялъ свой „бульдогъ“, какъ мать—первенца; каждый день онъ его развинчивалъ и свинчивалъ, протиралъ кускомъ замши, смазывалъ костянымъ масломъ изъ масленки отъ Катиной швейной машины и пзрѣдка, на загородныхъ прогулкахъ, пугалъ Катю, стрѣляя въ цѣль. Захвативъ съ собою нѣсколько листовъ бумаги, Павелъ Ивановичъ рисовалъ на нихъ турка или англичанина, отмѣривалъ двадцать пять шаговъ и убивалъ „наповаль“.

— Здорово: въ лѣвый глазъ! Выстрѣлъ безусловно смертельный!—кричалъ онъ, торжественно возвращаясь послѣ осмотра „цѣли“.

Но „бульдогъ“ былъ тяжелъ, неуклюжъ и потому имѣлъ свои

неудобства: таскать его въ карманѣ было тяжело, а таскать было необходимо, потому что Павелъ Ивановичъ боялся ночныхъ нападений воровъ, золоторотцевъ, пьяныхъ сапожниковъ и личныхъ оскорблений. Поэтому Павелъ Ивановичъ въ скоромъ времени „перевооружился“: онъ продалъ „бульдогъ“ сослуживцу, а себѣ купилъ маленькій „Смитъ и Вессенъ“:

— При всей своей миниатюрности онъ дастъ десять очковъ бульдогу!—говорилъ Павелъ Ивановичъ.—Теперь наша армія вооружена именно этими револьверами...

— Ахъ, Павелъ! Если бы ты зналъ, какъ много тревоги ты вносишь въ семью своими револьверами! Къ чему?—со вздохомъ говорила Катя.

— Ну, матушка, вы мало еще смыслите... Теперь безъ этакой штуки не проживешь: не жизнь, а денной грабежъ!..

— Вы опять, Павелъ Ивановичъ, возитесь со своимъ пистолетомъ!—недовольно замѣчала покойная Катина мать, заставая зятя за любимымъ занятіемъ послѣ обѣда.

— Не съ пистолетомъ, а съ револьверомъ-съ! Это—огромная разница: въ пистолетѣ—одна пуля, а здѣсь—пять человѣкъ можно положить на мѣстѣ въ одну минуту...

— А вы—осторожнѣй! Ну васъ тутъ!

Старуха притворяла дверь кабинета и съ безпокойствомъ на сердцѣ отходила.

— Ужъ это добромъ не кончится.—говорила она.—Хоть бы ты, Катя, бросила куда-нибудь эту гадость!.. Долго ли до грѣха?

А Павелъ Ивановичъ смазывалъ, свинчивалъ, протиралъ замшей и пряталъ револьверъ въ кабуру, на которой была наклеена записочка: „Осторожно. Заряженъ“.

Лѣтомъ, на дачѣ, иногда ночью Павлу Ивановичу чудилось, что подъ окнами кто-то осторожно ходитъ,—вѣроятно, золоторотцы... И тогда онъ бралъ револьверъ и, выйдя на крыльцо, прислушивался. Все было тихо и только собака лаяла гдѣ-то настойчиво и неугомонно. Воровъ не было, но этотъ настойчивый и неугомонный собачій лай былъ во всякомъ случаѣ подозрителенъ. А потому Павелъ Ивановичъ на всякій случай стрѣлялъ два раза въ небо и возвращался.

— Я тебѣ, голубчикъ, всажу пулю въ лобъ!—говорилъ онъ воображаемому вору.

— Что такое, Паша, случилось?—тревожно спрашивала разбуженная и перепуганная выстрѣлами Катя.

— Спи спокойно. Теперь мы гарантированы.

— Ахъ, какъ забилось у меня сердце! Я думала, Богъ знаетъ, что случилось!

— Могло случиться... Опять золоторотцы...

— Ухъ!

— Спи! спи! Теперь гарантированы... Не захочет пули въ лобъ!..

На другой день заявлялся урядникъ и говорилъ, что стрѣлять въ жилой дачной мѣстности воспрещается, что это—опасно...

— А воровать въ жилой дачной мѣстности не воспрещается?— огорошиваль урядника Павелъ Ивановичъ, приближая свое лицо къ физиономіи урядника.

— Стрѣльба—одно, а воровство — другое... — отвѣчалъ тотъ, отступая.

— Т. е. воровство разрѣшается?

— Какъ можно! Не разрѣшается, а я говорю про стрѣльбу только.

— А если я защищаю свою собственность, а можетъ быть, и жизнь? Тутъ у васъ кругомъ золоторотцы, какъ голодные волки, рыщутъ...

И Павелъ Ивановичъ стрѣлялъ себѣ, говоря: „Плевать мнѣ на полицію!“

Павелъ Ивановичъ ни на минуту не сомнѣвался, что онъ способенъ пустить пулю въ лобъ какъ себѣ, въ случаѣ крайности, такъ и всякому другому, кому это понадобится. Въ это онъ искренно вѣрилъ и нѣсколько разъ писалъ записки: „Никого не вините въ моей смерти“. Если онъ до сихъ поръ не приводилъ въ исполненіе своего рѣшенія покончить, то просто такъ складывались обстоятельства, что въ концѣ концовъ не было необходимости стрѣляться: „все какъ-нибудь устраивалось“. Но когда такая записка случайно попадалась на глаза Катѣ, она сжималась отъ ужаса, и тонкіе пальцы ея миниатюрныхъ, похожихъ на дѣтскія, рукъ дѣлались холодными, какъ у мертвой. Она начала слѣдить за Павломъ Ивановичемъ, не спала почей, худѣла и бродила, какъ тѣнь, по комнатамъ въ ожиданіи ужасной катастрофы. Она привозила къ себѣ мать и заставляла ее тоже наблюдать за Павломъ Ивановичемъ, не выпуская домой по нѣсколькимъ дней, а отецъ сердился:

— Я не могу спать безъ Серафимочки!—ворчалъ онъ и высказывалъ такое предположеніе:

— Вѣроятно, онъ себѣ спитъ, а вы, дуры, дежурите...

— Но, папа, я боюсь... Я не могу отпустить пока мамочку...

— Я повторяю, что не могу спать безъ Серафимочки... Когда ея нѣтъ, у меня бессонница и тоска... Я старикъ... У меня плохой аппетитъ и безъ того ужъ...

Когда проходило нѣсколько дней и становилось яснымъ, что тайный документъ потерялъ уже всякое значеніе, старикъ разрѣ-

шалось забрать свою Серафимочку. Катя успокаивалась и все входило въ обычную колею...

Свечерѣло, а Катя не возвращалась. Огни не были еще зажжены, и въ комнатахъ плавалъ тоскливый мракъ, полный зловѣщихъ тѣней и будившей скверныя предчувствія. Павелъ Ивановичъ былъ мраченъ.

— Должно быть, не дали, мерзавцы!..

Павелъ Ивановичъ уже написалъ „никого не вините въ моей смерти“ и теперь ходилъ по комнатамъ большими шагами, съ опущенной головой... Развѣ у нихъ есть сердце?! У нихъ—два камня, два обросшихъ мохомъ безсердечія камня!.. Значить, все кончено... Не идти же, въ самомъ дѣлѣ, на позорную скамью подсудимыхъ изъ-за какихъ-то 600 рублей!.. Люди воруютъ тысячами, сотнями тысячъ, и все сходить съ рукъ, а тутъ изъ-за какихъ-то несчастныхъ 600 руб. погибло все: и честь, и положеніе въ обществѣ, и семья... Павелъ Ивановичъ припоминалъ извѣстные ему случаи, когда фактъ многотысячныхъ хищеній открытый, всѣмъ извѣстный, замалчивался и виновнику предлагалось лишь выйти [въ отставку по прошенію,—и его душу будоражило возмущеніе, негодованіе на несправедливость...

— У насъ чѣмъ больше украдешь, тѣмъ лучше!..—шепталъ онъ, ходя по комнатамъ, и посматривалъ на часы.

— Не дали, мерзавцы!.. Все равно: надо было ахнуть нѣсколько тысячъ,—по крайней мѣрѣ не оставилъ бы постѣ себя пищихъ... Досадно погибать изъ-за какихъ-то несчастныхъ 600 рублей.. Очень досадно.

Глаза Павла Ивановича были влажны отъ выступающихъ слезъ, потому что ему было жаль своей загубленной жизни. Онъ еще молодъ,—ему всего 34 года,—онъ могъ бы пить изъ полной чаши жизни и, кто знаетъ, можетъ быть, его еще ждало впереди свое, настоящее счастье... А приходится поставить крестъ...

— Крестъ, крестъ,—шепталъ Павелъ Ивановичъ, и въ его воображеніи рисовался простой, деревянный пока, крестъ, препоясанный вѣнкомъ изъ увядшихъ уже цвѣтовъ. Катя стоитъ у креста, вся въ черномъ, съ длиннымъ хвостомъ шелковаго крепа позади, и держитъ за руку плачущую Надю...

Не умѣли его цѣнить при жизни, будутъ цѣнить послѣ смерти, и будутъ любить, и поймутъ... несомнѣнно поймутъ...

— Фу-фу-фу!—тяжело отдуваясь, шепталъ Павелъ Ивановичъ, и по лицу его пробѣгали какія-то тѣни, и казалось, что смерть уже кладетъ на него печать своего глубочайшаго безстрастія и прозрѣнія загробныхъ тайнъ.

Кати нѣтъ. Не дали, мерзавцы! подлецы! для чего живутъ? Обросли души мохомъ и нѣтъ ни капли простой азбучной гуманности!..

Павель Ивановичъ сѣлъ въ кресло, принявъ позу приговореннаго къ смерти человѣка... Можно было подумать, что теперь Павлу Ивановичу все равно и что Катя не можетъ уже измѣнить принятаго имъ рѣшенія. Напротивъ Павла Ивановича топила печь, тамъ сухо потрескивали сосновыя дрова, красный огонь лизалъ ихъ своими языками-змѣями и раскаленные угольки, отваливаясь, дрожали неровнымъ свѣтомъ... Вотъ пройдетъ часъ,— и пламя исчезнетъ, останутся угли, угли покроются пепломъ и затѣмъ—мракъ и холодъ... Такъ и жизнь.

Подъ окнами заскрипѣли полозьями санки и остановились у крыльца: это, конечно, Катя... Павель Ивановичъ вскочилъ съ кресла и въ тревогѣ почти побѣждалъ отпереть дверь. Ему страшно было спросить, дали ли мерзавцы денегъ, и потому, впустивъ Катю, онъ ничего не спросилъ, а торопливо вернулся въ залъ и сталъ ходить взадъ и впередъ, заложивъ руки въ карманы пиджака. „Если бы дали, Катя, конечно, не молчала бы...“

Катя сняла ротонду, бросила на столикъ шапочку и вошла, измученная и грустная, едва волоча ноги... Нѣкоторое время они молчали, потомъ Павель Ивановичъ приблизился къ женѣ и молча остановилъ на ея лицѣ свой вопросительный взглядъ...

— Господи, какое униженіе!.. Точно наплевали въ душу...— сказала Катя и, вынувъ изъ кармана носовой платокъ, закрыла имъ лицо.

— Что же говорятъ?— хмуро спросилъ Павель Ивановичъ, продолжая гулять по комнатѣ.

— Господи, какое униженіе!..—прошептала Катя.

— Ну говори, наконецъ! Униженіе, униженіе... А ты воображала, что тебя поцѣлуютъ и скажутъ: „позвольте! не стѣсняйтесь!“ Надо было готовиться ко всему. Когда дѣло идетъ о жизни, нечего шепетильничать...

Катя молча стояла у рояля, хныкая въ платокъ.

— Надо было умолять, на колѣняхъ умолять!.. Вопросъ о жизни, а она—униженіе!..

— Вспомнили про пятьдесятъ рублей!..—прошептала Катя...

— Я такъ и зналъ!.. А кто виноватъ? Я говорилъ тогда, что нечестно думать о ротондѣ, когда есть долгъ!.. Я говорилъ это?! Чортъ тебя возьми съ твоей ротондой! Издыхать, что ли, мнѣ изъ-за нея?

Катя молчала, а Павель Ивановичъ ходилъ взадъ и впередъ и несомлаемо говорилъ. Его рѣчь была полна упрековъ, обидъ.

униженій и всяческихъ оскорбленій, высказываемыхъ то прямо, безъ обиняковъ, то намеками. Павелъ Ивановичъ говорилъ, что его „женили“, что не дали ему кончить курса, а набросились на него, какъ жадные и голодные волки, что напрасно онъ тогда, въ саду, не застрѣлился, намекнулъ даже на того подпоручика, которому онъ хотѣлъ пустить пулю въ лобъ...

— Лжешь, негодяй!—закричала вдругъ Катя, отходя отъ рояля и отрывая отъ глазъ руки.—Лжешь! лжешь!

— Вотъ какъ!? Хорошо!..

Павелъ Ивановичъ круто повернулся и пошелъ въ кабинетъ, а Катя кричала ему вслѣдъ: „Лжешь, негодяй! лжешь!“ и топала ногами въ какомъ-то изступленіи.

— Все равно, одинъ конецъ... Пуля въ лобъ и больше ничего!..—закричалъ въ свою очередь Павелъ Ивановичъ, хлопнувъ дверью кабинета...

— Гдѣ револьверъ?—закричалъ онъ, вернувшись въ залъ.—Отдайте револьверъ!..

Катя быстро пошла вонъ изъ зала, но Павелъ Ивановичъ схватилъ ее за руку, крѣпко, до боли вцѣпилъ въ нее своими пальцами и снова закричалъ:

— Гдѣ револьверъ?.. Я требую: отдайте револьверъ! Это—нечестно!

Катя рванулась всѣмъ тѣломъ впередъ, освободилась и исчезла...

— Натѣ! стрѣляйтесь! стрѣляйтесь!.. ради Бога, стрѣляйтесь!—съ истерическимъ хохотомъ сказала Катя, возвратившись въ залъ съ револьверомъ въ рукахъ.

Павелъ Ивановичъ взялъ револьверъ и пошелъ въ кабинетъ, а Катя стояла посреди зала, заломивъ руки, и кричала съ какимъ-то страннымъ хохотомъ:

— Стрѣляйтесь! ради Бога! Прошу васъ! Освободите!..

— Мама! мамочка!—зазвенѣлъ дѣтскій голосъ, и хрункая фигурка Нади скользнула въ темнотѣ и спряталась въ складкахъ Катинаго платья.

Катя подхватила дѣвочку на руки, и обѣ онѣ, съ рыданіемъ и всхлипываніями, исчезли въ сумеркахъ...

Звонко щелкнулъ гдѣ-то замокъ двери и все стихло... Только часы продолжали мѣрно и громко стучать маятникомъ да въ кухнѣ Аграфенушка тяжело вздыхала, осторожно перемывая чайную посуду...

Всю ночь Катя лежала въ постели, обнявшись съ ребенкомъ и судорожно вздрагивая всѣмъ тѣломъ. По временамъ она приподнималась на локтѣ и при слабомъ свѣтѣ лампадки присталь-

но всматривалась въ лицо Нади... Личико ея было спокойно, на щекахъ горѣлъ румянецъ, изъ полуоткрытаго ротика выглядывали ровные остренькіе зубы... Катя осторожно наклонялась къ ребенку, прикладывала свои холодныя губы къ Надиной головѣ и мочила ей волосы своими слезами...

Когда стало свѣтать, Катя осторожно поднялась съ постели и вышла изъ спальни... Пройдя угрюмыми, тонувшими въ печальномъ, сѣромъ свѣтѣ комнатами, она подошла къ кабинету и заглянула въ него черезъ пріотворенную дверь: на письменномъ столѣ тускло догарала лампа подъ зеленымъ абажуромъ, Павелъ Ивановичъ лежалъ на турецкомъ диванѣ, поджавъ ноги калачникомъ, и казался такимъ маленькимъ-маленькимъ...

Катя вошла въ кабинетъ, чтобы загасить лампу. На столѣ лежалъ револьверъ и записка: „Никого не вините въ моей смерти“. Павелъ Ивановичъ дышалъ ровно, спокойно, и только порою въ его дыханіи прорывалось что-то похожее на всхлипываніе ребенка, который пересталъ уже плакать, но еще не можетъ освободиться отъ спазмъ въ горлѣ... Катя долго стояла съ опущенной головой и смотрѣла на Павла Ивановича, потомъ тихо вздохнула и на-цыпочкахъ вышла вонъ изъ кабинета.

— Бѣдный мой,—прошептала она, осторожно притворяя за собою дверь.

Евгеній Чириковъ.

ЗОЛОТЫЯ УТКИ.

(Изъ дорожныхъ впечатлѣній).

Въ каютъ-компаніи парохода „Байкаль“, который отправился изъ Владивостока въ долгое анадырское плаваніе, сверхъ всякаго ожиданія собралось такое многочисленное и разнообразное общество, какое въ пору встрѣтить только въ самыхъ людныхъ и многопосѣщаемыхъ водахъ. Пассажирскіе билеты разбирались нарасхватъ, нѣкоторымъ не хватало мѣста, и они были принуждены остаться во Владивостокѣ; двое или трое болѣе настойчивыхъ помѣстились въ трюмѣ, рискуя схватить лихорадку или ревматизмъ во время утомительнаго путешествія по бурнымъ морямъ и заливамъ тихоокеанскаго побережья. Большой частью все это были золотискатели, привлеченные шальнымъ слухомъ о новомъ Эльдorado, найденномъ будто бы американцами на берегахъ Берингова моря, и устремившіеся на холодный сѣверъ, какъ бабочки на огонь, безъ всякаго раздумья о затратахъ и неудачахъ. Дѣйствительно, американскіе искатели золота, года два тому назадъ, нашли около мыса Номъ прямо въ морскомъ пескѣ золотыя россыпи, по рассказамъ еще богаче Клондайка. Лѣто 99 года было особенно удачно. Старатели пріѣзжали на пароходахъ, въ теченіе двухъ, трехъ мѣсяцевъ копались въ пескѣ и возвращались въ С.-Франциско, наполнивъ промытымъ золотымъ порошокомъ банки изъ-подъ консервовъ и даже мѣшки изъ-подъ муки. Около половины остались зимовать, и осенью ужъ возникъ цѣлый городъ Номъ-Сити съ улицами, двухэтажными домами и даже проектомъ завести ближайшею весной типографію и газету.

Мѣсяца четыре тому назадъ, будучи въ С.-Франциско, я видѣлъ въ иллюстрированныхъ журналахъ оригинальные рисунки, изображавшіе жизнь въ новомъ золотомъ городѣ. Длинные упряжки собакъ тащили тяжелыя бревна, назначенныя для постройки новыхъ домовъ. Передъ вывѣскою главнаго кабака собрался многочисленный митингъ обсуждать введеніе новыхъ мѣръ

къ охраненію порядка. На стѣнѣ другого кабака можно было прочесть крупныя буквы приглашенія: „Собирайтесь на фонографическій концертъ. Пять долларовъ за входъ“.

Не удивительно, что и въ С.-Франциско текущей весной явились всѣ признаки золотой горячки, напомнившіе знаменитый 49-й годъ. Каждую недѣлю снаряжались пароходы и отходили на мысъ Номъ, сверху допизу переполненные пассажирами. Одна за другой основывались „номскія“ компаніи съ капиталомъ и безъ онаго, товары на золотоискательскую руку поднялись въ цѣнѣ, среди уѣзжающихъ и остающихся циркулировали различные слухи, одинъ другого сенсаціоннѣе. Одинъ китаецъ, напри- мѣръ, какъ говорили, въ двѣ недѣли набилъ полную банку изъ-подъ масла и вернулся назадъ богатымъ человѣкомъ, другой зарабо- талъ въ одно лѣто цѣлое состояніе на мелочной продажѣ соло- пины и сухарей!

Мысъ Номъ съ новымъ номскимъ городомъ лежитъ у самаго Берингова пролива и ближайшій сибирскій берегъ отстоитъ не болѣе, какъ на 70 миль. Не мудрено, что между номскими золото- искателями возникли самые удивительные рассказы относительно богатства невѣдомыхъ береговъ, смутно темнѣющихъ къ западу отъ Номы. Я говорилъ въ С.-Франциско съ номскими старате- лями, которые увѣряли меня, что азіатскій берегъ еще золото- носнѣе американскаго и что минувшимъ лѣтомъ пятьсотъ чело- вѣкъ американскихъ ребятъ пробовали счастья у мыса Чаплина на русскомъ побережьи. „А въ нынѣшнемъ году пойдутъ въ пять разъ болѣе. Пойдутъ тысячи, и мы пойдёмъ тоже, все крѣпкіе, смѣлые молодцы, которые вырвутъ золотой песокъ у самого чорта изъ горла!“—прибавляли они многозначительно, имѣя въ виду, что, въ качествѣ русскаго, я могу считать завѣтный берегъ для нихъ запретнымъ.

Я не зналъ, что думать. Съ одной стороны, во время моихъ странствованій въ сѣверо-восточномъ углу Азіи я никогда не слышалъ о какихъ бы то ни было признакахъ золота, съ другой стороны, „смѣлые американскіе молодцы“ очевидно не шутили и серьезно собирались выкопать себѣ золотое руно изъ морского песку на азіатскомъ побережьи по слѣдамъ американскихъ кито- лововъ и торговыхъ авантюристовъ, которые исходили эти дикіе берега вдоль и поперекъ съ бутылкой рома въ одной рукѣ и вишестеромъ въ другой!

Какъ бы то ни было, волна, всколыхнувшая американскій дальній западъ, докатилась до русскаго Владивостока и увлекла съ собою на сѣверъ цѣлую толпу авантюристовъ на поиски драго- цѣннаго металла. Самымъ предприимчивымъ оказался полковникъ

В. изъ С.-Петербурга, основавшій большую русско-американскую акціонерную компанію, которая успѣла заарендовать у казны весь берегъ отъ мыса Дежнева до мыса Чаплина на 1.500 верстъ протяженія. Она отправила большую партію золотоискателей подъ начальствомъ извѣстнаго путешественника по сѣверу Сибири, инженера Богдановича, отплывшую изъ С.-Франциско къ русскимъ берегамъ черезъ мысъ Номъ на пароходѣ „Самоа“. Изъ Владивостока въ помощь ей былъ отправленъ пароходъ „Ламуть“ съ пятью казаками и двѣнадцатью рабочими. О Богдановичѣ говорили, что во время своихъ предыдущихъ путешествій онъ нашель по всему охотскому побережью богатѣйшіе признаки золота, и никто не сомнѣвался, что на этотъ разъ онъ окажется еще удачливѣе.

Однако владивостокскій купецъ Бринеръ, одинъ изъ русскихъ иностранцевъ, типа одинаково обычнаго отъ Чернаго моря до Японскаго, оказался не менѣе предприимчивъ, чѣмъ петербургскій полковникъ. Въ компаніи съ американскими предпринимателями онъ снарядилъ не одну, а цѣлыхъ три экспедиціи въ Охотское и Берингово моря подъ начальствомъ американскаго инженера Шоклея и еще другого искателя приключеній Вандерлита, который до того успѣлъ перезимовать въ Гижигѣ и утверждалъ, что онъ отыскалъ тамъ золото еще лучше, чѣмъ у Богдановича. Съ мистеромъ Шоклеемъ мы ѣхали изъ С.-Франциско во Владивостокъ на одномъ пароходѣ и успѣли довольно близко познакомиться за время этого переѣзда. Онъ оказался чело-вѣкомъ очень бывалымъ и по-своему образованнымъ, и, очевидно, имѣлъ независимое состояніе, такъ какъ не стѣснялся въ издержкахъ. Всю дорогу онъ усердно, но совершенно безуспѣшно, занимался изученіемъ русскаго языка, хотя относительно своего дальнѣйшаго маршрута объяснилъ, что ѣдетъ въ Шанхай, а оттуда, быть можетъ, заѣдетъ во Владивостокъ. Въ Нагасаки онъ признался, что ѣдетъ во Владивостокъ прямо, а во Владивостокѣ я узналъ, что онъ имѣетъ руководить экспедиціей Бринера, отправляемой въ Гижигу на пароходѣ „Прогрессъ“. Мнѣ пришлось уѣхать на нѣсколько дней въ Хабаровскъ, и по возвращеніи я узналъ, что „Прогрессъ“ отправился прежде Гижиги къ Берингову проливу, для того, чтобы опередить, если возможно, Богдановича. Я пожалѣлъ, что мнѣ не удалось попасть на одинъ корабль съ этими русско-американскими аргонавтами, но дѣлать было нечего. Г. Бринеръ объяснилъ мнѣ на русскомъ языкѣ собственнаго изобрѣтенія, что на пароходѣ „люди были тѣсны яйцы и нигдѣ не былъ никакой мѣсты“.

Вѣрно было то, что „Прогрессъ“ очень торопился отплытіемъ,

Съ нами на пароходъ „Байкаль“ ѣхалъ будущій управляющій гижигицскими приисками Бринера и К^о, опоздавшій всего на нѣсколько часовъ къ отплытію „Прогресса“ и очень злившійся на то, что его срочныя телеграммы остались безъ дѣйствія. Это былъ старый таежный волкъ, выписанный изъ глубины витимскихъ лѣсовъ съ женой карымско-бурятскаго типа, которая до этого никуда не ѣздила дальше Читы и съ наивнымъ удивленіемъ дикарки разсматривала непривычное общество русскихъ моряковъ и иностранцевъ.

Былъ тутъ еще какой-то чиповникъ, бросившій службу, чтобы ѣхать за золотомъ въ горы Камчатки. Онъ имѣлъ съ собой трехъ рабочихъ и нѣкоторый опытъ, ибо десять лѣтъ тому назадъ посадилъ въ неудачныхъ розыскахъ около Владивостока нѣсколько тысячъ рублей, накопленныхъ самой настойчивой бережливостью, послѣ чего съ величайшимъ трудомъ снова выкарабкался на поверхность. Теперь очевидно онъ ѣхалъ за тѣмъ же самымъ въ Камчатку и находился въ особомъ героическомъ состояніи духа. Онъ напоминалъ летучую рыбу, которая внезапно вспрыгнула надъ омугомъ канцелярской пучины и, пользуясь мгновеніемъ, разсматриваетъ звѣзды на вечернемъ небѣ прежде неизбежнаго шлепка внизъ. Еще какой-то старичокъ-чухонецъ ѣхалъ уже совсѣмъ безъ денегъ и безъ рабочихъ, разсчитывая, повидимому, что золото можно подбирать просто въ ручьяхъ около Петропавловска. Его постояннымъ спутникомъ былъ отставной фельдшеръ, пробиравшійся на Анадырь и настолько беззаботный насчетъ географіи, что мечталъ по дорогѣ заглянуть въ Портъ-Артуръ. Зато на случай неудачи въ золотопроискательствѣ въ его лукъ имѣлась другая тетива: онъ набралъ на нѣсколько сотъ рублей разныхъ товаровъ, разсчитывая распродать ихъ въ попутныхъ портахъ. Къ сожалѣнію, подборъ товаровъ болѣе соответствовалъ Портъ-Артуру, чѣмъ сѣвернымъ морямъ, и состоялъ преимущественно изъ духовъ, готоваго платья, часовыхъ цѣпочекъ и тому подобной дряни, и можно было опасаться, что послѣдніе гроши легкомысленнаго фельдшера пропали даромъ.

Камчатскій торговецъ мѣхами возвращался изъ поѣздки въ „Россію“, — изъ поѣздки о которой онъ мечталъ всю жизнь и которая длилась около двухъ лѣтъ, хотя въ Россіи собственно онъ пробылъ только два мѣсяца, и въ Петербургѣ успѣлъ осмотрѣть только Дворцовый мостъ, который, по его словамъ, очень похожъ на мостъ черезъ рѣчку Гнилую Еловку въ селеніи Мильковскомъ на Камчаткѣ. Онъ везъ съ собой двухъ очень молодыхъ учителей, только что окончившихъ семинарію и направлявшихся въ то же самое

Мильковское селеніе. Всю дорогу они съ утра до вечера пили чай, дули на блюдечки и молчали.

Однако украшеніемъ нашего общества были не золотоискатели и не учителя, а группа спортсменовъ изъ Лондона, имѣвшая во главѣ князя и княгиню съ такой длинной и извѣстной фамиліей, что какъ-то даже неловко выписывать ее полностью на этихъ строкахъ. Князь и княгиня были еще совсѣмъ молодые люди. Князю могло быть лѣтъ 28, княгинѣ не болѣе 23. Оба они, какъ водится, получили заграничное воспитаніе и предпочитали тратить свои русскіе доходы въ Англии. Но на этотъ разъ имъ пришла въ голову оригинальная идея: воспользовавшись Сибирской желѣзной дорогой,—затмить всѣхъ англійскихъ спортсменовъ и отправиться на охотничьи каникулы въ глубину Камчатки. Переплывъ Ламаншъ, они выѣхали изъ Кале съ курьерскимъ поѣздомъ и въ 28 дней достигли Владивостока, за три часа до отхода парохода на сѣверъ. Это было очень прилично и напоминало Америку или, если хотите, героевъ Жюль Верна. Конечно, на Шилкѣ и на Амурѣ князьямъ былъ предоставленъ казенный пароходъ, а на твердой землѣ впереди скакалъ штандартъ,—спеціально русскія удобства, о которыхъ Жюль Вернъ не имѣлъ никакого понятія. Но, какъ бы то ни было, князья очутились на нашемъ Байкалѣ со всей своей челядью и огромнымъ багажомъ, провести который на курьерскомъ поѣздѣ поперекъ Старога свѣта обошлось около 2.000 рублей. Княгиня, впрочемъ, была очень простая и по-своему милая молодая дама, бодро переносившая дорожныя неудобства, неизбѣжныя даже для князей. Ея единственный недостатокъ состоялъ въ томъ, что она такъ плохо говорила по-русски. Признаюсь, я принялъ ее даже за иностранку и очень изумился, когда прочиталъ на ея карточкѣ послѣ имени мужа другое еще длиннѣе и общеизвѣстнѣе съ двумя овами на концахъ.

Князь, впрочемъ, говорилъ по-русски еще хуже. Въ своемъ пальто-сакѣ, съ завитками на лбу и тусклыми, постоянно вытращенными глазами, онъ напоминалъ молодого и добродѣтельнаго приказчика съ торійскими взглядами, который не знаетъ, куда дѣвать свой воскресный досугъ. Ему, очевидно, всегда было скучно, и даже перспектива въ ближайшемъ будущемъ лазить по камчатскимъ сопкамъ не могла разсѣять выраженія тупой хандры на его наморщенномъ лбу.

Истинной душой экспедиціи, впрочемъ, былъ не князь, а извѣстный англійскій путешественникъ Смалльгленъ изъ Смалльгленъ-Корта, получившій большую золотую медаль отъ Лондонскаго географическаго общества за то, что на одинъ дневной

переходъ не достигъ Лясы въ Тибетъ. Это былъ очень высокій и худой джентльменъ пожилого вида, съ лысымъ лбомъ и меланхолическимъ взоромъ англійской старой дѣвы, мечтающей о помощникѣ пастора въ качествѣ послѣдняго супружескаго ресурса. Онъ былъ очень молчаливъ и застычивъ и большую часть своего времени занимался производствомъ газированной воды изъ патентованныхъ стальныхъ бобовъ новѣйшаго изобрѣтенія. Мы усложняли его работу, подкладывая ему въ коробку пустые бобы вмѣсто полныхъ, но онъ не обращалъ на это никакого вниманія и цѣлыми часами накачивалъ свой ручной насосикъ съ упорствомъ чижа, таскающаго воду въ ведерочкѣ. Въ свободное время мистеръ Смаллыменъ занимался раскладываніемъ пасьянсовъ, и когда онъ надѣвалъ свои круглыя очки, его отложной воротничокъ пріобрѣталъ женственный видъ, и носовой платокъ, небрежно брошенный на столъ, казался педовязаннымъ чулкомъ, ожидающимъ очереди. Я не мало изумился, когда узналъ, что этотъ меланхолическій кроткій англичанинъ былъ извѣстный спортсменъ и стрѣлокъ, поставившій своей жизненной цѣлью избиеніе дикихъ барановъ по всему земному шару,—съ возможнымъ разнообразіемъ породъ. Именно для этой цѣли онъ ѣздилъ въ Тибетъ и на Алтай, и въ Южную Африку, и еще Богъ знаетъ куда. Мистеръ Смаллыменъ объяснилъ мнѣ со своимъ меланхолическимъ видомъ, что его идеаль убитъ дикаго барана съ хвостомъ.

— Отчего домашніе бараны—съ хвостомъ, а дикіе—безъ хвоста?—грустно повторялъ онъ.—Я исходилъ весь свѣтъ и нигдѣ не могъ найти какую-нибудь дикую породу, у которой хвостъ былъ бы длиннѣе, чѣмъ вотъ!—и онъ отмѣрилъ на своемъ ногтѣ полдюйма.

Князь и княгиня были привлечены мистеромъ Смаллыменомъ въ ту же баранью орбиту и вращались въ ней уже три года. Это была третья общая поѣздка, и она была, какъ и прежнія, посвящена тому же интересному предмету, т. е. баранамъ. О камчатскихъ медвѣдяхъ, смірныхъ, какъ коровы, и бродящихъ стадами по всему полуострову, великосвѣтскіе спортсмены не хотѣли и слушать. Князь снисходилъ даже до того, что признавался, что боится медвѣдей.

— У нихъ зубы!..—говорилъ онъ отрывистыми фразами, подражавшими языку его знаменитаго англійскаго друга,—и еще... какъ это называется по-русски, claws?.. ахъ да! когти!.. Бр! гадость! Не надо!..

Я подушутя рассказалъ спортсменамъ объ особой породѣ полярнаго барана, видѣнной мною въ Верхоянскихъ горахъ, и къ

Тріумфъ Галаген. — Николаи Пуссена.

моему новому удивленію молчаливый англичанинъ вдругъ преобразился. На щекахъ его проступилъ румянецъ, а въ глазахъ блеснуло нѣчто, похожее на живой интересъ.

— Ао!—пустилъ онъ долгой горловой нотой.—Новая порода!..

— Княгиня объяснила мнѣ, что въ горахъ Тибста уже прыгаетъ особая порода горныхъ барановъ, окрещенная английскими зоологами *ovis Smallgleni*, хотя нѣмцы предпочитаютъ называть ее по имени прусскаго офицера Бейнштока или Штейнбока, который посѣтилъ Тибетъ цѣлый годъ спустя послѣ Смалльглена.

— *Ovis Smallgleni seconda!*..—внезапно сказалъ князь, почти-тельно посмотрѣвъ на своего ученаго друга. Онъ, очевидно, уже вплеталъ мысленно новый лавровый листокъ въ его ученый вѣнокъ, и я почти не сомнѣваюсь, что черезъ годъ или черезъ два штандартъ будетъ скакать по пустынному верхоянскому хребту, сгоняя якутскихъ лошадей на подмогу предприимчивымъ путешественникамъ.

Остальное общество спортсменовъ состояло изъ княжескаго лакея, который занималъ особую каюту и сидѣлъ за общимъ столомъ, хотя и на нижнемъ концѣ, возлѣ пары учителей и молодого фотографа, который долженъ былъ увѣковѣчить подвиги спортсменовъ при помощи трехъ аппаратовъ и 2.000 пластинокъ.

-- Я буду писать книгу!—сообщилъ мнѣ князь.—Безъ фотографій не хорошо, *inconvenient, isn't it?*

Я, конечно, не могъ не согласиться.

— Грязно работать самъ!—продолжалъ князь.—Лучше онъ! Онъ очень искусно!..

— Придется оговорить!—замѣтилъ я осторожно.

— Зачѣмъ?—живо возразилъ князь, и даже завитки на его лбу пришли въ движеніе.—Это мое! Я его купилъ!..-И онъ показывалъ пальцемъ на бѣднаго маленькаго фотографа, который неловко ерзалъ на своемъ сидѣннѣ, видя, что о немъ идетъ рѣчь, и не зная, въ чемъ дѣло.

Княгиня тоже не была чужда литературнымъ интересамъ.

— Какъ фамилія *вашего* малаго русскаго поэта?—спросила она меня, видя, что я читаю томъ малорусскихъ стиховъ.—Самаго большого изъ малыхъ русскихъ? Какъ-то на *о*,—я забыла. Ты не помнишь ли, Андре?—обратилась она къ мужу.

— На *о*?—переспросилъ онъ, подумавъ.—Соллогубъ?..

— Ахъ нѣтъ!—съ досадою сказала княгиня.—Это на *губъ*. Какъ-то: Савченко, Федченко... Совѣмъ простопародная фамилія.

Я подсказалъ фамилію Шевченки, но князь продолжалъ стоять на своемъ.

— Я знаю Соллогубовъ!—возразилъ онъ,—и это хорошая

семья. Они всё что-нибудь пишутъ, а молодой Соллогубъ дѣйствительно дѣлаеть стихи.

Мнѣ стало смѣшно. Опреѣленіе князя, буквально переведенное съ англійскаго, прекрасно подходило къ дѣлу...

Багажемъ спортсменовъ завѣдывалъ какой-то англизированный грузинъ изъ черноморскихъ матросовъ, получавшій, по словамъ м-ра Смалльглена, 150 рублей въ мѣсяць, но очень похожіи на француза великой арміи на обратномъ пути изъ Москвы. Его не пустили въ каютъ-компанію, и онъ все ходилъ по палубѣ и пожимался отъ холода. Даже его горбатый грузинскій носъ весь посинѣлъ отъ холоднаго охотскаго тумана. Онъ былъ самый литературный изъ всего общества, ибо изъ кармана его короткой куртки, похожей на женскую кацавейку, постоянно торчала книжка англійскаго журнала, засаленная и исчитанная до дыръ.

Пароходъ, на которомъ мы ѣхали, принадлежалъ морскому пароходству Манджурской желѣзной дороги и, надо-таки отдать ему справедливость, былъ чрезвычайно скверный, совсѣмъ не приспособленный для полярнаго плаванія. Манджурская желѣзная дорога, стремясь сосредоточить въ своихъ рукахъ побольше предпріятій, взяла на себя пароходное сообщеніе съ сѣверными портами Тихаго океана, принадлежавшее прежде Обществу добровольнаго флота.

Какъ водится, набрали многочисленную администрацію съ жирными окладами, наняли помѣщеніе, повѣсили вывѣски, напечатали бланки и рекламы, но не позаботились пріобрѣсти сколько-нибудь порядочныхъ пароходовъ. Первый пароходъ Манджурской дороги разбился, не дойдя еще до Владивостока, второй былъ окончательно забракованъ за негодность котловъ, и вмѣсто обѣщанныхъ четырехъ рейсовъ Манджурка въ теченіе всего мая мѣсяца не могла начать ни одного, такъ что вся Камчатка сидѣла безъ почты и даже безъ муки и чаю. Наконецъ подвернулся пароходъ „Байкаль“ товарищества Шевелева и К^о. и Манджурка тотчасъ же зафрахтовала его и послала на сѣверъ. Это была довольно комическая исторія. Пароходъ не имѣлъ даже парового катера для разгрузки товаровъ и имѣлъ такъ мало шлюпокъ, что въ случаѣ крушенія не имѣлъ бы куда посадить команду и пассажировъ. Команда, впрочемъ, узнавъ о предстоящей прогулкѣ, чуть не сдѣлала бунта. Китайская прислуга разбѣжалась, пришлось нанимать новую, и даже самъ капитанъ всю дорогу ворчалъ и божился, что второй разъ лучше выйдетъ въ отставку, но ни за что не пойдетъ на сѣверъ.

Первый же день нашего плаванія достался намъ, что называется, клиномъ. Начался сильный вѣтеръ, скоро перешедшій

въ бурю. Всѣ пассажиры легли пластомъ. Изъ каютъ знатныхъ путешественниковъ неслись самые малодушные стоны. Прыткіе спортсмены ограничивались до сихъ поръ сушей и совсѣмъ не знали моря. Китайскіе лакеи, размахивая своими свинными хвостиками, по мѣткому опредѣленію англичанъ, бѣгали взадъ и впередъ съ плевальницами и тряпками, но съ непривычки ихъ тоже укачивало. Къ вечеру не осталось ни одного на ногахъ, и вся каютъ-компанія, за исключеніемъ двухъ-трехъ чело-вѣкъ, превратилась въ сплошную госпиталь морской болѣзни.

Въ трюмѣ было еще хуже. Здѣсь расположилась группа камчатскихъ казаковъ, слѣдовавшихъ для усиленія анадырской команды. Имъ предстояло переправиться въ бухту Провидѣнія вмѣстѣ съ исправникомъ и провести тамъ лѣто для устраненія американскихъ золотыхъ хищниковъ съ территоріи полковника В. и компаніи. Ихъ было четверо, но они взяли съ собою женъ и дѣтей, и ѣздовыхъ собакъ, такъ что все общество состояло больше, чѣмъ изъ полусотни. Городовые казаки полярной Сибири очень напоминаютъ городскія инвалидныя команды. Я только подивился, какъ всѣ эти бабы и грудные ребята будутъ отгонять американскихъ „смѣлыхъ молодцовъ“. Въ ожиданіи будущихъ подвиговъ камчатское воинство лежало вповалку на нарахъ и безпомощно перекатывалось съ боку на бокъ при каждомъ новомъ толчкѣ волны.

Въ другомъ трюмѣ уже прямо на полу лежало стадо каулей, т. е. корейцевъ, нанятыхъ пароходомъ для разгрузки клади въ портахъ. Когда кауль ходитъ по Владивостоку безъ работы, онъ ѣсть очень мало и, разумѣется, вѣчно голоденъ. Поэтому русскіе подрядчики, нанимающіе каулей, ввели обычай закармливать ихъ въ первые дни до-отвалу. Дважды или трижды объѣвшисъ солонины, кауль получаетъ отвращеніе къ ѣдѣ, и дальнѣйшее его пропитаніе стоитъ очень дешево. Если не закормить кауля въ первые дни, онъ потомъ съѣстъ впятеро больше. Теперь каули находились еще въ періодѣ обжорства; можно себѣ представить, какіе результаты давало дѣйствіе морской болѣзни на эти отягощенные желудки.

На палубѣ, кромѣ казачьихъ собакъ, былъ еще цѣлый звѣри-нецъ: два теленка, двѣ очень паршивыхъ овцы, четыре пары поросятъ, утки, гуси, куры. Китаецъ, приставленный смотрѣть за всѣмъ этимъ скотомъ, утверждалъ, что, кромѣ поросятъ, каждая живность страдаетъ отъ морской болѣзни. Дѣйствительно, когда я поднялся на палубу во время самаго разгара бури, поросята только хрюкали и совали носы поглубже въ мѣсиво.

Дня черезъ два погода, наконецъ, улучшилась, но плаваніе за-

медлилось туманами, такъ что только на девятый день мы вошли въ Авачинскую губу. У входа въ Авачинскую губу стоятъ Три Брата, три острые камня, вытянувшіеся въ рядъ у острой стрѣлки утеса, замыкающей входъ. Мнѣ рассказывалъ старшій камчадалъ, что когда-то это дѣйствительно были три удалыхъ витязя, которые пали въ послѣдней схваткѣ съ русскими во время возстанія 1730 г. Но богъ Кутка, тоскуя о камчатской волѣ, превратилъ ихъ въ камни и поставилъ сторожить входъ въ лучшую гавань всего полуострова.

Въ Петропавловскѣ мы нашли цѣлую эскадру. Огромный американскій пароходъ „Альбатросъ“, отправленный „рыбной комиссіей“ Соединенныхъ Штатовъ осматривать рыболовныя станціи на Аляскѣ, разводилъ пары въ Тарьинской бухтѣ, собираясь къ отходу. „Альбатросъ“ представлялъ изъ себя плавучій музей, снабженный всѣми новѣйшими усовершенствованіями для научныхъ работъ.

Русская паровая шкупа „Сторожъ“, отправлявшая ту же обязанность въ камчатскихъ водахъ, рядомъ съ нимъ казалась просто дешевой игрушкой. Зато она со всѣмъ своимъ содержаніемъ стоила всего шесть тысячъ рублей въ годъ, а капитанъ съ экипажемъ извлекалъ выгоду изъ продажи плѣнныхъ японскихъ шкупъ, пойманныхъ на мѣстѣ рыбнаго хищничества съ поличнымъ. Командовалъ шкуной шведъ Геекъ, типичный морской волкъ, уже 52 года странствующій между портами и морями Тихаго оксана. Геекъ, между прочимъ, былъ однимъ изъ піонеровъ Дальняго Востока, и хунхузы во время одного нападенія вырѣзали его семью. Онъ выпросилъ себѣ команду въ 25 человекъ и отправился въ лѣса искать виноватыхъ. Мѣра у него была такая: кто побѣжалъ въ сторону отъ команды, тотъ и хунхузъ. Расправа была короткая.—и въ уссурійской тайгѣ оставался еще одинъ лишній трупъ. Это было, впрочемъ, давно, а теперь Геекъ успѣлъ обзавестись новой молодой женой и на выручку съ плѣнныхъ шкунъ купилъ себѣ помѣстье и домъ во Владивостокѣ.

Третій пароходъ былъ японскій съ именемъ, выведеннымъ по борту непонятными квадратными іероглифами, и со страннымъ флагомъ въ видѣ краснаго кружка, вшитаго въ бѣлый платокъ, какъ будто побывавшій въ рукахъ неловкаго фокусника.

Четвертый пароходъ былъ „Ламуть“, уже упоминавшійся выше и вышедшій изъ Владивостока на двадцать дней раньше „Байкала“ на соединеніе съ экспедиціей Богдановича. По дорогѣ, не доходя до бухты барона Корфа, ему встрѣтились льды, и онъ поспѣшилъ вернуться назадъ на югъ. Переждавъ съ педѣлю въ Корсаковскомъ портѣ на Сахалинѣ, „Ламуть“ опять отправился на

сѣверъ, но по дорогѣ зашелъ въ Петропавловскъ, гдѣ мы его и догнали. Не успѣли мы бросить якорь, какъ паровой катеръ уже подѣзжалъ къ намъ. Капитанъ „Ламута“, маленькій сѣдой херувимчикъ съ румянымъ лицомъ и безпечными манерами, торопливо сѣменя ножками, вбѣжалъ на палубу.

— Рекомендуюсь, подневольный Нансень!—началь онъ,—Нансень, по приказанію начальства!.. Хотягь насильно заставить, чтобъ я на вѣнокъ заработалъ... Да если я не хочу, такъ что!..

Послѣдовалъ обычный обмѣнъ привѣтствій.

— Что же дѣлать?—продолжалъ капитанъ.—Велятъ, такъ буду хоть акушеромъ! А у меня для команды даже теплаго платья нѣтъ!.. Да еще торопятъ: скорѣй, скорѣй! Ну хорошо, скорѣй!.. Пошелъ я на сѣверъ, а на сѣверѣ льды. Я тонкій, стальной!.. Сейчасъ давай Богъ ноги назадъ!..

Собственно говоря, почтенный капитанъ былъ вовсе не тонкій, а, напротивъ, такой кругленькій, что даже смотрѣть было пріятно; но опредѣленіе это относилось уже не къ нему самому, а къ пароходу.

Капитана представили княгинѣ, и онъ посмотрѣлъ на ея личико и растаялъ. Дѣйствительно, княгиня въ простомъ костюмѣ изъ сѣраго сукна съ сумкой черезъ плечо и альпійской палкой въ рукахъ была очень мила. Палка относилась къ будущимъ восхожденіямъ на камчатскія сопки, но и въ настоящемъ она придавала княгинѣ воинственный и вмѣстѣ живописный видъ.

Немедленно начался разговоръ о пикникахъ и увеселительныхъ экскурсіяхъ, для которыхъ живописные берега Авачинской губы въ высшей степени пригодны. Но знатные путешественники не хотѣли ничего слушать.

— Мы прежде поставимъ свой лагерь!—твердила княгиня, размахивая палкой.

Не далѣе, какъ черезъ два часа, на самомъ концѣ песчаной стрѣлки, загораживающей входъ въ такъ называемую бухту Ковшъ, воздвиглись цѣлыхъ пять палатокъ, которыя во всякомъ случаѣ, несмотря на свои полотняныя стѣнки, были гораздо внушительнѣе петропавловскихъ избушекъ, поднимавшихся на противоположномъ берегу. Люди хлопотали у походной кухни надъ консервами и напитками, а княгиня съ самоодовольной улыбкой показывала намъ свой большой полотняный домъ, раздѣленный занавѣсками на три комнаты, гдѣ было разставлено столько мебели, сколько нельзя найти ни въ одной петропавловской избѣ. Я замѣтилъ изъ-за угла полотняной перегородки, отгораживавшей спальню, даже туалетный столикъ съ зеркаломъ совсѣмъ не кочевого вида. Всѣ эти палатки со столами

и зеркалами вмѣстѣ должны были слѣдовать къ камчатскимъ сопкамъ на спинахъ маленькихъ туземныхъ лошадей, которыхъ теперь нужно было собирать со всей округи для именитыхъ гостей. Князь предъявилъ открытое предписаніе о всевозможномъ содѣйствіи со стороны мѣстнаго начальства и потребовалъ къ утру тридцать лошадей. Исправнику пришлось истратить много усилій, чтобы объяснить ему, что лошади могутъ быть готовы только черезъ недѣлю.

— Почему не завтра?—продолжалъ удивляться князь.—Мнѣ надо *спѣшать!* Разъ, два, готово!.. Вотъ я ѣздилъ въ Скоттскихъ горахъ,—хорошо!.. Я имѣлъ лошадей, сколько надо. Только сказалъ, сейчасъ привели!..

— Такъ то Скотскія горы!—простодушно возразилъ исправникъ, не подозревая, что князь подъ скоттами подразумеваетъ шотландцевъ.

Пикники начались со слѣдующаго утра и продолжались все время до отплытія парохода. Мы обѣдали и на „Якутѣ“, и на „Байкалѣ“, и просто на чистомъ воздухѣ. Кромѣ обѣда капитанъ „Ламута“ угощалъ насъ фонографомъ, съ которымъ онъ возился ночью и днемъ, предпочитая его настоящей оперѣ. Онъ привезъ его на поляну, гдѣ происходилъ нашъ третій пикникъ, рискуя, что драгоценный инструментъ схватитъ простуду на открытомъ воздухѣ.

— Послушайте эту арію Фигнера!—приставалъ онъ къ княгинѣ.

Изъ рупора неслышимо несся невообразимый визгъ, болѣе похожій на голось поросенка на палубѣ „Байкала“, чѣмъ на Фигнера.

— Не правда ли, какъ похоже?—спрашивалъ съ восторгомъ капитанъ.—Прелестный инструментъ!..

Съ противоположнаго берега узкой бухты доносились, однако, гораздо болѣе разнообразные крики и визги.

Здѣсь собрались на сходъ всѣ петропавловскіе обыватели, обязанные натуральной повинностью дѣлать раскладку подводъ, необходимыхъ для князя. Споры были довольно бурные, ибо въ бухтѣ шель промыселъ и уѣзжать не хотѣлось никому, и раза два или три члены схода переходили отъ словъ къ дѣлу, употребляя вмѣсто оружія, по исконному камчатскому обычаю, сырую рыбу, сложенную въ кучу на берегу. Дѣйствительно, длинная и грузная кета прекрасно приходилась для рукопашной битвы, и звонкіе удары рыбныхъ плюхъ раздавались, какъ изъ-подъ валька, къ великой потѣхѣ японскихъ рабочихъ, сбѣжавшихся отовсюду полюбоваться на даровое зрѣлище.

Японцевъ въ Петропавловскѣ въ лѣтній сезонъ набирается довольно много — около полуторы тысячи. Все это рыбные рабо-

чіе, которые ловятъ, пластають, солятъ и сушатъ разную рыбу, во множествѣ собирающуюся у береговъ Камчатки. Рыбные промыслы стали развиваться въ Камчаткѣ совсѣмъ недавно. Въ нынѣшнемъ году возникло уже третье товарищество на японскія деньги съ японскими шкунами и пароходами. Обороты, конечно, невелики, но все-таки ежегодно добывается нѣсколько сотъ тысячъ рыбъ. Туземные рыбаки, промышляющіе рыбу у берега небольшими сѣтками, саженой въ 15 или 20, начали, однако, серьезно коситься на этихъ непрошенныхъ пришельцевъ.

— Надо было бы это запретить!—поговариваютъ они.—Этакъ они у насъ всего медвѣдя оголодятъ! И мяса-то не поѣсть будетъ...

Дѣйствительно, медвѣди бродятъ по всей Камчаткѣ стадами и составляютъ нѣчто вродѣ полуприрученнаго домашняго скота. Жители убиваютъ ихъ сотнями, и о несчастныхъ случаяхъ совсѣмъ не слышно. Во время нашей стоянки вернулась, напр., артель въ шесть человекъ, добывшая около 60 медвѣдей. На пай пришлось по 10 тушъ, и удачливые охотники устроили на берегу настоящую мясную торговлю. Если принять во вниманіе, что коровье мясо стоитъ въ Петропавловскѣ 10 рублей за пудъ, то оригинальные опасенія петропавловскихъ медвѣдеѣдовъ окажутся пожалуй небезосновательными.

Для того, чтобы защитить камчатскихъ медвѣдей отъ оголоданія, областное правленіе выпустило въ прошломъ году циркуляръ, запрещающій производить рыбные промыслы иначе, какъ русскими рабочими. Если принять во вниманіе, что даже во Владивостокѣ ни одинъ кирпичъ не кладется и ни одна доска не тешется помимо китайскихъ и японскихъ рукъ, то это запрещеніе, конечно, покажется шуткой. Положимъ, въ нынѣшнемъ году новая административная утопія осталась мертвой буквой, но третьему рыболовному товариществу долго не давали разрѣшенія на производство промысловъ изъ-за его японскихъ рабочихъ. Съ отчаянія администраторъ товарищества, Зубковъ, молодой архангельскій поморъ, случайно попавшій на эту отдаленную окраину, принялся нанимать русскихъ рабочихъ во Владивостокѣ. Ему удалось найти троихъ. Я видѣлъ ихъ потомъ въ Усть-Камчатскѣ. Это были типичные представители шпанки, ушедшіе въ рыболовы, потому что дѣваться некуда. Они пили горькую, пропили всѣ вещи съ себя, ходили въ отребьѣ и знать не хотѣли хозяина и его невода.

— Это чтобъ мы стали въ воду лазить!—говорили они во всеуслышаніе.—Да Боже сохрани! Мы въ надсмотрщики шли или тамъ по письменной части (двое, между прочимъ, были совсѣмъ безграмотны). То и думали, когда раядились!..

Кончилось дѣло тѣмъ, что Зубковъ, успѣвшій тѣмъ временемъ получить годовичное разрѣшеніе на наемъ японскихъ рабочихъ, махнулъ рукой на этихъ импровизированныхъ рыболововъ и возвратилъ имъ контракты. Но они и тутъ уперлись.

— Мы рядились на всю зиму!—объявили они.—Коли привезъ на Камчатку, такъ и держи, да и жалованье плати, да и назадъ вывези!..

Такъ они и остались у него на промыслѣ, какъ бесполезный придатокъ, произведенный внезапнымъ стремленіемъ администраціи руссифицировать рыбные промыслы на Камчаткѣ.

Послѣ пикниковъ наступило время развѣзаться. Знатные путешественники вмѣсто лошадей получили три лодки съ гребцами и отправились по берегу бухты искать прохода въ Камчатскія горы къ своимъ баранамъ. Поѣздка, впрочемъ, началась неудачно. Въ бухтѣ поднялся свѣжій вѣтеръ, и князь, продолжавшій питать спасительное отвращеніе къ морю, разсудилъ за лучшее воротиться назадъ. Послѣ этого имъ предложилъ свои услуги „Сторожъ“, но съ этимъ вышло еще хуже. Крошечная паровая машина „Сторожа“ внезапно испортилась, и путешественникамъ пришлось проболтаться трое сутокъ въ морѣ, прежде чѣмъ они могли вернуться назадъ въ Петропавловскъ.

Что было съ ними дальше, и нашелъ ли мистеръ Смалдльгленъ барана съ длиннымъ хвостомъ, я не умѣю сказать, ибо мы съ „Байкаломъ“ уѣхали-таки себѣ по своему пути на сѣверъ. Думаю, впрочемъ, что книга, которую секретарь князя напишетъ по его возвращеніи въ Лондонъ, будетъ имѣть успѣхъ, и онъ явится пионеромъ будущаго движенія англійскихъ спортсменовъ въ Камчатку.

По дорогѣ мы просидѣли десять дней въ Усть-Камчатскѣ, гдѣ за немѣнѣемъ парового катера при выгрузкѣ, перемочили весь казенный и частный грузъ, и наконецъ четвертаго іюля пришли на Анадырь. На другой день неожиданно-негаданно явился и „Прогрессъ“ съ сѣвера. Сообщение о золотѣ и американскихъ хищникахъ оказалось исполненной уткой. Новые искатели золотого тельца взяли около 200 пробъ песку на берегахъ Берингова моря, но нигдѣ не нашли ни зерна золота. Богдановичъ, по ихъ разсказамъ, не былъ счастливѣе, хотя упорно продолжалъ копать въ землѣ.

На Чукотскомъ полуостровѣ свирѣпствовала корь, которая въ минувшую зиму успѣла прокатиться по всему сѣверо-тихоокеанскому побережью и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Гижигѣ, унесла около четверти всего населенія. Теперь она достигла эскимосскихъ и чукотскихъ поселковъ у мыса Дежнева. По словамъ

золотоискателей, эпидемія была въ полномъ разгарѣ. На маленькомъ островѣ Ратманова осталось, напр., всего трое живыхъ, которые поселились на пескѣ у самой воды. По острову валялись трупы, и голодныя собаки растаскивали въ разныя стороны человѣческія руки и ноги.

Вдобавокъ господа „прогрессисты“ переругались и даже передрались между собой. Русскіе и американскіе члены экспедиціи, объяснявшіеся до сихъ поръ при помощи вологодскаго мѣщанина, нахватавшаго неизвѣстно откуда англійскихъ словъ, въ концѣ концовъ поколотили переводчика и принялись объясняться между собой при помощи стульевъ, столовъ и даже зажженныхъ лампъ съ керосиномъ. Когда я пріѣхалъ на „Прогрессъ“, война все еще продолжалась. Враждующія стороны составили по сепаратному протоколу и хотѣли ссадить другъ друга на анадырскіе берега. Къ сожалѣнію, изгнавъ переводчика, они никакъ не могли даже объяснить взаимно своихъ угрозъ. Мистеръ Шоклей обрадовался моему присутствію и предложилъ мнѣ быть посредникомъ, но я отклонилъ отъ себя эту нѣсколько опасную честь.

Тогда онъ пригласилъ одного изъ русскихъ матросовъ, который тоже нѣсколько говорилъ по-англійски. Обѣ стороны немедленно принялись сыпать обвиненіями, но матросъ робѣлъ и не рѣшался переводить самыхъ безцеремонныхъ комплиментовъ. Оппоненты злились, и дѣло опять готово было дойти до стульевъ, такъ что въ концѣ концовъ я все-таки вмѣшался и, осторожно лавируя среди взаимныхъ обвиненій, успѣлъ кое-какъ возстановить на пароходѣ миръ.

Мистеръ Шоклей сильно упалъ духомъ.

— Богъ съ нимъ, съ золотомъ, — меланхолически говорилъ онъ. — Мнѣ лишь бы добраться до предѣловъ цивилизаціи и смыть съ себя эту грязь!..—и онъ трагически показывалъ мнѣ свои руки, которыя дѣйствительно покрылись довольно грязными мозолями во время неудачныхъ золотоискательскихъ опытовъ.

„Прогрессъ“ въ ту же ночь ушелъ на югъ, а я съѣхалъ на берегъ, поставилъ свою палатку и принялся возиться съ чукчами, которые ежедневно съѣзжались съ окрестныхъ стойбищъ.

Черезъ недѣлю однако, къ нашему удивленію, на горизонтѣ опять появилось судно. Это было уже третье судно за двѣ недѣли, чего до того времени не было слыхано на устьѣ Анадыра. „Просто большой шлемъ на судахъ“,—какъ справедливо выразился почтеннѣйшій начальникъ округа, управлявшійся на берегу съ казеннымъ грузомъ.

Новое судно была шкуна „Вѣра“ съ аргонавтами еще болѣе страннаго калибра, чѣмъ „прогрессисты“. Это была компанія мел-

кихъ чиновниковъ и отставныхъ офицеровъ изъ Хабаровска, которые, собравъ кое-какіе гроши, снарядили экспедицію искать золотое руно на сѣверѣ, не имѣя даже опредѣленнаго понятія о томъ, гдѣ лежитъ Анадырь или мысъ Дежнева. Я вспомнилъ чиновника-золотоискателя на „Байкалѣ“. Очевидно, въ канцеляріяхъ Амурской области много геройскаго духа и страсти къ приключеніямъ. Главою экспедиціи былъ канцеляристъ Шмотинъ, чловѣкъ чахоточнаго вида, съ безпокойными глазами и нервными руками, постоянно теребившими жидкую бороду. Во время перѣзда изъ Владивостока до Петропавловска онъ чуть не умеръ отъ морской болѣзни и до сихъ поръ никакъ не могъ оправиться. Шкуна была снаряжена въ четыре дня и не успѣла захватить даже лоцій и морскихъ инструментовъ. Аргонавты, со своей стороны, не приобрѣли самыхъ необходимыхъ припасовъ и запаслись, кажется, только ружьями и патронами для борьбы съ предполагаемыми американскими хищниками.

Однако, прибывъ на Чукотскій полуостровъ, они не успѣли даже поговорить съ туземцами. Когда нагруженная шлюпка готова была отчалить отъ шкуны къ берегу, всемогущій и бдительный Богдановичъ явился внезапно на поле дѣйствія и прочелъ грамоту, предоставлявшую ему, во имя полковника В., исключительное право на всю землю уже не только отъ Кулючинской губы до мыса Дежнева, но и отъ Дежнева на югъ до анадырскаго устья. Я смотрѣлъ потомъ на карты очертанія этой концессіи. Они очень похожи на огромный широко-разинутый ротъ и занимаютъ уже не полторы тысячи верстъ, а цѣлыхъ три.

Показавъ грамоту, Богдановичъ объявилъ, что всякій нарушитель ея будетъ разсматриваемъ, какъ хищникъ, и подвергнется наказанію по всей строгости законовъ. Отважные канцеляристы волеи-неволеи ступшевались, такъ и не сразившись съ предполагаемыми хищниками.

— Хоть бы онъ намъ копнуть даль!—жаловался Шмотинъ.— Мы тамъ такую красивую рѣчку видѣли, просто малина, не рѣчка... Всю ночь не спали, шлюпку снаряжали, а онъ и къ берегу намъ причалить не даль!..

Меня поразила величественная, чисто російская идея петербургскаго полковника—создать монополію и водворить всю строгость законовъ въ полярной пустынѣ, безлюдной и никому рѣшительно неизвѣстной, величиной во всю Германскую имперію. Это затмевало даже Сесіля Родса и его алмазныя и золотыя копи въ Южной Африкѣ. На противоположномъ американскомъ берегу о монополіи не было и рѣчи и благодаря инициативѣ военныхъ старателей возникъ уже цѣлый городъ.

Аргонавты со шкуны однако не унывали. „Въ сущности не все ли равно, гдѣ копать, лишь бы копать!“—разсудили они совершенно правильно и рѣшили спуститься къ югу такъ далеко, чтобъ выйти наконецъ на волю изъ разинутой пасти петербургскаго полковника. Берега Анадыра въ среднемъ теченіи уже не входили въ запретныя межи, и золотонскатели, при помощи начальника округа нанявъ проводниковъ-чукочъ, немедленно отправились вверхъ по рѣкѣ отыскивать золотоносныя горы и ручьи.

Шмотинъ былъ полонъ несокрушимой вѣры. „Мнѣ старуха на картахъ выгадала, что я найду большое!—признался онъ подь конецъ.—Чувствую, что правда,—найду!..“

Русская *эбра* оказывалась несокрушимѣе (американскаго *прогресса*).

Шкуна „Вѣра“ осталась въ анадырскомъ лиманѣ дожидаться возвращенія аргонавтовъ. Начальникъ округа отправилъ вверхъ баржу съ казеннымъ грузомъ и собирался плыть ей вслѣдъ.

Приближалось время, когда я долженъ былъ остаться на устьѣ одинъ со своими палатками, фотографическими и фонографическими приборами, гипсомъ для съемки масокъ, а главное—цѣлой лавкой мелкихъ и крупныхъ товаровъ, назначенныхъ для обмѣна на этнографическія свѣдѣнія у чукочъ, которые, по обычаю всѣхъ дѣтей природы, требуютъ плату за каждую новую сказку или даже за каждую фразу съ оборотомъ рѣчи, рѣдко употребляемымъ и поэтому еще неизвѣстнымъ.

Танъ.

Русская кустарная промышленность.

(По даннымъ послѣднихъ лѣтъ: 1894- 1899).

Слова и иллюзіи гибнутъ, факты остаются.

Кустарные промыслы въ настоящее время находятся въ періодѣ развитія. Всѣ факты, съ которыми намъ пришлось познакомиться, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Нужно только въ этомъ отношеніи разбить промыслы на двѣ группы: отстающихъ и прогрессирующихъ, и по отдѣльнымъ ступенямъ той и другой группы распредѣлятся всѣ существующіе ихъ виды.

Но развитіе кустарныхъ промысловъ—развитіе совсѣмъ особаго рода. Кустарнымъ промысламъ, какъ таковымъ, при измѣняющихся условіяхъ рынка и производства, скоро совсѣмъ не будетъ мѣста, и они или измѣнятъ постепенно свою организацію и довольно спокойно перейдутъ черезъ мануфактуру въ фабрику, или закончатъ циклъ своего развитія, дойдя до крайней степени бѣдствія, и принуждены будутъ на время совсѣмъ исчезнуть, чтобы затѣмъ черезъ нѣкоторый періодъ возникнуть уже въ совершенно новой, тоже фабричной, формѣ. Этотъ послѣдній процессъ—процессъ болѣе болѣзненный. Законъ развитія — законъ непреложный.

За немногими, очень немногими, исключеніями, всѣ кустарные промыслы или совершенно падаютъ, или выдѣляются изъ своей среды совершенно новую организацію. Поэтому-то, когда мы читаемъ отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности за послѣдніе годы, то намъ кидается въ глаза тотъ въ большинствѣ случаевъ минорный тонъ, жалобы, сѣтованія, что и прежде, только, пожалуй, въ еще большей степени. Оно и понятно: жизнь за это время сдѣлала новые успѣхи, и отсталыя явленія сдѣлались еще болѣе отсталыми, еще болѣе противорѣчащими измѣняющемуся строю. Любая книга, посвященная этому вопросу, изданная за послѣднія 5—6 лѣтъ, даетъ намъ обильный матеріалъ въ этомъ отношеніи и самые яркіе примѣры того, до какой степени бѣдности доходятъ рабочіе въ кустарныхъ промыслахъ, какъ низко опускается матеріальный уровень ихъ благосостоянія и производительность труда въ большинствѣ кустарныхъ производствъ.

Волгинъ въ своей книжкѣ *) остановился на вопросѣ опредѣленія понятія „кустарный промыселъ“ и указывать, что мнѣнія изслѣдователей и нашей „интеллигенціи“ очень различны. „Что такое кустарь? Обыкновенно наши „интеллигенты“ представляютъ его себѣ самостоятельнымъ производителемъ, который, правда, подвергается сильной эксплуатаціи со стороны скупщиковъ, но зато самъ никого не эксплуатируетъ и потому совершенно чуждъ всѣхъ грѣховъ капитализма“. Между тѣмъ изслѣдователи кустарныхъ промысловъ держатся, повидимому, нѣсколько иного мнѣнія и опредѣляютъ кустаря такъ: кустарь есть сельскій промышленникъ, не порвавшій связи съ землей и работающій при помощи семейныхъ и наемныхъ рабочихъ (числомъ не свыше 16) для рынка, а не по заказу случайнаго заказчика **). Изъ дальнѣйшихъ же изслѣдованій оказывается, что къ числу кустарей относятся также какъ порвавшіе связь съ землей, такъ и работающіе при помощи не только 16, но 30 и болѣе наемныхъ рабочихъ. Такъ, описывая условія работы въ столярномъ промыслѣ, Пономаревъ говоритъ: „Работа производится частью семейная, иногда же съ однимъ, двумя и болѣе наемными рабочими, дохода въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 30 и болѣе *человѣкъ* ***) (курсивъ нашъ). Въ производствѣ различныхъ издѣлій изъ мрамора въ селѣ Мраморскомъ, Екатеринбургскаго уѣзда, Пермской губ., на каждую мастерскую въ среднемъ „приходилось по 11,7 рабочихъ“ ****). Среди же кустарей, производителей сельско-хозяйственныхъ орудій, встрѣчаются и тѣющіе по 18—21 *человѣкъ* наемныхъ рабочихъ *****). Не будемъ уже въ этомъ отношеніи указывать на всѣмъ извѣстное положеніе кожевеннаго производства въ Нижегородской и особенно Тверской губерніяхъ, такъ какъ тамъ это явленіе принимаетъ еще болѣе крупныя размѣры, такъ же какъ, напр., въ Павловскомъ сталелесарномъ районѣ и нѣкоторыхъ другихъ промыслахъ. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, въ среду кустарей изслѣдователями относятся довольно крупныя мануфактуристы и даже фабриканты, что, по нашему мнѣнію, значительно измѣняетъ картину. Вмѣсто жалкаго кустаря, эксплуатируемаго со всѣхъ сторонъ, передъ нами часто оказывается предприниматель, обороты котораго нерѣдко достигаютъ десятковъ тысячъ рублей въ годъ, преспокойно эксплуатирующій болѣе или менѣе значительное число рабочихъ, маленькій капиталистъ, нисколько не нуждающійся въ нашемъ сожалѣніи.

Вмѣсто однородной, сѣрой массы кустарей, находящейся приблизительно въ одинаковыхъ почти условіяхъ существованія, мы видимъ массу достаточно разнообразную, въ среду которой уже въ замѣтной степени проникла дифференціація, представляющую довольно мѣста для классовыхъ противорѣчій и совсѣмъ не такъ легко укладывающуюся въ приготовленныя для нея рамки. Въ этомъ слу-

*) „Обоснованія народничества въ трудахъ г-на Воронцова“, 1896 г., стр. 199.

***) К. Вернеръ, „Кустарные промыслы Богородскаго уѣзда“, стр. 3, въ „Статистич. Ежегодникъ Московской губ.“ за 1890 годъ.

****) „Краткій обзоръ кустарныхъ промысловъ“, стр. 30.

*****) „Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности“, III, стр. 152.

*****) „Отчеты и изслѣдованія“, V, стр. 92.

чаѣ какъ разъ опять становится замѣтной борьба или развитіе въ кустарныхъ промыслахъ, которая мѣняетъ общую картину и изъ чистаго типа кустарнаго производства выдѣляетъ явленія, а иногда и цѣлыя отрасли промысла, стоящія на пути къ крупной мануфактурѣ и даже фабрикѣ.

Переходя къ положенію кустарныхъ промысловъ, мы, кромѣ указаннаго уже намп все болѣе усиливающагося паденія ихъ или, по крайней мѣрѣ, плачевнаго положенія, замѣчаемъ несомнѣнное ихъ разложеніе. Разложеніе это заключается какъ въ томъ, что понемногу исчезаютъ ихъ отличительныя черты и особенности, заставлявшія многихъ изслѣдователей относиться къ нимъ съ особеннымъ сочувствіемъ, такъ и въ томъ, что они теряютъ свой чистый характеръ и, подчиняясь извѣстному виду развитія, исчезаютъ въ одной формѣ для того, чтобы возродиться въ другой.

Представляя этотъ процессъ, намъ по необходимости придется остановиться на тѣхъ причинахъ, которыя въ особенности содѣйствуютъ паденію кустарнаго производства. Отчасти эти причины внѣшняго характера, отчасти внутренняго, относящагося къ самой организаціи промысловъ. Внѣшнихъ враговъ у нихъ если и не слишкомъ много, то зато они всѣ — враги очень опасные. На первомъ мѣстѣ среди нихъ мы должны поставить крупное производство, является ли оно въ видѣ фабрики, снабженной усовершенствованными машинами, или мануфактуры, пользующейся коопераціей и самымъ широкимъ раздѣленіемъ труда. Въ томъ и другомъ случаѣ,—машина ли является его соперницей, или кооперація работниковъ, соединенныхъ въ одно цѣлое силой капитала,—но улучшенная техника и усиленная производительность труда заставляютъ кустаря уступать поле дѣйствія. Конечно, процессъ этотъ совершается довольно долгое время и кустарь не такъ-то скоро сдается, пытается на первыхъ порахъ конкуррировать, противопоставляя паденію цѣнъ на свои продукты чрезвычайное удлиненіе рабочаго дня и доводя свои жизненныя потребности до крайняго *minimum'a*, но такіе приемы борьбы являются плохимъ залогомъ успѣха, и ему или приходится идти на ту же фабрику въ наемныя рабочіе, или работать на нее у себя дома, при такъ называемой домашней системѣ крупной промышленности, или совсѣмъ бросать производство и искать себѣ какихъ-либо другихъ занятій. Различныя изслѣдованія по кустарной промышленности даютъ намъ для этого обильный матеріалъ. Не говоря уже о такихъ производствахъ, какъ кожевенное или слесарное, гдѣ концентрація дѣлаетъ чрезвычайныя успѣхи, и въ другихъ производствахъ замѣчается тотъ же процессъ, не вездѣ проявляющійся въ тѣхъ же формахъ, но всюду представляющій одну и ту же тенденцію.

Такъ, въ кожевенномъ промыслѣ экономическая его постановка встрѣчается въ двухъ типичныхъ видахъ: работа на заводахъ у хозяевъ и самостоятельная работа. Первая форма встрѣчается, напр., въ Нижегородской губ., вторая—въ Курской и малороссійскихъ губерніяхъ. Въ Нижегородской губерніи мелкая кожевенная промышленность уже въ значительной мѣрѣ *потеряла кустарный характеръ* (курсивъ нашъ), который она имѣла еще въ сравнительно недавнее время; здѣшнее кожевенное дѣло имѣетъ теперь видъ мелкой заводской про-

мышленности, которая въ наукѣ известна подъ именемъ „мануфактуры“, потому что машины въ кожевенномъ дѣлѣ почти не встрѣчаются. *Развитіе крупныхъ заводовъ ограничило число кустарныхъ кожевенъ* (курсивъ нашъ), оставивъ имъ только выдѣлку самыхъ низкихъ сортовъ товара для мѣстнаго потребленія *). Еще яснѣе выступаетъ положеніе того же промысла въ Нижегородской губ. по словамъ Плотникова: „Преобладающій видъ работы—наемный трудъ въ чужой мастерской“. Напр., с. Богородское, центръ Горбатовскаго кожевеннаго района, представляетъ одинъ огромный кожевенный заводъ съ непрерывающейся промышленной дѣятельностью.

Преобладающая форма труда наглядно выражается слѣдующей табличкой:

РАБОТАЮТЪ:	Дворовъ:	Работниковъ:
Въ работникахъ въ чужой мастерской	788	877
На хозяина у себя	150	182
На продажу у себя	123	181
Итого . . .	1061	1241

Т. е. изъ 1.061 двора и 1.240 рабочихъ 938 дворовъ (88% общаго числа) и 1.059 (85% общаго числа) работали на хозяина, т. е. были наемниками, а не кустарями, и только 123 двора съ 181 рабочими сохранили еще типъ чистой кустарной организаціи. Тѣмъ не менѣе производство сильно сокращается, на что указываютъ, напр., размѣры производства въ селѣ Катункахъ, гдѣ въ 50-хъ годахъ было до 40 заводовъ, а количество выработываемаго опойка доходило до 1.200.000 шт.; между тѣмъ какъ въ 1892 году—только 11 заводовъ и выработка понизилась до 300.000 шт., причѣмъ въ качествѣ главныхъ причинъ указаннаго явленія могутъ быть приведены: 1) конкуренція петербургскихъ кожевенныхъ заводовъ, 2) недостатокъ свободныхъ капиталовъ, препятствующій улучшенію производства, 3) невозможность закупокъ сырья въ кредитъ и 4) недоброкачественность этого сырья **), т. е., по-нашему, недостаточная капитализація производства, ибо только тогда, когда мѣстные заводы подымутся на техническую высоту петербургскихъ заводовъ, конкуренція для нихъ станетъ возможной. Возможность же такихъ техническихъ усовершенствованій можетъ быть дана лишь съ дальнѣйшимъ усиленіемъ концентраціи производства въ немногихъ рукахъ; тогда падающій промыселъ, вѣроятно, подымется. Въ Казанской губерніи, въ центрѣ кожевеннаго промысла, въ селѣ Богородскомъ (Шереметевкѣ), Чистопольскаго уѣзда, находится 46 заводовъ съ 230 рабочими ***) . Въ Тамбовской губ., въ поселкѣ Бѣлая Поляна, въ настоящее время, „при 300 домохозяевахъ, едва можно насчитывать до 40 кожевенныхъ заводовъ, изъ которыхъ работаютъ основательно не болѣе 10 заводовъ“. Значительная часть населенія отклонилась отъ этого

*) „Краткій обзоръ кустарныхъ промысловъ“, стр. 83.

**) Плотниковъ, стр. 226.

***) „Отчеты и изслѣдованія по кустарн. промышлен. въ Россіи“, томъ V, 1898 г., стр. 259.

промысла и перешла къ сапожному и шорному дѣлу, „бѣднѣйшая часть населенія (почти $\frac{1}{3}$ домохозяевъ), хотя и участвуетъ въ кожевенномъ производствѣ, но лишь въ качествѣ рабочихъ на кожевенныхъ заводахъ той же слободы *)“. Въ Московской губерніи кустарныхъ кожевенныхъ заведеній, по изслѣдованію, произведенному въ 1897 г., оказалось 50; при ближайшемъ ихъ осмотрѣ выяснилось, что только 21 заведеніе имѣетъ кустарный характеръ производства, а остальные 29—переходный къ мелкой промышленности, т. е. „характерной чертой промысла является преобладаніе болѣе крупныхъ заведеній съ переходнымъ характеромъ производства къ мелкой фабричной промышленности надъ мелкими кустарными“. При этомъ интересно замѣтить, что въ обработкѣ высшихъ сортовъ кожи, т. е. въ приготовленіи сафьяна и опочечно-лакировочныхъ заведеній, преобладаютъ заведенія „даже съ вполне фабричнымъ характеромъ“. Высшая техника требуетъ и болѣе развитой экономической организаціи. Такъ, цитируемый нами отчетъ говоритъ: „Изъ разсмотрѣнныхъ мною сафьяно-лаечныхъ заведеній только одно имѣетъ характеръ кустарный, остальные, какъ по размѣрамъ, такъ и по количеству рабочихъ, относятся скорѣе къ типу фабричныхъ **)“ (Курсывъ нашъ).

Въ остальныхъ производствахъ изъ кожи, какъ, напр., въ сапожномъ, чуть ли не еще болѣе замѣтна такая капитализація промысла. Мы обратимся къ отчету г. Пономарева о кимрскомъ сапожномъ промыслѣ въ Тверской губерніи. Экономическая постановка дѣла выясняется изъ слѣдующихъ словъ: кустарей-сапожниковъ кимрскаго района можно раздѣлить на 4 группы: 1) хозяева большихъ сапожныхъ мастерскихъ, которыхъ всего 5—6 человекъ, имѣющихъ обороты въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ и ведущихъ дѣла на коммерческомъ основаніи; 2) хозяева средняго размѣра мастерскихъ, весьма многочисленныхъ и распространенныхъ по всему кимрскому району. Въ число ихъ входятъ какъ мелкія, почти кустарныя заведенія, такъ и такія, въ которыхъ работаютъ отъ 20 до 30 наемныхъ работниковъ; 3) одиночки, работающіе у себя на дому или на хозяйствѣ первыхъ двухъ группъ, или на рынокъ, и, наконецъ, 4) наемныя рабочіе,—мастера, подмастерья и мальчики,—работающіе въ крупныхъ чужихъ мастерскихъ. Такимъ образомъ, изъ этихъ четырехъ группъ только часть третьей можетъ быть названа кустарями въ тѣсномъ значеніи этого слова, такъ какъ и изъ нихъ многіе работаютъ „на хозяйствѣ первыхъ двухъ группъ“, знаменуя собой „домашнюю систему крупнаго производства“, и побѣда крупнаго производства не заставитъ себя ждать. Интересно тутъ еще между прочимъ и то, что „вся лучшая и вообще болѣе цѣнная обувь... изготовляется въ крупныхъ мастерскихъ, гдѣ хозяева—люди зажиточные, завязавшіе прямые сношенія съ отделенными рынками“. Крупное производство беретъ не только количествомъ, но и качествомъ ***). Формы сапожнаго промысла въ Вятской губерніи таковы же.

*) „Отчеты и изслѣдованія по кустарн. промысл.“, III, 1895 г., стр. 56.

**) „Отчеты и изслѣдованія по кустарн. промысл.“, т. IV, 1897 г., стр. 245—7 и 258.

***) „Отчеты и изслѣдованія кустарн. промысл.“, т. III, 1895 г., стр. 40—41.

какъ и въ кимрскомъ районѣ: здѣсь встрѣчаются промышленники отъ мелкаго одиночки до крупнаго капиталиста *). Несомнѣнно, что какъ тамъ, такъ и тутъ крупное производство не замедлитъ въ непродолжительный срокъ уничтожить этихъ одиночекъ, такъ какъ кромѣ раздѣленія труда у него не мало преимуществъ, — болѣе совершенныя орудія, наличность нѣкотораго капитала, дающаго возможность выждать со сбытомъ, переждать время застоя въ производствѣ и проч. Таково положеніе въ этой отрасли кустарныхъ промысловъ. Теперь нѣсколько словъ о положеніи дѣла въ павловскомъ сталеслесарномъ районѣ. Въ павловскомъ районѣ мы встрѣтимся съ самыми разнообразными формами организаціи промысла, начиная отъ чисто-семейной и ковчя фабричной, работающей паромъ. При этомъ Плотниковъ, описывающій этотъ промыселъ, хотя и съ нѣкоторой неохотой, все-таки сознается, что, „конечно, чѣмъ болѣе расширяется примѣненіе къ производству пара и сложныхъ механизмовъ, тѣмъ болѣе павловскія фабрики приближаются къ типу фабрикъ въ настоящемъ смыслѣ; нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи уже обнаруживаются за последнее время **)*“. Различные виды производствъ, свойственныхъ павловскому району, въ разной мѣрѣ захвачены въ настоящее время фабрикою, смотря по степени развитія специализаціи различныхъ частей промысла и раздѣленія труда ***)*, т. е. смотря по большей или меньшей отсталости промысла. Всего менѣе раздѣленіе труда проникло въ замочный промыселъ... однако и замочное кустарное производство не есть чисто-семейное: въ мастерской замочнаго кустаря, рядомъ съ собственнымъ, практикуется въ довольно значительныхъ размѣрахъ и наемный трудъ; затѣмъ есть мастера, на которыхъ работаютъ кустари на домахъ въ самомъ Павловѣ и еще болѣе въ деревняхъ. Производство столоваго и ремесленнаго ножа — промыселъ съ наиболѣе развитымъ обособленіемъ труда—уже въ значительной степени приближается къ фабричному или, правильнѣе, мануфактурному типу... „борьба ведется здѣсь уже между *мелкою и крупною мануфактурою*“ (курсивъ нашъ), а не между мануфактурою и чисто кустарною формою производства ****). Производство подпилковъ (такъ же, какъ и въсовыхъ коромыселъ, лопатъ и топоровъ) организовано почти совсѣмъ *по типу фабрики или домашней формы крупной промышленности. Самостоятельныхъ кустарныхъ единицъ въ этихъ видахъ промысла почти не встрѣчается* (курсивъ нашъ) **). Такимъ образомъ, и въ сталеслесарномъ производствѣ замѣчается прогрессъ и тенденція къ постановкѣ промысла на капиталистическую ногу, ибо условія конкуренціи требуютъ совершенствованія производства, а оно невозможно безъ болѣе или менѣе широкаго раздѣленія труда и примѣненія машинъ, что и означаетъ собою переходъ къ фабричной организаціи. Въ отношеніи ткацкаго производства положеніе, кажется, еще болѣе извѣстно, но такъ какъ тутъ имѣ-

*) „Краткій обзоръ кустарныхъ промысловъ“, стр. 85.

**) Плотниковъ, „Кустарные промыслы Нижегородской губ.“, стр. 181—2.

***) Тамъ же, стр. 182.

****) Плотниковъ, „Кустарные промыслы Нижегородской губ.“, стр. 182.

*****) Тамъ же, стр. 183.

ются нѣкоторыя отличительныя особенности, то приведемъ нѣсколько краткихъ свѣдѣній. Въ началѣ текущаго столѣтія въ Ярославской губерніи производство имѣло характеръ чисто домашній. „Но съ начала 50-хъ годовъ стала проникать сюда машинная пряжа, вытѣсняя все болѣе и болѣе ручную. Веретена и самопрядки умолкли; положеніе ткачей и ткачихъ съ этого времени измѣнилось... ткачи работали попрежнему въ своихъ избахъ или особыхъ „свѣтелкахъ“, но... не покупали за свой счетъ пряжу, а получали ее отъ торговцевъ; иными словами, кустари работали не для непосредственнаго сбыта на рынкѣ, а по заказу коммерческихъ конторъ и агентовъ. Первоначально конторы эти только раздавали пряжу, не участвуя въ снованьи и отдѣлкѣ пряжи, но съ 60-хъ годовъ владельцы конторъ нашли болѣе выгоднымъ устраивать свои сновальни и бѣлильныя заведенія. Такимъ образомъ *характеръ производства значительно измѣнился*“ (курсивъ нашъ) *). Это замѣчаетъ самъ г. Пономаревъ, да и трудно не замѣтить этого, когда кустари превратились въ настоящихъ рабочихъ этихъ агентовъ, устроившихъ „свои сновальни и бѣлильныя“ и не соединившихъ кустарей подъ своею властью лишь потому, что при такомъ домашнемъ способѣ производства имъ оно обходилось гораздо дешевле, да и доставляло менѣе хлопотъ. Съ измѣненіями въ технику ткачества, введеніемъ стана - самолета съ двумя челноками, „кромя изобъ, работа стала производиться въ особыхъ помѣщеніяхъ— „свѣтелкахъ“. Послѣднія сдѣлались необходимы потому, что, при значительномъ требованіи на полотно, зажиточнымъ кустарямъ приходилось нанимать 2—3 рабочихъ, а ставить 3—4 станка въ обыкновенной избѣ было невозможно **). Строй производства потерялъ несомнѣнно значительныя измѣненія: даже въ самой средѣ кустарей начинаетъ происходить нѣкоторая дифференціація и являются болѣе „зажиточныя“, которые и фигурируютъ уже въ роли нанятелей. Схема становится болѣе сложной: агентъ, зажиточный кустарь-мастерокъ и, наконецъ, бѣднота, нанимающаяся работать. „Домашнее ткачество (бумажное) въ Богородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, группируется здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, вблизи крупныхъ бумаготкацкихъ фабрикъ. Вообще большое развитіе фабричнаго ткачества въ данной мѣстности всегда сопровождается подобнымъ же развитіемъ въ томъ районѣ и домашняго ткачества. Въмѣсто антагонизма, какъ казалось бы, неизбежнаго между двумя формами одного и того же производства, замѣчается обратное... Вообще въ Московской и Владимірской губ. часто встрѣчаются случаи, когда бумаготкацкія фабрики расширяютъ производство не увеличеніемъ числа своихъ фабричныхъ рабочихъ, а путемъ раздачи основы для тканья въ крестьянскія избы и свѣтелки; иными словами, въ подобныхъ случаяхъ практикуется такъ называемая *домашняя система крупнаго фабричнаго производства*. Такимъ образомъ, при упомянутой системѣ производства, фабриканты могутъ успѣшно приспособляться къ требованіямъ рынка, не затрачивая единовременно значительной суммы на устройство фабричныхъ зданій, вы-

*) „Краткій обзоръ кустарныхъ промысловъ“, стр. 2.

**) Тамъ же, стр. 3.

писку машинъ и т. п. *). Последнее явленіе г. Пономаревъ объясняетъ тѣмъ, что „наши фабрики создаются на почвѣ кустарничества и, въ свою очередь, питаютъ и поддерживаютъ его“, но мы позволимъ себѣ не согласиться съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго изслѣдователя, представляющимъ къ тому же и не новость въ народнической литературѣ **). Мы позволимъ себѣ тѣмъ съ болѣе правомъ не согласиться въ данномъ случаѣ, что даже исторически, въ особенности относительно бумаготкацкаго промысла, дѣло обстояло далеко не такъ. Развѣіе многихъ кустарныхъ промысловъ часто шло совершенно инымъ путемъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Такъ хлопчатобумажныя фабрики возникаютъ у насъ въ концѣ XVIII вѣка, устроенныя иностранными капиталстами. „Крупныя фабрики преобладаютъ, затѣмъ наблюдается, съ точки зрѣнія обычной теоріи, странное явленіе. Фабрика порождаетъ кустаря: быстро развивается кустарная набойка (особенно въ Шуйскомъ уѣздѣ), и фабрика не только не поглощаетъ кустарной промышленности, но, напротивъ, поглощается ею... На бумаготкацкихъ фабрикахъ XVIII вѣка ткачество производилось въ самомъ фабричномъ зданіи. Но такъ какъ процессъ ручного ткачества очень простъ, то фабриканты не замедлили убѣдиться въ выгодности отдавать пряжу для тканья крестьянамъ на домъ. Уже въ концѣ XVIII вѣка мы встрѣчаемъ бумажныхъ фабрикантовъ, раздающихъ пряжу по домамъ. Въ XIX вѣкѣ этотъ обычай быстро распространяется, и домашнее ткачество вытѣсняетъ фабричное... Фабрика разлагается и возникаетъ домашняя наемная работа. Не домашняя промышленность порождаетъ фабрику, а, наоборотъ, фабрика порождаетъ домашнюю промышленность“ ***). Развѣіе идетъ, повидному, обратнымъ путемъ. Но это странное явленіе вполне объясняется условіями техники того времени. Преимущества крупнаго производства были чрезвычайно малы, приемы производства были очень просты, легко поддавались изученію, орудія стояли дешево, соединеніе большого числа рабочихъ въ фабричномъ зданіи своими выгодами не могло перевѣсить сопряженныхъ съ ними расходовъ, и вотъ вмѣсто фабрики возникаетъ домашняя форма крупнаго производства. Производство вслѣдствіе этого не становится, конечно, самостоятельнымъ, народнымъ, — оно остается капиталистическимъ, ибо наемная форма нѣсколько не мѣняетъ содержания. Тотъ же капиталъ прежнихъ фабрикантовъ руководитъ производствомъ и даетъ ему то или другое направленіе. Выгода одного способа даетъ ему существенный перевѣсъ, и производство принимаетъ иную форму. Здѣсь особенно наглядно, какъ способы производства, или техника, конструируютъ экономическія отношенія по тому или другому типу. Такимъ образомъ, существованіе фабрикъ на основаніи кустарничества, не только не уничтожающее кустарнаго производства, а наоборотъ, содѣйствующее ему, вовсе не доказываетъ, какъ думаютъ народники, „отсутствія антагонизма между этими обѣими формами, а лишь

*) „Краткій обзоръ кустарныхъ промысловъ“, стр. 6.

**) См. ст. Красноперова въ „Сборникѣ пермскаго земства“ за 1889 г., № 6, стр. 3—4.

***) М. Туганъ-Барановскій, „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ“, т. I, 1898 г., стр. 209—210

указывает на очень отсталую технику производства. Мѣняется эта послѣдняя, является машина, и картина принимает совершенно иной видъ. Кустари исчезаютъ, свѣтелки прекращаютъ работу, и весь центр тяжести переносится въ фабричныя зданія. Начинается обратный процессъ постепеннаго вытѣсненія кустарей изъ производства. Это мы видимъ не только въ хлопчато-бумажномъ ткацествѣ, но и во многихъ другихъ производствахъ. Послѣдніе годы представляютъ яркую картину такого обратнаго процесса. Промышленный капиталъ, уступившій на время свое мѣсто торговому капиталу, при переходѣ отъ фабричнаго способа производства къ системѣ домашней крупной промышленности, опять вступаетъ въ свои права. Считаемо необходимымъ замѣтить, что такъ обстояло дѣло не въ одной хлопчато-бумажной промышленности, а и во многихъ другихъ. Такъ, по мнѣнію г. Туганъ-Барановскаго, „изъ 141 т. крестьянъ, занятыхъ въ мелкомъ товарномъ, не земледѣльческомъ производствѣ Московской губерніи, не менѣе 82 тыс. (т. е. около 59% работающихъ) заняты въ промыслахъ, непосредственно созданныхъ фабрикой или крупной мастерской (сюда относятся бумажное, шерстяное и шелковое ткачество, ткачество позумента, бахромы, размотка бумаги, шелка и шерсти, патронный промыселъ, игрушечный, шитье перчатокъ, щеточный промыселъ, производство пуховыхъ шляпъ, канительный, золото-кружевной и другіе, болѣе мелкіе промыслы“ *). Что же касается собственно хлопчато-бумажнаго, производства, то табличка, приведенная въ томъ же изслѣдованіи, показываетъ такое отношеніе между фабрикой и кустарной промышленностью.

Число рабочихъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи:

Годы:	Работающихъ въ фабричномъ зданіи:	На дому:
1866	94.566	66.178
1879	162.691	50.152
1894—95	242.051	20.475

„Мы видимъ, — пишетъ по этому поводу г. Туганъ-Барановскій **), — что число рабочихъ въ фабричномъ зданіи растетъ, а на сторонѣ — столь же быстро падаетъ. Въ 1866 г. цифра домашнихъ рабочихъ достигала 70% работающихъ въ фабричномъ зданіи, а въ 1894—95 гг. домашніе рабочіе составляли только 8% этихъ послѣднихъ. До 60-хъ годовъ домашняя система разлагала фабрику, съ этого времени фабрика стала замѣщать домашнюю промышленность“.

Не желая вдаваться въ повторенія, мы не будемъ приводить слишкомъ общезвѣстныхъ фактовъ, указывающихъ на побѣду крупнаго производства, вооруженнаго машиной, въ этой промышленности, и ограничимся лишь самыми послѣдними данными, могущими представить нѣкоторый интересъ, причемъ для большей наглядности будемъ придерживаться данныхъ Московской губерніи, представляющей, ксати, въ этомъ отношеніи обширное поле для наблюденій, въ качествѣ одного изъ центровъ нашей бумаготкацкой промышленности. Въ „Статистическомъ

*) „Фабрика“, стр. 242.

**) Ibid., стр. 420.

ежегодникъ Московской губерніи“ за 1895 г. указывается, что „машинное производство занимаетъ особенно угрожающее положеніе по отношенію къ бумажному ткачеству, и въ этомъ послѣднемъ преимущественно къ производству ручнымъ способомъ дешевыхъ гладкихъ бумажныхъ матерій, такъ какъ выдѣлка этихъ послѣднихъ на механическомъ станкѣ въ 20 разъ слишкомъ производительнѣе ручного способа“ *). Участъ производства шелковыхъ, бархатныхъ и парчевыхъ тканей менѣе озабочиваетъ автора этого отчета, такъ какъ онъ надѣется, что „многія изъ нихъ совсѣмъ не могутъ производиться машиннымъ способомъ“, или если и могутъ, то съ небольшою лишь выгодой. Но мы посовѣтовали бы ему быть поосторожнѣе въ своихъ оптимистическихъ выводахъ относительно этого пункта, такъ какъ въ техникѣ всякія предсказанія такого рода нужно дѣлать съ большою оглядкой. То, что было невозможнымъ вчера, становится возможнымъ сегодня, и немногимъ далѣе въ одной изъ корреспонденцій уже указывается, что, „съ введеніемъ механическихъ самоткацкихъ станковъ и для шелковыхъ матерій, ручное шелковое ткачество начинаетъ падать“ **), а въ заключеніе относительно всего ткацкого дѣла приводится мнѣніе, что „общая болѣзненная напряженность промысла въ его борьбѣ съ механическимъ станкомъ продолжается“ ***).

Уже въ 1897 году, напр., оптимизмъ нашего изслѣдователя расхолаживается слѣдующимъ сообщеніемъ изъ Богородскаго уѣзда: „По словамъ ткачей, работающихъ въ Москвѣ, ручная шелковая работа переходитъ на машинную паровую, для чего приспособляется, какъ двигатель, электричество. Даже фасонная работа стала работаться на самоткацкихъ станкахъ, не говоря уже о гладкихъ матеріяхъ ****).

Очевидно, вытѣсненіе ручного ткачества идетъ полнымъ ходомъ. Въ работѣ бумажныхъ тканей также замѣчается дальнѣйшій прогрессъ, а именно: изъ Бронницкаго уѣзда: „Товаръ шелъ похуже прошлаго года и продавался дешевле на 2, на 3⁰/₁₀; Волоколамскаго уѣзда: „Фабричный промыселъ былъ тише; товаръ былъ дешевле и хуже брали... Выручка хозяевъ была ниже...“ „Въ здѣшней мѣстности развито ручное фабричное ткачество; вырабатываются бумажныя ткани, марля, кисея, одѣяла. Противъ прошлаго года потише... Мелкія мастерскія въ нынѣшнемъ году поштучно получали плату гораздо ниже. Остановокъ не замѣчалось, а цѣны были пониженны“; изъ Московскаго уѣзда: „Въ тесемочно-ткацкихъ заведеніяхъ, безъ уменьшенія числа рукъ, замѣчается пониженіе цѣнъ на тесьму“ *****). Очевидно, послѣ 1896 года, когда всѣ почти корреспонденціи указывали на одинаковое съ прошлымъ годомъ состояніе промысла, производство сдѣлало дальнѣйшіе успѣхи. По крайней мѣрѣ изъ всѣхъ этихъ отзывовъ слышится одно: замѣтное ухудшеніе положенія кустарей, очевидно вслѣдствіе конкуренціи машины.

*) „Ст. ежегод.“. Промыслы, стр. 9.

**) Тамъ же, стр. 11.

***) Тамъ же, стр. 13.

****) „Ст. ежегодн. Московской губ.“, 1897. Промыслы, стр. 19.

*****) „Ст. ежегодн. Московской губ., 1897 г.“. Промыслы, стр. 20—21.

„Статистическій ежегодник“ за 1898 годъ сообщаетъ въ этомъ отношеніи еще болѣе опредѣленные свѣдѣнія. Изъ Бронницкаго уѣзда пишутъ: „Заработная плата за выдѣлку нанки и тика была нѣсколько понижена противъ прошлаго года... выручка мастеровъ-хозяевъ была ниже прошлагодней... Менѣе крупныя фабриканты бумажныхъ матерій сократили производство... Машинное производство этихъ матерій вытѣсняетъ домашнюю ихъ выработку. Большая часть товара идетъ на азіатскіе рынки; цѣны на него понизились“. „Положеніе фабричныхъ работъ (вѣроятно, рабочихъ) и живущихъ ручнымъ ткачествомъ въ Усмерской волости (с. Безсоново) было въ прошлую зиму самое безотрадное“. „Ручное бумажное ткачество сильно вытѣсняется машиннымъ“. „Тамъ, гдѣ живутъ только ручнымъ ткачествомъ, населеніе находится въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Даже ручные мануфактуристы не особенно богатѣютъ, а которые разбогатѣютъ, стараются поставить высокую трубу со свисткомъ, а около высокихъ трубъ и ближнія селенія поновятся“ (курсивъ нашъ). „Фабричнаго люда все увеличивается, потому что около крестьянства не оправдаешь для прожитія“ *).

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, въ ткацкомъ производствѣ дни ручного ткачества сочтены, и машина все болѣе и болѣе оттѣсняетъ ручную работу. Тѣмъ не менѣе не можемъ сказать, чтобы въ самую основу организаціи производства это вносило такія ужъ большія измѣненія въ смыслѣ уничтоженія самостоятельности производителей и возникновенія капиталистическаго производства на мѣстѣ „народнаго“. Кустари, работавшіе на фабрикантовъ изъ матеріала послѣднихъ, по цѣнамъ, устанавливавшимся тѣми же фабрикантами, были не менѣе несамостоятельны, чѣмъ когда они перейдутъ на фабрику въ видѣ наемныхъ рабочихъ. Поэтому, когда приходится читать, что данный промыселъ находится въ рукахъ 2-хъ, 3-хъ скупщиковъ и работа производится изъ матеріала, раздаваемого тѣми же скупщиками, то всякій непредубѣжденный читатель придетъ къ выводу, что этотъ промыселъ капитализировался, ибо кустари сохраняютъ только тѣнь своей самостоятельности, находясь въ полной зависимости отъ скупщиковъ, представляя почти въ полномъ значеніи этого слова наемныхъ рабочихъ этихъ послѣднихъ.

Въ такомъ же положеніи, находятся за очень малыми исключеніями, всѣ наши промыслы, что даетъ намъ право говорить объ ихъ капитализаціи, такъ какъ если не промышленный, то торговый капиталъ организовалъ ихъ и держитъ въ полномъ повиновеніи своему могуществу. Дѣло тутъ заключается только въ томъ, какая форма выгоднѣе. Получаетъ преимущество промышленный капиталъ—и онъ строитъ фабрику или соединяетъ кустарей въ мануфактурѣ, не выгодно это, не доразвилось до такой степени производство,—торговый капиталъ захватываетъ надъ ними свою власть, — но и въ томъ, и въ другомъ видѣ мы имѣемъ не „народное“ производство, а капиталистическое. Поэтому въ дальнѣйшемъ мы и будемъ, между прочимъ, указывать и на такую торгово-капиталистическую орга-

*) „Ст. ежегодн.“, 1899 г. Промыслы, стр. 28, 29, 30.

низацию промысловъ, пока же переходимъ къ указаніямъ на побѣды крупнаго особенно машиннаго производства, въ другихъ отрасляхъ кустарной промышленности. Не будемъ при этомъ вдаваться въ излишнія подробности, такъ какъ по этому вопросу уже не разъ приводились краснорѣчивыя данныя, укажемъ хотя бы на книгу г. Туганъ-Барановскаго „Русская фабрика“, гдѣ въ предпоследней главѣ представленъ краткій обзоръ успѣховъ крупнаго производства въ различныхъ промыслахъ; ограничимся только указаніями на данныя самыхъ послѣднихъ лѣтъ и нѣкоторые особенно яркіе факты, причѣмъ особое вниманіе въ заключеніе посвятимъ Московской губерніи, какъ представляющей по вопросу о кустарныхъ промыслахъ особый интересъ.

Обращаясь затѣмъ къ деревообрабатывающимъ промысламъ, такъ какъ на нихъ всегда съ особымъ упованіемъ глядѣли народники, утверждая, что тутъ ужь чистая форма народнаго производства навѣрное сохранится. Мы видѣли, что явленія послѣднихъ лѣтъ далеко не оправдали этихъ надеждъ. Если машина и не вытѣснила ручного труда въ промыслахъ по обработкѣ дерева, то другія причины съ одной стороны вели къ полному упадку нѣкоторыхъ изъ деревообрабатывающихъ промысловъ, а съ другой стороны выдвигали или изъ самой среды кустарей, или со стороны болѣе состоятельные элементы, которые организовали производство по новому типу, гдѣ капиталъ игралъ уже большую роль. Кромѣ того и конкуренція издѣлій другихъ отраслей за послѣднее время сильно отгѣсняетъ продукты нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ промысловъ. Такъ, напр., съ рогожными кулями съ каждымъ годомъ все болѣе успѣшно конкурируютъ холщевые и джутовые мѣшки, а производству лаптей грозитъ неизбежный упадокъ, „вслѣдствіе вздорожанія лыка и конкуренціи кожанаго и валенаго сапога *). Прогрессъ сказывается во всемъ, — и въ уменьшеніи спроса на такіе предметы, какъ рогожные кули и лапти, которые, съ дальнѣйшимъ развитіемъ нашихъ другихъ производствъ, вѣроятно, черезъ нѣкоторое время отойдутъ въ исторію. Однако, пока что, капитализация рогожнаго промысла дѣлаетъ несомнѣнные успѣхи. Плотниковъ, отмѣчая тяжелыя времена, наставшія для рогожниковъ, говоритъ: „Многіе нижегородскіе купцы для большей выгоды стали приглашать ветлужскихъ рогожниковъ ткать рогожи у нихъ въ ихъ заведеніяхъ, въ такъ называемую „точу“, и число такихъ, уходящихъ на осень и зиму, рогожниковъ съ каждымъ годомъ все болѣе увеличивается... Ветлужскіе крестьяне ткуть рогожи или самостоятельно, или въ „точу“, т. е. по заказу на богатыхъ крестьянъ. Къ этой послѣдней категоріи рогожниковъ принадлежать двѣ трети домохозяевъ, занимающихся рогожнымъ промысломъ **). Такимъ образомъ большинство (2/3) самостоятельныхъ производителей превратились въ наемныхъ рабочихъ, а условія промысла для остальныхъ сильно ухудшаетъ конкуренція своихъ же отхожихъ работниковъ“, работающихъ по найму у капиталистовъ — нижегородскихъ куп-

*) Плотниковъ, „Промыслы Нижегородской губ.“, стр. 133.

***) „Кустарные промыслы“, стр. 117.

цовъ. Въ такомъ положеніи находится дѣло въ Ветлужскомъ уѣздѣ, но и въ Лукояновскомъ оно обстоитъ не лучше. Свѣдѣнія послѣдняго времени указываютъ на печальный кризисъ, постигшій Лукояновскій уѣздъ. „Ремесло это приходитъ въ упадокъ, копейка достается пѣтомъ и кровью да безсонною ночью“. Тамъ, гдѣ въ прошлые годы ткали кули, окончательно перешли на выработку рогожъ: джутовые мѣшки вытѣснили здѣшніе кули. На базарахъ торговля мочальнымъ товаромъ сократилась, рогожи ткуть по заказу богатыхъ людей, которые наѣзжаютъ и раздаютъ по селамъ работу... Рогожи возятъ въ Москву на фабрику Морозова и др. Такимъ образомъ, мы видимъ появленіе и развитіе той формы промысла, которая составляетъ теперь особенность ветлужскаго рогожничества, т. е. работы въ „точу“ *). Описывая же положеніе промысла въ деревнѣ Кистеневой, Сергачскаго уѣзда, гдѣ промысломъ занимается до 800 человекъ, тотъ же авторъ говоритъ: „Изъ всѣхъ этихъ промышленниковъ лишь 5 семействъ съ 43 рабочими лицами ведутъ свое дѣло самостоятельно, сами на свои средства... всѣ же остальные работаютъ исключительно по заказу трехъ лицъ: двухъ мѣстныхъ крестьянъ и въ особенности третьяго—крестьянина села Анастасьевки г. Дамаскина (100 семействъ)“ **).

Кажется, довольно ясно выступаетъ организація даннаго промысла въ Нижегородской губерніи, не давая права сомнѣваться въ отсутствіи въ немъ особой „самостоятельности“ и господства „народнаго“ производства. Въ Костромской губерніи промыселъ этотъ сосредоточивается въ рукахъ крупныхъ хозяевъ, на которыхъ остальные крестьяне работаютъ по заказамъ, получая отъ нихъ нужный матеріалъ и имъ же сдавая изготовленные рогожи“ ***). Капитализація промысла въ полномъ ходу, и, вѣроятно, не долго заставитъ ждать себя то время, когда самостоятельные мелкіе производители изъ него совершенно исчезнутъ.

Что касается столярнаго производства, то относительно него изслѣдователи не только не высказываютъ опасеній, но даже предсказываютъ ему блестящее развитіе.

Пономаревъ, напр., пишетъ: „Кустарный мебельный промыселъ по мѣрѣ улучшенія культурной обстановки нашей городской жизни долженъ, конечно, развиваться; при этомъ кустарное столярное производство долгое время будетъ успѣшно конкурировать съ городскимъ этого рода производствомъ, механическое же фабричное производство въ этомъ дѣлѣ, повидимому, не скоро привьется. Въ виду всего этого кустарный мебельный промыселъ можетъ имѣть значительную будущность“ ****).

Этотъ промыселъ въ самомъ дѣлѣ принадлежитъ къ числу довольно хорошо поставленныхъ, къ числу тѣхъ немногихъ оазисовъ, которые вырисовываются на

*) Плотниковъ, стр. 124.

**) Тамъ же, стр. 126.

***) „Отчеты и изслѣдованія по кустарной промышленности въ Россіи“, т. III, 1895 г., стр. 64.

****) „Краткій обзоръ кустарныхъ промысловъ“, стр. 32.

безбрежномъ морѣ общаго паденія кустарнаго производства. Но однако въ московскомъ кустарно-мебельномъ районѣ „работа производится частью семейная, иногда же съ однимъ, двумя и болѣе наемными рабочими, дохода въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 30 и болѣе человѣкъ“ *), и вопросъ только въ томъ, не пойдетъ ли дѣло по тому пути, который уже намѣченъ „нѣкоторыми случаями“, когда число рабочихъ у кустарей достигаетъ „30 и болѣе человѣкъ“. Мы, съ своей стороны, склоняемся къ утвердительному отвѣту.

Интересно, между прочимъ, и положеніе колеснаго дѣла. „Что касается вятскихъ колесниковъ, работающихъ по большей части *безъ наемныхъ рабочихъ*, то въ среднемъ, по весьма точнымъ расчетамъ, они могутъ въ теченіе 6 мѣс. заработать отъ 20 до 25 руб., а въ большихъ семьяхъ до 40 руб.; съ другой стороны, кустарн-одиночки едва могутъ выработать 12—15 рублей **). Раздѣленіе труда даетъ чувствовать свои выгоды, и поэтому, вѣроятно, въ районѣ, болѣе знакомомъ съ положеніями политической экономіи, указывающими на эти выгоды, въ Медынскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, типичнымъ является „производство съ *наемными рабочими*“. „Въ мастерскихъ съ наемными рабочими существуетъ извѣстное раздѣленіе труда: одинъ работникъ обтачиваетъ только ступицы, ученики строгаютъ спицы, другой мастеръ отдѣлываетъ совсѣмъ колесо и т. п. Работа съ наемными рабочими идетъ *круглый годъ*“ (курсивъ нашъ). Чѣмъ же не фабрика или, по крайней мѣрѣ, не мануфактура? „Годовому мастеру платятъ на хозяйскихъ харчахъ отъ 60 до 150 рублей въ годъ, смотря по способности скоро и хорошо работать... Колесное производство имѣетъ безъ сомнѣнія будущность... Сбытъ колесъ вполне обезпечен“ ***). Вѣроятно, скоро все производство организуется по образцу Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи. Всѣ выгоды налицо. Производство выигрываетъ отъ раздѣленія труда, и рабочіе получаютъ въ мастерскихъ больше, чѣмъ если бы они вели промыселъ самостоятельно.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ примѣровъ мы видимъ, что деревообрабатывающіе промыслы вовсе не представляютъ картины чисто народнаго кустарнаго производства, какъ это представляли себѣ народники. Капиталъ и въ нихъ начинаетъ играть роль, мѣняя организацію промысловъ, а на помощь ему идетъ техника, повышеніе уровня требованій покупателей и конкуренція сосѣднихъ областей, часто руководимыхъ уже машиннымъ трудомъ. Кстати относительно такой косвенной борьбы мелкаго ручнаго производства съ машиной. Она проявляется, между прочимъ, и въ рогожномъ промыслѣ, въ которомъ рогожные куды вытѣсняются джутовыми мѣшками, продуктомъ крупнаго производства. Машина косвеннымъ образомъ угнетаетъ рогожниковъ. То же самое видимъ мы и въ канатно-прядельномъ производствѣ, съ которыми конкурируютъ съ одной стороны канатныя фабрики, вооруженныя машиной, а съ другой уменьшаетъ промыселъ „упадокъ судоходства, тяги судовъ на бичевѣ“, т. е. развитіе буж-

*) „Краткій обзоръ“, стр. 30.

**) Ibid., стр. 45.

***) Ibid., стр. 46.

сирнаго пароходства, вліяющаго и на ту область, къ которой оно, повидному, не имѣетъ прямого отношенія.

Теперь перейдемъ къ даннымъ послѣднихъ лѣтъ о положеніи другихъ кустарныхъ промысловъ, въ которыхъ также могли произойти тѣ или другія измѣненія съ этой стороны. Шерстобитный промыселъ въ Казанской губерніи, по словамъ г. Пономарева, падаетъ. „Съ уменьшеніемъ скотоводства и распространеніемъ шерстобитныхъ машинъ заработокъ шерстобитовъ сокращается и вообще промыселъ клонится къ упадку“ *). Что касается валяльнаго промысла въ той же губерніи, то въ немъ мѣстами замѣтна нѣкоторая концентрація. „Въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Мамадыжскаго уѣзда имѣются крупныя валяльныя заведенія съ большимъ числомъ (напр., до 60 человѣкъ) рабочихъ. Само собой разумѣется, что эти заведенія нельзя причислить къ кустарнымъ“. Ювелирный промыселъ Рыбной слободы, Казанской губерніи, „находится въ рукахъ 3—4 мѣстныхъ торговцевъ, разбогатѣвшихъ отъ торговли упомянутыми ювелирными издѣліями. Эти торговцы снабжаютъ кустарей въ долгъ, по высокой цѣнѣ, металлами: никелемъ, серебромъ, мѣдью, также стеклянными камушками и др. Выдѣланныя издѣлія кустари принуждены сбывать тѣмъ же торговцамъ, которые развозятъ издѣлія по разнымъ отдаленнымъ ярмаркамъ въ Казанской губерніи, въ киргизскихъ степяхъ и др. мѣстностяхъ съ инородническимъ населеніемъ“ **). Отдаленный рынокъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, способствуетъ закабаленію кустарей въ рукахъ скупщиковъ, такъ какъ отдаленность рынка при отсутствіи капитала всегда ставитъ производителя въ зависимое положеніе отъ торговца. Войлочное, клееваренное и мыловаренное производства, находящіяся въ связи съ кожевеннымъ производствомъ слободы Бѣлой Поляны, Тамбовской губерніи, поставлены на вполне капиталистическую ногу. Чулочное производство въ Разказовской волости, той же губерніи, „находится въ рукахъ 5—6 человѣкъ скупщиковъ, обороты которыхъ достигаютъ ежегодной громадной цифры отъ 400.000 до 500.000 руб.“ ***). Валяльный промыселъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ, Костромской губерніи, организованъ подобно промыслу въ Казанской губерніи. „Большая часть кустарей заняты названнымъ промысломъ не самостоятельно, а исполняютъ лишь заказы мѣстныхъ хозяевъ или же работаютъ у нихъ въ качествѣ наемныхъ мастеровъ“ ****). Окрашивание деревянной посуды и мебели въ Скоробогатовской волости, Макарьевскаго уѣзда, тоже наполовину несамостоятельно. Шапочный промыселъ въ Молвытинской волости, Буйскаго уѣзда, достаточно капитализировался. „Со времени освобожденія крестьянъ производство приняло весьма широкіе размѣры: явились особые хозяева, которые начали держать артели изъ 30 и болѣе мастеровъ... Въ крупныхъ шапочныхъ мастерскихъ въ с. Молвытнѣи работаетъ постоянно не менѣе 25 мастеровъ съ нѣсколькими (не болѣе 5) мастерицами, приготовляющими принадлежности шапокъ на швейныхъ машинахъ. Нѣкоторые хозяева, счи-

*) „Отчеты и изслѣдованія“, т. III, 1895 г., стр. 33.

**) Ibid, стр. 37.

***) „Отчеты“, т. III, стр. 59

****) Ibid, 65.

тая невыгоднымъ держать у себя постоянныхъ мастеровъ, особенно въ глухое время года, заказываютъ имъ шапки поштучно и выдаютъ овчинки и мѣха на домъ“ *). Ювелирный промыселъ села Краснаго, Костромскаго уѣзда, въ подходящемъ положеніи, такъ что авторъ цитируемаго отчета заканчиваетъ его слѣдующими словами; „Изъ приведеннаго очерка кустарныхъ промысловъ Костромской губерніи усматривается, что большинство производствъ и преимущественно: шапочное—въ Молвитинской волости, —ювелирное—Красносельское, ковшарное—московское и рогожное—въ Махловской волости, находится въ рукахъ крупныхъ и вообще зажиточныхъ хозяевъ, причѣмъ большинство кустарей, не имѣя ни оборотнаго капитала, ни кредита, лишено всякой самостоятельности въ работѣ“ **). Производство издѣлій изъ мрамора въ Пермской губерніи тоже теряетъ кустарный характеръ. „Въ с. Мраморскомъ подворная перепись насчитала всего 17 мастерскихъ съ 204 рабочими, хозяева которыхъ „работали самостоятельно“, въ качествѣ подрядчиковъ и торговцевъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣли даже маленькіе склады въ Перми и на Ирбитской ярмаркѣ; все остальное населеніе работало главнымъ образомъ на тѣхъ же подрядчиковъ и торговцевъ и, разумѣется, на условіяхъ, которыя большею частью ими же и диктовались“ ***). Описание токарно-посуднаго промысла въ Нижегородской и Костромской губерніяхъ отмѣчаетъ преобладаніе въ немъ скупщиковъ, въ пользу которыхъ склоняются обычныя среднія условія, „ибо иначе мы не видали бы въ здѣшнихъ промысловыхъ селеніяхъ двухэтажныхъ домовъ претенціозной архитектуры, чисто купческаго распорядка жизни нѣкоторыхъ поселянъ, а съ другой стороны—развивающагося здѣсь съ годами особаго промысла --- отхожаго нищенства“ ****). Благополучіе однихъ выростаетъ на основаніи обнищанія другихъ. Технические условія красиваго производства (крашеніе мебели) въ томъ же районѣ, „требующія раздѣленія занятій, а также необходимость имѣть средства на обзаведеніе и покупку „бѣлья“, вызвали въ красивномъ промыслѣ примѣненіе насмного труда“ *****). Паденіе красиваго промысла въ Ярославской и Владимірской губерніяхъ „легко объясняется всеобщимъ увлеченіемъ фабричными ситцами, все болѣе и болѣе распространяющимися въ деревняхъ и почти совершенно вытѣсненными изъ употребленія домотканые холсты и пестряди“ *****). Съ одной стороны это объясняется „модой“, а съ другой—чрезвычайной дешевизной ситцевъ.

Ношеніе одежды собственнаго производства становится для крестьянина извѣстною роскошью. За послѣдніе годы мы можемъ видѣть, какъ ситцы и вообще издѣлія фабрикъ вытѣсняють домашнее производство крестьянскихъ нарядовъ. Если одежда, изготовленная домашнимъ способомъ, и представляетъ достоинство большей прочности, то, съ другой стороны, она требуетъ расхода, не всегда не-

*) Ibid., 75.

**) Левашовъ, „Отчеты и изслѣдованія“, т. III, стр. 77.

***) „Отчеты“, т. III, стр. 152—3.

****) Ibid., IV, 1897, стр. 6—7.

*****) Ibid., IV, 12.

*****) Ibid., IV, стр. 42.

чувствительнаго для крестьянскаго бюджета. Это въ особенности справедливо относительно женскихъ нарядовъ, по отношенію къ которымъ нарядъ изъ фабричныхъ ситцевъ, а иногда даже и дешевыхъ шерстяныхъ матерій стоитъ въ 3—4 раза дешевле такого же наряда изъ матеріаловъ домашняго производства. Какъ это ни печально для этнографа и вообще человѣка, любящаго русскую старину и національныя особенности даже въ одеждѣ, но старинный народный костюмъ все болѣе исчезаетъ и замѣняется одеждой по городскому образцу. Если тутъ и можно говорить что-нибудь противъ „моды“, то ужъ противъ указанія на дешевизну ничего возражать не приходится. Такимъ образомъ не долженъ насъ удивлять фактъ, что въ дмотканное бѣлье и платье у насъ въ деревнѣ одѣвается теперь преимущественно болѣе зажиточная часть населенія. „Не рѣдкость встрѣтить у женщинъ сарафаны и рубахи, скомбинированные изъ холста и ситца — станъ холщевый, а рукава изъ ситца; но это вызывается вовсе не требованіями деревенской моды, а чисто экономическими соображеніями, ибо домашняя ткань дорога, и крестьянину поневолѣ приходится прибѣгать къ ситцу“ *).

Что касается маслوبيнаго промысла въ Вятской и Владимірской губерніяхъ, то ему сильно угрожаютъ механическія орудія, начинающія завоевывать себѣ въ немъ мѣсто. „Техническія усовершенствованія промысла, влекущія вздорожаніе заводскаго инвентаря и увеличивая размѣры производства, неизбежно убьютъ мелкихъ производителей, которымъ конкурировать съ крупными здѣсь болѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ промыслѣ, не подь силу“.

Вліяніе появляющихся за послѣднее время крупныхъ паровыхъ маслобоенъ въ Вятской губ. и расширеніе размѣровъ нѣкоторыхъ кустарныхъ заведеній сказались уже и теперь въ неблагопріятномъ для кустарей смыслѣ. Затормозить же развитіе промысла и вводимыя въ него техническія усовершенствованія, конечно, „невозможно“. Положеніе достаточно опредѣленно, тѣмъ болѣе, что, по словамъ того же отчета, маслوبيный промыселъ и вообще не „принадлежитъ къ числу такихъ производствъ, которыя имѣютъ задатки къ сохраненію въ кустарныхъ размѣрахъ и къ успѣшной борьбѣ съ заводскимъ“ **).

Далѣе тотъ же отчетъ рисуетъ положеніе скорняжнаго промысла во Владимірской, Вятской и Нижегородской губерніяхъ. „Скорняжный промыселъ охватываетъ очень обширный районъ... и успѣлъ въ настоящее время принять отчасти форму болѣе или менѣе крупныхъ промышленныхъ предпріятій... Но, благодаря особенностямъ своихъ техническихъ приѣмовъ, крупныя скорняжныя мастерскія не перенесли своего мѣстопробыванія и продолжаютъ оставаться въ деревнѣ. Крупные промышленники-скорняки, происшедшіе изъ кустарей, расширяютъ свои заведенія, не перенося ихъ, однако, въ другія мѣстности, такъ какъ нуждаются въ привычныхъ къ дѣлу мастерахъ, безъ которыхъ имъ обойтись трудно“. Это даетъ автору право утверждать, что „промыселъ, расширяясь въ крупное предпріятіе, не теряетъ, по этой причинѣ, своего кустарнаго характера“... въ чемъ мы позволимъ себѣ усумниться.

*) „Отчеты“ IV, стр. 49.

**) „Отчеты“, IV, стр. 54.

Встрѣчаемъ мы въ отчетахъ и еще данныя о прогрессѣ въ древодѣльныхъ промыслахъ. „Въ изслѣдованіи А. А. Исаева отмѣчено, напр., что „у токарей детальнаго раздѣленія работъ нѣтъ“, между тѣмъ какъ теперь, черезъ 20 лѣтъ, раздѣленіе труда нашло себѣ самое широкое примѣненіе, и именно въ этомъ промыслѣ вы встрѣчаетесь съ жалобами крестьянъ на возвышающіяся съ каждымъ годомъ цѣны на мѣстные матеріалы за прекращеніемъ эксплуатаціи въ частныхъ дачахъ“. Все это о Московской губерніи. „Выгодность промысла, по отзывамъ крестьянъ, пала до минимума, и, несмотря на спеціализацію занятій, промышленники едва въ состояніи выдерживать конкуренцію возникшихъ за послѣдніе годы крупныхъ заведеній, приготовляющихъ товаръ механическими средствами“ *). Тамъ же указывается и на паденіе ящичнаго промысла частью вслѣдствіе вздорожанія лѣса, а частью вслѣдствіе того, что въ Москвѣ „устроилось нѣсколько ящичныхъ заведеній, оборудованныхъ машинами, удешевлявшими производство“, и одни хозяева бросили производство, а другіе „переселились въ Москву, гдѣ и работаютъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ въ мастерскихъ, открытыхъ своими же, болѣе состоятельными, одиодеревенцами“ **). Находимъ мы въ томъ же отчетѣ и свѣдѣнія о томъ, что производство деревянныхъ блюдей въ Семеновскомъ уѣздѣ, Нижегородской губерніи, все болѣе отходить „къ зажиточнымъ домохозяевамъ, работающимъ посредствомъ наемнаго труда и чаще водяною силою“ ***). Все это еще болѣе подтверждаетъ сказанное нами выше о древодѣльныхъ промыслахъ. Въ слесарно-кузнечномъ производствѣ въ Бурмакинской волости, Ярославскаго уѣзда, существенныхъ измѣненій, повидному, какъ будто бы и не произошло, кромѣ того лишь, что „за послѣднія пять лѣтъ произошло только болѣе полное закрѣпощеніе кустарей кулаками, и это есть самое больное мѣсто промысла“ ****). Производство гармоній въ Тульской губерніи не имѣетъ теперь, по нашему мнѣнію, чисто кустарнаго характера, такъ какъ весь промыселъ находится въ рукахъ скупщиковъ и владѣльцевъ гармонныхъ фабрикъ въ Тулѣ, а въ самой Тулѣ имѣется 14 гармонныхъ заводовъ, на которыхъ рабочихъ и мастеровъ 240 человекъ“ *****). Вятскій гармонный промыселъ также капитализируется, что же касается производства гитаръ въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, то ³/₄ всего ихъ количества покупается „фирмою Ю. Г. Циммерманъ, которая принимала большое участіе въ усовершенствованіи этого производства“... „Струны натягиваются уже въ магазинѣ Циммермана, которымъ также производится и повѣрка ладовъ. Фирма эта даетъ кустарямъ матеріалъ по своей цѣнѣ“ и т. д. Но только кустари ли это? Да и вообще намъ кажется нѣсколько неподходящимъ для разсужденія о кустарныхъ промыслахъ производство музыкальныхъ инструментовъ: во-первыхъ, потому, что издѣлія эти едва ли могутъ когда-либо конкурировать съ произведеніями крупныхъ фабрикъ, а тѣмъ

*) „Отчеты“, IV, стр. 139.

***) Тамъ же, стр. 140.

****) „Отчеты“, IV, стр. 155.

*****) Ibid., т. V, стр. 169.

*****) Ibid., т. V, стр. 303.

болѣе съ заграничными, на что надѣется, напр., въ V т. „Отчетовъ и изслѣдованій“ г. Ротштейнъ, во-вторыхъ, по самымъ условіямъ своего производства, промыселъ мало подходитъ для чистаго типа кустарной промышленности и въ большинствѣ случаевъ, какъ это показываетъ примѣръ тульскихъ кустарей-гармонистовъ и производителей гитаръ Звенигородскаго уѣзда (Московской губ.), продающихъ свои издѣлія крупнымъ фирмамъ (послѣдніе даже Юлію Генриху Циммерману, причеиъ работа является скорѣе работой на заказъ), и поэтому является пзвѣстнымъ видомъ ремесла, болѣе или менѣе успѣшнаго, но на особую будущность въ смыслѣ кустарнаго промысла не могущаго разсчитывать. Да и конечно, если не принадлежать къ тѣмъ людямъ, которые способны умиляться, глядя на грубую, плохо играющую, неточно настроенную фисгармонію кустарной работы (подходящее производство для кустарей!) и не могущую быть другой, принимая во вниманіе, что она сдѣлана людьми, которые въ большинствѣ случаевъ „не умѣютъ играть“ на тѣхъ инструментахъ, которые производятъ, „не знаютъ нотъ“ и т. п., только потому, что она сдѣлана кустаремъ, то трудно предсказывать этому промыслу большой успѣхъ и убѣждать тратить силы и средства на непремѣнное содѣйствіе его развитію и совершенствованію.

Теперь остается намъ остановиться еще на одномъ интересномъ промыслѣ, причисляемомъ къ кустарнымъ, представляющемъ нѣкоторыя своеобразныя особенности, — производствѣ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. Самымъ простымъ его видомъ является производство серповъ во Владимірской губерніи, съ каждымъ годомъ принимающее все болѣе крупные размѣры въ смыслѣ капитализаціи промысла.

О времени его возникновенія авторъ отчета г. Аловъ держится того мнѣнія, что онъ уже давно возникъ въ этой мѣстности, и приводитъ отвѣтъ одного изъ кустарей. „Наши отцы и дѣды занимались этимъ дѣломъ, — отвѣчалъ одинъ изъ мастеровъ на мой вопросъ о времени возникновенія производства, — да и дѣти наши также будутъ ковать серпы: искони ведется у насъ этотъ промыселъ“. Причѣиъ мы съ своей стороны прибавимъ, что напрасно мастеръ высказалъ такую увѣренность, что его дѣти будутъ имъ заниматься, во-первыхъ, потому, что почти ни въ чемъ нельзя быть увѣреннымъ за будущее, а во-вторыхъ, потому, что „полная спеціализація производства съ развитіемъ особыхъ классовъ кустарей, вѣдающихъ лишь одну какую-либо часть въ изготовленіи серповъ, и вообще капиталистическія начала довольно глубоко пустили корни въ организацію производства, и въ то же время общая картина промысла показываетъ постепенный переходъ изъ одной стадіи развитія въ другую; все это въ общей сложности подтверждаетъ, что производство серповъ возникло очень давно и что оно за время своего существованія подвергалось послѣдовательному развитію, связанному какъ съ поднятіемъ техники, такъ и измѣненіемъ самой формы организаціи *).

Какова эта организація — показываетъ слѣдующее. „Въ настоящее время во главѣ производства стоитъ цѣлый рядъ частно-капиталистическихъ предпринима-

*) „Отчеты“, V томъ. Производство серповъ во Владимірской г. Отчетъ Алова.

телей-скупщиковъ, которые приобрѣтаютъ сырой матеріалъ, желѣзо и сталь, и раздають его кустарямъ-рабочимъ, специализировавшимся уже въ производствѣ, и отъ нихъ получаютъ или вполне готовые серпы, или же еще безъ окончательной отдѣлки. Сбытъ издѣлій лежитъ на обязанности скупщиковъ, причѣмъ не вполне готовые серпы подвергаются отдѣлкѣ въ ихъ собственныхъ мастерскихъ *). Среди нихъ выдвигаются мало-по-малу лица, намѣчающія уже переходъ къ дальнѣйшей, еще болѣе прогрессивной, организаціи. Такъ, одинъ изъ нихъ, Ковалевъ, „имѣетъ, сравнительно съ прочими, довольно удовлетворительно-оборудованную фабрику съ керосиновымъ двигателемъ“ (курсивъ нашъ), на которой получаемые отъ кустарей серпы подвергаются окончательной обдѣлкѣ... Нельзя сказать, что его производство стало вполне на капиталистическую ногу, такъ какъ существуетъ раздача работъ на сторону кустарямъ, но во всякомъ случаѣ послѣднее не такъ далеко, и можно съ увѣренностью сказать, что черезъ нѣсколько лѣтъ всѣ работы будутъ всецѣло производиться на фабрикѣ и будутъ применены болѣе усовершенствованные методы производства“ **). Всѣхъ рабочихъ на фабрикѣ 80 человекъ, да на сторонѣ работаютъ на него человекъ 100. Размѣръ производства его фабрики съ каждымъ годомъ все увеличивается. „Производимые имъ серпы по своему исполненію стоятъ выше сравнительно съ прочими, что находится въ полной связи съ общей организаціей производства, въ которомъ видны уже капиталистическія черты“. За нимъ идутъ по уже намѣченному пути и другіе предприниматели, которые мало-по-малу вытѣсняютъ тѣхъ мелкихъ производителей, обороты которыхъ считаются нѣсколькими тысячами или однимъ, двумя десятками тысячъ серповъ въ годъ. Въ этомъ мы позволимъ себѣ вполне согласиться съ г. Аловымъ.

Наконецъ переходимъ собственно къ кустарному машиностроенію. Интересно оно съ разныхъ точекъ зрѣнія. Одна изъ нихъ представляетъ съ перваго взгляда какъ будто бы странный фактъ, что кустарное производство создаетъ *машины*, т. е. замѣну ручного труда, хотя и въ другой области, но все же замѣну. Жизнь создаетъ кажущіяся несообразности. Съ одной стороны кустари строятъ машины, а съ другой—машина вызываетъ къ жизни многіе промыслы. Интересенъ также фактъ сопоставленія развитія у насъ за послѣднее время кустарнаго производства сельско-хозяйственныхъ машинъ съ перемѣнами, происходящими въ строѣ крестьянскаго землевладѣнія и земледѣлія. По мѣрѣ того, какъ дифференціація все болѣе проявляется среди крестьянъ, по мѣрѣ того, какъ въ деревнѣ все болѣе выдѣляются зажиточная и немущая группы, какъ первая — все болѣе захватываетъ всю площадь земли въ свои руки, а вторая — сдаетъ ей свои надѣлы, проявляется нужда въ сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ, ибо условія производства на рынокъ требуютъ этого. Но такъ какъ и у „хозяйственныхъ“ мужиковъ, крѣпко держащихся за землю и проникнутыхъ общиннымъ духомъ, не хватаетъ еще пока средствъ на орудія заграничныхъ или крупныхъ мѣстныхъ фирмъ, то для удовлетворенія ихъ по дешевымъ цѣнамъ и возникаетъ этотъ родъ

*) Тамъ же, стр. 2.

**) Тамъ же, стр. 2 и 9.

кустарных промысловъ. Своего рода процесъ концентраціи, капитализаціи производства въ земледѣліи вызываетъ къ жизни кустарное производство!

О томъ, насколько увеличивается вмѣстѣ съ новыми тенденціями въ крестьянскомъ хозяйствѣ кустарное машиностроеніе, можетъ показать слѣдующая таблица:

Въ Пермской губерніи открыто:

	сохладныхъ заведеній:	машиностр. заведеній:	В с е г о.
До 1845 г.	1	—	1
Въ 1845—55	1	—	1
„ 1855—60	2	3	5
„ 1865—70	7	4	11
„ 1870—75	4	4	8
„ 1875—80	11	9	20
„ 1880—85	10	9	19
„ 1885—90	10	15	25
„ 1890—95	21	38	59 *).

Конечно, уже по самому существу промысла можно предположить о томъ какая организація получить въ немъ перевѣсъ, особенно съ дальнѣйшимъ развитіемъ земледѣлія, повышенія его требованій, не говоря уже о техническихъ условіяхъ промысла. И въ самомъ дѣлѣ, въ Смоленской губерніи, въ восточныхъ уѣздахъ, „гдѣ года три, четыре тому назадъ очень высоко и широко стояло данное производство, въ настоящее время оно падаетъ, и вмѣсто него вырастаютъ крупные производители... которые въ концѣ концовъ обезпечать за собой мѣстный рынокъ“ **). Далѣе, указывая на постановку дѣла въ Пермской губерніи, отчетъ указываетъ, что производство болѣе сложныхъ машинъ не можетъ быть успѣшнымъ безъ примѣненія такъ называемыхъ „благъ высшаго порядка“, т. е. различныхъ механическихъ приспособленій. „Въ отношеніи оборудованія механическими станками нѣкоторые кустари начинаютъ кое къ чему приступать; но дѣло въ томъ, что ими обзаводится уже не кустарь, а такой производитель, котораго съ болѣе широкимъ правомъ можно отнести къ разряду капиталистовъ... Прогрессъ техники собственно въ сельско-хозяйственномъ машиностроеніи несовмѣстимъ съ единицами кустарей, предоставленныхъ самимъ себѣ. Если кустарь обзаводится механическими приспособленіями, то, взглядывшись попристальнѣе въ него, легко замѣтить, что онъ только носитъ ярлыкъ кустаря, а самъ уже давно вышелъ изъ этихъ рядовъ“ ***). Такимъ образомъ и этотъ промыселъ капитализируется и долженъ капитализироваться такъ же, какъ и большинство тѣхъ, съ которыми мы могли познакомиться по отчетамъ и изслѣдованіямъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Все дѣло лишь въ томъ, чтобы „взглядѣться попристальнѣе“, и, смотришь, вмѣсто кустаря и кустарныхъ

*) „Отчеты...“, т. V, стр. 86.

***) Ibid., IV, стр. 297.

****) Ibid., V, стр. 117.

промысловъ оказывается капитализированное производство. Но господа народники, напр., не желаютъ посмотрѣть „попристальнѣй“, безъ предвзятой идеи, а пользуются исключительно очками сладкаго оптимизма, при пользованіи которыми всё предметы получаютъ, можетъ быть, и очень пріятное, но тѣмъ не менѣе невѣрное освѣщеніе...

Для большей же ясности картины намъ остается познакомиться съ положеніемъ дѣла въ Московской губерніи, гдѣ всё перемѣны за послѣдніе годы будутъ вырисовываться передъ нами въ хронологической послѣдовательности по земскимъ статистическимъ ежегодникамъ, и направленіе послѣдняго времени ясно выступить наружу. Данныя по ткацкому промыслу были приведены нами выше, такъ что намъ теперь нужно посмотрѣть лишь на остальные. „Статистическій ежегодникъ“ отмѣчаетъ для Бронницкаго уѣзда (Рождественская вол.) въ 1895 г. печальный фактъ, что ручной трудъ въ канительномъ производствѣ замѣненъ машиннымъ: „содержатели всё поставили волоочильныя паровыя машины“,—говорится въ корреспонденціи *). Черезъ два года послѣ этого корреспонденція изъ того же уѣзда констатируетъ „прекращеніе въ этой мѣстности канительнаго производства вслѣдствіе того, что мишура въ настоящее время работаетъ въ Москвѣ посредствомъ паровыхъ машинъ“ **). Башмачный промыселъ, по сообщенію того же ежегодника, переживаетъ въ настоящее время кризисъ. Сообщенія 1896 года отмѣчаютъ дальнѣйшее его паденіе. „Состояніе башмачнаго промысла ухудшилось... Выручка мастеровъ и хозяевъ сравнительно съ прошлымъ годомъ уменьшилась... Большое количество мастеровъ-хозяевъ или прекратили работу, или отправляясь въ Москву уже не въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ, а простыми мастерами-работниками... Вслѣдствіе неблагоприятнаго положенія дѣлъ всё мастера-хозяева уменьшили количество рабочихъ“ ***). „1897 годъ привнесъ дальнѣйшее ухудшеніе... Башмачный промыселъ шелъ хуже прошлой зимы. Мелкіе мастера почти прекратили свое существованіе, и если кто изъ нихъ и работаетъ, то едва сводитъ концы съ концами... Башмачнымъ промысломъ занимается меньшее количество лицъ; *мелкіе кустари почти исчезли* (курсивъ нашъ). Скупщиками товаровъ являются обыкновенно мелкіе торговцы или хозяева большихъ мастерскихъ“ ****). Очевидно,—замѣчаетъ тотъ же отчетъ,—мы имѣемъ здѣсь дѣло съ капитализаціей промысла. Въ 1898 году состояніе промысла во время зимы было „плохое, хуже прошлогодняго“. „Дѣла крупныхъ хозяевъ въ общемъ не ухудшались, зато мелкіе хозяйчики почти всё прекратили работу по безвыгодности ея“ *****). Приведемъ кстати и нѣсколько данныхъ по портняжному промыслу, который относится только къ 1897 году. „Портные жалуются на отсутствіе работъ, ибо крестьяне покупаютъ больше

*) „Статистическій ежегодникъ Московской губ. за 1895 г.“. Промыслы стр. 3.

***) Ibid. 1897 г., Промыслы, стр. 15.

****) Ibid. 1896 г. Промыслы, стр. 8, 9 и 10.

*****) Ibid. 1897 г. Промыслы, стр. 13 и 14.

*****) Ibid. 1898 г. Промыслы, стр. 4.

одежду готовую, которая дешево продается, хотя дешево бывает и гнило^{*)}). Въ слѣдующемъ году то же положеніе отмѣчается еще яснѣй. „Крестьяне Перхушковской волости, Звенигородскаго уѣзда, занимающіеся этимъ промысломъ, провели зиму очень плохо,—зарабатывали очень мало, такъ какъ работы довольнѣ имъ не давали“. И вообще мастерство это „упадаетъ вслѣдствіе распространенія готовой одежды“ (**).

Такимъ образомъ, какъ говорится въ одномъ изъ тѣхъ же „Ежегодниковъ“. мы видимъ, что „въ приведенныхъ корреспонденціяхъ проскальзываетъ мотивъ, говорящій о вторженіи капиталистическаго хозяйства и въ эту область народнаго труда“ (***)). Съ другой стороны, въ нѣкоторую связь съ этимъ должны мы поставить и указаніе на все большее распространеніе покупки готовой одежды, которое вообще согласуется съ тѣмъ явленіемъ, что платье и обувь все менѣе производятся отдѣльными ремесленниками и фирмами и попадаютъ въ руки громаднѣхъ фабрикъ. Въ большихъ городахъ на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ обширныя магазины готоваго платья, продукта массоваго производства. Механическая обувь находитъ себѣ прекрасный сбытъ ****). Т. е. какъ вообще ремесленное производство обуви и платья падаетъ, такъ и кустарное, потому что то и другое уступаютъ свое мѣсто крупному капиталистическому производству, завоевывающему въ этой области все болѣе прочное положеніе. Камушенное производство сильно падаетъ. Корреспонденціи 1897 года „рисуютъ, повидимому, послѣднюю предсмертную стадію камушеннаго производства. Заработокъ мужчинъ, за вычетомъ издержекъ производства, оставляетъ кустарю въ лучшемъ случаѣ 50 к. въ недѣлю, т. е. вдвое менѣе, чѣмъ требуется для его пищевого довольствія *****)). Очевидно, одну изъ главныхъ причинъ этого положенія составляетъ то, что „хозяева поставили станки для бусъ, которые сразу дѣлаютъ вмѣсто одной дюжину“. Такимъ образомъ, „камушенное производство, какъ видно, почти окончательно вылилось въ форму крупнаго хозяйскаго предпріятія“ *****)). „Вслѣдствіе того, что пошли машинныя подковы, ручныя немногимъ понизились въ цѣнѣ; въ настоящее время даже, случается, и совсѣмъ не берутъ“ *****)). Машинна и тутъ находитъ кустаря и становится ему вездѣ поперекъ дороги. Вѣдь кто бы могъ повѣрить, десятка два, три лѣтъ тому назадъ, чтоковка лошадей уйдетъ изъ рукъ кузнеца, а между тѣмъ, „вслѣдствіе того, что пошли машинныя подковы, ручныя немногимъ понизились въ цѣнѣ, въ настоящее время даже, случается, и совсѣмъ не берутъ“. Ящичный промыселъ съ каждымъ годомъ также все болѣе капитализируется. Такъ, со времени изслѣдованія, произведеннаго въ 70-хъ годахъ проф. Исаевымъ, прои-

*) „Ежегодникъ“. 1897. Промыслы, стр. 4.

**) Ibid. 1898. Промыслы, стр. 20.

***) Ibid. 1897 г. Промыслы, стр. 4.

****) М. А. Курчинскій, „Союзы предпринимателей“. 1899 г., стр. 57.

*****) „Ежегодникъ“. 1897 г. Промыслы, стр. 11.

*****) Тамъ же, стр. 13.

******) Звенигородскій уѣздъ, Павловская волость. „Ежегодникъ“. 1897 г. Промыслы, стр. 3.

зошла такая разительная перемена. Въ 16 селеніяхъ въ то время было 307 ящичниковъ, изъ нихъ 284 работали ящики дома и 23 на сторонѣ. Теперь картина измѣнилась: въ 10 селеніяхъ, обследованныхъ въ 1897 году, оказалось 433 ящичника, но изъ нихъ только 49 работаютъ ящики дома, остальные же 384 человѣка работаютъ въ Москвѣ. Изъ причинъ, объясняющихъ такую перемену въ условіяхъ производства, указываютъ на вздорожаніе лѣса, неудобство и дороговизну доставки ящиковъ въ Москву, а главное на то, что „нѣкоторыя крупныя фабрики завели собственные мастерскія ящичковъ“ *).

Что касается женскихъ заработковъ, то въ „Ежегодникѣ“ за 1895 годъ мы имѣемъ данныя о томъ, что машинное производство чулокъ, появляющееся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ въ 2—3 раза выгоднѣе ручного **). Но самыя интересныя данныя находимъ мы относительно патроннаго или гильзоваго производства, которое настолько знаменательно, что на немъ мы должны остановиться нѣсколько дольше. Оно можетъ служить самымъ нагляднымъ доказательствомъ того, какъ крупное производство и даже фабрика можетъ при извѣстномъ положеніи техники насаждать и развивать кустарные промыслы, какъ между двумя этими формами производства на извѣстной ступени развитія вмѣсто антагонизма можетъ царствовать полнѣйшее согласіе. Какъ возникло патронное производство? „Разспрашивая крестьянъ о происхожденіи промысла, мы получали однообразныя отвѣты: пріѣхалъ въ такую-то деревню приказчикъ отъ такого-то купца, снялъ или купилъ избу и открылъ фабрику. Дѣвушекъ и женщинъ обучалъ даромъ, потомъ раздавалъ на домъ всѣ нужные матеріалы и орудія производства... Бывали и такіе случаи. Крестьянинъ, заплывшійся нѣсколько лѣтъ на какой-нибудь патронной фабрикѣ въ Москвѣ, рѣшалъ ѣхать домой и жить въ деревнѣ. Онъ уговаривался со своимъ хозяиномъ, что будетъ на него работать патроны за извѣстную цѣну... Самостоятельные производители появились въ деревнѣ только въ болѣе позднее время... Почти фабричная форма, появившаяся въ деревняхъ Московской губерніи, породила и самостоятельное мелкое патронное производство“ ***).

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, промыселъ насажденъ крупнымъ фабричнымъ производствомъ и нѣкоторое, довольно долгое, время шель, сравнительно, хорошо. Такъ еще въ 1895 году „Ежегодникъ“ Московской губ. пишетъ: „Гильзовое производство обнаруживаетъ тенденцію къ все большому и большому развитію и распространенію, отвлекая даже, благодаря своей выгодности, рабочія руки отъ другихъ производствъ, требующихъ приложенія женскаго труда“ ****). Но уже близка была гибель промысла, подкраваясь къ нему совершенно неожиданно. „Съ новаго года, т. е. съ 1896 года, вертѣтъ патроны въ Москвѣ стала машина, такъ что изъ Москвы стали привозить папиросы свернутыя, а женщины и дѣвцы стали вставлять въ нихъ картонъ“. Такимъ образомъ,

*) „Ежегодникъ“. 1897 г. Ящичный промыселъ, стр. 7 и 9.

***) Промыслы, 21—22.

****) Сб. ст. св. т. VII, вып. II, стр. 204, 223, 230; цитировано у Туганъ-Барановскаго, „Русская фабрика“, стр. 244.

*****) Ib. Промыслы, стр. 21.

„вслѣдствіе распространившагося за послѣднее время на гильзовыхъ фабрикахъ въ Москвѣ машиннаго производства гильзъ, ручное производство стало быстро падать“, и 8.765 женщинъ принуждены, вслѣдствіе необычайнаго уменьшенія заработка, искать себѣ другого занятія. Съ этого, несчастнаго для производительницъ гильзъ, года уѣздныя корреспонденціи отмѣчаютъ все худшее и худшее ихъ положеніе, такъ какъ въ слѣдующемъ году заработокъ понизился вдвое и даже болѣе *), и пришлось или переходить на гораздо хуже оплачиваемую вставку картона въ готовые гильзы, или совсѣмъ бросать промыселъ. Такимъ образомъ, съ измѣнившимися техническими условіями производства, съ введеніемъ машинъ, фабрика выступила на борьбу съ ею же самою созданнымъ промысломъ. Сначала было выгодно отдавать работу на сторону, теперь же, съ повышенной техникой производства, работа на фабрикѣ становится болѣе выгодной, и начинается обратный процессъ—уничтоженія кустарнаго труда, идущій, конечно, очень быстрыми шагами, какъ это мы и могли замѣтить по корреспонденціямъ послѣднихъ годовъ.

Въ заключеніе еще объ одномъ интересномъ явленіи, на первый взглядъ представляющемъ совершенно загадочнымъ. Такъ, въ различныхъ отчетахъ по кустарной промышленности мы иногда наталкиваемся на такія фразы: „фабрика сдѣлалась меньше“, „число свѣтелокъ съ упадкомъ ручного тканья бумажныхъ издѣлій значительно уменьшилось въ послѣднее время и большая часть работаетъ теперь на дому“. Въ щеточномъ промыслѣ, представляющемъ несомнѣнные признаки капитализаціи, съ одной стороны мы видимъ полную зависимость кустарей отъ скупщиковъ, т. е. торговаго капитала, и относительное уменьшеніе съ 1879 года числа мужчинъ, занимающихся промысломъ, сравнительно съ числомъ женщинъ и дѣтей, посвящающихъ ему свои силы, а съ другой стороны здѣсь произошло значительное увеличеніе въ количествѣ мелкихъ промышленныхъ единицъ: число мелкихъ мастерскихъ, съ общимъ количествомъ работниковъ не болѣе 5, увеличилось за послѣднія 16 лѣтъ въ 2¹/₂ раза, число мастерскихъ среднихъ съ количествомъ работниковъ отъ 6 до 10—почти на половину, а мастерскихъ крупныхъ съ 10 и болѣе работниками оказывается одно и то же количество и по даннымъ 1879 г., и по даннымъ 1895 г. **). Т. е. наряду съ капитализаціей промысла идетъ уменьшеніе промышленныхъ единицъ. Что же это значить? Не побѣда ли кустарнаго принципа? Но вѣдь, съ другой стороны, въ промыслѣ замѣтна тенденція къ концентраціи. Все же дѣло объясняется тѣмъ, что крупное производство, необычайно удешевляя продукты, дѣлаетъ конкуренцію съ нимъ кустарей невозможной. Поэтому болѣе крупныя единицы среди нихъ ранѣе бросаютъ производство, не получая прибыли и не находя возможнымъ платить заработной платы своимъ рабочимъ, которую взять не изъ чего. Фабрички распадаются, а выброшенный изъ нихъ кустарь и работавшіе и прежде самостоятельно одиночки пытаются еще продолжать неравную борьбу. Такимъ образомъ, это кажущееся оживленіе „народнаго“ производства въ дѣйстви-

*) Ib. Промыслы, стр. 23.

**) „Ежегодникъ Московской губ. за 1895 г.“ Щеточный промыселъ, стр. 6.

ности представляет лишь послѣднюю стадію его умирания. Это явленіе было довольно вѣрно отмѣчено даже и земскими изслѣдователями, хотя лишь въ томъ случаѣ, когда домашняя форма крупнаго производства уменьшаетъ промышленныя единицы. „По мѣрѣ того, какъ щеточный промыселъ принималъ форму домашней системы крупнаго производства, онъ все болѣе становился доступнымъ для малосостоятельныхъ семей. Вотъ почему средняя величина промышленной единицы (въ щеточномъ промыслѣ) въ 1879 году равнялась 5,5 работниковъ, а въ настоящее время (1895) оказывается равной 4,6; вотъ чѣмъ объясняется огромное увеличеніе мелкихъ промышленныхъ единицъ, обходящихся безъ наемныхъ работниковъ, и, съ другой стороны, уменьшеніе съ 6 на 3 мастерскихъ съ 11 и болѣе человекѣми наемныхъ рабочихъ“ *). Крупное производство какъ бы увеличиваетъ количество мелкихъ самостоятельныхъ кустарныхъ единицъ. Но въ подобныхъ случаяхъ это является лишь страннымъ временнымъ противорѣчіемъ, предсмертной агоніей кустарнаго производства, между тѣмъ какъ теперь есть уже очень много кустарныхъ промысловъ, почти всецѣло зависящихъ отъ фабрики, призванныхъ къ жизни этой послѣдней, какъ, напр., катушечный промыселъ, размотка шелка, да и производство ящиковъ тоже въ значительной степени связано съ крупной промышленностью. Уничтожая одни промыслы, фабрика во многихъ случаяхъ предоставляетъ кустарямъ другіе, но и они, конечно, ограничены только тѣмъ временемъ, пока машина не начнетъ съ выгодой производить и манипуляціи, предоставленныя ручному труду.

Такимъ образомъ, насколько мы могли замѣтить, замѣна кустарнаго производства фабрикой идетъ по двумъ направленіямъ. Съ одной стороны, фабрика возникаетъ совершенно самостоятельно, часто въ мѣстности, гдѣ никогда и не бывало подходящаго промысла, и составляетъ на рынкѣ конкуренцію своимъ издѣліями тысячамъ кустарей, живущимъ иногда на очень большихъ отъ нея разстояніяхъ. Тутъ конкуренція происходитъ какъ бы извнѣ, и кустари уступаютъ понемногу этой невѣдомой имъ силѣ, которой они не видятъ, но которой вліяніе чувствуютъ осязательно. (Такъ исчезаетъ, напр., гвоздарный промыселъ). Съ другой стороны, фабрика можетъ появиться и въ средѣ самихъ кустарей, какъ естественная эволюція производства, которое, развиваясь, сначала переходитъ въ мануфактуру, а затѣмъ даетъ мѣсто и фабричному способу. Тутъ конкуренція является внутренней, происходящей въ средѣ самихъ кустарныхъ промысловъ, причемъ крупныя заведенія понемногу вытѣсняють болѣе мелкія единицы, часто предоставляя имъ мѣсто у себя же въ качествѣ наемныхъ рабочихъ. Разница того и другого пути зависитъ отчасти отъ характера самыхъ кустарныхъ промысловъ, на что мы уже указывали въ самомъ началѣ нашего очерка. Если промыслы чересчуръ отстали въ своихъ пріемахъ производства, если они не представляютъ никакихъ задатковъ къ его улучшенію и вообще дѣлають прогрессъ въ этой области невозможнымъ, то фабрика попросту уничтожаетъ ихъ, часто не имѣя съ ними ни малѣйшей связи. Если же промыселъ развивается, прогрес-

*) Тамъ же, стр. 8.

сируетъ или, по крайней мѣрѣ, представляетъ задатки для прогресса, то изъ него самого, на его основаніи, естественнымъ путемъ возникаетъ сначала мануфактура, а потомъ и фабрика. Послѣдній путь, конечно, какъ мы уже говорили, менѣе болѣзненный. Поэтому, какъ мы видимъ, тутъ два великіе принципа, борьба и прогрессъ, осуществляемый при ея помощи, вполне находятъ себѣ примѣненіе, причемъ въ одномъ случаѣ преобладаетъ первый принципъ, а въ другомъ случаѣ—второй. Уровень техники, такимъ образомъ, направляетъ судьбы промысла по тому или другому пути: черезчуръ низка техника—и промыселъ умираетъ для того, чтобы уступить мѣсто фабрикѣ; прогрессируетъ техника—и промыселъ постепенно вырастаетъ до фабричнаго способа производства. Опять техника нагляднымъ образомъ оказываетъ свое вліяніе на экономическія отношенія.

М. Нурчинскій.

Замѣтки о новѣйшей польской литературѣ.

Подъ словами „польская литература“ подразумѣвается обыкновенно польская беллетристика, и это не безъ основанія: до сихъ поръ въ польской литературѣ беллетристика играетъ главную, руководящую роль. Въ силу особыхъ условій жизни польскіе писатели издавна должны были себѣ усвоить или „языкъ боговъ“, или эзоповскій, если хотѣли, чтобы „нмѣющіе уши“ ихъ слышали, поэтому поэтической памфлетъ и художественная полемика нигдѣ не достигли такого совершенства, какъ именно въ польской литературѣ.

Замѣчательный примѣръ соединенія самой высокой поэзіи и самой страстной публицистики мы видимъ во всей литературной дѣятельности Мицкевича и его современниковъ. Необычайное развитіе и серьезное значеніе польской изящной литературы настолько поражаетъ воображеніе польской критики, что ей очень трудно бываетъ отрѣшиться отъ дионрамбическаго, преувеличеннаго тона, особенно по отношенію къ романтическому періоду родной поэзіи. Даже у такого серьезнаго и добросовѣстнаго критика-ученаго, какъ г-нъ Хмѣлевскій, оцѣнка нерѣдко превращается въ славословіе, которое у критиковъ - диллетантовъ положительно не имѣетъ предѣловъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ критическомъ очеркѣ *) проводится мысль, что исторія человеческого духа знаетъ только два чуда: древне-греческую классическую литературу и польскую романтическую поэзію. Греческая литература является чудомъ, такъ какъ она вполнѣ самобытна, независима отъ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній; польская романтическая поэзія, хотя далеко не такъ самобытна, но можетъ быть названа чудомъ, потому что ея расцвѣтъ не только не соотвѣтствовалъ окружающимъ ея условіямъ жизни, но прямо противорѣчилъ имъ: эта поэзія расцвѣла вдругъ, на развалинахъ классицизма, среди литературнаго застоя и всеобщей спячки. Едва ли надо еще опровергать сужденіе о безусловной независимости греческой литературы отъ постороннихъ вліяній; что же касается второго „чуда“, появленія польской романтики на руинахъ классицизма, то тутъ именно вспоминается пословица нѣмецкихъ ученыхъ: „въ томъ-то и

*) *Wanda* „Idealny romantycznej poezji polskiej“. Poznan, 1899.

чудо, что на свѣтѣ нѣтъ чуда“. Вездѣ въ Европѣ романтизмъ выросъ на рупнахъ классицизма, вездѣ онъ являлся протестомъ личности противъ инертной или угнетающей среды, вездѣ, наконецъ, онъ носилъ ясно выраженный національный характеръ при всѣхъ своихъ aspiraціяхъ къ экзотизму и космополитизму. Польская романтика не составляла исключенія.

Катастрофа 1861 г., поколебавъ идеалы, возвеличенные романтикой, нанесла ей страшный ударъ. Съ трудомъ оправившись отъ тяжелыхъ и болѣзненныхъ разочарованій, польское общество заговорило о томъ, что пора освободиться отъ неограниченной власти поэзіи, такъ какъ она не можетъ служить надежнымъ маякомъ, а скорѣе похожа на блуждающій огонь, сбивающій съ пути и ведущій къ гибели; что спасеніе не въ мечтахъ, какъ бы ни были онѣ возвышенны, а въ „органическомъ трудѣ“ на пользу родной страны. Литература подхватила этотъ новый лозунгъ—„органическій трудъ“ (praca organiczna), и вотъ, вмѣсто неограниченной власти поэзіи, наступило неограниченное царство прозы: публицистика заняла болѣе независимое положеніе, повѣсть и романъ, до тѣхъ поръ почти неизвѣстные въ польской литературѣ, стали быстро развиваться. Вслѣдъ за Крашевскимъ, работавшимъ и до 60-хъ гг., но въ одиночествѣ почти абсолютномъ, стали появляться на полѣ польской изящной прозы все новыя и новыя силы. Мѣсто романтическихъ героевъ, поэта, пророка, рыцаря, политическаго заговорщика, заняли новые герои, пионеры органическаго труда—инженеръ, механикъ, агрономъ, ученый, наконецъ, благодѣтельствующій милліонеръ и обожаемый крестьянами крупный землевладѣлецъ. Беллетристика стала такъ же часто вторгаться въ область науки, какъ прежде поэзія вторгалась въ область публицистики. Писатели полемизировали многотомными романами и пятиактными драмами за или противъ Дарвина, О. Конта, Спенсера; „позитивизмомъ“, „реализмомъ“ или гордились, или бранились всѣ писатели и ихъ герои. Такое броженіе умовъ и увлеченіе научными проблемами охватывало тогда всю западную и восточную Европу, но въ Польшѣ, благодаря особымъ условіямъ, оно выразилось совершенно оригинально: въ то время, какъ во всей Европѣ новое умственное движеніе вызывало движеніе политическое, склонность къ новаторству, болѣе или менѣе рѣшительному, въ Польшѣ именно позитивисты и реалисты являлись противниками всякихъ „теорій катастрофъ“ въ политикѣ; эти теоріи были гораздо болѣе по сердцу ультрамонтанамъ и патриотамъ стараго закала, знатъ не хотѣвшимъ Дарвина, Конта и Спенсера и упрекавшимъ „молодыхъ“ въ подрываніи патриотическихъ традицій, въ отреченіи отъ національныхъ идеаловъ. Борьба „отцовъ и дѣтей“ въ польскомъ обществѣ и литературѣ проявлялась именно въ томъ, что отцы бранили дѣтей за умѣренность и аккуратность, а дѣти упрекали отцовъ въ легкомысліи и расточительности своихъ собственныхъ и народныхъ силъ. Только въ средѣ австрійскихъ поляковъ споры отцовъ и дѣтей носили характеръ болѣе сходный съ такими же спорами во всей остальной Европѣ, такъ какъ въ Австріи не 1861 г., а 1848 г. былъ рѣшительнымъ политическимъ моментомъ: впечатлѣніе катастрофы успѣло уже сгладиться, создались условія, благопріятствующія спокойному на-

строенію среди „отцовъ“, увидѣвшихъ возможность согласить племенной патриотизмъ съ патриотизмомъ государственнымъ, всеавстрійскимъ, тогда какъ „дѣти“ начали уже усматривать новыя перспективы и создавать новые идеалы.

Сообразно условіямъ жизни разныхъ частей польскаго общества, взглядамъ и аспираціямъ разныхъ его группъ видоизмѣнялся и расчленился новый идеалъ „органическаго труда“, — вначалѣ подъ этимъ терминомъ подразумѣвались всѣ виды практической дѣятельности, заключенной въ предѣлахъ родного края, но вскорѣ нѣкоторые изъ героев органическаго труда, показавшіе себя уже не въ литературной фикціи, а въ конкретныхъ условіяхъ жизни, заставили усумниться многихъ пропагаторовъ новаго лозунга въ безусловной идеальности всѣхъ „органическихъ тружениковъ“ безъ исключенія. Начались оговорки, запутывавшія дѣло до такой степени, что невозможно было подчасъ разобрать, кто же собственно считаетъ себя реалистомъ, а кто идеалистомъ и въ какомъ смыслѣ надо понимать эти термины.

Мало-по-малу изъ этого хаоса выдѣлилось одно болѣе опредѣленное направленіе, народническое, котораго первые проблески можно прослѣдить еще въ романтической польской поэзіи, въ ея пристрастіи къ этнографіи, особенно же въ томъ ея направленіи, которое извѣстно подъ именемъ украинской школы.

Украинская народная словесность и трагическая исторія заняли воображеніе молодыхъ поэтовъ-романтиковъ, къ тому же демократическое настроеніе должно было увлекать сердца молодыхъ „хлопомановъ“ изъ „панской“ Польши въ „хлопскую“ Украину, что, впрочемъ, не мѣшало молодымъ польскимъ „украинцамъ“ считать себя, такъ же какъ и всю Украину, неотдѣлимыми отъ „общаго отечества“ — Польши. Украинская школа была довольно осторожна въ выборѣ сюжетовъ: она разрабатывала балладные, фантастическіе мотивы народной украинской поэзіи, какъ раньше Мицкевичъ и его подражатели разрабатывали народныя польскія темы; если же иногда приходилось касаться историческихъ воспоминаній, то молодые поляки-украинцы или уходили во тьму временъ общеславянскихъ, или ограничивались временемъ первыхъ татарскихъ набѣговъ, ранняго періода казачества или рѣдкими моментами польско-украинской солидарности, и такимъ образомъ избѣгали всякихъ „раздражающихъ моментовъ“. Правда, отъ этого произведенія украинской школы, напоминающія отчасти юношескія баллады Шевченка, отчасти раннія повѣсти Гоголя, выходили довольно искусственными и слишкомъ идиллическими, но это былъ единственный способъ угодить „и роднѣ, и отечеству“. Такое литературное направленіе, которое подчасъ даже польская критика называла „танцемъ между яйцами“, не могло имѣть будущности, и дѣйствительно, „украинская школа“ такъ же скоро отцвѣла, какъ и расцвѣла. Послѣдніе отголоски ея прозвучали въ поэмахъ умершаго лѣтъ пятнадцать тому назадъ кievскаго поэта Владиміра Высоцкаго.

Чисто народническое направленіе обнаружили не столько поэты, сколько прозаики, продолжавшіе традицію украинской школы. Если въ историческихъ романахъ, появившихся въ 50-ые годы, все еще преобладаетъ романтическое увлеченіе легендой и авантюрой, то уже въ романахъ Ежа и въ драмѣ Корженев-

скаго „Гуцулы“ (Каграссу *górale*) видна сознательно проведенная демократическая тенденція и переходъ отъ шаблоновъ къ пробамъ, если же рѣшенія, то постановки серьезныхъ вопросовъ, касающихся сословныхъ отношеній. Ежъ, въ своихъ повѣстяхъ изъ жизни бѣглыхъ крѣпостныхъ украинцевъ въ Добруджѣ, горячо защищаетъ, иллюстрируя трогательными примѣрами, то положеніе, что „неотесанный хлопъ“ обладаетъ такимъ же умомъ и сердцемъ, какъ и всѣ другіе люди, а кромѣ того еще отличается простой, *неиспорченной* натурой и способностью къ безграничному всепрощенію; если же этотъ кроткій „хлопъ“ иногда превращается въ бѣглаго или, какъ въ драмѣ Корженевскаго, въ разбойника, то это значитъ, что оны поставлены въ совершенно невыносимыя условія, которыя требуютъ безотлагательной реформы или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ наиболѣе необходимыхъ улучшеній.

Съ перваго взгляда кажется страннымъ, что начало польскаго народничества такъ тѣсно связано съ вліяніемъ украинской школы на романистость и драматурговъ переходнаго между романтизмомъ и реализмомъ періода. Выходитъ, какъ будто польскіе писатели раньше замѣтили существованіе украинскаго „хлопа“, чѣмъ своего польскаго. Да это, дѣйствительно, такъ и было, потому что украинскій „хлопъ“ настойчиво напоминалъ о своемъ существованіи въ теченіе многихъ вѣковъ, украинскій вопросъ стоялъ грознымъ призракомъ передъ польскими дѣятелями всѣхъ направленій, даже трудно было заговорить объ украинской этнографіи или исторіи, чтобы не наткнуться на подводные камни. Поэтому, наконецъ, и писатели, вовсе не принадлежащіе къ украинской школѣ, какъ, напр., Захарьяевичъ, и совсѣмъ не украино-фильскіе органы, какъ, напр., „*Kurjer Lwowski*“, нашли необходимымъ заговорить объ урегулированіи украинско-польскаго вопроса, поставляя на видъ, что „хорошо направленные русины“ (выраженіе „*Kurjera Lwowsk'ago*“) могли бы послужить своими силами, „теперь расточаемыми напрасно“, дѣлу прогресса на „общей роднѣ русиновъ и поляковъ“. Практическія пробы этого общаго служенія дѣлу прогресса, впрочемъ, до сихъ поръ не отличались особеннымъ успѣхомъ, разбиваясь, главнымъ образомъ, о несогласія въ пониманіи терминовъ „общее дѣло“ и „хорошо направленные“ силы: достаточно было малѣйшей невыдержки, ошибки такта съ той или другой стороны, чтобы съ большой торжественностью заключенный миръ переходилъ въ ожесточенную войну.

Прозаики, находившіеся подъ вліяніемъ поэзіи „украинской школы“, скоро освободились отъ этого вліянія, —слишкомъ ужъ трудна была задача согласить патриотизмъ двухъ національностей, примирить разныя историческія традиціи, отдѣлать классовыя стремленія отъ національных. Особенно это трудно было для писателя слишкомъ серьезнаго, чтобы обходить все это при помощи утопій или пидилліи, но не достаточно отважнаго, чтобы „смотрѣть волку прямо въ глаза“. Кстати, польскій „хлопъ“, мазуръ, наконецъ напомнилъ о своемъ существованіи, по крайней мѣрѣ въ Австріи въ 1848 г.; потомъ событія 1861 г., освобожденіе крестьянъ, германизация Познани, значительно обусловленная слишкомъ низкими культурнымъ уровнемъ польскаго крестьянина въ сравненіи съ нѣмец-

кимъ. — все это заставило польскихъ писателей-народниковъ заняться исключительно изученіемъ и изображеніемъ своего родного „народа“ (раньше это, если и бывало, то только спорадически, какъ бы случайно). Къ тому же русскій реализмъ вначалѣ, а потомъ французскій натурализмъ помогли польскимъ писателямъ привыкнуть различать людей не только въ историческихъ, театрално-этнографическихъ и салонныхъ костюмахъ. Впрочемъ, и въ польской литературѣ былъ великій образецъ для молодыхъ реалистовъ, а именно „Панъ Тадеушъ“ Мицкевича; оставалось только реалистическій способъ описанія, приобщенный гениальнымъ поэтомъ къ мелко-дворянской средѣ, употребить при изображеніи крестьянской среды.

Народническое направление имѣло огромное значеніе для польской литературы: оно сразу открыло новые горизонты, обновило и форму, и содержаніе польскаго романа и повѣсти, вызвало къ жизни новеллу. Оно, наконецъ, дало опредѣленные контуры идеѣ „органическаго труда“. Органическій трудъ, основанный на принципѣ служенія народу, уплаты вѣковыхъ долговъ всѣми забытому польскому крестьянину, удовлетворялъ одинаково „реалистовъ“ и „идеалистовъ“ и выдѣлялъ „карьеристовъ“ и „отсталыхъ“ (zascofancy) въ особый лагерь, который могъ себѣ выбирать, какое угодно, имя.

Время расцвѣта народничества совпадаетъ съ началомъ дѣятельности такихъ талантовъ, какъ Болеславъ Прусь, Элиза Ожешко, Генрихъ Сенкевичъ, Клеменсъ Юноша: всѣ они достаточно извѣстны русской читающей публикѣ, и потому вдаваться въ подробную характеристику ихъ произведеній было бы излишне. Кто внимательно слѣдилъ за литературнымъ развитіемъ этихъ писателей, тотъ могъ замѣтить, какъ народническая тенденція мало-по-малу ослабѣвала у нихъ.

Э. Ожешко, никогда, впрочемъ, не бывшая яркой народницей, въ продолженіе своей долгой и плодотворной литературной дѣятельности постоянно мѣняла поле своихъ наблюденій (въ этомъ, между прочимъ, ея большая заслуга и интересъ), смотря по тому, какая среда привлекала въ данный моментъ ея вниманіе или какія идеи носились въ воздухѣ. Такимъ образомъ, въ ея произведеніяхъ отразились: женскій вопросъ, еврейскій вопросъ, идея органическаго труда (это главнымъ образомъ), идея культурнаго поднятія крестьянства и уплаты дворянскихъ долговъ, т. е. народническая идея, потомъ тревога передъ надвигающейся массой пролетаріата и т. д. Народничество было только однимъ изъ моментовъ, и Э. Ожешко могла перестать интересоваться этимъ моментомъ, ничуть не измѣняя своему гуманизму, которымъ проникнуты всѣ ея произведенія.

Болеславъ Прусь, будучи юмористомъ съ наклономъ къ карикатурѣ, скоро увлекся больше формой, чѣмъ содержаніемъ, и его сочиненія замѣчательны скорѣе неподражаемо схваченнымъ народнымъ говоромъ, чисто національнымъ юморомъ, чѣмъ глубиной идей. Послѣднія его произведенія уже не имѣютъ никакого отношенія къ народничеству, какъ, напр., его послѣдній большой романъ „Эмансипатка“ (вышедшій недавно въ русскою переводѣ), гдѣ онъ является противникомъ эмансипаціи женщинъ.

Клеменсъ Юноша, натолкнувшись при изображеніи жизни всякой бѣдноты

на еврейскій вопросъ, увлекся имъ и посвятилъ почти всю свою дѣятельность анализу и освѣщенію еврейской среды. Такъ какъ эта среда не относится непосредственно къ земледѣльческому сословію, хотя и связана съ нимъ тысячью нитей, то К. Юноша, избывая ее главнымъ объектомъ своего наблюденія, уклонился такимъ образомъ отъ прямого народническаго пути и приблизился къ демократамъ послѣдующаго направленія.

Георхъ Сенкевичъ взялъ сначала народнической тонъ гораздо болѣе рѣшительно, чѣмъ всѣ его товарищи по направленію. Навѣрное, его „Эскизы углемъ“ еще не изгладились изъ памяти русскихъ читателей, но я позволю себѣ привести одну тираду, которой онъ заключилъ свой набросокъ „Рѣпиха“ (Кьерова), гдѣ изображена горькая судьба униженной и оскорбленной крестьянки: „Ахъ, если бы это панна Ядвига очутилась въ подобномъ положеніи, то-то бы я написалъ сенсационный романъ, которымъ постарался бы убѣдить самыхъ ярыхъ позитивистовъ въ томъ, что еще существуютъ идеальныя созданія на свѣтѣ! Но въ паннѣ Ядвигѣ каждое впечатлѣніе дошло бы до самосознанія; отчаянныя метанія души выразились бы въ не менѣе отчаянныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ очень драматическихъ мысляхъ и словахъ. Этотъ заколдованный кругъ, глубокое и крайне болѣзненное чувство безпомощности, безсилія и насилія, эта роль листа среди бури, глухое сознаніе, что нѣтъ ни откуда спасенья: ни отъ земли, ни отъ неба, — все это вдохновило бы, конечно, панну Ядвигу на не менѣе вдохновенный монологъ, который мнѣ довольно было бы только записать, чтобы составить себѣ репутацію. А Рѣпиха? Этотъ простой народъ когда страдаетъ, то только страдаетъ и больше ничего“.

Эту тираду, звучащую глубокой ироніей, можно бы поставить въ эпиграфъ къ теперешнему новому юбилейному собранію сочиненій Г. Сенкевича, — этотъ эпиграфъ подошелъ бы такъ или иначе ко всѣмъ произведеніямъ талантливаго писателя. Послѣ „Эскизовъ углемъ“ — и довольно скоро — Г. Сенкевичъ оставилъ Рѣпихъ, Яковъ, Бартковъ, которые „только страдаютъ и больше ничего“, и обратился къ изображеніямъ исторической національной славы, въ которой участіе Яковъ и Бартковъ было невелико, къ созданію эпопеи начала христіанства вполне согласно ученію римско-католической церкви, и, наконецъ, къ описанію „отчаянныхъ метаній души“ если не панны Ядвиги, то другихъ людей ея сословія, — и составилъ себѣ во всѣхъ этихъ направленіяхъ вполне заслуженную и громкую репутацію.

Такое отступленіе отъ первоначальнаго направленія корифеевъ народнической литературы, хотя и не сопровождалось упадкомъ ихъ таланта и значенія, но, во всякомъ случаѣ, ускорило упадокъ самого направленія, которое едва успѣло пустить корни въ польскомъ обществѣ и въ чистомъ своемъ видѣ существовало очень недолго. Сбивчивость понятій „народъ“, „народность“, „нація“, „національность“, „націонализмъ“, „патріотизмъ“ постоянно сводила польскихъ народниковъ съ опредѣленнаго, прямого пути и въ теоріи, и на практикѣ.

Національный вопросъ всегда занималъ первое мѣсто въ польской литературѣ, и если въ послѣднее время раздаются съ одной стороны сожалѣнія въ

критикѣ и публицистикѣ объ охватившемъ будто бы поляковъ увлеченіи космополитизмомъ, а съ другой стороны выраженія радости, что это увлеченіе уже проходитъ, то, собственно, трудно понять, гдѣ и въ чемъ выразился этотъ „космополитизмъ“. Приверженцы „органическаго труда“ всѣхъ толковъ имъ не грѣшили, народники тѣмъ менѣе. „Народъ“ интересовалъ народниковъ не только, какъ „меньшій братъ“, какъ „неиспорченная натура“ и т. д., но и какъ оплотъ національности. Главной задачей „органическаго труда“ было не только экономическое благосостояніе и повышеніе культуры народа, но и защита территоріи отъ экономического вторженія иноплеменныхъ элементовъ. Крестьянство должно держаться за свои надѣлы, чтобы ихъ не отняли нѣмцы—вотъ тенденція наиболѣе замѣчательнаго романа В. Пруса „Форпостъ“ (Пласówka), въ которомъ изображается познанскій крестьянинъ Сликакъ, выбивающійся изъ силъ, чтобы только не отдать своего надѣла нѣмцамъ. Въ поэмахъ Маріи Конопницкой крестьяне говорятъ (это, конечно, идеалъ поэтессы-народницы): „Кто продастъ надѣлъ свой, тотъ не нашей вѣры“.

Этотъ принципъ „не выпускать земли изъ рукъ“ заставляетъ идти на компромиссы. На Сликаковъ, при ихъ бѣдности и некультурности, надежда въ борьбѣ противъ болѣе культурныхъ сосѣдей плоха, а навертать вдругъ вѣковую отсталость невозможно,—на это нуженъ долгій срокъ, а время не терпѣть,—приходится обратиться къ другимъ сословіямъ за помощью. Пусть мелкая шляхта сохраняетъ землю сообща съ болѣе крупной, забывая спѣсивые споры о разницѣ въ „благородствѣ происхожденія“ („Надъ Пѣманомъ“ Э. Ожешко), кстатѣ вѣдь „шляхтичъ на загородѣ равенъ воеводѣ“, какъ говоритъ историческая поговорка. Пусть дворянство землевладѣльческое заботится прежде всего объ уплатѣ долговъ своимъ кредиторамъ, чтобы они не продали съ публичныхъ торговъ „родной земли“ („Дикарка“ Э. Ожешко, „Семья Поланецкихъ“ Г. Сенкевича, „Паненка“ г-жи Еленской,—романъ, премированный на литературномъ конкурсѣ, — „Девайтысь“ г-жи Родзевичъ, тоже премированный, и масса беллетристики на эту тему). Какъ совмѣстить интересы кредиторовъ, помѣщиковъ и крестьянъ, объ этомъ народническая литература или умалчивала, или давала очень уклончивые отвѣты (вначалѣ было предлагала кооперацію, потомъ какъ-то забыла о ней), или отмахивалась отъ назойливаго вопроса, откладывая его „на завтра“, а „сегодня“ рекомендовала помѣщикамъ трудъ,—конечно, не физическій, но и не умственный, а трудъ управляющаго большинъ имѣніемъ, крестьянамъ тоже трудъ, конечно, физическій, а кредиторамъ, по возможности, терпѣніе, особенно, если эти кредиторы—евреи. Но если кредиторы принадлежать къ той же народности, что и должники, что тогда? Вѣдь „органическій трудъ“ ставить и другую задачу, съ точки зрѣнія національной не менѣе серьезную: не допускать вторженія иноплеменныхъ капиталистовъ. „Не выпускать денегъ изъ рукъ“,—принципъ самъ по себѣ ничѣмъ не хуже принципа собиранія и сохраненія земли, но онъ не такъ пришелся по сердцу народникамъ, которымъ недвижимая собственность какъ-то больше импонировала. Капиталистъ въ изображеніи бывшихъ и настоящихъ народниковъ является въ общемъ типомъ отрицательнымъ. Впрочемъ, въ послѣднее время и этотъ типъ на-

ходить себя апологетов. Известный писатель г-нъ Северъ, обнаруживающій большую идилическую симпатію къ „народу“, печатаетъ въ журналѣ „Атепешъ“ большой романъ, подъ заглавіемъ: „Выше силъ“ (Ponad sily), гдѣ идеализируютъ польскихъ капиталистовъ и предпринимателей-нефтепромышленниковъ въ качествѣ культуртрегеровъ восточной (русинской) Галиціи. Эти нефтепромышленники являются съ цѣлыми артелями польскихъ рабочихъ (мазуровъ, бывшихъ крестьянъ) эксплуатировать бориславскую нефть и благодѣльствовать мѣстное население русиновъ, давая заработокъ при поставкѣ необходимой утвари и подводъ. Русины относятся съ недовѣріемъ къ новымъ благодѣтелямъ, чѣмъ прекрасно пользуются болѣе привычные „культуртрегеры“, -евреи, раздувая вражду русиновъ не только къ предпринимателямъ, но и къ рабочимъ мазурамъ. Дѣлу культуры и собиранія капиталовъ еще мѣшаетъ недостатокъ солидарности и пониманія своихъ же собственныхъ интересовъ нѣкоторыми капиталистами, никакъ не умѣющими „я честь спасти, и капиталъ пріобрѣсти“. Интересна въ этомъ романѣ, между прочимъ, антитеза русиновъ и мазуровъ, нѣсколько напоминающая обычную антитезу „злыхъ и добрыхъ“ дѣтей въ правоучительныхъ книжкахъ. Русины — „злые“: они недовѣрчивы, не любятъ пановъ вообще, пьютъ водку, лѣнны, лишены инициативы, угрюмы, неповоротливы, ревнивы, не умѣютъ даже нравиться женщинамъ; мазуры, наоборотъ, — „добрые“: характеръ открытый, преданы своимъ панамъ тѣломъ и душой, пьютъ только пиво, трудолюбивы, предприимчивы, веселы, беззаботны, бравы и нравятся всѣмъ русинкамъ безусловно. Характеристика мазуровъ у Б. Пруса, Сенкевича, Конопницкой и др. была нѣсколько иная: тамъ они болѣе приближались къ типу русиновъ г-на Севера, но, можетъ быть, времена измѣнились, а можетъ быть, тутъ виновата литературная антитеза, эта „коварная сирена“, по выраженію французскихъ учителей словесности.

Въ романѣ этомъ, какъ во многихъ другихъ, гдѣ идеализируются новые герои „органическаго труда“, капиталисты-промышленники, мы видимъ новую пробу пракческаго рѣшенія труднаго вопроса: какъ можно „не выпускать денегъ изъ рукъ“ и вмѣстѣ съ тѣмъ по-христіански отпускать долги своимъ соотечественникамъ. Отвѣтъ простой: покрывать дефицитъ на счетъ какой-нибудь другой земли, лучше всего какой-нибудь „провинціи“, напр., восточной Галиціи; кстати, это будетъ даже благодѣніемъ для этихъ некультурныхъ русиновъ, которые, правда, страшно неблагодарны по своей натурѣ, но все же созданія Божія. Рѣшеніе довольно стройное съ національной точки зрѣнія, но не вполне удовлетворительное съ точки зрѣнія демократизма или хотя бы общаго гуманизма.

Такъ какъ романъ „Выше силъ“ очень типиченъ въ смыслѣ „последняго слова“ проповѣди „органическаго труда“, то можно заключить, что это направленіе, переживъ народнической періодъ, возвратилось къ прежнему хаосу, изъ котораго начинаетъ выдѣляться нѣчто новое и... бесконечно буржуазное.

То же случилось и съ другими принципами, которые нѣкогда были гордо выставлены на знамени молодой народнической школы: реализмомъ и позитивизмомъ. Послѣ громкаго, отзывающагося молодымъ задоромъ, провозглашенія новаго credo наступили моменты сомнѣнія, мучительнаго анализа, началась работа

мысли. Чѣмъ больше развѣчивались и теряли обаяніе западные учителя позитивизма и реализма у себя на родинѣ, тѣмъ тревожнѣе становился духъ ихъ учениковъ въ Польшѣ. Къ общему для всей мыслящей Европы страху передъ мрачной пустотой, грозящей водариться на мѣстѣ разрушенныхъ вѣрованій и отвергнутыхъ общественныхъ привычекъ, присоединялся еще страхъ за свое національное существованіе, лишающееся поддержки вѣковыхъ устоевъ въ видѣ историческихъ и религіозныхъ традицій. Человѣкъ „безъ догмата“, Леонъ Плошовскій, чувствовалъ себя несчастіемъ, чѣмъ „ученикъ“ детерминизма Грелу, такъ какъ на родинѣ Грелу бездогматизмъ довольно обыденное явленіе, а на родинѣ Плошовскаго люди „безъ догмата“ являются чужестранцами. И вотъ Плошовскіе бросаются, очертя голову, заглушая въ себѣ духъ анализа, въ море догматовъ, надъ которымъ еще такъ недавно высоко парилъ ихъ всеотрицающій духъ. А если ихъ скептическая совѣсть упрекнетъ, что это не совѣтъ искреннее „обращеніе“, они могутъ отвѣтить цитатой изъ Асныка, поэта поколѣнія Плошовскихъ, который такъ говоритъ о „людяхъ печальныхъ“:

„Жизнь имъ не дастъ утѣшеній небесныхъ.
Ангельскихъ надо явленій чудесныхъ
И Провидѣнья защиты высокой,
Надо имъ вѣчной любви—хоть далекой!“

Этотъ поэтъ прошелъ всю школу Плошовскихъ: разочарованія „теоріи катастрофъ“ онъ вылилъ въ мрачной поэзіи „Сонъ гробовъ“; затѣмъ, спасаясь отъ отчаянья, грозящаго безуміемъ, онъ настроилъ свою лиру на анакреонтическій ладъ, попробовалъ отнестись съ бравурой къ тому, что еще такъ недавно наполнило его душу ужасомъ:

„Тѣсь винныхъ лозъ на кладбищѣ!
Ты на нихъ смотришь со страхомъ?
Я себѣ кровь полирую
Дѣдовскимъ прахомъ!“

„Органическій трудъ“ казался ему слишкомъ прозаическимъ, къ проповѣди покаянія и уплаты долговъ онъ относился съ презрѣніемъ:

„Кается пусть въ сокрушеніи,
Кто собрался in aeterno:
Я на его погребеньи
Выпью Фалерно!“

Но гимнъ оргіи кончался страшнымъ диссонансомъ. Пришли на праздникъ какія-то блѣдныя тѣни; поэтъ „зналъ ихъ когда-то... недавно“; ихъ кровавыя слезы, ихъ молчаливыя рыданія отравили заморское вино ищущимъ забвенія живымъ ихъ собратьямъ, и вотъ анакреонтическій мотивъ превращается въ жуткую бравуру „танца смерти“:

„Въ пьяномъ чаду проклянемъ мы
Счастье за то, что невѣрно.
Завтра взорву себѣ черепъ,
Выпивъ Фалерно!“

Но „завтра“ оказалось не такъ трагично,—нашлись другія утѣшенія, какъ мы видѣли. Примирившись съ догматами, поэтъ къ концу жизни послѣ утѣшительныхъ мыслей о томъ, что

„Прекраснаго волшебство безконечно“,

обратился со словомъ ободренія къ падающему и изнемогающему сыну вѣка:

„Не говори, отъ жажды умирая,
Что въ мѣрѣ нѣтъ живой воды ключей:
Среди пустынь, ища въ миражахъ рая,
Ты проглядѣлъ оазиса ручей“.

Непримиримому и духомъ мятежному онъ давалъ совѣтъ, отзывающійся со-всѣмъ не поэтическимъ филистерствомъ, но заправленный легкой ироніей:

„Являясь въ общество, ты за пороги дома
Не приноси съ собою пугающаго грома,
Орлиныхъ взоровъ, вдохновенныхъ бредней,—
Оставь величіе съ галошами въ передней“.

И всѣ эти завѣты поэта поколѣнія Плошовскихъ не пропали даромъ: анакреонтизмъ и набожность умирающаго, стремленія къ новымъ надеждамъ и филистерское довольство малымъ раздаются то съ той, то съ другой стороны на польскомъ Парнасѣ; иногда одна и та же лира издастъ всѣ эти аккорды попере-мѣнно.

Въ общекъ польская поэзія, пробуждающаяся только теперь послѣ тридцатилѣтняго состоянія полу-сна, настроена мрачно и всѣ pessimистическія теченія міровой поэзіи находятъ въ ней себѣ отголосокъ: демонизмъ Байрова, стремящійся къ вирвавъ пантенизмъ Шелли, холодный космическій pessimизмъ Леконтъ де-Лилля и Марія Эредіа, сатанизмъ Бодлера, сверх-человѣческая презрительность Ницше, тоска пресыщенія и набожность отчаянныя Вердена, нравственный nihilизмъ Рембо, вѣчно страдающій эстетизмъ д'Аннунціо, безумный лунатизмъ Саръ Пеладана,—все это отражается, какъ въ зеркалѣ, въ созданіяхъ краковской школы поэтовъ, сотворившихъ себѣ кумиръ изъ поэтической прозы нестерово-вдохновеннаго Станислава Пшыбышевскаго. Но подъ всѣми этими трагическими масками, созданными космополитической міровой скорбью, чувствуется другое лицо, съ чисто польскими чертами, лицо безумца-импровизатора Густава, героя пламенныхъ галлюцинацій Мидкевича, только еще болѣе блѣдное, со взоромъ, остановившимся отъ ужаса передъ призраками или отъ гнетущаго кошмара, ско-ывающаго его члены и часто превращающаго рѣчь его въ безсвязный бредъ.

Прозанія польскіе еще находятъ жизнерадостныя или, по крайней мѣрѣ, трезво-веселыя ноты, утѣшаясь мыслями объ органическомъ трудѣ, воспомина-ніями о быломъ величіи, надеждами на лучшее будущее или, наконецъ, просто юмористическимъ отношеніемъ ко всему; горизонтъ поэтовъ гораздо мрачнѣе: „органической трудъ“ кажется имъ пошлой прозой,—да эту доктрину итъ, дѣй-ствительно, не за что благодарить,—воспоминанія и надежды, едва зазвучавъ,

прерываются диссонансомъ или ироническимъ вопросомъ, напоминающимъ знаменитую загадку: что лучше—ждать и не дожидаться, или имѣть и потерять?

Даже поэты-народники, среди которыхъ самое видное мѣсто занимаетъ Марія Конопницкая, отъ болѣе или менѣе удачныхъ пробъ поэтизаціи будничнаго труда и повседневныхъ страданій человѣческихъ уходятъ очень часто въ мечты о нирванѣ, разражаются проклятіями землѣ и упреками небу или ищутъ успокоенія въ философскомъ равнодушіи ко всему.

Янъ Каспровичъ, поэтъ, стоящій на рубежѣ между народничествомъ и другимъ демократическимъ направлениемъ, бросилъ недавно въ свѣтъ такое своего рода *pronunciamento*:

„Я отдавалъ себя во свѣдѣ толпѣ позорно,
Я звалъ ее, какъ рабъ, царицею царей,—
Теперь моя любовь не ляжетъ такъ покорно
На ступеняхъ ея безбожныхъ алтарей.

Остаткомъ силъ теперь воздамъ я ей судъ правый,
Слабѣющей рукой я сокрушу кумиръ.
Пожрала сердце мнѣ толпа, Молохъ кровавый,
И высосала мозгъ души *). какъ злой вампиръ!“

Затѣмъ его мысль идетъ зигзагами, какъ блуждающій огонь: онъ то взыскаетъ къ чарамъ природы и духу Винкельрода, то провозглашаетъ, что „истина въ любви и только въ ней“, то поэтизируетъ разбойничество, какъ выраженіе общественнаго протеста, то называетъ себя „гадиной“ и „воломъ покорнымъ“, то клянется, что душу не продастъ „ради выгоды лакейской“, что никогда не оставитъ забытой самимъ Богомъ „земли печали“ и не сойдетъ „съ полныхъ терній дорогъ“, то вдругъ, преисполнивъ презрѣнія ко всему на свѣтѣ, заявляетъ:

„Меня не тронетъ кровь и побѣжденныхъ стонъ!
Гдѣ жизнь идетъ, тамъ счастье неизвѣстно.
Пусть гибнетъ міръ,—на то и созданъ онъ“.

Поэтъ-идеалистъ Пшерва-Тетмайеръ говоритъ отъ лица своихъ собратьевъ въ стихотвореніи „Poeci idealici“:

„...Идея—Богъ нашъ будетъ вѣкъ царить
На тронѣ нашихъ чувствъ и помысленій.
Лишь тотъ достоинъ быть ея жрецомъ,
Кто скажетъ, какъ Христосъ передъ Своимъ Отцомъ:
„И за тебя готовъ на смерть среди мученій“.

Но въ чемъ же эта „идея“, если, по словамъ поэта, его поколѣнью (значитъ и поэтамъ-идеалистамъ) уже „нечего терять“,—такъ оно извѣрилось во все на свѣтѣ? Что изъ того, что эти поэты „горды и дерзки, словно полубоги, грозящіе рукой Олимпу самому“, когда они сами убѣждены, что теперь поэзія—„для

*) За выраженіе „мозгъ души“ переводчикъ снимаетъ съ себя отвѣтственность: это подлинныя слова поэта: *szpik duszy*.

людей забава"? Отчего же, въ такомъ случаѣ, такъ высокомерно „ногами попи- рать предшественниковъ труны“, преграждающіе потогмакъ дорогу — дорогу къ чему?

Вѣдь сами идущіе говорятъ:

„Уже вечерняя ложится тѣнь.
Гдѣ дверь, куда бы мы войти хотѣли?
Мы шли безъ остановки цѣлый день.
Да не напрасно ли мы этотъ зной терпѣли?
Во-истину, напрасно: нѣтъ намъ цѣли!“

Не лишено мрачнаго величія „Credo“ этого „идеалиста“ (Тетмайера), кото- рое начинается такъ:

„Завтра?.. не вѣрю, чтобы лучше было,
И незавидно мнѣ, что въ это вѣрятъ — дѣти.
...Мы вѣримъ въ голосъ, насъ во тьмѣ зовущій
Къ борьбѣ со зломъ, не ради возрожденья,
А просто ради зла, изъ ненависти къ злу
Да изъ врожденной жажды разрушенья.
Вотъ наша вѣра“.

Поэтъ вѣритъ, что „пока жить людямъ, быть на свѣтѣ злу“, что „нена- висть, вотъ мировой рычагъ“, что „безсмысленное, темное и бездушное человѣ- чество“ было бы совершеннымъ ничтожествомъ, если бы геніи время отъ вре- мени не отдавали ему свой духъ и свою мысль (стих. „Geniusze“). Послѣ та- кого мрачнаго, высокомернаго и смѣлаго въ своемъ отрицаніи credo какъ-то странно читать жалобы этихъ „идеалистовъ“ на людей толпы:

„Вы къ намъ взываете: „Мы выбились изъ силъ,
Вы дайте вѣру намъ и слово утѣшенья!“
А кто же намъ самимъ хоть слово подарилъ,
Когда нашъ духъ былъ слабъ? Намъ не было спасенья!“

Геніямъ ли духа и мысли жаловаться на то, что ихъ не умѣютъ поддержать „безсмысленное, темное и бездушное“ человѣчество? Гораздо послѣдовательнѣе уже обращеніе къ мистицизму:

„Тоскую о чемъ-то мистическомъ, тайномъ, сокрытомъ,
О чемъ-то, во мракъ безбрежномъ предвѣчно зарытомъ,—
Быть можетъ, оно послѣ ряда вѣковъ возвратимо,
Быть можетъ, оно въ этотъ мигъ незамѣтно идетъ себѣ мимо...“

Очень возможно также, прибавимъ отъ себя, что это „что-то“ усталые „поэты-идеалисты“ найдутъ опять-таки въ тѣхъ догматахъ, къ которымъ такъ склонно обращаться второе поколѣніе Плшовскихъ.

Уже одинъ изъ этихъ поэтовъ — Глинскій — говоритъ:

„Смерть отъ отчаянья? Нѣтъ, лучше жизнь въ обманѣ!“

Онъ же изображаетъ въ своемъ стихотвореніи „Ничто“ („Nis“) такое поло- женіе: поэтъ смотритъ, какъ строятъ костель; этотъ видъ сначала настраиваетъ

его на болѣе чѣмъ скептической ладъ, но затѣмъ путемъ длинныхъ и софистическихъ разсужденій поэтъ увѣряетъ себя, что „то, чего *нѣтъ*, умомъ постигнуть я сумѣю“; затѣмъ обращается къ строящимъ съ вопросомъ, на какія средства воздвигается костель?—„Даетъ, кто въ Бога вѣритъ“,—отвѣчаютъ ему.—„Дамъ и я“,—рѣшаетъ поэтъ, очевидно уже не сомнѣваясь, что онъ имѣетъ нравственное право участвовать въ созиданіи храма, основаннаго на томъ догматѣ, который есть для поэта „ничто“ или „ненужная необходимость“.

Есть, впрочемъ, попытки создать новый догматъ. Одинъ изъ наиболѣе искреннихъ и серьезныхъ поэтовъ-идеалистовъ — Жулавскій—исходитъ изъ еще болѣе безрадостнаго пессимизма:

„Нѣтъ въ этой жизни ни добра, ни зла,
А только суета и пустота безъ мѣры“.

Пробуетъ утѣшиться обманомъ, но сразу какъ-то чувствуется, что онъ не вѣритъ въ это средство:

„Мы лгать должны и душу убѣждать.
Что жалкій трудъ ея даетъ мірамъ блаженство“.

Въ большой философской поэмѣ „Надъ моремъ“, гдѣ изображается споръ позитивизма съ идеализмомъ, среди проклятій позитивной науки („Будь прокляты, кто въ душѣ возбудитъ жажду, но утолить не въ силахъ!“), среди пафосическихъ сомнѣній и надеждъ прорывается одинъ возгласъ,—вызванный красотой моря при лунномъ свѣтѣ,—полный свѣтлой, неудержимой радости и какого-то непосредственнаго убѣжденія:

„Прекрасенъ міръ!— Жить стоитъ!“

Это первый членъ новаго *credo* модернистовъ, признающихъ религію красоты выше всѣхъ догматовъ. Быть можетъ, это *credo* не вполне удовлетворяетъ всѣмъ запросамъ человѣческой души, но оно, по крайней мѣрѣ, звучитъ искренно, интересно, во всякомъ случаѣ, насколько гармонически будутъ согласоваться; между собою дальнѣйшіе члены этого *credo*, но объ этомъ теперь ничего нельзя сказать, такъ какъ слишкомъ еще мало данныхъ.

Быть можетъ, хоть этотъ культъ красоты спасетъ, наконецъ, польскую поэзію, какъ спасъ уже нѣмецкую, отъ неотвязной галлюцинаціи смерти, вѣчнаго разрушенія, гибели всѣхъ міровъ. Эта галлюцинація всецѣло овладѣла поэтами Ланге, Пшемыцкимъ (популяризаторъ Метерлинка, пишущій чаще подъ псевдонимомъ *Miriam*), Россовскимъ, не говоря уже о Тетмайерѣ, наконецъ, даже Щепанскимъ, вначалѣ довольно веселымъ поэтомъ, основателемъ краковскаго журнала „*Zycia*“ („Жизнь“), вокругъ котораго группировались молодые поэты-модернисты. Журналъ этотъ, недавно прекратившій свое существованіе, далъ возможность проявить себя многимъ теперь уже извѣстнымъ поэтамъ, въ томъ числѣ и Пшыбышевскому, который вскорѣ затмилъ славу всѣхъ своихъ собратьевъ, сотрудниковъ „*Zycia*“, и сдѣлался для нихъ образцомъ, вызывающимъ на подражанія.

Пшыбышевскій—поэтъ не въ техническомъ смыслѣ этого слова, такъ какъ

онъ не пишетъ стиховъ и только изрѣдка снисходитъ къ ритмической прозѣ, но онъ поэтъ и притомъ поэтъ-импрессионистъ по своимъ приемамъ и по своему способу мышления. Благодаря тому, что онъ, какъ поэтъ, очень талантливъ, владѣеть образами, умѣетъ создавать изъ нихъ новыя (болѣе или менѣе) комбинаціи,—только и можно понять его значительное вліяніе на направленіе новѣйшей польской поэзіи. Пшыбышевскій, въ своемъ сборникѣ quasi-критическихъ статей „На путяхъ души“ („Na drogach duszy“), который считается манифестомъ польской „модерны“, самъ заявляетъ, что въ его теоріи нѣтъ ничего новаго, а есть только синтезъ мыслей, къ которымъ онъ пришелъ, хотя и одновременно съ другими, но вполне независимо, самобытно. Съ тѣмъ, что теорія не нова, мы охотно соглашаемся, но противъ этой самобытности, на которой Пшыбышевскій такъ настаиваетъ, можно было бы возразить очень многое, такъ какъ „совпадений“ у него слишкомъ ужъ много — даже въ терминологіи—съ его предшественниками изъ французской *décadance* и нѣмецкой *Moderne*, только едва ли стоить предпринимать этотъ неблагодарный трудъ: если съ успѣхомъ подражать можно только родственнымъ по духу образцамъ, то тогда и подражаніе имѣетъ независимое значеніе, такъ какъ оно опредѣляетъ личность подражающаго; а Пшыбышевскій подражаетъ съ большимъ успѣхомъ, пожалуй, даже съ слишкомъ большимъ,—его сознательная нелогичность мысли и намѣренная безсвязность образовъ, какъ того требуетъ его заимствованная у декадентовъ и, отчасти, у импрессионистовъ теорія, напоминаютъ безуміе Гамлета, о которомъ ни дѣйствующія лица въ драмѣ, ни читатели, ни критики не могутъ рѣшительно сказать, было ли оно притворнымъ, или дѣйствительнымъ.

Попробуемъ изложить взгляды Пшыбышевскаго, насколько они поддаются изложенію.

Въ основу положенъ принципъ „искусство для искусства“, искусство же само не есть ни „красота“, ни „часть познанія“: къ нему неприменима ни одна изъ донынѣ созданныхъ эстетическихъ формулъ. „Искусство есть возсозданіе того, что вѣчно, независимо отъ всякихъ измѣненій и случайностей, отъ времени и пространства, слѣдовательно: „оно есть возсозданіе сущности, т. е. души, притомъ души, гдѣ бы она ни проявлялась: во вселенной ли, въ человѣчествѣ, или въ отдѣльномъ индивидуумѣ“.

„Искусство поэтому есть возсозданіе жизни души *во всехъ* ея проявленіяхъ, независимо отъ того, хороши ли они или дурны, прекрасны или безобразны“.

На этомъ послѣднемъ положеніи Пшыбышевскій настаиваетъ много разъ, повторяя, что принципъ новой эстетики не красота и не этика, а *сила*, энергія самодовлѣющая, ничему не подчиненная.

„Искусство не имѣетъ никакой цѣли,—оно само въ себѣ цѣль, оно абсолютно, такъ какъ оно отраженіе абсолютнаго:—*души*“.

„И такъ какъ оно абсолютно, то оно не можетъ быть заключено ни въ какія рамки, не можетъ быть слугою никакой идеи,—оно власть, оно источникъ, изъ котораго вышла вся жизнь“.

Искусство, сколько-нибудь служащее общественности или морали, це есть

искусство,—это „biblia pauperum“, замѣняющая учебники недомысленнымъ и необразованнымъ людямъ.

Особенно низко стоитъ „искусство демократическое, искусство для народа“, такъ какъ оно служитъ плебейскому стремленію сдѣлать доступнымъ то, что по самой природѣ вещей мало доступно.

„Народу не искусство нужно, а хлѣбъ; когда у народа будетъ хлѣбъ, то онъ самъ себя найдетъ дорогу“.

Жрецъ этой новой религіи искусства, артистъ, точно такъ же не имѣетъ никакихъ обязанностей и цѣлей, онъ самъ себя довлѣетъ — „ipse philosophus, daemon. Deus et omnia“,—онъ стоитъ выше жизни, всегда чистъ и святъ, не знаетъ ни правъ, ни ограниченій и ничего не признаетъ, кромѣ силы, въ чемъ бы она ни проявлялась (почему, собственно, онъ долженъ признавать силу?—это вѣдь нѣсколько мѣшаетъ *абсолютной свободѣ*!).

Итакъ, искусство и артистъ *свободны абсолютно*.

Можно бы, пожалуй, заключить изъ этого, что новая теорія признаетъ, кромѣ принципа силы, еще и принципъ свободы, но, увы! мы видимъ нѣчто прямо противоположное.

Что можетъ изображать неограниченно свободный артистъ въ своихъ твореніяхъ? Казалось бы отвѣтъ ясенъ: все. Какими приѣмами можетъ онъ пользоваться? Казалось бы, какими угодно: вѣдь онъ абсолютно свободенъ!

А между тѣмъ онъ не имѣетъ права изображать толпу и обращаться къ ней—это дѣло агитатора; не имѣетъ права входить въ художественное общеніе съ какимъ-нибудь определеннымъ человѣческимъ обществомъ—это дѣло ученаго; не имѣетъ права обращать вниманіе ни на политику, ни на всякія „внѣшнія перемѣны“ въ жизни народа, а можетъ только основываться на „неизмѣнномъ и вѣчномъ“ расовомъ отличіи одного народа отъ другого (должно быть, знать о томъ, что раса тоже не вѣчна и не неизмѣнна—тоже дѣло ученаго); не имѣетъ права создавать идеаловъ, долженъ только изслѣдовать душу, быть натуралистомъ-метафизикомъ (это выраженіе не принадлежитъ Пшыбышевскому, но да позволено будетъ употребить его здѣсь), изображать только „обнаженную душу“ въ ея обнаженнѣйшихъ состояніяхъ; не имѣетъ права изображать *вещей*, а только *чувства*, изъ нихъ только безсознательныя, такъ какъ только въ нихъ проявляетъ себя „абсолютъ“, отысканіе такихъ чувствъ позволено даже называть стремленіемъ къ идеалу; особенно строго воспрещается свободному артисту имѣть что бы то ни было общее съ „реализмомъ“, къ которому относится „все до сихъ поръ существовавшее искусство“ (за очень немногими гениальными исключеніями), потому что этотъ реализмъ есть „бездорожье души“.

Такимъ образомъ „абсолютно свободный артистъ“ является чѣмъ-то вродѣ лишеннаго всѣхъ правъ состоянія. Судя по тѣмъ положительнымъ примѣрамъ, на которые указываетъ Пшыбышевскій въ своихъ критическихъ очеркахъ, бѣдному свободному артисту даже выборъ темъ предоставляется очень небольшой: любовь, смерть... и, кажется, это все. Вокругъ этихъ двухъ темъ позволено группировать „чувства, мысли, впечатлѣнія, сны, видѣнія“, лишь бы только изображать

все это „непосредственно, какъ оно проявляется въ душѣ, безъ логической связи, со всѣми внезапными прыжками и сдѣвленіями“, бояться же упрековъ въ „смѣшномъ идиотизмѣ“ нечего, такъ какъ, во-первыхъ, свободному артисту вообще нельзя заботиться о славѣ или успѣхѣ—это позорное слабейство, а во-вторыхъ, „подъ тѣмъ, что жалкому мѣщанскому мозгу представляется смѣшнымъ идиотизмомъ, скрывается всегда глубина“.

Послѣ изложенія этихъ взглядовъ—*vogue la galère!*—Пшыбышевскій пускается въ открытое море противорѣчій собственной теоріи, которая перечислять было бы слишкомъ долго, и въ которыхъ упрекать совсѣмъ нечего, такъ какъ, во-первыхъ, метафизическій натурализмъ въ принципѣ признаетъ всякую нелогичность, а во-вторыхъ, въ этихъ противорѣчіяхъ все его спасеніе. Цѣляясь за эти противорѣчія, какъ за спасательный кругъ, носится поэтъ-метафизикъ по морю своихъ критическихъ импровизаций и лирическихъ построений. Благодаря этому кругу оказываются благополучно возвращенными въ лоно церкви истиннаго искусства національные гениіи Мицкевичъ, Словацкій, Шопенъ, которымъ прощены (по крайней мѣрѣ, не поставлены въ строку) и „Панъ Тадеушъ“, и „Семья зачумленныхъ“, и навѣянные „вышними перемѣнами“ полонезы, и многіе другіе грѣхи реализма. Можно надѣяться, что не все еще погибло даже для бѣдныхъ лишенныхъ правъ состоянія, имъ все-таки позволены сны и видѣнія, а вѣдь „нѣтъ ничего прекраснѣе грезъ о минувшемъ великолѣпіи, покрытомъ вѣковой паутиной, объ изъѣденныхъ ржавчиной королевскихъ коронахъ, о земномъ блескѣ заплѣсневѣвшихъ воспоминаній“ *),—возможно, что эти грезы приведутъ польскихъ натуралистовъ-метафизиковъ къ тому же, къ чему привели приверженцевъ органическаго труда всѣхъ отгѣнковъ, идеалистовъ, реалистовъ, народниковъ, а именно къ воссозданію одной изъ частей вѣчности—народа, говоря стилижъ Пшыбышевскаго. И тогда „свободный артистъ“, протестовавшій противъ всѣхъ традицій, подобно автору поэмы „Надъ моремъ“, скажетъ: „Я вдругъ все понялъ. Я все знаю. Я не былъ богомъ, я не былъ властелиномъ, я никогда не покидалъ того берега, на которомъ стоитъ моя избушка...“

Противъ этого метафизическаго натурализма, или декадентизма, или модернизма, котораго передовымъ бойцомъ является Пшыбышевскій, началась уже реакція. Въ театрѣ „обнаженные души“ выставляются въ видѣ „Каррикатуръ“,—такое заглавіе далъ своей комедіи молодой драматургъ Киселевскій, культивирующій на польской сценѣ стиль французской натуралистической комедіи, такъ называемой *comédie gosse* (отъ слова *gosse*—кляча). Киселевскій—начинающій драматургъ, это всего вторая его пьеса; по первой—подъ заглавіемъ „Въ сѣтяхъ“—можно было думать, что онъ относится съ симпатіей къ модернизму и его представителямъ, но въ „Карриатурахъ“ онъ выставляетъ ихъ согласно названію этой комедіи. Эти „обнаженные души“ являются тамъ людьми, у которыхъ *ni foi ni loi*, а къ тому же имъ совершенно недостаетъ даже „силы“, которой требуетъ ихъ доктрина.

*) Цитата изъ большой лирической поэмы Пшыбышевскаго „*Nad morzem*“ („Надъ моремъ“).

Герой комедіи портитъ жизнь двухъ дѣвушекъ, швей и барышни, и свою собственную, совершаетъ вмѣстѣ со своими товарищами всякія гадости, но все это такъ безсильно, безвольно, трусливо, что даже рѣчи не можетъ быть ни о какой силѣ. Силу—по крайней мѣрѣ, силу любви и „собачьей“ привязанности—проявляетъ только бѣдная швейка, единственный симпатичный типъ въ комедіи. Авторъ, повидимому, считаетъ своихъ героев-модернистовъ каррикатурами на ихъ же собственную доктрину.

Точно такъ же относится къ модернистамъ (толка „обнаженной души“) и Немоевскій въ своемъ романѣ „Письма безумнаго человека“ („Listy czlowieka szalonego“), написанномъ съ явнымъ полемическою цѣлью. Немоевскій выступаетъ и противъ теорій, и противъ практики артистовъ новой школы. Въ романѣ представлены признающіе девизъ „искусство для искусства“ со всѣми его комментаріями à la Пшыбышевскій. Въ громадномъ большинствѣ они, по мнѣнію автора, лишены таланта, а даже немногіе талантливые лишены силы и всякой инициативы и ждутъ себя спасенія изъ Парижа или отъ пришествія какого-то мессіи искусства, который долженъ вдохнуть жизнь въ мертвую форму,—такъ мечтаютъ болѣе искренніе, другіе же вполне довольны своимъ „новымъ искусствомъ“, которое хорошо оплачивается всякими „графинями Жоглинскими“ и подражающими имъ богачамъ, а кромѣ того доставляетъ имъ развлеченія въ видѣ хорошихъ натурщицъ. Одна изъ такихъ натурщицъ, героиня романа, увлеченная, изломанная, оскорбленная и даже матерьяльно раззоренная „жрецами искусства“, послѣ тщетной попытки стряхнуть съ себя тину этой „артистической“ жизни, бросается въ Вислу, что, конечно, очень мало трогаетъ ее „покровителей“, развѣ что даетъ имъ поводъ замѣтить, что Висла на то только и годится, „чтобы въ ней топули сентиментальныя дѣвушки“, она даже, какъ пейзажъ, не интересна—„совершенно фальшиваго тона“; то ли дѣло Сена!

Что касается девиза „искусство для искусства“, то онъ „такъ же хорошъ, какъ и всякій другой“, только „если бы, напримѣръ, я сказалъ нищимъ, калѣкамъ и хромымъ, что Богъ для Бога, а не для нихъ, то я отнял бы у нихъ единственную опору и утѣшеніе“. Впрочемъ, „въ искусствѣ всякія теоріи и выводы не имѣютъ ни малѣйшаго значенія“,—всѣ дѣло въ практикѣ, а на практикѣ мы видимъ, что „новое“ направленіе создало „литературу самыхъ низкихъ инстинктовъ безъ всякаго критическаго выбора“ (совершенно то же говорили въ свое время противники позитивнаго натурализма), сами же „свободные артисты“ продали себя всякимъ набобамъ—кто же можетъ лучше платить?—и наложили на себя невидимыя цѣпи, „обманывая свѣтъ теоріями о независимости“. Да если бы даже ихъ искусство дѣйствительно заслуживало этого названія (хотя бы только въ видѣ „отрывка искусства“), то, развѣ для его пониманія необходима роскошная обстановка, не лучше ли подождать съ пропагандой его до того времени, „когда въ жизни не будетъ голыхъ калѣкъ, оборванныхъ ребятишекъ и швеекъ съ красными вѣками“?—артистъ, видящій все это и работающій только для виновниковъ всей этой нужды, долженъ обладать каменнымъ сердцемъ. Если эти артисты боятся прозы жизни, то напрасно, такъ какъ

„только хорошей поэтъ цѣнить надлежало прозу“. Если же эти артисты служатъ только горсти избранныхъ, изъ презрѣнія къ „подлой черни“—человѣчеству, которое однако же обращается съ ними вѣжливо, несмотря на ихъ высокопарную ругань, то пусть эти „сверхлюди“ устроятъ отдѣльное государство, работаютъ тамъ сами на себя, не брезгая никакимъ трудомъ, чтобы ни въ комъ изъ „черни“ не нуждаться, а въ свободное отъ занятій время пусть предаются „чистому искусству“. Тогда покинутое челоѣчество, быть можетъ, упадетъ на колѣни и въ сокрушеніи сердечномъ будетъ слушать „голосъ, гремящій съ высоты“:

„Подлая чернь, темная толпа, филистерскій сбродъ...“

„Иначе, пожалуй, выведенное изъ терпѣнія челоѣчество начнетъ ихъ когда-нибудь взаимно... бойкотировать!“

Какъ всякій памфлетъ, романъ Немоевскаго страдаетъ сильнымъ сгущеніемъ красокъ и носитъ обличительный характеръ, придавая одностороннее освѣщеніе „новой школѣ“, какъ собранію людей прежде всего неискреннихъ, корыстныхъ, эгоистическихъ. Если смотрѣть на дѣло не съ точки зрѣнія обличенія, а только критическаго пониманія, то можно допустить, что и самое притворство бываетъ притворствомъ истерическаго больного, который въ притворныхъ припадкахъ выражаетъ свою дѣйствительно больную натуру, свою тоску, не умѣющую найти себѣ естественнаго выраженія. Быть можетъ, для лѣченія такихъ больныхъ необходимы иногда окрики и обличенія, но для діагноза ихъ болѣзни этого недостаточно. Въ минуты искренности они сами ставятъ себѣ діагнозъ лучше, чѣмъ ихъ врачи. Примѣромъ такого діагноза можетъ служить стихотвореніе Ланге „Ложь“ („Kłamstwo“), гдѣ поэтъ говоритъ, что все его равнодушіе, отрицаніе, иронія, космическій пессимизмъ—все это ложь, выдуманная имъ для того, чтобы заглушить въ себѣ отчаяніе передъ страшными страданіями челоѣчества и неразрѣшимыми загадками бытія; желая заглушить въ себѣ жажду мученичества и любви, поэтъ увѣрялъ себя, будто ему „ни до чего на свѣтѣ нѣтъ дѣла“ и будто онъ гордится тѣмъ, что онъ „подобенъ мѣди звенящей“,—но это все неправда: онъ любилъ „больше, чѣмъ дозволено любить“. Не въ этомъ ли правильный діагнозъ болѣзни польской модерна, —по крайней мѣрѣ, ея лучшихъ представителей?

Не производитъ впечатлѣнія здоровья и самъ обличитель больной модерна Немоевскій,—онъ, какъ недавно оперированный больной, не можетъ говорить сколько-нибудь спокойно о ранахъ; все челоѣчество представляется ему огромнымъ лазаретомъ, гдѣ за недостаткомъ медицинскаго и служебнаго персонала больные должны лѣчить и поддерживать другъ друга; онъ добросовѣстно пробовалъ изучать ихъ скорбные листы и слычать ихъ со своимъ собственнымъ, но, не видя конца этой печальной работѣ, онъ бессильно опускаетъ руки и въ отчаяніи взываетъ: „синтеза! синтеза!“—и крикъ этотъ повторяетъ вмѣстѣ съ нимъ почти вся польская литература. Но это не то стремленіе къ синтезу, которое свойственно челоѣку, видящему, что собранный имъ и другими громадный аналитическій матеріалъ самъ напрашивается на извѣстный, опредѣленный синтезъ,

давно поставленный въ гипотезѣ,—нѣтъ, это стремленіе человѣка, измученнаго изнуряющей работой, какъ-нибудь покоячить съ ней, ну, хоть сдать въ архивъ, что ли, только бы избавиться отъ этого моря ужасныхъ „человѣческихъ документовъ“. Но какъ избавиться? „Пусть человѣчество будетъ счастливо... пусть прежде всего будетъ счастливо!“ Такъ кончаетъ Немоевскій свои „Письма безумнаго“, но вѣдь это еще не синтезъ, а только выраженіе желанія.

Такъ же болѣзненно жаждетъ синтеза и другой, столь же талантливый, какъ и Немоевскій, но еще болѣе измученный писатель Жеромскій. Въ своихъ новеллахъ, а особенно въ своей послѣдней повѣсти „Люди бездомные“, онъ раскрываетъ цѣлый міръ невыразимаго страданія, именно невыразимаго, такъ это чувствуетъ авторъ, теряясь въ нервныхъ усиліяхъ выразить весь ужасъ физическихъ и нравственныхъ—особенно нравственныхъ—мукъ своихъ героевъ. Его манера письма напоминаетъ отчасти Достоевскаго, отчасти Гейерстама, по внутреннему содержанію онъ тоже близокъ къ этимъ обоимъ авторамъ,—съ одной стороны безконечная жалость и состраданіе ко всѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ, съ другой—чувство безысходнаго одиночества и самоуглубленіе, доводящее подчасъ до потери чувства дѣйствительности. „Синтезъ“, къ которому приходитъ герой „Бездомныхъ“, представитель сознательнаго интеллигентнаго пролетаріата, заключается именно въ усиленіи и сочетаніи этихъ двухъ элементовъ. Этотъ герой отказывается въ концѣ повѣсти отъ любимой дѣвушки и отъ всякой перспективы личнаго счастья не потому, что этого требуютъ какія-нибудь реальныя причины, а ради полной независимости совершенно одинокаго человѣка, обрешаго себя на служеніе страждущему человѣчеству: „Я не могу,—говоритъ онъ,—имѣть ни отца, ни матери, ни жены, ничего такого, что я прижималъ бы съ любовью къ сердцу, пока съ лица земли не исчезнутъ эти подлые кошмары. Я долженъ отречься отъ счастья. Я долженъ быть совершенно одинокъ. Пусть около меня никого не будетъ, кто бы меня удерживалъ!“

Противъ „не могу“ ничего нельзя сказать, такъ какъ если это—*чувство*, то оно такъ же законно, какъ и всякое другое. Но противъ „я долженъ“, какъ доктрины, можно возразить, что она прибавляетъ ко всѣмъ „кошмарамъ“ еще одинъ, хотя, можетъ быть, и не „подлый“, а именно кошмаръ аскетизма,—это кошмаръ опасный, грозящій удушьемъ или параличемъ. Къ счастью, такой „синтезъ“ невозможенъ для всѣхъ, а только для „избранныхъ“. Бѣдныя избранные!

Les extrémités se touchent,—Пшыбышевскій создаетъ искусство „горсти“, Жеромскій этику—тоже „горсти“, и въ какія тяжелыя цѣпи заковываютъ они эту „горсть“. Пшыбышевскій отрекается отъ счастья и красоты во имя „силы“, Жеромскій во имя „состраданія“; одинъ хочетъ освободить искусство, другой—человѣчество,—но кого можетъ освободить невольникъ въ цѣпяхъ?

Писатели, подобные Немоевскому и Жеромскому, производятъ впечатлѣніе чего-то безконечно нѣжнаго и любящаго, но не сильнаго, не свободнаго духомъ. Совершенно противоположное впечатлѣніе производитъ столь же грустный и сосредоточенный, но мужественный и свободный талантъ Сѣрошевскаго. Къ какой

школь онъ принадлежить? Какой эстетической теоріи придерживается? Едва ли онъ самъ задавался когда-нибудь этимъ вопросомъ. По стилю и по чисто объективнымъ приемамъ изложенія онъ рѣзко отличается отъ всѣхъ новѣйшихъ польскихъ беллетристовъ съ ихъ преувеличенными фразами, стремленіемъ къ оригинальности и крайнимъ субъективизмомъ. По внѣшней манерѣ, въ сущности, такіе различные по духу писатели, какъ Пшыбышевскій и Жеромскій, какъ Тетмайеръ и Каспровичъ, очень сходны между собой: они всѣ пишутъ новоромантическимъ стилемъ и постоянно противопоставятъ чувство разсудку. Сѣрошевскій по литературнымъ приемамъ ближе всего къ русскому реализму тургеневскаго образца, но по пристрастію къ исключительнымъ темамъ, грандіознымъ контурамъ приближается опять-таки къ романтизму. Никакихъ теорій искусства, никакихъ эстетическихъ догматовъ онъ самъ не развиваетъ нигдѣ, этическихъ программъ тоже не ставитъ въ отвлеченной формѣ, развѣ что иной разъ позволить какому-нибудь дѣйствующему лицу выразить такое мнѣніе: „Надо, чтобы каждое дѣйствіе, каждое движеніе наше заключало въ себѣ ясную частицу идеала, иначе все будетъ смертью... тщетой...“ Я не буду останавливаться на достаточно извѣстныхъ русскимъ читателямъ повѣстяхъ Сѣрошевскаго, изъ сибирской жизни, упомяну только объ его послѣдней повѣсти „Ришь-тау“, которая, кажется, еще не появлялась въ русскомъ переводѣ. Дѣйствіе ея происходитъ на Кавказѣ въ польской семьѣ. Семья эта „сѣла на землю“, отчасти по необходимости, но еще болѣе по сознательному желанію ея умершаго главы, который былъ человѣкомъ вообще очень идейнымъ, подчинявшимъ все въ своей жизни опредѣленнымъ „убѣжденіямъ“,—главнымъ его убѣжденіемъ было, что „оставаться въ согласіи со своей совѣстью можно, только будучи земледѣльцемъ. Земля—источникъ всякихъ богатствъ и нравственности“. Согласно этому принципу онъ устроилъ жизнь свою и своей семьѣ: дѣтей никуда не отдавалъ въ ученье, училъ ихъ самъ и старался привить имъ свои принципы; но когда онъ умеръ, то сыновья его остались недоучками и—далеко неубѣжденными. Имъ пришлось заниматься нелюбимымъ, навязаннымъ имъ почти насильно земледѣліемъ въ мѣстности заброшенной, некультурной, гдѣ они чувствовали себя оторванными отъ всего міра; къ тому же личная жизнь сложилась печально: оба брата влюбились въ свою приемную сестру, которая не любила ни одного изъ нихъ, а увлеклась заѣзжимъ членомъ Географическаго общества, молодымъ полякомъ, преданнымъ наукѣ. Братья ищутъ забвенія: младшій—въ природѣ и въ охотничьихъ приключеніяхъ, старшій—въ пьянствѣ и въ одуряюще тяжеломъ трудѣ.

Къ этой исторіи жертвъ навязанной идеи довольно механически присоединена исторія молодого члена Географическаго общества, сама по себѣ, впрочемъ, очень интересная, особенно своимъ финаломъ. Ученый вмѣстѣ съ проводникомъ-черкесомъ сваливаются въ пропасть во время экспедиціи, убѣгая отъ наводненія, вызваннаго землетрясеніемъ (три катастрофы сряду—это и старому романтизму впору!), однако остаются въ живыхъ, въ ожиданіи, пока ихъ все-таки зальетъ вода, проникающая въ пропасть отъ наводненія. Черкесъ рассказываетъ о судьбѣ своей семьи, объ эмиграціи въ Турцію, о тоскѣ по родицѣ...

потомъ, проникнутый глубокимъ фатализмомъ, молится и спокойно ждетъ смерти. Молодой ученый не находитъ въ себѣ молитвы, но онъ какъ бы исповѣдывается передъ собой въ этотъ грозный часъ приближенія конца и видитъ „грязь мелкой фальши, умолчаній, уступокъ, которыя онъ долженъ былъ дѣлать при разныхъ обстоятельствахъ жизни“, видитъ, что онъ не жилъ, а только собирался жить. Но вотъ теперь ужъ поздно, онъ упустилъ время и не будетъ жить никогда. „И все летѣло въ темную пропасть отчаянія передъ этимъ однимъ словомъ „смерть“. Потомъ показалось ему, что съ горныхъ вершинъ какая-то туманная женская фигура наклоняется къ нему и произноситъ его имя въ длинномъ ряду напрасно погибшихъ сыновъ своихъ...“ Ученаго потомъ находятъ младшій братъ-земледѣлецъ, но живого или мертваго—на это авторъ не даетъ отвѣта.

Сѣрошевскій не патриотъ въ ходичемъ смыслѣ этого слова, онъ часто проводитъ идею, что нѣтъ тяжелѣе и бесплоднѣе жизни, чѣмъ жизнь человѣка, чувствующаго себя чужестранцемъ—въ родной ли, въ чужой ли странѣ, все равно. Самъ онъ не относится какъ чужестранецъ ни къ идеологамъ-полякамъ, ни къ прокаженнымъ якутамъ, ни къ чукчамъ, ни къ черкесамъ, но „туманная женская фигура“ назоветъ его имя не въ ряду погибшихъ для нея сыновъ.

„Синтеза“, который старается найти у Сѣрошевскаго критика, мы, съ своей стороны, у него не видимъ, да и вообще едва ли скоро пайдетъ его польская литература, у которой аналитическая работа еще далеко не кончена, такъ какъ ей слишкомъ часто мѣшали въ работѣ болѣе или менѣе независимія отъ нея обстоятельства.

Польская критика вслѣдъ за беллетристами взываетъ: „синтеза, синтеза, во что бы то ни стало!“ Но не лучше ли было бы замѣнить эти слова другими: „свободы духа, отваги, во что бы то ни стало!“—быть можетъ, это требованіе даже легче выполнить. Во всякомъ случаѣ этихъ элементовъ наиболѣе недостаётъ богатой, разнообразной и крайне интересной польской литературѣ нашего времени, а это элементы, необходимыя между прочимъ и для синтеза.

Л. Украина.

Садъ осенью.

Знакомый аромат увянувшихъ вѣтвей...
Знакомый грустный шумъ... Садъ полонъ увяданья.
Въ глухой пустынности осыпанныхъ аллей
Царить осеннее глубокое молчанье...
Порою вѣтерокъ вѣтвями закачаетъ -
И листья зыблятся и тихо опадаютъ...
Желтѣющей листвы душистый запахъ вѣетъ
Какой-то горечью... Вокругъ—такая тишь,
Что сердце въ мертвенномъ молчаньи цѣпенѣтъ...
И долго, грезами обвѣянный, стоишь
Безъ мысли и безъ словъ, прислушиваясь къ шуму
Рѣдѣющихъ вершинъ и шороху листовъ...
И затаенная душою внемлешь думы
Вокругъ чернѣющихъ задумчивыхъ стволовъ.
...И сумракъ близится... Темнѣя, чаща спитъ.
Чу... Тихій, робкій свистъ... Какъ будто взмахъ крылами...
То вѣтеръ, притаясь за темными стволами,
Рыдая, листьями по воздуху кружитъ.
Въ дали, изъ сумрака, скользя передо мной,
Сіянье желтое трепещетъ, пробѣгая.—
Луна уже взошла и смотритъ, золотая,
Съ печальной высоты въ садъ темный и глухой...

Н. Я. Абрамовичъ.

ИЗЪ АНДРЕЯ НЪМОВЕВСКАГО.

(Переводъ съ польскаго *В. Ольшеской*.)

І. Лампа.

Однажды во время моего гувернерства пришлось мнѣ жить нѣкоторое время въ очень старомъ замкѣ. Замокъ этотъ даже, кажется, принадлежалъ когда-то моей фамиліи; но въ описываемое время онъ уже былъ собственностью тѣхъ богатыхъ личностей, которыя, какъ всѣмъ извѣстно, съ давнихъ поръ занимаютъ въ нашемъ обществѣ мѣста прежнихъ кастеляновъ, сенаторовъ, воеводъ и царьковъ. Подъ каменнымъ поломъ замка покоится даже, кажется, прахъ одного изъ моихъ предковъ. Вотъ въ этомъ-то замкѣ, однажды, поздней осенью, я долженъ былъ посвятить немного времени подушкамъ и перинамъ. Какая-то болѣзнь свалила меня въ постель, и нужно было немного полежать. Въ старомъ замкѣ, въ темныхъ стѣнахъ, осенью, когда за окномъ шумятъ ели, когда вѣтеръ завываетъ, какъ адская сила,—каждый пойметъ, что это не особенно пріятно. Къ счастью, меня оставили въ одиночествѣ и не беспокоили посѣщеніями холодные, равнодушные люди.

Однажды вечеромъ молодая экономка (самое свѣтлое созданіе во всемъ замкѣ) принесла лампу въ мою комнату. Я попросилъ, чтобы она поставила ее на полу около моей кровати. Дѣвушка поставила и, спросивъ, не нужно ли чего, ушла. Высокій покой былъ въ полумракѣ, только на потолокъ надъ лампою дрожалъ и мерцалъ свѣтлый кружокъ. За окномъ ревѣлъ вѣтеръ. Я всматривался въ этотъ блестящій кружокъ и впалъ въ полусознательное состояніе. Вдругъ изъ лампы выпорхнулъ какой-то черный клубокъ, долетѣлъ до потолка, завертѣлся въ свѣтломъ кружкѣ и, наконецъ, присталъ къ потолку. Мало-по-малу сталъ этотъ черный клубокъ разматываться, что-то въ немъ обрисовывалось: маленькое личико, искривленная фигурка съ рожками у

лба, и, наконецъ, въ кружкѣ, отразившемся отъ лампы на потолокъ, улыбнулся мнѣ чортикъ, раскланялся немного насмѣшливо и, наконецъ, даже заговорилъ... Такъ какъ рѣчь его имѣла смыслъ, то я ему отвѣчалъ, и, такимъ образомъ, между нами завязалась задушевная бесѣда. У больныхъ людей въ душѣ бываетъ темнота отъ наплыва тучъ черныхъ мыслей; и вотъ чортикъ съ потолка началъ бросать лучи своихъ философскихъ взглядовъ въ темноту моей души и нѣсколько освѣщать эти мрачныя пространства.

— Всѣ вы—люди больные!—говорилъ онъ мнѣ съ потолка.— Вы, вашъ отецъ, мать, братья, сестры, родственники, знакомые, соотечественники...

Я холодно всматривался въ эту фигурку. Тогда чортикъ спустился съ потолка по блестящей ниткѣ, усѣлся по-турецки на моей груди, подперся рукою и продолжалъ съ нѣкоторымъ философскимъ раздумьемъ:

— Вотъ, видите ли, всяко бываетъ на этомъ свѣтѣ. Есть страны золотистыхъ померанцевъ, есть страны глубокихъ истинъ и гениальныхъ открытій, есть страны прекрасныхъ теноровъ и скучныхъ романистовъ, есть страны глупцовъ и мудрецовъ, но ваша страна—это страна людей слабохарак...

Онъ какъ бы боялся договорить. Я вперилъ въ него холодный взоръ, и это его немного смутило. Онъ подпрыгнулъ на одѣялѣ, опять усѣлся, поджавъ ноги, и, вытянувъ передъ собою три миниатюрныхъ пальца, читалъ дальше свою лекцію:

— Видите ли, вотъ какъ-съ. Я вамъ это изложу параболически. Положимъ, вы вѣруете въ небо и адъ. Вотъ-съ, когда Господинъ пожелалъ сотворить поляковъ, то вылѣпилъ изъ глины много фигуръ, поставилъ ихъ на солнцѣ, чтобы просохли. Тогда-то мой господинъ—тотъ—„снизу“, который всегда любилъ портить творенія своего могущественнаго Соперника,—подкрался и въ однихъ фигурахъ сдѣлалъ громадныя измѣненія, вложивъ сердце въ черепъ, а мозгъ въ грудную клѣтку; другимъ фигурамъ вбилъ въ голову гвозди; у иныхъ помѣстилъ подъ совѣстью очень гибкія рессоры; еще инымъ отрѣзалъ головы и положилъ въ ихъ же собственные карманы; но нѣсколькимъ фигурамъ ничего не сдѣлалъ, оставивъ ихъ такими же, какими онѣ были, только напустилъ имъ на глаза чары и далъ соколиное зрѣніе, а у рукъ привѣсилъ невидимые грузы и сказалъ: „Вотъ это будетъ типъ мертвыхъ рукъ“.

Я грозно взглянулъ на чортика, но тотъ подпрыгнулъ на моей груди, выпрямился, подошелъ къ моему лицу, облокотился на мой подбородокъ, какъ на каѳедру, и заговорилъ тихо, таин-

ственно, почти шопотомъ,—и этотъ грозный, насмѣшливый шопоть пронизывалъ мнѣ кости, какъ мартовскій воздухъ. Минуту спустя я замѣтилъ, что съ потолка прилетало все больше и больше такихъ же черныхъ чертенятъ; они садились на одѣяло, на подушки, какъ аудиторія, среди которой чортикъ, облокотившійся на мой подбородокъ, походилъ на нѣмецкаго профессора, читающаго лекцію о причинѣ и концѣ всего существующаго. Онъ говорилъ:

— Итакъ, я возвращаюсь къ своей параболѣ: сердце въ черепѣ, мозгъ въ грудной клѣткѣ, души на рессорахъ, головы въ карманѣ, типъ мертвыхъ рукъ... Вы—народъ мертвыхъ рукъ и больныхъ геніевъ... Да, да! Нечего теперь толковать. Среди моря пустыхъ и громкихъ головъ есть нѣсколько умственныхъ островковъ, плавающихъ надъ этой мутной водой; но они сами знаютъ, что рано или поздно исчезнуть, и останется лишь только мутная вода. Здѣсь родится вашъ пессимизмъ, ваша общественно-философская религія. Пожалуй, вы настолько образованы, чтобы понять, что для васъ не стало мѣста на широкомъ свѣтѣ. Какъ только заблестятъ на Западѣ какія-нибудь идеи и охватятъ васъ,—вы уже чувствуете, что онѣ не для васъ и не для вашего общества. Народъ вашъ вѣрится въ мракъ, ему нужна эта вѣра для дальнѣйшаго существованія; но, живя въ мракѣ, онъ погибнетъ въ борьбѣ за существованіе. Заколдованный кругъ, изъ котораго не выведутъ васъ ни ваши патріоты, ни ваши публицисты, ни ваши филантропы! Со всѣхъ сторонъ море! Вѣришь ли въ какой-либо идейный плотъ,—что скажетъ на это твой родитель? Хочешь ли выплыть на спасательномъ поясѣ общественныхъ теорій,—мать бросаетъ проклятіе на твою голову. Хочешь ли посвятить себя просвѣщенію пустыхъ головъ,—сестры твои поднимаютъ крикъ, что безъ приданаго онѣ останутся старыми дѣвами. Хочешь ли втянуть въ заговоръ брата,—онъ предлагаетъ тебѣ стаканъ холодной воды и основаніе фабрики шолокъ въ Бѣлостокѣ; нѣтъ только денегъ, да небось найдутся... Что же тебѣ можно? Размножаться! Твой народъ? Это дикарь въ кафтанѣ. Работникъ? Послѣзавтра кончается таможенная война и къ чорту ваша промышленность! Интеллигенція? Приказчики или писатели, актеры, отставные служаки. За ними клубъ кощеевъ, экономовъ, декламаторовъ о воспитаніи, банкротовъ съ манерами... На васъ указываютъ пальцами. Гдѣ же тѣ пресловутые идеалы? Да, они существовали у васъ, какъ въ каждой странѣ, гдѣ они развиваются обратно пропорціонально цѣнности народа, какъ у евреевъ, гдѣ былъ Христосъ и апостолы, какъ въ Египтѣ, гдѣ родилась ваша христіанская нравственность. Что такое эти сказки

вашихъ прабабушекъ, бабушекъ и матушекъ? Что такое ваши полинялые народные лохмотья передъ культурнымъ могуществомъ Запада, передъ могуществомъ Востока, манлихеровыми пулями и финансовой силой? Что такое вы... вы... племя мечтателей... гордецовъ... банкротовъ... бездѣятельныхъ... слабохарактерныхъ?..

Глаза его принимали фіолетовый цвѣтъ, лицо посинѣло, ноздри бѣшено раздулись, онъ разростался, наклонялся надо мною, какъ облако, а кругомъ тучи черныхъ чертиковъ на одѣялѣ, на подушкахъ, на спинкѣ кровати заливались адскимъ смѣхомъ, съ дикимъ бѣшенствомъ указывали на меня пальцами, подпрыгивали, насмѣхались.

Мною овладѣло полное безсиліе. Я чувствовалъ у рукъ „невидимые грузы“ и съ невыразимымъ ужасомъ всматривался въ эти легионы, черные, маленькіе, подпрыгивающіе, насмѣхающіеся, хохочущіе, указывающіе пальцами...

Во мнѣ замирала жизнь. Вдругъ съ трескомъ разверзся полъ, все кругомъ замолкло, и среди ужающей тишины размѣреннымъ шагомъ вышелъ изъ подземелья по каменнымъ ступенямъ бѣлый, свѣтлый скелетъ, — скелетъ предка, подошелъ ко мнѣ, усѣлся на постели, взялъ мою разгоряченную руку, положилъ ее на свои обнаженные ребра, которыя поднимались и опускались, и заговорилъ голосомъ, похожимъ на громовой раскатъ:

— Чувствуешь... здѣсь... здѣсь еще бьется?

Да!.. Тамъ, подъ нагими ребрами... у того скелета... я чувствовалъ это... а въ насъ, живыхъ?

Я страшно вскрикнулъ и лишился чувствъ.

Когда я сталъ приходить въ себя, то увидѣлъ, какъ по моей комнатѣ бѣгали со свѣтомъ, вся комната была въ сажѣ отъ лампы, кто-то положилъ мнѣ руку на голову и чей-то женскій голосъ крикнулъ надо мною:

— Унесите же эту лампу съ копотью и откройте окошко!

Черезъ нѣсколько времени потянуло холодомъ, и цѣлыя стаи черныхъ чертиковъ вылетали черезъ окно на дворъ, гдѣ завывалъ осенній вѣтеръ и шумѣли ели...

2. С т а р у ш к а.

Былъ тихій, холодный вечеръ. Поднимался туманъ и понемногу закрывалъ грязныя фабрики, дворы, поля; бѣлѣлась лишь дорога, какъ длинная полоса суши между двумя морями тумана. А въ концѣ этой дороги, вверху высоко, сіялъ чугунно-литейный заводъ, и надъ нимъ въ туманѣ все шире разстилалось крас-

ное зарево. Заводъ блестялъ среди тумана, какъ адъ въ средне-вѣковой сказкѣ.

Я приостановился на дорогѣ и долго всматривался въ эту картину. Туманъ густѣлъ, воздухъ былъ насыщенъ сыростью. Слѣва таинственно темнѣла въ туманѣ чаща, точь-въ-точь какъ въ любой нѣмецкой балладѣ.

Я повернулъ. Моихъ ушей достигъ глухой шумъ изъ ближайшихъ заведеній. Какъ разъ въ это время раздались звонкіе гудки, возвѣщавшіе шесть часовъ. На дорогѣ появились кучки рабочихъ. Синія блузы, блѣдныя лица, въ рукахъ жестянки.

Вскорѣ дорога вновь опустѣла. Я двинулся дальше. Среди этого тумана можно было забыть, гдѣ находишься. Вотъ, просто кажется, что тамъ гдѣ-то тянутся безконечныя полосы, по которымъ съ туманомъ вѣетъ тоска и звенитъ что-то легонькій вѣтерокъ. А этотъ глухой шумъ тоже приводитъ что-то на умъ, что-то неуловимое, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ хорошо извѣстное.

Мнѣ встрѣтились новыя партіи рабочихъ. Они, очевидно, опоздали на ночныя работы, потому что бѣжали. Когда послѣдніе изъ нихъ скрылись, я опять оглянулся на заводъ. Гдѣ-то далеко горѣлъ онъ, какъ алая роза на бѣлой фатѣ,—странный, таинственный, какъ въ сказкѣ.

Вдругъ я услышалъ за собою тяжелый вздохъ, похожій на стонъ, въ которомъ отражались утомленіе, забота и тяжесть прожитой жизни.

Я оглянулся. Тамъ стояла, обѣими руками опершись на палку, старая женщина, сильно сгорбившаяся и, вѣроятно, очень уставшая. Ея восковое лицо было изрыто тысячами морщинъ, глаза выцвѣтшіе, какъ бы ослѣпшіе, платье очень бѣдное, покрытое мокрой пылью. Губы старушки безпрестанно дрожали.

Я почувствовалъ невыразимую жалость и обратился къ ней съ вопросомъ:

— Куда это вы спѣшите, бабушка, такъ поздно? Не бойтесь, что васъ здѣсь могутъ толкнуть, а то, пожалуй, и задавить?

Старая женщина обернулась въ мою сторону и, опираясь обѣими руками на палку, подняла трясущуюся голову, перевела духъ и произнесла надтреснутымъ голосомъ, медленно выговаривая слова:

— Какъ тутъ, баринъ, дойти до большого завода, гдѣ желѣзо тащатъ такими бревнами—вотъ!—и она жестомъ показала мнѣ воображаемую величину бревенъ. И когда я, не отвѣчая, глядѣлъ на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ, покачала головой и прибавила:

— Да, да, баринъ, такими бревнами, вотъ такими!

— А кого вы тамъ ищете, бабушка? — полюбопытствовалъ я. Старушка съ трудомъ выпрямилась и, опять склонившись на свою палку, отвѣчала:

— Сына ищу, баринъ, единственнаго сына! Одинъ у меня остался, да и тотъ работы искать пошелъ, къ людямъ, — потому тяжело теперь жить, баринъ, охъ, какъ тяжело! Тащилъ желѣзо, какъ и другіе, а тутъ его и немочь съ ногъ свалила. Писали мнѣ, чтобъ пріѣхать туда, смотрѣть за нимъ, а то жаль умирать молодому. Вотъ я и иду ужъ третій день. Писали мнѣ въ письмѣ, какъ дорогу спрашивать, а я не помню. Сама-то ужъ не вижу, а иду и людей спрашиваю по дорогѣ: какъ тутъ дойти до такого большого завода, гдѣ тащатъ желѣзо цѣлыми бревнами? Люди покажутъ рукою, а я иду туда. Такъ, значить, тамъ, баринъ?

— Тамъ! — сказала я, указывая на заводъ, который угрюмо блестѣлъ въ туманѣ.

— Такими бревнами? — прибавила старуха, какъ бы желая удостовериться, вѣрно ли я ей указываю путь.

— Такими бревнами? — отвѣтилъ я серьезно. — Уже недалеко.

— Спасибо, баринъ! — сказала старушка и поплелась, стоная, по дорогѣ.

Вскорѣ фигура ея потемнѣла и пропала въ туманѣ. Только надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ она скрылась съ моихъ глазъ, все ярче, краснѣе, блестѣлъ заводъ.

„Какъ въ сказкѣ, — подумалъ я, — какъ въ сказкѣ...“

3. Дѣти улицы.

Столица кутила. Всѣ окна зданій были великолѣпно освѣщены. Сани мчались однѣ за другими, звеня бубенчиками. Вѣтеръ стихъ, снѣгъ валилъ большими хлопьями и ложился на мостовую.

Послѣдній вторникъ! Изъ многихъ домовъ доносились звуки музыки. Весело, ахъ, какъ весело! Хотя въ сердцѣ скрывается боль и горе, на лицѣ все-таки цвѣтетъ улыбка. Легче какъ-то съ этой улыбкой.

По тротуару шелъ мальчуганъ, засунувъ руки въ карманы и надвинувъ шапку на глаза. Онъ посвистывалъ, вѣроятно, болѣе по привычкѣ, чѣмъ отъ веселости, потому что его личико поспѣло отъ холода, потому что онъ время отъ времени останавливался и потопывалъ ногами, обутыми въ искривленные сапоги, или же постукивалъ ими о стѣны домовъ для того, чтобы обогрѣться. Нѣсколько разъ онъ приставалъ къ прохожимъ, прося

милостыни, но всё отворачивались и спѣшили дальше. Мальчишка не выпросилъ еще ни гроша.

Вдругъ изъ сосѣдняго переулка выбѣжалъ мальчуганъ, одинаковаго съ нимъ роста, быть можетъ, еще болѣе оборванный, болѣе исхудалый. Однако этотъ бѣжалъ весело, иногда даже подпрыгивалъ, посвистывая. Мальчишки узнали другъ друга.

— Антось!

— Кубусь!

Они поздоровались и въ то же время должны были отскочить въ сторону, потому что мимо нихъ пролетѣли парадныя сани и чуть было ихъ не раздавили. Кубусь нагнулся, слѣпилъ комъ снѣга и бросилъ имъ такъ ловко, что попалъ въ высокую медвѣжью шапку кучера.

— Вотъ тебѣ!—крикнулъ онъ вслѣдъ исчезающимъ санямъ.

Затѣмъ обратился къ товарищу и сказалъ съ горечью:

— Карнаваль! Вотъ тебѣ и карнаваль! Просто музыка по всемъ кишкамъ разыгрываетъ!

— Скверно!—добавилъ мрачно Антось.

Они молчали одно мгновеніе.

— Ты ѣлъ сегодня?—спросилъ Кубусь.

— А ты?—отвѣтилъ Антось.

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза. Кубусь оперся о стѣну и сказалъ:

— Холодно!..

— Холодно!..—какъ эхо отвѣтилъ Антось, отряхиваясь.

Опять проѣзжали сани. Изъ однѣхъ донесся задумчивый женскій смѣхъ. Кубусь проводилъ сани взглядомъ и сказалъ:

— Люблю, когда весело!

— Я бы съѣлъ что-нибудь, — прошепталъ Антось. — Скверно голодать.

Кубусь серьезно взглянулъ на товарища и произнесъ:

— Охъ, это ужъ очень скверно, когда ѣсть хочется!

Опять настало молчаніе. Вдругъ Кубусь бросился на средину улицы, пронзительно свистнулъ и заоралъ во все горло:

— Э-эхъ, чортъ побери!

Поправилъ шапку и крикнулъ товарищу:

— Прощай, Антось!

И помчался по улицѣ. Антось посмотрѣлъ ему вслѣдъ, засунулъ руки въ карманы и поплелся дальше, надвигая время отъ времени шапку на глаза.

А столица кутила, кутила, какъ будто завтра долженъ былъ наступить конецъ міра.

Антось посмотрѣлъ въ окна зданій и думалъ, долго думалъ...

Можетъ быть, ему казалось, что этой столицѣ такъ же весело, какъ и Кубусю?..

4. Ноябрь.

Въ пустомъ полѣ стоитъ тополь, старый тополь. Вверху свинцовое небо, день кончается, подуваетъ вѣтеръ. Тополь шумить, шумить глухо, мрачно. Вѣтеръ мететъ его увядшіе листья; онъ летятъ надъ полемъ, падаютъ на землю. Тополь колеблется съ вѣтромъ, шумитъ какой-то мрачной жалобой, какимъ-то горемъ. Листья падаютъ все чаще, кружатся подъ дуновеніями вѣтра, сыплются на землю, поднимаются. На минуту вѣтеръ тихнетъ и тополь замолкаетъ. Но, спустя немного времени, вѣтеръ ударяетъ сильнѣе, трясетъ вѣтви, вертитъ тополемъ; его шумъ усиливается, сыплются новые листья все чаще, все больше. Тополь то поднимаетъ обнаженныя вѣтви къ небесамъ, то какъ бы съ отчаяніемъ наклоняетъ ихъ къ землѣ; терзаемый вѣтромъ, онъ шумитъ все громче, все печальнѣе, жалобнѣе; въ вѣтвяхъ его поднимается какой-то свистъ, какой-то стонъ, какое-то мрачное причитаніе, полное страха и боли. А листья сыплются и сыплются безъ конца все чаще и чаще и улетаютъ безвозвратно надъ пустыми полями.

Среди падающихъ листьевъ слышенъ такой шопоть:

— Почему это нашъ тополь такъ мрачно шумитъ?

А другіе листья, поднимаясь съ земли при дуновеніи вѣтра, такъ шепчутъ:

— Неужели же мы вѣчно будемъ вянуть на его вѣтвяхъ? Здѣсь весна наша была такъ коротка, лѣто такъ жарко, осень такъ безжалостна...

Падаютъ новыя кучи листьевъ и шепчутъ:

— Полетимъ, о, полетимъ съ этимъ осеннимъ вѣтромъ подъ теплое небо, на верхушки дубовъ, украсимъ собою ихъ кроны и снова зазеленѣемъ, а сильные сучья защитятъ насъ отъ ноябрьскихъ бурь. Дальше, о, дальше! Съ новымъ дуновеніемъ, въ неизвѣстную даль, подъ другія небеса!

Вѣтеръ дуетъ сильнѣе, тополь шумитъ, сыплются новые листья и шепчутъ:

— Подождите же, подождите! Тамъ шопоть радости, надежды? Въ какомъ же вы заблужденіи! Вернитесь! Тамъ ждутъ васъ погибель и забвеніе!

Все сильнѣе дуетъ вѣтеръ. Шопоть среди листьевъ возрастаетъ:

— Нѣтъ для насъ спасенія, нѣтъ воскресенія! Пришла осень и страхиваетъ насъ. Жизнь въ насъ замерла, погибнемъ далеко

отъ нашего тополя, не увидимъ уже веселаго солнца, напрасны всѣ мечты о возвращеніи!

Но другія кучи листьевъ шепчуть:

— Вернемся къ тополю, приростемъ къ вѣтвямъ его, подождемъ только благоприятнаго вѣтра. Вернемся, вернемся! Тополь зоветъ насъ, плачетъ о насъ, слышите, какъ стонетъ? Вернемся къ нему, обростемъ его крону,—насъ оживить его теплота. Не тратьте же силъ попусту!

Вихрь терзаетъ тополь, переходитъ въ бурю. Кучи листьевъ разлетаются вокругъ. Уже вихрь разметалъ ихъ по полю. Стоитъ обнаженный тополь, пронзительно шумя. Вдругъ раздается трескъ, страшный, ужасающій... И торчитъ въ полѣ сломанный стволъ тополя, а вихрь съ воємъ мчится черезъ пустырь.

Гдѣ-то вдали слышенъ еще шопотъ листьевъ о тепломъ небѣ, о возвращеніи къ родному тополю...

5. Два поколѣнія.

Вышелъ мѣсяцъ на небо больной, изнуренный. На посинѣломъ обликѣ въ глубокихъ глазныхъ впадинахъ угасала жизнь молодое чело изборождено морщинами. Видитъ онъ издали свою мать, землю, оборачиваетъ къ ней изнуренное лицо, и изъ глубины его впалой груди слышится жалоба:

— Ни жить, ни умереть!

Земля замѣтила его. Нахмуренное чело ея покрывается облаками заботы, морскія волны вздымаются, полныя тоски и грусти. Но среди облаковъ на челѣ появляются черныя тучи, въ которыхъ сверкаетъ гнѣвъ, и раздается глухой раскатъ грома:

— Живи или умирай! Зачѣмъ ты мучишь меня своей жалобой? Смотри! Послѣ столькихъ вѣковъ горять во мнѣ святыя огни, въ моихъ нѣдрахъ выводятся новыя созданія, кипитъ жизнь, вздымаются волны, шумятъ лѣса, зеленѣютъ луга. А ты съ пустотой въ сердцѣ, ничтожествомъ въ груди, передвигаешься передъ моими глазами, несчастный призракъ, безумный мертвецъ!..

На небо выбѣгаютъ звѣзды, искрятся, мерцаютъ красками жизни и жара; смотрятъ на гнѣвную землю, на изнуренный мѣсяцъ, обходятъ ихъ, удивленные видомъ блуждающаго мертвеца, выплываютъ на млечный путь, смотрятъ строго, грозно.

А мѣсяцъ, блѣдный, изнуренный, движется дальше вслѣдъ за землею, и тихій, еле слышный шопотъ срывается съ его губъ:

— Ни жить, ни умереть!..

На родинѣ Н. А. Некрасова.

Однажды я, гуляя со своимъ знакомымъ, П. Н., въ Ярославлѣ по набережной, держалъ къ нему слѣдующую рѣчь:

— Странное дѣло! Ярославцы слывуть людьми живыми и предпримчивыми, а между тѣмъ Ярославская губернія—одна изъ тѣхъ, о которыхъ ничего не слышишь, а городъ Ярославль—самый богоспасаемый, обывательскій городъ. Надо полагать, всѣ ярославцы поживѣй уходятъ на сторону, а дома остаются люди, тяжелые на подъемъ. Какъ въ старину Сергій, митрополитъ Филиппъ, князь Курбскій—все ярославцы—все свои силы отдали не тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они родились, такъ и теперь... хотя бы Некрасовъ.

П. Н., коренной ярославецъ, внималъ мнѣ сочувственно.

— Правда, правда,—подтверждалъ онъ мою филиппику.—Некрасовъ создалъ въ Петербургѣ лучшіе наши журналы и уже однимъ этимъ сыгралъ всероссійскую культурную роль. А между тѣмъ въ Ярославской губерніи о немъ, кажется, всего менѣе знаютъ. Вѣдь, вотъ, онъ выросъ въ Грешневѣ, здѣшняго уѣзда. За-границей цѣлое пилигримство установилось бы въ тѣ мѣста, гдѣ жилъ и выросъ такой поэтъ. Онъ же описалъ ихъ во многихъ произведеніяхъ, въ которыхъ и темы-то взяты изъ нашей же, ярославской, жизни. А у насъ развѣ кто-нибудь бывалъ въ Грешневѣ? Многие не знаютъ даже, гдѣ Некрасовъ и выросъ. А вѣдь и съѣздить недалеко, не дальше, чѣмъ на Бабайки. Нѣтъ у насъ культа замѣчательныхъ людей, некультурны мы.

Я мгновенно увлекся мыслью П. Н. и предложилъ ему:

— Такъ знаете что?—поѣдьте завтра. Будетъ праздникъ, а погода стоитъ хорошая.

— Н-нѣтъ...—замаялся П. Н.,—поѣзжайте вы лучше одинъ и опишите, что увидите, а я прочту.

Какъ ни старался я убѣдить П. Н. поѣхать въ Грешнево, онъ не согласился.

— Однако тяжелы же вы на подъемъ,—сказалъ я съ досадой,—настоящій ярославецъ изъ здѣшнихъ.

П. Н. кротко перенесъ мой укоръ, но совѣсть сказала мнѣ, что я и одинъ

могу съѣздить въ Грешнево, и если не ѣду, такъ тоже, должно быть, тяжело на подъемъ.

Но въ то время—дѣло было къ осени—я такъ и не собрался—и только уже въ концѣ весны нынѣшняго года я рѣшился привести въ исполненіе свое намѣреніе.

Я началъ дѣло довольно неудачно.

Плохо разспросивъ о мѣстоположеніи Грешнева въ расчетѣ, что языкъ до Кіева доведетъ, и увѣренный почему-то, что большая дорога изъ Ярославля въ Кострому, на которой, какъ я зналъ, находится Грешнево, идетъ только по правую сторону Волги, я высадился съ парохода на пристани Бабайскаго монастыря и направился пѣшкомъ къ ярославской большой дорогѣ, которая, какъ мнѣ сказали въ монастырѣ, проходитъ въ 7 верстахъ отъ берега Волги. Путь мой лежалъ черезъ посадъ Большія Соли къ селу Малыя Соли. Была суббота, и по дорогѣ навстрѣчу мнѣ все время попадались толпы крестьянъ, преимущественно женщинъ, направлявшихся въ монастырь на богомолье. Мнѣ пришла въ голову мысль, что я вѣдь тоже пилигримъ, только не такой, какъ тѣ, которые попадались мнѣ навстрѣчу, что есть нѣчто символическое въ томъ обстоятельстве, что я иду въ сторону, прямо противоположную движенію всѣхъ богомольцевъ, что, можетъ быть, со временемъ такіе пилигримы, какъ я, не будутъ одиноки, и пр., и пр. Съ такими мыслями я добрался до Малыхъ Солей, гдѣ вышелъ на большую ярославско-костромскую дорогу, и здѣсь къ большому моему огорченію, спросивъ, далеко ли до Грешнева, узналъ, что оно находится на лѣвомъ берегу Волги. Съ великой досадой въ хвостѣ все шедшихъ богомольцевъ вернулся я въ монастырь и съ первымъ пароходомъ отправился въ село Діево-Городище, чтобы идти оттуда въ Грешнево.

Извѣстно, что Волга ниже Ярославля течетъ въ низменныхъ берегахъ. По лѣвую сторону Волги—низина версты 4 въ ширину. Это мѣсто сильно затопляется полою водою, а теперь оба берега разстилались зеленою равниной, посрединѣ которой, синѣя, изгибалась полоса Волги. Берега здѣсь такъ низки, что пароходы на Волгѣ тамъ, гдѣ рѣка не видна за изгибомъ берега, кажется, плывутъ по самымъ лугамъ. Глазъ не видитъ конца зеленой равнины въ длину, по сторонамъ же налѣво дуга кончается рыжей распаханной горой, на которую я потомъ и выбрался, потому что идти лугомъ было грязно; направо за Волгой вдали также возвышались холмы. На одномъ изъ нихъ видны были 6 церквей посада Большія Соли; бѣлыя стѣны Бабайскаго монастыря также были передъ глазами.

Я прошелъ версты семь, пока добрался, уже къ вечеру, до Грешнева. Первой моею заботой было найти ночлегъ, и я спросилъ у первой встрѣчной бабы:

— Есть здѣсь трактиръ?

— Вамъ ночевать?

— Да.

— Ну, такъ идите вотъ въ этотъ,—указала она мнѣ на домъ посреди деревни.

— А развѣ есть еще трактиръ?

- Есть, да только тамъ хуже,—тамъ зимогоровъ много.
 — Откуда же въ деревнѣ взялись зимогоры?—удивился я.
 — Да вотъ есть—получился неопредѣленный отвѣтъ.

Я отправился въ тотъ трактиръ, на который мнѣ указала женщина. Я слышалъ ранѣе, что въ бывшей усадьбѣ Некрасовыхъ помѣщается теперь трактиръ, и, рассматривая тотъ домъ, въ который я хотѣлъ войти, я задавалъ себѣ вопросъ: „Здѣсь или не здѣсь провелъ свое дѣтство Некрасовъ?“

Я вошелъ въ тѣсный и грязноватый деревенскій трактиръ, гдѣ не было никого, кромѣ хозяина, молодого мужчины, сидѣвшаго у стола и читавшаго книгу. Я тотчасъ же условился съ нимъ о ночлегѣ, а потомъ спросилъ:

- Который трактиръ здѣсь помѣщается въ бывшей барской усадьбѣ?
 — А это за деревней, на большой дорогѣ.

Это былъ тотъ трактиръ, который грешневская крестьянка не порекомендовала мнѣ для ночлега,

Я тотчасъ же отправился посмотреть на мѣсто, которое было цѣлью моего путешествія, и, пройдя деревню, увидѣлъ двухэтажный домъ съ кирпичнымъ нижнимъ и деревяннымъ верхнимъ этажомъ, гдѣ надъ дверью видѣлась вывѣска съ такой надписью:

Постоялый дво
 рь Раздолье съ
 распитиемъ кр
 епкихъ напитковъ
 и навьюсь и съ
 продажей чаю.

Въ трактирѣ я засталъ довольно большую компанію. Это по виду были не крестьяне, но и не зимогоры, какъ въ Рыбинскѣ и другихъ мѣстахъ Ярославской губерніи называютъ золоторотцевъ; по виду и по одеждѣ это были—переходная ступень отъ очень бѣднаго крестьянина къ золоторотцу. Потомъ я узналъ, что трактиръ „Раздолье“ былъ сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ нищихъ окрестныхъ деревень, — это они и были. Компанія была въ состояніи легкаго подпитія. Одинъ изъ нихъ, старикъ, одѣтый по-мѣщански, лучше другихъ, привѣтствовалъ меня пьянымъ возгласомъ:

- А, шляпа, шляпа! Иди къ намъ!

Прислуживавшій въ трактирѣ малый послѣшно увелъ меня вверхъ, въ чистую половину. Подпившій старикъ былъ недоволенъ, что я оставилъ безъ вниманія его приглашеніе, и кричалъ вслѣдъ мнѣ:

— А что такое, что ты въ шляпѣ? Мнѣ плевать, я самъ могу надѣть шляпу.

Вверху было пусто, а такъ какъ цѣль моя была разспросить о Некрасовѣ, то я спустился внизъ и подсѣлъ къ подившему старику въ расчетѣ узнать именно отъ него что-нибудь полезное. Однако старикъ самъ хотѣлъ узнать, кто я и зачѣмъ явился. Мнѣ не было никакой надобности скрывать цѣль моего

появленія, и я, по возможности понятнѣе, объяснялъ, что мнѣ интересно узнать, что ему извѣстно о Некрасовыхъ, главнымъ образомъ о поэтѣ, и что я опишу потомъ въ газетахъ, что узнаю. Понялъ или не понялъ старикъ то, что я сказалъ,—не знаю, только онъ не повѣрилъ мнѣ ни въ словѣ. Сперва онъ заподозрилъ меня въ томъ, что я—адвокатъ и явился изъ Ярославля со спеціальной цѣлью подвести кляузу именно подъ него. Потомъ я узналъ, что старикъ самъ былъ мѣстный „аблакатъ“, великій кляузникъ. Когда я сказалъ ему, что я его не знаю и знать не хочу, если отъ него нельзя добиться ничего путнаго, старикъ выразилъ подозрѣніе, что я явился съ кляузой насчетъ самого хозяина трактира. Это взбрело ему въ голову, потому что я донытывался, когда и какъ перешла усадьба Некрасовыхъ въ руки настоящаго владѣльца. Пьяный старикъ до того надобѣлъ мнѣ и такъ мѣшалъ говорить съ другими, что я, наконецъ, разсердился и сказалъ ему, что онъ пьянъ, глупъ и вздоренъ и чтобъ онъ отвязался отъ меня.

— Нѣтъ, я не дуракъ,—вопилъ старикъ,—я десятый-то томъ, можетъ быть, лучше тебя знаю. Ты думаешь, о продажѣ дворянскихъ родовыхъ имѣній я ничего не знаю?—и онъ пытливо на меня посмотрѣлъ.

— Отстань!—возразилъ я кратко.

— А если ты агентъ общества, то и показывай прямо открытый листъ, а скрываться незачѣмъ,—все равно поймемъ!—не унимался старикъ, высказывая новую догадку.

Я разыскалъ хозяина трактира, который былъ занятъ у кузицы, и сказалъ ему, что мнѣ нужно. Оказалось, что теперешній хозяинъ усадьбы Некрасовыхъ. нѣкій Титовъ изъ Ростовскаго уѣзда, купилъ усадьбу въ Грешневѣ у Ѳ. А. Некрасова, брата поэта, лѣтъ 15 тому назадъ. Въ настоящее время отъ бывшей усадьбы Некрасовыхъ остался только каменный нижній этажъ трактира, который прежде принадлежалъ къ усадебнымъ службамъ. Во времена А. С. Некрасова, отца поэта, здѣсь помѣщались музыканты,—А. С. Некрасовъ содержалъ оркестръ. Ѳ. А. Некрасовъ послѣ смерти отца устроилъ въ этомъ зданіи трактиръ, такъ что счастливая мысль украсить кабакомъ то мѣсто, гдѣ провелъ дѣтскіе годы народный поэтъ, принадлежитъ не трактирщику Титову, который явился на готовое, а помѣщику Ѳ. А. Некрасову, брату поэта. Что касается самого господскаго дома, то онъ сгорѣлъ еще въ 60-хъ годахъ послѣ смерти А. С. Некрасова отъ неосторожности сторожа.

Такъ какъ Грешнево стоитъ на большой дорогѣ между Ярославлемъ и Костромой, то мысль устроить здѣсь трактиръ понятна съ барышнической точки зрѣнія.

— Трактиръ на бойкомъ мѣстѣ — вотъ что дала многочисленному прохожему народу усадьба въ Грешневѣ, сама получая взаменъ деньги прохожаго народа. Н. А. Некрасовъ въ поэмѣ „Крестыянскія дѣти“ говоритъ какъ разъ о тѣхъ же прохожихъ людяхъ и о томъ, что давали они крестьянскимъ дѣтямъ Грешнева и ему самому:

„У насъ... дорога большая была.
 Рабочаго званія люди сновали по ней безъ числа.
 Подъ наши густые, старинные вязы
 На отдыхъ тянуло усталыхъ людей.
 Ребята обступяютъ. Начнутся рассказы
 Про Кіевъ, про турку, про чудныхъ звѣрей.
 Иной подгуляетъ, такъ только держися,—
 Начнетъ съ Волочка, до Казани дойдетъ!
 Чухну передразнить, мордву, черемиса,
 И сказкой потѣшить, и притчу ввернетъ“.

Слушалъ эти сказки и притчи Н. А. Некрасовъ и потомъ самъ далъ свои поэмы народу. Всякій беретъ у народа и даетъ ему, что можетъ... Но я отвлекся. Возвращаюсь къ усадьбѣ Некрасовыхъ въ Грешневѣ. Господскій домъ стоялъ влѣво отъ трактира, и мѣстоположеніе его указываютъ камни, бывшіе въ его основаніи. Въ нынѣшнемъ году часть этихъ камней взята и положена въ основаніе казенной винной лавки, которую акцизное вѣдомство устраиваетъ какъ разъ въ бывшей усадьбѣ Некрасовыхъ. Такимъ образомъ съ будущаго года на той почвѣ, на которой выросъ одинъ поэтъ, будутъ стоять два кабака, и не одинъ, а два источника радости и веселія будутъ поить жаждущихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Н. А. Некрасовъ написалъ когда-то многія свои произведенія.

Была попытка устроить въ бывшей усадьбѣ Некрасовыхъ ремесленное училище. Мѣстный земскій начальникъ собиралъ въ Грешневѣ сходъ и убѣждалъ крестьянъ составить приговоръ въ этомъ смыслѣ. „Мы были согласны,—говорили крестьяне,—и приговоръ составили, и по полтиннику съ души положили, да вотъ нѣтъ училища,—видно, вышла какая-нибудь зацѣпка“.

До сихъ поръ на мѣстѣ бывшей усадьбы растутъ липы, посаженныя когда-то около господскаго дома. Эти липы, еще не старыя, — все, что осталось отъ сада, который былъ довольно великъ и занималъ 2—3 десятины. Въ поэзі „Мать“ описанъ этотъ садъ, съ которымъ у Н. А. Некрасова были связаны самыя вѣжныя воспоминанія:

„Въ полдневный зной вошелъ я въ старый садъ:
 Въ немъ семь ключей сверкаютъ и гремятъ.
 Внимая ихъ порывистому пѣнью,
 Вершины липъ таинственно шумятъ.
 Я ихъ люблю: подъ ихъ зеленой тѣнью
 Тиха, какъ ночь, и легкая, какъ тѣнь,
 Ты, мать моя, бродила каждый день“.

Ничего этого теперь нѣтъ.

Нѣтъ ни стараго дуба, ни ивы, о которой говорить поэтъ, посвящая своей сестрѣ поэму „Морозъ-красный носъ“...

„Буря воетъ въ саду, буря ломится въ домъ.
 Я боюсь, чтобъ она не сломила
 Старый дубъ, что посаженъ отцомъ.
 И ту иву, что мать посадила.“

Эту иву, которую ты
 Съ нашей участью страшно связала,
 На которой поблекли листья
 Въ ночь, какъ бѣдная мать умирала“.

Не этой бурей были уничтожены деревья въ саду. Послѣ объявленія воли садъ перестали поддерживать, ограда вокругъ него стала разрушаться, въ садъ заходили, кто хотѣлъ, порти и обламывая яблони и кусты. Такъ садъ и перемелся. Липы, березы и другія большія деревья отчасти засохли отъ старости, но больше были срублены Титовымъ, который и запахалъ мѣсто бывшего сада. Въ настоящее время только опытный глазъ распознаетъ по нѣкоторымъ признакамъ, что мѣсто, занятое хозяйствомъ Титова, представляетъ бывшую барскую усадьбу. Объ этомъ скажутъ уцѣлѣвшіе липы и пни большихъ деревьевъ. Вообще же усадьба Титова съ ея трактиромъ, сараями, крытыми соломой, садомъ и огородомъ, обнесенными заборомъ изъ кольевъ, колодеземъ обыкновеннаго деревенскаго устройства и пашнею кругомъ представляетъ видъ вовсе не барскій. Между новою и старою усадьбою такая же разница, какъ между трактирщикомъ и кулачкомъ Титовымъ и старымъ баринимъ-крѣпостникомъ А. С. Некрасовымъ. Титовъ, кромѣ того, что содержитъ трактиръ, занимается хозяйствомъ, засѣваетъ свою землю, держитъ скотъ. Выкормка свиней поставлена у него довольно оригинально. Люди, собирающіеся по-миру по всей округѣ, приносятъ ему свой дневной сборъ. Онъ покупаетъ у нихъ кусочки и скармливаетъ ихъ свиньямъ, а вырученныя деньги нищѣ оставляютъ въ его же трактирѣ. Тѣ же нищѣ дешево помогаютъ рабочимъ Титова управляться съ хозяйствомъ. Такимъ-то образомъ въ гнѣздѣ стараго барина, мучившаго четыре подвластныхъ ему деревни, завелся теперь мелкій кулачокъ, эксплуатирующій деревенскаго пролетарія.

„Знаю, на мѣсто цѣней крѣпостныхъ
 Люди придумаютъ много другихъ.
 Такъ... Но распутать ихъ легче народу“ --

вспомнились мнѣ слова поэта, когда я разсмотрѣлъ хозяйство Титова. И по всей округѣ теперь процвѣлъ Наумъ, который завелъ въ этой мѣстности заводы терочные, паточные и иные. По всей мѣстности здѣсь сѣется много картофеля, который крестьяне поставляютъ на заводы. Заводчики прижимаютъ крестьянъ въ цѣнахъ, иногда прямо эксплуатируютъ ихъ, платя вмѣсто денегъ товаромъ по своей цѣнѣ; населеніе видитъ эту эксплуатацію, видитъ, что у него новыя господа и новыя цѣны, а все-таки мнѣ думается, что

„Распутать ихъ легче народу“.

Въ деревнѣ всѣ люди постарше знали и помнятъ Некрасова-отца и его младшаго сына, Федора Алексѣевича, единственнаго, оставшагося въ живыхъ изъ братьевъ поэта. Многіе знали также или, по крайней мѣрѣ, видали и Н. А. Некрасова, который довольно часто прїѣзжалъ въ родныя мѣста по лѣтамъ.

Мать Некрасова почти никто не помнитъ. Только самый старейшій человекъ въ деревнѣ, крестьянинъ Ерастъ Максимовичъ Торчинъ, который считаетъ себя

около 80 лѣтъ и съ Н. А. Некрасовымъ былъ почти сверстникъ, сохранилъ о старой барынѣ смутное воспоминаніе, какъ о существѣ хрупкомъ, худенькомъ, нѣжномъ.

— Добрая была барыня,—часто упрашивала мужа простить, если онъ кого хотѣлъ высѣчь.

Мужъ иногда слушался ея, иногда возражалъ: „Нѣтъ, вѣдь сама себя раба бьетъ“ или: „Если бы на крапиву не морозъ, она и зимой бы жглась“, или, наконецъ, какой-нибудь другой поучительной сентенціей и дѣлалъ свое.

А. С. Некрасовъ, унаслѣдовавшій отъ братьевъ Сергѣя и Дмитрія, жившихъ также въ Грешневѣ, ихъ владѣнія, имѣлъ 4 деревни: Грешнево, Гогоулино, Васильково и Кочевку, всего около 150 душъ. Крестьяне въ „некрасовщинѣ“ жили исправно, и Алексѣй Сергѣевичъ приписывалъ это себѣ.

Часто онъ говорилъ своимъ мужикамъ, указывая на сосѣднюю неисправную деревню Никулино:

— Смотрите, какъ никулинскіе живутъ, а у васъ за мной-то и дома, и все, а безъ меня такіе же будете.

— А крестьяне что?—спросилъ я Ераста Максимовича.

— А крестьяне, извѣстно, про себя думали: хоть одинъ горшокъ, да самъ большой.

Нѣкоторые наканунѣ воли откупились за большія деньги—хоть годомъ, да раньше. А. С. Некрасовъ держалъ своихъ крестьянъ строго. Онъ хорошо зналъ хозяйственныя дѣла своихъ крѣпостныхъ, и мужики не смѣли копейки лишней издержать на „баловство“.

— При крѣпостномъ-то правѣ мы каждый грошъ тремя узлами завязывали,—говорилъ Ерастъ Максимовичъ,—чаю въ поминѣ не было, развѣ кто по праздникамъ пилъ.

Изъ мужиковъ Алексѣй Сергѣевичъ въ свой барскій доходъ выжималъ, что могъ, не портя курицы, несущей золотыя яйца, и память объ его прижимкѣ живетъ до сихъ поръ въ населеніи бывшей „некрасовщины“.

Видѣтъ съ прочимъ баловствомъ А. С. Некрасовъ не допускалъ и семейныхъ раздѣловъ и на просьбы раздѣлить ради умиротворенія бабъ отвѣчалъ басней о вѣянкѣ, прибавляя:

— Семейная каша гуще бываетъ!

А при усиленныхъ просьбахъ отправлялъ „на девятую половницу“,—грешневская метафора, означавшая порку.

Потому-то при жизни Алексѣя Сергѣевича, который немногимъ пережилъ крѣпостное право, изъ окрестныхъ деревень, случалось, неохотно отдавали дѣвицъ замужъ „въ некрасовщину на муку“.

А старый Ерастъ Максимовичъ, который пользовался даже благоволеніемъ барина и былъ у него въ старостахъ до самаго объявленія воли, теперь, почти черезъ 40 лѣтъ послѣ смерти барина, говорить:

— Барина Алексѣя Сергѣича больно-то худо не помянешь, да и хорошихъ-то нечѣмъ.

Такимъ же А. С. былъ и въ своемъ домашнемъ кругу.

Объ его отношеніяхъ къ семьѣ мы знаемъ изъ произведеній Н. А. Некрасова. Въ поэмѣ „Мать“ обрисованы отношенія А. С. къ своей женѣ:

„Твой властелинъ наслѣдственные нравы
То покидалъ, то бурно проявлялъ.
Но если онъ въ безумныя забавы
Въ недобрый часъ дѣтей не посвящалъ,
Но если онъ разнузданной свободы
До роковой черты не доводилъ,—
На стражѣ ты надъ нимъ стояла годы,
Покуда мракъ въ его душѣ царилъ“.

Итакъ, Н. А. Некрасовъ о роли своей матери въ семейныхъ отношеніяхъ говорить то же, что сказалъ Ерастъ Максимовичъ о доброй барынѣ, просившей мужа за подвластныхъ крѣпостныхъ. Воспоминанія Ераста Максимовича согласны съ вышеприведеннымъ отрывкомъ и въ другомъ.

Пока жива была жена, А. С. Некрасовъ, какъ говорятъ старики, не имѣлъ любовницъ; послѣ же ея смерти онъ имѣлъ ихъ нѣсколько.

— Одна была коренная, другія въ пристяжкѣ,—выразился Ерастъ Максимовичъ.

„Коренная“, бывшая у А. С. экономкой, и теперь еще жива; это старуха, лѣтъ 70 и живетъ по сосѣдству съ Грешневымъ у дочери.

Между пристяжными была горничная Алексѣя Сергѣевича, крѣпостная его дѣвица, купленная имъ въ Костромѣ.

А. С. Некрасовъ до самой смерти старался сохранить молодой видъ и, если гдѣ-нибудь замѣчалъ у себя сѣдой волосъ, тотчасъ приказывалъ лакею его вырвать.

— Вырветъ и думаетъ, что теперь опять не старъ,—съ неодобреніемъ вспоминалъ эту непокорность природѣ Ерастъ Максимовичъ, старикъ сѣдой, но еще крѣпкій, несмотря на свои 80 лѣтъ.

— Бывало,—вспоминалъ Ерастъ Максимовичъ,—баринъ встанетъ, подойдетъ къ окну, увидитъ, что пороши нѣтъ, и скажетъ: „Ахъ, чортъ возьми, опять нельзя ѣхать на охоту!“ А когда захворалъ передъ смертью и лежалъ въ постели, то часто приходилось отъ него слышать: „Хоть бы Господь скорѣй одинъ конецъ послалъ!“

Я слушалъ эти простые слова и ясно представлялъ себѣ стараго барина, который всю жизнь прожилъ только для себя, зналъ только свои желанія и не только подчинялъ имъ окружавшихъ его людей, но досадовалъ, что сама природа не шла навстрѣчу его прихоти. И только передъ грознымъ лицомъ смерти, сломленный невыносимыми страданіями, этотъ своевольный человѣкъ иногда смирялся. Говорю: иногда, потому что есть извѣстія, что Алексѣй Сергѣевичъ Некрасовъ умеръ не въ мирѣ, а съ проклятіями за тѣ муки, которыя испыталъ передъ смертью онъ, всю жизнь свою мучившій сотни людей, ему подвластныхъ.

Во всякомъ случаѣ читатель видитъ, что въ воспоминаніяхъ Ераста Максимовича о старомъ баринѣ нѣтъ ничего ужаснаго, что можно встрѣтить въ дру-

гихъ воспоминаній изъ временъ крѣпостного права. Если мы вспомнимъ еще характеристику А. С. Некрасова въ поэмѣ „Мать“:

„Не спорю, онъ приличенъ по манерамъ,
Природный умъ я замѣчала въ немъ.
Но правъ его, привычки, воспитанье?..
Умѣеть ли онъ имя подписать?..“

то мы получимъ понятіе объ А. С. Некрасовѣ, какъ о самомъ обыкновенномъ представителѣ стараго времени, и той „гордившейся невѣжествомъ среды“, которая „попрала все разумное ногами“. Только особенныя качества ума и сердца давали возможность побѣдить растлѣвающее вліяніе крѣпостного права. А. С. Некрасовъ ими не обладалъ, но онъ отнюдь не былъ и извергомъ и даже былъ не лишенъ хорошихъ качествъ, что доказывается уже тѣмъ, что онъ способенъ былъ подчиняться вліянію своей жены. Семейный деспотизмъ, отъ котораго страдала семья Некрасовыхъ, будучи отраженіемъ крѣпостного права, былъ обычнымъ явленіемъ того времени. Страдалъ отъ него Пушкинъ, страдалъ Тургеневъ, хотя знали только мать. Притѣсненіе крестьянъ... кто же не притѣснялъ крестьянъ? Тѣмъ болѣе мелкопомѣстный А. С. Некрасовъ, который однако страстно любилъ псовую охоту и держалъ свору въ 100 собакъ, держалъ также оркестръ музыкантовъ настолько порядочный, что онъ былъ извѣстенъ кругомъ и приглашался иногда въ Ярославль на свадьбы и иныя торжества.

Что касается сыновей А. С. Некрасова, то о Николаѣ Алексѣевичѣ, кто его помнить, отзываются такъ:

— Добрый былъ, деликатный господинъ, настоящій баринъ!

Ближе всѣхъ Н. А. Некрасова знали крестьяннинъ деревни Орлова Кузьма Ефимовичъ Солнцевъ, съ которымъ Н. А. постоянно охотился, когда пріѣзжалъ на родину.

Кузьмѣ Ефимычу теперь 70 лѣтъ. Онъ довольно высокаго роста, крѣпокъ и силенъ и смотритъ лѣтъ на 10—15 моложе своего возраста. Борода у него сѣдая, но въ головѣ сѣдины не видно. Когда я сказалъ ему, что пришелъ поговорить съ нимъ о Н. А. Некрасовѣ, онъ оживился и воскликнулъ:

— Какъ же! мы съ нимъ пріатели были!

Въ воспоминаніяхъ Кузьмы Ефимыча о Некрасовыхъ нѣтъ той горечи, какая накопилась на душѣ Ераста Максимыча, бывшаго крѣпостного, видѣвшаго и испытывающаго не мало барской грозы. Кузьма Ефимовичъ знаетъ Некрасовыхъ съ другой стороны. Крѣпостной другихъ господъ, которые въ свою деревню не заглядывали и къ крестьянамъ относились милостиво, онъ знался съ Некрасовыми больше по части охоты и неизмѣнно сопутствовалъ Н. А. Некрасову, когда онъ пріѣзжалъ въ родныя мѣста охотиться.

Кромѣ врожденной страсти къ охотѣ, о которой говоритъ сестра Некрасова въ своихъ воспоминаніяхъ, охота была для Н. А. еще средствомъ стряхнуть съ себя на время тревоженія столичной жизни.

„Сгорѣло ты, гнѣздо моихъ отцовъ!
 Мой садъ заглохъ, мой домъ безслѣдно сгинулъ,
 Но я рѣки любимой не покинула.
 Вблизи ея песчаныхъ береговъ
 Я и теперь на лѣто укрываюсь
 И, отдохнувъ, въ столицу возвращаюсь,
 Съ запасомъ силъ и ворохомъ стиховъ.
 Какой восторгъ! за перелетной птицей
 Гонюсь съ ружьемъ, а вольный вѣтеръ нивъ
 Сметаетъ соръ, павѣнный столицей,
 Съ души моей. Я духомъ бодръ и живъ,
 Я тѣломъ здоровъ. Я думаю... мечтаю...“

Этотъ желаніемъ на время позабыть столицу объясняется, конечно, и то, что Н. А. Некрасовъ являлся въ родныя мѣста всегда одинъ, безъ столичныхъ знакомыхъ. Только одинъ разъ, кажется, за годъ до своей смерти, онъ пріѣзжалъ въ Орлово съ 3—ой П—ой, которая прожила въ Орловѣ недѣли три и охотилась вмѣстѣ съ Н. А. Пріѣзжая на родину, Н. А. Некрасовъ временно погружался въ крестьянскій міръ. Охота, по словамъ его сестры, была для него также средствомъ сблизиться съ народомъ. Н. А. не забывалъ никого изъ деревенскихъ знакомыхъ. Дѣтямъ онъ часто привозилъ грушки.

— Онъ былъ очень памятливъ, — говорилъ Кузьма Ефимычъ. — Другая семья — большая, а онъ и на другой годъ всѣхъ по именамъ называетъ, — записывалъ что ли?

На охоту Н. А. выѣзжалъ съ обозомъ изъ 2—3 телѣгъ, на которыхъ были нагружены съѣстные припасы и прочее, что нужно для охоты и кочеванья по полямъ и лѣсамъ. Впрочемъ, если Н. А. забирался куда-нибудь далеко отъ обоза, то, проголодавшись, съ удовольствіемъ садился за крестьянскую ѣду, ѣлъ и похваливалъ.

Н. А. Некрасовъ, по словамъ Кузьмы Ефимыча, стрѣлялъ хорошо, съ выдержкой. Добычу отчасти разсылалъ знакомымъ, но часто предоставлялъ сопровождавшимъ его на охоту крестьянамъ, довольствуясь однимъ наслажденіемъ охоты. Въ его время въ тѣхъ мѣстахъ дичи было много.

— Теперь въ 20 разъ меньше стало, — говорилъ Кузьма Ефимычъ, вспоминая старое. — И всего меньше стало, даже такой птицы, на которую не охотятся, — скворцовъ, галокъ. А лѣсовъ сколько перевели, такъ и сказать нельзя. Если бы кто сюда попалъ, кто тутъ 30 лѣтъ не бывалъ, своихъ мѣстъ не узналъ бы.

За всѣ услуги Н. А. щедро платилъ крестьянамъ.

— Баба воды въ ковшигѣ принесла, — полтинникъ, молока пли яицъ спросилъ, — рубль.

Когда же онъ располагался обѣдать у своего обоза, то подносилъ водки всѣмъ прохожимъ, причемъ часто вступалъ съ ними въ разговоры.

— Онъ былъ очень любопытенъ, — говорилъ К. Е., — всѣхъ обо всемъ разспросить и все записать въ книжку.

Объ отношеніяхъ Н. А. къ роднымъ мы знаемъ отчасти по его сочиненіямъ. Крестьянамъ извѣстно, что у него былъ разладъ съ отцомъ.

— Отецъ его не любилъ,—говорилъ Кузьма Ефимычъ.—Только уже когда сынъ въ гору пошелъ, ну, помирился съ нимъ; бывало, даже хвастался сыномъ, что онъ съ князьями да графами знается.

Изъ біографіи Н. А. Некрасова мы знаемъ причину вражды между отцомъ и сыномъ. А. С. Некрасовъ, приученный крѣпостнымъ правомъ къ тому, чтобы все покорялось его волѣ, не могъ стерпѣть ослушанія сына, который, вмѣсто того, чтобы избрать себѣ военную карьеру, какъ этого желалъ отецъ, пошелъ въ университетъ. Но А. С. Некрасовъ былъ сынъ своего времени, преклонившагося передъ матеріальнымъ успѣхомъ, и когда Н. А. на томъ пути, который онъ себѣ избралъ, достигъ богатствъ и извѣстности, то отецъ забылъ сыновнее ослушаніе и даже гордился сыномъ.

Къ брату своему, Ѳедору Алексѣевичу, Н. А. питалъ самыя родственныя чувства. Н. А. часто убѣждалъ брата жениться. „А то я — неженный, ты — холостъ,—такъ нашъ родъ прекратится“.

Отчего былъ неженнымъ самъ Н. А., это мы знаемъ изъ слѣдующихъ строкъ въ „Горѣ стараго Наума“, имѣющихъ автобіографическое значеніе:

„Надъ одинокой головой
Не такъ и тучи грозны.
Пускай лѣвтяи и рабы
Идутъ путемъ обычнымъ,—
Я долженъ быть своей судьбы
Царемъ единоличнымъ,—
Я думалъ гордо. Кто не радъ
Оставить міру племя?
Но я родился невпопадъ—
Лихое было время“.

Это было въ молодости Н. А. Некрасова, когда онъ находился въ тяжелыхъ обстоятельствахъ. А потомъ

„Ушло и время... Мѣста нѣтъ
Желанному союзу.
Умру—и мой исчезнетъ слѣдъ!
Надежда вся на музу“.

Когда я спрашивалъ Кузьму Ефимыча, отчего Н. А. Некрасовъ не женился, К. Е. говорилъ, что Некрасовъ отзывался о женитьбѣ такъ: „Жена во всякомъ дѣлѣ будетъ мѣшать. Захочешь на охоту ѣхать—она не хочетъ“. Николай Алексѣичъ, когда садился за дѣла,—пояснять К. Е.,—не любилъ, чтобы ему мѣшали; случалось, дня на два запирался ото всѣхъ.

Не знаю, насколько вѣрно передалъ К. Е. подлинныя рѣчи Н. А. Некрасова, но возможно, что Н. А. излагалъ ему въ формѣ, доступной его пониманію, то, что изложено выше.

Какъ видитъ читатель, воспоминанія крестьянъ о Н. А. Некрасовѣ и его родныхъ вполне согласны съ тѣмъ, что мы узнаемъ о родныхъ Н. А. Некрасова и о немъ самомъ изъ его сочиненій. Н. А. Некрасовъ не лгалъ въ своихъ про-

Смерть Камиллы. — Федора Бруни.

изведеніяхъ, и представленіе о немъ, которое складывается при чтеніи его произведеній, нисколько не противорѣчитъ тому, которое имѣли о немъ крестьяне въ его родныхъ мѣстахъ, звавшіе его, какъ человѣка. Слушая рассказы крестьянъ о Н. А. Некрасовѣ, не можешь не пожалѣть, что эти люди, такъ вѣрно одѣвившіе Н. А. Некрасова, какъ человѣка, ничего не знаютъ о немъ, какъ о писателѣ. Грустно, что крестьяне пользовались только полтинами и рублями отъ щедротъ *барина* Н. А. Некрасова и до сихъ поръ не воспользовались ничѣмъ изъ того огромнаго духовнаго наслѣдства, которое осталось послѣ него всему русскому народу. И теперь, почти черезъ 25 лѣтъ послѣ смерти Н. А. Некрасова, приходится повторить то, о чемъ съ грустью говорилъ когда-то Н. А. Некрасовъ:

„Эхъ! эхъ! придетъ ли времячко,
 Когда (приди, желанное!..)
 Дадутъ понять крестьянину,
 Что книга книгъ рознь?
 Когда мужикъ не Блюхера
 И не Милорда глупаго—
 Бѣлинскаго и Гоголя
 Съ базара понесетъ?
 Ой, люди, люди русскіе!
 Крестьяне православные!
 Слыхали ли когда-нибудь
 Вы эти имена?
 То имена великія:
 Носили ихъ, прославили
 Заступники народныя!
 Вотъ вамъ бы ихъ портретики
 Повѣсить въ вашихъ горенкахъ.
 Ихъ*книги прочитать...“

И вотъ теперь, болѣе, чѣмъ черезъ четверть вѣка послѣ того, какъ сказаны эти слова, славное имя Н. А. Некрасова, заступника народнаго, даже на его родинѣ извѣстно только какъ имя добраго, обходительнаго барина, а сочиненія его не доступны тѣмъ самымъ, въ защиту кого они написаны.

Село Абакумцево, около церкви котораго покоятся мать, отецъ П. А. Некрасова и другіе его родственники, находится въ сторонѣ отъ большой дороги, верстахъ въ 2—3 отъ Грешнева. Въ poemѣ „Рыцарь на часъ“ описана церковь села:

„Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
 Посреди безконечныхъ луговъ,
 За селомъ, на горѣ невысокой,
 Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
 Церковь старая видится мнѣ,
 И на бѣлой церковной стѣнѣ
 Отражается крестъ одинокій.
 Да, я вижу тебя, Божій домъ!
 Вижу надписи вдоль по карнизу
 И апостола Павла съ мечомъ,
 Облаченнаго въ свѣтлую ризу“.

Здѣсь-то, „у Петра и Павла“, какъ обыкновенно говорятъ мѣстные крестьяне, за церковной оградой, позади алтаря, я увидѣлъ окруженный желѣзною рѣшеткой памятникъ изъ бѣлаго мрамора на гранитномъ основаніи. На немъ, раздвинувъ гибкія и тонкія лозы тальника, выросшія у подножія памятника и склоняющіяся за рѣшетку, я прочелъ краткую надпись, много говорящую всѣмъ, кто любитъ поэзію Н. А. Некрасова:

Елена Андреевна

Некрасова.

Скончалась

29 іюля 1841 года *).

Въ далекомъ Петербургѣ, почти черезъ 20 лѣтъ послѣ смерти матери, поэтъ мечталъ какъ-то:

„Въ эту ночь я хотѣлъ бы рыдать
На могилѣ далекой,
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...“

Это было сказано о той самой могилѣ, которая была передъ моими глазами. Гибкія таловыя вѣтви, склоняющіяся изъ-за рѣшетки, тотчасъ вызвали у меня въ памяти образъ той трепетной ивы, которую добрая, физически-слабая мать Н. А. Некрасова посадила рядомъ съ дубомъ упрямаго и заскорузлаго крѣпостника-мужа.

Я не знаю, кѣмъ былъ поставленъ памятникъ на могилѣ матери Некрасова, мужемъ ея или поэтомъ-сыномъ, который нерѣдко приводилъ въ исполненіе свое желаніе „рыдать на далекой могилѣ“. Вспомните, напр., слѣдующія строки изъ поэмы „Мать“:

„У той плиты, гдѣ ты лежишь, родная,
Припомнилъ я, волнуясь и мечтая,
Что могъ еще увидѣться съ тобой,
И опоздалъ! И жизни трудовой
Я преданъ былъ, и страсти, и невздамъ,
Захлеснуть былъ я невскою волной...
Я радъ, что ты не подь семейнымъ сводомъ
Погребена—тамъ душно, солнца нѣтъ;
Не будетъ тамъ лежать и твой поэтъ“.

На могилѣ въ настоящее время нѣтъ креста,—онъ сломанъ. Поломана мѣстами и желѣзная рѣшетка вокругъ могилы. Рядомъ съ памятникомъ на могилѣ Е. А. Некрасовой стоитъ колонна аршина въ полтора изъ обыкновеннаго известковаго камня съ жестянымъ листомъ, на которомъ я прочелъ хорошо сохранившуюся надпись красной краской:

Священнѣйшему праху родителя
посвящаетъ сіе

*) Въ біографіи мать Некрасова называется Александрой, но было ли у ней два имени по польскому обычаю, или она по-русски называлась Еленой, я не знаю,—только надпись относится къ матери Н. А. Некрасова.

Благодарны Сынъ штабсъ-
капитанъ Сергей Сергѣевичъ
Некрасовъ

Августа дня 1832 года.

Это скромный памятникъ на могилѣ дѣда Н. А. Некрасова, поставленный его дядею. На немъ также нѣтъ креста,—обвалился.

Лежащій рядомъ известковый камень: „Чадолюбивые родители штабсъ-капитанъ Сергѣй Сергѣевичъ и супруга (?) Ивановна Некрасовы“ по „праху незабвенной дочери и сына“ въ августѣ 1839 года“.

Отецъ же Н. А. Некрасова погребенъ подѣ „семейнымъ сводомъ“, о которомъ говорить поэтъ выше.

Фамильный склепъ Некрасовыхъ помѣщается въ маленькой четырехугольной часовнѣ, построенной изъ кирпича въ углу церковной ограды. Склепъ устроенъ, какъ говорятъ, О. А. Некрасовымъ въ 60-хъ годахъ. Внутри онъ не доконченъ. Двѣ стѣны его покрыты картинами, писанными масляными красками и изображающими Спасителя на крестѣ, положеніе во гробъ, Воскресенье; двѣ другія стѣны—голы. Куполообразный потолокъ выкрашенъ свѣтло-голубой краской съ золотыми звѣздами... Въмѣсто пола — настилка изъ досокъ, положенныхъ на сгнившіе деревянные брусья. Самые брусья лежатъ на кирпичныхъ аркахъ, отчего полъ и держится, не падая внизъ. Подѣ поломъ — воды на 2 аршина слишкомъ. Въ этой водѣ сверху плаваютъ гнилушки отъ брусьевъ, на которыхъ держится полъ, и видны три черныхъ ящика, въ которыхъ лежитъ прахъ отца поэта, старшаго брата его Андрея и сестры Анны Алексѣвны. Поэту не такъ сыро лежать на кладбищѣ въ Петербургѣ, какъ его отцу въ семейномъ склепѣ при церкви села Абакумцева, по крайней мѣрѣ весной, когда набирается вода отъ стаявшаго снѣга. Въ другое время воды не бываетъ, потому что церковь стоитъ на горѣ, на сухомъ мѣстѣ.

„И хоть безчувственному тѣлу равно повсюду истлѣвать“, тѣмъ не менѣе я, какъ и поэтъ, порадовался, что прахъ матери Некрасова погребенъ не подѣ семейнымъ сводомъ, этимъ недоконченнымъ памятникомъ барской спѣси, гдѣ не только душно и нѣтъ солнца, но еще накопилось на два аршина застоявшейся воды, чернящейся подѣ досками пола. Мирно спитъ мать поэта въ обросшей травой и лозами могилѣ за алтаремъ церкви, а въ склепѣ мнѣ все чудилось, что самъ А. С. Некрасовъ постучитъ вдругъ въ крышку своего ящика и крикнетъ: „Врр... скверно!.. возьмите меня отсюда, изъ этой ямы!..“ Я вышелъ, замкнувъ засовомъ зеленую желѣзную дверь склепа. За селомъ я остановился, оглядывая широко развернувшуюся передѣ моими глазами картину тѣхъ мѣстъ, гдѣ выросъ народный поэтъ, гдѣ онъ находилъ источникъ лучшихъ вдохновеній и гдѣ онъ, входя въ общеніе съ народомъ, искалъ забвенія мукъ страдающей души, слитой изъ столь несродныхъ душъ его отца и его матери, души, исполненной борьбы и противорѣчій, погрязавшей въ „нечистой тинѣ мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей“ и поднимавшейся на высоту самаго чистаго вдохновенія.

Передо мной тянулась зеленая полоса большой дороги, на которой влѣво за деревьями прятались крестьянскія постройки Грешнева. Отъ горы, на которой я находился, до самаго Грешнева и кругомъ его были все луга и поля, то чернѣющія свѣже-вспаханнымъ паромъ, то зеленѣющія подростующими хлѣбами. Лѣса около Грешнева не было съ давнихъ временъ, а теперь только по луговинѣ къ Волгѣ видны кой-гдѣ купы деревьевъ и маленькя рощи. Направо за большой дорогой видно озеро, на которомъ Н. А. Некрасовъ, навѣрное, стрѣлялъ утокъ. На днѣ его народная фантазія похоронила цѣлое село съ церковью. Эта водяная могила заманчиво голубѣла, сверкая на солнцѣ, среди безконечнаго зеленого луга. Еще далѣе вправо синѣло плесо Волги, и на ея берегу видны были высокія колокольни села Діево-Городище,—родина одной изъ прекраснѣйшихъ личностей нашей исторіи, митрополита Филиппа. Два благородныхъ борца за правду, два великихъ заступника за жертвы произвола и насилія вышли изъ среды мирнаго и простаго населенія, живущаго среди этой мирной, простой и немного грустной природы. Правда, по этимъ же полямъ носился со своими сворами и А. С. Некрасовъ, травя зайцевъ въ часы забавы и угнетая людей во всякое время, но это время уже прошло. Правда, воспомнанія о старомъ баринѣ еще не сгибли въ пучинѣ народнаго забвенія, какъ самый прахъ его въ черномъ засмоленномъ ящикѣ можно еще видѣть въ глубинѣ семейнаго склепа близъ церкви Петра и Павла, на кладбищѣ которой множество безыменныхъ могилъ, поросшихъ травой и цвѣтами, уже сравнялись съ землею. Но пройдетъ время, поростутъ быльемъ дѣла старыхъ людей, народятся новые люди; они совершатъ новыя дѣла и создадутъ новыя пѣсни, которыя, можетъ быть, уже не будутъ говорить все о горѣ, о злосчастіи, о голодѣ и холодѣ, обо всемъ, что щемитъ нашу душу въ поэзіи Н. А. Некрасова.

Ө. Смирновъ.

* *

Царство тихихъ звуковъ, ты опять со мной:
Маятникъ невнятный бьется за стѣной;
Въ ровномъ коридорѣ мѣрные шаги.
Близкіе ли это? злые ли враги?

* *

Я люблю волненье позлащенныхъ нивъ.
На опушкѣ лѣса вечеръ такъ красивъ;
Надъ просторомъ вольнымъ водной глубины
Дымно дышать чары царственной луны.

* *

Нѣтъ, я долженъ, долженъ полюбить печаль.
Не искать блаженства, не стремиться вдаль,
Не желать блаженства вѣчныхъ перемѣнъ.
Нѣтъ, уйти нельзя мнѣ отъ безцвѣтныхъ стѣнъ.

* *

Тонкая, но властно, вытянулась нить.
Блѣднаго кого-то долженъ я щадить.
Кто-то дышитъ близко, грустный и родной,
Чье-то сердце глухо бьется за стѣной.

Н. Бальмонтъ.

Современное положеніе и задачи этнографической соціологіи.

I.

Историческая наука въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія находилась въ состояніи, оставляющемъ желать очень многого. Въ общее сознаніе еще не проникла та истина, что критика историческихъ документовъ должна предшествовать пользованію матеріалами, предназначенными служить постройкѣ историографическихъ выводовъ.

Этнографическая соціологія находится отчасти еще и теперь въ подобномъ положеніи. Труды, которые популяризировали ея имя и вообще создали ей мѣсто среди другихъ отраслей науки, пользовались, да и въ настоящее время пользуются, источниками иногда очень сомнительной дѣйности. Мы могли бы указать на теоріи (напр., на извѣстные въ свое время выводы Макъ-Лепана), представляющія только фантазію, несмотря на ихъ громкую славу. Остроуміе, затраченное на эти труды, а также работа, употребленная на сопоставленіе фактовъ, оказались напрасными, такъ какъ матеріалъ, которымъ пользовались, былъ подобранъ безъ критической оцѣнки. Онъ былъ собранъ случайными путешественниками, которые на основаніи мимолетныхъ впечатлѣній описывали отношенія, свойственныя первобытнымъ народамъ. Даже тѣ, которые въ теченіе болѣе долгаго времени жили въ первобытномъ обществѣ, не всегда умѣли выбирать достовѣрный матеріалъ. Такой наблюдатель, привыкшій съ дѣтства къ извѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ, къ опредѣленнымъ воззрѣніямъ нашей цивилизаціи, проникнутый ея симпатіями и антипатіями, не только субъективно оцѣнивалъ факты, но даже извращалъ ихъ. Л. Морганъ замѣтилъ, что „исторія испанской Америки заслуживаетъ довѣрія только постольку, поскольку касается дѣятельности испанцевъ, поступковъ и личной характеристики индѣйцевъ, ихъ оружія, утвари, скотоводства, пищи, одежды и т. п. предметовъ, но по отношенію къ общественнымъ отношеніямъ и устройству правительства индѣйцевъ и ихъ образу жизни она не имѣетъ

никакой стоимости, такъ какъ ничему не поучаетъ и ни о чемъ не знаетъ... „Это замѣчаніе, къ сожалѣнію, можетъ быть примѣнено въ 99% прежнихъ работъ посвященныхъ быту дикарей и варваровъ, и ко многимъ, быть можетъ, даже къ 50% изъ современныхъ сочиненій. Мнѣ часто напоминаетъ образъ дѣйствія Дж. Ведделя. Заѣхавъ на Огненную Землю, онъ горитъ нетерпѣніемъ узнать, обладаетъ ли какимъ-нибудь предметомъ культа живущее тамъ племя: онъ собираетъ нѣсколько туземцевъ и читаетъ имъ отрывокъ изъ Библии—„не потому, чтобы ожидать, что они поймутъ что-нибудь изъ того, что имъ будетъ прочитано, но оттого, что такой образъ дѣйствій былъ самымъ подходящимъ для ознакомленія ихъ съ Библией, для объясненія имъ ея содержанія съ помощью жестовъ, обозначающихъ смерть, воскресеніе и молитвы...“ Дикари не поняли ни аза изъ этой, поистинѣ, китайской проповѣди, хотя начали подражать пантомимѣ Ведделя. На страницахъ, описывающихъ этотъ оригинальный опытъ изъ исторіи первобытныхъ вѣрованій, неудачный путешественникъ написалъ заглавіе: „Nosigns of religion“ („Ни малѣйшихъ слѣдовъ религіи“) и, наконецъ, въ результатѣ такихъ наблюденій имѣлъ смѣлость объявить: „Для чести людскаго рода я желалъ бы помѣститъ это племя на немного высшемъ умственномъ уровнѣ, но я долженъ признать, что его состояніе самое низшее среди человѣчества“ *).

Такой образъ дѣйствія слишкомъ уже бьетъ въ глаза, для того, чтобы можно было принять сдѣланные изъ него выводы, но впечатлѣніе, произведенное книгой и подтвержденное другими источниками, напр., Дарвиномъ, не замедлило оказать свое дѣйствіе. Нагое тѣло, предоставленное вліянію воздуха и намазанное жирами, растрепанные волосы и вообще вся наружность человѣческаго существа и его образъ жизни настроили первыхъ путешественниковъ недоброжелательно къ представителямъ низшихъ ступеней культуры.

„Эти бѣдныя, несчастныя творенія,—пишетъ о жителяхъ Огненной Земли Дарвинъ **),—были похожи на вырожденковъ: ихъ отвратительныя лица были намазаны бѣлой краской, кожа толста и грязновата, волосы перепутаны, голосъ не звученъ и жесты рѣзки. Когда мы смотримъ на такихъ людей, то съ трудомъ можемъ вѣрить, что это подобныя намъ созданія и обитатели того же міра. Часто мы думаемъ, какія удовольствія могутъ испытывать въ своей жизни нѣкоторыя низшія животныя. Насколько справедливѣе было бы задаться тѣмъ же вопросомъ по отношенію къ этимъ варварамъ...“

„Говоря о нихъ,—пишетъ Бретонъ ***) объ австралійцахъ,—мы должны признать, что едва ли чувствуемъ къ туземцамъ Новой Голландіи немного больше уваженія, тѣмъ къ орангутангу. Мы не въ состояніи отыскать между ними глубокой разницы. Сравнивая ихъ съ животными, мы настолько увлекаемся этимъ

*) I. Weddell, „Voyage towards South-Pole“, стр. 156, 166, 171, 179, 192.

**) K. Darwin, „Podróż naturalisty“ tom. d-ra I. Nussbauma, стр. 173.

***) Breton, „Excursions in N. S. Wales and Dieman's Land“, Lond. 1833, стр. 196.

сходствомъ, поскольку останавливаемся надъ ихъ общими обычаями. Избирая для этой цѣли *Simia Troglodytes*, мы полагаемъ, что поступаемъ справедливо...“

Съ такимъ же предубѣжденіемъ разсматривали общественныя учрежденія фузгенцевъ и австралійцевъ. Тѣ, которые первые описали нѣкоторыя особенности, касающіяся общественнаго быта этихъ народовъ, опровергали существованіе у нихъ какой-нибудь соціальной связи, кромѣ послушанія власти мужа и отца. Имъ отказывали даже въ способности коопераціи для самыхъ простыхъ цѣлей. „Дикари Новой Голландіи *) при самыхъ несложныхъ дѣйствіяхъ не пользуются взаимной помощью; поэтому экономическое положеніе этихъ людей ничуть не лучше, а иногда и хуже состоянія дикихъ звѣрей“. А между тѣмъ казалось бы, что даже самый поверхностный изслѣдователь австралійской жизни долженъ былъ бы замѣтить частый и распространенный тамъ обычай устраивать коллективныя облавы. Впечатлѣніе, будто бы къ туземцамъ Новой Голландіи можно питать только „немного больше уваженія, чѣмъ къ орангутангу“, и что трудно представить себѣ фузгенцевъ „нашими братьями“, присуще большинству описаній, касающихся низшихъ племенъ. Къ нимъ питаютъ только презрѣніе, и это чувство окрасило въ соотвѣтственный цвѣтъ много соціологическихъ трудовъ, трактующихъ о первобытномъ человѣкѣ. У Спенсера, Карла Летурно и проч. можно замѣтить краснорѣчивые результаты такого отношенія. Они смотрятъ на первобытнаго человѣка, какъ на существо, не только стоящее на низшей ступени способностей и общественнаго развитія, что было бы вполнѣ справедливо, но какъ на нѣчто, до того грязное и иногда звѣрское, что ему можно отказать во всѣхъ потребностяхъ за исключеніемъ самыхъ жестокихъ инстинктовъ. Предубѣжденіе было такъ сильно, что когда открывались признаки болѣе сложнаго общественнаго строя, то находились ученые, которые старались видѣть въ этомъ только пережитки болѣе высокой давнишней культуры! У нѣкоторыхъ племенъ Новой Голландіи былъ найденъ бумерангъ, оружіе, имѣющее форму согнутаго серпа съ продольнымъ разрѣзомъ, не лежащимъ въ одной плоскости; это оружіе, обращенное вверхъ, описываетъ замкнутую линію и возвращается къ бросившему. „Бумерангъ, употребляемый въ восточной Австраліи,—пишетъ кто-то **),—свидѣтельствуетъ, быть можетъ, о давнишней связи съ народамъ болѣе цивилизованнымъ, или же о высшемъ уровнѣ знанія между туземцами въ прежнюю эпоху, послѣ чего они опустились въ настоящее состояніе глубокаго варварства“. Другой изслѣдователь, преподобный Таплингъ, авторъ очень цѣнной монографіи о племени нарринайеровъ, среди которыхъ онъ работалъ въ теченіе многихъ лѣтъ въ качествѣ миссіонера, встрѣтись съ племенной организаціей, говоритъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что нарринайеры стояли раньше на болѣе высокой ступени общественнаго строя. Они обладаютъ законами

*) Wakefield у J. S. Mill'a—въ его „Политической экономіи“.

***) Ph. Chaunay, „Notes and Anecdotes of the Aborigines of Australia“, у Brough Smyth'a, томъ II, стр. 251.

привычками, утварью и оружіемъ, которые теперь не могли бы изобрѣсти, а также детально разработанными обычаями, значеніе которыхъ утрачено, по которымъ точно слѣдуютъ“ *). Ему не пришло въ голову, что европейскій крестьянинъ не объяснилъ бы происхожденія многихъ предразсудковъ, которыхъ онъ придерживается, и не изобрѣлъ бы многихъ обыкновенныхъ техническихъ приемовъ, служащихъ ему ежедневно. Не только люди безъ научнаго образованія, но и ученые, которые должны были бы остерегаться подобныхъ ошибокъ, нерѣдко говорили вздоръ. „Австралийцы,—пишетъ Ц. Ломброзо **),—обладаютъ пережитками цивилизаціи (запрещеніе супружескихъ связей между родственниками, обычай обрѣзанія, вырванія зубовъ и т. д.), существовавшими у прежнихъ племенъ. Это обстоятельство навязываетъ предположеніе, что чуждые теперь племена нѣкогда составляли одно великое государство“. Такимъ образомъ, хотя общественный строй варварскихъ племенъ былъ измѣненъ до неузнаваемости, а утвержденія противорѣчили другъ другу, несмотря на это, они все-таки служили матеріаломъ для европейскихъ этнографовъ. Туземцы Новой Голландіи обладали общественной организаціей, главной цѣлью которой было регулированіе супружескихъ отношеній, и вотъ, что писали ученые объ этихъ отношеніяхъ:

„Хотя въ каждомъ племени существуютъ три отдѣльныхъ „класса“ ***), быть можетъ „ранга“, или нѣчто подобное раздѣленію на „касты“, свойственному другимъ краямъ, но у нихъ нѣтъ никого, равнаго по положенію вождю. Въ каждомъ племени мы встрѣчаемъ старѣйшинъ. Очень немногіе изъ среды этихъ начальниковъ происходятъ изъ высшаго класса—„манджероджелла“. Средній классъ называется „манджерраула“, низшій—„мунбуджилъ“. Мнѣ не удалось открыть, какими привилегіями обладаетъ высшій классъ, если эти привилегіи вообще существуютъ: между членами всѣхъ трехъ классовъ господствуетъ полнѣйшее равенство“.

Классы, ранги и касты и въ то же время полнѣйшее равенство и сомнѣнія въ существованіи привилегій—все это понятія, до того противорѣчащія другъ другу, что болѣе критическому наблюдателю должно было сразу придти въ голову, что за этимъ рассказомъ скрывается полное незнаніе предмета! Этими „классами“ были безъ сомнѣнія экзогамныя группы, составляющія, по новымъ изслѣдованіямъ, базисъ новоголландскаго строя.

Возьмемъ еще описаніе праздника молодежи, приведенное у Коллинса ****).

„Туземцы побережья залива Ботани-Бей, Портъ Джексонъ и Брокена живутъ

*) Tapplin u. Curra, томъ II, стр. 252.

**) C. Lombroso, „Nouvelles Recherches de Psychiatrie et d'Antropologie criminelle“, Paris, 1892, стр. 131.

***) J. Mac. Gillivray, „A Narrative of the Voyage of Rattlesnake“, Lond., 1882, томъ I, 150—151.

****) J. Collins, „An Account of the english Colony in New South Wales“, Lond., 1804, стр. 354.

въ природномъ состояніи, которое должно было быть общей особенностью всѣхъ народовъ до соединенія ихъ въ общества. *Племена Каме-рай свойственна исключительная и необыкновенная привиллегія выбиванія зубовъ туземцамъ другихъ племенъ, живущихъ у побережья.* Обладаніе такой привиллегіей ставитъ этотъ народъ въ особое положеніе. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обладаетъ положительной гегемоніей. Другія племена откладываютъ многія дѣла чести до ихъ прибытія, и когда они приходятъ, нельзя не замѣтить того вліянія, которое оказывается ихъ численностью и наружнымъ видомъ. Этихъ превосходствомъ они пользуются издавна. Привиллегія выбиванія зубовъ молодежи, происходящей изъ другихъ семействъ, отнесется къ давнимъ временамъ и тѣсно связана съ оказываемымъ имъ повновеніемъ“.

Исслѣдованія Говитта показали намъ дѣйствительную природу этихъ привиллегій. Каждое австралийское племя распадается на двѣ части, братства, какъ сказалъ бы Морганъ, кумовства, какъ скорѣе надо было сказать, поскольку дѣло идетъ о племенѣ ново-голландскомъ. Они собираются во время праздниковъ посвященія юношества на племенные собранія, и, между прочимъ, тутъ выбиваютъ зубы подросткамъ.

Такія описанія, основанныя на ошибочномъ пониманіи учрежденій первобытнаго общества, попадаютъ въ этнографически-соціологическіе труды и служатъ почвою для гипотезъ о развитіи общественнаго строя. Нѣкоторыя австралийскія племена, по Т. Вайцу, „раздѣлены, безъ сомнѣнія, на три ранга“; онъ снова увѣряетъ насъ что „тамъ мы навѣрное имѣемъ дѣло съ пережитками лучшихъ прошедшихъ временъ“ *).

Другой этнографъ **), по поводу раздѣленія австралийскаго племени камилароевъ на экзогамныя группы, пишетъ: „Кажется, что австралийскія племена дѣлятся на двѣ группы: патриціевъ (свободныхъ людей?) и плебеевъ (подданныхъ?). Не вполне еще опредѣлено, соединены ли съ патриціатомъ какія-нибудь привиллегіи“. Кто идетъ еще дальше ***): „Черты, свойственныя чернымъ туземцамъ Индіи, и общій характеръ дравидскихъ и австралийскихъ языковъ принуждаютъ поставить эти два племени въ одномъ ряду. Существованіе бумеранга и пережитка кастъ въ Австраліи служатъ дальнѣйшимъ подтвержденіемъ той же мысли“.

Однимъ словомъ, индусскія касты, классы патриціевъ и плебеевъ, ранги—вотъ рамки, въ какія европейскій субъективизмъ старался помѣстить ненормальныя для себя отношенія. Это вполне естественно. Общественный строй австралийцевъ

*) Th. Waitz, „Anthropologie der Naturvoelker“, томъ 6. Лейпцигъ, 1872, стр. 789, 790.

**) Fr. Mueller, „Allgemeine Ethnographie“, стр. 183. Это мнѣніе мы находимъ и въ другихъ руководствахъ этнографическихъ: одинъ авторъ списываетъ у другого. См. Peschel, „Völkerkunde“; Girard de Riaille, „Les peuples de l'Asie et de l'Europe“, стр. 22, и т. д.

***) P. Topinard, „Anthropologie“, Paris, изд. 4. стр. 519.

отличается такой своеобразной структурой, что принципы его были открыты только благодаря многолѣтнимъ и тщательнымъ изслѣдованіямъ Говитта *), которымъ составляютъ одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ вкладовъ въ науку для познанія общественной жизни первобытныхъ народовъ. Труды Говитта и въ послѣдніе годы Р. Г. Маттюса, Балдуэна Спенсера и Волтера Рота показали, что жители материка Новой Голландіи, стоящіе такъ низко, что тотъ и другой писатели не замѣтили „никакой разницы“ между ними и орангутангами, создали особенный общественный строй, изслѣдованіе котораго требуетъ очень тщательныхъ и долговѣтныхъ наблюденій.

Мы взяли австралійцевъ для того, чтобы на этомъ примѣрѣ доказать подозрительную цѣнность источниковъ, доставляющихъ матеріалъ для возведенія зданія этнографической социологии. Не будемъ думать, что такимъ образомъ поступаютъ только съ народами, стоящими на низшей ступени культуры, значить, съ такими, охотничье-кочевой бытъ которыхъ дѣйствуетъ предубѣждающе и можетъ зародить въ случайномъ наблюдателѣ понятное чувство пренебреженія и презрѣнія. Не лучше поступаютъ и по отношенію къ группамъ выше стоящимъ. Свойственный имъ общественный строй извращался съ той только разницей, что этимъ народамъ невозможно было отказать въ обладаніи политической организаціей, которая уже слишкомъ ярко бросалась въ глаза, для того, чтобы можно было не доглядѣть ея. Ее извращали въ другомъ духѣ, но все-таки извращали. Описанія общественныхъ учрежденій, встрѣчаемыхъ у народовъ Микронезіи, доставляютъ намъ краснорѣчивое и новое доказательство, какъ много нужно осторожности по отношенію къ заключающимся въ нихъ фактамъ. Мы обращаемъ вниманіе на островитянъ упомянутой мѣстности только потому, что тщательная, отличающаяся первостепеннымъ научнымъ значеніемъ изслѣдованіе моего земляка Яна Кубари освѣтили достаточно ярко сущность и къ политической организаціи и вмѣстѣ съ тѣмъ доставили критерій для оцѣнки другихъ источниковъ.

Мы не будемъ приводить описаній, находящихся въ трудахъ многочисленныхъ авторовъ о микронезійскихъ отношеніяхъ; остановимся только на общей характеристикѣ ихъ конституціи, составленной на основаніи такихъ источниковъ Герландомъ. „Населеніе, — пишетъ этотъ этнографъ **), — распадается на два большихъ разряда, изъ которыхъ одинъ имѣетъ сношенія съ богами и пользуется полною властью на землѣ надъ другимъ. Послѣдній же не имѣетъ даже души, а слѣдовательно и безсмертія, и поэтому не можетъ вступать въ общеніе съ богами, успокоиться въ могилѣ и т. д. Эти обиженные, такимъ образомъ, были безправны по отношенію къ божественнымъ созданіямъ и не имѣли ни значенія, ни собственности, должны были исполнять всѣ тяжелыя и неприятныя работы, довольствоваться самой худшей пищей и жилищемъ, подвергаться непогодѣ; даже должны были обходиться безъ жены“. Герландъ пользовался матеріаломъ, почерп-

*) „Transactions of R. S. of Victoria“, томъ III, стр. 113.

**) Dr. T. Waitz, „Anthropologie der Naturvölker“, томъ V отдѣлъ II, стр. 125.

путемъ изъ описаній проѣзжихъ путешественниковъ, у которыхъ не было ни времени, ни возможности узнать сущность описываемыхъ отношеній, но, что еще удивительнѣе, такая передѣлка дѣйствительности не прекратилась и понынѣ, несмотря на то, что существуютъ труды Яна Кубари, посвятившаго много лѣтъ жизни изслѣдованіямъ микронезійскихъ учреждений и даваго въключъ къ нимъ пониманію. Для примѣра мы можемъ привести отрывокъ сравнительно новой работы Паркинсона *), описывающей островитянъ архипелага Жильберта. „Во владѣніяхъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ живутъ люди того же класса, — *Te Torro*. Они ленники *Te Tokker*'а (т. е. этого собственника) и обладаютъ только правомъ пользованія кускомъ земли, на которомъ живутъ. Важнѣе этого они должны доставлять своему господину людей во время войны, собирать требуемое количество кокосовыхъ орѣховъ, вообще снабжать его всѣмъ необходимымъ для хозяйства. Нанизшій разрядъ представляютъ *Te Bei*, такъ какъ у нихъ нѣтъ никакой собственности, живутъ они въ полной зависимости отъ землевладѣльцевъ, получая отъ нихъ средства къ существованію, за что обязуются работою на господъ, т. е. должны ловить рыбу, готовить еду и т. д. Если господину хочется, онъ отводитъ имъ кусокъ земли, благодаря чему они переходятъ на высшую ступень, въ классъ *Te Torre*. Оба эти ранга совершенно не принимаютъ участія въ управленіи, безпрекословно слѣдуютъ за своимъ господиномъ, его воля для нихъ законъ, нанесенную ему обиду они считаютъ своею и стараются отомстить за нее. Обыкновенно сочетаются бракомъ лица одного и того же класса; мужчина низшаго класса рѣдко женится на женщинѣ, принадлежащей къ высшему, и наоборотъ. Однако въ ихъ повседневной жизни нѣтъ никакой разницы: господинъ и ленникъ, *Te Tokker* и *Te Bei*, спятъ перѣдко на одной и той же рогожѣ, сообща участвуютъ въ танцахъ и играхъ; даже въ одежда у нихъ одна и та же. Тамъ, гдѣ нѣтъ королей, островомъ управляютъ крупные земельные собственники“.

Для того, чтобы, какъ слѣдуетъ, оцѣнить характеръ этихъ извращеній, посмотримся къ общественному строю ближайшихъ Целаузскихъ острововъ, прекрасно изслѣдованныхъ Яномъ Кубари.

Основой тамошняго устройства является родъ, называемый „блейемъ“, заключающій въ себѣ только потомство женщинъ, такъ какъ дѣти мужчинъ принадлежать къ другимъ блейямъ, а именно къ тѣмъ, откуда происходятъ жены. Во главѣ каждаго рода находятся мужчина, „обокуль“, и женщина, „удиль“, самые старые въ родѣ. Остальные члены рода, женщины и мужчины, слѣдуютъ за ними по старшинству, какъ номера: 1, 2, 3, 4... 10. Когда умираетъ обокуль рода, его мѣсто занимаетъ мужчина № 1, мѣсто послѣдняго мужчина № 2, такъ что всѣ члены передвигаются вверхъ на одну ступеньку. Обокуль является только управителемъ нишнія, принадлежащаго всѣмъ, такъ какъ каждый блей владѣетъ полосой земли и общимъ домомъ, гдѣ живетъ глава рода съ женой и дѣтьми. Это мѣстожи-

*) R. Parkinson: *Beiträge zur Ethnologie der Gilbertinsulaner* („Internationales Archiv f. Ethn.“, томъ II, стр. 99).

тельство представляет въ то же время и очагъ. Тамъ воспитывается молодое поколѣніе и живутъ замужнія женщины родовой группы; тамъ проводятъ дни мужчины, удаляющіеся для ночного отдыха въ клубы—„бейн“ (обращаемъ вниманіе на тождество между этимъ терминомъ и однимъ изъ приведенныхъ Р. Паркинсономъ). Обокуль управляетъ недвижимою собственностью, завѣдываніе же движимымъ имуществомъ передано въ руки самой старой женщины но надзоръ за общимъ состояніемъ принадлежитъ всѣмъ, потому что только со; всеобщаго позволенія обокуль или удилъ могутъ продать или уступить что-нибудь. Даже ежедневно употребляемые предметы представляютъ только пожизненную собственность своего владѣльца, которой онъ не можетъ отдать членамъ чужого рода и даже своимъ дѣтямъ. Только обокули ведутъ свое хозяйство въ пелаузскихъ деревняхъ. Въ домѣ, гдѣ живетъ старѣйшина, о которомъ мы уже говорили, сосредоточивается вся родовая жизнь: тамъ подрастаютъ дѣти, живутъ дѣвушки, пока не послѣдуютъ за мужемъ въ чужой родъ (если вообще послѣдуютъ), туда возвращаются вдовы со своимъ потомствомъ; тамъ, наконецъ, работаютъ и живутъ члены рода, если они не проводятъ время на чужбинѣ въ родахъ своихъ женъ. Вообще мужчины ведутъ жизнь внѣ дома. Всѣ, за исключеніемъ обокулей и малышей, спать и живутъ въ клубахъ, которыхъ есть всегда нѣсколько въ деревнѣ. Такой клубъ владѣетъ своимъ домомъ. Днемъ онъ пустъ, такъ какъ его члены работаютъ въ домашнемъ хозяйствѣ, и только ночью въ немъ начинается оживленіе.

„Исслѣдуя жизнь мужчинъ,—пишетъ Я. Кубари *),—мы видимъ, что они проводятъ свою молодость, такъ сказать, не заботясь о будущемъ. Въ домѣ обокуля либо своихъ родителей подростокъ—только ежедневный гость, ночь же онъ долженъ проводить въ хатѣ клуба, не потому, что онъ его членъ, но потому, что) обычай приказываетъ удерживать юношей-мужчинъ вдали отъ родительскаго дома. Какъ супругъ, онъ не имѣетъ права проводить свой досугъ съ женой въ домѣ тестя: во мракѣ ночи онъ долженъ удалиться съ супругой въ запущенное и безлюдное строеніе, пока у него не будетъ собственнаго очага на родовой вотчинѣ. Но и тогда клубъ поглощаетъ большую часть времени и властвуетъ надъ его образомъ жизни и взглядами. Какъ у древнихъ грековъ, его вниманіемъ овладѣваютъ общественныя дѣла. Тамъ все отдается обществу, такъ что у мужчины едва хватаетъ времени отправиться на рыбную ловлю для себя лично. Онъ живетъ, стараясь напрасно слить въ гармоническое цѣлое взаимно исключаютеліе элементы. Одну половину жизни отнимаютъ общественные интересы, другую же—супружеское сожителство. Между этими двумя полюсами проходитъ его жизнь, преисполненная заботами о настоящемъ, но безъ плодовъ для будущаго“.

Везъ сомнѣнія, тѣми поземельными собственниками, о которыхъ говорятъ Паркинсонъ, и частью племени, родственной богамъ, по Герланду, — являются

*) I. Kubary, „Ethnographische Beitrage zur Kenntniss der Karolinischen Inselgruppe und Nachbarrschaft“. Выпускъ первый: „Die socialen Einrichtungen der Pelauer“. Берлинъ, 1885, стр. 62-3.

обокули. Женатые мужчины, которые увели женъ на землю своего рода, соотвѣтствуютъ ленникамъ Паркинсона; холостяки же, живущіе въ клубѣ, и женатые, супруги которыхъ живутъ въ домѣ своего рода и видятся съ мужьями украдкой въ заброшенныхъ и безлюдныхъ избенкахъ, представляютъ сословіе „безъ души“ и низшую ступень организаціи на островахъ архипелага Жильбертъ. Вѣдь и Семперъ за много лѣтъ до Кубари привелъ характерное имя „нагіе“ для мужчинъ, живущихъ въ клубѣ и не имѣющихъ своего очага.

Вышеприведенныхъ примѣровъ достаточно для оправданія нашего сужденія о цѣнности этнографическаго матеріала, которымъ слишкомъ часто приходится пользоваться социологіи, а достаточно также они подтверждаютъ и наше мнѣніе, что первая задача, ожидающая каждаго изслѣдователя въ этой области, состоитъ въ основательной критикѣ источниковъ. Наши упреки относятся не только къ сырому матеріалу прежнихъ временъ, но и ко многимъ монографіямъ, вышедшимъ за послѣднее время. Существуютъ произведенія, несомнѣнно преувеличенно прославленные и, несмотря на свою подозрительную цѣнность, служащія арсеналомъ, откуда черпаютъ факты и аргументы. Достаточно будетъ назвать книгу братьевъ Сарасиновъ *), прекрасную только по внѣшнему виду. Эти братья отправились на Цейлонъ для естественно-научныхъ изслѣдованій и, пользуясь удобнымъ случаемъ, дали картину культуры ведаховъ, находящихся еще въ фазѣ дикости. Безъ знанія языка, не сжившись съ бытомъ ведаховъ, они могли, самое большее, узнать лишь столько, сколько возможно при помощи переводчика; прежде всего они скомпилировали старыхъ авторовъ, присоединяя къ фактамъ свои личные выводы, въ качествѣ не гипотезъ, а фактическихъ данныхъ. Но трудъ, изданный на прекрасной бумагѣ, снабженный чудными рисунками, въ большомъ форматѣ, импонируетъ своей внѣшностью. Сарасины стали авторитетомъ. Возьмемъ, напримѣръ, четырехтомный трудъ Керра **). При помощи корреспондентовъ онъ собралъ свѣдѣнія о нѣсколькихъ стахъ австралійскихъ племенъ, снабдивъ ихъ небольшими описаніями общественныхъ учрежденій, свойственныхъ отдѣльнымъ племенамъ,—описаніями весьма различной цѣнности. Ко всему этому онъ присоединилъ вступленіе, въ которомъ старается подкопаться подъ выводы Говитта и опровергаетъ существованіе фактовъ, приведенныхъ его собственными корреспондентами. Несмотря на это, онъ сдѣлался авторитетомъ. Европейская социологія безъ всякой критики повѣрила этимъ источникамъ, и мы могли бы указать на нѣсколько трудовъ, изданныхъ въ послѣднее время и основывающихся почти исключительно на аргументахъ Керра. Впрочемъ, повидимому, проходятъ времена употребленія этого матеріала подозрительной цѣнности. Изслѣдованія этнографовъ, сгруппированныхъ Смитсоновской институціей въ Ва-

*) Paul u. Franz Sarasin, „Die Weddas von Ceylon und die umgebenden Voelkerschaften. Ein Versuch die in der Phylogenie des Menschen liegenden Raethsel näher zu bringen“. Висбаденъ.

**) E. Curr, „The Australian Race, its Origin, Language, Customs“ etc. Melbourne, 1886.

пнянгтонъ, начатыя такъ продуктивно Л. Морганомъ, изслѣдованія на пространствѣ Новой Голландіи Говятта, теперь продолжаемыя Балдуэномъ Спенсеромъ, труды Кубари и до извѣстной степени преподаваемаго Кодрингтона, — очень цѣнныя монографіи, появляющіяся въ изданіяхъ антропологическаго института В.-Британіи и Ирландіи, предвѣщаютъ новую эпоху въ дѣлѣ собранія матеріала, предпринимаемъ людьми, знакомыми съ требованіями науки и глубоко знающими описываемое племя. Именно этого рода изслѣдованія служатъ намъ критеріемъ при сужденіи о цѣнности того или другого изъ прежнихъ авторовъ.

II.

Однако недостаточно обладать матеріаломъ, заслуживающимъ довѣрія, и критической оцѣнкой той его части, которая возбуждаетъ въ насъ нѣкоторое сомнѣніе. Надо еще уметь пользоваться имъ. Часто случается, что даже очень тонкій умъ не можетъ попасть на надлежащую дорогу, вслѣдствіе недостатка подготовительныхъ работъ, которыя прооптали бы дальнѣйшую дорожку. Существуютъ методологическіе принципы, выступающіе ярко только послѣ многихъ заблужденій; сформулированныя надлежащимъ образомъ, они избавляютъ будущихъ изслѣдователей отъ ошибокъ и напрасныхъ блужданій.

Биологія ввела въ науку два удачныя понятія: аналогіи и гомологіи. Аналогическими органами называются такіе, которые служатъ чуждымъ и отдаленнымъ звеньямъ органическаго міра для одинаковыхъ цѣлей и обладаютъ одной и той же формой, но происхожденіе которыхъ совершенно различно, напр., плавники у рыбы и у кита. Гомологическими будутъ такіе органы, которые, несмотря на свое вѣдшее различіе, имѣютъ одно и то же начало и, хотя исполняютъ неодинаковыя задачи, все-таки должны быть поставлены на одномъ и томъ же уровнѣ по происхожденію, напр., волосы и зубы.

Не жѣлало бы ввести это различіе и въ этнографическую социологію. У народовъ, находящихся на очень различныхъ ступеняхъ общественнаго развитія, могутъ существовать обычаи и общественныя учрежденія, почти идентичныя по формамъ, но которыя нельзя поставить въ одномъ ряду по происхожденію, а слѣдовательно такія, которыхъ нельзя взаимно сопоставлять, какъ равнозначущія и происходящія изъ одного источника.

Для примѣра возьмемъ умыканіе, т. е. похищеніе невѣсты болѣе или менѣе насильно. Мы встрѣчаемъ этотъ обычай у многочисленныхъ племенъ: и у дикихъ туземцевъ Новой Голландіи, и у пастуховъ—варваровъ азіатскихъ степей, и на зарѣ польской исторіи, когда Болеславъ Храбрый увозитъ такимъ образомъ одну изъ своихъ невѣстъ, и, въ скрытой формѣ, въ видѣ свадебныхъ обрядовъ славянъ. Нѣкоторые изслѣдователи, встрѣчая обычай умыканія у столькихъ народовъ, считали его самой первой формой возникновенія супружескихъ отношеній и рассматривали его присутствіе у многихъ высшихъ племенъ, какъ болѣе или

менѣ измѣненное наслѣдіе прежней эпохи. Между тѣмъ, по крайней мѣрѣ таково наше убѣжденіе, оно составляетъ въ общественной жизни каждой эпохи скорѣе исключительное явленіе, пронтекающее каждый разъ изъ особенныхъ условій рассматриваемой общественной группы, которыя могутъ сильно различаться. По нашему мнѣнію, оно является уклоненіемъ отъ нормальнаго развитія, — аналогичнымъ, но не гомологичнымъ явленіемъ.

Возьмемъ еще и другой примѣръ.

Въ Парижѣ существуютъ такъ называемые „*menages parisiens*“, непостоянная связь мужчины съ женщиной, которые расходятся такъ же, какъ и сошлись, — безъ всякихъ формальностей. По своей природѣ они возобновляютъ типъ парной семьи, которую Морганъ открылъ у многихъ краснокожихъ племенъ Сѣверной Америки. Все-таки было бы крайне ошибочнымъ сблизать другъ съ другомъ обѣ эти формации, — онѣ аналогичны въ развитіи общественной жизни, но не гомологичны. Парная семья въ эпоху варварства зародилась изъ первобытной неустойчивости супружескихъ отношеній, парижскія же пары являются продуктомъ разпаденія семьи, вызваннаго водоворотомъ большихъ городовъ.

Соціологія неоднократно сравнивала подобные продукты различныхъ условій, какъ равнозначущія явленія. Но по происхожденію полиандрія полиандрія рознь, левиратъ левирату и т. д.; эти формы жизни могутъ появиться въ разные фазисы развитія, но ихъ вышнее сходство не служитъ еще доказательствомъ того, что онѣ всегда вызваны одинаковыми потребностями.

„Нужно ли повсюду, — замѣчаетъ весьма справедливо Starke *), — искать однѣхъ и тѣхъ же причинъ возникновенія полиандрій? Полиандрія, соединяющая братьевъ въ одной парѣ, должна возникать въ племени, въ которомъ семья не знаютъ раздѣла, безразлично подъ влияніемъ какого побужденія“.

„Очень трудно, — говоритъ тотъ же авторъ **) въ другомъ мѣстѣ, — разрѣшить такія проблемы, какъ обычай считать происхожденіе по одному изъ родителей, главнымъ образомъ вслѣдствіе примѣненія неподходящаго метода. Большая часть изслѣдователей объясняютъ встрѣчаемый обычай при помощи фактовъ, заимствованныхъ изъ отдаленнаго, несуществовавшего прошлаго. Безъ сомнѣнія, многіе обычай держатся только сялоу привычки, но причины, вызвавшія ихъ, перестали существовать. Но вѣдь излишне было бы повторять, что ни въ какомъ случаѣ, за весьма рѣдкими исключеніями, нельзя останавливаться на такомъ способѣ объясненія и прибѣгать къ нему можно только тогда, когда нельзя объяснить происхожденія обычая при помощи фактовъ непосредственно окружающей жизни...“

Для того, чтобы можно было сравнивать общественные обычай, существующіе у различныхъ народовъ, и сопоставлять ихъ, какъ гомологичныя явленія, надо помнить о томъ, что эти обычай будутъ тѣмъ болѣе близки другъ другу, тѣмъ

*) C. N. Starcke, „La famille primitive, ses origines et son developpement“ Paris, 1891, стр. 134.

**) Ibidem, стр. 16.

болѣе мы будемъ останавливаться на племенныхъ группахъ одной и той же ступени культуры.

Игнорированіе формациі развитія проявляется почти на каждой страницѣ выводовъ Спенсера, у котораго факты, свойственные охотничьимъ народамъ, смѣшиваются съ фактами, характеризующими культуру земледѣльцевъ. Такого рода приемы въ начальномъ періодѣ науки объ эволюціи общественныхъ учреждений имѣли нѣкоторую цѣнность, потому что они выдвигали относительность учреждений и обычаевъ, приобщивали къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Но по мѣрѣ развитія этой отрасли науки явилась потребность болѣе точнаго различенія особенныхъ фазъ прогресса и помѣщенія народовъ въ іерархическіе ряды соотвѣтственно степени культуры. Возникло понятіе о культурно-общественныхъ формаціяхъ и было уяснено, что только народы, находящіеся въ одной и той же фазѣ, можно сопоставлять другъ съ другомъ, какъ категоріи одного ряда. Л. Морганъ первый совершилъ этотъ переворотъ во взглядахъ.

Онъ исходилъ изъ того принципа, что „у всѣхъ племенъ человѣческаго рода опыты развивались почти однимъ и тѣмъ же путемъ“; что „людскія потребности при одинаковыхъ условіяхъ были въ основныхъ чертахъ одинаковы“, и что „душевные функціи были одинаковы вслѣдствіе специфическаго тождества у всѣхъ человѣческихъ расъ“ *). По его мнѣнію, отдѣльныя вѣтви нашего рода, несмотря на взаимную независимость, проходятъ однородныя фазы развитія, изъ которыхъ каждая обладаетъ болѣе или менѣе одинаковой духовной и общественной физиономіей, причѣмъ такая однородность проистекаетъ изъ тождества условій матеріальнаго быта. Классификація общественныхъ формаций должна основываться на выдѣленіи въ роды средствъ существованія и способовъ господства надъ природой соотвѣтственно возрастающей сложности. „Слѣдующіе другъ за другомъ по порядку способы пропитанія представляютъ самое лучшее доказательство важности прогресса человѣчества отъ самыхъ низшихъ ступеней общественности. Превосходство людей на землѣ зависѣло отъ приобрѣтенныхъ въ этомъ направленіи знаній... Не расширяя средствъ пропитанія, человѣчество не могло бы занять пространство, производящихъ другую пищу, а, въ концѣ концовъ, всей поверхности земного шара. Точно такъ же весьма вѣроятно, что великія эпохи человѣческаго прогресса соотвѣтствовали болѣе или менѣе непосредственно расширенію средствъ существованія“ **).

Американскій изслѣдователь различаетъ три основныхъ періода: дикости, варварства и цивилизаціи, изъ которыхъ первые два раздѣляетъ на состоянія: низшее, среднее и высшее. Эти эпохи, по его мнѣнію, представляются слѣдующимъ образомъ.

1. Эпоха дикости.

Низшее состояніе. Человѣкъ пребываетъ въ тропическихъ лѣсахъ и питается

*) Lewis, H. Morgan: „The Ancient society“, въ польскомъ переводѣ, Warszawa, 1887, стр. 6.

**) Ibidem, стр. 18.

плодами и кореньями. Въ этой фазѣ онъ изобрѣтаетъ членораздѣльную рѣчь. Низшее состояніе кончается открытіемъ употребленія огня и способовъ питанія рыбою. Благодаря этимъ изобрѣтеніямъ, человѣкъ становится независимымъ отъ климата и мѣстности, распространяясь вдоль рѣкъ, и расходится по всей землѣ.

Среднее состояніе. Къ этой фазѣ дикости относится значительное расшпрение пользованія мучной и мясной пищей. Человѣкъ совершенствуетъ свое первобытное орудіе, а именно дротикъ и паллицу, что ему позволяетъ сдѣлаться охотникомъ; среднее состояніе оканчивается изобрѣтеніемъ лука.

Высшее состояніе. Изобрѣтеніе лука превращаетъ охоту въ одинъ изъ самыхъ главныхъ источниковъ пропитанія. Люди начинаютъ создавать постоянныя жилища, пользоваться деревянной утварью, ткать при помощи пальцевъ ткани изъ лыка, шлифовать каменное оружіе, плести корзины. Высшее состояніе дикости оканчивается изобрѣтеніемъ гончарнаго искусства.

2. Эпоха варварства.

Въ періодъ дикости развитіе шло однимъ и тѣми же путями въ разныхъ мѣстахъ земного шара; съ наступленіемъ варварства среда, въ которой находится извѣстное племя, начинаетъ вліять и даже пріобрѣтаетъ перевѣшивающее значеніе. Человѣкъ въ эту эпоху приручилъ животныхъ и началъ воздѣлывать растенія. Но размѣщеніе животныхъ и растеній не одинаково на поверхности земли. Низшее состояніе варварства тянется отъ изобрѣтенія гончарнаго искусства до прирученія животныхъ въ восточномъ полушаріи и до воздѣлыванія растеній въ западномъ. Среднее оканчивается открытіемъ металлургическаго искусства. Наконецъ, высшее, начинающееся умѣніемъ плавить руду, является ареной возрастающей обработки земли. Греки эпохи, въ которую насъ вводятъ произведенія Гомера, находились именно въ этой фазѣ. Это состояніе оканчивается изобрѣтеніемъ алфавита и звуковыхъ письменъ, откуда начинается эпоха цивилизаціи.

Можно было бы во многомъ упрекнуть это раздѣленіе и даже найти въ немъ слабыя стороны. Но и самъ Морганъ не считалъ его совершеннымъ и окончательнымъ. „По всей вѣроятности, — говоритъ онъ *) — возникающіе по порядку въ долгіе промежутки времени способы пропитанія, вслѣдствіе сильнаго вліянія, какое они должны были оказывать на положеніе человѣчества, доставятъ въ концѣ концовъ наиболѣе удовлетворяющее основаніе для классификаціи. Но изслѣдованія въ этомъ направленіи не были достаточно развиты для того, чтобы доставить требуемое намъ объясненіе. При современномъ состояніи науки мы можемъ достигнуть важныхъ результатовъ, отыскивая ихъ среди другихъ открытій и изобрѣтеній, которыя даютъ намъ достаточно доказательствъ для характеристики порядка слѣдующихъ другъ за другомъ этническихъ эпохъ. Каждая изъ нихъ обнимаетъ особенную культуру и представляетъ ей только свойственный образъ жизни“. Но, несмотря на несовершенство, самъ принципъ — обосновать раздѣленіе на матеріальномъ прогрессѣ — вполне правиленъ. И классификація послѣдовательныхъ звеньевъ культурнаго развитія, и обоснованіе ея на улучшеніи и возрастаніи

*) Ibidem, стр. 7.

средствъ пропитанія представляютъ очень важный вкладъ въ науку: вѣхи на пути разграниченія могутъ быть измѣнены, но не самъ принципъ, въ силу котораго классификацію надо искать именно въ матеріальныхъ условіяхъ жизни массы.

Принципъ американскаго изслѣдователя былъ примененъ и вмѣстѣ съ тѣмъ дальше развитъ въ вѣсколькихъ новыхъ трудахъ, посвященныхъ разбору послѣдовательныхъ фазъ общественнаго развитія. Мы не хотимъ утверждать въ дѣйствительности, что, напр., Р. Гильдебрандъ или Э. Гроссе поступали такъ подъ непосредственнымъ влияніемъ доктрины Моргана, хотя и этого нельзя отрицать; но мы все же не сомнѣваемся, что принципъ, введенный американскимъ изслѣвателемъ, оказалъ на нихъ посредственное влияніе. Гильдебрандъ въ своемъ трудѣ, занимающемся анализомъ права и вообще обычаевъ на послѣдовательныхъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія, рассматриваетъ развитіе семьи и политическихъ отношеній въ связи съ слѣдующими другъ за другомъ фазами системъ заработка. Онъ начинается съ отношеній, свойственныхъ охотничьимъ и рыболовнымъ народамъ, переходитъ къ пастушескимъ, чтобы кончить земледѣльцами.

„Намъ только тогда удастся разрѣшить вопросъ всеобщаго развитія права, — пишетъ онъ въ предисловіи *) — когда мы не будемъ ограничиваться однимъ взаимнымъ сопоставленіемъ отдѣльныхъ явленій, но еще, кромѣ того, упорядочимъ и сгруппируемъ найденный такимъ образомъ матеріалъ соответственно ступенямъ хозяйственной культуры. Ясно, что для обозначенія прогресса и генеологій преемственности и взаимной зависимости правовыхъ и обычныхъ отношеній, появившихся у разныхъ народовъ въ разные времена, или даже для простого утвержденія, что такой-то законъ или обычай болѣе ранняго или поздняго происхожденія, чѣмъ другой, необходимо обладать извѣстнымъ критеріемъ, выходящимъ за предѣлы хронологіи и независящимъ отъ нея. Только хозяйственныя отношенія могутъ доставить его, такъ какъ только ихъ развитіе отличается опредѣленнымъ характеромъ, который въ общихъ чертахъ всегда и всюду одинаковъ, либо всегда идетъ въ одномъ и томъ же направленіи. Это обстоятельство находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что населеніе возрастаетъ всегда и повсюду быстрѣе либо медленнѣе, а также, что хозяйственныя интересы изъ числа всѣхъ другихъ, управляющихъ жизнью, самые сильные по своей природѣ“.

Трудъ Эрнеста Гроссе ищетъ связи, существующей между формами, принимаемыми семьей въ ея послѣдовательномъ развитіи и хозяйственными системами.

„Различныя формы семьи, — говоритъ этотъ изслѣдователь **) — соответствуютъ различнымъ способамъ пропитанія, и характеръ каждой изъ нихъ въ самыхъ существенныхъ своихъ чертахъ можно вывести изъ современныхъ источни-

*) R. Hildebrand, „Recht und Sitte auf den verschiedenen wirthschaftlichen Kulturstufen“. Часть первая, Іена, 1896.

**) E. Gross, „Die Formen der Ehe und die Formen der Wirtschaft“, Freiburg und Leipzig, стр. 1, 7, 8.

ковъ заработка... Если мы желаемъ понять какое-нибудь общественное учрежденіе въ его сущности и значенія, то мы должны изслѣдовать его въ естественной связи со всей культурной средой, въ которой оно возникло, живетъ и дѣйствуетъ. Въ такой зависимости оно становится непонятнымъ отрывкомъ. Между тѣмъ въ изслѣдованіяхъ формъ семьи почти повсюду пренебрегаютъ этимъ первымъ и простѣйшимъ принципомъ социологическаго разбора. Каждая культурная формація представляетъ своего рода организмъ, въ которомъ всѣ части и функціи находятся въ живой взаимозависимости. Нѣтъ ни одного фактора, который не оказывать бы извѣстнаго вліянія на семью, и эти различныя отношенія должны быть выяснены детально для каждой формы семьи, если мы хотимъ ее понять и оцѣнить“.

Мы представили критическія направленія, требующія сопоставленія въ наукѣ о первобытныхъ обществахъ только фактовъ, относящихся къ одной и той же формаціи, причемъ эти послѣднія должны быть классифицированы соответственно способамъ добычи пропитанія. Это убѣжденіе не только въ необходимости критики матеріала, но также соответствующаго подбора фактовъ, признается все больше и больше. Способъ, которымъ пользуется Г. Спенсеръ въ своихъ „Основныхъ принципахъ социологіи“, состоитъ въ общемъ собраніи данныхъ, оторванныхъ отъ родной почвы, взятыхъ съ различныхъ сторонъ и приведенныхъ въ извѣстный порядокъ, — ничего большаго онъ не даетъ. Желая сдѣлать букетъ, мы срываемъ всѣ цвѣты, подходящіе по краскѣ и запаху, но ботаникъ, желающій изучить флору извѣстной мѣстности и сравнить ее съ растительнымъ міромъ другихъ, долженъ поступать иначе. Онъ собираетъ представителей каждаго рода, изучаетъ, какъ часто они встрѣчаются по отношенію къ другимъ въ этой мѣстности, и уменьшеніе ихъ количества либо процентное возрастаніе среди флоры сосѣднихъ мѣстностей. Факты, оторванные отъ общественной среды, точно также не могутъ обладать болѣе важнымъ значеніемъ и становятся чѣмъ-то вроде *membra disjecta*, принадлежащихъ къ неизвѣстному цѣлому. Надо ихъ разсматривать въ связи съ ихъ родной почвой, съ типомъ своего рода организмомъ. Основой этого органическаго цѣлага являются хозяйственныя отношенія, т. е. природа источниковъ заработка, а также употребляемыхъ орудій труда, если тѣ достаточно развились. Но обращеніе вниманія при сопоставленіи этнографически-социологическаго матеріала только на формацію культурнаго развитія разграниченныхъ соответственно возрастающей сложности источниковъ и способовъ пропитанія — недостаточно. Оно является необходимымъ, но не вполне удовлетворяющимъ условіемъ.

Л. Морганъ, допуская, что опытъ человѣческаго рода развивался у разныхъ племенъ почти одинаковыми путями, объясняетъ этотъ параллелизмъ гипотезой, будто бы „людскія потребности при однихъ и тѣхъ же условіяхъ были въ основѣ своей одинаковы“, и будто бы „духовныя функціи были однѣ и тѣ же вслѣдствіе специфической тождественности мозга“. Но все-таки онъ признаетъ, что эти причины только отчасти объясняютъ намъ сходство результатовъ, полученныхъ развитіемъ. „Зародыши главныхъ учреждений и понятій, — говоритъ онъ въ одномъ отрывкѣ цитированнаго уже труда, — развились тогда, когда человѣкъ былъ еще

дикаремъ, но великое расширеніе сферы опыта въ послѣдующія эпохи возникло изъ дальнѣйшаго развитія этихъ первобытныхъ понятій. Такъ какъ на различныхъ материкахъ можно найти общее начало существующихъ тамъ учреждений, то слѣдуетъ признать и общее происхожденіе всѣхъ людей“. Американскій изслѣдователь замѣчаетъ такимъ образомъ, что дѣйствовали еще и другія вліянія, чуждыя сферѣ отношеній заработка, а именно традиціи. Эта мысль неоспоримо справедлива, но выражена Морганомъ очень неудачно. Условія матеріальнаго быта, болѣе или менѣе одинаковыя всюду по своему существу, вездѣ предлагали человѣку для разрѣшенія однѣ и тѣ же задачи. Но самъ способъ разрѣшенія могъ и даже долженъ былъ быть въ каждомъ мѣстѣ различенъ. То, что мы могли бы назвать историческимъ случаемъ, т. е. вліяніями людской индивидуальности, которыхъ нельзя предвидѣть и сформулировать, и внѣшне-матеріальной обстановки, дѣйствовало и, конечно, вызывало нѣкоторыя мѣстные различія въ способѣ разрѣшенія вышеупомянутыхъ задачъ. Дальнѣйшее развитіе, происходящее на такой различной почвѣ, вызывало,—потому что должно было вызывать,—еще болѣе большую дифференціацію. Это касается особенно второстепенныхъ обычаевъ, которые могли образовываться извѣстнымъ образомъ, но могли также принимать и другія формы, напр., придать товарищескому и общественному отношенію обоимъ половъ болѣе или менѣе свободный характеръ. Разборъ соціологическаго матеріала по формациямъ можетъ намъ доставить ключъ для пониманія общихъ чертъ эволюціи какого-нибудь изъ основныхъ общественныхъ учреждений. Но тутъ дѣйствуетъ традиція и оказываетъ свое вліяніе вмѣстѣ съ историческимъ, собраннымъ и живымъ случаемъ. Веддахъ Цейлона, бушмены пустыни Калахари, дикіе туземцы Новой Голландіи—все это группы, находящіяся на одной и той же культурной ступени, т. е. принадлежащія къ одной и той же формации, а между тѣмъ обладающія очень различными характерами—до извѣстной степени въ зависимости отъ различныхъ условій среды, отчасти же какъ слѣдствіе различныхъ традицій, т. е. наслѣдіе прошедшихъ эпохъ своей исторіи. Ища происхожденія какого-нибудь общественнаго учрежденія и сопоставляя полученный этнический матеріалъ, надо всегда имѣть въ виду эту особенность и, посколькѣ возможно, придерживаться не только фактовъ одной и той же хозяйственной формации, но, кромѣ того, выбирать изъ нея группы, представляющія однородность исторической традиціи. Летурино старался вступить на этотъ путь, создавая классификацію матеріала, соотвѣтственно расовымъ рубрикамъ, и затѣмъ вводя въ нихъ подраздѣленіе на основаніи уровня культуры. Но онъ разрѣшилъ предпринятую задачу не особенно удачно: его попытка можетъ скорѣе доставить указаніе, того какъ не слѣдуетъ поступать. Быть можетъ, только И. Колеръ удовлетворилъ этому методологическому требованію развивающейся науки объ общественномъ прошломъ человѣческаго рода. „Народъ,—говоритъ берлинскій профессоръ въ своемъ послѣднемъ небольшемъ трудѣ о происхожденіи семьи*),—который остановился на первобыт-

*) J. Kohler, „Zur Urgeschichte der Ehe, Totemismus, Mutterrecht“, Stuttgart, 1897, стр. 5—6.

ной ступени матеріальной культуры, а также умственного развитія, можетъ, въ продолженіе короткаго времени перейти отъ грубыхъ правовыхъ состояній къ высшимъ; другіе же съ громаднымъ упорствомъ придерживаются давнихъ состояній, несмотря на развитіе духовной культуры“. Колеръ началъ изслѣдовать правовыя учрежденія у группъ, изъ которыхъ каждая, благодаря однородности условий существованія и одному и тому же уровню культуры и общности традицій, представляетъ замкнутую въ себѣ хозяйственно-традиціонную формацію, какъ, напр., дикари Новой Голландіи или стоящіе на высшей ступени общественности варвары Сѣв. Америки. Въ каждомъ изъ обонхъ случаевъ передъ нимъ находились народы одной и той же традиціонной и хозяйственной формаціи, и если среди одного племени онъ находилъ какой-нибудь обычай во всей силѣ, у сосѣдняго же въ видѣ пережитка либо символа, или если даже совсѣмъ не замѣчалъ его присутствія, то все же, при помощи этого матеріала, онъ можетъ смѣло дѣлать выводы о происхожденіи даннаго учрежденія и законахъ его развитія.

Введеніе въ соціологически-этнологичную науку такого метода, разсматривающаго формаціи общей традиціи и на ихъ почвѣ наслоенія хозяйственно-матеріальнаго развитія, представляетъ несомнѣнно очень важный шагъ въ прогрессѣ разсматриваемой нами науки. Онъ выводитъ ее изъ анекдотическаго состоянія, въ какомъ она находилась до сихъ поръ, на путь научной методологіи. Еще болѣе усилились эти направленія вслѣдствіе введенія статистическаго сопоставленія матеріала, и къ разсмотрѣнію попытки этого рода мы нажѣрены теперь обратиться.

III.

А. Бастианъ первый, насколько намъ извѣстно, указалъ на выгоды примѣненія къ этнологическимъ - соціологическимъ изслѣдованіямъ метода статистическаго сопоставленія фактовъ. Его особенное значеніе явно выступаетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда надо найти начало древнихъ учреждений и вообще обычаевъ, а также открыть связь, существующую между основными учрежденіями и явленіями, сопровождающими ихъ.

Выяснимъ нашу мысль подробнѣе.

Если мы изслѣдуемъ существующую формацію общественнаго строя, т. е. ту, изъ которой жизнь бьетъ ключомъ, то органическая связь между ея учрежденіями, обычаями и вѣрованіями очень ощутительна. Обыкновеннаго, но тщательнаго описанія, сдѣланнаго человѣкомъ, хорошо знакомымъ съ общественной жизнью данной этнической группы, совершенно достаточно для уразумѣнія отношенія между различными сторонами массовой жизни. Статистическій же методъ можно употребить въ этомъ случаѣ только для характеристики какого-нибудь учрежденія, т. е. выдѣленія его признаковъ, чаще всего встрѣчающихся, а также и другихъ, замѣчаемыхъ рѣже. Допустимъ, что мы изслѣдуемъ задругу (семейную общину) въ эпоху язычества, т. е. среди условий, благопріятствующихъ возникновенію развѣтаго культа предковъ. При подобномъ изслѣдованіи напрашивается много вопросовъ, напр., какъ часто рука объ руку съ такимъ культомъ идетъ погребеніе праха

умершихъ членовъ въ предѣлахъ домовъ или родныхъ полей. Конечно, эти случаи существуютъ, но случается также, что тѣло умершаго погребаютъ на отдѣльномъ деревенскомъ кладбищѣ. Пока для разрѣшенія этого вопроса мы не употребимъ статистическаго метода, до тѣхъ поръ намъ не удастся выпутаться изъ пеленокъ анекдотическихкихъ разсказовъ. Мы будемъ въ состояніи отмѣтить, что такой-то обычай существуетъ, но, не обладая болѣе точными указаніями, выраженными въ цифрахъ, мы всегда будемъ склонны уменьшать важность одного изъ нихъ и даже совѣтъ, не поймемъ его.

Еще болѣе выгодъ доставляетъ статистика, когда надо открыть происхожденіе, а также и взаимную зависимость явленій, которыя остались, какъ наслѣдіе очень отдаленнаго прошлаго, и для которыхъ мы напрасно стали бы искать живого объясненія. Даже племена, стоящія ниже всѣхъ изъ теперь существующихъ, получили отъ праотцевъ довольно богатое наслѣдство. Нѣкоторыя части этого наслѣдія похожи на закругленный камешекъ на днѣ потока: какъ течение рѣки отшлифовало острые края и притупило формы, такъ и общественное развитіе поступило со многими обычаями. Изъ понятныхъ фактовъ они превратились въ пережитки, и туземецъ могъ вполне утратить пониманіе ихъ значенія, не говоря уже происхожденія. Дикарь-австралиецъ, котораго спрашиваютъ о причинахъ его обрядовыхъ дѣйствій, не умѣетъ часто объяснить ихъ и ссылается только на то, что такъ поступали и такъ поставили его дѣды. Чтобы понять происхожденіе какого-нибудь обычая, который держится не силою своей сущности, но властью традицій, надо открыть его связь съ другими. Для этого наиболѣе подходитъ статистическій методъ, и если окажется, что нѣкоторые пережитки выступаютъ чаще у разныхъ народовъ въ одномъ соединеніи и рѣже въ другомъ, то при помощи такого указанія намъ удастся найти связь съ древнимъ учрежденіемъ, пережитками котораго являются чаще всего соединяющіеся элементы.

Такой статистическій методъ впервые примѣнилъ Е. В. Тайлоръ въ небольшой, но очень цѣнной монографіи, посвященной разсмотрѣнію подходящихъ методовъ для изслѣдованія развитія учреждений.

„Въ антропологіи, — говоритъ онъ *), давно уже ощущалась потребность укрѣпленія и систематизаціи ея метода. Я намѣреваюсь показать, что развитіе учреждений можетъ быть изслѣдовано при помощи классификаціонныхъ таблицъ“.

Выяснивши способы, съ помощью которыхъ дѣлается возможнымъ приложеніе статистическаго метода въ цѣляхъ уясненія взаимной зависимости обычаевъ, а также ихъ прошлаго, англійскій изслѣдователь заканчиваетъ свое произведеніе слѣдующимъ заключеніемъ **):

„Приведенныя объясненія могутъ быть исправлены, матеріаль для таблицъ улучшенъ качественно и количественно, а коренящіеся въ немъ принципы могутъ быть выражены болѣе подходящимъ образомъ, но во всякомъ случаѣ останется яснымъ то, что правила людскихъ поступковъ поддаются классификаціи

*) E. V. Tylor, „Статья о методѣ изслѣдованія учреждений“ и т. д. въ „*Journal of Anthr. Institut*“, 1889, по польскому переводу, 1897, стр. 5.

***) *Ibidem*, стр. 45 и 44.

сплошными группами, такъ что при помощи точнаго количественнаго анализа можетъ быть открыта ихъ взаимная связь. Поскольку они математически примѣняются, постолько становятся видными принципы общественнаго развитія. Даже рисунки въ моемъ сочиненіи доказываютъ, что человѣческія учрежденія представляютъ такія же ясныя наслоенія, какъ и земля, по которой мы ходимъ. Они слѣдуютъ въ мірѣ, одни за другими, по существу однородными рядами независимо отъ относительнаго, на нашъ взглядъ, поверхностнаго различія по крови и языку“. Но этого недостаточно, потому что, кромѣ того, „разборъ общественныхъ явленій при помощи количественной классификаціи вліяетъ на статистическій матеріалъ, къ которому примѣняется этотъ методъ. Классифицируя данныя, относящіяся къ обычаямъ племенъ и народовъ, мы уясняемъ себѣ ихъ неточности и недостатокъ постоянства“.

Статистическій методъ Е. Б. Тайлора примѣнилъ и до извѣстной степени развилъ С. Р. Штейнметцъ въ своей книжкѣ о развитіи наказаній. Мы уже упомянули въ нашей статьѣ о работѣ Р. Гильдебранда. Книга эта съ перваго взгляда производитъ хорошее впечатлѣніе и является какъ бы очень важнымъ вкладомъ въ исторію права и обычая. Она не разъ приводитъ факты въ дословномъ переводѣ и заканчиваетъ такія обширныя цитаты нѣсколькими строками собственныхъ выводовъ автора. Но хотя матеріалъ, какъ уже было сказано, черпался изъ первыхъ рукъ и появился безъ всякихъ искаженій, однако картина, получаемая нами, насквозь лжива. Это происходитъ отъ того, что Гильдебрандъ систематически устранялъ всѣ факты, противорѣчащіе повидному *a priori* построеннымъ взглядамъ. Мы вовсе не хотимъ утверждать, что всѣ такъ поступаютъ. Но изслѣдователь, даже при сильнѣйшемъ желаніи объективно разсматривать предметъ, не всегда можетъ остережеться отъ многихъ неосторожностей. Уже самое количество матеріала, какимъ распоряжается этнографическая социологія, такъ громадно, что приходится останавливаться только на нѣкоторыхъ фактахъ, что, конечно, открываетъ настежь ворота произволу и предубѣжденіямъ, либо симпатіямъ. Стремясь всѣми силами къ безпристрастью, можно, даже приводя противорѣчащій матеріалъ, помѣстить его въ такомъ отношеніи къ положительнымъ фактамъ, что полученное освѣщеніе въ конечномъ результатѣ будетъ не такое, какое бы мы получили при другомъ разсматриваніи предмета.

С. Р. Штейнметцъ надѣется, что тщательное примѣненіе статистическаго метода устранивъ всѣ эти недостатки.

„Первая, и самая важная, часто совершаемая ошибка,—пишетъ этотъ ученый *),—происходитъ вслѣдствіе того, что изслѣдователь не относится критически къ самому себѣ, не сомнѣвается достаточно въ собственныхъ допущеніяхъ и выясненіяхъ, никогда не ищетъ противорѣчащихъ фактовъ и даже не вспоминаетъ о нихъ, хотя бы они и были подъ рукою,—не говоря уже о томъ, что

*) „Ethnologische Studien zur ersten Entwicklung der Strafe nebst einer psychologischen Abhandlung über Grausamkeit u. Rachtsucht“. Leyden und Leipsig, томъ I, предисловіе.

онъ не старается примирить ихъ съ своей собственной гипотезой, Во-вторыхъ, мы должны отмѣтить, что результатъ цѣлаго изслѣдованія рѣдко бываетъ выражень точно и, насколько возможно, при помощи цифръ. А между тѣмъ читатель долженъ знать стоимость подтверждающихъ и противорѣчащихъ фактовъ. Однимъ словомъ, очень мало заботятся о точности и использованіи всѣхъ доказательствъ“.

„Я никогда не стремился,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ своего сочиненія,—къ группировкѣ фактовъ въ занимательный, но все-таки только вѣроятный рассказъ. Убѣждающая сила такого способа, къ сожалѣнію, слишкомъ частаго въ этнологіи, по моему мнѣнію, очень не велика. Насколько было возможно, я собиралъ всѣ случаи, которые я считалъ равнозначущими и, классифицировавъ ихъ временно, старался вывести ихъ дѣйствительное значеніе. Чтобы избѣгнуть однако опасностей схематизма и догматизма, я всегда приводилъ всѣ факты, которые у меня были собраны, а не тѣ только, которые говорили въ пользу моей гипотезы. Каждый пойметъ, что такой, даже относительный разборъ матеріала не похожъ на приведеніе нѣсколькихъ подобранныхъ примѣровъ. Затѣмъ, я старался выводы каждой моей индукціи выразить въ числахъ, благодаря чему становилось очевиднымъ все ихъ значеніе, а также выступала важность противорѣчащихъ фактовъ. Каждый въ состояніи оцѣнить, насколько, при моемъ матеріалѣ, мнѣ удалось разрѣшить какой-либо изъ вопросовъ. Такое количественное изложеніе каждой индукціи и всего запаса фактовъ мы считаемъ обладающимъ наибольшимъ значеніемъ для аргументаціи, а также и для тщательнаго и точнаго изслѣдованія“.

Остановившись немного надъ методомъ, который начинаетъ все болѣе и болѣе признаваться сравнительной соціологіей, мы считаемъ подходящимъ указать его образъ дѣйствія на какомъ-нибудь примѣрѣ.

Для этой цѣли возьмемъ нѣкоторыя явленія, сопровождающія развитіе семьи.

Какъ мы уже упоминали, у многихъ народовъ существуетъ обычай умыканія невѣсты. Точно такъ же мы знаемъ, что нѣкогда была провозглашена теорія, будто бы, въ самую первобытную эпоху, мужнина систематически пріобрѣталъ такимъ образомъ женщину,—теорія, которая и теперь имѣетъ послѣдователей, не могущихъ иначе представить себѣ нашего отдаленнаго предка, какъ разбойникомъ исподтишка подстерегающимъ дѣвушку, оглушающимъ ее ударомъ палицы и влекущимъ плѣнницу за ноги въ чашу. Примѣнимъ статистическій методъ. Количественное вычисленіе основывается не на подыскиваніи самыхъ яркихъ фактовъ, но на отмѣчаніи всѣхъ безъ различія. Изъ источниковъ мы подбираемъ всѣ описанія умыканія и располагаемъ ихъ, допустимъ, соответственно существующимъ обычаямъ: во-первыхъ, праву наследованія родового имени; во-вторыхъ, мѣсту жительства супруговъ послѣ свадьбы. Именно благодаря такому сопоставленію, совершенному Тэйлоромъ, оказалось, что умыканіе неизвѣстно въ ту эпоху, когда дѣти принадлежать роду матери и носятъ ея имя (поскольку мы рассматриваемъ символическія и мирныя формы умыканія); что оно встрѣчается,

но относительно еще рѣдко, въ переходное время; наконецъ, что выступаетъ чаще, когда въ обществѣ устанавливается наслѣдованіе родового имени по отцу. Тэйлоръ выразилъ численно эту зависимость умыканія и наслѣдованія имени. Онъ нашелъ, что приходится:

Въ переходную эпоху (отъ материнства къ отцовскому праву) на:

вооруженныя умыканія	19
мирныя	21

Въ эпоху отцовскаго права на:

вооруженныя умыканія	15
мирныя	25
символическія	23

Съ другой стороны, наши изслѣдованія привели насъ къ выводу, что между жизнью мужа въ домѣ родителей жены и материнскимъ правомъ, что между пребываніемъ супруговъ въ домѣ родителей мужа и отцовскимъ правомъ существуетъ тѣсная зависимость, которую также можно выразить очень точнымъ образомъ въ количественныхъ отношеніяхъ.

Передъ нами такимъ образомъ рядъ взаимно связанныхъ и выраженныхъ количественно фактовъ. Изъ нихъ мы видимъ, что дѣйствительный источникъ какой-либо другой системы родства, а именно по линіи отца или матери, коренится въ обычаяхъ проживанія у родителей мужа или жены; что пребываніе въ хатѣ родителей жены породило генеалогію по женской линіи; что жизнь въ семьѣ мужа вызвала отцовское право. Теперь дѣло въ томъ, чтобы показать, который изъ этихъ образовъ жительства былъ болѣе раннимъ и который появился въ позднѣйшую эпоху. Умыканіе даетъ ключъ къ разрѣшенію этого вопроса. А именно, каждый обычай, когда пересталъ быть обязательнымъ, продолжаетъ еще въ формѣ пережиточной, символической. Слѣдовательно, если бы материнское право развилось изъ отцовскаго, то въ свойственныхъ ему свадебныхъ обрядахъ мы нашли бы символы умыканія. Ихъ тамъ нѣтъ, между тѣмъ они существуютъ въ большомъ количествѣ у мирныхъ народовъ, слѣдующихъ принципу выведенія родства по мужской линіи. Поэтому мы должны допустить, что жизнь у родителей жены и материнское право представляютъ болѣе раннюю фазу отношеній, что переходъ въ хату родителей мужа появился позднѣе, причѣмъ умыканіе сыграло въ этомъ переломѣ очень важную роль.

Вышеприведенный примѣръ показываетъ намъ все значеніе статистическаго метода въ противопоставленіи анекдотическому разсмотрѣнію предмета, основывающемуся на подбораніи бьющихъ въ глаза фактовъ либо разсмотрѣніи только нѣкоторыхъ изъ нихъ. Конечно, и статистическій методъ не исключаетъ пользованія рассказами подобнаго рода, облакающими разборъ въ плоть и кровь, но, при его примѣненіи, характерные и сильно окрашенные факты будутъ служить только къ уясненію направленій, свойственныхъ развитію, будутъ какъ бы тѣломъ скелета числовыхъ таблицъ.

Мы, въ этой нашей статьѣ, разбирали требованія, которыя методологическое развитіе создаетъ въ области сравнительной социологій, черпающей свой матеріалъ изъ этнографіи. Эти требованія, какъ мы видѣли, можно выразить въ трехъ положеніяхъ, а именно:

Источники, которыми пользуется социологъ во время анализа, должны подлежать критической оцѣнкѣ, потому что, за исключеніемъ нѣсколькихъ работъ, заслуживающихъ полного довѣрія, остальные заключаютъ или большіе недостатки, или даже ложныя и извращенныя свѣдѣнія. Такая критика, умѣло сдѣланная, можетъ придать нѣкоторую цѣнность матеріаламъ, которыми невозможно пользоваться въ настоящій моментъ.

Надо разсматривать не факты, оторванные отъ цѣлаго, часть котораго они составляютъ, органически связанную съ остальными сторонами жизни, но принимать во вниманіе, насколько возможно, именно эту связь и сопоставлять только явленія, равнозначущія и однородныя по своему происхожденію. Поэтому мы должны разсматривать совмѣстно группы культурныхъ формацій, обнимающихъ народы одной и той же ступени развитія, или одного и того же происхожденія.

Наконецъ, гдѣ только это возможно, мы должны отбросить анекдотическое сопоставленіе матеріала и примѣнить статистическій методъ. Онъ даетъ возможность оцѣнить значеніе не только фактовъ, поддерживающихъ нашу тезу, но и противорѣчащихъ ей. Анекдотическіе рассказы, играющіе такую важную роль въ современномъ состояніи разсматриваемой науки, конечно, могутъ остаться, но лишь какъ элементъ второстепеннаго значенія, иллюстрирующій выводы, опирающіеся на численныя отношеніяхъ.

Л. Крживицкій.

ТРУДЪ.

Романъ Эм. Золя.

Перев. А. КОМОРСКОЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ своей прогулкѣ безъ опредѣленной цѣли Лука Фроманъ, выйдя изъ Боклера, направился въ Бріа по улицѣ, идущей вдоль ущелья между возвышенностями Монъ-Блеза, гдѣ протекаетъ Міонна. Подходя къ Безднѣ,—такъ назывались въ той мѣстности сталелитейные заводы Кериньона,—онъ увидѣлъ на краю деревяннаго моста двѣ темныя, тщедушныя фигуры, пугливо прижавшіяся къ периламъ. Сердце его сжалось: онъ разглядѣлъ со-всѣмъ еще молодую женщину, очень бѣдно одѣтую, съ накинутымъ на голову рванымъ платкомъ; возлѣ нея стоялъ мальчикъ лѣтъ шести, едва прикрытый лохмотьями, съ блѣднымъ, изнуреннымъ личикомъ. Они стояли неподвижно, устремивъ глаза на заводъ, съ тупымъ терпѣніемъ отчаянія.

Лука также остановился. Было около шести часовъ вечера, и на землю спускались сырая, унылая сентябрьскія сумерки. Съ четверга дождь лилъ не переставая. Теперь онъ нѣсколько утихъ, но сильный вѣтеръ продолжалъ гнать по небу темныя, точно закопченныя тучи; онѣ походили на разодранныя лохмотья, сквозь которые выглядывали куски грязнаго, желтаго неба. По дорогѣ, перерѣзанной рельсами, съ покоробившейся отъ ѣзды мостовой, текли цѣлыя рѣки черной грязи; тутъ была вся угольная пыль, летѣвшая съ копей Бріа, откуда непрестанно тянулись вереницы возовъ. Эта пыль осѣла, какъ траурный покровъ, на все ущелье, покрыла грязью всѣ заводскія зданія и, казалось, прокоптила насквозь даже тучи, скользящія по небу, подобно чернымъ клубамъ дыма. Завываніе вѣтра нагоняло тоску. Можно было подумать, что эти пронизывающія, мрачныя сумерки предвѣщаютъ конецъ міра...

Лука остановился неподалеку отъ женщины съ ребенкомъ.

— Послушай, хочешь я самъ поговорю съ нимъ? Можетъ, онъ тогда не будетъ сердиться,—говорилъ мальчикъ серьезнымъ, рѣшительнымъ тономъ взрослога человѣка.

— Нѣтъ, нѣтъ, милый,—эти дѣла малышей не касаются,—отвѣчала женщина.

И они снова погрузились въ молчаливое, покорное ожиданіе.

Лука смотрѣлъ на Бездну. Прошлой весной, проѣзжая черезъ Боклеръ, онъ осматривалъ этотъ заводъ изъ любопытства. Теперь, призванный сюда Жорданомъ по спѣшному дѣлу, онъ зналъ уже всѣ подробности пережитаго здѣсь страшнаго кризиса: тяжелая двухмѣсячная забастовка, ужасы разоренія для обѣихъ сторонъ, такъ какъ дѣла завода сильно пострадали отъ пріостановки работъ, рабочіе же въ злобномъ сознаніи своего безсилія чуть не перемерли всѣ съ голоду. Только третьяго-дня, въ четвергъ, работа, наконецъ, возобновилась, послѣ долгихъ ожесточенныхъ споровъ и взаимныхъ уступокъ.

Подъ быстро бѣгущими траурными тучами Бездна раскинула мрачную громаду своихъ зданій и навѣсовъ. Чудовище, взросшее здѣсь, расширяло мало-по-малу свои владѣнія. По цвѣту крышъ, тянувшихся во всѣ стороны, можно бы было опредѣлить время ихъ постройки. Теперь заводъ занималъ нѣсколько десятинъ земли и на немъ работало болѣе тысячи человѣкъ. Синія аспидныя кровли машинныхъ отдѣленій возвышались надъ почернѣвшими черепичными крышами болѣе скромныхъ первоначальныхъ построекъ. Выше, съ дороги, можно было видѣть расположенные въ рядъ гигантскіе горны и башню для закалыванія, въ двадцать четыре метра вышины. Здѣсь были устроены нефтяныя ванны, куда тотчасъ послѣ отливки погружались громадныя пушки. Еще выше дымились фабричныя трубы всѣхъ размѣровъ; это былъ цѣлый лѣсъ трубъ, смѣшивавшихъ копотъ своего дыханія съ черными, какъ сажа, тучами. Изъ тонкихъ трубъ регуляторовъ вырывались, отъ времени до времени, пронзительный свистъ и бѣлые снопы пара. Чудовище, казалось, дышало, и пыль и паръ были какъ бы испареніями, исходящими изъ его работающаго тѣла. Каждый органъ его былъ въ движеніи: машины гудѣли и стучали, молоты звучно и мѣрно ударяли по наковальнямъ, тяжелые удары толчейныхъ пестовъ раздавались словно гулъ колоколовъ, отъ которыхъ дрожала земля. Ближе, у дороги, была маленькая постройка, что-то вродѣ погреба, гдѣ первый Кериньонъ ковалъ когда-то желѣзо; отсюда несся рѣзкій непрерывный стукъ двухъ рычаговъ, словно бѣшеніе пульса колосса, съ огненными, всепожирающими очагами.

Бездна тонула въ рыжеватой унылой мглѣ сумерекъ,—нигдѣ не зажигался еще ни одинъ электрическій фонарь. Въ загрязненныхъ окнахъ также не видно было свѣта. Только изъ открытыхъ дверей главнаго машиннаго отдѣленія вырывался яркій снопъ лучей и прорѣзывалъ мракъ длинной полосой, словно струя расплавленнаго металла. Вѣроятно, мастеръ открылъ дверцу своего горна. За исключеніемъ этой полосы ни единая искорка не обнаруживала присутствія огня, властвовавшаго въ этомъ мрачномъ царствѣ труда, того порабощеннаго, усмиренаго огня, который гнулъ и обрабатывалъ желѣзо, какъ мягкій воскъ, даруя людямъ могущество и подчиняя имъ землю съ тѣхъ поръ, какъ ее впервые покорилъ Вулканъ, богъ огня.

Часы на маленькой башнѣ, возвышавшейся надъ зданіемъ конторы, пробили шесть.

— Они сейчасъ выйдутъ,— снова заговорилъ мальчикъ.

— Да, да, знаю,— отвѣчала молодая женщина,— стой смирно.

При движеніи, которое она сдѣлала, чтобы удержать ребенка, рваная тряпка соскользнула съ ея головы, и Лука удивился при видѣ нѣжныхъ очертаній ея лица. Ей, повидному, не было еще и двадцати лѣтъ. Ея бѣлокурые волосы были растрепаны, голубые глаза распухли и покраснѣли отъ слезъ, блѣдныя губы были горько сжаты; худенькое, миниатюрное личико показалось Лукѣ некрасивымъ. Женщина выглядѣла совсѣмъ ребенкомъ въ своемъ старомъ изодранномъ платьишкѣ. Слабая рука, прижимавшая къ себѣ мальчика, повидному, братишку, дрожала. У мальчика были тѣ же свѣтлые волосы, такіе же растрепанные, но онъ выглядѣлъ сильнѣе и рѣшительнѣе сестры.

Лука чувствовалъ, какъ жалость къ этимъ несчастнымъ все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала его сердцемъ, а бѣдныя существа тѣмъ временемъ тревожились и смущались присутствіемъ господина, такъ пристально ихъ разглядывающаго. Особенно неловко чувствовала себя женщина отъ вниманія этого двадцатипятилѣтняго высокаго, красиваго широкоплечаго мужчины, съ такимъ жизнерадостнымъ, энергичнымъ лицомъ. Она стояла потупившись передъ взглядомъ карихъ глазъ, правдивыхъ и ясныхъ, смотрѣвшихъ ей прямо въ лицо. Рѣшившись взглянуть украдкой, она замѣтила улыбку и понялась, охваченная смущеніемъ.

Раздался звонъ колокола, въ Безднѣ поднялось движеніе: дневныя партіи рабочихъ выходили изъ мастерскихъ, являлись ночныя смѣны. Кипучая дѣятельность чудовища, такимъ образомъ, никогда не прекращалась.—оно пылало и ковало днемъ и ночью. Рабочіе собрались вяло; большинство изъ нихъ отправилось просить денегъ впередъ, хотя работа началась только съ

четверга; голодъ въ семьяхъ послѣ двухъ мѣсяцевъ забастовки былъ слишкомъ силенъ. Люди выходили съ завода одинъ за другимъ или небольшими кучками. Они шли мрачные, понурые, сжимая въ рукахъ тѣ немногія серебряныя монеты, которыя достались такой дорогой цѣной, и на которыя можно купить немного хлѣба дѣтямъ и женѣ.

— Вотъ онъ,—прошепталъ мальчикъ,—онъ съ Бурономъ.

— Да, да, молчи.

Изъ воротъ вышли два рабочихъ, двое товарищей—пудлингеровъ. Первый изъ нихъ, тотъ, про котораго ребенокъ сказалъ, что „онъ съ Бурономъ“, шелъ въ накинутой на плечи суконной курткѣ. На видъ ему можно было дать лѣтъ двадцать-шесть. Онъ былъ небольшого роста, съ рыжими волосами и бородкой, съ крѣпкими мускулами, съ орлинымъ носомъ подъ выпуклымъ лбомъ, съ крупнымъ, рѣзко очерченнымъ подбородкомъ и выдающимися скулами. Это былъ балагуръ, весельчакъ и покоритель женскихъ сердецъ. Буронъ, въ старой зеленоватой бархатной курткѣ, высокій, сухой, съ длиннымъ лошадинымъ лицомъ и косыми глазами,—выглядѣлъ лѣтъ на шесть старше. Онъ имѣлъ видъ слабого, безхарактернаго человѣка, постоянно поддающаго подъ вліяніе какого-нибудь товарища.

Онъ издали замѣтилъ женщину и ребенка и толкнулъ локтемъ товарища:

— Ей, Рагю, вонъ стоятъ Жозина и Нанэ... Смотри въ оба, если не хочешь, чтобъ они къ тебѣ пристали,—сказалъ онъ.

Рагю злобно сжалъ кулаки:

--- Проклятая дѣвка! Надоѣла хуже горькой рѣдьки... Я вытолкалъ ее въ шею... Пусть только попробуетъ подойти ко мнѣ!..

Онъ казался немного навеселѣ, что обыкновенно случалось въ тѣ дни, когда онъ выпивалъ болѣе трехъ литровъ вина,—количества, которое, по его словамъ, было необходимо для того, чтобы жаръ горна не изсушилъ ему кожи. Въ этомъ состояніи полуопьяненія Рагю всегда любилъ хвастаться передъ товарищами, какъ жестоко онъ обращается съ надоѣвшими ему женщинами.

— Вотъ увидишь, какъ я съ нею раздѣлаюсь,—говорилъ онъ.

Жозина робко двинулась впередъ, Нанэ держался за ея юбку. Въ эту минуту двое рабочихъ изъ Боклера подошли къ Рагю и Бурону. Они принадлежали къ ночной смѣнѣ. Старшему изъ нихъ, Фошару, казалось на видъ лѣтъ сорокъ, хотя ему было только тридцать. Онъ служилъ выкатчикомъ, и этотъ жестокій трудъ измождалъ его: лицо его было красно, точно обваренное, глаза воспалены, весь онъ словно скрючился отъ страшнаго зноя

горновъ, въ которыхъ плавился металлъ. Другой, Фортюнэ, его деверь, шестнадцатилѣтній юноша, выглядѣлъ мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати. Онъ былъ худъ, тщедушень, съ безцвѣтными волосами. Машинальная, однообразная работа молотобойца, казалось, остановила его ростъ, притупила развитіе, ослѣпила и оглушила его окончательно.

Фошаръ несъ старую корзинку изъ чернаго тростника. Онъ остановился и спросилъ глухимъ голосомъ:

— Заходили вы?

Онъ спрашивалъ, заходили ли они въ кассу и получили ли авансъ.

Рагю молча хлопнулъ себя по карману, въ которомъ зазвенѣли деньги.

— Черти! —воскликнулъ Фошаръ съ отчаяніемъ.—Опять, видно, придется подтянуть брюхо до завтрашняго утра... Опять цѣлую ночь буду дохнуть отъ жажды, коли жена не умудрится какъ-нибудь принести мнѣ мою порцію.

Его „порція“ состояла изъ четырехъ литровъ въ день или въ ночь. Этого количества, по его словамъ, едва хватало, чтобы освѣжить несчастное тѣло, изъ котораго раскаленные горны вытягивали всю влагу. Онъ съ грустью посмотрѣлъ на свою корзинку, въ которой болтался одинъ только кусокъ хлѣба. Отсутствіе обычныхъ четырехъ литровъ было просто зарѣзомъ для бѣдняка... Подавляющій трудъ становился не подъ силу, превращался въ какую-то безнадежную агонію.

— Ну полно, жена выручитъ,—сказалъ Буронъ ободряющимъ тономъ,—она ловкая баба,—сумѣетъ вытянуть въ кредитъ...

Онъ вдругъ остановился, и всѣ четверо почтительно поклонились.

Лука увидѣлъ, что по тротуару катится ручная коляска, которую лакей подталкиваетъ сзади. Въ коляскѣ сидѣлъ старикъ съ крупными, правильными чертами лица, обрамленнаго длинными сѣдыми волосами.

Это былъ Жеромъ Кериньонъ, г-нъ Жеромъ, какъ всѣ называли его, сынъ Блеза Кериньона, бывшаго вытязчика и основателя Бездны. Старый, разбитый параличемъ, онъ, молча, во всякую погоду катался въ своей колясочкѣ. Проѣзжая сегодня мимо завода, онъ приказалъ слугѣ остановиться. Его глаза, ясные, глубокіе, полные жизни, долго смотрѣли на чудовище труда, на входящихъ и выходящихъ рабочихъ. Затѣмъ взглядъ его перенесся на домъ директора, четырехугольное зданіе, имъ самимъ построенное сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ которомъ онъ царилъ когда-то и наживалъ милліоны.

— Ужь онъ-то вѣрно не беспокоится, будетъ ли у него вино къ ужину,—насмѣшливо фыркнулъ Буронъ.

Рагю пожалъ плечами.

— Мой прадѣдъ и отецъ г-на Жерома были товарищи. Оба работали здѣсь, какъ и мы грѣшные. Богатство такъ же легко могло достаться Рагю, какъ оно досталось Кериньону. Все зависитъ отъ случая или отъ умѣнья грабить.

— Молчи,—прошепталъ Буронъ, — охота наживать непріятности.

Фанфаронство Рагю, исчезло и, когда г-нъ Жеромъ, проѣзжая мимо маленькой группы изъ четырехъ человѣкъ, окинулъ ее взглядомъ своихъ большихъ, свѣтлыхъ глазъ,—Рагю снова поклонился, и въ этомъ поклонѣ была боязливая почтительность рабочаго, который, хотя и не прочь ругнуть хозяина, трепещетъ въ то же время передъ всемогущимъ богатствомъ, отъ котораго зависитъ его существованіе.

Лакей тихо подталкивалъ колясочку, и г-нъ Жеромъ вскорѣ скрылся изъ виду по темной дорогѣ, ведущей въ Боклеръ.

— Гм...—философически заключилъ Фошаръ,—и онъ, я думаю, не особенно-то счастливъ въ своей каталкѣ... А если еще понимаетъ что-нибудь, то всѣ наши передраги врядъ ли были ему забавны... У каждого свое горе... А, чортъ, кабы Натали принесла мнѣ только вина!

Онъ направился къ заводу, сопровождаемый Фортюне, который молчалъ все время съ глупозатымъ видомъ. Ихъ усталыя, сгорбленныя фигуры скрылись въ сгущавшемся сумракѣ.

Рагю и Буронъ продолжали свой путь, одинъ развращая другого, соблазняя его зайти въ какой-нибудь кабачокъ. Не грѣхъ и повеселиться немного послѣ столькихъ непріятностей.

Лука, продолжавшій наблюдать съ участливымъ любопытствомъ за всѣмъ происходившимъ, увидѣлъ, какъ Жозина снова робко выступила впередъ, чтобы преградить дорогу Рагю. Вначалѣ она, вѣроятно, надѣялась, что онъ пойдетъ домой, черезъ мостъ, такъ какъ это была прямая дорога въ старый Боклеръ, состоящій изъ убогихъ лачугъ, гдѣ жило большинство рабочихъ Беадны. Но увидѣвъ, что онъ направляется къ богатымъ кварталамъ, она догадалась объ его намѣреніяхъ: онъ пойдетъ въ кабакъ, пропьетъ получку, и ей съ братишкой снова придется ждать на улицѣ, на холодномъ вѣтру, умирая съ голоду. Страданіе и отчаяніе придали ей храбрости. Слабое, измученное существо вдругъ рѣшительно пошло навстрѣчу рабочимъ.

— Огюсть, будь же справедливъ, не выбрасывай меня на улицу.

Рагю молча хотѣлъ пройти мимо.

— Если ты не идешь домой, то дай мнѣ по крайней мѣрѣ ключъ... Мы съ утра на улицѣ... Еще крохи во рту не было,—говорила Жозина дрожащимъ голосомъ.

-- Убирайся!—съ бѣшенствомъ закричалъ Рагю, — скоро ли конецъ этимъ приставамьямъ?

— Зачѣмъ ты унесъ ключъ сегодня утромъ?.. Дай мнѣ только ключъ... Вернешься домой, когда захочешь... Вѣдь скоро ночь... Не можемъ же мы почевать на улицѣ.

— Ключъ! ключъ! Нѣтъ у меня ключа, слышишь? А если бъ и былъ, то все-таки не далъ бы тебѣ... Надоѣла ты мнѣ,—понимаешь?.. Опротивѣла... Два мѣсяца съ голоду околѣвали... Будетъ... Можешь убираться!..

Онъ выкрикивалъ ей все это съ дикой злобой, прямо въ лицо, а она, бѣдняжка, вся дрожала и уговаривала его съ покорной кротостью несчастныхъ, чувствующихъ, что земля уходитъ изъ-подъ ихъ ногъ.

— Какой ты злой... какой ты злой... Мы поговоримъ сегодня вечеромъ, когда вернешься... Я уйду завтра... Дай мнѣ только ключъ теперь.

Рагю съ бѣшенствомъ кинулся на нее и отшвырнулъ ее въ сторону.

— Проклятiе! И на улицѣ нѣтъ проходу... Иди, куда хочешь! Говорятъ тебѣ, что все кончено!..

Жозина зарыдала. Маленькій Нанэ, видя это, храбро выступилъ впередъ, высоко поднимая всклокоченную головку.

— Ну, теперь пискуны пошли!—воскликнулъ Рагю.—Скоро вся семейка будетъ у меня на шеѣ!.. Погоди, бездѣльникъ, я тебя угощу по-своему!..

Жозина быстро привлекла къ себѣ мальчика. Они стояли въ грязи дрожащiе, подавленные мѣрой. Рабочiе продолжали свой путь и скрылись во мракѣ, по направленiю къ Боклеру, гдѣ одинъ за другимъ начинали уже зажигаться фонари.

Буронъ, въ сущности добрый малый, хотѣлъ было заступиться за несчастную, но ложный стыдъ передъ товарищемъ, этимъ красивымъ, распутнымъ парнемъ, заставилъ его промолчать. Жозина колебалась съ минуту, какъ бы спрашивая себя: стоитъ ли идти съ ними, но видя, что они уже исчезли изъ глазъ, поглощенные тьмой, вдругъ рѣшилась и, схвативъ за руку братишку, тихо, съ упорствомъ отчаянiя поплелась за ними. Она осторожно пробиралась вдоль стѣнъ, боясь, чтобы они не замѣтили ея и не поколотили.

Лука былъ въ негодованiи; онъ чуть не бросился на Рагю.

чтобы хорошенько проучить его. О, ужасъ нужды, превращающей человѣка въ волка, давящей, безжалостной нужды, борьбы изъ-за куска хлѣба, который голодъ заставляетъ вырывать другъ у друга! Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ забастовки люди ежедневно яростно грызались между собой изъ-за несчастныхъ крохъ, а получивъ первое жалованье, мужчина бѣжалъ въ кабакъ за одуряющимъ опьяненіемъ, бросая на произволь судьбы жену или любовницу, этихъ подругъ тяжелыхъ дней.

И Лука припоминалъ тѣ четыре года, которые онъ прожилъ въ одномъ изъ предмѣстій Парижа, тотъ громадный, грязный, зловонный домъ, населенный сверху донизу рабочимъ людомъ, гдѣ бѣднота стонетъ и дерется въ каждомъ этажѣ. Сколько потрясающихъ драмъ прошло передъ его глазами, сколько страшнаго горя, которое онъ тщетно старался облегчить! Вѣчный страхъ труда и вознагражденія вставалъ передъ нимъ во всей своей постыдной наготѣ, во всей своей ужающей несправедливости... Онъ томился долгими часами, придумывая средство для исцѣленія столькихъ страданій, и постоянно наталкивался на желѣзныя преграды неумолимой дѣйствительности. И теперь, возвращаясь по неожиданному обстоятельству въ Боклеръ, онъ снова наткнулся на дикую сцену: несчастное, слабое существо, выброшенное на улицу и умирающее съ голоду, по милости грознаго чудовища, потрясающаго огнемъ и дикимъ ревомъ нѣдра земли и выпускающаго наружу мрачныя клубы дыма, застилающіе блѣдное небо.

Поднялся сильный вѣтеръ и сталъ накрапывать дождь. Лука стоялъ на мосту и глядѣлъ по направленію къ Боклеру, стараясь рассмотреть окрестности при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ съ потемнѣвшаго неба. По правую руку была Бездна, ея зданія шли вдоль дороги Бріа, у ногъ его протекала Міонна, а влѣво, на возвышенности, проходила желѣзнодорожная линія изъ Бріа въ Маньоль. Все это заполняло глубину ущелья, и тамъ, гдѣ расширялись послѣдніе откосы Монъ-Блезовъ, тамъ открывался выходъ на обширную равнину Руманъ. Въ самомъ устьѣ, при сліяніи оврага съ долиной, расположился Боклеръ съ своими убогими лачугами, ютившимися вдоль откосовъ. Далѣе, уже на ровномъ мѣстѣ, былъ маленькій городокъ съ подпрефектурой, мэріей, судомъ и тюрьмой. Церковь, такая древняя, что стѣны ея грозили обрушиться, возвышалась на границѣ новаго города и стараго предмѣстья. Этотъ округъ насчитывалъ всего шесть тысячъ душъ населенія; изъ нихъ пять тысячъ составляли бѣдныя, темныя души въ страдающемъ тѣлѣ, истерзанномъ и изможденномъ непосильнымъ трудомъ. Вдали, за Бездной, на полпути отъ возвы-

шенности Монъ-Блезъ рисовался темный силуэтъ фабрики Крепери съ ея высокими трубами.

Дождь пересталъ, и Лука направился къ Боклеру. Рабочіе, озлобленные, ожесточенные ужасами забастовки, шли толпами изъ Бездны. Трудъ возобновлялся. Лука шелъ среди нихъ, охваченный мучительно-тоскливымъ чувствомъ протеста и безсилія. Онъ уѣхалъ бы тотчасъ же, но онъ боялся огорчить Жордана, владѣльца Крепери. Жорданъ былъ въ большомъ затрудненіи послѣ внезапной смерти старшаго инженера, завѣдывавшаго всѣми дѣлами фабрики, и просилъ Луку пріѣхать помочь ему добрымъ совѣтомъ. Молодой человекъ, изъ чувства дружбы, тотчасъ же поспѣшилъ на приглашеніе, но, по пріѣздѣ, получилъ другое письмо, въ которомъ Жорданъ извѣщала его о новой катастрофѣ: въ Каннѣ скоростижно скончался одинъ родственникъ, и Жорданъ вмѣстѣ съ сестрой вынужденъ былъ уѣхать туда на три дня. Онъ умолялъ Луку подождать ихъ возвращенія до понедѣльника, просилъ поселиться во флигелѣ и распоряжаться всѣмъ, какъ у себя въ домѣ.

Лука, слѣдовательно, предстояло провести цѣлыхъ два дня въ этомъ маленькомъ городкѣ, который онъ едва зналъ, два дня праздности и бездѣйствія. Онъ вышелъ вечеромъ побродить, сказавъ слугѣ, чтобы его не ждали къ обѣду. Онъ предполагалъ поѣсть гдѣ-нибудь въ трактирѣ и провести время, наблюдая и изучая народные нравы. Это было его страстью.

Новыя думы роились въ его головѣ, пока онъ шагала по грязи среди толпы усталыхъ, молчаливыхъ рабочихъ. Ему стыдно было своего сентиментальнаго малодушія.

Зачѣмъ уѣзжать отсюда, если здѣсь онъ находитъ ту задачу, которую стремится разрѣшить, и находитъ ее въ такой жгучей, такой обостренной формѣ? Нѣтъ, онъ не уклонится отъ борьбы, онъ будетъ собирать факты и откроетъ, наконецъ, вѣрный путь среди заволакивающего мрака.

Сынъ Пьера и Мари Фроманъ, Лука, подобно своимъ тремъ братьямъ, помимо спеціальнаго образованія инженера, изучилъ еще ремесло, одну изъ отраслей физическаго труда.

Онъ тесалъ камни, былъ архитекторомъ-строителемъ. Онъ любилъ эту работу, проводилъ цѣлые дни среди парижскихъ рабочихъ; ему хорошо знакомы были всѣ драмы, переживаемыя рабочимъ кризисомъ.

Лука былъ выше ростомъ и плотнѣе своего брата Матье. У него было открытое, энергичное лицо, высокій, умный лобъ. Его пытливый, творческій мозгъ былъ въ постоянномъ броженіи, но до сихъ поръ своими крѣпкими, сильными руками онъ обни-

маль еще одну только пустоту, онъ, жаждавшій создать новый міръ.

Рѣзкій порывъ вѣтра пронесся вдругъ надъ его головой, наполнивъ его душу священнымъ трепетомъ. Кто знаетъ, можетъ быть невѣдомая сила послала его въ этотъ глухой, скорбный уголокъ съ высокой миссіей внести сюда свѣтъ, счастье, освобождение?

Очнувшись отъ своихъ мечтаній, Лука поднялъ голову и увидѣлъ, что дошелъ уже до Боклера. Четыре главныхъ улицы вели къ центральной площади мэрїи и пересѣкали городъ на четыре почти равныхъ части. Каждая изъ этихъ улицъ носила названіе того мѣстечка, къ которому вела. Улица Бріа—на сѣверѣ, Сенъ-Кронъ—на западѣ, Маньоль—на востокѣ, Формери—на югѣ.

Самой людной и населенной была улица Бріа, въ которой Лука находился въ настоящее время. По сосѣдству съ ней сгруппировались всѣ фабрики. Въ то время, какъ онъ проходилъ по ней, большія ворота сапожной фабрики, принадлежащей мэру города Гурье, раскрылись, и изъ нихъ хлынула толпа въ пятьсотъ человекъ рабочихъ, изъ нихъ двѣсти женщинъ и дѣтей. Затѣмъ шли заводы: Шодоржа, гдѣ выдѣлывались одни гвозди: Госсера, выпускавшій ежегодно болѣе ста тысячъ косъ и серповъ; Миранда—фирма, спеціальностью которой были земледѣльческія машины.

Всѣ они пострадали отъ забастовки въ Безднѣ, такъ какъ получали оттуда главный матеріаль—сталь и желѣзо. Бѣдствія и голодъ коснулись рабочихъ.

Улица, слабо освѣщенная рѣдкими газовыми фонарями, казалась черной отъ этихъ скученныхъ людей. Женщины, получивъ, наконецъ, нѣсколько су, спѣшили въ лавочки, чтобы купить хлѣба и немного мяса; онѣ протискивались въ толпѣ и еще болѣе затрудняли движеніе.

Идя, куда глаза глядятъ, Лука замѣшивался въ кучки рабочихъ, останавливался, прислушивался, изучалъ. Онъ случайно прїостановился у открытыхъ дверей большой мясной лавки. Куски кроваваго мяса ярко освѣщались газовыми рожками. Хозяинъ лавки Дашѣ, толстякъ съ аполексической комплекціей, съ глазами навывкатъ, съ круглымъ, краснымъ лицомъ, стоялъ на порогѣ и слѣдилъ за торговлей. Онъ любезно и предупредительно встрѣчалъ служанокъ богатыхъ господъ и подозрительно оглядывалъ каждую бѣдную жепщину, входившую въ лавку. Теперь онъ видимо подстерегалъ высокую, худенькую блондинку, блѣдную и истощенную, съ молодымъ, но уже увядшимъ лицомъ.

Она держала за руку прелестнаго пятилѣтняго малютку, а въ другой рукѣ несла корзину, изъ которой торчали горлышки четырехъ бутылокъ.

Это была Фошаръ, которая безконечно надоѣла ему своими постоянными просьбами отпустить ей мяса въ долгъ.

Когда женщина рѣшилась, наконецъ, переступить порогъ лавки, Дашё грубо загородилъ ей дорогу:

— Что вамъ здѣсь нужно? А?

— Не будете ли такъ добры, г-нъ Дашё,—заикаясь, начала Натали,—мой мужъ, вы знаете, вернулся на заводъ... Завтра утромъ онъ получитъ авансъ... Вотъ, г-нъ Кафью согласился отпустить мнѣ въ долгъ четыре литра... Можетъ быть, и вы, г-нъ Дашё, будете такъ добры... дадите мнѣ немного мяса... хоть самую малость.

— Нѣтъ, я вамъ сказалъ уже, что нѣтъ!..—закричалъ мясникъ, багровѣя отъ злости. — Ваша стачка чуть не разорила меня. Я не такъ еще глупъ, чтобъ стоять за васъ! Всегда найдутся лѣнтяи и бездѣльники, которые мѣшаютъ честнымъ людямъ работать... Кто не умѣетъ заработать на мясо, тотъ его и не ѣстъ.

Дашё побаивались. Это былъ ограниченный, жестокий чело-вѣкъ, интересовавшійся политикой и державшій сторону сильныхъ. Слово „мясо“ имѣло въ его устахъ какое-то особенное значеніе: мясо — высшій продуктъ, предметъ роскоши, предназначенный въ удѣлъ счастливымъ, аристократамъ.

— Вы еще съ прошлаго лѣта должны мнѣ четыре франка,—продолжалъ онъ,—вѣдь и я также долженъ расплачиваться!

Натали продолжала умолять такимъ жалобнымъ голосомъ.

Но вдругъ произошло нѣчто, окончательно подорвавшее ея шансы на успѣхъ.

Въ лавку вошла г-жа Дашё, маленькая, невзрачная женщина, про которую, впрочемъ, говорили, что она преисправно наста-вляеть мужу рога. Ея дочь, четырехлѣтняя Жюльена, прелестная, полненькая, веселая дѣвочка, замѣтила маленькаго Луи Фошара, который улыбнулся при ея появленіи. Жюльена, вѣроятно не имѣвшая еще понятія о социальномъ неравенствѣ, подошла къ мальчику и протянула ему ручонки. Въ этомъ невинномъ дѣтскомъ весельѣ былъ какъ бы залогъ будущаго примиренія.

— Несносная дѣвчонка!—воскликнулъ Дашё внѣ себя,—вѣчно болтается подъ ногами... Ступай на свое мѣсто!..

Затѣмъ гнѣвъ его обрушился на жену. Онъ грубо отправилъ ее за конторку, говоря, что она гораздо лучше сдѣлаеть, если будетъ наблюдать за кассой, а то ее опять обокрадутъ, какъ третьяго-дня.

Эта кража видимо не выходила у него изъ головы; онъ уже два дня не переставалъ жаловаться и негодовать.

— Да, каково!—продолжалъ онъ, обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ,—какая-то оборванка забралась въ лавку и стащила изъ кассы сто су, а г-жа Дашё считала мухъ въ это время... Воровку тутъ же поймали, и отпереться не могла: сто су были зажаты у нея въ рукѣ. Разумѣется, я потребовалъ, чтобъ ее тотчасъ же засадили въ тюрьму... Ужасно! Скоро насъ въ конецъ оберутъ и разорять... Надо принимать мѣры.

Говоря все это, онъ зорко поглядывалъ, чтобы какая-нибудь голодная не стащила куска мяса съ прилавка, точно это было золото.

Лука, слѣдившій издали за всей этой сценой, увидѣлъ, какъ Натали Фошаръ стала робко приближаться къ двери, опасаясь вѣроятно, что мясникъ позоветъ жандарма. Очутившись на улицѣ, она остановилась передъ ярко освѣщенной, украшенной зеркалами булочной, находившейся прямо противъ мясной. Одно изъ оконъ было открыто, и передъ носомъ прохожихъ лежали пирожки и аппетитныя подрумяненные булки.

Мать и ребенокъ такъ и впились глазами въ эти пирожки и булки.

Лука, позабывъ про несчастныхъ, съ интересомъ слѣдилъ за тѣмъ, что происходило въ это время въ булочной.

У дверей остановилась телѣжка, и изъ нея вышелъ крестьянинъ съ двумя дѣтьми: мальчикомъ восьми лѣтъ и дѣвочкой лѣтъ шести.

Въ булочной за конторкой сидѣла сама хозяйка, г-жа Митэнъ, красивая, полная тридцатипятилѣтняя блондинка, прекрасно сохранившаяся. Въ нее перевлюблялись всѣ мужчины въ околоткѣ, но она оставалась вѣрной своему мужу — худому, молчаливому, блѣдному человѣку, вѣчно торчавшему около своей квашни или печи. Возлѣ г-жи Митэнъ, на скамеечкѣ, сидѣлъ ея сынъ Эваристъ. Это былъ высокій для своихъ десяти лѣтъ мальчикъ, такой же бѣлокурый, какъ мать, съ привѣтливымъ лицомъ и ласковыми глазами.

— А, г-нъ Ланфанъ! Какъ поживаете? А это ваши дѣтки,— Арсенъ и Олимпія. О здоровьѣ, кажется, нечего и спрашивать, стоитъ только взглянуть на нихъ.

Крестьянинъ былъ мужчина лѣтъ тридцати съ широкимъ, благообразнымъ лицомъ. Онъ отвѣчалъ неторопливо, разсудительнымъ тономъ:

— Да, да, здоровье недурно... А вотъ земля прихварываетъ, это вѣрно. Я не могу дать вамъ отрубей, г-жа Митэнъ, — всѣ вышли. Былъ въ Боклеръ и заѣхалъ васъ предупредить.

И онъ началъ горько жаловаться на неблагодарную землю, которая не можетъ прокормить рабочаго, которая не оплачиваетъ даже расходвъ на удобреніе и сѣмена.

Хорошенькая булочница сочувственно покачивала головой.

Это правда,—приходится работать, изъ кожи лѣзть, а радости мало. Всѣ теперь живутъ впроголодь. Ей нѣтъ дѣла до политики, но куда ни поглядишь—вездѣ горе! Хоть бы эта стачка! У нея сердце кровью обливалось при мысли, что столько бѣдняковъ не имѣютъ даже черствой корки, между тѣмъ какъ ея лавка завалена хлѣбомъ. А что подѣлаешь: торговля—торговлей, не правда ли? Нельзя же раздавать товаръ даромъ.

— Да, да, разумѣется,—соглашался Ланфанъ,—всякому дорого свое добро. Не грѣшно получать денежки за свой трудъ. А все-таки скажу, что нѣкоторые хапаютъ ужъ черезчуръ много.

Эваристъ, заинтересованный появленіемъ дѣтей, рѣшился наконецъ выйти изъ-за своего прилавка. Онъ улыбался снисходительно, какъ взрослый, глядя на шестилѣтнюю дѣвочку. Его, вѣроятно, забавляла ея большая, круглая головка съ смѣющимся личикомъ.

— Угости же ихъ пирожнымъ,—сказала г-жа Митѣнъ. Она очень баловала своего сына и воспитывала его съ нѣжной заботливостью.

Видя, что Эваристъ предлагаетъ пирожокъ Арсену, она воскликнула, смѣясь:

— Надо быть вѣжливымъ кавалеромъ, дружокъ,—начинаютъ всегда съ дамы.

Эваристъ и Олимпія сконфузились и разсмѣялись,—это сразу установило между ними товарищескія отношенія. О, дорогія малютки, въ нихъ вся прелесть и радость жизни! Если они вырастутъ умными и добрыми, то не станутъ грызться, какъ нынѣшніе люди.

Ланфанъ ушелъ, говоря, что все-таки надѣется доставить отруби попозже. Г-жа Митѣнъ проводила его до дверей и смотрѣла, какъ онъ усаживался въ телѣжку и поѣхалъ по дорогѣ въ Бріа. Въ эту минуту Лука увидѣлъ, что къ булочницѣ подошла Натали, таща за руку маленькаго Луи. Она пролепетала нѣсколько словъ, которыя Лука не могъ разслышать,—вѣроятно просила хлѣба въ долгъ, потому что госпожа Митѣнъ съ жестомъ, выражавшимъ согласіе, вернулась въ лавку и дала несчастной большую ковригу хлѣба, которую та торопливо унесла, прижимая къ своей впалой груди.

Дашѣ, слѣдившій съ противоположнаго тротуара за происходившимъ, злобно закричалъ:

— Ужъ васъ когда-нибудь да обокрадутъ. У Кафью опять украли нѣсколько коробокъ сардинь... Вездѣ крадутъ.

— Э, полноте!—весело возразила г-жа Митэнъ, возвращаясь на порогъ своей лавки,—обкрадываютъ только богатыхъ.

Лука продолжалъ свой путь вдоль улицы Бриа среди гула и шума все увеличивающейся толпы. Ему чуялось въ воздухѣ что-то зловѣщее, какъ будто сильный шквалъ долженъ налетѣть сейчасъ и унести эту мрачную, молчаливую массу людей. На площади Мэри онъ увидѣлъ телѣжку Ланфана, остановившуюся на углу возлѣ желѣзной лавки супруговъ Лабокъ. Двери были раскрыты настежь, и онъ услышалъ, какъ крестьянинъ неистово торгуется съ купцомъ.

— Чортъ возьми, да вы ихъ на вѣсь золота продаете, ваши лопаты... Еще по два франка накинули...

— Помилуйте, да развѣ мы виноваты, что изъ-за этой проклятой стачки все вздорожало и фабрики перестали работать?.. И теперь самъ плачу дороже за желѣзо, надо же и мнѣ что-нибудь нажить.

— И наживайте, Богъ съ вами, но нельзя же запрашивать двойныя цѣны... Это ужъ не торговля, а грабежъ какой-то... Скоро нельзя будетъ купить ни одного земледѣльческаго орудія.

Лабокъ былъ маленькій, сухой человѣчекъ съ острымъ носомъ и бѣгающими глазками, живой и пронырливый. Жена его была совершенно подъя-стать, —тоже маленькая, подвижная, чернявая, она отличалась необыкновенной страстью къ наживѣ. Оба начали свою торговую карьеру, развѣзжая по ярмаркамъ въ телѣгѣ, нагруженной заступами, граблями и косами. Лѣтъ десять тому назадъ они открыли маленькую лавочку, и съ тѣхъ поръ торговля ихъ расширялась съ каждымъ годомъ. Теперь они стояли уже во главѣ крупнаго дѣла, являясь посредниками между сосѣдними фабриками и потребителями. Они съ большимъ барышомъ перепродавали желѣзный товаръ Бездны, гвозди Шодоржа, косы и серпы Госсера, машины и земледѣльческія орудія Миранды. Они поглощали массу силъ и богатства и грабили, по традиціи, съ условной купеческой честностью, радостно подсчитывая каждый вечеръ прибыль, сорванную съ насущныхъ потребностей ближняго.

Въ то время, какъ крестьянинъ и торговецъ ожесточенно торговались изъ-за двадцати су, Лука снова обратилъ вниманіе на дѣтей. Огюсть, серьезный двѣнадцатилѣтній мальчикъ, училъ урокъ; рядомъ съ нимъ на маленькомъ стульчикѣ сидѣла Евлалія, которой едва исполнилось пять лѣтъ. Она внимательно разглядывала всѣхъ проходящихъ, какъ будто со-

ставляя о каждомъ свое особое мнѣніе. Появленіе Арсена Ланфанъ тотчасъ же заинтересовало ее. Мальчикъ, видно, пришелся ей по вкусу, и она привѣтливо улыбалась ему.

Къ компаніи дѣтей прибавилась еще новая посѣтительница: въ лавку вошла Бабетта, жена пудлингера Бурона, ведя за руку свою дочь, Марту, такую же полненькую и жизнерадостную, какъ и она сама. Марта тотчасъ же высвободила свою руку и подбѣжала къ Огюсту, съ которымъ вѣроятно раньше была знакома.

Бабетта прервала спорящихъ, согласившихся наконецъ подѣлить двадцать су пополамъ. Она принесла обратно кастрюлю, купленную наканунѣ.

— Она течетъ, г-нъ Лабокъ. Я замѣтила это, какъ только поставила ее на плиту. Не могу же я оставить у себя кастрюлю, которая течетъ.

Пока Лабокъ, ворча, разсматривалъ кастрюлю, его жена принялась рассказывать про своихъ дѣтей.

— Настоящіе увальни, цѣлый день съ мѣста не двинутся... Одинъ сидитъ вѣчно уткнувшись носомъ въ книгу, другая словно привязана къ своему стулу. Для такихъ дѣтей поневолѣ приходится копить деньги,— не въ родителей пошли, сами себѣ, видно, гроша не зарабатываютъ.

Огюстъ Лабокъ, какъ бы не слыша этихъ словъ, улыбался тѣмъ временемъ Мартѣ Буронъ, Евлалія протягивала ручонку Арсену Ланфанъ, а Олимпія задумчиво доѣдала пирожокъ, поднесенный ей маленькимъ Митэномъ. Отъ этой мирной картины, казалось, вѣяло свѣтлой надеждой на будущее. Въ глазахъ Луки она васлонила собой бурю злобы и ненависти, свирѣпствовавшую на улицѣ.

— Не много наживешь на такомъ товарѣ,— сказалъ Лабокъ, передавая Бабеттѣ новую кастрюлю. — Нѣтъ больше добросовѣстныхъ рабочихъ,— всѣ работаютъ кое-какъ, только бы свалить съ рукъ... А сколько крадутъ! Хотя бы у насъ: входи, кто хочетъ. И тащи, что душѣ угодно, съ этой дурацкой модой выставлять лотки съ товаромъ на улицу... Сегодня утромъ насъ опять обокрали.

Ланфанъ, медленно отсчитывавшій деньги за лопату, съ удивленіемъ спросилъ:

— Такъ это значитъ правда, всѣ эти кражи?

— Еще бы не правда! Не мы крадемъ, а насъ обкрадываютъ... Два мѣсяца тянули свою забастовку, а теперь купить не на что, ну и крадутъ... Вонъ, два часа тому назадъ, у меня изъ того

ящика вытащили нѣсколько ножей и рѣзаковъ. Не особенно пріятно!

Онъ былъ блѣденъ и съ внезапнымъ безпокойствомъ поглядѣлъ въ окно, за которымъ двигалась грозная, темная толпа. Онъ, казалось, думалъ, что вся эта сила ворвется въ его лавку и смететъ съ лица земли его и его товаръ.

— Ножи и рѣзаки—это не съѣстное,—весело сказала Бабетта,—на что они имъ нужны?.. Вонъ Кафью тоже жалуется, что у него стащили коробку сардинокъ... Какой-нибудь мальчишка захотѣлъ полакомиться! Ужъ этотъ Кафью! Вотъ кого всѣ хозяйки должны бы были проклинать... Сейчасъ видѣла, какъ мой муженекъ и Рагю пошли туда... Ужъ сто су навѣрно тамъ оставятъ. Что дѣлать! Послѣ тяжелой работы не грѣхъ и повеселиться немножко.

Бабетта проговорила все это, съ довольнымъ видомъ, неизмѣнно увѣренная, что все хорошо кончится, и ушла, счастливая, что у нея новая кастрюлька.

— Слѣдовало бы пригнать сюда отрядъ солдатъ,—продолжалъ Лабокъ, обращаясь къ крестьянину,—я стою за то, чтобы хорошенько проучить всѣхъ этихъ революціонеровъ. Нужна твердая власть, которая сумѣла бы заставить уважать то, что заслуживаетъ уваженія.

Ланфанъ покачалъ головой. Онъ былъ остороженъ и боялся высказать свое мнѣніе.

Подозвавъ Арсена и Олимпію, онъ вышелъ изъ лавки, проормотавъ:

— Только бы всѣ эти исторіи между буржуа и рабочими не кончились слишкомъ худо!

Лука оглянулся. Напротивъ Лабока находился трактиръ того самага Кафью, про котораго только-что говорила Бабетта. Сначала супруги Кафью держали только бакалейную лавку. Эта торговля процвѣтала и теперь. Въ окнахъ выставлены были открытые мѣшки, цѣлыя пирамиды коробокъ съ консервами, разные съѣстные припасы, предусмотрительно покрытые сѣткой отъ ловкихъ рукъ мародеровъ. Затѣмъ Кафью надумали торговать виномъ. Они наняли сосѣднее помѣщеніе и открыли въ немъ погребокъ и ресторанъ. Дѣла ихъ были блестящи.

Сосѣдніе заводы, и въ особенности Бездна, поглощали громадное количество алкоголя. Непрерывныя вереницы рабочихъ входили и выходили, особенно по субботамъ, въ дни получки. Многіе засиживались, обѣдали, ужинали и уходили домой уже мертвецки пьяными. Это былъ отравленный притонъ, гдѣ самые лучшіе рабочіе оставляли разумъ и силы. Лука рѣшилъ пойти

туда, тѣмъ болѣе, что ему нужно было гдѣ-нибудь пообѣдать. Сколько разъ въ Парижѣ страстное желаніе познакомиться поближе съ народомъ побуждало его посѣщать ужасныя труппы нищеты и страданій.

Лука усѣлся за одинъ изъ маленькихъ столиковъ возлѣ большой, облицованной оловомъ, стойки. Въ большой залѣ дюжина рабочихъ пили и закусывали стоя; другіе, сидя за маленькими столиками, пили, кричали, играли въ карты среди клубовъ табачнаго дыма, сквозь который огни газовыхъ рожковъ казались красными точками. Лука тотчасъ же узналъ за сосѣднимъ столикомъ Рагю и Бурона, сидѣвшихъ другъ противъ друга и оживленно разговаривавшихъ. Для начала они осушили одинъ литръ, потомъ потребовали яичницу, сосисокъ, сыру, за кушаньемъ послѣдовали новые литры, и оба были уже пьяны. Кафью стоялъ возлѣ нихъ и также принималъ участіе въ разговорѣ.

Это заинтересовало Луку. Онъ потребовалъ себѣ кусокъ жаренаго мяса, ѣлъ и слушалъ. Кафью былъ плотный мужчина съ широкимъ, улыбающимся лицомъ.

— Если бѣ вы продержались еще три дня, то, вѣрьте моему слову, хозяева были бы въ вашихъ рукахъ!—говорилъ Кафью.— Чортъ возьми, я за васъ горой стою, вы вѣдь это знаете...

Кафью всегда былъ любезенъ во время кризисовъ: онъ открывалъ мелкій кредитъ хозяйкамъ и не отказывалъ мужчинамъ въ стаканчикѣ водки, вполне увѣренный, что ему заплатятъ. Онъ составилъ себѣ этимъ репутацію добраго малаго и поощрялъ рабочихъ къ усиленному употребленію яда, которымъ торговалъ. Нѣкоторые говорили впрочемъ, что Кафью, несмотря на все свое добродушіе, предатель и шпионъ, подкупленный владѣльцами Бездны, чтобы спаивать рабочихъ и выпытывать ихъ мысли.

Во всемъ этомъ было что-то фатальное: тяжкій трудъ, безъ развлеченій, безъ радости, тянулъ рабочаго въ кабакъ, а кабакъ окончательно развращалъ его. Да, Кафью былъ дрянной человѣкъ и его торговля—притонъ, распространявшій нищету и развратъ среди мѣстнаго населенія.

Вниманіе Луки было отвлечено отъ разговаривающихъ появленіемъ хорошенькой дѣвочки лѣтъ пятнадцати. Это было Онорина, дочь Кафью, маленькая, тоненькая брюнетка съ прекрасными глазами. Она торговала въ бакалейной лавкѣ и вышла сейчасъ оттуда, чтобы кликнуть мать, такую же толстую и добродушную, какъ мужъ. У всѣхъ этихъ жадныхъ, черствыхъ, безжалостныхъ торгашей были прекрасныя дѣти. „Неужели и они сдѣлаются такими же черствыми эгоистами, какъ ихъ родители?“—думалъ Лука.

Вдругъ передъ нимъ мелькнуло какое-то грустное, очаровательное видѣніе. Среди тяжелой, удушливой атмосферы, въ клубахъ табачнаго дыма, онъ вдругъ увидѣлъ Жозину, прижавшуюся къ стойкѣ, возлѣ которой шла какая-то дикая перебранка. Она вѣроятно украдкой проскользнула въ дверь, оставивъ Нанэ на улицѣ. Она робко стояла за спиной Рагю, который еще не замѣтилъ ея. Лука глядѣлъ на дѣвушку, такую худенькую, въ равномъ платьишкѣ, съ кроткимъ, блѣднымъ личикомъ. Онъ замѣтилъ, что кисть ея правой руки обмотана бѣлой тряпкой. Бѣдняжка, вѣроятно, плелась за Рагю до трактира. Собравъ все свое мужество, она рѣшилась наконецъ положить ему на плечо свою маленькую дѣтскую ручку. Разгоряченный виномъ, Рагю не почувствовалъ этого прикосновенія. Тогда она стала трясти его за плечо, пока онъ не обернулся.

— Чортъ возьми, это опять ты! Что тебѣ здѣсь нужно?—и онъ такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что стаканы и бутылки задребезжали.

— Мнѣ поневолѣ пришлось придти, коли ты не возвращаешься домой,—отвѣчала она блѣднѣя и полузакрывая свои большіе испуганные глаза. Она предчувствовала грубую вспышку гнѣва.

Но Рагю не слушалъ ея,—онъ кричалъ и неистовствовалъ, рисуясь передъ публикой:

— Я дѣлаю, что хочу, и не позволю бабѣ командовать мной. Слышишь? Я останусь здѣсь столько времени, сколько моей душѣ угодно.

— Дай мнѣ тогда ключъ отъ комнаты,—растерянно прошептала она,—а то мнѣ придется ночевать на улицѣ.

— Ключъ! Ключъ! Тебѣ нуженъ ключъ!—закричалъ Рагю во все горло, и, съ бѣшенствомъ вскочивъ съ мѣста, онъ съ дикой яростью схватилъ Жозину за раненую руку и потащилъ ее черезъ всю залу къ выходной двери, продолжая неистово кричать:

— Говорятъ тебѣ, что все кончено... Не хочу я тебя больше!.. Пошла! Ищи ключъ на улицѣ!

Перепуганная Жозина пронзительно вскрикнула:

— Пусти мою руку,—мнѣ больно, больно!

Отъ грубаго прикосновенія бинтъ на ея правой рукѣ развязался, и на тряпкѣ выступило большое кровавое пятно.

Но Рагю, обезумѣвшій отъ алкоголя, ничего не слышалъ и, открывъ настежь дверь, вытолкалъ дѣвушку на улицу.

-- Послушай ихъ только, останешься доволенъ,—пробормоталъ онъ заплетаящимся языкомъ и съ пьянымъ смѣхомъ грузно сѣлъ на свое мѣсто.

Лука, внѣ себя отъ негодованія, сжалъ кулаки и готовъ былъ

броситься на Рагю, но перспектива драки со всей пьяной оравой во-время остановила его. Онъ задышался и, поспѣшно расплатившись, вышелъ на улицу, не слушая Кафью, заявлявшаго отечески-добродушнымъ тономъ, что женщины бываютъ подчасъ очень глупы... Ну что возьмешь съ выпившаго человѣка!..

Очутившись на тротуарѣ, Лука съ облегченіемъ вдыхалъ въ себя свѣжій воздухъ и оглядывался по сторонамъ, ища Жозину. Онъ хотѣлъ помочь ей, спасти ее отъ голода и холода въ эту темную, ненастную ночь. Онъ прошелъ всю улицу Бріа, затѣмъ снова вернулся на площадь Мэріи, все время присматриваясь къ группамъ прохожихъ,—Жозина и Нанэ исчезли. Боясь преслѣдованія, они вѣроятно забились въ какой-нибудь темный уголь,—темная, ненастная ночь снова скрыла ихъ въ своихъ нѣдрахъ.

Жалость и негодованіе, смѣсь скорби и гнѣва все болѣе и болѣе овладѣвали Лукой. Куда дѣвалась Жозина? Въ какую мрачную трущобу забилась она со своимъ братишкой?

Толпа вдругъ заволновалась и ринулась куда-то; раздались крики, проклятія... Поднялась свалка; жандармы устремились впередъ, сабли громко бряцали по тротуарамъ.

— Что это? Что случилось?—тревожно раздавалось со всѣхъ сторонъ. Вопросы и отвѣты скрещивались, невнятные, отрывистые среди все усиливающейся паники.

— Ребенокъ укралъ булку,—сказалъ Мазель, возвратившійся съ мѣста происшествія.

Шумная, озлобленная толпа стремилась вверхъ по улицѣ. Инцидентъ произошелъ возлѣ булочной Митэнъ. Женщины кричали, какой-то старикъ упалъ, его пришлось поднимать. Одинъ толстый жандармъ бѣжалъ такъ быстро, что сбилъ съ ногъ двухъ человѣкъ.

Лука также бросился бѣжать, подхваченный общей паникой. Онъ слышалъ, какъ Гомъ спокойно говорилъ капитану Жоливе:

— Это ребенокъ укралъ булку!

Фраза эта повторялась здѣсь и тамъ, носилась въ воздухѣ надъ бѣгущей толпой. Всѣ спѣшили, толкались, лѣзли другъ на друга, и все-таки ничего не было видно. Торговцы стояли блѣдые на порогѣ своихъ лавокъ, нѣкоторые собирались уже затворять ставни. Ювелиръ поспѣшно убиралъ часы изъ витрины. Вокругъ толстаго жандарма, усердно работавшаго локтями, шла страшная толчея.

Лука все бѣжалъ, и въ ушахъ его все время отдавались на всѣ лады повторявшіяся слова:

— Это ребенокъ украль булку!

Добѣжавъ до булочной Митѣнь, Лука увидѣлъ, какъ толстый жандармъ ринулся на помощь товарищу, другому жандарму, длинному и худому, крѣпко державшему за руку мальчика лѣтъ пяти—шести. Лука узналъ Нанѣ. Ребенокъ высоко поднялъ свою всклокоченную бѣлокурую головку и глядѣлъ на всѣхъ съ рѣшительнымъ видомъ взрослога человѣка. Онъ стащилъ хлѣбъ съ окна прекрасной булочницы г-жи Митѣнь. Фактъ воровства былъ на-лицо: онъ держалъ въ рукахъ хлѣбъ, почти такой же большой, какъ онъ самъ. Эта-то кража и взволновала такъ всю улицу Бріа. Прохожіе, видѣвшіе ребенка, указали на него жандарму, который пустился догонять маленькаго воришку. Но мальчикъ быстро улепетывалъ, а преслѣдовавшій его жандармъ поднималъ такой шумъ, что чуть не всполошилъ весь Боклеръ. Теперь онъ торжественно велъ преступника на мѣсто преступленія.

— Этотъ ребенокъ украль хлѣбъ,—раздавались голоса.

Г-жа Митѣнь, удивленная всѣмъ этимъ шумомъ и не понимая, въ чемъ дѣло, вышла на порогъ своей лавки.

— Этотъ бездѣльникъ украль у васъ хлѣбъ,—сказалъ, обращаясь къ ней, жандармъ, и, встряхнувъ Нанѣ, прибавилъ, желая припугнуть его:

— Теперь тебя посадятъ въ тюрьму... Говори сейчасъ, зачѣмъ ты украль этотъ хлѣбъ?

Но Нанѣ повидимому нисколько не испугался.

— Я не ѣлъ со вчерашняго дня,—отвѣчалъ онъ своимъ звонкимъ голоскомъ,—и сестра моя также ничего не ѣла.

Г-жа Митѣнь смотрѣла на мальчугана, и въ ея красивыхъ глазахъ сквозила снисходительная доброта. Бѣдный мальчикъ, куда же дѣвалась его сестра? Одну минуту булочница какъ будто колебалась, лицо ея слегка покраснѣло, но затѣмъ, обращаясь къ жандарму, она весело сказала:

— Вы ошибаетесь,—онъ не украль: я сама дала ему этотъ хлѣбъ.

Жандармъ продолжалъ стоять передъ ней, разинувъ ротъ и не выпуская руки Нанѣ.

Десять человѣкъ видѣли, какъ мальчикъ стащилъ хлѣбъ съ окна и бросился бѣжать. Мясникъ Дашѣ перебѣжалъ черезъ улицу и злобно вмѣшался въ разговоръ:

— Я своими собственными глазами видѣлъ, какъ онъ кралъ хлѣбъ!.. Я нечаянно глядѣлъ въ эту сторону, и вдругъ вижу, какъ онъ набросился на самый большой и потомъ побѣжалъ, какъ травленный заяцъ... Это такъ же вѣрно, какъ то, что у меня украли сто су изъ выручки третьяго-дня, какъ обокрали

Кафью и Лабока... Вы не станете же говорить, что онъ не укралъ хлѣбъ!..

Булочница снова вся вспыхнула и тихо проговорила:

— Неправда, сосѣдъ, я дала хлѣбъ этому мальчику,—онъ не укралъ его.

Дашѣ вышелъ изъ себя и разразился упреками, предсказывая, что своимъ потакательствомъ она доведетъ дѣло до того, что въ одинъ прекрасный день ихъ всѣхъ ограбятъ и перерѣжутъ.

Въ толпѣ между тѣмъ раздавались уже сердитые возгласы:

— Чего еще тутъ разговаривать, коли сама булочница увѣряетъ, что дала хлѣбъ!

— Эдакій клопъ, отъ земли не видать, и не ѣлъ со вчерашняго дня!..

Нанѣ бѣжалъ во всю прыть своихъ маленькихъ ножекъ. Лука, замѣтивши, что онъ направляется къ Безднѣ, вскорѣ догналъ его. Бѣдному крошкѣ очень трудно было тащить большой хлѣбъ. Онъ прижималъ его обѣими ручонками къ груди, чтобы не уронить, а также изъ страха, чтобы какой-нибудь злой человѣкъ или собака не отняли его. Услышавъ за своей спиной торопливые шаги, Нанѣ вѣроятно страшно перепугался и пробовалъ бѣжать. Но оглянувшись, онъ узналъ при свѣтѣ, падавшемъ изъ окна лавки, того господина, который такъ ласково улыбался ему и его сестрѣ. Тогда онъ успокоился и приостановился.

— Хочешь, я понесу твой хлѣбъ?—сказалъ Лука.

— Нѣтъ, нѣтъ, я самъ, мнѣ такъ весело его нести,—отвѣчалъ мальчикъ.

Они уже вышли изъ Боклера и шли по большой дорогѣ; небо, темное, покрытое облаками, низко нависло надъ землей. Вдали едва мерцали огоньки Бездны. Нанѣ шлепалъ по лужамъ и старался приподнять повыше свой хлѣбъ, чтобы не запачкать его.

— Ты знаешь дорогу?—спросилъ его Лука.

— Конечно, знаю.

— Еще далеко?

— Нѣтъ, не очень...

Смутный страхъ, должно быть, снова овладѣлъ Нанѣ. Зачѣмъ этотъ господинъ допытывается, куда онъ идетъ? Маленькій человѣчекъ, чувствовавшій себя единственнымъ покровителемъ своей сестры, хотѣлъ схитрить. Лука догадался и, желая доказать ему, что онъ другъ, ласково подхватилъ ребенка и перенесъ черезъ лужу въ ту минуту, когда Нанѣ споткнулся и чуть не упалъ.

— Гопъ, дружище! Къ твоему хлѣбу незачѣмъ прибавлять варенья.

Побѣжденный ласковымъ братскимъ объятіемъ этихъ сильныхъ рукъ, Нанэ разсмѣялся дѣтскимъ беззаботнымъ смѣхомъ и тотчасъ же перешелъ на „ты“ со своимъ новымъ пріателемъ.

— А ты, я вижу, добрый и сильный!—разсудительно сказалъ онъ и продолжалъ шагать рядомъ съ Лукой уже безъ всякаго опасенія.

„Куда же спряталась Жозина?—думалъ тѣмъ временемъ Лука. Ему казалось, что онъ видитъ ее въ тѣни каждаго дерева. Они уже приближались къ заводу, удары молотовъ сотрясали землю, въ воздухъ вились клубы пара, освѣщенные электрическими лучами. Нанэ, не доходя до завода, свернулъ въ сторону, прошелъ черезъ мостъ надъ Міонной, и Лука снова очутился на мѣстѣ ихъ первой встрѣчи. Вдругъ мальчикъ исчезъ, и Лука, не видя его, слышалъ только звонкій голосокъ, говорившій съ радостнымъ смѣхомъ:

— Смотри, смотри, сестренка, что я принесъ-то! А, каково!

Подъ мостомъ берегъ спускался внизъ, и тамъ, въ тѣни изгороди, стояла скамейка, какъ разъ противъ завода, пытящаго на противоположномъ берегу рѣки. Лука послѣдовалъ за мальчикомъ и вдругъ услышалъ, какъ смѣхъ его оборвался и перешелъ въ плачь и крики. Добравшись наконецъ до скамьи, Лука понялъ, въ чемъ дѣло: Жозина лежала безъ чувствъ. Она свалилась здѣсь, истерзанная голодомъ и страданіемъ, отпустивъ братишку, вѣроятно не понимая даже хорошенько, что онъ замышляетъ въ своей отчаянной дѣтской смѣлости. Нанэ нашелъ ее неподвижной, холодной и громко рыдалъ, думая, что она умерла.

— Проснись же, ѣшь хлѣбъ,—повторялъ онъ,—у насъ есть хлѣбъ!

Слезы выступили на глазахъ Луки. Сколько горя, сколько незаслуженныхъ страданій выпало на долю этихъ слабыхъ, милыхъ, прелестныхъ созданій! Онъ поспѣшно спустился къ рѣкѣ и, намочивъ носовой платокъ, приложилъ его ко лбу Жозины. Ночь, къ счастью, была не холодная. Взявъ руки молодой женщины, онъ сталъ отогрѣвать ихъ въ своихъ. Наконецъ Жозина вздохнула и открыла глаза, но она была такъ слаба, что на лицѣ ея не выразилось никакого удивленія при видѣ брата, съ большимъ хлѣбомъ въ рукахъ, и этого высокаго, красиваго господина, котораго она тотчасъ же узнала. Она, вѣрно, подумала, что это онъ принесъ хлѣбъ. Ея ослабѣвшіе пальчики не могли разломить корку. Лука помогалъ ей: онъ отламывалъ маленькіе кусочки и медленно передавалъ ей одинъ за другимъ, чтобы она не пода-

вилась въ своей поспѣшности утолить страшный, терзающій голодъ. И вдругъ все ея бѣдное, худенькое тѣльце задрожало и горячія слезы брызнули изъ глазъ. Она ѣла, а слезы текли непрерывно, смачивая каждый проглатываемый кусокъ, ѣла съ жадностью, вся дрожа, какъ побитое животное, которое, не жуя, старается поскорѣй проглотить пищу. Лука тихонько, съ безконечной жалостью, удерживалъ ея трясущіяся руки, продолжая ломать хлѣбъ на маленькіе куски. Да, Лука Фроманъ не забудетъ никогда этого вечера, этого тайнаго союза страданій и милосердія, этого хлѣба жизни, даннаго имъ несчастному и восхитительному существу!

Нанэ между тѣмъ не зѣваль и поѣдалъ хлѣбъ съ проворствомъ маленькаго обжоры. Слезы сестры удивляли его, — чего плакать теперь, когда у нихъ такой пиръ? Насытившись, онъ прижался къ Жозинѣ и заснулъ крѣпкимъ безмятежнымъ сномъ. Она обхватила его правой рукой и прижала къ себѣ. Теперь она чувствовала себя лучше и сидѣла, прислонясь къ скамьѣ. Лука сидѣлъ рядомъ съ ней и не могъ рѣшиться уйти, оставить бѣдняжку одну, среди ночи, съ уснувшимъ ребенкомъ. Замѣтивъ неловкость, съ которой она брала хлѣбъ, онъ снова обратилъ вниманіе на ея руку, кое-какъ обвязанную окровавленной тряпкой.

— У васъ болитъ рука?—спросилъ онъ.

— Да, швейная машина сломала мнѣ палецъ. Надо было его отрѣзать. Завѣдующій сказалъ, что я сама виновата... Г-нъ Гурье приказалъ выдать мнѣ пятьдесятъ франковъ.

Она говорилъ тихимъ, краткимъ голосомъ, слегка дрожащимъ отъ застѣнчивости.

— Вы работаете на башмачной фабрикѣ г-на Гурье?

— Да, я поступила туда пятнадцати лѣтъ, теперь мнѣ восемнадцать... Моя мать двадцать лѣтъ работала на этой фабрикѣ; она умерла... Теперь у меня никого нѣтъ родныхъ, кромѣ вотъ этого братишки Нанэ. Меня зовутъ Жозиной.

И она продолжала рассказывать свою жизнь, такъ что Лукѣ оставалось только предложить нѣсколько вопросовъ, чтобы узнать все въ подробности. Это была обычная печальная повѣсть большинства бѣдныхъ дѣвушекъ: отецъ, бросившій семью, связавшійся съ другой женщиной; мать съ четырьмя дѣтьми на рукахъ, не въ состояніи прокормить ихъ, хотя двое, къ счастью, умираютъ; затѣмъ и она отправляется на тотъ свѣтъ, отъ тяжелой непосильной работы, и молодая дѣвушка остается одна съ шестилѣтнимъ братишкой. Съ пятнадцати лѣтъ она уже надрывается надъ работой и все-таки не въ силахъ прокормить себя и его. А тамъ въ жизни хорошенькой работницы разыгрывается неизбѣжная

драма: является обольститель, красивый малый и сердцеѣдъ Рагю, съ которымъ она имѣетъ неосторожность прогуливаться каждое воскресенье послѣ танцевъ. Онъ обѣщаль ей жениться, она уже представляла себѣ, какая у нея будетъ славная квартирка, а тамъ—дѣти, и Нанэ будетъ жить вмѣстѣ съ ними. Единственная ея ошибка состояла въ томъ, что въ одинъ весенній вечеръ она отдалась ему въ лѣсу за Гердишемъ. Она теперь и не припомнить хорошо, какъ было дѣло,—онъ, кажется, силой взялъ ее. Шестъ мѣсяцевъ тому назадъ она сдѣлала вторую ошибку—поселилась жить у Рагю, и съ тѣхъ поръ онъ пересталь говорить о женитьбѣ. Затѣмъ съ ней случилось это несчастье на фабрикѣ, — она не могла болѣе работать, и это въ ту самую минуту, когда Рагю и безъ того былъ страшно золъ изъ-за стачки, и принялся бить ее, обвиняя ее во всѣхъ своихъ несчастьяхъ. Потомъ пошло все хуже и хуже, а теперь онъ и совсѣмъ вытолкаль ее вонъ, даже ключа не даетъ, и ей негдѣ ночевать съ Нанэ.

— Если бъ у васъ былъ ребенокъ, это, можетъ быть, привязало бы его къ вамъ, онъ бы тогда женился на васъ,—сказаль Лука.

— Ребенокъ, отъ него!—со страхомъ воскликнула Жозина,—спаси Богъ отъ такого несчастья!.. Онъ постоянно твердить, что не хочетъ навязывать себѣ обузы на шею и что сходятся только для удовольствія, а тамъ—надоѣло, и прощайте.

Наступило молчаніе. Мысль, что у Жозины не будетъ дѣтей отъ этого человѣка, доставила Лукѣ какое-то странное облегченіе, которое онъ и самъ не могъ себѣ объяснить. Что-то смутно поднималось въ его душѣ въ то время, какъ онъ разсѣянно скользилъ глазами по окрестности. Вонъ, окутанное мракомъ, ущелье Бриа, по обѣимъ сторонамъ его шли Блезскіе отроги. За своей спиной онъ слышалъ отъ времени до времени грохотъ и свистки проходящихъ поѣздовъ. У ногъ Луки, мѣрно ударяясь о стропила моста, протекали мутныя воды Міонны. А тамъ дальше тянулась равнина Руманъ, и вѣтеръ ненастной ночи свободно разгулиवालъ по громадному темному пространству. Еще дальше виднѣлись смутныя очертанія Боклера, усѣяннаго огнями, какъ маленькими свѣтящимися точками. Но глаза Луки помимо его воли всего чаще устремлялись къ Безднѣ, такой мрачной среди облаковъ дыма, прорѣзанныхъ свѣтомъ электрическихъ лампъ, какъ заревомъ пожара. Въ открытыя ворота видны были раскаленные горны, ослѣпительный блескъ расплавленнаго металла и адское пламя подземнаго ада—вся скрытая, пожирающая работа чудовища. Почва сотрясалась, машины гудѣли, молоты и поршни отчетливо выстукивали, какъ отдаленная пушечная пальба.

-- Вы не можете оставаться здѣсь съ вашимъ братомъ,—ска-

заль онъ. — Надо, чтобы Рагю принялъ васъ... Тамъ дальше видно будетъ... Гдѣ вы живете?

— Недалеко отсюда, въ старомъ Боклерѣ, въ улицѣ Труа-Люнь.—И она стала рассказывать ему, что Рагю занимаетъ маленькую квартиру въ томъ же домѣ, гдѣ живетъ его сестра Адель, прозванная Растрепой. Жозина полагала, что Рагю дѣйствительно не имѣлъ при себѣ ключа,—онъ вѣроятно отдалъ его Растрепѣ, злой женщинѣ, всегда худо обращающейся съ Жозиной.

Лука заявилъ, что немедленно пойдетъ за ключомъ къ этой мегерѣ.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—дрожа отвѣчала Жозина,—она ненавидитъ меня... Лучше было бы обратиться къ ея мужу, но онъ сегодня работаетъ на заводѣ. Это мастеръ-пудлингеръ, его зовутъ Боннеръ.

— Боннеръ.—повторилъ Лука, припоминая,—да я его знаю: я познакомился съ нимъ прошлою весной, когда осматривалъ заводъ. Я даже долго бесѣдовалъ съ нимъ: онъ объяснялъ мнѣ работу и произвелъ на меня впечатлѣніе дѣльнаго и добраго человѣка... Я сейчасъ же пойду и поговорю съ нимъ о васъ.

— Ахъ, какой вы добрый!—Эти слова вырвались у Жозины какъ крикъ горячій, безконечной благодарности. Она вся дрожала, крѣпко сжимая свои худенькія ручки.

Красный отблескъ завода освѣщалъ ее: рваный платокъ скользнулъ съ ея головки, она уже не плакала болѣе, ея голубые глаза свѣтились лаской, прелестный ротикъ улыбался. Тонкая, стройная, граціозная—она казалась воплощеніемъ свѣжеи, безпечной юности. Длинные, густые волосы, цвѣта спѣлой ржи, растрепались, упали на спину и придавали ей видъ дѣвочки, почти ребенка. Во всей ея фигурѣ было что-то дѣвственно-чистое и наивное.

Лука, очарованный, съ удивленіемъ смотрѣлъ на обаятельную женщину, стоящую передъ нимъ; онъ не узнавалъ несчастной, забытой оборванки, встрѣченной нѣсколько часовъ тому назадъ. Жозина также глядѣла на него, и сколько обожанія, сколько беззавѣтной преданности было во взглядѣ этого бѣднаго существа, встрѣтившаго наконецъ ласку и состраданіе! Такой красивый, такой добрый, онъ казался ей какимъ-то божествомъ послѣ жестокаго Рагю. Она готова была бы цѣловать слѣды его ногъ и стояла передъ нимъ сложивши руки, какъ въ молитвѣ, сжимая лѣвой правую искалѣченную руку, обмотанную окровавленной тряпкой. Что-то нѣжное и очень сильное завязывалось между ними въ эти мгновенія,—связь безконечной нѣжности, безконечной любви.

— Нанѣ проводить васъ до завода.—сказала наконецъ Жозина,—онъ знаетъ тамъ всѣ ходы и выходы.

— Нѣтъ, нѣтъ, я и самъ найду дорогу,—отвѣчалъ Лука,—не будите его: онъ васъ согрѣваетъ. Дождитесь меня здѣсь спокойно.

И онъ ушелъ, оставивъ ее одну съ ребенкомъ среди темной ночи. Въ эту минуту яркій свѣтъ озарилъ съ правой стороны возвышенность Монъ-Блезъ надъ паркомъ Крешери, гдѣ жилъ Жорданъ. На откосѣ горы обрисовался силуэтъ широкой трубы домны. На заводѣ лили металлъ, и багровое пламя охватило, какъ зарево, всѣ сосѣднія скалы и даже крыши домовъ въ Боклерѣ.

II.

Мастеръ-пудлингерь Боннеръ былъ однимъ изъ лучшихъ рабочихъ на заводѣ и сыгралъ видную роль въ послѣдней стачкѣ.

Стачка была неизбежна. Три года тому назадъ дѣла завода, находившіяся въ рукахъ Мишеля Кериньона, сына Жерома, шли очень плохо. Буажелинъ,—жеватый на дочери Жерома, Сюзаннѣ,—красавецъ, праздный парижанинъ, задумалъ, по совѣту одного родственника, купить заводъ и помѣстить въ это предпріятіе остатки своего сильно распатаннаго состоянія. Этотъ родственникъ, нѣкій Делаво, формально обязался привести дѣла завода въ такое положеніе, что Буажелинъ будетъ получать тридцать процентовъ съ затраченнаго капитала. И вотъ уже три года какъ Делаво, образованный техникъ и неутомимый труженникъ, аккуратно выполнялъ свое обязательство, благодаря твердому, энергичному управленію и неусыпной заботливости, съ которой онъ входилъ во всѣ мельчайшія подробности дѣла, требуя отъ всѣхъ служащихъ абсолютнаго повиновенія.

Одной изъ причинъ, подорвавшихъ дѣла Мишеля Кериньона, былъ кризисъ на металлургическомъ рынкѣ страны. Производство рельсъ и большихъ желѣзныхъ строилъ утратило свою доходность съ тѣхъ поръ, какъ на сѣверныхъ и восточныхъ заводахъ изобрѣтенъ былъ химическій способъ разрабатывать по самой дешевой цѣнѣ обширныя рудоносныя жилы, считавшіяся до той поры негодными. Сталелитейные заводы Боклера не могли конкурировать съ подобной дешевизной, и это вело къ неизбежному разоренію. Заслуга Делаво заключалась въ томъ, что, обладая практическимъ смысломъ коммерческаго человѣка, онъ тотчасъ же понялъ, въ чемъ дѣло: слѣдовало измѣнить самое производство и, вмѣсто рельсъ и строительныхъ принадлежностей отпускаемыхъ сѣверными и восточными заводами по двадцати су кило,—заняться выдѣлкой менѣе крупныхъ и болѣе сложныхъ предметовъ, какъ-то гранатъ и пушекъ, которыя продаются по

два—три франка кило. Это подняло дѣло; капиталъ, вложенный Буажелиномъ въ новое предпріятіе, приносилъ значительный доходъ. Потребовались только новые инструменты и болѣе искусные рабочіе, которымъ нужно было платить дороже.

Разладъ между Делаво и рабочими усилился съ того дня, какъ Боннеру удалось образовать синдикатъ защиты. Дѣло было въ томъ, что, допуская вспомогательныя и пенсіонныя кассы, признавая за рабочимъ право улучшать свое положеніе, Делаво рѣзко высказывался противъ всякихъ синдикатовъ, отстаивающихъ матеріальные интересы. Съ тѣхъ поръ началась борьба: проявивъ особенную несговорчивость въ дѣлѣ пересмотра тарифовъ, онъ счелъ нужнымъ защищаться и объявилъ заводъ до нѣкоторой степени на военномъ положеніи. Тогда рабочіе начали роптать, что у нихъ отымаютъ личную свободу. За ними зорко слѣдили, устроенъ былъ тайный надзоръ за всѣми ихъ поступками внѣ стѣнъ фабрики. Тѣ, которые держались униженно, льстили, шпіонили, пользовались благосклонностью начальства, гордые же и независимые субъекты считались опасными. Управляющій Делаво, въ качествѣ копсерватора и защитника существующаго порядка, открыто высказывалъ желаніе имѣть преданныхъ ему людей; вслѣдствіе этого всѣ завѣдующіе, инженеры, надсмотрщики старались перещеголять одинъ другого, съ неумолимой строгостью требуя повиновенія и того, что они называли благонамѣренностью.

Оскорбленный во всѣхъ своихъ понятіяхъ о свободѣ и справедливости, Боннеръ естественно очутился во главѣ недовольныхъ и вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами отправился къ Делаво, чтобы высказать ему требованія рабочихъ. Онъ говорилъ прямо, безъ всякихъ околичностей, вывелъ управляющаго изъ себя и ничего не добился. Делаво не вѣрилъ въ возможность стачки у себя на заводѣ: рабочіе металлургическихъ фабрикъ лѣнны на протесты, ихъ трудно вывести изъ терпѣнія. Въ Безднѣ уже много лѣтъ не было забастовки, между тѣмъ какъ въ каменноугольныхъ копанияхъ Бріа то и дѣло вспыхивали бунты. Но когда предположенія его оказались невѣрными и въ одно прекрасное утро на заводъ вмѣсто тысячи человѣкъ рабочихъ явилось только двѣсти,—Делаво такъ взбѣсился, что уже изъ упрямства не захотѣлъ идти ни на какія уступки. Онъ началъ съ того, что выгналъ синдикатъ и Боннера, когда делегаты осмѣлились явиться къ нему. Онъ—хозяинъ, ссора возникла между нимъ и его рабочими, слѣдовательно онъ желаетъ говорить только съ ними. Послѣ этого Боннеръ пришелъ съ тремя товарищами, но Делаво ограничивался разсужденіями на ту тему,

что онъ скомпрометируетъ благосостояніе завода, если увеличить заработную плату. Ему довѣренъ капиталъ, довѣрено управление фабрикой, и его прямая обязанность, чтобы фабрика процвѣтала и капиталъ приносилъ общанный доходъ.

Онъ радъ быть гуманнымъ, но долгъ честнаго человѣка вынуждаетъ его исполнять свои обязательства, извлекая изъ предпріятія какъ можно большіе доходы. Все остальное—мечты, безумныя утопіи. Такимъ-то образомъ, благодаря упорству обѣихъ сторонъ, стачка затянулась на два мѣсяца, губительно отражаясь какъ на рабочихъ, такъ и на хозяевахъ; нужда и бѣдность первыхъ увеличились, а вторые несли убытки отъ бездѣйствія и порчи машинъ. Въ концѣ концовъ обѣ стороны пошли на взаимныя уступки и рѣшено было начать работу при измѣненныхъ тарифахъ. Но Делаво еще цѣлую недѣлю отказывался принять нѣсколькихъ рабочихъ, которыхъ считалъ главарями смуты; въ числѣ ихъ былъ Боннеръ. Онъ былъ сердитъ на послѣдняго, хотя считалъ его однимъ изъ лучшихъ работниковъ. Уступивъ наконецъ и принявъ его на заводъ вмѣстѣ съ прочими, Делаво объявилъ, что дѣлаетъ это не по доброй волѣ, а только ради сохраненія мира и спокойствія.

Тогда Боннеръ понялъ, что участь его рѣшена. Онъ не хотѣлъ примиренія, предложеннаго въ такой унижительной формѣ, и отказался идти на заводъ. Но когда рабочіе, любившіе его, заявили, что въ такомъ случаѣ и они не согласны приниматься за работу, Боннеръ притворился, что уступаетъ ихъ просьбамъ, и сдѣлалъ это единственно только изъ благороднаго побужденія—не быть причиной новаго разрыва. Бѣдняги достаточно уже натерпѣлись, — онъ одинъ понесетъ кару за неудавшееся возмущеніе. Въ четвергъ онъ возвратился на заводъ, давъ себѣ слово уйти въ воскресенье и считая свое дальнѣйшее пребываніе въ Безднѣ невозможнымъ. Онъ никому не говорилъ объ этомъ и только въ субботу утромъ предупредилъ въ конторѣ, что вечеромъ уйдетъ совсѣмъ. Онъ еще остался эту ночь, потому что слѣдовало кончить начатую работу. Онъ хотѣлъ уйти безъ шума и непріятностей, какъ порядочный человѣкъ.

Лука назвался привратнику и спросилъ, можно ли видѣть мастера-пудлингера Боннера; привратникъ молча указалъ ему рукой на одно изъ большихъ зданій внутри второго двора. Эти дворы послѣ недавнихъ сильныхъ дождей превратились въ какія-то клоаки, съ изрытой ямами мостовой. Рельсы шли по всевозможнымъ направленіямъ,—это были соединительныя вѣтви отъ завода до станціи Боклеръ.

При бѣлесоватомъ свѣтѣ нѣсколькихъ электрическихъ фонарей, между причудливыми постройками, казавшимися въ темнотѣ храмами какого-то дикаго культа, тихо развѣзжалъ маленькій паровозъ, издавая отъ времени до времени свистки, чтобы никого не раздавить. Всѣхъ входящихъ уже съ порога ошеломлялъ стукъ большихъ паровыхъ молотовъ, помѣщенныхъ въ подвалѣ, откуда видны были только ихъ верхушки, похожія на головы хищныхъ, прожорливыхъ звѣрей. Они съ ожесточеніемъ били желѣзо, яростно рвали его на куски своими металлическими зубами. Люди работали здѣсь безмолвно, объясняясь жестами среди непрерывнаго гула и грохота.

Миновавъ низкое зданіе, гдѣ также бѣшено стучали молоты, Лука свернулъ налево и вошелъ на второй дворъ, весь заваленный обломками желѣза. Нѣсколько человекъ укладывали на платформу вагона ось торпедной машины, которую маленькій паровозъ долженъ былъ тотчасъ же отвезти по назначенію. Онъ уже приближался свистя, и Лука долженъ былъ свернуть съ дороги въ небольшой закоулокъ, симметрично уставленный по обѣимъ сторонамъ слитками чугуна, приготовленнаго для плавки. Пройдя еще немного, онъ очутился въ отдѣленіи для пудлингованія и плющенія.

Это было самое обширное зданіе, и днемъ здѣсь стоялъ несмолкаемый гулъ плющильныхъ машинъ. Ночью эти чудовища спали, и половина громаднаго сарая была погружена въ глубокій мракъ. Изъ десяти пудлинговыхъ печей топились четыре, и работали только два обминальныхъ молота. Кое-гдѣ мерцали, колеблемые вѣтрѣмъ, огоньки газа, густыя тѣни наполняли пространство, такъ что едва можно было разглядѣть закопченныя стропила, поддерживавшія кровлю. Гдѣ-то шумѣла вода. Неровный, потрескавшійся земляной полъ, покрытый мѣстами зловонной грязью, былъ усыпанъ угольной пылью и соромъ. Неряшество и беспорядокъ царили всюду. На грубо сколоченныхъ перегородкахъ висѣло верхнее платье рабочихъ вперемежку съ блузами и кожаными передниками. Угрюмая обстановка озарялась отъ времени до времени, когда мастеръ открывалъ дверцу горна. Ослѣпительный блескъ расплавленнаго металла вырывался оттуда и яркой полосой свѣта прорѣзывалъ сумракъ.

При входѣ Луки Боннеръ вымѣшивалъ расплавленный металлъ, двѣсти килограммовъ чугуна, которые огонь и трудъ человека должны были превратить въ сталь. Вся операція продолжалась четыре часа и самой трудной работой было это вымѣшиваніе. При адскомъ, рѣжущемъ глаза блескѣ мастеръ-пудлингеръ въ продолженіе двадцати минутъ вымѣшивалъ пятидесяти-

фунтовой кочергой расплавленное вещество въ печномъ подѣ. Онъ мѣсилъ его въ огромный шаръ, блестящій какъ солнце, на который только онъ одинъ могъ смотрѣть своими, привычными къ пламени, глазами. Когда онъ вынулъ кочергу, она была раскалена до-красна и сверкала искрами.

Боннеръ приказалъ кочегару прибавить огня въ горнѣ. Въ эту мнуту къ нему подошелъ Лука.

— Добрый вечеръ,—сказалъ онъ,—хорошо ли идетъ работа?

Удивленный рабочій молча кивнулъ головой. Въ рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ, въ холщевыхъ штанахъ, съ бѣлой обнаженной шеей и румянымъ лицомъ, онъ былъ великолѣпенъ въ этомъ пламенномъ разгарѣ работы, въ этой побѣдѣ человѣка надъ матеріей. Боннеру было лѣтъ тридцать-пять. Это былъ бѣлокурый колоссъ, съ коротко подстриженными волосами, съ широкимъ, массивнымъ, спокойнымъ лицомъ. Въ выраженіи его крупнаго, твердо очерченнаго рта и большихъ, свѣтлыхъ глазъ сказывалась прямая и добрая натура.

— Узнаёте вы меня,—продолжалъ Лука,—я былъ здѣсь прошлымъ лѣтомъ и говорилъ съ вами.

— Да, помню,—отвѣчалъ мастеръ,—вы другъ г-на Жордана.

Лука, нѣсколько смущенный, передалъ ему причину своего посѣщенія, рассказавъ то, чему былъ свидѣтелемъ. Онъ описалъ ужасное положеніе Жозины, выброшенной на улицу, и въ заключеніе объяснилъ рабочему, какого рода услуги ждетъ отъ него.

Боннеръ смутился въ свою очередь. Наступило молчаніе, нарушаемое мѣрнымъ и рѣзкимъ постукиваньемъ молота-грома.

— Хорошо,—сказалъ наконецъ Боннеръ,—постараюсь сдѣлать, что могу. Черезъ три четверти часа я кончу работу, и мы пойдемъ вмѣстѣ.

Хотя было уже довольно поздно,—около одиннадцати часовъ,—Лука рѣшилъ дожидаться. Окинувъ взглядомъ окружающее, онъ заинтересовался механическимъ рѣзцомъ, разрѣзавшимъ сталь, извлеченную изъ пудлинговыхъ печей, такъ же легко, какъ если бы это было масло. Съ каждымъ ударомъ отпадалъ кусокъ стали; кучи этихъ небольшихъ кусковъ сваливались въ тачки и отвозились въ отдѣленіе нагрузки, гдѣ ихъ раскладывали въ ящики, по тридцати килограмовъ въ каждый, и отвозили затѣмъ въ сплавочное отдѣленіе. Лука прошелъ туда.

Это былъ высокій сарай, такой же грязный и запущенный, какъ первый. Въ уровень съ покоробившимся поломъ, покрытымъ мусоромъ и грязью, находилось шесть печей, раздѣленныхъ каждая на три отдѣленія. Это были огненные ямы, длинныя и узкія, толстыя кирпичныя стѣны которыхъ занимали все подвальное

помѣщеніе. Онѣ отапливались смѣсью нагрѣтаго воздуха и воспламеняющагося газа, причемъ температуру регулировалъ плавильщикъ съ помощью особыхъ заслонокъ. Эти пылающіе рвы прорѣзывали полъ темнаго сарая, открываясь надъ адомъ, очаги котораго клокотали подъ землей. Поперекъ каждой печи лежала крышка—продолговатая кирпичная плита въ желѣзной оправѣ—и изъ-подъ каждой вырывался яркій розовый свѣтъ,—точно лучи подземныхъ свѣтилъ подымались вверхъ вплоть до стеклянной крыши. Когда кто-нибудь изъ рабочихъ приподнималъ крышку, можно было подумать, что свѣтило выплываетъ наружу, и вся зала озарялась свѣтомъ зарн.

При входѣ Лука рабочіе нагружали одну изъ печей. Они опускали въ нее тигеля изъ огнеупорной глины, раскаленные докрасна, затѣмъ съ помощью воронокъ ссыпали въ нихъ куски стали изъ ящичковъ, по тридцати килограммовъ въ каждый тигель. Плавка продолжалась три—четыре часа, затѣмъ тигеля вынимались и опоражнивались. Это была самая убійственная работа. Подойдя къ другой печи, Лука видѣлъ, какъ рабочіе посредствомъ длиннаго желѣзнаго прута пробовали, готова ли плавка.

Въ мастерѣ-выкатчикѣ Лука узналъ Фошара; онъ вытаскивалъ тигеля. Блѣдный, изсохшій, съ худымъ, словно сожженнымъ лицомъ, Фошаръ сохранилъ только желѣзные мускулы рукъ и ногъ. Обезображенный физически жестокой, вѣчно-однообразной работой, которую онъ исполнялъ уже четырнадцать лѣтъ, нравственно онъ страдалъ еще больше отъ этой роли машины, безъ мысли, безъ всякаго проявленія индивидуальности, словно онъ самъ превращался въ одинъ изъ элементовъ борьбы съ огнемъ. Помимо сутуловатости, гипертрофіи членовъ, опаленныхъ и выцвѣтшихъ отъ пламени глазъ, онъ чувствовалъ, что умственно тупѣетъ. Поступилъ онъ на заводъ шестнадцати лѣтъ, едва окончивъ первоначальное образованіе въ школѣ; ему вспоминалось, какимъ живымъ, умнымъ мальчишкой онъ былъ въ то время. Теперь его умъ слабѣлъ и угасалъ подъ давленіемъ неумолимаго жернова, который онъ вертѣлъ, какъ бессмысленное животное, изнемогая подъ бременемъ разрушительной работы. У него осталась одна только радость: пить и пить, чтобы пламень печи не сжегъ, какъ старую древесную кору, его высохшую кожу, пить, чтобы не испепелиться, выпивать свои четыре литра въ день или въ ночь, чтобы дотянуть работу до конца и закончить жизнь въ блаженномъ самозабвеніи вѣчнаго опьяненія.

Въ эту ночь Фошаръ боялся, что жаръ высушитъ остатокъ его крови, и вдругъ въ восемь часовъ утра ахнулъ отъ радости:

Натали принесла ему четыре литра, взятые въ долгъ у Каффо. Онъ и не рассчитывалъ на такое счастье.

Натали жаловалась, что не могла достать кусочка мяса,—этотъ Дашё безъ всякой жалости. Она долго ныла, мучимая мыслью, что будетъ съ ними завтра. Но Фошаръ былъ такъ доволенъ, что она принесла ему вина, что обѣщалъ завтра же попросить авансъ въ конторѣ. Онъ съѣлъ корку хлѣба, запилъ виномъ и приободрился. Когда надо было снова вынимать тигеля изъ печи, онъ выпилъ залпомъ полъ-литра, смочилъ водой изъ бассейна свой холщевый передникъ, обулъ ноги въ деревянные башмаки и, сунувъ руки въ мокрыя перчатки, вооружился большими желѣзными щипцами.

Затѣмъ онъ подошелъ къ печи и поставилъ правую ногу на деревянную крышку, нѣсколько сдвинутую въ сторону. Его грудь и животъ приходились какъ разъ надъ страшнымъ жаромъ, нышущимъ изъ открытаго вулкана. Казалось—онъ весь горитъ, охваченный пламенемъ, какъ факель. Деревянные башмаки дымились, отъ мокраго передника шелъ паръ, все его тѣло, казалось, таетъ, но Фошаръ, не торопясь, немного наклоняясь впередъ своими привычными къ пламени глазами, искалъ тигль на днѣ огненной ямы, чтобы ухватить его длинными щипцами. Затѣмъ онъ выпрямился и, переведя одну руку вдоль по ручкѣ щипцовъ до другой, ловко подхватилъ тигель однимъ взмахомъ, поднялъ кверху всю эту тяжесть въ 50 килограмовъ и опустилъ на землю, словно кусокъ солнца, ослѣпительно сверкающей бѣлизны. Вслѣдъ за этимъ онъ продолжалъ доставать тигли одинъ за другимъ среди все увеличивающагося пламени; въ этой работѣ было больше ловкости, чѣмъ силы, и Фошаръ расхаживалъ среди раскаленныхъ массъ не обжигаясь и, повидимому, даже не чувствуя нестерпимаго пекла.

Приступали къ отливкѣ небольшихъ гранатъ, вѣсомъ въ шестьдесятъ килограмовъ. Формы, похожія на бутылки, были разставлены въ два ряда. Рабочіе сняли желѣзными лопатками шлакъ съ расплавленнаго металла, и мастеръ-отливщикъ, быстро приподнявъ тигль щипцами, вылилъ въ каждую форму содержимое двухъ тиглей; металлъ лился словно струя бѣлой, чуть-чуть розоватой лавы; маленькія синія искорки разлетались въ разныя стороны, тонкія и изящныя, какъ цвѣтки. Казалось переливается свѣтлая влага, усыпанная золотыми блестками. Все это дѣлалось тихо мѣрными и ловкими движеніями среди блеска и жары, которые превращали все помѣщеніе въ одинъ огромный костеръ.

Лукъ съ непривычки казалось, что онъ задохнется. Онъ сто-

яль на разстояніи пяти метровъ отъ печей, и ему невыносимо жгло лицо, все тѣло было покрыто потомъ, но ему не хотѣлось уходить. Гранаты заинтересовали его; онъ глядѣлъ на нихъ и спрашивалъ себя: гдѣ-то теперь тѣ люди, которые будутъ ими убиты?

Пройдя въ сосѣднюю гуту, онъ очутился въ отдѣленіи паровыхъ молотовъ и давилыхъ машинъ, въ это время не работавшихъ. Чудовищныя орудія—давилыя машина въ двѣ тысячи тоннъ и паровые молоты стояли выстроившись въ рядъ, словно варварскіе идолы. Въ этомъ отдѣленіи Лука увидѣлъ еще другія гранаты, уже вынутыя изъ формъ и закаленные. Онъ обратилъ вниманіе на корпусъ большой морской пушки, въ шесть метровъ длиною, еще теплый послѣ отливки; онъ лежалъ тутъ въ ожиданіи, когда подъемный кранъ перенесетъ его въ токарное отдѣленіе. Лука прошелъ до самаго конца гуты.

Сталь, расплавленная въ мартиновскихъ печахъ, выливалась въ большія чугуныя формы. Двѣ электрическія платформы, на высотѣ восьми метровъ, двигались съ плавной легкостью и развозили по всѣмъ направленіямъ гигантскія составныя части разныхъ машинъ и орудій, вѣсившія по нѣсколько тоннъ. Отсюда Лука прошелъ въ токарную мастерскую,—огромный закрытый сарай, нѣсколько лучше содержимый, чѣмъ прочіе. Здѣсь стояли въ два ряда великолѣпныя машины и станки, замѣчательныя тонкостью и изяществомъ своей работы. Тутъ была строгальная машина для отдѣлки блиндажей панцерныхъ судовъ. Она строгала металлъ съ такою же легкостью, какъ рубанокъ дерево. Особенно хороши были маленькіе токарные станки, съ очень сложнымъ механизмомъ, хорошенькіе и блестящіе, какъ ювелирныя вещицы. Ночью работали только нѣкоторыя изъ нихъ; каждый освѣщался электрической лампочкой. Среди тишины слышалось ихъ мягкое гудѣнье. И здѣсь также были разныя гранаты и ядра. Одна изъ нихъ, срѣзанная съ двухъ концовъ, была вставлена въ токарный станокъ для обтачиванія съ наружной стороны. Она вертѣлась съ необыкновенной быстротой, и изъ-подъ тонкаго, по видимому неподвижнаго лезвія стальныхъ стружки летѣли серебряными завитками. Теперь оставалось только высверлить ее внутри и закалить.

„Гдѣ-то тѣ люди, которыхъ она убьетъ, когда будетъ начинена взрывчатымъ веществомъ?“ — снова подумалъ Лука. При видѣ всего этого героическаго труда, при видѣ усилій человѣка, покорившаго себѣ такую страшную стихію, какъ огонь, сдѣлавшагося царемъ природы и побѣдителемъ всѣхъ ея силъ,—передъ Лукой вдругъ встало кровавое видѣніе войны. Онъ пошелъ дальше и

увидѣлъ другой гигантскій станокъ, въ которомъ обтачивался стволъ пушки, такой же большой, какъ первый, видѣнный имъ, но онъ былъ уже отдѣланъ снаружи и блестѣлъ какъ серебро. Мальчикъ, почти ребенокъ, стоялъ возлѣ, внимательно склонившись надъ станкомъ, который вертѣлся, вертѣлся безъ конца, съ тихимъ, мягкимъ гудѣніемъ, обтачивая жерло внутри съ математической точностью. Когда эта пушка будетъ также закалена и опущена въ нефтяную ванну, на какое поле рѣзни отправятъ ее убивать людей, какую отвратительную жатву человѣческихъ жизней предназначено ей совершить, ей, сдѣланной изъ той стали, изъ которой люди-бритья должны бы были дѣлать только рельсы и плуги?

Лука открылъ дверь и вышелъ на воздухъ. Ночь была теплая и сырая, и онъ вздохнулъ полной грудью.

Онъ поднималъ глаза вверхъ, но на небѣ, покрытомъ темными тучами, не видно было ни одной звѣзды. Электрическіе фонари, освѣщавшіе дворъ, замѣняли луну. Доменные трубы среди сѣрыхъ клубовъ дыма подымались къ закопченному небу, изрѣзанному по всѣмъ направленіямъ воздушными электрическими проволоками, словно нитями гигантской паутины. Двѣ электрическія машины работали тутъ же на дворѣ, въ новомъ сараѣ. Здѣсь находился также заводъ для выдѣлки кирпичей и тиглей изъ огнеупорной глины, многочисленныя склады стальныхъ и желѣзныхъ вещей и столярная мастерская, гдѣ дѣлались модели и ящики для упаковки. Лука тихо бродилъ здѣсь, съ удовольствіемъ оглядывая теплые и мирные уголки, и вдругъ, незамѣтно для самого себя, снова попалъ въ адъ, очутившись въ отдѣленіи тигельныхъ печей. Тамъ шла новая работа: семьдесятъ тиглей были вынуты сразу для отливки крупнаго орудія, вѣсомъ въ тысячу восьмьсотъ килограммовъ. Въ сосѣдней гутѣ была уже приготовлена огромная форма съ воронкой, установленная въ глубинѣ ямы. Устроилось нѣчто вродѣ процессіи; въ ней участвовали всѣ мастера и ихъ помощники, — по два человѣка на каждый тигль. Они поднимали его щипцами, уносили ровной, мѣрной походкой. Пара слѣдовала за парой, — казалось, это былъ какой-то фееричный балетъ, съ красными венеціанскими фонариками; всего поразительнѣе была быстрота и необыкновенная правильность движеній носильщиковъ: казалось, что они шутя жонглировали раскаленными до-бѣла звѣздами. Менѣе чѣмъ въ три минуты семьдесятъ тиглей были вылиты въ форму, надъ которой взвился къ небу слопъ огненныхъ искръ.

Когда чрезъ полчаса прогулки Лука возвратился, наконецъ, въ пудлинговое отдѣленіе, Бопнеръ уже оканчивалъ свою работу.

— Я къ вашимъ услугамъ,—сказаль онъ.

На раскаленномъ подѣ печи онъ раздѣлилъ на четыре части всю расплавленную массу металла, по пятидесяти килограмовъ въ каждой части; съ помощью кочерги онъ мѣсилъ и скручиваль ихъ въ большія шарообразныя болванки. Три такихъ болванки одна за другой были уже отправлены въ отдѣленіе паровыхъ молотовъ. Теперь онъ принимался за четвертую и послѣднюю. Опъ уже двадцать минутъ работаль подобнымъ образомъ передъ огнедышащей пастью печи. Грудь его тяжело дышала отъ нестерпимаго жара, руки ловко управляли кочергой и глаза, привыкшіе къ ослѣпительному блеску, зорко слѣдили за работой. Онъ пристально смотрѣль прямо въ печь на огненную стальную болванку, которую скатываль въ шаръ. Въ эту минуту въ немъ было что-то величественное: казалось, языческій полубогъ, мощный, весь охваченный яркимъ пламенемъ, куеть какія-то сказочныя свѣтила. Наконецъ онъ кончилъ и, вынувъ изъ печи раскаленную кочергу, передалъ ее товарищу. Кочегаръ уже дожидался съ маленькой желѣзной тачкой; помощникъ пудлингера взяль клещи и, подхвативъ шаръ, похожій на огромный воспламененный кусокъ лавы, выброшенной вулканомъ, съ усиліемъ вытащиль его изъ печи и бросиль въ тачку, которую кочегаръ быстро покатилъ къ паровому молоту; тамъ кузнецъ взяль его клещами и положиль подъ молотъ, который тотчасъ же пришелъ въ движеніе. Поднялся оглушительный стукъ; земля дрожала, воздухъ сотрясался какъ отъ звона колоколовъ. Кузнецъ, въ кожаныхъ рукавицахъ и въ кожаномъ передникѣ, исчезъ изъ глазъ въ вихрѣ искръ. По временамъ отскакивавшіе куски стали были такъ велики, что разлетались въ воздухъ, какъ картечные осколки. Рабочій, невозмутимо-спокойный среди всего этого шума, вертѣль болванку во всѣ стороны, мѣсилъ ее, какъ стальной хлѣбъ, подставляя подъ молотъ. И молотъ повиновался ему: онъ мѣрно ударяль то здѣсь, то тамъ, замедляя или ускоряя удары по мѣрѣ надобности. Кузнецъ въ это время молча, едва замѣтнымъ движеніемъ руки отдаваль приказанія рабочему, сидѣвшему въ будкѣ и управлявшему рычагомъ, который приводитъ въ движеніе молотъ.

Подойдя къ будкѣ, Лука узналь въ этомъ рабочемъ маленькаго Фортюне, шурина Фошара. Мальчикъ просиживаль здѣсь неподвижно по цѣлымъ часамъ, среди оглушительнаго шума и грохота. Вся его работа заключалась въ автоматическихъ поворотахъ рычага: поворотъ рычага направо—молотъ опускался, поворотъ налѣво — молотъ подымался. Вся мысль ребенка сосредоточивалась на этомъ движеніи, какъ бы скованная въ узкомъ

пространствѣ. При яркомъ блескѣ искръ Лука могъ легко разглядѣть его: онъ былъ худъ, тщедушенъ, съ блѣднымъ лицомъ и выцвѣтшими волосами. Глаза его были тусклы и безжизненны и онъ весь былъ похожъ на несчастное существо, которое тяжелый, неблагоприятный, подневольный трудъ остановилъ въ ростѣ, прервалъ его физическое и нравственное развитіе.

— Мы можемъ идти, господаинъ Фроманъ,—я готовъ,—сказалъ, Боннеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Критицизмъ.

Философія Канта выросла изъ стремленій примирить принципы математическаго естествознанія Ньютонa и онтологической логики Вольфа съ эмпирическими теоріями Юма—примирить требованія свѣтскаго, юридически основаннаго государства и религіозно-нравственныя ученія христіанства съ индивидуалистическими теоріями въ политикѣ и гедоническими теоріями въ философіи нравственности. Рационализмъ и эмпиризмъ, требованія нравственнаго долга и государственнаго закона и требованія счастья, и личной пользы получаютъ въ системѣ критицизма свое ограниченное признаніе и соответственное мѣсто, не сталкиваясь и не уничтожая другъ друга. Рациональное познаніе покоится на непоколебимыхъ основахъ, но оно имѣетъ своимъ объектомъ лишь міръ доступныхъ человѣку явленій и не распространяется на міръ вещей въ себѣ. Опытъ есть единственный источникъ знанія, но онъ создается лишь при активномъ содѣйствіи познающаго субъекта, содержитъ въ себѣ необходимо общія формы созерцанія и мышленія послѣдняго. Нравственный долгъ обязателенъ независимо и даже противъ всякихъ утилитарныхъ соображеній, но его опытное осуществленіе постоянно ограничено вѣшними и внутренними условіями чувственнаго міра; послѣдній не можетъ быть мыслимъ безусловнымъ осуществленіемъ нравственнаго закона, и идеаль постоянно остается идеаломъ, т. е. не осуществленнымъ. Требованія свободы, нравственнаго мирового порядка, безсмертія, вытекающія изъ существованія нравственнаго закона не могутъ быть теоретически обоснованы, но они удовлетворяются самимъ фактомъ нравственной дѣятельности и вѣрою, съ ней неразрывной. Утилитаризмъ и гедонизмъ устраниаются отъ руководящаго значенія въ государственной жизни и нравственной дѣятельности, но признаются неустранимыми слѣдствіями чувственной природы человѣка.

Это примиреніе достигается критическимъ ученіемъ о происхожденіи, границахъ, содержаніи и нормахъ познанія и нравственности. Опытъ есть синтетическій процессъ воплощенія воздѣйствій вещей въ себѣ въ формы созерцанія и мышленія. Изъ хаотическаго матеріала ощущеній вѣшнихъ вліяній возникаетъ, при активномъ участіи познающаго субъекта, пространственно-временный міръ воспріятія съ не исчезающими вещами, съ качествами вещей, съ ягь

Предобъденная молитва.—Шардэна.

сходствами, сосуществованіями и причинными связями. Пространство и время суть формы вѣшняго и внутренняго воспріятія: все воспріятое или протяженіо и продолжительно, или лишь продолжительно (внутренній опытъ). Формы мышленія суть категоріи количества (единство, множество, общность), качества (бытіе, небытіе, ограниченіе опредѣленнаго бытія), отношенія (субстанція—аттрибутъ, причина—слѣдствіе, взаимодѣйствіе) и модальности (дѣйствительность, возможность, необходимость). Онѣ суть апріорныя основы опыта, т. е. являются необходимыми субъективными условіями его, какъ таковыя ему предшествующими, во всякомъ опытѣ данными, не нуждающимися для ихъ отвлеченія ни въ какомъ частномъ опытѣ. Онѣ являются поэтому основами синтетическихъ сужденій а priori, т. е. основами рациональнаго познанія, необходимо примѣнимаго къ объективной дѣйствительности. Необходимое содержаніе рациональной науки о дѣйствительности состоитъ, такимъ образомъ, изъ математическихъ аксіомъ, какъ вытекающихъ изъ природы нашихъ созерцаній пространства и времени,—аксіомъ о числахъ и величинахъ, о трехизмѣрномъ пространствѣ, его дѣлности, непрерывности, безконечности и т. д.; изъ принциповъ механики, слѣдующихъ изъ приложенія свойствъ общей формы созерцанія—времени—къ категоріямъ разсудка; изъ принциповъ неразрушимости субстанціи явленій, ихъ ненарушимой причинной связи и непрерывнаго взаимодѣйствія между совокупностью явленій.

Но необходимость и общеприложимость рациональнаго естествознанія получается не иначе, какъ цѣной признанія его отвлеченнаго, разсудочнаго содержанія и его примѣненія лишь въ предѣлахъ субъективнаго человѣческаго опыта. Какъ только пространство и время разсматриваются не какъ субъективныя формы воспріятія, а какъ свойства вещей въ себѣ; какъ только принципы естествознанія разсматриваются не какъ отвлеченныя понятія разума, а какъ независимо отъ человѣка и мышленія существующія вещи въ себѣ,—возникаютъ неразрѣшимыя противорѣчія, противоположныя положенія, одинаково вѣроятныя. Таковы положенія объ ограниченности и неограниченности міра во времени и пространствѣ, о безконечной дѣлности и непрерывности тѣлъ, о безусловной причинной обусловленности и безусловной свободѣ всѣхъ содержаній, о необходимости причины міра и невозможности вѣтровой причины. Эти антиноміи разрѣшаются различіемъ отвлеченныхъ понятій отъ конкретныхъ, чувственныхъ воспріятій и невозможностью другого познанія, кромѣ чувственнаго. Для познанія вещей въ себѣ, понятія должны были бы быть содержаніями интеллектуальнаго созерцанія (*intellektuelle Anschauung*), т. е. быть тождественными съ вещами въ себѣ, въ то время, какъ они являются функциями субъективнаго сознанія. Попытки метафизическаго мышленія связаны съ апріорнымъ характеромъ формъ мышленія, съ ихъ трансцендентальнымъ значеніемъ по отношенію къ опыту. Метафизика является поэтому необходимымъ содержаніемъ опыта такъ же, какъ и рациональная наука. Критическая задача по отношенію къ метафизикѣ состоитъ, подобно ея отношенію къ наукѣ, не въ устраненіи или опроверженіи, а въ указаніи истиннаго значенія и мѣста ея въ системѣ міровоззрѣнія: ограничить и, ограничивъ, обосновать. Объективный характеръ содержанія науки заставилъ понять ее какъ

субъективное выражение непознаваемых вещей въ себѣ. Антропологическій и телеологическій характеръ метафизики указываетъ ея значеніе, какъ основы рациональной человѣческой дѣятельности, не какъ ученія разума теоретическаго, а какъ постулата разума практическаго. Свобода и справедливость являются необходимыми основами нравственнаго закона, имѣющаго именно законность своимъ общимъ содержаніемъ, какъ необходимость и причинность оказались необходимыми основами математической науки, имѣющей своимъ содержаніемъ движеніе и сдѣлленіе. Въ мірѣ явленій свобода и справедливость ограничены, поэтому необходимо предположить сверхчувственный міровой порядокъ и неограниченную сверхчувственную свободу. А для ихъ существованія для человѣка необходимо и его сверхчувственное переживаніе.

Наконецъ, изъ постоянной ограниченности теоретической и практической дѣятельности человѣка внутренней и вѣшной чувственной природой слѣдуетъ чисто формальное и регулятивное значеніе апріорныхъ принциповъ познанія и воли, возможность и необходимость безкончнаго прогресса науки и нравственности. Никакая система науки не можетъ содержать окончательное *объективное* содержаніе міровой причинности и необходимости, такъ какъ никакое эмпирическое содержаніе не содержитъ рациональныхъ гарантій своего *абсолютнаго* постоянства. Причинность постоянно остается *формой, требованіемъ* пониманія явленій. Самыя явленія произвольны, вытекаютъ изъ человѣку чуждой, имъ совершенно неограниченной дѣйствительности. Они въ разныхъ степеняхъ подчиняются рациональному требованію причинности и необходимости, оставляя никогда совершенно не исчерпаемую область знанія эмпирическаго, область возможнаго и вѣроятнаго, случайнаго и непредвидѣннаго. Аналогично и значеніе нравственнаго закона въ практической жизни. И здѣсь констатируется рядъ *приближеній* къ его безусловному господству, невозможность послѣдняго и неисчерпаемость мотивовъ для непрерывнаго прогресса къ его реализаціи. Эмпирическое знаніе превращается понемногу въ рациональное, утилитарная дѣятельность уступаетъ мѣсто нравственной; но граница лишь отодвигается, не устраняется. Идеаль вѣчно остается идеаломъ. Его существованіе связано съ существованіемъ чувственности и приближеніе къ нему связано съ его неосуществимостью.

Критицизмъ сталъ исходной точкой плодотворной и богатой результатами работы философской мысли. Какъ попытки критической реакціи или какъ дальнѣйшее развитіе, изъ него выросли эмпирическая, фізіологическая и аперцептивная психологія Бенеке, Юг. Мюллера, Гельмгольца, Вундта, абсолютный идеализмъ Фихте и Гегеля, пантеизмъ Шеллинга, реализмъ Гербарта, волюнтаризмъ и пессимизмъ Шопенгауэра, спиритуализмъ Лотце. Почти всѣ эти направленія, однако, считаютъ основныя положенія критицизма непоколебимыми основами гносеологіи, относительно которыхъ не существуетъ разногласій. На фундаментѣ критицизма можно воздвигать разнообразныя теоріи. Относительно послѣднихъ возможны и даже неизбежны разногласія, но самый фундаментъ считается непоколебимымъ. Реакція на ученія абсолютнаго идеализма привела въ послѣдней четверти столѣтія къ призыву: „назадъ къ Канту!“, и критицизмъ господствуетъ

въ настоящее время какъ въ приѣмахъ постановки философскихъ вопросовъ, такъ и въ философскомъ преподаваніи. Причина этого неоспоримаго господства критицизма заключается, по нашему мнѣнію, во всеобщемъ признаніи теорій математическаго естествознанія и традиціонной логики. Критицизмъ оказывается орудіемъ противъ матеріалистическихъ выводовъ естествознанія и противъ догматической метафизики субстанцій и причинъ. На почвѣ его ученія объ автономіи и центральномъ значеніи субъекта въ познаніи и дѣятельности воздвигаются идеалистическія и спиритуалистическія, феноменалистическія и пантеистическія теоріи.

Однако раздаются голоса, требующіе радикальной реформы критической философіи. Они исходятъ изъ наукъ математическихъ и естественныхъ, находящихся въ сильномъ броженіи, изъ наукъ историческихъ и социальныхъ, изъ біологіи и психологіи, наконецъ изъ самой философіи. Критицизмъ долженъ быть подвергнутъ основательной реформѣ и обновленію вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніемъ, безусловную необходимость котораго онъ взялся обосновать.

Начнемъ съ того, что каждому изъ основныхъ положеній критицизма можно противопоставить другія, противоположныя положенія, которыя мы считаемъ истинными. Кантъ утверждаетъ совершенную неопредѣленность вещи въ себѣ. Мы считаемъ возможнымъ опредѣлить „вещь“ въ себѣ, какъ измѣняющійся членъ отношенія. Кантъ утверждаетъ существованіе неизмѣнныхъ пространственно-временныхъ формъ человѣческаго содержанія. Мы отрицаемъ существованіе подобныхъ формъ и утверждаемъ медленное развитіе воспріятій изъ ощущеній, историческое возникновеніе математики и ея неизбежное превращеніе въ науку съ другимъ содержаніемъ. Въ послѣдней математическія положенія будутъ не оспариваться или считаться лишь приблизительно достовѣрными; они будутъ признаны лишеннымъ объективнаго содержанія и значенія историческими содержаніями человѣческаго знанія. Кантъ утверждаетъ присутствіе во всякомъ опытѣ категорій количества, качества и причинности. Мы отрицаемъ подобное присутствіе и вообще — объективное значеніе категорій. Воспріятія вещественнаго міра вѣроятны уже для высшихъ животныхъ до возникновенія рѣчи. Съ возникновеніемъ послѣдней вещи воспринимаются анимистически, фетишистски, обозначаются, употребляются въ дѣйствіе. Математическое мышленіе является довольно поздно въ исторіи. За нимъ слѣдуетъ возникновеніе языкознанія и логики, и лишь съ послѣдними возникаютъ понятія частей рѣчи, категорій и сужденій. Логика такъ же мало, какъ и математика, присуща въ каждомъ опытѣ. Возникши въ процессѣ историческаго развитія, математика и логика должны въ немъ же и исчезнуть, уступая мѣсто высшимъ формамъ мысли. Кантъ утверждаетъ принципы сохраненія субстанціи, причинности и взаимодѣйствія необходимыми принципами человѣческаго міропознанія. Мы отрицаемъ подобную необходимость. Этими принципами предшествовали противоположныя принципы и они, въ свою очередь, должны въ историческомъ развитіи быть вытѣснены другими принципами. Кантъ утверждаетъ невозможность догматической метафизики въ связи съ ея неизбежностью для человѣческаго ума и ея этическимъ значеніемъ. Судьбы его же собственной

философіи показывают возможность полного исключенія догматической метафизики, возникновенія новых, Кантомъ не предвидѣнныхъ, метафизическихъ системъ съ претензіями на объективную истинность. А связь этики съ религіозными вѣрованіями, необходимость *абсолютной* свободы, справедливости и личнаго безсмертія для нравственной жизни могутъ быть безусловно оспариваемы.

Далѣе Кантъ утверждаетъ существованіе безусловно-общаго и чисто-формальнаго нравственнаго закона. Это опровергается социологическими изслѣдованіями о происхожденіи нравственности, существованіемъ разнообразныхъ правительственныхъ принциповъ и лишь кажущейся формальностью закона однозначности нравственнаго правила для всѣхъ членовъ общества. Наконецъ, Кантъ утверждаетъ чисто формальный и регулятивный характеръ логическихъ и этическихъ принциповъ при ихъ реальной неосуществимости и неизмѣнности. Мы отрицаемъ значеніе идеаловъ за недостижимыми цѣлями, оспариваемъ существованіе идеаловъ *неподвижныхъ и абсолютныхъ* и требуемъ, наконецъ, для науки и нравственности *другихъ* идеаловъ и регулятивныхъ принциповъ, чѣмъ идеаль математическаго естествознанія, правового государства и аскетической святости.

Но подобнаго чисто отрицательнаго отношенія къ критицизму, разумѣется, недостаточно для его опроверженія тамъ, гдѣ онъ утверждается, или для колебанія его значенія. Мы укажемъ еще на основныя, *внутреннія* и неустранимыя противорѣчія критицизма и попытаемся понять ихъ изъ самой внутренней структуры этого ученія.

Первое основное, внутреннее и неустранимое изъ системы противорѣчіе критицизма заключается въ *непримиримости математико-механическихъ основъ науки съ чисто-субъективнымъ и рациональнымъ происхожденіемъ принциповъ науки*. Если принципы науки суть понятія, а не вещи, то они должны имѣть своимъ содержаніемъ идеальность, разумъ, должны представлять собою принципы психическіе, сознательные. Но количество, вещь, причинность суть прямое отрицаніе нематеріальной, органической, измѣняющейся психической жизни, фактовъ мысли, воли, творчества, солидарности. Альтернатива неизбежна: или принципы, которыми мы характеризуемъ доступное намъ сущее, имѣютъ характеръ механической, — тогда они являются прямыми отрицаніями сущности познающаго субъекта и ни въ какомъ смыслѣ не происходятъ изъ него, будучи болѣе общи, чѣмъ онъ, и прилагаясь въ частности и къ нему, — или же эти принципы суть идеи, понятія, акты мышленія и воли. Въ такомъ случаѣ они являются отрицаніями субстанціи, числа, пространства, причинности.

Критицизмъ утверждаетъ, однако, и математико-механической характеръ принциповъ науки и ихъ апіорное значеніе. Разумъ теоретическій имѣетъ своимъ прямыми опредѣленіями содержанія современной Канту науки, логики и метафизики. Собственное содержаніе психическихъ фактовъ еще совершенно неясно Канту. Его психологія имѣетъ чисто-механической характеръ съ одной и примитивно-антропоморфической характеръ съ другой стороны. Изъ его послѣдователей непримиримость объективнаго характера и психической сущности принциповъ науки взяли исходной точки дальнѣйшаго развитія критицизма Гербартъ и Лотце.

Первый приходит къ требованію „реалистическаго“ міропониманія и послѣдовательно превращаетъ самую психическую жизнь въ механику „реаловъ“ въ ихъ взаимодействіяхъ. Второй признаетъ необходимымъ установленіе *спиритуалистическихъ* принциповъ объективныхъ процессовъ, возстановляетъ Лейбнизову монадологию. Необходимость монадологическаго міропониманія, хотя бы и принимаемаго съ монизмомъ, признаетъ и цѣлый рядъ другихъ современныхъ мыслителей.

Такимъ образомъ, критицизмъ не устранилъ ни матеріалистической, ни лейбниціанской метафизики и принуждаетъ къ несообразному утвержденію психическаго и рациональнаго характера механическихъ процессовъ.

Современный критицизмъ пытается устранить эту несовѣстимость, причисляя математико-механическія понятія къ эмпирическому и апостеріорному содержанію познанія и утверждая, какъ принадлежащую разуму, „синтетическую функцію единства“ понятія. Однако это видоизмѣненіе нисколько не улучшаетъ положенія. „Единство“ есть чисто математическое опредѣленіе, и понятіе этимъ нисколько не характеризуемо. Сущность послѣдняго состоитъ въ *общности, въ извѣстной высотѣ объема* разнообразныхъ содержаній. Это іерархическое положеніе понятія по отношенію къ воспріятіямъ и представленіямъ нисколько не уясняется терминомъ „единства“, и современный критицизмъ такъ же, какъ и Канта, считаетъ математическія и механическія понятія принципами всякой науки и даже ставитъ психологій условіемъ научности „объективацию“ психическихъ фактовъ, сведеніе ихъ на фізіологическіе процессы, т. е. возвращается назадъ къ матеріализму *).

Второе основное, внутреннее и неустранимое изъ системы противорѣчіе критицизма заключается въ *утвержденіи логическихъ принциповъ, какъ основъ опытнаго міра*. Логическіе принципы должны быть таковыми, т. е. принципами *мышленія*, возникающаго на почвѣ опыта, развивающагося и представляющаго одинъ изъ продуктовъ развитія, одно изъ содержаній опытнаго міра. Они должны превратиться въ принципы *метафизическіе*, въ общія опредѣленія познаваемаго сущаго, или же должно отказаться отъ пониманія основъ мірового процесса, какъ принциповъ *логическихъ*, при энергичномъ отстанваніи именно ихъ логическаго, т. е. субъективнаго, формальнаго, отвлеченнаго, а не метафизическаго характера. Характерная черта критицизма и заключается въ этомъ странномъ положеніи: отрицать объективное значеніе естествознанія, логики и метафизики и утверждать, что въ ихъ субъективномъ содержаніи они для субъекта и представляютъ исключительныя и неизбѣжныя формы *объективнаго* міропониманія. Но разъ субъекту возможно отличить субъективное отъ объективнаго, иллюзію отъ дѣйствительности, то невозможно будетъ остановиться на точкѣ зрѣнія критицизма. Онъ приводитъ необходимо или къ пессимистическому взгляду относительно человѣческаго познанія, къ послѣдовательному иллюзионизму, или же въ понятіи *субъекта* открываетъ новую область для метафизическаго мышленія, ему еще въ сущности недоступную. Логическія основы опытнаго міра лишаются

*) См. Natorp, „Einl. in die Psychologie nach kritischer Methode“.

субъективнаго и формальнаго характера и возводятся въ дѣйствительную, объективную и конкретную сущность развивающагося міра, — какъ то сдѣлали Фихте и Гегель, — или же онѣ переносятся за предѣлы индивидуальной человѣческой личности во всеобъемлющее міровое сознание „вообще“, — какъ то дѣлаютъ сторонники имманентной философіи и чистаго феноменизма. Въ послѣднемъ случаѣ все конкретное и индивидуальное, все развивающееся и становящееся оказывается безусловно иллюзорнымъ въ виду вѣчныхъ и неподвижныхъ формъ сознанія вообще, въ которыхъ возникаютъ и исчезаютъ безъ самостоятельнаго значенія и безъ прогресса ихъ индивидуальныя выраженія.

Современные критикисты, энергично отрицающіе возможность и значеніе трансцендентальной метафизики, пытаются примирить субъективный характеръ формъ мышленія съ ихъ объективно-научнымъ значеніемъ, различая психологическіе вопросы о генезисѣ понятій отъ критическихъ вопросовъ объ ихъ *объективной цѣнности*. Изслѣдованіе происхожденія и условій логическаго или этическаго факта не замѣняетъ и не предрѣшаетъ отвѣта на вопросъ объ истинности или дѣйствительномъ нравственномъ значеніи послѣднихъ. Априорныя формы утверждаются основами всякаго опыта не въ смыслѣ ихъ *существованія* до опыта, въ противоположность психологическому ученію объ ихъ происхожденіи изъ опыта, а въ смыслѣ ихъ *внутренняго значенія*, какъ общихъ понятій всего существующаго, *по ихъ возникновенію*. Однако, эта аргументація можетъ служить прекраснымъ орудіемъ именно противъ *критицизма*, занимающаго ее у теорій, его дѣйствительно внутренне отрицающихъ. Несомнѣнно, каждый продуктъ развитія, всякая ступень бытія имѣетъ свое собственное внутреннее содержаніе и внутреннюю цѣнность, отличныя отъ источниковъ и условій ихъ происхожденія. Представленіе и понятіе, вульгарный опытъ и научная теорія, вѣншее принужденіе и сознаніе долга, личное наслажденіе и любовь къ ближнему и т. д. — представляютъ различныя, разноцѣнныя содержанія дѣйствительности, хотя оныя могли развиваться одно изъ другого. Но изъ этого слѣдуетъ также и то, что *ни одна изъ ступеней развитія, ни одно изъ конкретныхъ содержаній дѣйствительности не можетъ быть положено, съ точки зрѣнія ихъ генетическаго пониманія, въ основу самого процесса развитія*. Если критикисты признаютъ психологическое происхожденіе и историческое значеніе *логическихъ, математическихъ и метафизическихъ* истинъ, то онѣ не могутъ положить ихъ въ основу своего міропониманія. Познаніе обусловленности и относительности всякихъ понятій дѣйствительно не должно привести къ отрицанію за понятіями, за истинами ихъ внутренняго значенія; оно, однимъ словомъ, не должно помѣшать выработкѣ объективнаго міровоззрѣнія. Но въ основу міровоззрѣнія не могутъ быть положены логическія понятія, априорныя формы познающаго субъекта, а теоріи, включающія и конкретное разнообразіе дѣйствительныхъ формъ, и ихъ измѣнчивость, и ихъ относительность. Критицизмъ не перестаетъ класть абсолютныя терминны въ основу міровоззрѣнія послѣ того, какъ онъ сознаетъ ихъ субъективность. Поэтому, онъ, въ частности, не устраняетъ, а какъ бы освящаетъ имъ самымъ открытія антиноміи; поэтому онъ, вообще, со всѣхъ сторонъ ведетъ

къ собственному отрицанію: къ догматической метафизикѣ, къ иллюзионизму, къ метафизическому идеализму и релятивизму.

Несостоятельность критицизма въ другой формѣ обнаруживается въ его ученіи о прогрессѣ. Между формальностью и регулятивностью, между недостижимостью и приближаемостью, между абсолютностью и неосуществленностью идеала существуютъ непримиримыя противорѣчія. Регулятивнымъ, руководящимъ можетъ быть лишь *содержаніе* идеала. Идеаль вообще не преслѣдуется и не можетъ быть достижимымъ. Сознательно или безсознательно какое-нибудь опредѣленное состояніе, или отношеніе, или движеніе представляетъ содержаніе идеала. Но для критицизма качество *формальности* тождественно съ самой идеальностью. Идеаль не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ *формой*. Всякое содержаніе содержитъ въ себѣ ирраціональные элементы и слѣдствія. Оно не можетъ быть отождествлено съ самимъ идеаломъ. Но, подобно его теоретическому ученію, критицизмъ, не давая на мѣсто признанныхъ имъ субъективнымъ и ограниченнымъ теорій и нормъ другихъ, болѣе совершенныхъ, признаетъ тѣ же теоріи и нормы при полномъ сознаніи ихъ неудовлетворительности. Не придавая идеалу никакого новаго значенія и лишь утверждая его формальность, критицизмъ принимаетъ по существу исторически предлежащія, юридическія и нравственныя нормы, и не указываетъ никакого высшаго критерія для оцѣнки послѣднихъ. И здѣсь критицизмъ не устраняетъ, а освящаетъ признанное неудовлетворительнымъ и своею сознательною приверженностью къ иллюзорному и несправедливому уничтожаетъ внутреннія основы для стремленія къ устраненію послѣднихъ.

Такъ же мало примиримы недостижимость идеала и возможность приближенія къ нему. Приближеніе къ идеалу значитъ именно его прогрессивное осуществленіе, неспирающееся преобразование дѣйствительности въ смыслѣ подобія ея идеалу. Идеаль, по отношенію къ данной дѣйствительности совершенно недостижимый, не есть идеаль по отношенію къ ней. Идеаль не можетъ быть совершенно разнороднымъ отъ дѣйствительности, въ которой онъ долженъ быть реализованъ: послѣдняя не должна выказывать радикальнаго противодѣйствія его осуществленію иначе онъ необходимо перестаетъ быть идеаломъ. Болѣе того: достиженіе идеала предполагаетъ уже его существованіе въ дѣйствительности въ формѣ опредѣленнаго идеала. Осуществленіе идеала предполагаетъ уже его существованіе, и лишь относительно *существующихъ* идеаловъ можно утверждать, что они осуществимы или осуществлены. Идеаль является самъ наиболѣе существеннымъ условіемъ, *производящей силой* своей реализаціи въ остальной дѣйствительности. Не дѣйствуя, онъ перестаетъ существовать; преобразовывая дѣйствительность въ своемъ собственномъ направленіи, онъ осуществляется. Недостижимый идеаль—это идеаль, не оказывающій вліянія на дѣйствительность, идеаль, къ которому дѣйствительность не приближается. Безусловно недостижимый идеаль немислимъ и есть лишь перенесеніе въ абсолютное относительныхъ ступеней: самая фантастическая мечта, самое безсильное стремленіе являются, поскольку они существуютъ, факторами измѣненія въ смыслѣ ихъ существованія въ остальной дѣйствительности, какъ бы ни было ничтожно ихъ вліяніе.

Наконецъ, между абсолютностью теоретическихъ и практическихъ нормъ, и ихъ неосуществленностью, ихъ идеальностью существуетъ непримиримое противорѣчіе. Причинность и свобода, какъ руководящіе принципы мышления, не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ предположеніями реального существованія опредѣленнаго неизмѣннаго мірового порядка и безусловной свободы въ сущности вещей, къ которымъ всѣ частичныя и несовершенныя причинныя связи или свободныя существованія не стоятъ ни въ какомъ прямомъ, ни въ какомъ внутреннемъ отшеніи. Прогрессъ научнаго познанія и нравственности двойственно иллюзоренъ, потому что, во-первыхъ, конечный идеалъ уже существуетъ, и потому что, во-вторыхъ, его осуществленіе въ эмпирической мысли и волѣ совершенно невозможно, исключено самой сущностью послѣднихъ. Послѣдовательное развитіе этого результата и привело къ пессимизму Шопенгауэра съ его отрицаніемъ всякаго познанія и всякаго прогресса, къ пониманію міра, какъ слѣвого, неразумнаго стремленія.

V. Всѣ эти противорѣчія критицизма содержатся въ корнѣ его исходной точки: *изслѣдованіемъ познанія, какъ самостоятельно-существующаго факта установить основные принципы сущаго, не содержащіе въ себѣ никакихъ опредѣлений познанія, какъ особаго факта сущаго.* Познаніе для критицизма и для всей современной гносеологіи опредѣляется исключительно *объективнымъ содержаніемъ* міровоззрѣнія: математико-механическимъ, логическимъ и метафизическимъ. Сознаніе отличности познанія отъ остальнаго бытія, характеризующее критицизмъ, совершенно парализуется смѣшеніемъ и отождествленіемъ познанія съ бытіемъ, понимаемымъ въ историческихъ формахъ міровоззрѣнія, не содержащихъ въ себѣ познанія оригинальности и іерархическаго положенія познанія въ сущемъ. Изученіе критицизма приводитъ къ выводу о необходимости устраненія традиціонной исходной точки философіи — „сознанія“ — и съ нею неразрывно связанной логической онтологіи міровоззрѣнія. Философія есть мышленіе *о сущемъ* при критикѣ *ученій* о сущемъ и при попыткѣ болѣе удовлетворительнаго, болѣе истиннаго *познанія* его. Она не предполагаетъ „догматически“ существованія лишь вещей и движеній или лишь сознанія съ его апіорными формами. Она исходитъ изъ признанія существованія *всѣхъ* данныхъ содержаній дѣйствительности въ ихъ оригинальномъ, самостоятельномъ, внутреннемъ характерѣ. Въ особенности она настаиваетъ на самостоятельной реальности фактовъ знанія, нравственности и искусства. Но этимъ самымъ она исключаетъ признаніе объективной истины за міровоззрѣніями матеріалистическими, логическими и метафизическими.

А. Гуревичъ.

Европейское искусство въ картинахъ русскихъ художниковъ конца XIX вѣка.

Источникомъ всякаго художественнаго произведенія является мысль и чувство художника, но способы и приемы выраженія этихъ мыслей и чувствъ не могутъ быть изобрѣтены каждымъ художникомъ въ отдѣльности. Онъ заимствуетъ ихъ у своихъ предшественниковъ и только видоизмѣняетъ ихъ сообразно своимъ потребностямъ и вкусамъ; да и самыя мысли и чувства его не представляютъ чего-либо совершенно одинакаго, оторваннаго отъ окружающаго. Напротивъ, духовная дѣятельность художника находится постоянно въ полной связи съ настроеніемъ и взглядомъ его современниковъ, того общества, которому онъ служитъ своимъ талантомъ. Несомнѣнно, что такимъ образомъ и всѣ художники одной и той же и различныхъ эпохъ тѣсно связаны между собой. Въ трудахъ предшественниковъ есть зачатки работъ преемниковъ, которые являются или ихъ непосредственными продолжателями въ томъ же направленіи, или ярыми оппонентами въ совершенно противоположномъ. Въ силу общности трудовъ отдѣльныхъ художниковъ является необходимость изучать ихъ работу во всей ея совокупности, необходимость исторіи искусства. Только исторія искусства можетъ опредѣлить дѣйствительное значеніе каждаго отдѣльнаго художника и оцѣнить по достоинству имъ сдѣланное.

Русское искусство, даже русская живопись, наиболѣе значительная отрасль у насъ пластическаго искусства, не была еще изучена въ постепенномъ своемъ развитіи *). Правда задача эта очень трудная. Изученіе развитія русскаго искус-

*) Въ настоящее время печатаются по частямъ двѣ „Исторіи русскаго искусства“ г. Новицкаго и г. Бенуа. Сочиненіе г. Новицкаго, выходящее въ свѣтъ въ Москвѣ, имѣетъ характеръ компіляціи и не даетъ никакого представленія о ходѣ развитія русскаго искусства. „Исторія русской живописи“ г. Бенуа, издаваемая товариществомъ „Знаніе“ при переводѣ „Исторіи живописи XIX вѣка“ Мутера, къ сожалѣнію, страдаетъ партійностью взглядовъ и полемическимъ характеромъ, почему тоже не можетъ служить пособіемъ желающимъ уяснить себѣ причину измѣненій въ направленіи русскаго искусства за только что истекшее первое столѣтіе совмѣстной жизни русскаго не только искусства, но и общества среди остальныхъ собратьевъ Европы. Г. Бенуа обвиняетъ и защищаетъ, когда нужнѣе всего объяснить, такъ какъ дѣло касается прошлаго.

ства представляеть даже особенныя трудности въ силу постоянного взаимодействія иностранныхъ образцовъ живописнаго творчества на русскія произведенія. Русское общество въ истекшее столѣтiе не только не жило и не развивалось совершенно самостоятельно, но, напротивъ, въ силу историческихъ условій, оно постоянно отдѣльными волнами получало новыя идеи и художественныя формы изъ Западной Европы. Едва лишь полученные формы прививались на мѣстѣ, какъ являлось новое поколѣние художниковъ, спѣшившихъ опять заимствовать у Европы, чтобы не отстать отъ общаго хода цивилизаціи. Такимъ образомъ въ Россіи всякій новый типъ художниковъ являлся гораздо въ большей степени преемникомъ иностранцевъ, чѣмъ своихъ русскихъ предшественниковъ. Отсюда такая рознь между ними.

Исторія искусства пишется обыкновенно по образцу, впервые данному старшимъ изъ художественныхъ критиковъ Джорджио Вазари, современникомъ и ученикомъ Микель Анжело Буонарроти. Во вступленіяхъ къ отдѣльнымъ книгамъ своихъ „Жизнеописаній художниковъ“ онъ съ большимъ пониманіемъ дѣла и чрезвычайной вѣрностью въ оцѣнкѣ дѣятельности каждаго художника указалъ ходъ развитія искусства въ Италіи до его окончательнаго расцвѣта въ эпоху Возрожденія. Но успѣхъ его труда, независимо отъ большого таланта автора, обусловленъ былъ еще тѣмъ, что тогда въ Италіи возможно было прослѣдить развитіе искусства шагъ за шагомъ, потому что оно развивалось совершенно самостоятельно. Каждый новый талантливый художникъ вносилъ въ него что-либо новое свое, дѣйствительно свое, взятое непосредственно изъ наблюденія природы. Этотъ новый вкладъ въ общую сокровищницу искусства онъ прикладывалъ къ тому, что получено было имъ отъ его предшественниковъ. Вазари могъ рассказать ростъ искусства, какъ ростъ растенія, потому что оно дѣйствительно такъ росло.

Въ эпоху Возрожденія стали заимствовать формы и сюжеты у древнихъ. Но и это заимствованіе дѣлалось по своему вкусу, а не для того, чтобы догнать и сравняться въ этомъ съ кѣмъ-либо другимъ. Отсюда то свободное заимствованіе художниковъ Возрожденія, котораго съ тѣхъ поръ уже не встрѣчалось. Для нихъ антики были такой же источникъ, какъ и природа. Они восхищались древними, но не забывали и природу и давали полную свободу своему личному вкусу и фантазіямъ, потому что имъ некуда было торопиться, не нужно было поспѣвать за кѣмъ-либо изъ современниковъ.

Система труда Вазари совершенно непримѣнима къ исторіи современнаго искусства и въ особенности къ исторіи русскаго искусства. Русскому искусству, какъ и вообще русской жизни, приходилось все прошлое столѣтiе догонять Европу. Европейское искусство быстро двигалось и видоизмѣнялось, и русскимъ людямъ часто приходилось бросать приемы и цѣли творчества, ставшаго для нихъ своимъ, и опять хвататься за новое, иноземное. Противостоять этой склонности было, конечно, невозможно. Художники при всей своей любви къ тѣмъ формамъ искусства, которыя уже акклиматизировались у нихъ на родинѣ, не могли этого сдѣлать, потому что это значило бы идти вразрѣзъ со всюю жизнью общества. Европейская жизнь напирала на русскую не черезъ посредство одного

искусства, и, конечно, искусство не могло оставаться неподвижнымъ въ своихъ формахъ, когда и вкусы, и образъ жизни, и взгляды общества мѣнялись.

Русское искусство всегда имѣло прямыя источники въ европейскомъ искусствѣ, но въ то же время произведенія его не были лишены и самостоятельности и національной окраски.

О націонализмѣ въ искусствѣ ходячія понятія русскаго общества донелзя запутаны и неправильны. Вина въ этомъ въ значительной степени падаетъ на критику, которая одно время воспользовалась идеей національности, какъ приманкой, чтобы рекламировать произведенія излюбленной группы художниковъ.

Національность, если понимать ее, какъ особенность склада души опредѣленнаго племени, должна играть большую роль въ произведеніяхъ искусства. Конечно, русской публикѣ ближе и понятнѣе проявленія души русскаго художника, выросшаго при тѣхъ же впечатлѣніяхъ, что и зрители его картинъ, родственнаго ей по крови и по складу ума. Русскій художникъ для того, чтобы найти то, что интересуетъ русскую публику, не долженъ искать по сторонамъ. Онъ прямо можетъ обратиться къ своей душѣ, работать для себя и быть увѣреннымъ, что и всей русской публикѣ въ данное время именно нужно и интересно то, что его занимаетъ и волнуетъ.

Національность и народность—основныя свойства художественнаго произведенія. Болѣе значительную особенность произведенія искусства можно найти лишь въ индивидуальности каждаго художника въ отдѣльности. Каждая картина сперва Де-ла-Роша или Иванова, а потомъ, непосредственно за этимъ, французское или русское произведеніе.

Занимая столь значительное мѣсто при опредѣленіи качествъ и свойствъ произведеній искусства, національность вовсе, однако, не имѣетъ того значенія, которое приписывается ей поборниками націонализма въ искусствѣ. Вмѣсто того, чтобы видѣть въ національныхъ чертахъ художника его отличительныя свойства, они приписываютъ націонализму значеніе дѣли, къ которой художникъ долженъ, а слѣдовательно и можетъ стремиться. Эта грубая ошибка, конечно, не остается безнаказанной. Слѣдствіемъ ея является и умаленіе пониманія искусства, и пониженіе уровня художественныхъ произведеній. Въ настоящее время не стоитъ подробно опровергать эту ложную теорію, такъ какъ она уже потеряла интересъ современности и отжила свой вѣкъ. Достаточно будетъ сказать, что русскому человѣку невозможно и даже смѣшно стараться быть русскимъ, какъ будто каждый властенъ родиться и быть русскимъ, французомъ или нѣмцемъ. Націонализмъ есть непрегбный недостатокъ каждаго художника, понимая слово „недостатокъ“ не въ смыслѣ порока, а въ смыслѣ нѣкоторой ограниченности приемовъ. Каждый художникъ стремится къ удовлетворенію просто человѣческихъ интересовъ, но, въ силу своей національности, онъ въ оригинальныхъ проявленіяхъ таланта болѣе всего понятенъ своимъ соотечественникамъ. Однако, дѣйствительно крупные таланты понятны всему человѣчеству и понятны не потому, чтобы они употребляли какіе-либо спеціальныя международныя приемы въ своихъ произведеніяхъ, а только потому, что они сумѣли возвыситься настолько, что стали близки всему человѣчеству.

Национальныя черты въ произведеніи искусства могутъ быть признаны иногда и достоинствомъ, когда онѣ представляютъ черты характерныя именно для даннаго художника или художественнаго произведенія. Для самого артиста націонализмъ— всегда недостатокъ, ограничивающій его силы, дѣлающій его творенія болѣе или менѣе провинціальными; для публики націонализмъ можетъ быть и пріятенъ и дорогъ, какъ отличительная особенность, характерность любимаго творенія искусства. Несомнѣнно, что самъ художникъ не можетъ стремиться къ націонализму, и если онъ дѣлаетъ это, то впадаетъ въ самую грубую ошибку, потому что теряетъ изъ виду истинную цѣль искусства и, конечно, никогда не достигнетъ истинно национальныхъ особенностей, не поддающихся какой бы то ни было поддѣлкѣ. Искусство приносимо было въ Россію изъ Западной Европы, и этому можно только радоваться, потому что такимъ образомъ Россія приобщилась къ міровой культурѣ и смогла въ сто лѣтъ сдѣлать такіе шаги, которые самостоятельно не были бы сдѣланы ею и въ нѣсколько сотъ лѣтъ. Всѣ крики о томъ, что иностранное искусство захватило все мѣсто въ нашей жизни и не даетъ развиваться своему родному, слабому, нѣжному, но прекрасному творчеству, представляютъ лишь одніа дикіе вопли варварства, потому что искусство—одно, человѣческое, великое искусство одинаково близкое всѣмъ.

Всѣ такіа жалобы не только неосновательны, но и неискренни. Искусство въ дѣйствительности не дѣлится на отрасли чистаго и прикладнаго искусства. Эти подраздѣленія допустимы лишь въ видахъ болѣе подробнаго изученія предмета. На самомъ дѣлѣ искусство представляетъ одно цѣлое. Въ обиходѣ жизни, платьѣ, мебели выражается всегда тотъ же вкусъ, что и въ картинахъ и въ статуяхъ. Странно поэтому видѣть людей, которые во всей своей жизни, въ самыхъ мелочахъ домашняго обихода, щеголяютъ послѣдней европейской модой, а въ картинахъ и статуяхъ почему-то ищутъ какого-то особаго архаизма. Вѣрнѣе всего, что они дѣлаютъ это не спроста, а въ подражаніе той же чужестранной модѣ, и перестанутъ дѣлать это, когда мода пройдетъ. Факты вполне подтверждаютъ это предположеніе.

Литература всегда опережала въ своемъ развитіи пластическіа искусства, и поэтому постоянно указываютъ на нее, какъ на примѣръ развитія чисто русскаго національнаго творчества, въ противоположность живописи. Но при этомъ не принимаютъ въ разсчетъ, что литература имѣетъ своимъ основаніемъ языкъ, выработанный съ давнихъ поръ народомъ, и, слѣдовательно, литература имѣетъ дѣйствительно національныя черты, тогда какъ пластическое искусство, пользуясь средствами, понятными всему человѣчеству, не имѣетъ литературной ограниченности. Одно время, какъ бы тяготясь этой неограниченной свободой пластики, пробовали связать ее, обязавъ исполнять лишь небольшой кругъ национальныхъ сюжетовъ, т. е. сюжетовъ, передающихъ одніа внѣшнія черты жизни русскаго народа. Но эти произвольныя стѣсненія скоро стали невыносимыми, какъ всякій безпричинный формализмъ. Насколько должно быть тяжело и губительно подобное стѣсненіе для умственнаго развитія общества въ области искусства,

виднѣе всего, если принять во вниманіе то, что *выражаютъ* произведенія искусства.

Здѣсь необходимо, для яснаго изложенія послѣдующаго, сдѣлать довольно длинное отступленіе.

Художественныя произведенія вызываютъ восторгъ и удивленіе по многимъ причинамъ. Врываются они потому, что изображаютъ знакомые и дорогіе почему-либо предметы и тѣмъ вызываютъ чувства и мысли въ зрителѣ; врываются они потому, что передаютъ идеи самого автора, который сумѣлъ ихъ вложить въ художественную форму; врываются они, наконецъ, и потому, что передаютъ идеи, неразрывно связанныя съ самимъ языкомъ пластическаго искусства, съ внѣшней формой. Самое простое зрительное, чисто чувственное, впечатлѣніе глаза заключаетъ въ себѣ идею, потому что оно „занимаетъ умъ при мышленіи“, какъ говорить Рескинъ *), со словъ Локка. Идеи, доступныя человѣческому мышленію, а слѣдовательно и искусству, конечно, не всѣ одинаковаго достоинства. Есть болѣе высокія и менѣе высокія идеи, и потому, при опредѣленіи достоинства художественнаго произведенія вообще, необходимо согласиться съ Рескинымъ же, который превосходно изслѣдовалъ элементы художественнаго творчества, что лучшее произведеніе искусства то, которое даетъ зрителю наибольшее количество наиболѣе высокыхъ идей. При этомъ необходимо поспѣшить сказать, что для того, чтобы писать прекрасныя картины, недостаточно изобразить сцены на добродѣтельные сюжеты: милосердіе, щедрость, почтеніе къ старшимъ и т. д.—такія картины, независимо отъ исполненія, однимъ сюжетомъ своимъ не будутъ давать высокыхъ идей зрителю, а будутъ лишь напоминать ему эти идеи въ той формѣ, въ какой онъ уже владѣетъ ими, и подобное напоминаніе о томъ, что уже извѣстно, конечно, никакой цѣны имѣть не можетъ.

Наиболѣе цѣнныя идеи, передаваемыя произведеніями искусства, тѣ, которыя наиболѣе просты и непосредственны. Для выраженія этихъ идей недостаточно словъ, потому что слова могутъ лишь назвать ихъ, а художественныя произведенія прямо и непосредственно передаютъ ихъ зрителю. Содержаніе художественнаго произведенія въ данномъ случаѣ слѣдуетъ строго отличать отъ его формы. Форма является лишь способомъ, языкомъ, передающимъ идею, а не самою идею, но необходимо замѣтить, что нынѣшнія идеи такъ тѣсно связаны съ формою, что ихъ невозможно отдѣлить отъ нея и представить себѣ помимо данной формы.

Идеи, выражаемыя произведеніями искусства, можно раздѣлить на всевозможныя группы, но мнѣ кажется, что удобнѣе всего раздѣленіе, предложенное Рескинымъ, на пять группъ: I, идеи силы, II, идеи подражанія, III, идеи правды IV, идеи красоты и V, идеи отношеній.

Въ этомъ раздѣленіи есть два лишніе отдѣла, именно: идеи красоты и идеи подражанія, потому что „идеи красоты“ захватываютъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ всѣ отдѣлы, вмѣстѣ взятые, а „идеи подражанія“ представляютъ лишь

*) *Джонъ Рескинъ*—художественный критикъ, моралистъ и философъ. Его книга „Общіе принципы и правда въ искусствѣ“ переведена П. С. Коганомъ.

одну малую часть „идей правды“, приуроченных къ одной второстепенной цѣли. Можно было свести всѣ идеи только къ тремъ отдѣламъ или, наоборотъ, раздѣлить ихъ на гораздо большее число группъ, но я придерживаюсь дѣленія Рескина, такъ какъ оно удобно въ томъ отношеніи, что даетъ отвѣты на самые элементарные вопросы, которые каждому приходятъ въ голову при видѣ всякаго художественнаго произведенія: почему это красиво? Почему не сдѣлана всякая мелочь до обмана натурально?..

Идея силы присутствуетъ въ каждомъ художественномъ произведеніи и составляютъ одно изъ существенныхъ его оснований. Глядя на картину, говорятъ, что художникъ способенъ, талантливъ, и этотъ выводъ дѣлается на томъ основаніи, что произведеніе искусства служить мѣриломъ духовныхъ его силъ. Какъ въ клубахъ атлетовъ существуютъ цѣлыя комплекты вывѣшенныхъ гирь для измѣренія мускульной силы гимнастовъ, такъ человѣчество имѣетъ художественныя произведенія для измѣренія духовныхъ силъ людей. Понятно, что идеи силы, во всевозможныхъ ея проявленіяхъ, являются одними изъ благороднѣйшихъ и важнѣйшихъ идей, которыя только существуютъ. Сила является главной жизненной способностью человѣка,—это само проявленіе жизни,—но достоинства ея разнятся до безконечности, смотря по тому, въ чемъ она проявляется.

Сила, проявляемая въ количествѣ, прекрасна, но она неизмѣримо еще цѣннѣе, когда она выражается въ ловкости, изобрѣтательности и, наконецъ, въ выраженіи высокой мысли.

Однако, произведенія искусства, въ чемъ бы ни проявлялась въ нихъ великая сила, должны быть признаны самаго высшаго и одинаковаго достоинства, потому что великая сила можетъ проявляться только въ достиженіи великой цѣли. Эта истина, кажущаяся на первый взглядъ неправдоподобной, объясняетъ, почему люди восхищаются произведеніями искусства дѣйствительно превосходными, несмотря на то, что конечный результатъ этихъ произведеній кажется ненужнымъ и ничтожнымъ. Въ нихъ проявлена великая сила, и потому они цѣнны и имѣли высокую цѣль, хотя съ точки зрѣнія даннаго зрителя она можетъ казаться несущественной.

Идея силы можетъ обнаруживаться двумя способами: или громадностью исполненной задачи, или легкостью исполненія даже много меньшаго размѣра задачи. Этими двумя способами проявленія силы художника зритель поочередно восхищается во всѣхъ произведеніяхъ искусства какъ самыхъ большихъ и законченныхъ, такъ и въ легкихъ наброскахъ, сдѣланныхъ въ нѣсколько мгновений, причемъ второй способъ нагляднѣе и осязательнѣе. Вотъ почему среди обыкновенныхъ, не выходящихъ изъ ряда вонъ, произведеній искусства, наброски имѣютъ такой успѣхъ у любителей художества.

Не меньшимъ значеніемъ, чѣмъ идеи силы, пользуются въ области искусства идеи правды. Рескинъ идеи правды относитъ къ 3-ей группѣ, но мнѣ кажется, что ихъ необходимо поставить непосредственно послѣ группы идей силы, потому что онѣ вмѣстѣ съ идеями силы составляютъ всю сущность произведенія искусства.

Идею „правды въ искусствѣ“ мы сознаемъ тогда, когда нашему уму или

чувству вѣрно передается какой бы то ни было фактъ природы, будь то матеріальный предметъ, или впечатлѣніе, или мысль. При этомъ, конечно, передача матеріальныхъ предметовъ будетъ самой послѣдней задачей искусства, потому что предметы эти въ дѣйствительности постоянно доступны наблюденію, а передача чувствъ и мыслей—самой важной областью искусства, потому что искусство является единственнымъ способомъ запечатлѣвать какъ мысли, такъ и чувства человѣка. Однако, эта относительная цѣнность различныхъ задачъ искусства при передачѣ „правды“ существуетъ только въ теоріи. Въ дѣйствительности всякое проявленіе правды въ искусствѣ такъ важно и соединено всегда и неизбежно такъ тѣсно съ мыслью, что нѣтъ возможности сказать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какое выраженіе „правды въ искусствѣ“ важнѣе и нужнѣе.

„Правда въ искусствѣ“ не заключается въ томъ, чтобы обманывать чувства зрителя, а въ томъ, чтобы передавать ему истинныя отношенія формъ предметовъ, истинныя чувства и мысли. Вотъ почему „правда въ искусствѣ“ не боится ни изученія, ни изслѣдованія; вотъ почему искусство дѣйствительно полезно и важно человѣку, почему оно воспитываетъ и возвышаетъ его душевныя способности, оставляетъ неизгладимыя слѣды на его душѣ и дѣлаетъ ее способнѣе и лучше. Очень часто люди неопытные смѣшиваютъ идеи „правды въ искусствѣ“ съ идеями подражанія и говорятъ въ видѣ похвалы художнику: „Это написано до обмана живо“, или не могутъ понять, что собственно нравится въ работахъ Микель-Анжело или другихъ старыхъ мастеровъ, такъ какъ живопись ихъ чернилами и вовсе не передаетъ обычныхъ предметовъ съ обыденной подражательностью.

Идеи подражанія представляютъ прямую противоположность идеямъ правды. Идеи подражанія основаны на обманѣ. Чтобы передать идею подражанія въ произведеніи искусства, нужно нѣсколькими бьющими въ глаза впечатлѣніями наиболѣе замѣтныхъ свойствъ извѣстнаго зрителю, т. е. обыкновеннаго, предмета заставить его на одно мгновеніе, пока онъ не разглядѣлъ изображенія вполне, подумать, что онъ видитъ передъ собой самый предметъ. Черезъ мгновеніе онъ уже сообразитъ, что передъ нимъ только изображеніе предмета, и испытаетъ особое, неглубокое удовольствіе, свойственное шуткѣ или загадкѣ. Идея подражанія или иллюзіи именно основана на разгадываніи обмана, и потому самая задача идеи подражанія не художественна. Возможность легко разгадать обманъ необходима. Любители такихъ шутокъ держать у себя на столахъ поддѣльныя каменные яблоки съ червякомъ или нарисованный на стеклянномъ столѣ окурокъ и обоженную спичку, потому что они легко могутъ убѣдиться, что эти вещи поддѣльныя, но если бы они представили себѣ, что онѣ настоящія, то сейчасъ же выбросили бы ихъ вонъ. Идеи подражанія не могутъ производить сильнаго впечатлѣнія на здороваго человѣка, способнаго открыть обманъ, но въ существѣ своемъ онѣ вредны для души: удовольствіе получается не отъ нихъ, а отъ обнаруженія обмана; для больнаго же человѣка онѣ губительны. Это превосходно описано въ повѣсти Гоголя „Портретъ“.

Идеи красоты въ художественномъ произведеніи принадлежатъ къ разряду

идей, менѣе всего поддающихся точному опредѣленію. Онѣ заключаются уже въ идеяхъ силы и правды. Понятіе красоты человѣкъ получаетъ отъ того удовольствія, которое онъ испытываетъ при созерцаіи природы. Красиво то, что типично. Мѣстность красива тамъ, гдѣ есть и вода, и возвышенности, обрывы и долины, т. е. гдѣ свойства каждаго изъ этихъ предметовъ наиболѣе ясно выступаютъ. Море красиво потому, что оно даетъ полное понятіе о водной стихіи в громадности, и даже, отчасти, и шаровидности земли. Человѣкъ красивъ, когда въ немъ наибольшее количество типично-человѣческихъ чертъ. Созерцаіе окружающихъ предметовъ міра, среди котораго мы родились и живемъ, доставляетъ намъ удовольствіе, но при этомъ значительную роль играетъ и наша способность къ оцѣнкѣ, нашъ вкусъ, который мѣняется въ зависимости отъ понятія и воспитанія. Въ силу этого красота, свойство предметовъ, которое всѣ люди средственно сознаютъ,—не поддается, вполнѣ точному опредѣленію.

Наконецъ, „идеи отношенія“, не представляя самаго существа художественнаго произведенія, имѣютъ однако же громадное значеніе для усвоенія смысла его зрителемъ. Идеи отношенія обуславливаютъ то, что называется сюжетомъ картины. Напримеръ, можно нарисовать на трехъ отдѣльныхъ листахъ бумаги лежащихъ людей, земную насыпь, и кирки, и лопаты, и эти три рисунка будутъ давать понятіе объ этихъ предметахъ, которые на нихъ изображены. Но если всѣ эти предметы изобразить на одной картинѣ, то кромѣ этихъ предметовъ, въ силу идеи отношенія, окажется изображеннымъ „отдыхъ землекоповъ, строящихъ желѣзную дорогу“. Идеи отношенія приобщаютъ зрителя къ работѣ художника, и потому съ ихъ помощью границы дѣятельности искусства расширяются до чрезвычайности. Съ помощью идей соотношенія художникъ можетъ затронуть всѣ доступныя человѣку мысли и чувства. Въ силу существованія этихъ идей произведеніе искусства приобретаетъ совершенно самостоятельное значеніе, которое можетъ мѣняться переменною воззрѣніемъ общества. Это виднѣе всего на великихъ произведеніяхъ искусства, которыя въ различныя эпохи получаютъ совершенно различное значеніе въ глазахъ публики.

Вотъ въ очень краткихъ и общихъ чертахъ приемы художественнаго творчества, поскольку ихъ можно изслѣдовать и классифицировать. Мы вкратчѣ необходимо сдѣлать это отступленіе, чтобы дальнѣйшее изложеніе было яснѣе. Искусство зиждется на столь глубокихъ основахъ характера человѣка, что оно не можетъ быть узко-національно и въ то же время, въ силу тѣсной душевной связи художника съ его творчествомъ, произведенія искусства непремѣнно должны имѣть національныя особенности. Особенности эти можно цѣнить и любить, но каждую черту въ произведеніи истиннаго творчества, и необходимо изучать. Чтобы изучить ихъ, необходимо сперва опредѣлить то главное основаніе, которое въ искусствѣ является общечеловѣческимъ и потому передается съ цивилизаціей отъ одного народа другому безъ всякаго затрудненія.

Въ слѣдующихъ книжкахъ журнала въ краткихъ очеркахъ, которые по необходимости будутъ отрывочными, такъ какъ предметъ этотъ нуждается еще въ разработкѣ, я постараюсь указать, въ какой мѣрѣ европейское искусство приви-

Помѣщица занятая хозяйствомъ.—Алексѣя Венеціанова.

валось въ Россіи въ различныя эпохи только что истекшаго столѣтія, т. е. чѣмъ русскіе художники могли воспользоваться и воспользовались изъ общей сокровищницы европейскаго искусства, чѣмъ они воспользовались и какъ и насколько они обработали это чужое для удовлетворенія своихъ потребностей въ искусствѣ, что, наконецъ, они внесли въ художество своего личнаго, русскаго.

Свое, самостоятельное, оригинальное, конечно, есть въ русскомъ искусствѣ, но несомнѣнно въ немъ должно быть много и заимствованнаго въ первое столѣтіе совмѣстной умственной и общественной жизни Россіи съ остальной Европой.

Въ рядѣ снимковъ съ картинъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ я желалъ бы наглядно показать сходство воззрѣній и пріемовъ представителей нашего и иностраннаго искусствъ и постараюсь сдѣлать это, насколько будетъ возможно при томъ относительно ограниченномъ количествѣ снимковъ, которые можно помѣстить въ „Жизни“.

П. Ге.

Пѣсни скитальца.

I.

Начало утрени давно уже пропѣто,
Сіяетъ храмъ огнемъ безчисленныхъ свѣчей,
Сквозь окна узкія струятся на людей
Неясные лучи румянаго разсвѣта.
Блѣднѣетъ темнота. Плыветъ волною зыбкой
Большихъ колоколовъ могучій разговоръ.
Вдали идетъ заря и свѣтлою улыбкой
Сгоняетъ мракъ ночной и гаситъ звѣздъ узоръ.
Благоуханное несется въ куполь пѣнье,
Толпа съ надеждою стекается во храмъ,
Какъ утренній туманъ, возносятся моленья,
И лептамъ нѣтъ конца, и счета нѣтъ огнямъ!
И только нищѣ на паперти церковной
Ни лепты, ни молитвъ не принесли съ собой
И просятъ милости съ надеждою безмолвной,
У входа въ храмъ стоятъ съ протянутой рукой.

II.

Колокольчики-бубенчики звенятъ,
Простодушную рассказываютъ бль...
Тройка мчится, комья снѣжные летятъ,
Обдаетъ лицо серебряная пыль.
Нѣтъ ни звѣздочки на темныхъ небесахъ.
Только видно, какъ мелькаютъ огоньки...
Не смолкаетъ звонъ малиновый въ ухахъ,
Въ сердцѣ нѣту ни заботы, ни тоски!
Эхъ! Лети, душа, отдайся вся мечтѣ,
Потоните хороводы блѣдныхъ лицъ!

Очи милыя мнѣ свѣтятъ въ темнотѣ
 Изъ-подъ черныхъ, изъ-подъ бархатныхъ рѣсниць!..
 Эй, вы, шире,—сторонитесь, раздавлю!..
 Безконечно, жадно хочется мнѣ жить!
 Я дороги никому не уступлю,
 Я умѣю ненавидѣть и любить!
 Ручка нѣжная прижалась въ рукавѣ..
 Не пришлось бы мнѣ лелѣять той руки —
 Да отъ снѣжной пыли мутно въ головѣ,
 Да баюкають бубенчики-звонки!..
 Простодушные бубенчики-друзья,
 Говорливые союзники любви,
 Не болтайте вы, лукаво затая,
 Тайны нѣжныя, завѣтныя мои!
 Ночь окутала насъ бархатной тафтой,
 Звѣзды спрятались, лучей своихъ не льютъ
 Да бубенчики подъ кованной дугой
 Про любовь мою болтають и поють.
 Пусть узнають люди хитрые про насъ,
 Догадаются о ласковыхъ словахъ
 По бубенчикамъ, по блеску чудныхъ глазъ,
 По растаявшимъ снѣжинкамъ на щекахъ...
 Хорошо въ ночи бубенчики звенять,
 Простодушную рассказываютъ быль,
 Сквозь рѣсницы очи милыя блестятъ,
 Обдаеть лицо серебряная пыль!

Скиталець.

НА ЛИМАНЪ.

О ЧЕРКЪ.

Г.

Въ небольшой комнатѣ съ окномъ, изъ котораго открывалась рѣка, поблескивавшая на полуденномъ солнцѣ, и далекій лугъ съ мочегинами, озерцами, стоялъ передъ засѣдателемъ широкоплечій съ загорѣлымъ, обвѣтреннымъ лицомъ и шапкой спутанныхъ волосъ казакъ. Онъ стоялъ, недоумѣвающе собравъ надъ переносицей брови, и съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣлъ сказать: „что жъ, подождемъ, подождать—подождемъ, ну только насъ это не касается“. Засѣдатель въ потертомъ мундирѣ, съ потертымъ лицомъ и какъ будто потертой, начавшей лысеть головой, наклонившись, что-то писалъ, торопливо бѣгая перомъ по бумагѣ.

— Иванъ Архиповъ Сидоркинъ,—заученно говорилъ засѣдатель, не подымая головы и продолжая писать.

— Такъ точно.

— Подъ судомъ и слѣдствіемъ былъ?

— Такъ точно, ну только оправданъ,—также заученно отвѣчалъ Сидоркинъ.

— Ну такъ рассказывай, какъ дѣло было, какъ васъ накрыли,—проговорилъ засѣдатель, отодвигая бумаги и откидываясь на спинку стула; вся его фигура, помятое и теперь нахмуренное лицо и сквозившая сквозь рѣдкіе волосы лысина выражали полную непоколебимую увѣренность, что Сидоркинъ сейчасъ же все чистосердечно и подробно, ничего не тая, расскажетъ, такъ какъ все это онъ, засѣдатель, уже знаетъ во всѣхъ подробностяхъ.

Но у Сидоркина вмѣсто этого еще больше собрались надъ переносицей и полѣзли на лобъ вылинявшія, обвѣтрившія брови.

— Не можемъ знать, тожь, насчетъ чего это?

— Ты мнѣ дурака не ломай, со мной не шутки шутить,—со мной, братъ, шутки плохія.

— Помилуйте, вашскблагородіе, какія шутки, развѣ возможно шутки съ вашимъ вашскблагородіемъ, какъ можно.

— Ну, ну, ну, будетъ разговаривать!

— Слушаю.

И Сидоркинъ опять сдѣлалъ наивное лицо и, глупо раскрывъ глаза и высоко собравъ брови, глядѣлъ на засѣдателя, не мигая.

— Гдѣ проводилъ время въ ночь съ 15 на 16?

— Обнакновенно, съ женой спалъ.

— Врешь, на лиманѣ былъ и въ запретныхъ мѣстахъ сѣти тянулъ.

— Никакъ нѣтъ, вашскблагородіе.

— Въ рыболовную команду стрѣлялъ.

— Вашскблагородіе, Господь съ вами, какъ возможно!..

И брови въ знакъ изумленія и негодованія ползли еще выше.

Началась та особенная борьба допрашивающаго и допрашиваемаго, которая очень похожа на борьбу сильного, матераго звѣря съ опытнымъ, неутомимымъ охотникомъ. Охотникъ дѣлаетъ круги, обходитъ, ползетъ на брюхѣ, прячется на опушкѣ, задерживая дыханіе, приглядываясь къ малѣйшему слѣду, малѣйшему отпечатку, но старый, опытный звѣрь не даетъ себя обмануть: проходятъ часы, а разстояніе между ними все то же. Засѣдатель дѣлалъ внезапные, неожиданные вопросы, останавливался на повидимому ничтожныхъ, не имѣющихъ никакого значенія подробностяхъ, но каждый разъ встрѣчалъ все ту же стѣну глуповатаго простодушія, наивности и высоко собраннаго надъ переносицей брови.

Засѣдатель усталъ, вытеръ вспотѣвшее лицо и лысину, велѣлъ подать себѣ квасу и, разстегнувъ рубашку, изъ-за которой глянула лохматая грудь, сталъ пить пѣнящійся, подымавшійся изъ стакана напитокъ.

„Звѣрь“, чувствуя, что острое напряженіе у охотника прошло и онъ утомленъ, спокойно стоялъ, все такъ же держа руки по швамъ. Выраженіе простоватости, наивности сбѣжало съ его лица, брови опустились и разгладились надъ глубоко сидѣвшими сѣрыми глазами, спокойно, увѣренно и съ достоинствомъ глядѣвшими теперь на чиновника, и выраженіе его загорѣлаго, обвѣтреннаго лица, и вся его широкоплечая, сильная съ выпуклой грудью, богатырской мускулатурой фигура какъ бы говорили: „ну, стало быть, конечно, и теперь можно по-обыкновенному“.

Засѣдатель, выпивъ квасу и слегка отрыгнувъ, тоже видимо почувствовалъ, что оффиціальная часть кончена, что все, что

можно было сдѣлать, онъ сдѣлалъ, и, отодвинувъ бумаги, откинувшись немного на стулъ и слегка отдуваясь, проговорилъ:

— Эхъ, Сидоркинъ, а вѣдь и жалко мнѣ тебя,—не сносятъ тебѣ головы, пропадешь не за понюхъ табаку. Вотъ теперь я тебя арестую, тамъ слѣдствіе пойдетъ,—докопаются вѣдь, братъ, до всего: пойдешь съ тузомъ, куда телятъ Макаръ не гоняетъ. Жилъ бы себѣ въ станицѣ, занимался бы хозяйствомъ, у всѣхъ въ уваженіи и—острога бы не нюхалъ.

— Вашкблагородіе, засадить вы меня въ тюрьму всегда можете,—ваша воля, потому какъ вы поставлены надъ нами начальниками, ну только не причиненъ я, потому собственно безвинно страдаю. Кабы я душегубъ былъ, али разбойникъ, али воръ, али чужое бралъ, а то вѣдь волосинки чужой на моей совѣсти нѣтъ.

— Да вѣдь ты законъ нарушаешь!

— Что жъ законъ! Поставьте часовыхъ по берегу не позволять народу пить воду,—тоже законъ: пуцай всѣдохнуть, и скотина.

— Понесъ, дурья голова! То вода, а то рыба.

— Все едино, вашкблагородіе. Потому, вашкблагородіе, какъ собственно рыба въ водѣ, никто не съестъ, не пасетъ, и плодится, размножается она не отъ человѣка, а отъ Бога, то Божій даръ, значить, и всякій злакъ на потребу человѣка, и по тому самому насъ хватаютъ, тиранютъ, разоряютъ, въ острогъ сажаютъ. Теперича, вашкблагородіе, хорошо, выходитъ такъ, что я долженъ людей рѣзать, потому у меня окончательно пропитаніе всякое отнимаютъ. А зачѣмъ мнѣ рѣзать людей,—мнѣ, вашкблагородіе, только одно пропитаніе нужно, чтобы, значить, честнымъ трудомъ.

Засѣдатель не въ первый разъ подымалъ принципиальные разговоры съ хищниками-рыболовами. Дѣло въ томъ, что хищники дѣйствительно не были ни ворами, ни грабителями,—это былъ обыкновенный трудящійся людъ, и у засѣдателя каждый разъ подымалось странное и упорное желаніе показать и доказать этимъ людямъ, что у него не только физическая возможность взять ихъ, арестовать, но и правда, и правда на его сторонѣ, и каждый разъ разговоры эти подъ конецъ его только раздражали. Такъ и теперь.

— Кабы ты поумнѣй былъ,—съ сердцемъ заговорилъ онъ,—а то развѣ вобьешь въ твою еловую башку. Рыба-то тебѣ одному что ли нужна?! Это—достояніе всего государства, а ее все годъ отъ году меньше да меньше становится; совѣмъ изведете.

— Вашкблагородіе, у насъ въ станицѣ по шестнадцати десятинъ на пай земли приходилось, а теперича народонаселеніе размножилось—по восьми не хватаетъ, скотину некуда выгнать,

нечего пахать, бахчу негдѣ посѣять, одначе не слыхать, чтобы по этому самому запрещеніе на землю вышло.

Засѣдатель въ первый моментъ не нашелся, что отвѣтить, и разсердился.

— Ну будетъ, заладила сорока про Якова,—и засѣдатель опять облекся въ официальную неприступность, а у казака снова полѣтали брови на переносицу, лицо поглупѣло, и опять вся фигура какъ бы говорила: „ну что жъ, опять, значить; можно опять“.

— Конвойные!

Вошли конвойные съ шапками и ружьями.

— Возьми препроводительную бумагу, сдашь въ N-скій острогъ. Распишись въ приемѣ.

Старшій конвойный осторожно шагнулъ къ столу, взялъ перо и, нагнувшись, сталъ водить имъ, перекосивъ на сторону глаза, ротъ, лоя языкомъ усъ, цѣпляя и разбрызгивая перомъ по бумагѣ. Онъ съ усиліемъ вывелъ: *Лексій Пономаревъ*, и, положивъ на мѣсто перо, отеръ выступившій каплями на лицѣ потъ. Потомъ взялъ къ плечу ружье, повернулся, со стукомъ молодецкато представивъ каблукъ къ каблуку, и пошелъ къ двери. Сидоркинъ двинулся за нимъ, а позади второй конвойный.

Выйдя за дверь, Сидоркинъ надѣлъ шапку и пошелъ, мѣрно въ шагъ съ конвойными мотая руками.

Было жарко. Полдненное солнце жгло пыльную дорогу. Верхушки кургановъ и линія горизонта дрожали въ струившемся воздухѣ. Рѣка все также ослѣпительно ярко и знойно шевелилась сверкающей рябью. Подъ горой желтѣло желѣзнодорожное полотно и, сверкая на солнцѣ, безконечно бѣжали рельсы.

II.

Сидоркинъ спокойно шелъ за конвойными, пыля сапогами. Отъ времени до времени онъ взглядывалъ на далекій лугъ, на синѣвшія вдали невысокія горы, на рѣку. Но онъ не думалъ о томъ, что это было красиво, широко, ярко и весело. Это были просто знакомые до послѣдняго овражка, до послѣдней колдобины лугъ и рѣка, гдѣ онъ озлобленно боролся съ людьми, непонятно для него не дававшими ему возможности кормиться у рѣки.

По мѣрѣ того, какъ охрана рыбныхъ богатствъ становилась строже и строже, эта борьба дѣлалась ожесточеннѣе и беспощаднѣй. Чины рыболовной полиціи и рыбаки видѣли другъ въ другѣ не охранителей и нарушителей закона, а своихъ личныхъ

злѣйшихъ враговъ, жестокихъ и неумолимыхъ, по отношенію къ которымъ все допускалось.

Въ борьбѣ съ рыболовной полиціей выработалась цѣлая система. Въ запрещенное для лова рыбы время, именно весной, когда рыба шла вверхъ метать икру, берега рѣки какъ бы оказывались на военномъ положеніи. На различныхъ пунктахъ стояли часовые, зорко наблюдавшіе за рѣкой. Какъ только вдали показывался катеръ рыболовной полиціи, по берегу скакали конные, извѣщавшіе рыбаковъ о появленіи врага—и рѣка, на нѣсколько верстъ впереди катера, очищалась отъ рыбацкихъ лодокъ, которыя вытаскивались на берегъ, а сѣти прятались въ укромныя мѣста. Для переговоровъ на разстояніи употребляли флаги и другіе оптическіе сигналы; ночью жгли солому на высокихъ шестахъ и стрѣляли изъ ружей.

Съ наступленіемъ разрѣшенія лова положеніе мало мѣнялось. Чтобы оградить отъ окончательнаго истребленія рыбу, которую безпощадно преслѣдовали въ рѣкѣ, въ морѣ крющьями, сѣтями, неводами, приволоками и другими истребительными снарядами, взморье и устье разбившейся на множество рукавовъ рѣки было объявлено заповѣднымъ: тамъ безусловно и навсегда воспрещался ловъ рыбы. И рыба, повсюду гонимая, преслѣдуемая, истребляемая, ни днемъ, ни ночью не находя себѣ мѣста, огромными стадами устремлялась въ заповѣдныя мѣста, единственный уголокъ гдѣ она могла укрыться отъ жестокихъ преслѣдователей. Камыши заповѣдныхъ водъ буквально кишѣли рыбой. Вотъ сюда-то и рвались рыбаки, и здѣсь-то и происходили ожесточенныя столкновенія съ полиціей.

Эта жизнь, полная тревогъ, неожиданностей, опасности, невѣренности въ завтрашнемъ днѣ, постоянно мѣняющаяся перспектива то богатства, то нищеты налагали неизгладимый отпечатокъ на рыбацкое населеніе. Ихъ хаты стояли, какъ попало, на берегу безъ огорожи, безъ воротъ, безъ хозяйственныхъ пристроекъ. Бабы не пекли хлѣба, не водили птицы, все бралось съ базара. Вся обстановка носила какой-то временный характеръ, точно это раскинулся лагерь. Всѣ, кто терпѣлъ неудачу, разорялся на хозяйствѣ, шли сюда. Эти люди питали странное отвращеніе къ городскимъ профессіямъ и обнаруживали неумѣніе приспособляться къ городской обстановкѣ. Они крѣпко держались за рыбацкій промыселъ, какъ за послѣднее средство честнымъ путемъ добывать хлѣбъ.

Иванъ Сидоркинъ былъ тоже когда-то хозяиномъ, но годъ за годомъ по частямъ уменьшалось его хозяйство, и когда онъ явился на берегъ, у него кромѣ жены и дѣтей ничего не было. Иванъ

среди рыбаковъ пользовался авторитетомъ за свою смѣлость и умѣніе провести полицію.

Онъ шель по дорогѣ, все такъ же подымая тяжелыми сапогами горячую пыль, сосредоточенно взвѣсивая шансы своего оправданія. Вдали изъ-за высокихъ стѣнъ показалось изсѣра-желтоватое зданіе острога.

Въ острогѣ Сидоркину пришлось пробыть полтора мѣсяца, пока тянулось слѣдствіе. Прямыхъ уликъ противъ него слѣдователь не могъ собрать, и Сидоркинъ, осунувшійся и похудѣвшій, былъ выпущенъ на свободу. Какъ только онъ вышелъ изъ тюрьмы, на другую же ночь отправился съ товарищами на ловлю въ запрещенныя воды.

III.

По темной водѣ чуть-чуть выдѣлялся камышъ; онъ стоялъ черной стѣной, сливаясь съ черной тьмой окружающей ночи. Ночь была тихая, безмолвная, неподвижная. Чудилось, какъ кто-то шуршалъ въ камышѣ и шевелились въ темнотѣ метелки. Вверху также было черно, неподвижно и тихо.

Нельзя было разобрать, что подвигалось вдоль темной стѣны камыша. Казалось, это плыло черное, неуклюжее бревно, и только по правильности его манипуляцій и поворотовъ можно было догадаться, что это лодка. Весла осторожно и беззвучно опускались и подымались изъ воды, и лишь звукъ капель, падавшихъ съ нихъ въ воду, выдавалъ движеніе. Но вотъ и капли перестали падать, пересталъ шуршать камышъ, и метелки больше не клапнялись и не шевелились въ темнотѣ. Эта безразличная, безформенная стоявшая вездѣ тьма, казалось, вся была наполнена ожиданіемъ чуткимъ, напряженнымъ и осторожнымъ.

Кругомъ было тихо.

Надъ лодкой вдругъ загорѣлся синій огонекъ, озаривъ на мгновеніе мокрые низкіе борты, сѣти, пять дюжихъ фигуръ, камышъ съ неподвижно похилившимися метелками, и, отразившись въ темной водѣ, потухъ. Нельзя было опредѣлить, далеко или близко вспыхнулъ въ темнотѣ такой же крохотный синій огонекъ, вспыхнулъ, подержался съ секунду, упалъ въ воду и погасъ.

— Ну, ребята, съ Богомъ, трогай!—раздался въ лодкѣ громкій, свободный, не сдерживающійся голосъ, разомъ нарушая эту тишину, неподвижность, молчаніе и таинственность,—стало быть, шикого нѣтъ.

И точно обрадованный, что разрѣшилась наконецъ эта напря-

женность, набѣжалъ ночной вѣтерокъ, погнулъ камыши, и они повели свой странный разговоръ, залепетали, зашелестѣли и закивали въ темнотѣ метелками; весла сильно и шумно взбудоражили воду, лодка закачалась, дернулась впередъ, быстро пошла уже по открытому плесу, и въ борта торопливо и весело заплескалась мелкая встрѣчная волна.

— Говорилъ вамъ—нонѣ *его* не будетъ: въ городъ уѣхалъ. Хорь надъсь еще сказывалъ—сбирается ѣхать,—проговорилъ одинъ изъ рыбаковъ, бережно пряча въ карманъ коробку съ бенгальскими сигнальными спичками.

— Не вѣрь, не вѣрь, ребята, — раздался глухой голосъ съ кормы, — не вѣрь *ему*, ребята,—рази не знаете хитраго дьявола: распустить вѣсти, что, дескать, ѣду,—всѣ уши развѣсятъ, а *онъ* стоитъ гдѣ-нибудь тутъ же въ камышахъ и, того и гляди, накроетъ.

-- Хорь не станетъ брехать, вѣрный человекъ: надъсь я ему икры отнесъ и трешку.

— Вѣрный, вѣрный!.. а ты гомони во всю глотку, штобъ по всея лиману слышать было, на свою голову, — послышался все тотъ же недовольный, озлобленный глухой голосъ.

Всѣ молча стали работать, и весла мѣрно и сильно гнали лодку впередъ. Ночь стояла все такая же молчаливая, неподвижная, скрывающая все, что было вокругъ—и водный просторъ, и необозримое царство камышей, и далекий берегъ, и вверху небо, обложенное темными тучами. Куда ни обращался взоръ, онъ упирался въ ровную, одинаковую, не измѣняющуюся темноту. Нельзя было сказать, шла ли лодка отъ берега, или къ берегу, куда тянулся лиманъ и гдѣ было море. Но очевидно тѣ, что сидѣли въ лодкѣ, знали, куда они идутъ, и умѣли ориентироваться среди этой все нивелировавшей ночной тьмы.

Пройдя еще немного, гребцы сложили весла и торопливо стали разбирать и „сыпать“ въ воду сѣти. Утлая съ плоскимъ дномъ и тонкими бортами лодка колыбалась подъ дюжими ногами работавшихъ; сѣти, скользя по мокрому борту, слегка плескались въ водѣ. Когда ихъ спустили, тѣ, что держали веревку, уже чувствовали, какъ что-то тамъ въ глубинѣ стучалось и толкало сѣть, и веревка судорожно дергалась въ рукѣ. Отъ этого у державшихъ торопливо стучало сердце и слегка дрожали руки. Не даромъ эти люди съ такимъ напряженіемъ, переводя дыханіе, озираясь въ чернильной тьмѣ, пробирались по камышевымъ зарослямъ водной пустыни. Одна ночь могла обезпечить имъ жизнь, жизнь самую веселую, пріятную, счастливую на недѣли, на мѣсяцы.

Стали тянуть. Мокрая отяжелѣвшая сѣти тихонько ползли

изъ воды на борта. Темныя фигуры осторожно выбирали трепавшую рыбу и опускали на дно все больше и больше садившейся лодки.

Странный звукъ, точно пискъ проснувшейся птицы или скрипъ желѣза о желѣзо, почудился въ темнотѣ. Рыбаки бросились на дно и лежали, не шевелясь. Неподвижная лодка на водѣ казалась черной тѣнью. Затаивъ дыханіе и чувствуя удары собственного сердца, стали вслушиваться: по-прежнему, смутно вырисовываясь, стояли камыши, вверху чудились темныя тучи и было темно и тихо, но эта темнота и тишина разомъ приобрѣли таинственный, угрожающій характеръ: чувствовалось чье-то незримое присутствие.

Безъ звука, не шелхнувъ камышинки, стали снова выбирать сѣти; лодка садилась все больше и больше.

Откуда-то изъ-за камышей, ярко прорѣзая густой мракъ, блеснулъ огонь, и вслѣдъ почти безъ промежутка грянулъ ружейный ударъ. Въ воздухъ съ удаляющимся свистомъ пронесся какъ бы рой пчелъ. По водѣ донеслись человѣческіе голоса, крики, брань.

— Уходи, ребята... взяли...—донесся изъ темноты чей-то полужадушенный голосъ.

— Руби!..—раздалось на лодкѣ.

Разъ! разъ! Перерубленная топоромъ веревка соскользнула съ борта, и сѣть съ цѣлымъ богатствомъ, сулившимъ всѣ доступныя радости, попла вѣ темную воду.

— Греби!..

Четыре человѣка рвались, какъ бѣшеные. Лодка не плыла, а дергалась скачками, вздымая передъ собой горы невидимой, шумящей въ темнотѣ пѣны. Кругомъ все тревожно встрепелось: опять зашелестѣлъ, заговорилъ камышъ, закричали, захлопали потревоженные утки, заукала выпь; ночь, проснувшаяся и перепуганная, съ-просонокъ заговорила на разные голоса, и кругомъ какъ будто стали обрисовываться неясныя и странныя контуры.

Гребцы откидывались на спину, далеко заноса весла; казалось, вотъ-вотъ лопнуть отъ нечеловѣческаго напряженія мышцы, порвутся связки и, какъ роса, выступятъ на налившихся глазахъ капли крови. Того, отъ чего уходили эти люди, не было видно, но въ темнотѣ слышно было, какъ *оно* нагоняло лодку. Слышно было, какъ кто-то часто, коротко, отрывисто дышалъ—такъ быстро дышать лѣтомъ собаки—и все ближе и ближе слышалось въ ночной мглѣ: xxx-xxx-xxx-xxx... И это приближавшееся по водѣ короткое, прерывистое, торопливое съ металлическимъ

отзвукомъ дыханіе заставляло людей, работавшихъ въ лодкѣ, напрягаться до послѣдней крайности.

— Сто-ой!..

Лодка по-прежнему неслась, какъ бѣшеная. Сидѣвшій на кормѣ Сидоркинъ налегаль на правильное весло, подъ которымъ шумѣла вода. Онъ все яснѣй и отчетливѣй слышалъ приближавшееся дыханіе и, когда раздался грозный окликъ, различилъ позади неясный вырисовывавшійся въ темнотѣ силуэтъ.

— Сто-ой! стой!..

— Пропали!.. выкидай рыбу... да въ камыши...

— Гребите!..—разнесся по всему лиману хриплый оборвавшійся голосъ Ивана, — поддержишься... братцы... не давайся!.. братцы... братцы... братцы!..

Онъ видѣлъ, что лодка была перегружена, но онъ не могъ пожертвовать ни одной рыбиной,—слишкомъ дорогой цѣной напряженія, усилій, риска куплена она была.

Полоса свѣта легла, колеблясь и играя по взволновавшейся, расходившейся поверхности: нагонявшіе поставили фонарь. Иванъ сильно налегъ на кормовое весло,—лодка рванулась въ сторону, вырвалась изъ полосы свѣта и понеслась къ стѣнѣ камышей, даже среди темноты ночи выдѣлявшихся своей густой чернотой.

— Сто-ой!.. стрѣлять буду!..—донеслось сзади.

Опять яркій свѣтъ озарилъ на мгновение воду, небо, камыши, лодку съ рвавшимися на ней рыбаками и нагонявшій ихъ небольшой катерокъ, изъ трубы котораго, какъ торопливое дыханіе, часто выбивался паръ; громъ выстрѣла покрылъ ночные голоса, и надъ лодкой, какъ шмелиный рой, съ жалобнымъ удаляющимся звукомъ пронеслась кучка картечи. Лодка, раздавая направо и налево и ломая камыши, влетѣла въ ихъ сплошную массу. Рыбаки напроломъ стали гнать ее между ложившимся тростникомъ. Сзади раздавался снова выстрѣлъ, и картечь зашлепала по водѣ между камышей.

— Стой, а то всѣхъ перестрѣляю!

Катеръ, шурша полегшимъ камышомъ, пошелъ за лодкой по проложенной ею дорогѣ. Рыбаки, задыхающіеся, обливающіеся потомъ, выбивались изъ послѣднихъ силъ. Впереди смутно обрисовалась чернѣющая громада берега: спасеніе было близко.

Вдругъ лодка мягко ткнулась въ илъ и сразу стала. Рыбаки побросали весла, скользя и спотыкаясь, схватили ружья, положили ихъ на борта и прицѣлились.

— Бей!..

Освѣтились камыши, вода, взволнованныя, склонившіяся къ бортамъ лица, кусокъ берега, набѣгавшій катерокъ, и въ мгно-

венно наступившей темнотѣ треснули выстрѣлы. Пули зацѣпали по трубѣ, по бортамъ катера. Опять освѣтилась вода и, вмѣстѣ съ громомъ залпа, взбудоражившаго весь лиманъ, посыпалась картечь съ катера, который набѣжалъ и ткнулся носомъ въ закачавшуюся лодку.

Ночь, черное небо, темная вода,—все съ испугомъ, съ недоумѣніемъ вслушивалось въ то, что происходило посреди небольшого плеса, потому что происходившее тамъ слишкомъ не вязалось съ ночнымъ спокойствіемъ, тишиной, съ этой теплой лѣтней темнотой, которая неподвижно стояла кругомъ, и въ которой поблескивала вода. Но люди были такъ переполнены взаимнымъ озлобленіемъ, тревогой, близкой опасностью, что не замѣчали этого испуганнаго недоумѣнія, не замѣчали ни этой ночи, ни поблескивавшей въ темнотѣ воды.

Возбужденные, съ короткимъ, отрывистымъ дыханіемъ, они перебирались съ озлобленно шипѣвшаго катера на покорно и виновато колыхавшуюся подъ ногами лодку, гдѣ такіе же возбужденные, съ такимъ же торопливымъ, прерывающимся дыханіемъ люди растерянно метались, пытаясь сбросить за бортъ ружья и патроны. Въ темнотѣ блеснуло обнаженное оружіе.

— Давай сюда ружья!.. давай, дьяволъ, башку снесу!..

— Бери. бери... не держимъ... бери, на!.. забирай!.. мы ничего... не бей!..

— То-то ничего... Давай еще.

— Все... больше нѣту... не бей... что бьешь-то...

— Садись на весла да ѣзжай впереди катера. А тотъ чего лежитъ? Эй, ты, подымайся, а то вотъ садану шашкой,—подымайся.

— Убитый!..

Къ лежавшему въ неестественной позѣ наклонились; это оказался Иванъ. Онъ смотрѣлъ передъ собой въ темноту и ничего не говорилъ; при каждомъ дыханіи въ груди его что-то слегка хлопотало, и рубашка становилась все больше и больше мокрой отъ крови. Его положили болѣе удобно.

— Ну, пошелъ!

Весла опустились и стали пѣвнать и слегка шумѣть водой. Катеръ тихонько пошелъ слѣдомъ, сдержанно дыша, точно чувствуя, что острота борьбы и напряженія кончилась, и наступило что-то печальное и грустное. Кругомъ пропала таинственность лѣтней ночи, просто—было темно, шуршалъ камышъ и плескалась вода.

Сталъ заниматься разсвѣтъ, а когда доѣхали до мѣста, уже поднялось солнце. Оно освѣтило берегъ, рѣку, дальній лугъ, ста-

лицу, небольшой катерокъ у берега и лодку съ заснувшей рыбой, сѣтями и неподвижно лежавшимъ въ ней навзничь человѣкомъ. Лицо его было блѣдно, глаза закрыты, пересохшія губы крѣпко сжаты. Изъ весель и сѣтей устроили носилки, положили на нихъ раненаго и понесли, стараясь идти въ ногу.

.....

Иванъ открылъ отяжелѣвшія вѣки; глаза ввалились, лицо осунулось и постарѣло лѣтъ на двадцать. Пересохшія, воспаленныя губы зашевелились, и онъ проговорилъ, съ усиленіемъ приподнимая брови:

— Ба... тюш... ку...

Въ комнату, куда его внесли, сталъ набиваться народъ, — соѣди, родные, любопытные. Сплюснувъ на стеклѣ губы и носы, прилипли къ окнамъ собравшіеся отовсюду ребятишки. Пришелъ батюшка, маленькій, сѣденькій старичокъ въ потертой рясѣ. Зажгли восковую свѣчку. Батюшка надѣлъ эпитрахиль, выпросталъ волосы, досталъ крестъ. Иванъ лежалъ, глядя въ потолокъ, не произнося ни слова. Батюшка велѣлъ выйти всѣмъ и подошелъ къ нему. Онъ сталъ одинъ за другимъ, не останавливаясь, говорить обычные вопросы, а Иванъ, съ смягчившимся лицомъ, съ проступившими на глазахъ слезами умиленія и покаянія, шепталъ изсохшими губами, приподымая каждый разъ брови: грѣшень, грѣшень, грѣшень.

— Ближняго своего осуждалъ? къ женѣ, къ дѣтямъ былъ несправедливъ? заповѣдей Божіихъ не исполнялъ? опивался, объѣдался? родителей не почиталъ? посты, святою церковью установленные, не блюлъ? праздники Господни нарушалъ?..

— Грѣшень... грѣшень... грѣшень...

— Начальство установленное ослушался и руку поднялъ, — грѣхъ смертный, караемый и въ сей, и въ будущей жизни...

Не успѣлъ батюшка договорить, какъ раненый рванулся, отчаяннымъ усиленіемъ приподнялся, захрипѣлъ, запрокинулъ; кровь обильно побѣжала изъ-подъ перевязки; на губахъ проступила кровавая пѣна; остеклѣвшіе глаза неподвижно остановились. Батюшка приложилъ крестъ къ холодѣющимъ устамъ. Въ комнату съ безумными причитаніями вбѣжала жена Ивана. Всѣ крестились.

— Померъ. Царство небесное.

А. Серафимовичъ.

Очерки текущей русской литературы.

Н а с т р о е н і я.

Одинъ веселый человѣкъ въ „Русскомъ Богатствѣ“ (*NB.* „Русское Богатство“ обзавелось веселымъ человѣкомъ, который даже стихи сочиняетъ) пишетъ:

„Одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ учениковъ въ теченіе какихъ-нибудь 3—4 лѣтъ успѣлъ продѣлать даже и въ области политической экономіи такую быструю эволюцію, которая привела его къ отрицанію главнѣйшей теоремы, можно сказать, аксіомы учителя, служащей точкой привѣса и всей дальнѣйшей могуче выкованной цѣпи дедуктивныхъ положеній. Источникъ стоимости лежитъ не въ трудѣ, по крайней мѣрѣ не въ одномъ трудѣ,—такъ говоритъ г. Струве. Что сказали бы раньше ученики, если бы кто-нибудь изъ насъ осмѣлился сдѣлать такое предположеніе? (*NB.* Правда, почему было не попробовать?) Но вѣдь признаніе способности производить стоимость не за трудомъ только, а капиталомъ, за машинами, за природой было сдѣлано чуть не четверть вѣка тому назадъ г. Жуковскимъ, а недавно г. Слонимскимъ. Спрашивается, за какой же наукой приходится идти недоумѣвающему читателю, да что!—всей находящейся въ замѣшательствѣ русской интеллигенціи, когда наша доморощенная наука марксизма разбилась на столько направлений, сколько есть учениковъ, и напоминаетъ знаменитыхъ крокодиловъ въ одномъ англійскомъ анекдотѣ, крокодиловъ, которые на глазахъ изумленнаго путешественника съѣли другъ друга цѣликомъ, за исключеніемъ хвостовъ? А что, какъ не хвосты, представляютъ изъ себя обрывки когда-то гордыхъ утвержденій, что русскій марксизмъ призванъ освѣтить нашу умственную и общественную жизнь, удовлетворить нашимъ насущнымъ и (?) идейнымъ потребностямъ,—

„На проклятые вопросы

Дать отвѣты намъ прямые“ („Р. Б.“ XII, стр. 139).

Больше всего, конечно, меня по чувству альтруизма радуетъ торжествующій тонъ этихъ строкъ. Автору ихъ очевидно вышло „исполненіе всѣхъ желаній, каменный домъ и невѣста изъ сосѣдняго лабаза“,—какъ говорятъ гадалки, и ему остается лишь *danser, aimer et voir sec*. На самомъ дѣлѣ: отъ марксизма остались одни хвосты, ученики пожрали другъ друга и все же не стали отъ этого толще, г. Струве сошелся съ г. Слонимскимъ. Веселый человѣкъ изъ „Русск. Бог.“ (г. Подарскій) воображаетъ себя Сципіономъ Африканскимъ Младшимъ на

развалинахъ Карагена, но совсѣмъ уже не по-сципіоновски приплясываетъ и напѣваетъ:

„Мчатся, сшиблись въ общемъ крикъ...
Посмотрите, каковы:
Барановскій ужъ на пикѣ,
А Туганъ безъ головы!“

Но собственно г. Струве и Туганъ-Барановскій упомянуты такъ, только для полноты картины. Главною мишенью нападокъ и остроумія веселаго человѣка являюсь я, вашъ покорный слуга Андреевичъ, и, конечно, льщу себя надеждой, что съ веселымъ человѣкомъ я поговорю по-веселому тожъ. Но сегодня мнѣ совсѣмъ не хочется уклоняться въ сторону отъ взятой темы и стану разсуждать по-серьезному.

Что такъ назыв. марксизмъ, русскій марксизмъ, „раскололся“ на нѣсколько направленій,—это фактъ. Кто этихъ направленій насчитываетъ два (ортодоксальное и критическое), кто три (ортодоксальное, критическое и этико-идеалистическое), кто—быть можетъ—четыре, а кто и цѣлую дюжину, и спорить противъ этого нечего. Но, думается, г. веселый человѣкъ могъ бы повременить немного и съ своими куплетами, и съ позой Сципіона Африканскаго Младшаго. Ибо, когда и гдѣ происходило дѣло иначе? Не смѣю причислять г. Подарскаго къ людямъ, незнакомымъ съ учебникомъ всеобщей исторіи Иловайскаго, почему безъ всякой ссылки на историческіе факты скажу ему, что партійность, сектанство, разслоеніе, „хвосты“, какъ онъ выражается, неизбѣжны и необходимы во всякой доктринѣ, созданной умомъ человѣческимъ. Развѣ, спрошу я дальше, народничество представляло изъ себя нѣчто единое? Развѣ группы „Отечественныхъ Записокъ“, почвенниковъ и народниковъ-государственниковъ, не говоря уже о другихъ, представляли изъ себя нѣчто единое? Развѣ народники столковались хотя бы по существеннѣйшимъ своимъ вопросамъ, напр., по вопросу, кого считать за народъ, или надо ли руководиться мнѣніями или интересами народа? „Отнюдь“ и даже—увы! Эти вопросы они задали себѣ да такъ и передали нерѣшенными благодарному потомству.

Есть простой соціологическій законъ, который гласитъ, что всякая идея переживаетъ два фазиса существованія своего—критическій и органическій. Въ критическомъ ея фазисѣ ея сторонники выказываютъ единодушіе, въ органическомъ—раскалываются на секты, партіи и т. д. По этому поводу на страницахъ „Жизни“ было уже разъяснено слѣдующее:

„Всякая новая идея, воплощаясь въ жизни, играетъ двойную роль—отрицательную и положительную. Идея справедливости, равенства, братства, святости человѣческаго достоинства, кѣмъ бы она ни принималась, кого бы и когда она ни вдохновляла,—не могла встать въ противорѣчіе съ крѣпостнымъ правомъ, отрицая его всплощную. На этомъ отрицаніи должны были сойтись, и дѣйствительно сошлись, люди самыхъ различныхъ настроеній, самой противорѣчивой окраски—и тѣ, кто былъ воспитанъ на Сень-Симонѣ, Руссо и Жоржъ Зандъ, и тѣ, кто вдохновлялся нѣмецкимъ идеализмомъ, и просто честные люди, знавшіе и видѣвшіе жизнь во всей ея неприкрашенной наготѣ.

Тутъ элементъ будущаго разногласія незамѣтенъ, если онъ и различимъ, то лишь въ чисто субъективной окраскѣ отрицанія—большей или меньшей его страстности, большей или меньшей примѣси злобы, ненависти или добродушія, которымъ оно сопровождалось. Люди видѣли то же самое, но совѣмъ сквозь разныя стекла. Были страстные, пожалуй, отрицатели, которые все же не могли забыть прелести старопомѣщичьей жизни и густолиственныхъ кле-новъ аллей, и черноглазой младшей дочки и все же не безъ вздоха вспоми-нали объ этомъ исчезнувшемъ или, по крайней мѣрѣ, исчезающемъ про-шломъ, въ которомъ имъ до конца правились и патріархальность отношеній, и гордые дворянскіе характеры. Но очевидно, что ничѣмъ такимъ ни Рѣшетни-кова, ни Добролюбова, ни Чернышевскаго подкупить было нельзя. Это люди—люди другого слоя, другихъ жизненныхъ внушеній: ихъ ненависть была дѣйстви-тельно неподкупна; это была органическая ненависть, безъ всякихъ усту-покъ, и все, принадлежавшее къ крѣпостному праву, всѣ его орудія пытки вызывали только краску негодованія, краску гнѣва, краску святого гнѣва на лицѣ. Вы знаете, что писалъ Добролюбовъ о розгѣ, и напоминать объ этомъ нечего, а скажите, почему же это такъ вышло, такъ случилось, что Юр. Са-маринъ, этотъ, вѣроятно, честнѣйшій и благороднѣйшій человекъ, высказался въ палинскомъ комитетѣ *за розгу* въ крестьянскомъ обиходѣ? Почему?

Вы скажете, конечно, что это мелочь.

Нѣтъ, это не мелочь и все дѣло въ томъ, что идея въ своемъ отрицаніи можетъ и не имѣть (особенно при подражательномъ характерѣ общественнаго развитія) ясно выраженныхъ сословныхъ симпатій, но этотъ характеръ всегда обнажается, когда идея начинаетъ играть созидающую и построятельную роль. Все тайное становится тутъ явнымъ и самыя широкіе этическіе принципы оказываются въ необходимости прибѣгать къ дѣйствию и содѣйствію исклю-чительныхъ законовъ. Въ этомъ проявляется, быть можетъ, та психическая особенность каждаго изъ насъ, что разставаться съ приятнымъ прошлымъ все же легче, чѣмъ обрывать себя на непріятное будущее“.

Сказано это было по другому поводу, но очень подходит и къ настоящему случаю. Ну да. Критическій фазисъ своего развитія такъ наз. марксизмъ про-жилъ (по отношенію къ доктринѣ народничества), но въ этомъ критическомъ его періодѣ подъ тѣмъ же знаменемъ, ничуть не кривя душой и ничѣмъ изъ своего не поступаясь, могли народиться разные люди. Ближайшія цѣли были тѣ же самыя, и эти ближайшія цѣли объединяли. Но нельзя же въ самомъ дѣлѣ всю жизнь только тѣмъ и заниматься, что критиковать народничество, да еще и еще критиковать его. Какъ ни крѣико народничество, оно все же не „турокъ“: при-шло отъ критики перейти къ построенію и сдѣлать попытку дать общія послылки для философскихъ, этическихъ, юридическихъ и т. д. ученій, словомъ, создать систему, и не расколоться при сей вѣрной оказіи заачило бы предста-вить изъ себя группу умственныхъ кастратовъ, а не мыслящихъ людей. Затаен-нѣйшія симпатіи, настроеніе, словомъ, всѣ субъективные, волевые элементы мыш-ленія выступили на сцену, потому что рѣчь пошла уже не только о томъ, что *есть*, т. е. развивается ли капитализмъ или нѣтъ, а о томъ, чего человекъ *хо-четъ*... „Желанія же, по словамъ Будды, многообразны, какъ миражи пустыни“.

Г. Подарскій не только радуется расколу, но и ставитъ его на минусъ рус-скимъ ученикамъ. Но если бы онъ спросилъ себя, когда и гдѣ не бываетъ рас-

кола, онъ бы легко перемѣнилъ минусъ на плюсъ и вмѣсто веселенькихъ стишковъ вспомнилъ бы что-нибудь героическое:

„Врагъ растерзалъ себя... Растерзанный лежитъ.

Но мнѣ что проку въ томъ, коль самъ-то я убитъ?..“

Впрочемъ, о растерзаніи не можетъ быть пока и рѣчи. Было *castigatio amicalis*, иногда даже очень нервное и возбужденное, было желаніе на самомъ дѣлѣ порѣшить съ вопросомъ, который, по картинному выраженію г. Подарскаго, служить „точкой привѣса всей дальнѣйшей могуче выкованной цѣпи дедуктивныхъ положеній“—и вопросомъ дѣйствительно въ высшей степени трудномъ и сложномъ,—были, наконецъ, сдѣланы попытки выйти изъ области спеціального вопроса: „какъ и въ какой мѣрѣ развивается капитализмъ въ Россіи“—и положить начало системѣ съ точки зрѣнія извѣстнаго принципа, охватывающей всю совокупность человѣческой психики и его общественныхъ отношеній. Рѣшительно не понимаю, почему г. Подарскій не впалъ въ восторженный тонъ? Онъ могъ бы вспомнить Ломоносова, его мечты о Платонахъ и Невтонахъ, указать на смѣлость и даже дерзость молодой русской мысли, берущейся за труднѣйшіе и центральнѣйшіе вопросы,—мысли, не желающей успокоиться на догмѣ, а заподозривающей, критикующей, ищущей, добирающейся до корней и нитей. Неужели можно нарисовать себѣ болѣе отрадную картину? И г. Подарскій могъ бы прибавить къ этому большое вниманіе къ полемикѣ о цѣнности, несомнѣннѣйшее стараніе читателя, того самаго читателя, надъ которымъ еще такъ недавно ставили крестъ, разобраться въ этой задачѣ, а вмѣсто этого онъ проливаетъ о немъ горькія слезы: „За какой же наукой прикажете идти недоумѣвающему читателю?“—патетически восклицаетъ онъ. Ахъ г. Подарскій, г. Подарскій! Неужели вы не знаете, изъ какого лагеря выходили всегда соболѣзнованія о томъ, что журналисты своими полемиками и контроверсами только путаютъ читательскія головы и лишаютъ читательскія сердца ихъ блаженной невинности? Не можете вы этого не знать, потому что сами же вы говорите, что тридцать лѣтъ состояли скромнымъ провинціальнымъ дѣятелемъ. Если же это такъ, то вамъ не можетъ оставаться неизвѣстнымъ средство, считающееся до сей поры наилучшимъ для предотвращенія полемикъ и контроверзъ и сопровождающаго ихъ волненія умовъ. Это средство—не подвергать ничего обсужденію, и тогда полемика немислима. Это средство въ крайнемъ своемъ выраженіи было бы еще проще—взять и сжечь всѣ книги, тѣмъ болѣе журналы, и ограничиться лишь „Сенатскими Вѣдомостями“ да извѣстіями де-сянсь Академіи насчетъ новыхъ раскопокъ въ Сузіеннѣ. Когда вамъ говорятъ на самомъ дѣлѣ, что „новѣйшія раскопки въ Сузіеннѣ существенно расширили горизонтъ археологическихъ познаній относительно царства Эламскаго“—о чемъ тутъ спорить? Но вопросъ о томъ, что создаетъ цѣнность, затрагиваетъ такія интимныя и важныя стороны человѣческаго духа и жизни, что было бы смѣшно и позорно рѣшать его путемъ декретовъ.

Впрочемъ, я думаю, что г. Подарскій самъ первый бы отказался отъ необходимыхъ, при его точкѣ зрѣнія на вещи, выводовъ. Я предлагаю смѣлую ги-

потезу: г. Подарскій, по веселости своего характера, взялъ да и сболтнулъ, а что собственно сболтнулось—это ему и самому невдомекъ.

Настроение г. Подарскаго, значить, торжествующее по тому случаю, что крокодилы-марксисты сами себя пожрали, оставивъ лишь одни хвостики для угощения „Русскаго Богатства“ должно быть. Есть, значить, надежда во всей его цѣлости и неприкосновенности возстановить міросозерцаніе 60-хъ и 70-хъ годовъ или, по крайней мѣрѣ, возвратитъ ему кредитъ. Что же, пусть старается, хотя зачѣмъ тревожить мертвецовъ и изъ остатковъ прошлаго дѣлать себѣ реликвіи? Мертвецы похоронены, но не забыты и не забыты нами столько же, сколько и г. Подарскій, какъ бы онъ этого ни отрицалъ. Все, что было хорошаго, справедливаго, соотвѣтствовавшаго дѣйствительности въ ихъ міросозерцаніи—все это вошло органическимъ звеномъ въ міросозерцаніе позднѣйшихъ поколѣній, и за это мертвымъ вѣчная слава, но возвращаться къ плъ вѣровааніямъ, ихъ надеждамъ и упованіямъ, ихъ ошибкамъ—это напрасно.

Нечего гнѣвить Провидѣніе—надеждъ, упованій и *ошибокъ* у насъ достаточно и своихъ собственныхъ. Остановлюсь поэтому ненадолго на книгѣ г. Бердяева „Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи“. Въ этой книгѣ сильно и ярко настроеніе, поэтому она какъ нельзя лучше подходитъ къ моей темѣ.

Отчасти я согласенъ съ тѣмъ, что говорить объ этой книгѣ П. Струве въ своемъ предисловіи къ ней:

„Съ чувствомъ большого удовлетворенія, — пишетъ г. Струве, — я прочелъ предлагаемую читателямъ книгу Н. А. Бердяева. Прежде всего она знаменуетъ въ нашемъ направленіи умственную жизнь и критическое движеніе, противопоставляющіяся духовной смерти и догматическому застою. Но у автора цѣнна не одна только критическая мысль: у него съ критической мыслью стройно сочетается и душевный подъемъ, рождающій вѣру и энтузіазмъ. Въ силу этого счастливаго сочетанія критика не осуждена на практическое безплодіе, не сверлитъ душу и не разрушаетъ ея энергія, а порывъ вѣры и энтузіазма не слѣпнотъ умственного взора“. Во всякомъ случаѣ мнѣ кажется, что у г. Бердяева гораздо больше вѣры и энтузіазма, чѣмъ критической мысли, совсѣмъ странно соединяющей Маркса и Энгельса съ профессоромъ Картевымъ и совсѣмъ плохо разобравшейся въ Кантѣ—до того плохо, что самъ же г. Струве считаетъ нужнымъ на страницѣ 111-й своего очень лестнаго вообще для автора предисловія замѣтить: „Я вообще не понимаю, какъ можетъ Бердяевъ, стоя на почвѣ апіоризма и идеализма, отмахиваться отъ метафизики трансцендентнаго! Неужели признаніе нравственнаго міропорядка, этой, какъ прекрасно выражается Бердяевъ, религіозной идеи, не есть метафизика трансцендентнаго?“ Мы тоже этого не понимаемъ и думаемъ, что критическая мысль Бердяева работала безъ достаточной провнцательности. Еще меньше понимаемъ мы, какъ критическая мысль, знакомая съ Кантомъ, могла дойти до такихъ, напр., изреченій: „Различіе между худшимъ и лучшимъ, между

добротъ и зломъ дано а priori нашему трансцендентальному сознанию; *мы сами* вносимъ въ историческій процессъ регулятивную идею общеобязательной цѣли и на этомъ *незыблемомъ* (?) основаніи санкціонуемъ его, какъ прогрессъ. Человѣкъ, какъ самоцѣль, царство человѣчности, человѣческой силы и сознательности—вотъ наша путеводная звѣзда. Истинность этой идеи не можетъ быть доказана, какъ не можетъ быть доказана всеобщая примѣнимость принципа причинности; но безъ этого априорнаго принципа мы были бы нравственно слѣпы не умѣли бы отличить въ окружающей насъ жпзни справедливаго, человѣчнаго и прогрессивнаго отъ несправедливаго, безчеловѣчнаго и реакціоннаго“. Дальше еще лучше: „Возможность нравственной оцѣнки и нравственной отвѣтственности основана на психической причинности воли“, съ чѣмъ г. Бердяевъ согласенъ,— съ чѣмъ я его и поздравляю; для меня только не ясно, при чемъ тутъ историческое мышленіе Маркса и Энгельса и критицизмъ Канта? Это эклектика проф. Карѣва и ничего больше, даже буквально его собственные слова. Кантъ же говоритъ, конечно, и о моральномъ законѣ внутри человѣка, говоритъ еще больше—о Богѣ, безсмертіи души и свободѣ воли, но относитъ все это къ міру умопостигаемому, въ мірѣ же реальномъ человѣческое творчество онъ уподобляетъ „творчеству“ бобровъ, устранивающихъ хвостами свои города. При чемъ же тутъ свобода воли? Вообще при внимательномъ чтеніи Канта Бердяевъ могъ бы въ концѣ „Критики практическаго разума“ натолкнуться на такое, напр., любопытное замѣчаніе: „Мораль (т. е. проповѣдь марала) начинается съ благороднѣйшаго свойства въ моральной природѣ, развитіе и культура котораго направлены на безконечную пользу, и *окаичивается мечтательностью и суевѣріемъ*“ (переводъ Соколова, стр. 192). Мечтательности и суевѣрія у Бердяева очень много, такъ что замѣчаніе Канта могло бы ему пригодиться. Вообще, мы не понимаемъ, какъ, говоря о „Критикѣ практическаго разума“, забываютъ, что это *чистый* практической разумъ, т. е. воля въ ея метафизическомъ — трансцендентномъ — представленіи, а не въ исторической дѣйствительности, и что послѣ Канта никакихъ априорныхъ допущеній иначе какъ съ цѣлью „геометрическихъ“ построеній дѣлать нельзя, что Кантъ, пожалуй, разъ навсегда перевелъ наше мышленіе на дорогу относительнаго и историческаго, механическаго, а не автономнаго. Тутъ уже область метафизики, вѣры, религіи, и, дойдя до нея, Бердяевъ пугается, отступаетъ и, по призыву многихъ нашихъ марксистовъ, не договаривая многого, упраздняющаго марксизмъ, заявляетъ о своихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ къ Марксу и Энгельсу...

Но мечтательность и суевѣріе Бердяева—хорошаго порядка, и основанія его молодой вѣры—правильныя. Смѣшно оно, конечно, въ наше время говорить, что вся исторія, всѣ общественныя отношенія сводятся къ психическому взаимодействию между людьми, т. е. повторять мысль проф. Карѣва, давнымъ-давно опровергнутую даже въ русской наукѣ—въ трудахъ Бельтова, Львова, Салтыкова, еще смѣшнѣе говорить объ априорномъ различіи между зломъ и добромъ, когда мы знаемъ, что каждая историческая эпоха знала *свое* доброе и *свое* злое,—о чемъ можно справиться хотя бы у Waitz'a или, что проще, у Летурно,—и совсѣмъ уже смѣшно

говорить одновременно о *классовых* основаниях морали и декретировать нравственную ответственность *отдельного* человека,—но все это ничуть не мѣшает намъ видѣть въ книгѣ Бердяева знаменіе времени. Почему, на самоѣ дѣлѣ, свой несомнѣнный вдумчивый талантъ Бердяевъ такъ рѣшительно направляетъ на разрѣшеніе вопросовъ нравственности, вопросовъ, которые не малое и ближайшее къ намъ время подвергались суровому остракизму? Вы скажете, быть можетъ, что направляетъ онъ ихъ неудачно. Пусть такъ, но беру аналогичный фактъ изъ исторіи нашей литературы и умственной жизни. Въ 1847 г. появилась повѣсть Григоровича „Деревня“. Неудачнѣ чего-нибудь въ художественномъ отношеніи трудно себѣ и представить, а между тѣмъ какую пертурбацію умовъ, какое волненіе чувства вызвала эта во всѣхъ смыслахъ неудачная вещь! Вспомнивая о ней, Щедринъ говоритъ и о лучѣ свѣта, и о струѣ свѣжаго воздуха, и еще о другихъ пріятныхъ обстоятельствахъ. А сами по себѣ и „Деревня“, и „Антонъ Горемыка“ — произведенія низкопробнѣйшія. Не думаю, разумеется, чтобы книга Бердяева сыграла такую же роль, потому что время теперь другое, и мы умственно безконечно богаче людей сороковыхъ годовъ,—но во всякомъ случаѣ я думаю, что суровый приговоръ г. Васильева („Жизнь, т. XII. 1900 г.) о ней и ея ненаучности крайне односторонень.

Вѣра,—говорять,—горами двигаетъ. Посмотримъ же, какими горами двигаетъ вѣра Бердяева.

„Выше мысли Канта о чловѣкѣ, чловѣчествѣ, какъ самоцѣли, которая даетъ нравственную санкцію всему остальному и сама не нуждается ни въ какой (?) санкціи, чловѣческое сознаніе никогда не поднималось. Кантъ есть настоящій основатель *религии чловѣчества*“ (стр. 74). Но „идея чловѣческаго, чловѣка, какъ самоцѣли, не врождена психологическому сознанію людей; сплошь и рядомъ находятся въ немъ цѣли совершенно противоположныя, идеалы, проповѣдующіе безстыдное насиліе надъ чловѣческой личностью и издѣвающіеся надъ святостью ея чловѣческаго достоинства. Къ этой вѣчной идеѣ нравственнаго блага чловѣчество приходитъ *лишь путемъ соціального прогресса*“. „Нравственность, абсолютная по содержанію, стоитъ въ концѣ прогресса, какъ его вѣчно осуществляющаяся цѣль“, а каждую данную эпоху „историческо-прогрессивный авангардъ общества непремѣнно работаетъ надъ повышеніемъ цѣнности чловѣка и ведетъ его къ сознанію абсолютной справедливости“. Присоединяясь всей душой къ историческому авангарду современной эпохи, Бердяевъ вѣрять, что работа авангарда не пропадетъ даромъ, и смѣло говорить о своемъ оптимизмѣ. Право на это даетъ ему то соображеніе, что тенденція соціального развитія совпадаетъ со стремленіями авангарда. „Сдѣлалось избитой истиной,—говоритъ онъ,—что буржуазія XVIII вѣка, третье сословіе, отождествлявшееся въ тѣ времена съ народомъ, имѣла великую прогрессивную миссію. что ея историческое дѣло было дѣломъ общечловѣческимъ. Пламенная вѣра мыслителей просвѣщенія и дѣятелей великой революціи въ то, что они служили чловѣческому прогрессу, не была только субъективной иллюзіей, какъ это часто приходится слышать,—она заключала въ себѣ большую долю истины. Эти люди

дѣйствительно служили человѣчеству, и если ихъ работа способствовала расцвѣту общества съ рѣзкими классовыми антагонизмами, то это только потому, что часть существованія съ противоположными интересами еще не пробилъ въ это время. Въ медовый мѣсяць своей исторической жизни буржуазія создала идеологию, передъ которой нельзя не остановиться въ удивленіи "... Въ нашъ вѣкъ декорация исторической сцены переимѣнились. Прогрессивныя силы прошлаго вѣка сдѣлались реакціонными... Выдвигаются новыя силы, въ которыхъ концентрируется все прогрессивное, все жизненное, все, что имѣетъ будущее. Въ современномъ обществѣ существуетъ авангардъ, поставленный въ *наибольше благоприятныя условія для объективнаго познанія*"... Мало того, у этого авангарда, и стремленія, и идеалы котораго согласуются съ тенденціей соціального развитія, мы замѣчаемъ *тождество свободы и необходимости*. Историческій прогрессъ представляетъ собою торжество человѣческой свободы, такъ какъ каждая человѣческая эпоха въ своихъ прогрессивныхъ общественныхъ слояхъ есть, по сравненію съ предшествовавшей, шагъ впередъ въ ростѣ человѣческаго могущества и сознанія въ *освобожденіи* человѣка". Что такое свобода? Свобода есть психологическое сознаніе людей, дѣйствующихъ по желаніямъ и стремленіямъ своего „я“, по своей волѣ. Но сознавать себя свободнымъ, дѣйствовать по своей волѣ можетъ только тотъ общественный классъ, воля котораго приспособлена къ требованіямъ соціального прогресса. Необходимость однихъ выбрасываетъ за бортъ жизни, другимъ обѣщаетъ побѣду,—только вторые могутъ чувствовать себя свободными, первые же чувствуютъ ужасающую зависимость отъ силы, въ ихъ психики лежащей! „Человѣкъ дѣйствительно сознаетъ себя свободнымъ въ своей дѣятельности только тогда, когда необходимость благосклонна къ его идеалу. Человѣкъ обрѣтаетъ свою свободу не въ противоположеніи своей волевой активности историческому процессу, а въ слияніи съ его прогрессивными тенденціями, въ приспособленіи къ нимъ“ (117, 118, 119 л. с.).

Настроеніе, тонъ Бердяева важнѣе его мыслей, потому что эти мысли общезвѣстны и—еще немного—они станутъ прописными. Мнѣ лично какъ нельзя по душѣ это молодое одушевленіе, хотя у меня и рябитъ нѣсколько въ глазахъ отъ изобилія цвѣтовъ на фигурѣ „прогрессивнаго авангарда человѣчества“, отъ громкихъ словъ: „святой“, „абсолютный“, „религія“, „совершенный“, которыми пестрятъ страницы книги. Чувствуется подъемъ духа, восторженность, но не такая, которой суждено разсѣяться въ междупланетномъ пространствѣ, а такая, которая и здѣсь, на землѣ, найдетъ точку приложенія своей силы. Это талантливая побѣдная пѣснь, а не только претензія на нес, и, разумеется, если бы мое это было дѣло говорить о фактахъ современности, мнѣ ничего не стоило бы подтвердить ими свои слова.

Десять лѣтъ тому назадъ книга Бердяева была бы совершенно невозможной, и вспоминая о томъ, что дѣлалось 10 лѣтъ тому назадъ, я переживаю самыя отвратительныя минуты. Какъ о какомъ-нибудь событіи, говорилъ о новомъ ругательномъ фельетонѣ Буренина и больше, кажется, не говорили ни о чемъ. Даже лучшіе люди

становились скептиками и пессимистами, сами превосходно чувствуя и сознавая, что ни скептицизмомъ, ни пессимизмомъ жить нельзя, что въ пессимизмѣ особенно есть что-то безобразное и уродливое, отъ чего естественно и неизбежно бѣжать здоровая мысль человѣка, потому что, очевидно, люди хотятъ жить и чувствовать радость бытія, а не только готовиться къ смерти. Но не за что было ухватиться, совѣмъ не за что. На самомъ дѣлѣ, какіе были крупнѣйшіе факты литературы? Проповѣдь Толстого, навѣянная, по его собственному откровенному признанію, ужасомъ приближавшейся могилы, странные болѣзненные напѣвы нашихъ символистовъ и декадентовъ, эстетическій нигилизмъ Мережковского, пессимизмъ Минскаго, а потомъ ниже—цинизмъ и цинизмъ, полное торжество „Новаго Времени“, ночная разнузданность „Гражданина“, самодовольная тупость „Сѣвернаго Вѣстника“. Молодежь молчала или издавала подъ редакціей г. Сигмы (!) такіе сборники, что, право, лучше было бы. *чище* даже совершенно не издавать ихъ. Единственная попытка обобщить настроеніе *хорошихъ* людей того времени принадлежить Эртелю, и онъ создалъ, лучше сказать, напѣтилъ типъ „нѣтовца“—Бучнева, не привившійся, впрочемъ, къ литературѣ. Бучневъ—докторъ, не признающій медицины. „Безцѣльность всего сущаго“ омрачила все его существованіе, подрѣзала крылья всякому его порыву, обратила его самого въ ненужнаго, страннаго, безцѣльнаго человѣка. Когда тоска начинаетъ слишкомъ глотать его сердце—онъ заливаетъ на нѣсколько дней и нѣсколько этого не стѣсняется, какъ не стѣсняется вообще ничего. Не зная, гдѣ, въ чемъ правда, онъ предпочитаетъ, обыкновенно, молчать, чтобы не сказать жи, къ которой у него есть органическое отвращеніе. Онъ одѣвается скверно и сѣро, живетъ сѣро и скучно, тянетъ свое существованіе Богъ знаетъ для чего и зачѣмъ и если старается о чемъ, то о томъ лишь, чтобы жизнь не тревожила его, не вызывала его ни на бой, ни на примиреніе. По складу своего ума и характера онъ принадлежить къ интеллигентной „нѣтовщинѣ“. Нѣтовщина—это не нигилизмъ, раздражавшій нашихъ папашъ и мамашъ. Нигилизмъ—активенъ. Онъ хочетъ разрушать. Онъ гордится собою и своимъ пустымъ глубокомысліемъ. Онъ ищетъ схватокъ и боя. Онъ молодъ, ему надо расправить свои руки. Онъ пропагандируетъ, онъ конспирируетъ и пр. У него все же есть какая-то вѣра въ науку, въ разумъ, въ рѣзаніе лягушекъ. Нигилизмъ—протестъ противъ догмы, противъ общепризнаннаго; онъ еще вѣжливъ. „Нѣтовщина“ пошла дальше. „Не приемлемъ, ничего не приемлемъ“—вогъ ея формула. Ни человѣческаго разума, ни прогресса, ни завоеваній науки, ни произведеній искусства она не признаетъ. Мрачная, дикая мысль, что все пусто, все ничтожно, лежитъ въ ея основаніи. Она ничего не одобряетъ, ничего не бранить—къ чему? Унылая, скучная, сидитъ она неподвижная и безмолвная, быть можетъ, забывшаяся въ своей собственной гордынѣ, быть можетъ, затерявшаяся въ собственномъ ничтожествѣ. Она—пассивная оппозиція всему существующему и принадлежить къ партіи „не приемлемъ“, потому что самый источникъ жизни пзсякъ въ его душѣ.

Страшно и скучно было жить въ тѣ дни. Заѣдали мелочя жизни: онѣ, какъ

саранча, нападали на душу человѣка и обращали ее въ голое мѣсто. Разставшись съ своимъ народническимъ міросозерцаніемъ, его иллюзіями и его одухотворяющей вѣрой, интеллигенція совершенно растерялась. Мелочи жизни завладѣли ею, и не было ничего вокругъ, ничего обобщеннаго, никакой исторической идеи, которая позволила бы человѣку встряхнуться. Уходили въ себя, въ жизнь своего больного сердца, копались въ нежъ и докапывались обыкновенно до чего-нибудь отвратительнаго; уходили въ свою карьеру; при полной потерѣ вкуса къ идейной жизни все представлялось сѣрымъ, ненужнымъ, скучнымъ.

„Нѣтовщину“ и тоску взяли себѣ лучшіе люди. Они взяли себѣ невѣріе въ жизнь и человѣка, невѣріе въ самихъ себя и смотрѣли на себя, какъ на обреченныхъ. Такъ смотрѣли на себя герои Чехова. Этотъ огромный талантъ, честь и гордость нашей молодой литературы, не избѣгъ да и не могъ избѣжать тлетворнаго вліянія сѣрыхъ и тусклыхъ дней, среди которыхъ прошла его молодость. Въ основѣ его міросозерцанія лежитъ невѣріе въ жизнь, ея, возрождающія силы, лежитъ ужасъ передъ сложностью и огромностью стихійныхъ явленій бытія, среди которыхъ бѣдный маленькій человѣкъ запутался, какъ муха въ паутинѣ. Жестоко, беспощадно и все-таки ненужно давить могучая жизнь—какое-то кровожадное чисто восточное божество—надежды, порывы, мечты и силы людей. И онъ описываетъ намъ усталыхъ и измученныхъ людей, утратившихъ всякій вкусъ къ жизни, или людей съ чуднымъ сердцемъ, отдавшихъ себя цѣликомъ бессмысленному подвигу. Ненужная злоба и ненужная жестокость, ненужный трудъ и бессмысленная работа, ненужное самопожертвованіе и бессмысленные подвиги—объ этомъ говорить намъ Чеховъ. И онъ видитъ, что выхода нѣтъ. Напуганный этимъ, онъ обращается къ человѣческому сердцу, онъ хотѣлъ бы, чтобы кто-нибудь „каждый день, каждый часъ стучалъ въ дверь къ счастливому человѣку и напоминалъ ему, что есть несчастные, много несчастныхъ вокругъ“,—но сердце человѣка молчитъ, и въ жизни торжествуютъ мелочные злобные люди, торжествуютъ хищники.

А ниже, говорю я,—цинизмъ. Цинизмъ патріотизма и націонализма, травля евреевъ, травля поляковъ, травля ивродцевъ вообще, наглое хвастовство своимъ цинизмомъ и своей откровенностью, господство мелочей, дни Суворина, Буренина и Сигмы, ликующій смѣхъ, злоба жизни и развратъ мысли...

Ну кто, напр., повѣритъ, что въ тѣ дни и еще сравнительно такъ недавно либеральный журналъ приглашалъ нашу молодежь давать такую клятву:

„Находясь въ счастливѣйшей порѣ человѣческой жизни, когда вѣрятъ въ добро, людей и себя, принадлежа къ цвѣту и надеждѣ моей бѣдной, отстающей, но любимой родины, я, студентъ, имя-рекъ, обѣщаюсь и клянусь именемъ ея блага, моей молодости и силами науки, мнѣ преподаваемой и осмысливающей,—въ теченіе всей моей жизни, которая будетъ посвящена, по всей вѣроятности, чиновничьей службѣ, такъ какъ девяносто процентовъ студенчества идетъ въ чиновники,—взятокъ не брать, въ карты не играть, не пьянствовать, у начальства не подслуживаться, прочихъ сослуживцевъ не интриговать, дѣло, мнѣ порученное, понимать, исполнять его быстро и добросовѣстно по мѣрѣ силъ моихъ и разумѣнія“.

Кто, дальше, повѣритъ, что въ своемъ студенческомъ сборникѣ молодежь давала такое вотъ опредѣленіе любви:

„Такъ вотъ что значить любовь. Это значить цѣловать въ засосѣ, нервно дрожать отъ испытываемаго при этомъ наслажденія, воображать пышную грудь, полныя руки, бѣлыя плечи... Все это я видалъ у матери, у сестеръ, и все это до сихъ поръ не останавливало моего вниманія, а въ этомъ-то и заключается главное, что содержитъ въ себѣ любовь“.

Я беру, конечно, факты случайные, отрывочные. Миѣ некогда приводить ихъ въ систему и распределять по рубрикамъ.

Есть люди, обладающіе всѣмъ подобіемъ человѣка: они и смѣются, и плачутъ, и ликуютъ, и грустятъ, но все это выходитъ у нихъ невпопадъ и не къ мѣсту. Про нихъ сочинена даже сказка, герой которой—молодой человѣкъ, очень добрый и даже добродѣтельный—терпитъ, однако, всякія поношенія отъ людей, потому что на похоронахъ онъ кричитъ: „носить вамъ—не переносить“, а на свадьбѣ плачетъ. Такимъ, въ сущности, молодымъ человѣкомъ оказывается и г. Подарскій. Къ новому направленію онъ долженъ былъ бы отнестись совершенно иначе, если бы вспомнилъ, что оно смѣнило не міросозерцаніе 60—70-хъ годовъ, а совсѣмъ другое—тоскливое, нѣтовское, декадентское и циничское міросозерцаніе 80-хъ.

Г. Подарскій радуется расколу, не понимая, что этотъ расколъ и есть доподлинное свидѣтельство жизнеспособности, что не будь его, было бы сектантство, неплюевское братство, даже маляевщина, была бы мерзость заустѣнія, была бы группа „дурачковъ во Христѣ“, какъ и называли себя послѣдователи Савароллы.

Г. Подарскій груститъ объ участи читателей, которые не знаютъ, за какой наукой имъ идти—за наукой ли Маркса, или Бернштейна, и груститъ совершенно невпопадъ и не о томъ, о чемъ слѣдуетъ. Я не думаю, чтобы читатель, къ услугамъ котораго не только русская журналистика, но и богатѣйшая иностранная литература, все выдающееся изъ которой немедленно же является на русскомъ языкѣ, былъ уже такимъ несчастнымъ человѣкомъ, который ни въ чемъ бы не умѣлъ разбираться. Что за странная гордость и самовнѣніе со стороны г. Подарскаго, который забываетъ къ тому же, что среди читателей есть люди гораздо болѣе близкіе къ жизни и дѣйствительности, чѣмъ вы съ нимъ.

Насколько я понимаю читателя и душу его, совсѣмъ не „драма разногласія по вопросу о цѣнности, рынкахъ и нормѣ прибыли“ происходитъ въ немъ, а другая. формулировать которую нѣсколько потрудитѣ—да едва ли она и способна быть совсѣмъ уже точно формулирована. Однако попробую.

Драма читательской души, говорю я, поглубже, чѣмъ она воображается г. ну Подарскому. Это—драма историческая, цѣлой эпохи, а не драма журнальных статей, и причины ея посерьезнѣе, чѣмъ призывъ г-на Струве назадъ къ Лассалю.

Фихте, еще дальше—пожалуй къ онтологіи Вольфа, и уже во всякомъ случаѣ къ схоластикѣ. Для меня эта драма выражается борьбою мѣщанскихъ и не мѣщанскихъ элементовъ человѣческаго духа и читательскаго міросозерцанія, потому что мѣщанство съ одной стороны могущественно, съ другой—оно, пожалуй, нѣсколько даже неожиданнымъ клиномъ вошло въ старую русскую жизнь. Что эту драму переживаетъ дворянство, въ этомъ, какъ кажется, нельзя и сомнѣваться. Объ этомъ вы можете найти даже у Толстого. Тутъ вы видите борьбу дворянской идеи, дворянской традиціи съ тѣмъ новымъ вѣяніемъ жизни, которое санкціонируетъ всемогущество денегъ и требуетъ, чтобы каждый человѣкъ былъ прежде всего производящей и производительной единицей. Дворянская идея признаетъ, что „первое сословіе“, во имя того, что оно первое, что служить украшеніемъ государства, что когда-то владѣло крѣпостными, имѣетъ всѣ права, чтобы пользоваться особеннымъ вниманіемъ и всевозможными привилегіями... Гораздо интереснѣе то, что происходитъ въ интеллигентной душѣ. Тутъ драма глубже, потому что сознательнѣе. и бѣдная интеллигентная душа является въ значительной степени расколотой на двѣ части: одну, влекущую къ мѣщанству и его идеаламъ, другую, влекущую въ сторону противоположную. Мѣщанство могущественно. Опираясь на инстинкты собственности и накопленія, давая, въ идеѣ по крайней мѣрѣ, полный ему просторъ, всяческими способами содѣйствуя развитію производительныхъ силъ, оно затрагиваетъ глубочайшія основы человѣческой природы и подкупаетъ ихъ. Стоитъ припомнить, что оно сдѣлало на Западѣ,—о чемъ я подробно говорилъ въ ноябрьской книгѣ „Жизни“ за прошлый годъ,—чтобы почувствовать къ нему почтеніе и удивленіе. Вы видите и крушеніе апіен regim'a, и провозглашеніе правъ человѣка, и неукротимый ростъ національнаго богатства, и завоеваніе Европой всѣхъ пяти частей міра, и прогрессъ техники, дающій основаніе для самыхъ смѣлыхъ надеждъ, и огромные успѣхи науки. Мѣщанство прежде всего потому, что каждого человѣка сдѣлало въ дѣйствительности или въ идеѣ, по крайней мѣрѣ, собственникомъ, дало выходъ огромному запасу силъ, таившихся въ душѣ человѣчества, и въ настоящую минуту несомнѣнно является господиномъ культуры и жизни всей Западной Европы и Америки. Въ его пользу говорить и то еще соображеніе, очень существенное конечно, что страна богатая, предприимчивая, промышленная легче справляется съ проклятыми вопросами своей внутренней жизни и общественной организаціи. Стало, напр., шаблоннымъ объяснять ужасное положеніе труда въ началѣ XIX-го вѣка и концѣ XVIII-го недостаточнымъ развитіемъ капитализма, стала еще болѣе шаблонной мысль, что большая часть социальныхъ проблемъ можетъ быть рѣшена лишь при соответствующемъ развитіи производительныхъ силъ *). Мѣщанство оправдано по всѣмъ пунктамъ и не только какъ историческій фактъ, потому что фактъ не требуетъ

*) Сущность дѣла очень проста. Чѣмъ страна бѣднѣе, тѣмъ меньшую долю человѣческой силы пускаетъ она въ оборотъ и тѣмъ грубѣе, примитивнѣе пускаемая въ оборотъ доля силы. Развитые, культурные работники нужны только богатой странѣ, которая даетъ примѣненіе ихъ развитію и культурности, потому что чѣмъ страна богаче, тѣмъ больше въ ней потребностей, которыя для своего удовлетворенія требуютъ соответственныхъ способностей и силъ.

оправданія, а какъ жизненная необходимость. Мѣщанство показало людямъ все величіе и все ничтожество національнаго богатства, всю огромность работы, которую способенъ совершить человѣкъ но и всю необеспеченность его труда при современныхъ условіяхъ жизни.

Мнѣ кажется даже, что въ той полемикѣ, которая происходила по вопросу о цѣнности, этотъ глубочайшій расколъ интеллигентной души выразился довольно-таки ясно. Я, разумеется, съ полнымъ уваженіемъ отношусь къ алгебраическимъ формуламъ и объективнымъ доказательствамъ, выдвинутымъ спорящими сторонами, но думаю, что далеко не вся суть дѣла исчерпывается алгебраическими формулами и объективными доказательствами, что на сценѣ были и волевые, субъективные элементы, въ настоящее время для меня самые интересные. Признаніе „сложнаго труда“, признаніе того, что цѣнности создаются не только трудомъ, но и капиталомъ—вотъ формула, теоретически оправдывающая мѣщанство, а, пожалуй, даже и увѣковѣчивающая его. Трудъ единственный источникъ всѣхъ цѣнностей, —вотъ формула, противоположная первой. И въ теоретическомъ столкновеніи обѣихъ формулъ выступили на сцену, говорю я, субъективные элементы съ такою очевидностью, что даже веселый человѣкъ г. Подарскій по поводу г-на Струве замѣчаетъ: „Но что мнѣ портить въ данный моментъ чувство идейной симпатіи къ этому молодому автору... такъ это—надѣюсь, временное—увлеченіе элементами идейной реакціи, которая совпало [съ его пробужденіемъ] отъ догматическаго сна. Знаменательно, въ самомъ дѣлѣ, то что его критика прежде всего обратилась на основное положеніе „Капитала“. Съ другой стороны, его увлеченіе идеалистической философій (попросту метафизикой) отражаетъ печальное состояніе умовъ господствующихъ классовъ, которые повсюду теперь предпочитаютъ трезвой критической мысли и положительной наукѣ—гашить метафизику и „сверхчувственныхъ“ фантазій. Съ третьей стороны... очень опасно тяготѣніе г. Струве къ направленію Бернштейна: я боюсь, что филистерская вода бернштейнства зальетъ то пламя, которымъ пылаетъ, вдохновляясь Лассалемъ, нашъ мятушійся авторъ, и что въ рукахъ его вмѣсто свѣтильника истины окажется чающаяся головня“.

Со стороны г. Подарскаго это —не открытіе конечно, потому что мѣщанскія симпатіи мысли г. Струве были указаны еще 6 лѣтъ тому назадъ, немедленно послѣ выхода въ свѣтъ его „Критическихъ замѣтокъ“, ну а теперь эти симпатіи оформились, опредѣлились.

Тутъ, значить, настроеніе ясное и отчетливое, хотя оно было бы еще яснѣе и еще отчетливѣе, если бы г. Струве и люди, раздѣляющіе его взгляды, могли прямо сказать, чего они хотятъ, потому что для ясности и отчетливости нѣтъ ничего полезнѣе, какъ проникнуть въ волевые элементы мышленія даннаго лица, группы и т. д. Къ сожаленію, сдѣлать это обыкновенно очень трудно.

Я говорилъ выше, что мѣщанство подкупаетъ своимъ теоретическимъ просторомъ для дѣятельности человѣка, своимъ общественнымъ либерализмомъ. Но я уже показалъ раньше, что оно обѣщаетъ гораздо больше, чѣмъ можетъ дать и исполнить. Быть можетъ, въ этомъ даже не вся его вина, такъ какъ оно

тоже подвержено иллюзіямъ и въ началѣ своей карьеры способно принимать себя за народъ, за *весь народъ*. Но слишкомъ ничтожна его тенденція, слишкомъ узка та формула прогресса, которую оно можетъ предложить человѣчеству. Формула эта, по моему мнѣнію, такова: возможно большее развитіе потребностей и средствъ ихъ удовлетворенія, т. е. возможно большій сбытъ при наибольшемъ производствѣ. Этими лозунгомъ опредѣляются всѣ его успѣхи и подвиги. Но если мѣщанство справляется съ задачей производства, то съ задачей сбыта справляться ему не всегда удастся. И оно, какъ голодный звѣрь-хищникъ, ищетъ все новыхъ и новыхъ рынковъ для сбыта, и если бы только это было возможно, оно фабриковало бы эти новые рынки въ своихъ великолѣпныхъ мастерскихъ.

Андреевичъ.

Библиографія.

Н. М. Фофановъ. Иллюзии. Стихотворенія Съ портретомъ автора. Спб. 1900 года. Ц. 2 р. 50 к.

Меня прежде всего удивляетъ обстоятельство: неужели возлѣ К. М. Фофанова нѣтъ друга, товарища, наконецъ, критика, который сказалъ бы и даже доказалъ бы, что въ наши дни нѣтъ возможности издавать намъ стихотвореній въ 500 страницъ, что на это имѣлъ-бы право лишь поэтъ, который въ наши дни пользовался бы той же извѣстностью, какой Пушкинъ въ 20-е, а Некрасовъ въ 60-ые и 70-ые годы, и что такихъ поэтовъ теперь нѣтъ, нѣтъ и создающаго ихъ настроенія. Пушкинъ—поэтъ просыпавшейся Россіи, и все равно какъ послѣ сна здоровый человѣкъ встаетъ полный силъ, свѣжихъ ощущеній, радостнаго сознанія своей силы, ищетъ движенія и весело улыбается всѣмъ идущимъ ему навстрѣчу впечатлѣніямъ бытія, такъ поэзія Пушкина исполнена жизненной, земной бодрости. Некрасовъ отмѣтилъ и закрѣпилъ то же пробужденіе, но уже *гражданской* Россіи. Оба—поэты историческіе, оба—границы нашей литературы, но нечего и говорить, что на подобную роль Фофановъ не можетъ претендовать. Онъ поэтъ простой и порою прекрасный, настоящій поэтъ „милостью Божіею“, какихъ въ наши дни очень и очень мало, но это его высшая похвала и въ тоже время здѣсь же рѣшительное осужденіе такихъ сборниковъ какъ „Иллюзии“. Нельзя, немыслимо, преступно даже г-ну Фофанову претендовать на то, чтобы отнимать у читателя сотни часовъ, потребныхъ на одолѣніе его книги. Что можетъ дать она, когда по расчету одного наиболѣе даже расположеннаго къ ней критика въ ней не больше 30-и хорошихъ страницъ? Извольте же розыскивать ихъ въ этой грудѣ бумаги! Надо быть присяжнымъ любителемъ поэзіи, чтобы отважиться на такой подвигъ, и кромѣ того надо обладать неограниченнымъ свободнымъ временемъ. Другое дѣло поэтъ историческій, граничной, тотъ, за бѣніемъ пульса котораго слышно бѣніе массы, эпохи—онъ можетъ быть не особенно разборчивъ (хотя Некрасовъ, напр., былъ страшно разборчивъ, черезъ край даже); даже слабыя сравнительно неудавшіяся даже вещи имѣютъ значеніе. Фофановъ пишетъ только о себѣ, излагаетъ только свои ощущенія и неужели его внутренній міръ такъ богатъ, чтобы стоило имъ интересоваться безъ конца. Этого нѣтъ, а здѣсь-то кроется первый незамолимый грѣхъ „Иллюзій“, потому что это уже не иллюзія, а вполне реальная неодолимаа грудa бумаги. Кто же въ проигрышъ? Читатель—нѣтъ: читатель возьметъ „Иллюзии“ и, перевернувъ десятокъ страницъ, отложитъ обломавшій ему руки томъ въ сторону. Въ проигрышъ самъ Фофановъ, который въ

противоположность Ахиллу, обладая лишь неуязвимой пятой, является перед публикой со всем своим уязвимым телом, пяту же он тщательно прячет.

Уязвлять, впрочем, Фофанова не стану. Конечно, много плохих приемъ и неправильностей размѣра, масса слабыхъ стиховъ, десятки и сотни скучнѣйшихъ и ненужныхъ (главное ненужныхъ!) страницъ найти и указать не трудно. Но едва ли есть хотя какая нибудь надобность въ подобной работѣ, потому что едва ли кому-нибудь придетъ въ голову мысль одолжать „Иллюзию“.

Для обильной лирики у Фофанова слишкомъ мало душевнаго содержания, слишкомъ оно однообразно и связано исключительно съ психологическими, а не общественными моментами его жизни. Онъ все еще воспѣваетъ розу, луну, синеву неба, зарево заката и т. д. Иногда такое воспѣваніе выходитъ у него мило оригинально, но—

„Востокъ и югъ давно описаны, воспѣты“

и забывать объ этомъ не слѣдуетъ.

Для эпоса... Но что же эпическое, какая поэма можетъ выйти изъ-подъ пера у человѣка, который о цѣлой преинтереснѣйшей эпохѣ 80-ыхъ годовъ сохранилъ вотъ какое воспоминаніе:

...Поэтовъ новыхъ племя
И беллетристовъ новыхъ рядъ
Въ печати стали состязаться..
..Буренинъ сталъ смѣяться
Еще язвительнѣй и злѣй
...Я, блѣдный и печальный,
Казалось къ счастью расцвѣтать,
И Рѣпинъ кистью гениальной
Мои черты живописаль...“

Петербургскую мостовую Фофановъ описываетъ болѣе яркими и богатыми красками. А между тѣмъ онъ законнѣйшій, единокровный и единоутробный сынъ этой эпохи и могъ бы при большей вдумчивости, при большей идейности, свою тоску, свое невѣріе, свою усталъ духовную связать съ цѣлымъ рядомъ крупныхъ событий. Но онъ только поэтъ маленькой человѣческой души, безсильной, бьющейся въ полномъ недоумѣніи передъ жизнью, безсильной для проклятія и гнѣва, безсильной для благословенія. У него не хватаетъ даже, дерзости спросить: „за что?“ Онъ просто говоритъ о гибели порывовъ, вѣры, надеждъ.

Онъ любитъ красоту, прежде всего красоту пластики, и порою въ его стихахъ вы слышите что-то майковское (напр. „Ангелы“), но душа его слишкомъ растерзаана, слишкомъ, если можно такъ сказать, дребезжитъ, чтобы ей было вполне доступно самодовольное и свѣтлое майковское настроеніе. Онъ хотѣлъ бы жить искусствомъ и только для искусства, но и тутъ не достаетъ силы и въ сущности единственное реальное впечатлѣніе, которое остается отъ его поэзіи—это впечатлѣніе тоски, изрѣдка прерываемой экстазомъ. Мало этого и самъ онъ чувствуетъ, что мало; ему хотѣлось бы на просторъ и ширь, захватить жизнь и искусство глубже, но онъ можетъ лишь сказать:

„Ищите новые пути!
Сталь тѣсенъ міръ, его оковы
Неумолимы и суровы,—

Гдѣ жь вѣчнымъ розамъ зацвѣсти?
Ищите новые пути..."

Но этихъ новыхъ путей въ его поэзіи нѣтъ, потому что для новыхъ путей нужна новая идея, и когда она властно заговоритъ въ душѣ поэта новые пути придутъ сами собой. Развѣ Некрасовъ и Пушкинъ *искали* новыхъ путей? А развѣ человѣку приходится искать ихъ — значить дѣло обстоитъ не очень-то какъ надо. Въ этомъ, впрочемъ, характерная и ничтожная черта нашего декадентства, что оно говоритъ о новой красотѣ, но не показываетъ ее, ищетъ новыхъ путей, но не находитъ ихъ. Оно право, утверждая, что для новаго содержанія нужна новая форма, но когда нѣтъ содержанія откуда взять новую форму? А потуги найти ее приводятъ лишь къ версификаціи. И Боже, сколько этой скучной; никчемной версификаціи у Фофанова!.. Но я обѣщаль не уязвлять и не буду и закончу свою рецензію печальнымъ размышленіемъ, что будь въ „Иллюзіяхъ“ не 500, а 50 хорошо выбранныхъ страницъ, книга нашла бы читателей и почитателей, а теперь какъ-то боязно за ея судьбу. А.

П. Инфатьевъ. Блуждающій огонекъ. Стихотворенія. 1901 г. Ц. 60 к.

Очень-очень маленькая книжечка стиховъ и очень-очень крошечное дарованіе ея автора. Ни одного оригинальнаго стиха, образа, рифмы; все перепѣвы давно извѣстнаго или просто переложенія. Вначалѣ переложеніе „Мальчика у Христа на Елкѣ“ Достоевскаго, затѣмъ краткое тоже переложеніе разсказа Иловайскаго о царствованіи Бориса и Лжедмитрія, Это второе переложеніе почему-то названо поэмой „Онъ и она“ и т. д. Чтобы не быть голословнымъ приведу два, три куплета изъ стихотворенія „Голубка“, гдѣ авторъ описываетъ, какъ голубка прилетала къ окошку узника:

„И кротко ему (узнику) голубка ворковала
О полѣ, цвѣтахъ, о зеленыхъ лѣсахъ,
О чудной въ туманѣ синѣющей дали,
О радостномъ днѣ въ голубыхъ небесахъ...
Внимая имъ узникъ на волю стремился
Душой, забывая о долѣ лихой,
И въ даль изъ темницы своей уносился
Онъ съ ними на крыльяхъ мечты золотой и т. д.“

Вѣдь двадцатый вѣкъ теперь, гг. поэты!

Гюи де Мопассанъ Полное собраніе сочиненій въ трехъ томахъ. Переводъ съ французскаго П. Д. Доброславина. Кіевъ—Харьковъ 1900 г. Цѣна за три тома 3 р. 50 к.

Главныя достоинства этого изданія — его дешевизна и полнота, такъ какъ сюда вошли и посмертныя сочиненія знаменитаго французскаго романиста. За три съ полтиной вы получаете невообразимое количество бумаги и невообразимое количество печатныхъ строкъ. Надо еще замѣтить, что Мопассанъ — чтеніе очень *сторое*, потому что одна страница, особенно въ небольшихъ его разсказахъ, даетъ вамъ настроеніе, пишу для ума и сердца. Онъ не изъ тѣхъ, кто беретъ интригой, а изъ тѣхъ, кто беретъ мыслью и чувствомъ. Впрочемъ, рекомендовать Мопассана напрасно: русская публика и такъ любитъ этого представителя разлагающагося, но умнаго, честнаго и проникательнаго мѣщанства. Два слова о переводѣ:

Меня всегда поражало то обстоятельство, что такой писатель, как Мопассанъ, не можетъ найти достойнаго переводчика для себя на русский языкъ. Много лицъ (какъ въ этомъ изданіи) берутся за это дѣло, и у всѣхъ выходитъ оно по-ремесленному, т. е. ни хорошо, ни дурно, безъ особыхъ промаховъ, но и безъ всякой попытки на художественную передачу подлинника. А вѣдь это обидно. Красота сочиненій Мопассана столько же въ идеѣ, сколько въ формѣ, стилѣ, въ которомъ онъ — талантливѣйшій изъ учениковъ Флобера—даетъ прямо образецъ совершенной передачи настроенія путемъ выбора словъ, архитектоники фразы. По-русски все это пропадаетъ. Переводы, надо сказать, прямо-таки большое мѣсто нашей литературы — что-то глубоко, безнадежно рыночное, дешевка кака-то, удивляться чему впрочемъ нечего. Разъ цѣна за листъ перевода доходитъ до 2—3-хъ рублей, а 15 рублей считаются совсѣмъ достаточнымъ, то чего же вы хотите лучшаго? За переводъ берутся тѣ, кому или вѣсть нечего или дѣлать нечего—оба обстоятельства не обуславливаютъ даровитости...

А.

В. М. Грибовскій. Высшій судъ и надзоръ въ Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины Второй. Спб. 1901.

Исторія управленія въ Россіи, понимая слово „управленіе“ въ самомъ широкомъ смыслѣ,—именно въ смыслѣ не только администраціи, но и суда и участія въ законодательствѣ,—привлекала къ себѣ цѣлый рядъ изслѣдователей, къ числу которыхъ принадлежатъ такіе талантливые ученые, какъ Дмитріевъ, Градовскій, гг. Чичеринъ, Ключевскій, Сергіевичъ. Областные учрежденія, судебныя инстанціи, боярская дума, земскіе соборы, сенатъ, верховный тайный совѣтъ, кабинетъ, государственный совѣтъ—вотъ тотъ рядъ важныхъ институтовъ, исторіей которыхъ занимались названные изслѣдователи и ихъ многочисленныя послѣдователи и ученики. Несмотря на эти дружныя и часто плодотворныя усилія, многое въ историческихъ судьбахъ русскаго управленія, особенно высшаго, остается еще неяснымъ и, главнымъ образомъ, по двумъ причинамъ: потому, во-первыхъ, что обширный неизданный матеріалъ тронуть только отчасти и по нѣкоторымъ эпохамъ, и, во-вторыхъ, потому, что, изучая исторію высшихъ учреждений, изслѣдователи далеко не всегда и, во всякомъ случаѣ, не въ достаточной мѣрѣ обращали вниманіе на связь ея съ положеніемъ верховной власти, не только юридическимъ, которое въ значительной степени изучено, но и фактическимъ, остающимся до сихъ поръ безъ обстоятельнаго разсмотрѣнія. Вотъ почему при появленіи каждой новой ученой работы о высшихъ учрежденіяхъ въ Россіи необходимо прежде всего задаться вопросомъ: поскольку пополняетъ она указанныя пробѣлы?

Г. Грибовскій въ своей книгѣ пользовался неизданнымъ матеріаломъ и пытался опредѣлить отношенія сената къ верховной власти, но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что то и другое выполнено имъ не достаточно тщательно: много неизданнаго матеріала, хранящагося въ нашихъ архивахъ и относящагося къ исторіи сената за избранный имъ для спеціального изученія періодъ (1762—1775 г.), имъ не использовано; что же касается до исторіи верховной власти, то, не говоря о другихъ сторонахъ вопроса, отмѣтимъ только одно: г. Грибовскій собралъ нѣкоторый матеріалъ, касающійся тѣхъ случаевъ, когда сенатъ обращался за рѣшеніемъ дѣлъ къ императрицѣ, но оставилъ въ тѣни судебную дѣятельность Ека-

Проклятіє сына.— Жанъ-Батистъ Грезаъ.

терины независимо и помимо сената, тогда какъ это обстоятельство заслуживало не меньшаго вниманія.

Обращаясь отъ этихъ общихъ замѣчаній къ подробностямъ, укажемъ сначала недостатки работы, чтобы затѣмъ отмѣтить и ея достоинства. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что авторъ самостоятеленъ только въ тѣхъ частяхъ своей книги, гдѣ онъ говоритъ объ екатерининской эпохѣ. Все предыдущее (первыя 95 страницъ) — не что иное, какъ изложеніе чужихъ мнѣній. Съ нашей точки зрѣнія такое изложеніе совершенно излишне: вѣдь книга написана для специалистовъ, которымъ литература вопроса должна быть извѣстна; для чего же повторять старое? Не ради же двухъ, трехъ малозначительныхъ критическихъ замѣчаній, которыя г. Грибовскій обронилъ среди изложенія чужихъ взглядовъ. Другое дѣло, если бы авторъ не раздѣлялъ господствующихъ мнѣній по существу, — тогда ихъ подробное и *непрямлнно критическое* изложеніе имѣло бы смыслъ. А между тѣмъ для критики и самостоятельной конструктивной работы въ этой сферѣ открыто широкое поле. Чтобы далеко не ходить, отмѣтимъ только, что четыре обличительныхъ страницы, написанныя г. Грибовскимъ со словъ своихъ предшественниковъ, о XVII вѣкѣ (стр. 1—4) заключаютъ въ себѣ сужденія по меньшей мѣрѣ преждевременныя: можно ли говорить о полной неорганизанности высшаго суда и надзора въ Московскомъ государствѣ, когда не изслѣдованы надлежащимъ образомъ дѣятельность ни одного приказа, и очень многое въ отношеніяхъ московской высшей администраціи къ верховной власти и подчиненнымъ органамъ остается все еще неяснымъ? Вообще г. Грибовскій поступилъ бы лучше, если бы не писалъ первой части своего труда (стр. 1—95).

Главнымъ недостаткомъ послѣдующаго изложенія, посвященнаго исторіи сената въ екатерининское, время мы считаемъ смѣшеніе въ немъ двухъ точекъ зрѣнія — юридической, фактической: одинъ вопросъ, что такое представлялъ собою сенатъ съ юридической стороны, былъ ли онъ правильно организованнымъ институтомъ высшаго суда и надзора, и другой, — какъ на дѣлѣ осуществлялся этотъ судъ и надзоръ, насколько онъ былъ безпристрастенъ и добросовѣстенъ, съ какими поправками юридическая норма осуществлялась въ дѣйствительности. Оба вопроса одинаково важны и оба изслѣдуются г. Грибовскимъ, но изслѣдуются вперемежку. Такъ, говоря о ревизіонной функціи сената при Екатеринѣ (стр. 270 и сл.), г. Грибовскій очень скоро сбивается съ чисто юридической позиціи на изложеніе отдѣльныхъ злоупотребленій и послабленій (стр. 274, 277, 278 и сл.); точно такъ же изображеніе организаціи прокуратуры (стр. 283 и сл.) очень скоро переходитъ въ фактическій рассказъ о дѣятельности прокуроровъ и т. д. Юридическая догма заслонена всего болѣе фактическимъ рассказомъ въ отдѣлѣ объ исторіи сената до раздѣленія его на департаменты (стр. 96—160).

Самымъ важнымъ отдѣломъ книги надо признать тотъ, который озаглавленъ „Екатерининскій высшій судъ и надзоръ по раздѣленіи сената на департаменты до Учрежденія о губерніяхъ“ (стр. 161—321). Здѣсь авторъ представилъ отчетливую и во многомъ новую картину организаціи сената и отчасти его дѣйствительной дѣятельности за озаглавленное время. Особенно цѣнно изображеніе исторіи рекетмейстерской должности и положенія рекетмейстера при Екатеринѣ (стр. 199—231), изображеніе сенатскаго дѣлопроизводства и функцій сената, какъ суда первой инстанціи, какъ инстанціи ревизіонной и какъ органа надзора. Весь этотъ отдѣлъ при-

дасть книгѣ г. Грибовскаго значеніе самостоятельнаго научнаго труда, пополняющаго существенный пробѣлъ въ спеціальной литературѣ.

Кромѣ текста своего изслѣдованія г. Грибовскій издалъ особой книжкой „Матеріалы“, заимствованныя изъ документовъ московскаго архива министерства юстиціи. Матеріалы эти имѣютъ значеніе для исторіи дѣйствительнаго выполнения сенатомъ его функций, а также и для исторіи быта и нравовъ XVIII столѣтія.

Н. Рожновъ.

А. Тобинъ. Лифляндское аграрное законодательство въ XIX столѣтіи. Томъ I. Рига. 1900.

При изученіи исторіи народнаго хозяйства, въ частности формъ производства, хозяйственной организаціи, поземельныхъ отношеній до сихъ поръ видную роль играетъ чисто-публицистическій элементъ, съ трудомъ и медленно отступающій на второй планъ передъ элементомъ научнымъ. Обыкновенно изслѣдователи усиленно занимаются тѣмъ, что обвиняютъ и восхваляютъ тѣхъ или другихъ дѣятелей смотря по своимъ личнымъ симпатіямъ или партійнымъ взглядамъ, которые безъ всякихъ поправокъ и безъ всякаго вниманія къ исторической перспективѣ переносятся въ болѣе или менѣе отдаленное прошлое; забываютъ при этомъ, что разъ извѣстное учрежденіе или какая-либо хозяйственная форма существовали, то надо изслѣдовать ихъ конкретную историческую обстановку, тѣ неустранимыя основы, на которыхъ они покоились, потребности, вызвавшія ихъ существованіе. Ненаучному взгляду на предметъ изслѣдованія мы обязаны, на примѣръ, тѣми громами и молніями, которые сыпались нѣкогда на голову Бориса Годунова, какъ установителя крѣпостнаго права, строгими выговорами правительству XVI и XVIII вѣковъ за поддержку крѣпостныхъ отношеній, рѣзкими порицаніями освобожденію крестьянъ безъ земли и земельной общины въ остзейскихъ губерніяхъ и т. д. Устраненію всѣхъ этихъ обветшалыхъ предразсудковъ, затемняющихъ пониманіе историческаго прошлаго и тѣмъ препятствующихъ здравому взгляду на современную дѣятельность, волей или неволей, сознательно или безсознательно содѣйствуетъ каждый серьезный изслѣдователь. Это можно сказать и о г. Тобинѣ, авторѣ книги о лифляндскомъ аграрномъ законодательствѣ въ XIX столѣтіи. Вопросъ только въ томъ, сознательно ли выполняетъ эту задачу г. Тобинъ, или она выяняется помимо воли автора, благодаря тому матеріалу, который имъ собранъ и который вѣситъ въ научномъ отношеніи больше, чѣмъ выводы изслѣдователя?

Выводы г. Тобина могутъ быть представлены въ слѣдующей краткой схемѣ. Въ XVII вѣкѣ, во времена шведскаго владычества, лифляндскіе крестьяне были прикрѣплены не къ личности землевладѣльца, какъ въ Россіи, а къ землѣ, какъ на западѣ Европы. Разореніе Лифляндіи во время Великой Сѣверной войны и вліяніе русскаго крѣпостнаго права въ XVIII вѣкѣ привели къ насажденію въ Лифляндіи начала личной крѣпости. Законъ 1804 года и дополненія къ нему, изданныя въ 1809 году, вернулись къ старинѣ, утвердили шведскія начала поземельной зависимости крестьянъ и нормированной законодательствомъ барщины. Но необходимость экономической свободы, сознавая благодаря вліянію идей Адама Смита, вызвала къ жизни другой законъ—26 марта 1819 года, которымъ крестьянамъ дарована была личная свобода, а вся земля обращена была въ не-

ограниченную собственность помѣщиковъ. Но такъ какъ съ изданіемъ этого закона совпало введеніе рациональнаго (плодосмѣннаго съ посявами кормовыхъ травъ) сельскаго хозяйства, и потому расширилась барская пашня на счетъ крестьянской, утвердилась краткосрочная аренда земли крестьянами и усилилась строгость барщины, то положеніе крестьянъ ухудшилось. Мало того: краткосрочная аренда вела къ хищническому, неразсчетливому хозяйству и была, слѣдовательно, вредна и для крестьянина-арендатора и для помѣщика-землевладѣльца. Поэтому произошелъ кризисъ, и началось движеніе въ пользу реформы аграрныхъ отношеній, изученію которой авторъ намѣренъ посвятить второй томъ своего труда, ограничиваясь въ первомъ томѣ изслѣдованіемъ исторіи Положеній о крестьянахъ 1804 и 1819 годовъ.

Ниже мы останемся еще на нѣкоторыхъ важныхъ подробностяхъ изложенія г. Тобина, но, даже взявъ его схему въ томъ общемъ и краткомъ видѣ, въ какомъ она изложена сейчасъ нами, нельзя не признать, что въ ней многое вызываетъ на возраженія. Прежде всего—имѣются ли достаточныя основанія для того, чтобы отдѣлять бездной отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ въ XVII вѣкѣ отъ такихъ же отношеній въ XVIII столѣтіи? Вѣдь нѣтъ сомнѣнія, что прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ не было создано шведскимъ владычествомъ, а существовало и раньше и явилось слѣдствіемъ тѣхъ же экономическихъ условій, какія отличаютъ западъ Европы въ средніе вѣка отъ ея востока,—именно образованія денежнаго хозяйства съ узкимъ мѣстнымъ рынкомъ или такъ называемаго городского хозяйства, почти неизвѣстнаго въ восточной Европѣ (Россіи). Мало того: шведскіе короли даже не содѣйствовали большей юридической опредѣленности сложившихся подъ вліяніемъ экономическихъ обстоятельствъ отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ: по справедливому замѣчанію самого г. Тобина, „не существовало закона, прямо воспрещавшаго помѣщикамъ выселять крестьянъ“ (стр. 98), и „пользованіе крестьянскою землею въ частныхъ имѣніяхъ было обезпечено за крестьянами“ лишь „фактически“, а „не въ силу особаго закона“ (стр. 99). Къ чему же сводится въ такомъ случаѣ разница между XVII и XVIII вѣками? Самое большее къ тому, что для послѣдняго наши матеріалы даютъ больше случаевъ отчужденія крестьянъ безъ земли, чѣмъ для перваго. Но не говоря уже о томъ, что разница эта не такъ ужъ велика, не происходитъ ли она просто отъ того, что историческіе источники XVII вѣка менѣе обильны, чѣмъ матеріалы, относящіеся къ XVIII столѣтію? Притомъ же не надо забывать, что вызванное настояніями генераль-губернатора графа Броуна постановленіе ландтага 1765 года, значительно ограничивавшее помѣщичью власть, является важной попыткой юридическаго отверженія непрочныхъ и не установившихся отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, попыткой, выгодно отличавшей XVIII столѣтіе отъ XVII-го, хотя бы мы приняли во вниманіе и распоряженіе Густава-Адольфа въ 1630 году (см. стр. 108 и 100). По всѣмъ этимъ соображеніямъ нельзя приписывать важное вліяніе на крѣпостныя отношенія въ Лифляндіи Сѣверной войнѣ и русскому крѣпостному праву, тѣмъ болѣе, что г. Тобинъ не приводитъ и доказательствъ своего мнѣнія (см. стр. 102—103). Во всякомъ случаѣ, оба указацныхъ имъ вліянія не могли быть значительны. Ясно такимъ образомъ, что и Положеніе 1804 года было не возвратомъ къ старинѣ, а лишь попыткой закрѣпить и точно опредѣлить издавна существовавшіе порядки съ нѣкоторыми измѣненіями. Фактъ появленія такой попытки недостаточно оцѣненъ г. Тобинымъ: ей не было бы, если бы обычныя старинныя отношенія не подвер-

гались уже колебаніямъ, если бы имъ не грозила близкая гибель; институты, покоящіеся на юридическомъ обычаѣ, обыкновенно тогда лишь нуждаются въ поддержкѣ со стороны писаннаго закона, когда колеблются въ своихъ основахъ. Изслѣдуя затѣмъ, происхождение закона 1819 года, г. Тобинъ не соблюдаетъ въ достаточной мѣрѣ перспективы въ изображеніи факторовъ, его создавшихъ. Въмѣсто того, чтобы съ особеннымъ удареніемъ указать на вліяніе развивающагося денежнаго хозяйства со всѣми его необходимыми послѣдствіями въ области техники сельско-хозяйственнаго производства, авторъ выдвигаетъ на первый планъ воздѣйствіе идей Адама Смита или „духа свободы“, какъ онъ выражается (стр. 265—267, 274). Введеніе рациональнаго сельскаго хозяйства вовсе не случайно совпало съ изданіемъ закона 1819 г., какъ это думаетъ г. Тобинъ (стр. 413—414), а было ближайшей причиной преобразования, производной въ свою очередь отъ другой, болѣе общей причины—развитія денежнаго хозяйства.

Не трудно понять, почему г. Тобинъ допустилъ отмѣченные сейчасъ ошибки въ свое обстоятельное изслѣдованіе: причина этого заключается въ томъ, что авторъ посвятилъ недостаточно вниманія изученію тѣхъ явленій, которыя въ данномъ случаѣ играли несомнѣнно опредѣляющую роль. Аграрныя отношенія нельзя понять, не изучивъ общихъ экономическихъ условій времени. Нельзя, конечно, сказать, чтобы авторъ совершенно игнорировалъ послѣднія, напротивъ, въ этомъ отношеніи въ его книгѣ можно отыскать интересныя и поучительныя страницы (см., напр., стр. 53—97, 141—142, 433—436), но ему, во-первыхъ, не хватаетъ достаточно широкой общей точки зрѣнія, а во-вторыхъ, и въ деталяхъ картина хозяйственныхъ отношеній далеко не отличается надлежащей полнотой.

Тотъ же недостатокъ общей точки зрѣнія и пробѣлы въ историческомъ міросозерцаніи автора (если только таковое у него есть) наблюдаются и въ отдѣльныхъ подробностяхъ изложенія г. Тобина. Такъ, авторъ приписываетъ введенію въ Лифляндіи Учрежденія о губерніяхъ 1775 года, временному и непродолжительному, непомѣрно-большое вліяніе на бытъ и нравы лифляндскаго дворянства: получая назначенія на новыя должности съ присвоенными имъ окладами, дворяне, по мнѣнію г. Тобина, приучились къ роскоши, стали часто ѣздить въ столицу и путешествовать и потому усиленно эксплуатировали крестьянъ для полученія большаго дохода (стр. 114—115). Личное вліяніе на Александра I со стороны Фридриха фонъ-Сиверса несомнѣнно преувеличено авторомъ, готовымъ приписать этому вліянію происхождение закона 1804 года (стр. 115—121, 442—443). Вообще личныя вліянія и случайныя обстоятельства играютъ въ изложеніи г. Тобина видную роль; онъ слишкомъ часто подозрѣваетъ „внѣшнія воздѣйствія на естественное развитіе законодательства“ (стр. 342) безъ достаточныхъ тому оснований.

Чрезвычайно ярко выступаютъ въ книгѣ также остзейско-дворянскія тенденціи автора, который пользуется всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы превознести благородство и безкорыстіе лифляндскихъ дворянъ. Указавъ на сильную эксплуатацию крестьянства (стр. 103) и отмѣчая ниже попытки отмѣны защищавшаго крестьянство законодательнаго акта 1765 г. (стр. 113—114), г. Тобинъ не смущается противорѣчіями и на основаніи одного неосуществившагося проекта, заключавшаго въ себѣ притомъ попытку законодательной формулировки полной автономіи Лифляндіи (стр. 105), восхваляетъ „благородный образъ мыслей дворянства, которое, едва окрѣпнувъ въ экономическомъ отношеніи, вспомнило о правахъ, коими пользовались крестьяне въ хорошія времена“ (стр. 103—104).

Разсказавъ о сопротивленіи дворянъ въ 1765 г. предложенію генераль-губернатора гр. Броуна улучшить положеніе крестьянъ, г. Тобинъ и здѣсь старается оправдать дворянскій ландтагъ тѣмъ, что будто бы дворянство опасалось, какъ бы особый законъ о крестьянахъ не „возбудилъ чрезмѣрные ожиданія крестьянскаго сословія“ (стр. 108, 109). Точно такъ же оппозиція ландтага 1803 г. освободительнымъ предложеніямъ Сиверса безъ всякихъ основаній объясняется „его (Сиверса) противными учрежденіямъ края дѣйствіями“ (стр. 176), т. е., попросту говоря, непосредственными обращеніями къ императору; авторъ забываетъ при этомъ, что, по его же собственнымъ словамъ, и противники Сиверса не пренебрегали такими же „противными учрежденіямъ края дѣйствіями“, такъ же, какъ и Сиверсъ, обращались прямо къ высшему правительству (стр. 194). Пора бросить въ историческихъ изслѣдованіяхъ маниловскіе приемы восхваленія и оправданія, изображенія небывалыхъ благородства и безкорыстія, напоминающіе похвалы Карамзина „чувствительности добрыхъ россиянь“ IX и X вѣковъ. Крѣпостническія тенденціи лифляндскаго дворянства выступаютъ ярко даже и въ изложеніи г. Тобина въ эпоху подготовки закона 1819 г. (стр. 351—354). Мы говоримъ это не въ порицаніе этому сословію, а просто констатируемъ фактъ, повторяющійся неизмѣнно во всѣхъ странахъ при уничтоженіи крѣпостного права въ той или иной его формѣ: масса рядового дворянства, всегда приверженная къ рутинѣ, не въ состояніи понять даже и своей выгоды, какъ и всякая толпа малосвѣдущихъ и боящихся всякой новизны рутинеровъ.

Но, при всѣхъ крупныхъ недостаткахъ труда г. Тобина, у него есть и важныя достоинства: авторъ хорошо использовалъ довольно обширный архивный матеріалъ, далъ цѣльную и полную картину землевладѣнія, самоуправленія, системы обложенія земель, отчасти и экономического быта Лифляндіи въ XVIII и началъ XIX вѣка и изобразилъ во всѣхъ подробностяхъ процессъ выработки Положеній 1804 и 1819 годовъ. Его работа является образцомъ добросовѣстнаго, по мѣрѣ силъ и возможности, изслѣдованія по областной исторіи, исполненнаго вполне свѣдущимъ лицомъ. Нельзя не пожелать, чтобы этотъ образецъ нашелъ себѣ подражаніе, и чтобы г. Тобинъ продолжалъ и окончилъ свою работу.

Тѣмъ не менѣе приходится отмѣтить, что авторъ не могъ отвлечься отъ публицистическихъ тенденцій и отъ устарѣлыхъ приемовъ изслѣдованія, и если его книга даетъ возможность разсмотрѣть научную истину, то эта возможность является результатомъ не столько сознательной работы автора, сколько обилія фактическаго матеріала, имъ изложеннаго.

Н. Рожновъ.

Гиббинсъ и Сатуринъ. Исторія современной Англій. Изданіе товарищества „Знаніе“. Спб. 1901. Цѣна 1 р. 20 к.

Оригинальная и особенно переводная русская историческая литература не можетъ быть названа особенно бѣдной. На-ряду съ относительнымъ обиліемъ историческихъ книгъ можно отмѣтить, что съ теченіемъ времени, хотя и довольно медленно, увеличивается и число специалистовъ по исторіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ русское общество въ своей общей массѣ отличается чрезвычайно слабымъ историческимъ образованіемъ. Причина этого коренится, какъ видно изъ вышесказаннаго, не въ недостаткѣ историче-

оких книгъ вообще и не въ отсутствіи интереса къ исторіи, а, во-первыхъ въ томъ, что наша общеобразовательная средняя школа ничего не даетъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ для историческаго образованія своихъ питомцевъ; во-вторыхъ, въ томъ, что большая часть издаваемыхъ книгъ по исторіи—или обширныя общія сочиненія, слишкомъ подробныя и громоздкія, или спеціальныя монографіи. При такихъ условіяхъ понятно, что неопытный и неподготовленный средній читатель терается, недоумѣваетъ и, глотая иногда множество книгъ, не выноситъ надлежащей пользы изъ своей непосильной работы. Вотъ почему появленіе небольшихъ и дѣльныхъ историческихъ обзоровъ, сжато и ясно излагающихъ исторію той или другой страны за извѣстный періодъ, представляется насущной потребностью. Такой потребности и должна удовлетворить книжка, заглавіе которой выписано выше. Изъ двухъ частей этой книжки каждая имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Въ трудѣ Гиббинса прежде всего и больше всего непріятно поражаетъ тенденціозно-англійская, точка зрѣнія. Гиббинсъ не щадитъ красокъ, расписывая необыкновенныя стратегическія дарованія Веллингтона, и очень желалъ бы поставить его выше Наполеона (стр. 10—13), не окупится на анекдоты въ чисто-англійскомъ стилѣ (стр. 66—67), во что бы то ни стало, вопреки всякой очевидности, старается доказать либеральный характеръ вѣшной политики лорда Пальмерстона, несмотря на поддержку имъ Турціи, на одобреніе *coup d'état*, произведеннаго Наполеономъ III, (стр. 75—79) и т. д. Объясненія причинъ разныхъ историческихъ событій иногда отличаются у Гиббинса наивностью, которая можетъ соблазнить неопытнаго читателя, внушить ему нежелательныя, съ научной точки зрѣнія, предразсудки: таково, напримѣръ, объясненіе торжества и господства Наполеона I во Франціи тѣмъ, что „французы всегда падали до кумировъ“ (стр. 6), или утвержденіе, что „стремленіе къ колонизаціи, какъ кажется, въ крови англійской расы“ (стр. 57). Нельзя также согласиться съ Гиббинсомъ, когда онъ говоритъ, что главными причинами Крымской войны были „настойчивыя попытки Россіи пробиться со своимъ флотомъ въ Средиземное море, или покоривъ Турцію, или принудивъ ее согласиться на пропускъ русскихъ судовъ“, и честолюбіе Наполеона III (стр. 80). Нѣтъ сомнѣнія, что истинная причина несчастной положительно для всѣхъ (кромѣ Турціи) европейскихъ державъ Крымской войны крылась въ реакціонной вѣшной политикѣ императора Николая I, раздраженіе накопившееся въ Европѣ противъ Россіи по этому поводу, и дало пищу для печальнаго столкновенія пятидесятихъ годовъ XIX вѣка. Можно, далѣе, было бы пожелать, чтобы въ трудѣ Гиббинса было поменьше мелочныхъ анекдотовъ, только разсѣивающихъ вниманіе и потакающихъ дурнымъ вкусамъ (см., напр., стр. 45—49); недурно было бы также, если бы разсказъ объ англійскихъ войнахъ (стр. 97 и слѣд.) былъ покороче. Но главнымъ недостаткомъ работы Гиббинса слѣдуетъ признать отсутствіе надлежащаго порядка въ изложеніи. Если послѣдовательность и связность изложенія имѣютъ свое значеніе въ специально-научной книгѣ, то въ популярномъ сочиненіи эти свойства являются положительно-необходимымъ условіемъ: желательно, чтобы у читателя, начинающаго интересоваться историческими вопросами, отъ чтенія сочиненія получилось сразу представленіе о цѣльномъ, органическомъ процессѣ развитія, объясняющемся изъ немногихъ основныхъ элементовъ. Весь матеріалъ для этого у Гиббинса есть,—и это составляетъ важное достоинство его работы,—но расположенъ онъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Съ нашей точки зрѣнія, изложеніе должно бы отличатся большою систематичностью и, начинаясь съ харак-

теристики различных отраслей народного хозяйства, переходить затѣмъ къ социальному строю, потомъ къ политическому устройству, чтобы закончиться виѣшной политикой и войнами. Только при такомъ планѣ научно-пропедевтическое значеніе труда Гиббинса выступило бы со всею ясностью и полнотою.

Кромѣ достаточнаго для цѣлей автора матеріала, книжка Гиббинса имѣетъ и другія достоинства: краткость и сжатость изложенія и вмѣстѣ его живость и непринужденность, а то и другое — очень важны въ популярномъ сочиненіи.

Что касается до статьи г. Сатурина, то единственный упрекъ, который можно сдѣлать ея автору, заключается въ томъ, что онъ вдался въ нѣкоторыя излишнія подробности, не соблюдая того масштаба, который установленъ въ книжкѣ Гиббинса. Но это сравнительно небольшой недостатокъ, съ избыткомъ искупаемый притомъ достоинствами изложенія, общими у г. Сатурина съ Гиббинсомъ, и отсутствіемъ тѣхъ ошибокъ и того специфически-англійскаго привкуса, какими отличается трудъ англійскаго писателя.

Вообще говоря, нельзя не признать удачной мысль дать въ краткомъ изложеніи Гиббинса и Сатурина исторію современной Англійи на русскомъ языкѣ. Всякая популярная книжка, по нашему мнѣнію, требуетъ строгаго критическаго къ себѣ отношенія, быть можетъ даже болѣе строгаго, чѣмъ специальная работа, по той простой причинѣ, что ученая монографія — предметъ чтенія специалистовъ, которые въ состояніи сами критически отнестись къ выводамъ автора, а популярная книга предназначена для большой публики, которая часто бываетъ не въ состояніи разобраться, отличить пшеницу отъ плевелъ. Этимъ и объясняются наши довольно подробныя и подчасъ, быть можетъ, нѣсколько суровыя замѣчанія о разбираемой книгѣ: вѣдь эти замѣчанія при благопріятныхъ обстоятельствахъ могутъ содѣйствовать читателямъ книги въ работѣ выбора изъ послѣдней того, что въ ней есть цѣннаго и вѣрнаго, и предостеречь ихъ отъ ошибокъ и увлеченій Гиббинса. Во всякомъ случаѣ, разбираемая книжка принадлежитъ къ очень недурнымъ популярно-историческимъ сочиненіямъ, и мы настоятельно рекомендуемъ ее тѣмъ, кто хочетъ познакомиться въ общихъ чертахъ съ исторіей Англійи въ XIX вѣкѣ, особенно съ исторіей хозяйственнаго быта. Книга украшена хорошими портретами англійскихъ политическихъ дѣятелей, издана изящно и стоитъ недорого.

Н. Ромновъ.

Н. Г. Вороновъ. Опытъ сравнительной исторіи Европы. Москва. 1900. Стр. IV+135. Цѣна 2 рубля.

„Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, въ 1888 году, я издалъ брошюру — „Основной законъ исторіи“; такими словами начинается свое сочиненіе Н. Г. Вороновъ, давая этимъ знать читателю, что онъ не новичокъ, а человѣкъ опытный въ литературѣ и притомъ сдѣлавшій давно уже научное открытіе первостепенной важности. Признаюсь, прочитавъ эти слова, я почувствовалъ нѣкоторый страхъ и стыдъ за свое невѣжество: въ самомъ дѣлѣ, вѣдь еще двѣнадцать лѣтъ тому назадъ русскимъ изслѣдователемъ открытъ основной законъ исторіи, а я объ этомъ не зналъ до настоящаго момента! Понятно, что я съ нескрываемымъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ сталъ читать дальше, чтобы пополнить столь существенный про-

бѣль въ своихъ знаніяхъ. И какъ только я прочиталъ слѣдующую затѣмъ фразу, страхъ и стыдъ сейчасъ же смѣнились веселостью и смѣхомъ: мнѣ пришло въ голову, что г. Вороновъ просто вздумалъ подшутить надъ читателями, утверждая, что, „согласно этому (т. е. открытому г. Вороновымъ) закону, въ исторіи европейскихъ народовъ сходныя событія совершаются въ слѣдующемъ постоянномъ порядкѣ: раньше всего они возникаютъ въ Италіи, черезъ 100 лѣтъ подобныя событія происходятъ въ Испаніи и Англіи, еще черезъ 100 лѣтъ—во Франціи, еще черезъ 50 лѣтъ—въ Германіи и немного менѣе, чѣмъ черезъ 50 лѣтъ, послѣ Германіи—въ Россіи“. Эта курьезная фраза заставляетъ предполагать, что авторъ большой шутникъ, и что скоро его шутки обнаружатся въ его изложеніи, но таково ужъ свойство „сочиненія“ г. Воронова, что оно заставляетъ читателя переживать цѣлую гамму чувствъ: прочитавъ ниже не вполне грамотную фразу о томъ, что „отъ разницы въ быстротѣ смѣны поколѣній у разныхъ націй зависитъ и приведенная законъ разница во времени совершенія (sic) разныхъ „событій“, сразу убѣждаешься въ серьезности намѣреній автора. невольно припоминаешь при этомъ появившуюся года два тому назадъ книжку нѣкоего г. Мартынова, производившаго всѣ слова всѣхъ языковъ, на которыхъ говорятъ разные народы, отъ „ядственныхъ рыканій“, т. е. попросту отъ русскаго глагола „ѣсть“, и въ результатъ является досада. Но стоитъ только отъ предисловія перейти къ чтенію самого текста, и досада смѣняется скукой: малограмотное и вялое изложеніе безсвязныхъ, всѣмъ извѣстныхъ, заимствованныхъ, очевидно, изъ ходячихъ учебниковъ и руководствъ фактовъ, кое-гдѣ перемежается той же бесплодной и нелѣпой игрой хронологическими датами, которую г. Вороновъ серьезно принимаетъ за основную законъ исторіи. Книжка г. Воронова не заслуживала бы собственно не только разбора, но даже упоминанія, если бы она не возбуждала еще одного чувства, невольно возникающаго при сравненіи ея внутренней негодности и небольшихъ размѣровъ съ непомѣрно-высокой цѣной, выставленной на обложкѣ: за 135 страницъ совершенной и безнадежной бессмыслицы авторъ желаетъ получить отъ читателя цѣлыхъ 2 рубля, т. е. по крайней мѣрѣ втрое дороже обыкновенныхъ цѣнъ нашего книжнаго рынка. Такъ какъ онъ украсилъ изданную имъ макулатуру громкимъ заглавіемъ „Опытъ сравнительной исторіи Европы“, то въ этомъ нельзя не видѣть расчета на легковѣріе читающей публики, и потому, начавъ отзывъ о книгѣ г. Воронова шуткой, нельзя иначе закончить его, какъ выраженіемъ негодованія. Будемъ надѣяться, что эта попытка невѣжественной эксплуатаціи читателя окажется на дѣлѣ покушеніемъ съ негодными средствами.

Н. Рожновъ,

Э. Вандервельде. Притягательная сила городовъ. Переводъ съ франц. Л. Викци. Спб. 1901. 62 стр. Ц. 40 коп.

„Притягательная сила городовъ“ — одинъ изъ наиболѣе крупныхъ и яркихъ фактовъ новѣйшей культурной исторіи. Большая дорога цивилизаціи идетъ черезъ города, они стягиваютъ къ себѣ со всей страны наиболѣе энергичные, талантливые и безпокойные элементы, они производятъ чеканку новыхъ цѣнностей, движутъ впередъ науку и жизнь. Деревня поставляетъ имъ здоровые элементы съ неистрепанными нервами, крѣпкой волей, сильными мускулами, подвозитъ хлѣбъ, пищевые продукты,

сырье, а города—эти социальные лаборатории культуры—безжалостно перерабатывают эти продукты деревни.

Выражаясь языкомъ русскихъ космографій XVIII в., въ города собрались люди, которые „все творять по своей волѣ, къ ученію искательны и къ мудростямъ и ко всякимъ наукамъ тщательны, изъ благочестія же заблудилися; человекъ же тамъ мудры и дохтуроваты дѣломъ и звѣздо-четіемъ“.

Въ Западной Европѣ и Америкѣ города растутъ съ поразительною быстротою, движеніе изъ деревень въ города, достигнувъ уже огромныхъ размѣровъ, безостановочно продолжаетъ расти. Проф. Зерингъ, наблюдая эту „притягательную силу городовъ“ въ Германіи, справедливо замѣтилъ, что это движеніе по массамъ, участвующимъ въ немъ, гораздо важнѣе великаго переселенія народовъ, совершившагося 15 вѣковъ тому назадъ.

Отсюда понятенъ интересъ попытки разобраться въ этомъ явленіи, огромной культурной, важности тѣмъ болѣе, если эта попытка дѣлается такимъ талантливымъ и умнымъ писателемъ, какъ Эмиль Вандервельде. Къ сожалѣнію только, Вандервельде сосредоточился главнымъ образомъ на вопросѣ о проникновеніи капитализма въ деревенское хозяйство Бельгіи. Самъ по себѣ вопросъ этотъ крайне интересенъ, конечно, но онъ представляетъ лишь часть темы: „притягательная сила городовъ“. Автору надо было показать значеніе „городской“ цивилизаціи, антагонизмъ и сотрудничество города и деревни, вліяніе города на міросозерцаніе, соотносительную роль деревни и города въ исторіи культуры, — онъ же ограничился лишь вліяніемъ капитализма на сельское населеніе. Лишь бѣгло, въ нѣсколькихъ словахъ, онъ говоритъ о культурной миссіи города, о томъ, что „формируются новыя чувства, нежеланіе служить въ качествѣ прислуги на фермѣ, стремленіе идти въ городъ, гдѣ будешь имѣть хоть кашлю свободы и гдѣ на тебя упадетъ одинъ изъ лучей свѣта, гдѣ мозгъ работаетъ интенсивнѣе, гдѣ люди живутъ веселѣе“... (стр. 20).

Въ эволюціи сельскаго хозяйства Бельгіи разбираемый авторъ отмѣчаетъ два явленія, какъ наиболѣе характерныя: ростъ аренднаго хозяйства на счетъ собственниковъ-землевладѣльцевъ и неуклонное раздробленіе земельныхъ участковъ, превратившее ихъ въ настоящіе „носовые платки“, куда по-истинѣ куренка выгнать некуда, какъ говоритъ крестьянинъ въ „Плодахъ просвѣщенія“.

Мелкая и средняя земельная собственность, поскольку она является экономической поддержкой крестьянскаго населенія въ Бельгіи, далеко не является однимъ изъ существенныхъ факторовъ сельскаго производства, какъ это имѣетъ мѣсто въ нѣкоторыхъ округахъ Франціи, въ Саксоніи или Баваріи.—говоритъ Вандервельде. Правда, число земельныхъ собственниковъ въ Бельгіи относительно велико, но большая часть ихъ и мелкихъ, и крупныхъ не занимаются обработкой земли. Сельское населеніе слагается преимущественно изъ фермеровъ, изъ мелкихъ съемщиковъ и изъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ (стр. 28).

Карликовые земельные участки, меньше 2 гектаровъ величиною, крайне распространены въ Бельгіи. Вандервельде справедливо замѣчаетъ, что обладатели этихъ участковъ собственно не могутъ быть причислены къ крестьянамъ. Обработка ихъ является лишь подсобнымъ промысломъ, сами по себѣ они не въ состояніи прокормить цѣлую семью, Все это—или садики, или огороды, или, наконецъ, крохотные земельные участки, обрабатываемые въ свободное время земледѣльческими и промышленными

рабочими, которые этимъ путемъ добываютъ себѣ пособіе къ низкой заработной платѣ.

Въ заключеніе Вандервельде приходитъ къ мнѣнію, что „въ концѣ концовъ остается только 60 598 участковъ, размѣромъ отъ 2 до 10 гект., которые и представляютъ въ Бельгіи мелкую и среднюю крестьянскую собственность! А между тѣмъ, если вѣрить официальной статистикѣ, число земледѣльцевъ въ 1880 г. доходило до 1.200.000. Слѣдовательно, если оставить въ сторонѣ крохотные parcels, которые нисколько не лишаютъ ихъ владѣльцевъ характера наемныхъ рабочихъ, то можно сказать, что на 10 земледѣльцевъ только одинъ является собственникомъ обрабатываемаго имъ участка, да и то еще не всегда“ (стр. 27).

Авторъ затѣмъ, въ заключеніе главы „Разложеніе крестьянской собственности“, отмѣчаетъ, что положеніе мелкой собственности еще больше ухудшилось подъ вліяніемъ аграрнаго кризиса. Главу эту онъ заключаетъ словами „мелкая *собственность* поглощается крупной“ (курсивъ нашъ). Мы нарочно подчеркиваемъ слово „собственность“, такъ какъ не совсѣмъ ясное изложеніе Вандервельде можетъ вызвать у читателя мысль, что рѣчь идетъ здѣсь о гибели мелкаго *земледѣлія* вообще. Прежде всего мелкая культура еще не означаетъ мелкой собственности. Во Фландріи, напр., цѣлый рядъ крестьянъ совершенно не имѣютъ земельной собственности, а арендуютъ ее у крупнаго землевладѣльца, которому иногда принадлежатъ цѣлыя деревни. Бельгійскіе крупныя землевладѣльцы находятъ для себя гораздо болѣе выгоднымъ разбить свою землю на мелкіе участки и сдавать ее въ аренду мелкимъ арендаторамъ, чѣмъ сразу сдать всю землю одному крупному арендатору.

Не слѣдуетъ затѣмъ забывать, что современный аграрный кризисъ отражается на мелкомъ хозяйствѣ менѣе губительно, чѣмъ на крупномъ такъ какъ послѣднее всецѣло зависитъ отъ рынка. Одновременно съ этимъ „притягательная сила городовъ“ отвлекаетъ отъ сельскаго хозяйства все большее количество рабочихъ силъ, вызывая сильный недостатокъ въ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и сильно повышая ихъ заработную плату. Наиболѣе чувствительно это явленіе отзывается на крупномъ капиталистическомъ земледѣліи.

Авторъ справедливо замѣчаетъ въ послѣдней главѣ своей книги, что земледѣліе мало-по-малу принимаетъ характеръ обрабатывающей промышленности. Сокращается площадь обрабатываемыхъ земель, но растетъ производительность сельско-хозяйственнаго труда, культура становится болѣе интензивной, растетъ число земледѣльческихъ ассоціаций, увеличивается влагаемый въ землю капиталъ.

„У насъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія,—говоритъ авторъ,—считать эволюцію земледѣлія вполне аналогичной эволюціи обрабатывающей промышленности: было бы вполне ошибкой утверждать, что та и другая подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ; но, съ другой стороны намъ кажется, что, только впадая въ противоположную крайность, можно отрицать существованіе тѣхъ дѣйствительно глубокихъ аналогій, которыя встрѣчаются въ развитіи отдѣльныхъ отраслей капиталистическаго производства“.

П. Берлингъ.

Dr. Franz Walter. *Die Propheten in ihrem socialen und umgebenen Wirtschaftsleben ihrer Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte der Socialethik.* Freiburg. 1900. 288 сmp. Ц. 3 М. 20 Pf.

За послѣднее время истории древняго міра все чаще указываютъ на грубую ошибку исторической перспективы, въ которой повинно громадное большинство изслѣдователей экономическихъ отношеній древняго міра. Большинство этихъ изслѣдователей ошибочно думаютъ, что древній міръ опирался исключительно на натуральное хозяйство, не знавшее никакихъ чертъ капитализма, что рабскій трудъ игралъ при этомъ доминирующую роль, что древнему міру было даже въ зародышевомъ видѣ незнакома современная организація производительныхъ силъ. Взглядъ этотъ несомнѣнно одностороненъ и въ общемъ опровергнуть новѣйшими изслѣдователями, въ числѣ которыхъ назовемъ Эдуарда Майера въ Германіи, М. Ковалевскаго у насъ въ Россіи. Исправленіе этого „личнаго уравненія“, какъ выражаются астрономы, представило намъ древній міръ въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, раскрыло въ немъ существованіе тѣхъ экономическихъ чертъ, которыя традиціонное мышленіе привыкло считать исключительнымъ достояніемъ самой новѣйшей эпохи, ближе и точнѣе ознакомило насъ съ буднями древней жизни, ея экономическими злобами, которыя и тогда, какъ и теперь, какъ и всегда, довлѣли дневи *)..

Францъ Вальтеръ и ставитъ себѣ интересную задачу разобраться въ этихъ социально-экономическихъ вопросахъ древняго міра и въ частности древне-еврейскаго государства.

На зарѣ своей исторіи евреи были исключительно земледѣльческимъ народомъ. Таковыми пришли они и въ землю Ханаанскую. Первое время земледѣліе и скотоводство вполне удовлетворяли ихъ крайне скромнымъ потребностямъ; напротивъ, окружавшіе ихъ ханаитяне уже знали торговлю и старались вступить съ пришельцами-евреями въ торговые сношенія. Понемногу это имъ удалось. Въ первое время существовалъ простой товарный обмѣнъ, совершаемый безъ посредства денегъ; чѣмъ дальше, тѣмъ больше онъ росъ, будилъ въ земледѣльческомъ народѣ новыя потребности, новыя стремленія. Благодаря ханаитянамъ и евреи постепенно начали заниматься торговою дѣятельностью, но все это однако не шло дальше зачаточныхъ формъ и размѣровъ, чему значительно способствовали отрыванность евреевъ отъ моря и отсутствіе иныхъ удобныхъ путей сообщенія. Поэтому еще въ теченіе долгаго времени торговля сосредоточивалась въ рукахъ другихъ народовъ, жившихъ рядомъ съ евреями, но, какъ бы тамъ ни было, ферментъ былъ брошенъ; онъ разбудилъ до тѣхъ поръ не дававшія о себѣ знать потребности, незамѣтнымъ образомъ въ старыхъ традиціонныхъ формахъ экономической жизни образовывалась серьезная брешь, нѣкогда „сплошной“ бытъ началъ слоиться, древній коммунизмъ разлагался возникающимъ индивидуализмомъ. Этому измѣненію „бытія“ точно и быстро корреспондировала эволюція „сознанія“. Прѣжнее единогласіе и

*) Блестящая декоративная сторона античной исторіи не должна заслонять отъ насъ ея бытовой некультурности. „Въ тѣ времена, когда слагались гомерическія поэмы,—говоритъ Тэйлоръ, греческіе князья жили еще грязно и неопрятно. Были цѣлыя кучи навоза во дворцѣ Пріама и у двери дворца Улисса. Въ самой залѣ, гдѣ женихи совершали свои оргіи, на полу валялись кожи и ноги быковъ и остатки животныхъ, недавно убитыхъ для пира“. (И. Тэйлоръ, „Происхожденіе арійцевъ“. Москва. 1897, стр. 182).

сплошное міросозерцаніе являлись вѣрными выразителями отсутствія частной собственности, одинаковыхъ для всѣхъ условій труда и формъ всей экономической жизни. Съ процессомъ дифференціаціи послѣдней, съ ростомъ экономического индивидуализма рука объ руку шло развитіе разногласій, столкновеніе интересовъ и ихъ противоположность. Отсюда выросла и, поддерживаемая процессомъ экономического развитія, все болѣе крѣпла потребность въ централизующей власти. Потребность эта сначала заставляла глухо волноваться народъ и, смутно достигая еще до сознанія, вела къ возникновенію фантастическихъ мечтаній, а затѣмъ получила и политически-членораздѣльную форму. Древніе евреи выбрали себѣ царя и добровольно отдались въ его власть. Муки родовъ новаго экономического строя были этимъ значительно облегчены. За избраніемъ царя послѣдовало устройство двора и свиты, выдѣлилась придворная знать, появилось затѣмъ специальное войско и были впервые введены налоги, которыхъ до этихъ поръ еврейскій народъ совершенно не зналъ. Изъ населенія выдѣлилась все растущая часть производительнаго населенія, предъявлявшая все болѣе спрость на продукты промышленности.

Счастливыя войны царя Давида открыли для еврейскаго народа весьма важные торговые пути, былъ пріобрѣтенъ Дамаскъ и открытъ путь по Черному морю. Послѣдовавшее затѣмъ основаніе Іерусалима послужило дальнѣйшимъ импульсомъ этому ходу развитія. Іерусалимъ лежалъ въ узлѣ караваннаго пути, связывавшаго мѣстность, населенную финикіянами, съ Чернымъ моремъ и Египетъ съ Іорданомъ и Евфратомъ.

Царь Соломонъ своею политикою, внутренней и внѣшней, сильно содѣйствовалъ этому разложенію патриархальнаго еврейскаго государства и возникновенію на его развалинахъ новой экономической жизни. Выстроенный въ Іерусалимѣ храмъ привлекалъ тысячи паломниковъ, и около него быстро создавался оживленный рынокъ. Росло духовенство, а съ нимъ вмѣстѣ росла группа людей, не занимающихся производительнымъ трудомъ. Роскошная жизнь, которой окружилъ себя Соломонъ, съ одной стороны требовала все повышенныхъ источниковъ дохода, а съ другой, по закону подражанія, заставляла зажиточные классы искать удовлетворенія тѣмъ потребностямъ, которыхъ не знало патриархально-земледѣльческое населеніе.

Политика Соломона была ясно выраженной торговой политикою: правительство усердно покровительствовало развитію торговли, поддерживало торговый классъ, предоставляя земледѣльческое населеніе его собственной судьбѣ. Крайне слабое развитіе обмѣна дѣлало прежде излишнимъ установленіе особаго монетнаго знака, теперь же въ этомъ ощущалась уже насущная потребность, и вотъ Соломонъ повелѣваетъ изготовить спеціальныя монеты изъ драгоценныхъ камней точно опредѣленнаго вѣса. Известно, что Соломонъ самъ принималъ дѣятельное участіе въ торговой дѣятельности, и нѣкоторыя изъ наиболѣе доходныхъ отраслей торговли были имъ объявлены монополіею короны. При царѣ Соломонѣ было положено основаніе развитію судоходства, и это доставило возможность вступить въ еще болѣе интенсивный торговый обмѣнъ съ другими странами. Началъ развиваться и быстро росъ экспортъ хлѣба въ другія страны. Увеличивавшійся ввозъ предметовъ роскоши дѣлалъ необходимымъ, для уравновѣшиванія финансовъ государства, соответствующее увеличеніе вывоза сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Въ житницѣ древнихъ евреевъ — Палестинѣ — цѣны на хлѣбъ поднялись до небывалыхъ размѣровъ.

До сихъ поръ господствовавшее натуральное хозяйство и обильное плодородіе земли мѣшали появленію экономическихъ неравенствъ. Всѣхъ

неимущихъ въ достаточномъ количествѣ снабжали продуктами, и народъ не зналъ бѣдности. Существовалъ цѣлый рядъ постановленій, мѣшавшихъ ей развиться: запрещеніе взимать проценты, обычай юбилейнаго года, когда падали всѣ долговыя обязательства, и т. д.

Всѣ эти обычай и узаконенія становились поперекъ дороги развивающемуся индивидуальному хозяйству, и оно добилось икъ отмѣненія. Съ этимъ отмѣненіемъ процессъ дифференціаціи „сплошнаго“ быта и вытекавшаго изъ него сплошнаго міросозерцанія пошелъ быстрѣе. Богатство стало распредѣляться все менѣе и менѣе равномерно, число бѣдняковъ неуклонно возрастало. Но мало этого, быстро развившаяся городская жизнь и промышленность, увеличивавшееся войско нуждались въ такомъ количествѣ рабочихъ рукъ, которое имъ не могло доставить земледѣльческое населеніе, занятое своимъ трудомъ. Экономическое развитіе и передъ этимъ не остановилось: сначала были превращены въ рабовъ туземные жители, а затѣмъ, когда и этого оказалось недостаточнымъ, то и свободные евреи были принуждены отбивать барщину. По повелѣнію царя Соломона 30 тыс. еврейскихъ гражданъ должны были, по указанію государства, работать круглый годъ, по 10 тысячъ человѣкъ каждыя три мѣсяца.

Въ эту-то трудную переходную годину соціального броженія появились среди еврейскаго народа его знаменитые пророки.

Мы уже замѣтили выше, что радикальная перемѣна въ „бытіи“ повела за собою столь же радикальную перемѣну въ „сознаніи“. Падало и разрушалось натуральное, патріархальное хозяйство и своимъ паденіемъ влекло за собою и паденіе патріархальнаго міросозерцанія. Колебалась старая вѣра, старые обычай, нравы. И въ защиту ихъ возстали пророки. Съ гнѣвомъ и тоской они звали свой родной народъ къ старымъ, патріархальнымъ отношеніямъ. Но остановитъ историческаго прогресса имъ не удалось, и исторія, выражаясь языкомъ капцеляріи, оставила всѣ ихъ страстные протесты „безъ послѣдствій“...

П. Берлинъ.

Dr. Prof. Heinrich Dietzel. *Weltwirtschaft und Volkswirtschaft. Dresden. 1900. 120+XL SS.*

Нѣмецкая промышленность сдѣлала колоссальные успѣхи, стала успѣшно конкурировать на мировомъ рынкѣ съ классическою страню капитализма—Англіей. Изъ странъ съ преобладающими сельско-хозяйственными интересами она сдѣлалась промышленною страню. При основаніи Германской имперіи сельско-хозяйственное населеніе составляло половину всего населенія страны по переписи 1882 г. уже лишь 42, 5%, а по переписи 1895 г. лишь 36%.

Необычайно быстрое превращеніе Германіи изъ земледѣльческой страны въ промышленную вызываетъ у нѣкоторыхъ нѣмецкихъ профессоровъ серьезныя опасенія. Въ этомъ отношеніи особенно пессимистическіе взгляды высказываютъ проф. Вагнеръ и Ольденбергъ. Талантливый нѣмецкій экономистъ Дитцель и ставитъ себѣ задачею въ вышеназванной книгѣ научно разобраться въ этомъ вопросѣ. Уже теперь въ Германіи по отношенію къ сельско-хозяйственному производству имѣется избыточное населеніе въ 12 миллионъ человѣкъ. Въ виду этого факта проф. Ольденбергъ доказываетъ, что, не будучи сама въ состояніи прокормить свое населеніе и принуждаемая все болѣе ввозить иностранный хлѣбъ,

Германія становится, въ силу этого, все зависимѣе отъ иностранныхъ государствъ, что можетъ особенно роковымъ образомъ отозваться на ней въ случаѣ войны съ этими государствами или неурожая въ нихъ. Кромѣ того, доказываютъ эти ученые, во всѣхъ странахъ развивается самостоятельная промышленность, а стало быть внѣшній рынокъ для Германіи будетъ все суживаться, и это неизбежно приведетъ къ краху всего народнаго хозяйства Германіи. Вслѣдствіе этого проф. Ольденбергъ находитъ лишь одинъ выходъ— возвратиться къ замкнутому „національному“ хозяйству.

Эту романтическую утопію, пришедшуюся по вкусу многимъ нѣмецкимъ ученымъ и профанамъ, проф. Дитцель подвергаетъ холодной и дѣльной критикѣ.

П. Берлинъ.

Новая Зеландія и ея рабочее законодательство.

I.

На противоположномъ отъ насъ пунктѣ земного шара лежатъ живописные и счастливыя по климату и плодородію почвы острова Новой Зеландіи. Острова эти окружены со всѣхъ сторонъ океанамъ, и если смотрѣть на нихъ съ птичьего полета, они напоминаютъ длинное бѣлое облачко, затерянное въ синевѣ безконечнаго моря; новозеландцы такъ и называютъ свою родину—The long white cloud. Чтобы добраться до нихъ отъ ближайшаго цивилизованнаго пункта—австралійскаго материка, нужно ѣхать минимумъ четверо сутокъ пароходомъ. Такимъ образомъ, никакая внѣшняя опасность не угрожаетъ этой странѣ, тѣмъ болѣе, что Новая Зеландія, въ качествѣ англійской колоніи, находится подъ охраной всемогущаго британскаго флота. Туземное населеніе этихъ острововъ—маори—равняется лишь одной двадцатой части бѣлаго населенія, и въ настоящее время оно вполнѣ замирено и уравнено во всѣхъ своихъ правахъ съ бѣлыми; поэтому значительнаго вліянія на эволюцію страны оно играть не можетъ ни съ военной, ни съ экономической точекъ зрѣнія. Въ военномъ отношеніи маори не представляютъ въ послѣднее время ни малѣйшей опасности, и странѣ не приходится тратить своей энергіи на милитаризмъ. Въ экономическомъ отношеніи маори, по своей малочисленности, не могутъ образовать для новозеландскихъ колонистовъ того деморализирующаго обѣ стороны фундамента полурабскаго труда, на которомъ зиждутся благосостояніе и цивилизація всей Южной Африки.

Бѣлое населеніе Новой Зеландіи состоитъ почти исключительно изъ англичанъ, и при этомъ съ сильнымъ процентомъ шотландскаго элемента,—элемента, какъ извѣстно, отличающагося и въ самой Англій наибольшей энергіей и приверженностью къ демократическимъ учрежденіямъ. Поселившіеся въ Новой Зеландіи эмигранты вынесли съ собою изъ Европы готовый запасъ культурности, привычки къ свободѣ и самоуправленію и оставили на своей старой родинѣ тѣ социальна-классовыя традиціи, которыя тамъ были выработаны всѣмъ ходомъ внутренней исторіи и развитіемъ международныхъ отношеній. Въ Новой Зеландіи, заселеніе которой началось всего лишь 60 лѣтъ тому назадъ, классовыя перегородки не имѣли времени принять опредѣленные очертанія; этому имѣло также и то, что естественныя богатства этихъ счастливыхъ, но уединенныхъ острововъ

вплоть до послѣдняго времени требовали для своей разработки большее количество рабочихъ рукъ, чѣмъ какое доставлялось эмиграціей изъ старыхъ культурныхъ странъ, и что благодаря этому постоянному превышенію спроса на трудъ надъ предложеніемъ труда заработная плата стоитъ тамъ всегда выше такъ называемаго „минимума средствъ къ существованію“, и пролетарій можетъ всегда скопить сумму, необходимую для того, чтобы сдѣлаться землевладѣльцемъ, скотоводомъ или мелкимъ фабрикантомъ.

Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ острова Новой Зеландіи играютъ по отношенію къ австралійскому матеріку ту же роль пионера прогресса, какую Великобританскіе острова играли по отношенію къ Европѣ и Японскіе острова по отношенію къ Азіи. Новая Зеландія представляетъ настоящую лабораторію всякаго рода социальныхъ экспериментовъ. „Въ 1890 году,—говоритъ въ своей книгѣ бывшій новозеландскій министръ труда г. Ривсъ,—на политическую арену Новой Зеландіи выступила новая сила—организованный трудъ“ *). И за одни только 1890-ые годы новозеландское правительство, при энергичномъ содѣйствіи этой новой силы — „организованнаго труда“,—не только разрѣшило мирнымъ законодательнымъ путемъ многія проблемы, за которыя Европа ломала копья и проливала кровь въ теченіе цѣлаго вѣка, но также и ввело многія реформы. Читатель, мы надѣемся, не посѣтуетъ на насъ, если мы нѣсколько задержимъ его вниманіе на нѣкоторыхъ социальныхъ экспериментахъ этой маленькой колоніи.

II.

Называя Новую Зеландію „маленькой“ колоніей, мы должны оговориться. Она мала только по числу жителей: все ея населеніе къ началу 1899 года равнялось лишь 783.317 чел., въ тожъ числѣ было 39.854 туземца-маори **); но по своей площади новозеландскіе острова немногимъ меньше Великобританіи съ Ирландіей. Площадь послѣднихъ двухъ острововъ равняется 121.305 кв. миль, площадь же Новой Зеландіи—104.471 кв. миль. По климату Новая Зеландія принадлежитъ къ числу наиболѣе счастливыхъ странъ въ мірѣ. „Я не могу себя представить болѣе прекрасной природы, болѣе счастливыхъ климатическихъ условій“,—замѣтилъ Сидней Веббъ въ своей лекціи, прочитанной имъ послѣ своего путешествія по Америкѣ и Австралазіи,—„конечно, не считая неба и климата нашего Лондона“,—воспѣшилъ онъ прибавить иронически.

Новая Зеландія была присоединена къ Британской имперіи въ 1840 году. Въ этомъ году англійскій капитанъ Гобсонъ вошелъ въ соглашеніе съ туземными вождями, по которому страна эта была объявлена принадлежностью англійской короны, всѣ же права на землю сохранены за туземцами. До 1852 года Новая Зеландія управлялась чиновниками, присланными изъ Англій, но съ этого года

*) См. *The long white cloud*, by W. P. Reeves. London. 1898. г. Ривсъ состоитъ теперь политическимъ агентомъ Новой Зеландіи при британскомъ правительствѣ.

***) Пользуемся данными, приведенными въ *The New Zealand Official Year-Book*, за 1899 годъ.

она получаетъ представительный образъ правленія. По конституціи 1852 г. главою ея правительства считается присылаемый англійской королевой губернаторъ, но власть его чисто символическая и ограничивается лишь правомъ временно отказывать въ своей санкціи принятыхъ новозеландскимъ парламентомъ биллей. Онъ обязанъ выбирать министровъ изъ среды большинства нижней палаты. Эта конституція отличается отъ конституціи, дарованныхъ другимъ англійскимъ колоніямъ, тѣмъ, что ею было уставовлено въ Новой Зеландіи не только центральное правленіе, но и мѣстное. Благодаря гористому характеру страны и трудности проложенія удобныхъ путей сообщенія, сношенія между поселенцами, главнымъ образомъ, шли морскимъ путемъ, и заселеніе Новой Зеландіи не исходило въ видѣ радіусовъ изъ одного центра, какъ въ другихъ колоніяхъ, а развивалось спорадически и одновременно въ разныхъ пунктахъ страны, — въ Ауклендѣ, Уеллингтонѣ, Крайстчерчѣ, Дунединѣ и другихъ мѣстахъ. Географическія условія, такимъ образомъ, вызвали одновременное образованіе шести мѣстныхъ парламентовъ, законодательныя и исполнительныя полномочія которыхъ были ограничены правами центрального парламента, но которые тѣмъ не менѣе наложили свою печать на дальнѣйшій характеръ политической жизни страны *). Въ 1876 году провинціальные парламента, число которыхъ къ тому времени возросло, благодаря раздѣленію страны на десять областей, были подъ давленіемъ центрального правительства уничтожены, такъ какъ они служили тормозомъ при выполненіи проектовъ общественныхъ сооруженій общенациональной важности. Но и до сихъ поръ, когда въ парламентѣ обсуждается проектъ какихъ-нибудь работъ общенациональнаго значенія, каждая изъ областей предъявляетъ свои права на полученіе равныхъ выгодъ отъ предполагаемаго сооруженія.

Въ 1891—1893 г. конституція подверглась дальнѣйшимъ реформамъ. Верхняя палата, состоявшая до 1891 г. изъ 46 членовъ, назначаемыхъ *пожизненно* губернаторомъ колоніи, стала съ этого года состояться изъ членовъ, назначаемыхъ лишь на семь лѣтъ. Два мѣста въ верхней палатѣ были сохранены за маори. Актомъ 1893 г. женщинамъ обѣихъ національностей (маори и бѣлыхъ) были предоставлены равныя избирательныя права съ мужчинами. Но женщина еще не имѣетъ права быть членомъ парламента. Наконецъ, въ 1896 г. былъ уничтоженъ всякій имущественный цензъ для избирателей, и всякій мужчина или женщина старше 21 года имѣетъ право голосовать при выборахъ въ парламентъ. Маори были предоставлены 4 мѣста въ нижней палатѣ (изъ общаго числа въ 74), и они, въ виду неполной осѣдлости ихъ образа жизни, были освобождены отъ необходимости, для полученія избирательныхъ правъ, записываться въ избирательные списки **). Маори имѣютъ также своего представителя въ новозеландскомъ кабинетѣ министровъ.

*) См. по этому поводу *Australasian Democracy*, by Henry de R. Walker. London, 1897 г., pp. 82—83.

***) Попечительное отношеніе новозеландскаго закона къ маори объясняется тѣмъ высокимъ уваженіемъ, какое маори завоевали себѣ благодаря своему

Ш.

Мягкостью климатическихъ условий объясняется въ известной степени тотъ фактъ, что процентъ смертности въ Новой Зеландіи ниже, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ мірѣ, какъ мы это видимъ изъ слѣдующей таблицы:

На 1.000 чел. *) въ Новой Зеландіи въ 1896 году умерло	9,1 чел.
„ „ „ „ Шотландіи	16,9 „
„ „ „ „ Англіи	17,1 „
„ „ „ „ Ирландіи	18,5 „
„ „ „ „ Даніи	15,5 „
„ „ „ „ Норвегіи	15,2 „
„ „ „ „ Голландіи	17,2 „
„ „ „ „ Швейцаріи	18,4 „
„ „ „ „ Франціи	20,2 „
„ „ „ „ Германіи	20,8 „
„ „ „ „ Италіи	24,2 „
„ „ „ „ Австріи	26,4 „
„ „ „ „ Венгріи	28,8 „
„ „ „ „ Россіи	34,2 чел.

Низкій процентъ смертности объясняется, конечно, не одной мягкостью климата, но также и высокимъ уровнемъ благосостоянія и культуры новозеландскаго населенія. Приводимъ нѣкоторыя данныя.

Общая цѣнность привезенныхъ въ Новую Зеландію товаровъ равнялась въ 1898 году 8.230.600 ф. ст., противъ 5.941.900 ф. ст. въ 1888 году. Общая цѣнность вывоза равнялась въ 1898 г. 10.517.955 ф. ст., противъ 7.767.325 ф. ст. въ 1888 г. Такимъ образомъ, въ среднемъ, на каждого жителя приходилось въ 1898 году привоза свыше 11 ф. ст. и вывоза свыше 14 ф. ст., т. е. всего вѣншей торговли около 25,5 ф. ст. **) (около 250 руб.) Для того, чтобы оцѣнить все значеніе этихъ цифръ, сравнимъ ихъ, напримѣръ, съ вѣншей торговлей Россіи. Русскій ввозъ и вывозъ въ общей суммѣ достигъ въ 1898 г.

геройскому сопротивленію, оказанному ими въ войнахъ 40—60-хъ годовъ, когда бѣлые, подъ фиктивными предлогами, принялись присваивать себѣ земли туземцевъ. Къ сожалѣнію, чахотка производитъ страшныя опустошенія среди этого симпатичнаго племени. За послѣднія 50 лѣтъ численность новозеландскихъ маори уменьшилась втрое. Когда европейцы впервые вступили на новозеландскую почву, они тамъ застали еще около 120.000 маори. Маори—высокаго роста (1 м. 76 с.), грудь у нихъ широкая, но пропорціональная, тѣло болѣе длинное и ноги болѣе короткія, чѣмъ у европейцевъ. Цвѣтъ кожи варьируетъ отъ желтовато-бѣлаго до мѣднаго оттѣнка. Волосы черныя, слегка завивающіеся; борода встрѣчается довольно рѣдко. Черныя глаза смотрятъ открыто и прямо, черепъ слегка удлиненъ, скулы и челюсть мало выдаются, носъ прямой, временами орлиный.

См. *La Grande Encyclopédie*. Т. 25, стр. 105.

*) Данныя эти взяты изъ *New Zealand Year-Book*, за 1899 г., стр. 112. Цифра о Россіи выведена изъ данныхъ, имѣющихся въ *Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона*, въ томѣ о Россіи, стр. 95.

**) *New Zealand Year-Book*. за 1899, стр. 219, 271.

1.359.9 миллионъ *) рублей; въ среднемъ, на каждого жителя приходится около 10 руб. цѣнности ввѣщенной торговли, т. е. въ двадцать пять разъ меньше, чѣмъ въ Новой Зеландіи.

Площадь обрабатываемой земли равнилась въ 1898 году въ Новой Зеландіи 11.984.606 акрамъ, т. е. въ среднемъ на каждого жителя приходилось около 15 акровъ (около 5 1/2 десятинъ). На каждого жителя приходилось въ этомъ году въ среднемъ около 2 головъ крупнаго скота и около 25 овецъ **). Въ 1899 году въ 6.286 заведеніяхъ обрабатывающей промышленности работало 45.305 человекъ ***). Заработокъ каждого рабочаго равнялся 800 руб. въ годъ и каждой работницы—300 руб. (въ круглыхъ цифрахъ).

Эти цифры достаточны, чтобы показать, какъ велика энергія промышленной дѣятельности новозеландскаго населенія и какъ высокъ уровень его благосостоянія. Несмотря на значительный размѣръ падающихъ на каждого жителя налоговъ (въ среднемъ около 36 руб. ****) и на огромный сравнительно государственный долгъ (около 470 миллионъ *****), т. е. 588 руб. на каждого жителя), страна процвѣтаетъ и населеніе благоденствуетъ. Обиліе земли и неисчерпаемость естественныхъ богатствъ, въ связи съ причинами, указанными выше, обуславливаютъ тотъ фактъ, что Новая Зеландія, въ противоположность странамъ Стараго свѣта, не знаетъ крайностей богатства и бѣдности. Среди жителей Новой Зеландіи нѣтъ ни одного миллионера, а „безжалостная нищета встрѣчается лишь въ рядахъ инвалидовъ, покинутыхъ женъ и безнадежныхъ идиотовъ“ *****).

Лучшимъ показателемъ народнаго благосостоянія служитъ размѣръ потребляемаго населеніемъ мяса. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ любопытное показаніе доктора Джона Мурра, замѣчательнаго знатока новозеландской жизни. „Въ то время, какъ въ Англіи,—говоритъ онъ,—взрослый человекъ потребляетъ 110 фунтовъ мяса въ годъ и въ Америкѣ—120 фун., взрослый житель Новой Зеландіи потребляетъ отъ 200—250 фунт.“ *****).

Уровень просвѣщенія соотвѣтствуетъ въ Новой Зеландіи уровню ея благосостоянія. Все ея взрослое населеніе грамотно. Начальное образованіе бесплатно, обязательно для дѣтей 7—13-лѣтняго возраста и лишено религіознаго элемента. Въ колоніи имѣется въ общемъ 1.798 школъ, въ которыхъ обучается болѣе 153 тысячь дѣтей обоюго пола *****). Болѣе 2.700 человекъ обучается въ высшихъ

*) *Энцикл. словарь, ibid.*, стр. 328.

***) *New Zealand Year-Book*, стр. 385.

****) *Report of the Department of Labour*, за 1899 г., стр. 11.

*****) *New Zealand Year-Book*, стр. 384.

*****) *Ibid*, стр. 370.

*****) *Some Social and Industrial Experiments*. By W. P. Reeves, въ *Manchester Herald*, за май 1899 г.

*****) *New Zealand for the emigrant, invalid and tourist*. By John Murray Moore. London. 1890 г., р. 204.

*****) См. *New Zealand Official Year-Book*, за 1899 г., стр. 154; данныя относятся къ началу 1898 года,

школах; въ Новой Зеландіи имѣется университетъ, технологическій институтъ, два горныхъ училища, сельско-хозяйственный институтъ, владѣющій 60.000 акровъ земли, и четыре рисовальныхъ школы. Больше ста тысячъ человекъ посѣщало въ 1896 г. воскресныя школы, въ которыхъ преподавали 11.111 учителей и учительницъ *). Число библиотекъ достигало въ томъ же году 304, и въ нихъ находилось около 410 тысячъ названій книгъ. Наконецъ, въ Новой Зеландіи издавалось въ 1898 году 208 періодическихъ изданій, изъ нихъ 50 ежедневныхъ газетъ.

Таковы важнѣйшія статистическія черты Новой Зеландіи. Чтобы понять все ихъ значеніе, должно вспомнить, что все ея населеніе съ удобствомъ можетъ умѣститься въ любой изъ русскихъ губерній.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію социальнаго и рабочаго законодательства Новой Зеландіи, мы считаемъ нужнымъ указать еще на одинъ замѣчательный фактъ,—на непрерывное паденіе процента рождаемости въ этой колоніи, наблюдаемое тамъ на-ряду съ ростомъ процента браковъ. Фактъ этотъ наблюдается не въ одной только Новой Зеландіи, но и во всѣхъ колоніяхъ Австраліи. Это ясно видно изъ таблицы рождаемости во всѣхъ семи колоніяхъ за послѣднія 11 лѣтъ **).

На каждые 1.000 человекъ рождалось:

	1888 годъ.	1889 годъ.	1890 годъ.	1891 годъ.	1892 годъ.	1893 годъ.	1894 годъ.	1895 годъ.	1896 годъ.	1897 годъ.	1898 годъ.
Квинслендъ . . .	37,77	36,27	40,95	36,35	35,84	33,73	31,86	32,85	30,06	29,92	28,28
Нов. Южн. Валлисъ	36,18	33,73	35,35	34,50	34,41	32,23	31,47	30,66	28,35	28,42	27,13
Викторіи . . .	32,49	32,95	33,60	33,57	32,54	31,25	29,16	28,57	27,33	26,70	25,73
Южн. Австраліи.	33,34	32,37	32,75	33,92	32,32	31,71	30,49	30,23	28,46	26,44	24,55
Зап. Австралія***)	35,88	37,14	32,55	34,85	33,01	34,14	27,49	25,62	22,65	26,82	29,35
Тасманіи . . .	33,10	31,94	33,49	33,37	32,48	33,92	31,13	30,10	28,16	27,73	26,25
Новой Зеландіи.	31,22	30,07	29,44	29,01	27,83	27,50	27,28	26,78	26,33	25,96	25,74

Процентъ рожденій началъ падать съ 1880 года, когда онъ равнялся 40.78 на тысячу жителей, и паденіе его до сихъ поръ прогрессируетъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ. Въ 1880 году въ Новой Зеландіи родилось 19.341 чел.,

*) *Ibid.*, pp. 165,167. Воскресныя школы посѣщались въ этомъ году 54.063 учениками и 61.982 ученицами.

**) *Ibid.*, стр. 100 и 101.

***) Рѣзкіе переходы отъ высокаго процента рожденій къ низкимъ и наступающая вслѣдъ за тѣмъ медленная реакція находятся повидимому въ связи съ періодическими открытіями золотыхъ россыпей. Такъ, напр., въ 1892 г. были открыты богатѣйшія россыпи въ округѣ Кулгарди и въ страну вскорѣ нахлынула волна авантюристовъ, преимущественно людей холостыхъ. Естественно было ожидать паденія процента рожденій, такъ какъ число рожденій слѣдующаго года приходилось дѣлить между значительно увеличившимся числомъ жителей. И дѣйствительно, этотъ процентъ рѣзко упалъ съ 34,14 (въ 1893 г.) до 27,49 (въ 1894 г.).

а въ 1898 г.—только 18.955. Между тѣмъ населеніе за это время поднялось съ 484.864 чел. (въ 1881 году) до 736.260 (въ 1898 г.),—не считая моря, — и число браковъ увеличилось съ 3.181 до 5.091. Процентъ рожде- ній упалъ съ 40,78 на тысячу (1880 г.) до 25,74 (1898 г.). Приростъ насе- ленія объясняется въ значительной степени иммиграціей и пониженіемъ смерт- ности.

Отрицательный фактъ представляетъ глубокой соціологической интересъ. Здѣсь нѣтъ тѣхъ экономическихъ причинъ, которыя побуждаютъ въ Германіи среднее крестьянство держаться *Zweikindersystem*; земледѣльцамъ здѣсь нечего бояться раздробленія надѣловъ между ихъ наслѣдниками, какъ этого боятся мелкіе крестьяне во Франціи. Здѣсь, наоборотъ, обширныя пространства земли открыты для свободнаго заселенія, и трудъ цѣнится выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ мірѣ. Казалось бы, лишній ребенокъ долженъ былъ бы здѣсь считаться благо- словеніемъ Божиимъ, между тѣмъ процентъ рождаемости неудержимо падаетъ. Укажемъ лишь на то, что въ Новой Зеландіи, и въ значительной мѣрѣ во всей Австралазіи, нѣтъ именно тѣхъ классовъ населенія, которые въ Европѣ даютъ наибольшій процентъ рождаемости, а именно безнадежныхъ бѣдняковъ, не имѣю- щихъ никакихъ шансовъ подняться выше по соціальной лѣстницѣ.

Фактъ непрестаннаго пониженія процента рождаемости въ Австралазіи за- служиваетъ серьезнаго изученія соціологовъ. Но каковы бы ни были причины, порождающія этотъ фактъ, онъ несомнѣнно указываетъ на произвольность теоріи Мальтуса. Въ Новой Зеландіи лишній ребенокъ является орудіемъ обогаще- нія, и потому экономическія условія жизни должны были бы побуждать жителей къ размноженію и не могутъ объяснять пониженія процента рождаемости.

IV.

Финансовыя реформы, аграрная политика, конституціонные законы и рабо- чее законодательство,—таковы тѣ сферы, въ которыхъ реформаторскій духъ ново- зеландскаго правительства далъ наиболѣе плодотворные результаты. Мы теперь остановимся на реформахъ въ области рабочаго законодательства *).

Рабочіе законы Новой Зеландіи кодифицированы въ отдѣльномъ томѣ въ 400 сличнымъ страницъ убористой печати **). Въ этомъ томѣ имѣется бо- лѣе 60 законодательныхъ актовъ, важнѣйшимъ изъ которыхъ является законъ о

*) Съ аграрной политикой Новой Зеландіи можно ознакомиться по книгѣ: *Australasian Democracy*, by Henry de R. Walker. См. главу 4-ую: *The Land Policy of New Zealand*, pp. 82—120. О результатахъ введенія закона объ избира- тельныхъ правахъ женщинъ см. *ibid.*, глава VIII: *Female Suffrage*, pp. 184—211. Рядъ любопытныхъ статей по аграрному вопросу имѣется также въ *New Zealand Official Year-Book*, за 1899 г. См. также *The Seven Colonies of Australasia*. 1897—1898 гг. By T. A. Coghlan. Сидней. 1898 г. Главы: *Agriculture* (pp. 250—303) и *Land and Settlement* (pp. 467—513).

**) *The Labour Laws of New Zealand*. Wellington. 1896. (2-е изданіе. Это оф- фиціальное изданіе составлено весьма толково и продается за ничтожную цѣну. За послѣдніе 3 года вышли три „дополненія“.

третейскихъ судахъ для устраненія конфликтовъ между хозяевами и рабочими, — *The Industrial Conciliation and Arbitration Act*, 1894 г. Насколько важенъ этотъ законъ, можно судить по тому, что съ тѣхъ поръ какъ онъ вошелъ въ силу, въ *Новой Зеландіи* не было ни одной стачки, ни одного локоута *). Этимъ закономъ вносится въ область національнаго производства принципъ широкаго государственнаго контроля. Всѣ безъ исключенія страны Европы и Америки сознаютъ, насколько губельны для національнаго благосостоянія непрерывно вспыхивающіе между рабочими и предпринимателями конфликты, и насколько необходимо предупрежденіе и устраненіе такихъ конфликтовъ. Но ни одна изъ странъ Новаго и Старога свѣта не рѣшилась до сихъ поръ прибѣгнуть къ авторитетному контролю законодательства, къ орудію государственнаго принужденія. Новая Зеландія въ этой области, какъ и во многихъ другихъ, является пионеромъ.

Въ основу закона Новой Зеландіи о промышленныхъ третейскихъ судахъ положены три важныхъ принципа.

Во-первыхъ—принципъ *организующій*. Для государства, желающаго мирнаго развитія благосостоянія своихъ гражданъ, чрезвычайно важно, чтобы индивидуумы внутри его были организованы въ свободные союзы для защиты своихъ общихъ интересовъ. Въ промышленныхъ конфликтахъ обыкновенно принимаетъ участіе такая масса индивидуумовъ съ столь различными взглядами, привычками, темпераментами, что государство не можетъ выполнить свою примирительную роль, пока эти индивидуумы не организованы въ два союза, изъ которыхъ каждый является какъ бы олицетвореніемъ одного общаго интереса. Въ виду этого вся первая часть новозеландскаго закона о третейскихъ судахъ (статьи 3—16) посвящена исключительно мѣрамъ, имѣющимъ въ виду развитіе объединенія рабочихъ, съ одной стороны, и *предпринимателей*,—съ другой, въ трэдъ-юніоны и союзы. Самый актъ названъ въ „кодексѣ рабочаго законодательства“ ***) *закономъ, поощряющимъ образованіе промышленныхъ союзовъ и ассоціацій и облегчающимъ, при помощи примирительныхъ и третейскихъ судовъ, мирное разрѣшеніе промышленныхъ конфликтовъ*. На основаніи 42-ой статьи этого закона, третейскаго суда могутъ потребовать каждый зарегистрированный до или послѣ обнародованія этого акта рабочій союзъ, рабочая ассоціація, трэдъ-юніонъ, кооперативное общество, вообще каждый кружокъ рабочихъ, состоящій не менѣе, чѣмъ изъ семи членовъ, а также, съ другой стороны, каждый предприниматель или союзъ предпринимателей ***). „Отдѣльный неорганизованный рабочій не имѣетъ по закону права привлечь своего хозяина къ третейскому суду,—говоритъ г. Ривсъ ****), авторъ этого

*) Локоуть—*lockout*— закрытіе хозяиномъ своихъ мастерскихъ, отказъ допустить туда рабочихъ.

**) *Ibid.*, p. 52.

***) „*The Labour Laws of New Zealand*“, p. 58 и слѣд.

****) См. его статью *Five years' reform in New Zealand*, въ *'National Review* за авг. 1896 г. „Въ Новой Зеландіи, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—не

законодательнаго акта,—и это на томъ основаніи, что конфликты между отдѣльнымъ рабочимъ и хозяиномъ не угрожаютъ національному благополучію и потому не требуютъ государственнаго вмѣшательства“. Но отдѣлъ I этого акта устанавливаетъ цѣлый рядъ льготъ и привилегій, предоставляемыхъ всѣй зарегистрированной рабочей организаціи, благодаря которымъ для новозеландскихъ рабочихъ представляется крайне выгоднымъ организоваться въ союзы. Предоставляя рабочимъ союзамъ всѣ права юридическихъ лицъ, новозеландскій законъ въ то же время не отнимаетъ у нихъ ни одного изъ правъ, которыми пользуются частныя лица. На основаніи *Conspiracy Law Amendment* (1894 г.), никакое дѣйствіе, совершенное сообща, организованнымъ обществомъ, не считается противозаконнымъ, если такое дѣйствіе не преслѣдуется закономъ, когда оно совершено отдѣльнымъ лицомъ *).

Вторымъ устоемъ разсматриваемаго акта является *обязательность*, принужденіе. Всякій хозяинъ имѣетъ право притянуть своихъ рабочихъ къ *мѣстному примирительному комитету*; такое же имѣетъ право всякій рабочей союзъ по отношенію къ своему хозяину или своимъ хозяевамъ. Если комитету не удалось примирить стороны,—какъ хозяинъ, такъ и рабочіе имѣютъ право апеллировать къ высшему третейскому суду, и рѣшеніе послѣдняго дѣлается обязательнымъ для обѣихъ сторонъ. Мало того, высшій судъ (состоящій изъ предсѣдателя—государственнаго судьи—и двухъ членовъ: одного—представителя организованнаго труда и другого—представителя отъ предпринимателей) можетъ постановить, что рѣшеніе его по частному дѣлу имѣетъ *обязательную силу для всѣхъ предпринимателей и всѣхъ организованныхъ рабочихъ данной отрасли промышленности въ данномъ округѣ*. „Такимъ образомъ,—говоритъ г. Ривсъ **),—предприниматели, не имѣющіе никакой ссоры со своими рабочими, могутъ быть вынуждены подчиниться рѣшенію суда, постановленному по иску трэдъ-юніона, члены котораго работаютъ у какого-нибудь другого предпринимателя. Достаточно немного подумать, чтобы понять, насколько важна эта статья закона. Безъ устанавливаемаго ею единообразія законъ врядъ ли могъ бы быть примѣняемъ къ жизни, такъ какъ наихудшій классъ светеровъ ***) избѣжалъ бы дѣйствія закона (въ виду неорганизованности рабочихъ

организованные рабочіе предполагаются довольными своимъ положеніемъ. Если они чувствуютъ себя не довольными, они могутъ организоваться, и государство всегда готово оказать имъ помощь въ этомъ дѣлѣ“. См. его статьи въ *Manchester Herald*, за май 1899 г.

*) См. предисловіе къ *Labour Laws*, стр. VII.

**) См. его 5-ю статью въ *Manchester Herald*, май, 1899 года.

***) Светеромъ (*sweater*) или, буквально, потовыжимальщикомъ называется въ Англіи и англо-саксонскихъ странахъ мелкій предприниматель, безжалостно эксплуатирующій своихъ рабочихъ и служащихъ. Мастерскія светеровъ, вслѣдствіе своихъ малыхъ размѣровъ, обыкновенно ускользаютъ отъ контроля фабричнаго инспектора, и потому въ нихъ рабочая плата ниже и рабочей день длиннѣе, чѣмъ въ промышленныхъ заведеніяхъ, подлежащихъ контролю инспектора. Въ широкомъ смыслѣ этого слова светеромъ называется человекъ, злоупотребляющій своимъ положеніемъ работодателя.

мастерской светера), а лучшие хозяева были бы поставлены в худшие условия, чем светеры“. Вот эта-то статья и заключает тот третий *уравнительный* принцип, которому закон обязан своим успешным применением.

Местные примирительные комитеты устанавливаются в каждом промышленном округе. Число членов каждого комитета зависит от усмотрения губернатора колонии, но оно не может быть меньше четырех и больше шести. Члены эти избираются союзами предпринимателей и союзами рабочих, причем половина членов избирается капиталом и половина трудом; выборы каждой стороны происходят отдельно. Члены комитета затем сами выбирают председателя, но не из своей среды. Примирительный комитет есть учреждение постоянное, состав которого переизбирается каждые три года. Постановления комитета решаются простым большинством голосов его членов, причем председатель его подает свой только в том случае, когда при голосовании члены разделились поровну. В этом случае голос председателя решает вопрос. Во всех своих правах—при допросе свидетелей, выребованиях от тяжущихся сторон разных документов и деловых книг и т. д.—комитет приравнивается к обыкновенному суду. На решения комитета, как уже сказано, каждая из тяжущихся сторон может апеллировать в высший третейский суд, которого постановления окончательны.

Пока дело находится на рассмотрении суда, рабочие и хозяева, заинтересованные в деле, не имеют права устроить ни стачки, ни докоута. Когда же окончательный приговор произнесен, хозяин должен подчиниться ему или же закрыть навсегда свою фабрику; точно так же рабочий должен продолжать работу на указанных судом условиях или навсегда покинуть работу в данном округе. В своем приговоре, впрочем, суд должен указать, в продолжение какого времени приговор должен считаться обязательным, причем срок этот не должен превышать два года.

V.

Новый закон впервые был призван уладить конфликт, возникший между владельцами золотых россыпей и их рабочими по вопросу о заработной плате. Владетели—акционерная компания—уменьшили заработную плату с 5 рублей в день (считая 1 шил. = 50 коп.) до 4 руб. 15 коп. Рабочие, которые тогда не были организованы в трэдъ-юнион, устроили стачку. Компания тогда предложила им работать по 4 р. 50 к. в день, и рабочие, по совету своих лидеров, согласились на этих условиях временно возобновить работу. Вслед за этим они немедленно организовались в трэдъ-юнион, внесли этот союз в правительственные списки и затем перенесли свой спор с хозяевами в местный примирительный комитет. Решение комитета рабочим не понравилось, и они апеллировали в высший третейский суд. Высший суд, рассмотрев все обстоятельства конфликта, постановил, что заработная плата должна быть определена в 4 р. 75 к., и обе стороны охотно подчинились этому решению, так как каждая считала себя в выигрыше.

Вскорѣ возникъ болѣе крупный конфликтъ въ Крайстчерчѣ. Между работодателями и рабочими сапожного производства этого округа существовало нота-риальное соглашеніе, опредѣлявшее всѣ условія работы. Когда срокъ этому соглашенію истекъ, хозяева захотѣли измѣнить нѣкоторые пункты. Рабочіе отвергли ихъ новыя условія и передали дѣло сначала въ мѣстный примирительный комитетъ, а затѣмъ и въ высшій судъ, рѣшенію котораго обѣ стороны подчинились. Предсѣдатель высшаго суда на этотъ разъ снабдилъ свой приговоръ официальной мотивировкой, которую мы, въ виду ея интереса, приводимъ цѣликомъ *): „Третейскій судъ не имѣлъ обыкновенія раньше снабжать мотивировкой свои рѣшенія. Мы засѣдаемъ въ качествѣ обыкновенныхъ третейскихъ судей, и потому намъ казалось, что мы, подобно имъ, должны постановлять приговоры, не объясняя нашихъ мотивовъ. Въ данномъ, однако, случаѣ я, по крайней мѣрѣ, думаю, что было бы желательно выяснитъ мотивы, руководившіе судомъ при постановленіи нѣкоторыхъ пунктовъ приговора. Я имѣю въ виду 1 и 2 §§ договора, который ассоціація предпринимателей предложила рабочимъ, а именно: „I. а) Рѣшеніе вопроса, кого принимать на работу, является исключительнымъ правомъ cadaго отдѣльнаго хозяина; б) рѣшеніе вопроса, принять или не принять условія хозяина, представляетъ исключительное право cadaго отдѣльнаго рабочаго. II. Хозяева или рабочіе, каждый въ отдѣльности, или же черезъ ихъ союзы, не имѣютъ права жаловаться на кого-либо только за то, что онъ состоитъ или что онъ не состоитъ членомъ союза; между организованными и не организованными рабочими не должно дѣлать никакой разницы, и каждый долженъ работать на однихъ и тѣхъ же условіяхъ и получать за одинаковую работу равную плату“. Союзъ сапожниковъ за эти предложенія выразилъ суду желаніе, чтобы въ мастерскія союзы хозяевъ допускались къ работѣ только члены ихъ союзовъ. Судъ, однако, не считаетъ возможнымъ присоединиться къ этой крайней точкѣ зрѣнія сапожниковъ. Если бы удовлетворить ихъ желаніе, то могло бы случиться, что хозяинъ, имѣющій заказы, но не могущій найти среди членовъ союза сапожниковъ такихъ, которые бы нуждались въ работѣ, вынужденъ былъ бы отказать своимъ заказчикамъ; съ другой стороны, сапожники, не принадлежащіе къ союзу сапожниковъ, потеряли бы всякую возможность зарабатывать свой хлѣбъ въ мастерскихъ союзовъ хозяевъ. Такая мѣра, по моему, по крайней мѣрѣ, мнѣнію, вышла бы за предѣлы того, что судъ въ правѣ постановить. Съ другой стороны, однако, я считаю невозможнымъ принять упомянутые два параграфа въ той абсолютной формѣ, въ какой союзъ хозяевъ ихъ предлагаетъ. Судъ долженъ, я полагаю, сообразоваться съ намѣреніями законодателя, выраженными въ законѣ о примирительныхъ и третейскихъ промышленныхъ судахъ, и не долженъ дѣлать ничего такого, что могло бы уничтожить или ослабить силу какого-либо промышленнаго союза. Намѣреніе законодателя выражено въ самомъ названіи акта, который названъ *закономъ для поощренія организаціи промышленныхъ союзовъ и ассоціацій*. На судѣ, сверхъ того, выяснилось, что въ мастерскихъ союзовъ хозяевъ за послѣдніе три

*) Цит. у Walker'a, *Australasian Democracy*, pp. 287—290.

года фактически работали исключительно члены союза сапожниковъ. Правда, хозяева заявили, и вѣроятно справедливо, что они придерживались этого условия потому, что вынуждены были къ этому рабочими, но фактъ остается тотъ, что ихъ мастерскія до сихъ поръ работали на этомъ условіи, и что теперь они хотятъ ввести условіе совершенно противоположнаго характера. Мы также знаемъ, что бывшій до сихъ поръ въ силѣ договоръ былъ выработанъ и принятъ на конференціи, состоявшей изъ делегатовъ отъ *союза* хозяевъ и *союза* сапожниковъ, а не отъ отдѣльныхъ лицъ, и что теперь идетъ распря тоже между этими союзами, а не отдѣльными лицами. Только черезъ посредство союза рабочіе и могутъ получить тѣ орудія защиты, какія настоящей законъ имъ предоставляетъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, я не вижу ничего неразумнаго въ томъ, что союзъ требуетъ специальныхъ привилегій для своихъ членовъ. Такъ какъ борьбу ведетъ союзъ, то справедливо, чтобы результаты побѣды,—поскольку это есть побѣда, и поскольку ея результаты выгодны,—были бы прежде всего выгодны для членовъ союза, потому что союзъ борется прежде всего за интересы своихъ членовъ, а не за интересы людей, стоящихъ внѣ союза. При такихъ условіяхъ, я нахожу вполне справедливымъ, чтобы членамъ союза оказывалось предпочтеніе передъ не-членами при наймѣ на работы, чтобы имъ не приходилось сидѣть безъ работы, когда въ мастерскихъ союза хозяевъ будутъ работать не-члены: послѣдніе могутъ быть допускаемы въ мастерскія только послѣ того, какъ всѣ члены союза сапожниковъ получатъ работу. Въ этомъ-то смыслѣ судъ и измѣнилъ вышеупомянутые пункты договора. Врядъ ли нужно прибавить, что каждое дѣло, подпадающее подъ дѣйствіе настоящаго закона, должно рѣшаться сообразно съ специальными условіями этого дѣла; ни одно рѣшеніе не должно считаться прецедентомъ для рѣшенія будущихъ дѣлъ. Нѣтъ никакого основанія думать, что приговоръ, постановленный судомъ на основаніи специальныхъ обстоятельствъ даннаго дѣла, долженъ считаться прецедентомъ при разсмотрѣніи другого дѣла, обставленнаго отчасти или вполне отличными обстоятельствами“.

Приговоръ этотъ,—загѣчаетъ де-Вокеръ *), —считается трэдъ-юнионистами крупной побѣдой, и они обнаруживаютъ большую склонность разсматривать его какъ прецедентъ, примѣнимый ко всѣмъ аналогичнымъ случаямъ.

Трагуемый законъ обязанъ своимъ существованіемъ въ значительной степени поддержкѣ, которую оказывали трэдъ-юнионисты правительству, но инициатива его не принадлежитъ трэдъ-юнионамъ. Послѣдніе не подозрѣвали, какое широкое примѣненіе въ жизни этотъ законъ будетъ имѣть. Обѣ стороны считали его орудіемъ для предупрежденія какого-либо случайнаго и мелкаго конфликта. На дѣлѣ, однако, одинъ рабочій союзъ за другимъ стали обращаться къ третейскому суду—иногда съ согласія хозяевъ, но часто противъ ихъ желанія — и ходатайствовать объ урегулированіи той или иной стороны ихъ ежедневной работы. Въ однихъ случаяхъ, не будь обязательнаго третейскаго суда, рабочіе прибѣгнули бы къ стачкѣ; въ другихъ—имъ пришлось бы подчиниться безмолвно требованію

*) *Ibid.*, p. 290.

хозяина, какъ бы оно ни было несправедливо или недѣло. Но третейскій судъ значительно улучшилъ положеніе трэдъ-юніонистовъ и устранилъ разорительныя для обѣихъ сторонъ стачки. Когда судъ находилъ требованія рабочихъ чрезмерными, онъ не задумывался сократить или совсѣмъ отвергнуть эти требованія, и рабочіе всегда безропотно подчинялись неблагоприятному для нихъ рѣшенію. Во всѣхъ важныхъ случаяхъ, гдѣ предсѣдателю высшаго суда приходилось рѣшать принципиальный вопросъ, давались также подробные мотивы постановленнаго рѣшенія. Этимъ путемъ судъ давалъ обѣимъ сторонамъ авторитетное поясненіе обязанностей хозяевъ и рабочихъ и устранилъ возможность недоразумѣній. Мы выше привели мотивировку рѣшенія, благоприятнаго рабочимъ. Приведемъ теперь выдержку изъ мотивировки приговора, отвергшаго всѣ требованія рабочихъ.

Трэдъ-юніонъ рабочихъ по обработкѣ металла обратился къ верховному суду со слѣдующими требованіями (приводимъ лишь главнѣйшія *):

1) чтобы во всѣхъ отрасляхъ металлическаго производства округа Крайстчерча рабочіе работали не болѣе 44 часовъ въ недѣлю (вмѣсто 48 часовъ);

2) чтобы минимумъ заработной платы былъ не ниже девяти шиллинговъ въ день (т. е. около четырехъ съ половиною рублей); тѣ же рабочіе, которые и теперь получаютъ 9—11 шиллинговъ въ день, должны получить прибавку въ 10⁰/о;

3) чтобы число учениковъ было ограничено однимъ на каждыя четыре взрослыхъ рабочихъ;

4) чтобы хозяева при наймѣ рабочихъ отдавали всегда предпочтеніе членамъ трэдъ-юніоновъ, и т. д.

Судъ отказалъ во всѣхъ этихъ требованіяхъ. „Важность интересовъ, затронутыхъ въ этомъ дѣлѣ, такъ велика,—говоритъ судья Эдвардъ,—и принципиальная сторона его имѣетъ такое большое значеніе, что я счелъ нужнымъ изложить тѣ мотивы, которыми я руководился при рѣшеніи“. Далѣе судья дѣлаетъ подсчетъ всѣхъ вообще рабочихъ, занятыхъ обработкой металла въ округѣ Крайстчерча, и тѣхъ изъ нихъ, которые состоятъ членами трэдъ-юніона, и приходитъ къ заключенію, что число послѣднихъ составляетъ лишь небольшой процентъ первыхъ **). Такимъ образомъ, данный трэдъ-юніонъ никомъ образомъ не можетъ говорить отъ лица всѣхъ рабочихъ. „Требованія трэдъ-юніона,—говоритъ далѣе судья,—должны быть, однако, разсмотрѣны съ точки зрѣнія ихъ справедливости, потому что, хотя они и являются требованіями лишь маленькой группы рабочихъ данной отрасли, мы должны были бы ихъ удовлетворить, если бы они были справедливы. Первымъ пунктомъ этихъ требованій является ограни-

*) См. *Report of The Department of Labour of New Zealand*, за 1899 г., стр. 17—21. Эта книга представляетъ отчетъ главнаго фабричнаго инспектора министру труда.

***) Огромное большинство этихъ рабочихъ разбросано по деревнямъ, гдѣ они работаютъ въ качествѣ кузнецовъ, слесарей, надсмотрщиковъ за земледѣльческими машинами и т. д.

чение рабочей недѣли 44 часами. Если бы всѣ рабочіе или даже значительное ихъ большинство желало такого ограниченія, я думаю, было бы разумнымъ сдѣлать имъ эту уступку. Результатомъ такого ограниченія было бы, вѣроятно, то, что хозяевамъ пришлось бы нанять нѣсколькихъ лишнихъ рабочихъ, а недѣльный заработокъ нѣсколько сократился бы. Но изъ допроса свидѣтелей оказывается, что въ большинствѣ крупныхъ мастерскихъ длина рабочаго дня была установлена по обоюдному соглашенію хозяевъ и рабочихъ. Не было приведено никакихъ доказательствъ, что рабочая недѣля въ 48 часовъ является отяготительной для рабочихъ, и что послѣдніе или хотя бы значительная часть ихъ желаютъ какихъ-либо измѣненій въ этомъ направленіи. Безъ такихъ доказательствъ удовлетвореніе требованія трэдъ-юніона было бы актомъ произвола... Вторымъ пунктомъ является требованіе объ увеличеніи заработной платы и установленіи минимума ея... Члены трэдъ-юніона не оспаривали на судѣ, что если бы это требованіе было удовлетворено, известное количество рабочихъ, имѣющихъ теперь недурной заработокъ, должны были бы потерять работу (такъ какъ число мастерскихъ сократилось бы), и на мой вопросъ, что случилось бы съ этими рабочими, одинъ членъ трэдъ-юніона отвѣтилъ мнѣ: „Они могли бы пойти въ дровосѣки“,—отвѣтъ, обнаруживающій весьма несовершенное пониманіе правъ своихъ товарищей-рабочихъ... Точно такъ же неубѣдительны доказательства справедливости остальныхъ требованій... Главнымъ доводомъ въ пользу ограниченія числа учениковъ является указаніе трэдъ-юніона, что безъ такого ограниченія предложеніе труда превыситъ спросъ. Но до сихъ поръ каждый рабочій легко находилъ занятіе въ этой отрасли производства, хотя число учениковъ здѣсь никогда не было ограничиваемо... Требованіе союза, чтобы хозяева при наймѣ рабочихъ оказывали предпочтеніе его членамъ, по моему мнѣнію, падаетъ само собою, разъ установлено, что члены этого союза составляютъ лишь незначительное меньшинство общаго числа рабочихъ, и что огромное большинство отъ удовлетворенія этихъ требованій ничего бы не выиграло... Данное рѣшеніе суда никакимъ образомъ не устанавливаетъ общихъ правилъ насчетъ того, когда члены трэдъ-юніона имѣютъ право требовать привиллегію при наймѣ. Я думаю, что въ каждомъ случаѣ судъ долженъ руководствоваться обстоятельствами даннаго дѣла, долженъ старательно анализировать справедливость доводовъ. И при этомъ анализѣ не малую важность имѣетъ вопросъ: открываетъ ли данный союзъ свободный доступъ каждому желающему зачислить себя членомъ, или нѣтъ?.. Поэтому данное рѣшеніе строго ограничено лишь даннымъ случаемъ...”

Мотивы, которыми судъ руководился, такимъ образомъ, сводятся къ слѣдующему. Если бы данный трэдъ-юніонъ принималъ всякаго желающаго въ свои члены, а не ограничивалъ бы доступъ условіемъ полученія кандидатомъ высокаго уровня заработной платы, и если бы этотъ союзъ заботился объ интересахъ всѣхъ или хотя бы большинства рабочихъ, а не только своихъ членовъ, судъ считалъ бы своей обязанностью удовлетворить его требованія. Въ отчетѣ фабричнаго инспектора за 1899 годъ мы находимъ въ общемъ около 50 рѣшеній суда, и во всѣхъ этихъ случаяхъ, за исключеніемъ вышеприведеннаго, судъ удовлетворяетъ

требования рабочих вполне или отчасти. Во всех своих решениях судья имел в виду улучшение рабочего класса в его целомъ, а не только небольшой привилегированной группы, и всегда онъ руководствовался тѣмъ соображеніемъ, что въ процессѣ организаціи производства, т. е. работъ, рабочій долженъ имѣть равный голосъ съ хозяиномъ, такъ какъ оба они одинаково заинтересованы въ успѣшности работъ.

VI.

Читатель, привыкшій къ тѣмъ производственнымъ отношеніямъ, которыя господствуютъ въ Европѣ и въ Америкѣ, можетъ спросить: не отвѣчается ли гибельно на развитіи промышленности такого рода принудительное устраненіе конфликтовъ между капиталомъ и трудомъ? Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ идти успѣшно производство, разъ хозяинъ не будетъ безконтрольнымъ господиномъ своихъ рабочихъ на своей фабрикѣ?

Эти вопросы напоминаютъ страхи американскихъ плантаторовъ 50-хъ гг., что „свободный“ негръ не захочетъ работать на своего хозяина, или опасенія русскихъ крѣпостниковъ той же эпохи, что никакое хозяйство не будетъ возможнымъ, разъ крестьянинъ будетъ „вольнымъ“.

Новозеландецъ сэръ Робертъ Стоутъ увѣряетъ, что законъ о промышленныхъ третейскихъ судахъ оказался на практикѣ весьма неудачнымъ. Большая часть конфликтовъ,—жалуется онъ,—заканчивается не въ первой инстанціи (*Conciliation Boards*), а въ высшемъ судѣ, т. е. въ принудительной инстанціи, и „нѣтъ сомнѣнія, что отношенія между хозяиномъ и рабочимъ теперь не такъ хороши, какими они были до существованія этого закона“ *). Къ сожалѣнію, сэръ Р. Стоутъ ограничивается однимъ только этимъ голословнымъ утверженіемъ и не даетъ поэтому ничего, кромѣ субъективнаго впечатлѣнія. Г. Ривсъ, авторъ этого закона, высказываетъ совершенно иное мнѣніе.

Но лучше всего отвѣчаютъ на этотъ вопросъ цифры. Число всехъ рабочихъ, занятыхъ въ Новой Зеландіи въ обрабатывающей промышленности, равнялось въ 1895 году—29.879; въ 1896 г. (годъ приведенія въ дѣйствіе закона о третейскихъ судахъ)—32.387; въ 1897 г.—36.918; въ 1898 г.—39.672 и въ 1899 г.—45.305 **). За четыре послѣднихъ года число рабочихъ увеличилось, слѣдовательно, на 15.426 чел., т. е. на 52%. Между тѣмъ за пятилѣтіе съ 1886—1891 гг. число рабочихъ поднялось только на 3.538, т. е. на 16%, и за 1891—1896 гг.—на 1.756 чел., т. е. на 7% ***).

Эти цифры достаточно характерны: онѣ безспорно доказываютъ, что внесе-

*) См. его статью въ *Contemporary Review*, за окт. 1899 г.

***) См. *Rapport of the Department of Labour*, II, за 1899 г.

****) См. *New Zealand official Year-book* за 1899 г., стр. 272.

ніе государственнаго контроля въ производство,—контроля, устраняющаго рискъ и потери, порождаемыя стачками, и улучшающаго положеніе труда, не только не вредитъ развитію промышленности страны, но, наоборотъ, способствуетъ его усиленному прогрессу.

Въ Новой Зеландіи все болѣе устанавливается обычай мирной выработки условій работы путемъ конференцій представителей отъ союзовъ предпринимателей и отъ рабочихъ союзовъ. Такъ, напримѣръ, въ официальномъ журналѣ департамента труда *) мы находимъ соглашеніе, установленное 1 октября 1899 года между холлевами и рабочими жестяного производства города Дюндена. Сравнивая пункты этого соглашения съ многочисленными постановленіями суда, приведенными въ отчетѣ главнаго фабричнаго инспектора за 1899 г., мы убѣждаемся, что „соглашеніе“ жестящиковъ характеризуетъ положеніе труда въ Новой Зеландіи вообще, поэтому мы и приводимъ основные пункты этого „соглашенія“.

1) Рабочая недѣля равняется 48 часамъ. Въ субботу работа прекращается въ 12 ч. 30 м. пополудни.

2) Только два класса рабочихъ должны быть признаваемы: *рабочіе* и *ученики*.

3) Поштучная работа не разрѣшается.

4) Мнимальная заработная платы „рабочаго“ опредѣляется въ 9 шилл. (около 4¹/₂ руб.) за день, продолжающійся 8 часовъ.

5) Если „рабочій“ не чувствуетъ себя способнымъ зарабатывать 9 шилл. въ день, онъ можетъ временно получать меньшую плату, но не иначе, какъ по спеціальному соглашенію, подписанному даннымъ рабочимъ, предсѣдателемъ и секретаремъ рабочаго союза и предпринимателемъ.

6) Всякая работа сверхъ условленныхъ 8 часовъ въ день должна считаться „сверхурочной работой“ и оплачиваться утромъ на 25⁰/₁₀₀ дороже, а вечеромъ и также по субботамъ и праздникамъ на 50⁰/₁₀₀ дороже нормальной платы.

7) Ученики должны находиться въ ученіи 6 лѣтъ.

9) Число учениковъ въ каждой мастерской не можетъ превышать одной трети всего числа рабочихъ.

12) Предприниматели при наймѣ на работы должны отдавать предпочтеніе членамъ рабочаго союза.

13) Когда въ одной и той же мастерской работаютъ трэдъ-юніонисты и не трэдъ-юніонисты, между ними не должно дѣлать никакой разницы: и тѣ, и другіе должны получать равную плату за одинаковую работу.

15) Нарушеніе этихъ правилъ будетъ преслѣдоваться на основаніи предписаній закона: The Industrial Conciliation and Arbitration Act, 1894 года.

16) Соглашеніе это имѣетъ силу въ продолженіе двухъ лѣтъ.

*) *Journal of the Department of Labour* (Wellington, „New Zealand“). 1899 г., ноябрь, стр. 928—930.

Таковы условия, считающіяся въ Новой Зеландіи нормальными для взрослыхъ рабочихъ-мужчинъ *)).

VII.

Положеніе работницы въ Новой Зеландіи въ общемъ приближается къ положенію рабочаго-мужчины. Разница проявляется въ величинѣ заработной платы (мужчина получаетъ приблизительно въ 2—2¹/₂ раза больше плату, чѣмъ женщина), а также и въ томъ, что законъ гораздо болѣе печется о женщинѣ, чѣмъ о мужчинѣ.

Всѣ фабрики находятся подъ контролемъ главнаго фабричнаго инспектора и его 163 помощниковъ. А такъ какъ по закону всякое помѣщеніе, гдѣ работаетъ по найму не менѣе *двухъ* человекъ, считается фабрикой, то фактически контроль инспекторовъ распространяется почти на весь рабочій классъ Новой Зеландіи. Дѣти, моложе 14 лѣтъ, не допускаются закономъ къ работѣ; рабочій день женщинъ и подростковъ (отъ 14 лѣтъ) ограниченъ по закону 48 часами въ недѣлю, причемъ, помимо воскреснаго отдыха, женщины и подростки должны имѣть еще полдня отдыха въ будни.

Законъ устанавливаетъ точныя правила касательно вентиляціи и санитарныхъ условий фабричныхъ помѣщеній, а также касательно безопасности машинъ и налагаетъ на хозяевъ строгую отвѣтственность за неисполненіе этихъ правилъ. Рабочія помѣщенія сельскихъ рабочихъ также подвержены контролю фабричнаго инспектора.

Светерство можетъ, такимъ образомъ, найти себѣ пріютъ лишь въ домашнихъ мастерскихъ, гдѣ работаетъ не болѣе одного наемнаго рабочаго. Но законъ и этого безпомощнаго одиночки не оставляетъ безъ нѣкоторой защиты. Онъ предписываетъ, чтобы всякій товаръ, цѣликомъ или отчасти изготовленный въ мастерской, не подлежащей контролю инспектора, носилъ соответствующее клеймо. Этимъ путемъ законъ облегчаетъ обществу борьбу съ светерствомъ, указывая, какіе товары *не слѣдуетъ* покупать. Въ Соединенныхъ Штатахъ, по инициативѣ известной англійской писательницы Клементины Блэкъ, недавно организовано общество покупателей (*Consumption League*) для борьбы противъ светерства. Это общество бойкотируетъ товары, изготовленные въ мастерскихъ светеровъ, а также лавки, гдѣ хозяева слишкомъ сильно эксплуатируютъ своихъ приказчиковъ. Въ Новой Зеландіи также существуютъ такія общества, но ихъ дѣятельность значительно облегчается благодаря установленному закономъ „клеюму“. Замѣтимъ,

*) Г. Майколь Дэвиттъ, известный ирландскій патріотъ и соратникъ Парнелля, описываетъ слѣдующимъ образомъ свои впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ своей поѣздки по Новой Зеландіи: „Рабочіе Новой Зеландіи—мужчины и женщины—имѣютъ видъ людей вполне довольныхъ своимъ болѣе высокимъ общественнымъ положеніемъ и своими несравненными рабочими законами. Нѣтъ въ мірѣ другой страны, гдѣ рабочее законодательство было бы болѣе благотвительно, чѣмъ въ Новой Зеландіи: нигдѣ оно не даетъ болѣе полной охраны здоровью и благосостоянію наемныхъ труженниковъ.“

что товары, изготовляемые въ домашнихъ и мелкихъ мастерскихъ, не подлежащихъ санитарному надзору инспекторовъ, разносятъ нерѣдко всякія заразительныя болѣзни, и, такимъ образомъ, борьба общества противъ светерства вліяетъ въ извѣстной степени на состояніе здоровья націи.

Спеціальныи законъ—*Shops and Shop-Assistants Act*—предписываетъ, чтобы лавки запирались не только по воскресеньямъ, но и на полдня разъ въ будни. Приказчицы и подростки могутъ работать въ лавкахъ не болѣе 54 часовъ въ недѣлю. Законъ, сверхъ того, предписываетъ, чтобы имъ давали опредѣленное свободное время для обѣда и чая, а также, чтобы въ лавкахъ имѣлись стулья, на которые приказчицы могли бы присаживаться. Точно такъ же регулируются закономъ рабочій день и время отдыха для служащихъ въ конторахъ и банкахъ.

Законъ объ отвѣтственности предпринимателей (*Employers Liability Act*) устанавливаетъ уголовную отвѣтственность хозяевъ за небрежность, обнаруженную съ ихъ стороны, и также даетъ право пострадавшему рабочему требовать денежнаго вознагражденія отъ хозяина.

Законъ о заработной платѣ (*Workmen's Wages Act*) даетъ рабочему право требовать уплаты своего заработка черезъ 24 часа послѣ того, какъ онъ его заработалъ. Другимъ закономъ (*The Truck Act*) запрещается уплачивать рабочую плату товарами, а не наличными деньгами. При расплатѣ съ кредиторами предприниматель долженъ прежде всего удовлетворить своихъ рабочихъ (*The Contractors and Watchmen's Lien Act*). Наконецъ, заработная плата, не превышающая двухъ фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю, не можетъ подлежать аресту со стороны кредиторовъ рабочаго (*The Wages Attachments Act*).

Отношенія мастера къ ученикамъ также тщательно регулируются закономъ, и хозяинъ, скверно обращающійся со своимъ ученикомъ или небрежно относящійся къ его обученію мастерству, подвергается преслѣдованію закона (*The Master and Apprentice Act*).

Женщины и дѣти къ работѣ въ рудникахъ совершенно не допускаются. Вообще, работа горнорабочихъ и работа моряковъ, какъ представляющія значительный рискъ для жизни и здоровья рабочихъ, пользуются спеціальнымъ вниманіемъ закона, и законодательные акты о работѣ въ рудникахъ (*The Mining Act*) и о трудѣ матросовъ (*The Shipping and Seamen's Act*) представляютъ несомнѣнно наиболѣе гуманые и совершенные образцы законодательства цивилизованныхъ народовъ.

VIII.

Въ нашемъ краткомъ обзорѣ рабочаго законодательства Новой Зеландіи наибольшее мѣсто заняло разсмотрѣніе закона, направленнаго къ предупрежденію стачекъ и локоутовъ, такъ какъ этотъ законъ представляетъ исключительное явленіе въ исторіи законодательства цивилизованныхъ странъ *).

*) Въ Южной Австраліи и Новомъ Южномъ Уэльсѣ были проведены аналогичные законы, но безъ достаточно принудительнаго характера; т. ч. законы эти остались мертвой буквой.

исключительнымъ явленіемъ должно считать недавно проведенный въ жизнь законъ о пенсіяхъ старости—*Old Age Pension Act* (1898 г.), и на немъ-то мы и остановимся нѣсколько дольше.

Всѣ донныя придуманныя схемы пенсій старости можно раздѣлить на три класса. Къ первому принадлежатъ схемы *универсальнаго* характера; таковъ проектъ англійскаго ученаго Чарльза Вутса, по которому всякій англичанинъ, *богатый или бѣдный*, добродѣтельный или порочный, получаетъ *de jure* право на пенсію въ 5 шил. въ недѣлю, лишь только онъ достигаетъ 65-лѣтняго возраста. Подобный проектъ еще ни въ одной странѣ не получилъ осуществленія.

Второго рода схемы можно назвать *поощрительными*. Пенсія выдается въ видѣ награды, поощренія рабочимъ престарѣлаго возраста, доказавшимъ, что они отличаются бережливостью и хорошимъ поведеніемъ. Къ этому классу принадлежатъ пенсіонные законы Даніи и Германіи, единственныхъ кромѣ Новой Зеландіи странъ, гдѣ существуютъ общіе законы о пенсіяхъ для стариковъ. Въ Даніи всякій датчанинъ, достигшій 60 лѣтъ, получаетъ пенсію, если онъ не имѣетъ средствъ къ существованію, если его нищета не вызвана его дурнымъ поведеніемъ, и если онъ *за послѣдніе три года не пользовался ни разу помощью отъ учрежденій общественнаго призрѣнія*. Такимъ образомъ, наиболѣе бѣдные датчане, не сумѣвшіе обойтись безъ помощи общественнаго призрѣнія, лишены права на пенсію. Въ Германіи право на пенсію получаютъ рабочіе старше 70 лѣтъ, за которыхъ хозяева въ теченіе 30 лѣтъ вносили въ пенсіонную кассу по 10 коп. въ недѣлю (половину этого взноса хозяинъ имѣетъ право вычесть изъ заработка рабочаго). Правительство, съ своей стороны, выдаетъ для этихъ пенсіонеровъ небольшую субсидію. Такимъ образомъ, только такіе счастливыцы, которые умудряются дотянуть до 70 лѣтъ, получаютъ пенсію за взносы, уплачиваемые ими въ теченіе 30 лѣтъ. Если же рабочій умираетъ раньше, его взносы пропадаютъ. При этомъ самая пенсія въ Даніи и Германіи влчтожна и скорѣе напоминаетъ милостыню, чѣмъ средства къ сноному существованію. Въ Даніи выдается въ среднемъ 75 копеекъ въ недѣлю одинокимъ старикамъ и 1 р. 10 к. семейнымъ; въ Германіи пенсіонеры получаютъ въ среднемъ 1 р. 25 к. въ недѣлю.

Отличительной чертой схемъ третьяго типа является ихъ *гуманитарный* характеръ. Пенсія выдается тѣмъ, которые въ ней болѣе всего нуждаются, а не тѣмъ только, которые заслужили ее хорошимъ поведеніемъ или особой бережливостью. Такова схема, получившая въ ноябрѣ 1898 года силу закона въ Новой Зеландіи. По этому закону право на пенсію получаетъ всякій *мужчина или женщина* старше 65 лѣтъ, при извѣстныхъ условіяхъ.

Первымъ изъ этихъ условій является *нужда*. Нуждающимся законъ считаетъ тѣхъ лицъ, ежегодный доходъ которыхъ не превышаетъ 340 рублей (34 фунтовъ стерлинговъ). Такимъ лицамъ выдается полная пенсія въ 180 рублей въ годъ, т. е. около полтинника въ день (1 шиллингъ). Если же кандидатъ на пенсію получаетъ доходъ свыше 340 руб. въ годъ, то за каждые лишніе 10 руб. дохода уменьшается на 10 руб. его пенсія. Такимъ образомъ, лишается совершенно

права на полученіе пенсіи тотъ, чей доходъ достигаетъ 520 руб. Точно такъ же лишается права на пенсію всякій имѣющій недвижимую собственность стоимостью не менѣе 3.200 рублей. Такъ какъ пенсію получаютъ старики обоого пола, то женатая пара можетъ получать не 180 руб., а 360 руб. въ годъ, т. е. приблизительно по 1 рублю въ день. На такія деньги можно жить сносно въ Новой Зеландіи.

Вторымъ условіемъ для полученія пенсіи является *жительство*. Пенсія выдается только тѣмъ, которые прожили въ Новой Зеландіи непрерывно послѣднія 25 лѣтъ. Пенсіонеръ долженъ быть также британскимъ подданнымъ. Заключенные въ домахъ для умалишенныхъ и закоренѣлые алкоголики также не имѣютъ права на пенсію: первые и безъ того содержатся на государственный счетъ, вторымъ же пенсія бесполезна. Лицамъ азіатскаго происхожденія (китайцы, индусы) пенсія также не выдается. Побывавшіе въ тюрьмѣ лишаются пенсіи лишь въ томъ случаѣ, если они были осуждены за послѣднія 12 лѣтъ передъ наступленіемъ пенсіоннаго возраста четыре раза за проступки или одинъ разъ за серьезное преступленіе. Точно такъ же лишается права на пенсію человекъ, осужденный за послѣднія 25 лѣтъ передъ наступленіемъ пенсіоннаго возраста на пятилѣтнюю каторгу. Добродѣтельные новозеландцы приравнивали къ преступникамъ, лишеннымъ права на пенсію, также и мужей и женъ, покинувшихъ свои семьи на произволъ судьбы.

Таковы условія, требуемыя закономъ отъ кандидата на пенсію. Засѣданія, во время которыхъ магистратъ разсматриваетъ просьбы о пенсіяхъ, публичны, и законъ требуетъ, чтобы какое-либо извѣстное магистрату лицо удостовѣрило относительно каждаго кандидата, что оно его знаетъ за человека трезвой и добропорядочной жизни. Пенсія разрѣшается на годъ; поэтому, если въ теченіе года пенсіонеръ ведетъ нетрезвую или безпутную жизнь, онъ можетъ быть лишенъ на слѣдующій годъ пенсіи. Въ общемъ, процедура для полученія пенсіи чрезвычайно проста.

Законъ этотъ имѣетъ силу въ теченіе трехъ лѣтъ. По истеченіи трехъ лѣтъ финансовая сторона закона будетъ пересмотрѣна парламентомъ, который рѣшитъ, сохранить ли данный законъ въ его настоящей формѣ, внести ли въ него поправки, или совершенно отиѣнить. Но, судя по послѣднимъ выборамъ, закону этому врядъ ли можетъ угрожать какая-либо опасность. Избирателя вполне одобрили послѣдній законодательный экспериментъ своего премьера г. Седдона, и правительственная партія вернулась въ палату съ громаднымъ большинствомъ. Этой побѣдѣ не мало содѣйствовали женщины-избирательницы. „Я сомнѣваюсь, чтобы новозеландскій кодексъ могъ имѣть на своихъ страницахъ законъ о пенсіяхъ старости, если бы въ странѣ не было, среди подававшихъ голосъ на общихъ выборахъ, 100.000 женщинъ, которыя, какъ извѣстно, въ большинствѣ отличаются большимъ сочувствіемъ человѣческому горю, чѣмъ мужчины“ *).

Законъ о пенсіяхъ получилъ силу 1 ноября 1898 года. Отчетъ о дѣлствіи

*) См. его статью въ *Manchester Herald*, за 2 мая 1899 г.

его за первые шесть мѣсяцевъ (до 1 мая 1899 г.) показываетъ, что пенсія была за это время выдана около 10.000 чел. и что расходъ на пенсіи къ теченію перваго года не превыситъ 1.600.000 руб. Этотъ расходъ нельзя признать тяжелымъ для страны, казна которой получаетъ болѣе 50 милліоновъ рублей доходу.

Рѣдко случается, чтобы новая реформа, какъ бы она ни была благотѣльна, не вызывала въ первые мѣсяцы своего примѣненія извѣстнаго ропота и недовольства. Съ закономъ о пенсіяхъ этого не случилось. Страна отнеслась къ нему сочувственно, но спокойно. „Толпы престарѣлыхъ и несчастныхъ людей,—говоритъ г. Ривсъ *),—приходившихъ въ приемную магистрата просить о выдачѣ скромной пенсіи, дарованной имъ на закатѣ жизни закономъ, послужили для населенія Новой Зеландіи гораздо болѣе краснорѣчивыми уроками, чѣмъ сотни рѣчей и статей. Здѣсь, въ конкретной формѣ, былъ представленъ трагическій союзъ старости съ нуждою,—одно изъ наиболѣе патетическихъ зрѣлищъ, какія только могутъ тронуть совѣсть націи. Трагизмъ этого зрѣлища несколько не смягчается тѣмъ обстоятельствомъ, что почти никто изъ просителей не имѣлъ вида ни нищаго, ни человѣка, потерявшаго свое достоинство. Они почти все смотрѣли приличными людьми. Многие изъ нихъ жили вполне или отчасти у своихъ дѣтей; другіе—на счетъ общественной благотворительности; нѣкоторые даже еще имѣли маленькій случайный заработокъ. Но все было чисто одѣты. Грязи, отрепьевъ, пьяныхъ лицъ не было замѣтно. Словомъ, будущіе пенсионеры не вызывали чувства отвращенія или брезгливости...“

Г. Ривсъ несколько не опасается, что законъ о пенсіяхъ отразится вредно на привычкахъ народа къ бережливости. Есть два пути къ содѣйствию развитія привычекъ бережливости: можно развивать эти привычки при помощи надежды на достиженіе нѣкотораго комфорта, приличныхъ условій жизни, и можно поощрять ихъ при помощи угрозы полной нищеты и оброшенности. Г. Ривсъ болѣе вѣритъ въ первый путь. Новозеландскій законъ скорѣе побудитъ бѣдняка скопить нѣсколько фунтовъ стерлинговъ въ дополненіе къ пенсіи, которую онъ получитъ отъ государства, чѣмъ тратить все, что онъ зарабатываетъ. Полтинникъ въ день не обѣщаетъ роскоши даже въ такой странѣ, какъ Новая Зеландія, гдѣ пища дешева и гдѣ солнце въ изобиліи льетъ на землю ласкающіе лучи тепла и свѣта.

Сравнительная слабость социальныхъ перегородокъ и сравнительно высокий уровень благосостоянія трудящихся классовъ объясняютъ намъ, почему въ Новой Зеландіи мы не находимъ непримиримыхъ классовыхъ политическихъ партій и, съ другой стороны, почему организованный трудъ имѣетъ такое сильное вліяніе на правительство. Соціалыстовъ-теоретиковъ, въ европейскомъ смыслѣ этого термина, въ Новой Зеландіи нѣтъ. Правительство называетъ свою партію *рабочей либеральной партіей* (Labour Liberal Party), а свою программу „консервативной въ высокомъ смыслѣ этого слова“ **), подразумѣвая подъ этимъ *мирное* развитіе

*) *Ibid.*, за 9 мая 1899 г.

**) См., напр., правительственный органъ *The British Australasian*, за 14 декабря 1899 года; см. также *The New Zealand Mail*, за декабрь 1899 г.

счастья и благосостоянія гражданъ своей страны. И само населеніе повидному вполне раздѣляетъ взгляды и сочувствуетъ политикѣ своего правительства, такъ какъ оно выражаетъ ему на выборахъ свое неизмѣнное довѣріе. Новая Зеландія представляетъ чуть ли не единственный въ исторіи парламентскихъ странъ примѣръ: въ продолженіе цѣлыхъ десяти лѣтъ правительство находится все въ однихъ и тѣхъ же рукахъ рабочей либеральной партіи (съ 1890 года), и правительственное большинство не только не сокращается, а, наоборотъ, все растетъ и теперь сдѣлалось подавляющимъ. На послѣднихъ выборахъ, имѣвшихъ мѣсто въ декабрѣ 1899 года, было избрано въ нижнюю палату 52 сторонника правительства, оппозиціи же удалось завоевать лишь 22 мѣста. Этотъ непрестанный ростъ рабочей либеральной партіи, какъ бы вдохновляющій правительство въ его прогрессивной дѣятельности, объясняетъ намъ многое въ исторіи Новой Зеландіи. Онъ указываетъ намъ на *сознательность* отношенія новозеландцевъ къ политической жизни своей страны, — сознательность, безъ которой самые лучшіе законы теряютъ свое значеніе.

IX.

Мы ознакомились въ настоящей статьѣ лишь съ нѣкоторыми сторонами новозеландской жизни. Въ Новой Зеландіи есть много другихъ свѣтлыхъ явленій, заслуживающихъ внимательнаго изученія, и о нихъ мы, быть можетъ, поговоримъ въ другой разъ, теперь же, въ заключеніе, упомянемъ еще о томъ, что Новая Зеландія, эта наиболѣе демократическая страна въ мірѣ, развилась изъ зародыша, представлявшаго всѣ черты лэндлордской утопіи, вылившейся въ колонизаціонномъ планѣ Эдуарда Гиббона Вейкфильда.

Въ противоположность другимъ британскимъ колоніямъ Новая Зеландія (и до нѣкоторой степени также Южная Австралія) заселялась по строго выработанному плану и была освобождена съ самаго начала отъ ссылки туда преступниковъ. Планъ колонизаціи Новой Зеландіи принадлежитъ англичанину Эдуарду Вейкфильду. Въ основѣ этого плана положены были слѣдующіе принципы *):

1) всякій эмигрантъ получаетъ землю *не иначе*, какъ за деньги, причежь плату за акръ должно назначить довольно высокую для того, чтобы *колонистами* дѣлались люди экономически устойчивые;

2) деньги, полученныя отъ продажи земель, образуютъ *эмиграціонный фондъ*, изъ суммъ котораго уплачиваются всѣ расходы по доставкѣ изъ Англіи сельскихъ рабочихъ для новозеландскихъ колонистовъ;

3) колонистъ, вывозящій самъ для себя рабочихъ, получаетъ изъ эмиграціоннаго фонда сумму, равную истраченной имъ на даровую перевозку этихъ эмигрантовъ;

4) персоналъ эмигрантовъ-рабочихъ долженъ состоять изъ людей молодыхъ и изъ равнаго числа лицъ обоего пола.

*) Съ теоріей колонизаціи Вейкфильда можно ознакомиться по его трудамъ: 1) *Outline of a System of Colonisation*, составляющимъ приложение къ его *A letter from Sydney* (1829 г.), и 2) *Art of Colonisation* (1849 г.).

и, наконецъ, 5, число доставляемыхъ на средства эмиграціоннаго фонда рабочихъ должно, по возможности, равняться спросу на трудъ въ каждомъ поселеніи, такимъ образомъ, чтобы хозяинъ-колонистъ никогда не испытывалъ сильной нужды въ рабочихъ, и чтобы рабочіе никогда не нуждались въ хорошо оплаченной работѣ.

Высокая плата за землю должна была, по мнѣнію Вейкфильда, предохранить Новую Зеландію отъ перехода земель въ руки спекулянтовъ: въ другихъ австраійскихъ колоніяхъ, гдѣ земли раздавались даромъ или за номинальную цѣну, спекулянты присвоивали себѣ громадныя пространства земли и оставляли ихъ лежать пустыми, выжидая, пока подымутся цѣны на земли. Съ другой стороны, высокая плата за землю должна была обезпечить колонистамъ-землевладельцамъ болѣе или менѣе дешевыхъ рабочихъ. „Мы видѣли множество разъ, почему разоряется колонія, — заявилъ Вейкфильдъ парламентской комиссіи 1835 года, изслѣдовавшей причины разоренія Южной Австраліи *). — Колонисты вывозятъ изъ своей цивилизованной родины готовый инвентарь; они убѣждаютъ раздѣленными на классы, вооруженные опытомъ, приученные повиноваться закону и властямъ, готовые работать и полные радужныхъ надеждъ. Такой-то составъ колонистовъ пріѣзжаетъ на новыя земли, и что же ихъ ждетъ тамъ? Общество, состоявшее въ моментъ отчаливанія изъ двухъ классовъ, — изъ господъ, приказывающихъ, и слугъ, повинующихся, — внезапно превращается въ группу, среди которой царствуетъ мертвое равенство, гдѣ нѣтъ ни господъ, ни слугъ. Каждый получаетъ землю въ свое полное владѣніе. Съ этого момента никто не можетъ культивировать больше земли, чѣмъ онъ это можетъ сдѣлать собственными руками. Поэтому большая часть взятаго съ собою инвентаря по необходимости гибнетъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ остается лишь столько въ каждомъ хозяйствѣ, сколько отдѣльное лицо въ силахъ пустить въ ходъ. Но тѣ изъ колонистовъ, которые не привыкли къ труду, не въ состояніи сохранить въ цѣлости даже этотъ ограниченный инвентарь. Тѣ же, которые всю свою жизнь занимались исключительно черной работой подъ руководствомъ хозяина, теперь, очутившись изолированными на своей безлюдной землѣ, также не въ состояніи вести, какъ слѣдуетъ, свое сельское хозяйство. И въ результатѣ оба класса (или, вѣрнѣе, вся колонія, такъ какъ тамъ нѣтъ болѣе классовъ) быстро разоряются“. Устранить возможность установленія „мертваго равенства“, увѣковѣчить раздѣленіе новой колоніи на тѣ же классы господъ и слугъ, лэндлордовъ и рабочихъ-батраковъ, на которыхъ зиждется социальная жизнь старой метрополи, — такова задача, разрѣшить которую долженъ былъ вышеизложенный планъ Вейкфильда. Необходимо, — поясняя Вейкфильдъ, — чтобы лэндлордъ получалъ высокую ренту, чтобы капиталистъ получалъ высокую прибыль, и чтобы рабочій получалъ хорошую заработную плату. Если рента, прибыль или заработная плата будетъ низка, это

*) Цитируемъ по книгѣ д-ра Ричарда Гарнетта: *Edward Gibbon Wakefield. The Colonisation of South Australia and New Zealand. By R. Garnett. London. 1898. pp. 65-66.*

отобьет охоту у соответствующаго класса эмигрантовъ селиться въ Новой Зеландіи. Только высокой уровеньъ всѣхъ трехъ элементовъ обезпечить спокойное и энергичное развитіе колонизаціи на началахъ того раздѣленія на классы, которое такъ дорого было Вейкфильду. Правда, высокая—хотя бы и „не чрезмерно“—заработная плата дастъ возможность рабочему черезъ нѣсколько лѣтъ скопить необходимую сумму, чтобы приобрести участокъ земли и инвентарь и превратиться въ самостоятельнаго хозяина. Но это не безпоковло Вейкфильда. На деньги, заплаченные рабочимъ за его землю, можно будетъ привезти изъ Европы новаго рабочаго на его мѣсто. И лэндлорды будутъ всегда имѣть достаточное количество рабочихъ рукъ. Высокія цѣны на землю (предполагалось, что вся земля составляетъ принадлежность британской короны) обезпечать лэндлордамъ правильную доставку рабочихъ рукъ и въ то же время заперуть двери въ страну спекуляторамъ и любителямъ быстрой наживы. Новая Зеландія превратится такимъ образомъ въ царство вѣчной лэндлордстской идилліи.

Планъ Вейкфильда вызвалъ большое сочувствіе въ Англіи. Въ то время—конецъ 30-хъ и начало 40-хъ годовъ—въ Англіи шла сильная агитація въ пользу отмѣны хлѣбныхъ законовъ, установленій дешеваго хлѣба. Эта агитація опиралась на чартистовъ и находила могущественную поддержку въ рядахъ богатыхъ фабрикантовъ и купцовъ. Движеніе, какъ извѣстно, имѣло успѣхъ и закончилось полной отмѣной пошлинъ на хлѣбъ. Лэндлорды чувствовали себя разочарованными и оскорбленными въ самыхъ священныхъ своихъ правахъ, такъ какъ не только источникъ ихъ богатства, но и политическая власть неустойчиво ускользали изъ ихъ рукъ и переходили къ плутократіи. Планъ Вейкфильда, долженствующій обезпечить „аристократіи“ господство въ проектируемой колоніи, вызвалъ въ рядахъ тори сильнѣйшія симпатіи. „Молодые тори, — говоритъ Р. Гарнеттъ *),—естественно согласились съ Вейкфильдомъ въ его стремленіи ограждать аристократію противъ плутократіи; ихъ неодолимо привлекало видѣніе прекрасно-организованной колоніи, въ которой сквайръ и священникъ имѣли бы преобладающее вліяніе“. Образовалась компанія колонистовъ, состоявшая изъ людей „благовоспитанныхъ, родовитыхъ и обладавшихъ крупными средствами“. Въ 1840 г. изъ Англіи отчалилъ въ Новую Зеландію первый корабль съ колонистами, окрещенный именемъ *Тори*. За первымъ кораблемъ послѣдовали другіе, и въ первое же десятилѣтіе число колонистовъ достигло 17.000 чел., занявшихъ тѣ шесть округовъ, на которые раздѣлена была Новая Зеландія.

Такимъ образомъ были заложены устои лэндлордстской утопіи, и плану Вейкфильда повидимому суждено было превратиться въ реальность. Но очень скоро оказалось, что курица высидѣла утиное яйцо. Рабочій, получающій надежные шансы превратиться въ самостоятельнаго хозяина, живо сбрасываетъ съ себя шкуру раба. Лэндлордъ, знающій, что его батракъ можетъ его всегда покинуть, живо забываетъ о своихъ священныхъ правахъ господина. Когда Вейкфильдъ посѣтилъ въ 1853 г. Новую Зеландію, онъ былъ пораженъ тѣмъ, что онъ тамъ

*) R. Garnett, *l.c.*, p. 298--299.

увидѣлъ. „Въ Кентербери (первомъ изъ основанныхъ по плану Вейкфильда поселеній) я бы себя чувствовалъ совсѣмъ какъ въ Англій, писалъ онъ *),—если бы не суровое трудолюбіе высшихъ классовъ и роскошная независимость простаго народа. Высшіе классы весьма гостепріимны и совершенно лишены всякой гордости сознанія своихъ богатствъ или даже просто своего положенія, а простой народъ отличается замѣчательной честностью. Ихъ полная непринужденность обращенія не доставляетъ мнѣ непріятности, такъ какъ я привыкъ къ этому въ Америкѣ. Духъ рабской подчиненности здѣсь совершенно отсутствуетъ. Я думаю, что здѣсь нѣтъ недостатка ни въ истинномъ уваженіи къ тѣмъ, кто его заслуживаетъ, ни въ истинной вѣжливости. Но людямъ, привыкшимъ у себя на родинѣ къ лицемѣрному подобострастію и лакейству слугъ, внѣшнія манеры простаго народа здѣсь кажутся грубой непринужденностью. Я лично въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ „неумытыми“. Сюзэлль (компаньонъ Вейкфильда), неспособный еще поваять ихъ, считаетъ ихъ дерзкими и непріятными. Его аристократическіе взгляды и привычки шокированы демократическимъ обращеніемъ одного изъ здѣшнихъ плотниковъ, который говоритъ о немъ, какъ просто о „Сюзэлль“ безъ прибавки „мистеръ“, а своего товарища — плотника называетъ „мистеръ Смиль...“

Гарнеттъ, книга котораго представляетъ въ сущности апологію Вейкфильда, сознается, однако, что по всѣмъ даннымъ Вейкфильдъ чувствовалъ себя не лучше своего аристократическаго компаньона Сюзэлла. „Хорошая заработная плата“ и возможность перехода рабочихъ въ ряды хозяевъ—условія, безъ наличности которыхъ немыслимо привлеченіе „неумытыхъ“ на новыя территоріи — оказались по необходимости могущественными факторами развитія „мертваго равенства“. Тщательный же подборъ энергичныхъ молодыхъ эмигрантовъ, обильный притокъ работодателей-лэндлордовъ и огражденіе молодой колоніи отъ спекулянтовъ (благодаря плану Вейкфильда) ускорили это развитіе и въ извѣстной степени обусловили сравнительно высокой моральной уровень новозеландскаго населенія. Вскорѣ народились новые факторы, давшіе новый могущественный толчокъ колонизаціи Новой Зеландіи и совершенно отбросившіе въ сторону колонизаціонные принципы Вейкфильда и его лэндлордистскіе идеалы. Развитіе пароходства открыло передъ новозеландскими поселенцами заманчивыя перспективы производства на вывозъ. Но для вывозной торговли необходима прежде всего организація хорошихъ и дешевыхъ внутреннихъ путей сообщенія, т. е. желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, портовъ и шоссе, а эти дорого стоящія сооруженія могутъ существовать лишь тамъ, гдѣ правильное функціонированіе ихъ обезпечивается извѣстной плотностью населенія. Такимъ образомъ, явилась настоятельная экономическая необходимость въ быстромъ заселеніи страны, и принципы Вейкфильда были выброшены за бортъ. „Высокія цѣны на земли“ быстро стали падать. Въ округѣ Отаго, напр.,—поселеніи, состоявшемъ исключительно изъ аристократическихъ приверженцевъ высокой англиканской церкви,—цѣны на земли, опредѣленныя

*) Цитировано у Гарнетта, I. с., pp. 345—446.

вначалѣ въ 3 ф. ст. за акръ (около 75 р. за десятину), были понижены до 2 ф. ст., а затѣмъ и до 10 шил. за акръ (около 12¹/₂ р. за дес.).

Къ этому первому экономическому фактору вскорѣ прибавился другой. Въ Новой Зеландіи было открыто золото. Нахлынула изъ другихъ колоній волна авантюристовъ - золотискателей. Лэндлордскія поселенія были временно покинуты рабочими, устремившимися на золотыя пріиски. Выросло въ золотыхъ округахъ новое населеніе, совершенно независимое отъ лэндлордовъ и получившее большое вліяніе въ управленіи страной, и тогда мыльный пузырь лэндлордской утопіи окончательно лопнулъ. Въ настоящее время "... большія помѣстья, за исключеніемъ нѣкоторыхъ разрядовъ пастбищныхъ земель, осуждены на исчезновеніе или вслѣдствіе естественнаго хода вещей, т. е. высокой платы за трудъ, или же вслѣдствіе тяжелаго прогрессивнаго налога на землю. Рабочіе Австраліи и Новой Зеландіи глубоко убѣждены въ справедливости такого налога, какъ средства для пополненія казны и какъ орудія, вызывающаго ликвидированіе крупныхъ помѣстій и раздѣленіе ихъ на мелкія. Мы видѣли, что рабочіе поддерживали законодательныя мѣры, направленные къ выкупу государствомъ крупныхъ помѣстій и раздѣленію ихъ на мелкіе участки" *).

Д. Сатуринъ.

*) *Australasian Democracy*, by Henry de Walker. Стр. 261.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь,

Господинъ Редакторъ!

Вы, конечно, согласитесь со мной, что литературныя явленія тѣсно связаны со всей общественной жизнью и поэтому имѣютъ громадное значеніе для широкаго круга читателей. Между тѣмъ читатель вынужденъ только *пассивно* относиться къ подносимой ему литературной пищѣ, хотя многіе факты подмываютъ его подать свой голосъ и возопить противъ тѣхъ экспериментовъ, которые продѣлываютъ надъ его желудкомъ. Не откажите поэтому, Милостивый Государь, удѣлить мнѣ нѣсколько страничекъ въ Вашемъ журналѣ для собесѣдованія на злобу дня съ моими собратьями-профанами.

Бываютъ въ жизни народовъ такіе переходные моменты, когда новыя общественныя отношенія мало-по-малу вытѣсняють старыя установившіяся формы, а вмѣстѣ съ тѣмъ призываютъ къ жизни и носителей новыхъ понятій и взглядовъ. На поверхности общества появляются тогда личности, которыя иначе чувствуютъ, иначе мыслятъ, чѣмъ было принято до тѣхъ поръ, но чувствуютъ и мыслятъ, такъ сказать, стихійно, подъ давленіемъ новыхъ условій жизни, а не подъ влияніемъ какихъ-нибудь политическихъ или нравственныхъ теорій. До теорій они самостоятельно дойти не могутъ—это средніе, сѣрые люди, составляющіе основаніе общественныхъ агрегатовъ. Чтобы объединить эти разсѣянные единичныя сознанія, необходимы лица, способныя формулировать ихъ, обобщить и изъ хаоса единичныхъ взглядовъ и мыслей создать коллективную мысль, выражающую настроеніе и интересы даннаго общественнаго агрегата. Это будетъ, по выраженію Тарда, переходъ отъ многосознательности къ единосознательности черезъ посредство сознанія нѣсколькихъ („*passage de la multiconscience à l'uniconscience par la pluri-conscience*“). Естественно поэтому, какую важную роль играетъ работа интеллигентовъ-идеологовъ во всякомъ общественномъ движеніи, какой чуткости требуетъ отъ нихъ ихъ задача и какую нравственную обязанность на-

лагаютъ она на нихъ. Необходимо не только дать чисто теоретическое обоснованіе извѣстнаго міровоззрѣнія, а—что еще труднѣе и практически важнѣе—проникнуться настроеніемъ того слоя, историческую роль и психологію котораго приходится выяснять, понять его психологію не только въ переходящемъ движеніи даннаго момента, но въ общемъ ходѣ историческаго развитія, т. е. при условіи, единственно гарантирующемъ научную постановку вопроса.

Моментъ, переживаемый теперь Россіей, какъ разъ является такимъ переходнымъ моментомъ. Das Alte stürzt; новыя вѣянія проникаютъ во всѣ скважины осѣвшаго зданія; старыя понятія, старая мораль не удовлетворяютъ новыхъ запросовъ. Безсознательная, стихійная ломка, происходящая незамѣтно для глаза въ глубинахъ общества, отражается на его поверхности—въ литературѣ и общественной жизни—расколомъ старыхъ, установившихся взглядовъ на жизнь, появленіемъ новыхъ слоевъ, столкновеніемъ между двумя поколѣніями, оживленной полемикой,—вообще тѣмъ сильнымъ броженіемъ, къ которому вотъ уже десять лѣтъ присматриваемся и прислушиваемся мы, профаны, разсѣянные по лицу земли родной. Интересъ профана къ означенному броженію великъ. Хотя профанъ только профанъ, но для него выводы науки имѣютъ громадное, еще большее значеніе, чѣмъ для жрецовъ ея. Жрецъ упивается часто однимъ процессомъ мышленія и изслѣдованія, для него возраженіе г-ну N, отвѣтъ г-ну X, или „Еще по поводу отношенія $\frac{M}{c+v}$ “ — все это дѣло, и важное дѣло, за которое животъ стоитъ положить, а для профана—извѣстно профанъ—это китайская грамота, къ которой онъ, правда, по наивности, относится съ величайшимъ почтеніемъ, изъ почтенія къ жрецамъ, но которая не въ состояніи удовлетворить его. Для него весь вопросъ о „выводахъ“ не абстрактный, головной вопросъ, а самый жизненный, самый насущный, скажу даже—извините за ненаучность выраженія—душевный вопросъ.

Къ сожалѣнію, въ теченіе двухъ лѣтъ наше тоскливое ожиданіе принуждено было выдержать большую пытку. Каждый № журнала приносилъ новую китайскую грамоту,—иногда по нѣсколько сразу,—а мы все ждали и ждали. Тамъ, на верхахъ, рѣшались самыя сложные вопросы: упразднялись, сокращались, отгнѣнялись цѣлыя теоріи, дополнялись „пробѣлы“ въ твореніяхъ учителей, исправлялись „колоссальныя ошпбки“, разоблачались „основныя антиноміи“ и т. д., и т. д., а намъ, профанамъ, приходилось только переглядываться въ недоумѣніи и вздыхать—должно быть, все это важно и нужно,—это мы только профаны!

Вѣра профана въ науку и ея жрецовъ велика, и тяжелое испытаніе не подорвало ея: профанъ съ надеждою смотрѣлъ все впередъ на чуть мерцавшій вдали огонекъ и вѣрилъ, что всѣ эти упраздненія, сокращенія, исправленія въ концѣ концовъ приближать его къ желанному свѣту: онъ ждалъ только призыва.

И дождался.

Въ ноябрьской книжкѣ журнала „Міръ Божій“, предназначеннаго для самообразованія,—а слѣдовательно для профановъ,—появился смѣлый призывъ: „назадъ!“ Призывалъ г. П. Струве въ статьѣ, озаглавленной „Ф. Лассаль“. Назадъ,

назадъ, назадъ! Назадъ къ Лассалю, назадъ къ Гегелю, назадъ къ Фихте (почему же не дальше? *).

Новое откровеніе, съ которымъ г. Струве подходитъ къ читателю, содержитъ въ себѣ указаніе на тотъ „духовный маякъ“, при обращеніи къ которому возможно „созданіе положительнаго міросозерцанія на новыхъ, болѣе широкихъ, т. е. въ сущности на старыхъ идеалистическихъ основахъ“. Какимъ образомъ „новыя“ основы оказываются „въ сущности старыми“, это будетъ видно изъ всего послѣдующаго, а пока постараемся уяснить себѣ по мѣрѣ силъ смыслъ призывной статьи г. Струве. Уяснить его не легко уже потому, что, помимо большой неясности изложенія и терминологіи, все откровеніе г. Струве помѣстилось на трехъ съ половиной страничкахъ,—остальныя заняты біографіей Лассалья.

„Вернштейнъ,—пишетъ г. Струве,—недавно закончилъ свою, пріобрѣтшую такую широкую извѣстность, книгу призывомъ: „назадъ къ Ланге!“ Мы очень высоко цѣнимъ личность, критическій духъ и историческія заслуги автора „Исторіи матеріализма“. Но мы думаемъ, что возвращеніе или, вѣрнѣе, обращеніе къ нему можетъ дать лишь очень мало для созданія *положительнаго міросозерцанія на новыхъ, болѣе широкихъ, т. е. въ сущности на старыхъ идеалистическихъ основахъ* (курсивъ г. С.). Въ поискахъ духовнаго маяка, достаточно высокаго и яркаго, взоръ сторонниковъ соціального идеализма долженъ естественно обратиться къ послѣднему дѣйствительно крупному представителю философскаго идеализма, къ Ф. Лассалю. Къ „діалектическимъ“ и инымъ убѣжденнымъ „матеріалистамъ“ мы обратились бы поэтому съ призывомъ: „назадъ къ Лассалю!“ Это значитъ въ извѣстномъ смыслѣ: „назадъ къ Гегелю и еще дальше и больше—къ *Фихте* (курсивъ г. С.). Но назадъ не къ ихъ діалектикѣ, которую *можно* (курсивъ мой) ставить и „вверхъ ногами“, которая *можетъ* быть сгибаема и на матеріалистической, и на идеалистической ладъ, а къ ихъ строгому и негибаемому *идеалистическому существу* (вездѣ курсивъ мой). Каково оно—объ этомъ совершенно яственно и достаточно выразительно говорятъ историческія фигуры Фихте и Лассалья“.

Я прошу извинить меня, Милостивый Государь, за эту длинную выписку и всѣ послѣдующія цитаты изъ обсуждаемой статьи, но гдѣ такое огромное содержаніе уложено въ столь немногихъ словахъ, тамъ каждое слово пишеть вѣсь, и я боюсь измѣнить отгѣнки смысла, передавая статью г. Струве своими словами.

Нѣсколько раньше приведенной цитаты г. Струве устанавливаетъ духовную родословную Лассалья: „Онъ не только побывалъ въ школѣ Канта, Фихте, Гегеля, какъ Марксъ и Энгельсъ, которые прошли черезъ идеалистическую философію, но ушли изъ нея въ матеріализмъ,—въ Лассаль до конца его яркой и бурной дѣятельности былъ живъ духъ великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ, и т. д.“ Извѣстно, что основатели такъ наз. „экономическаго матеріализма“—Марксъ и Энгельсъ—

*) Прекрасная тема для каррикатуриста: наивный профанъ рвется упрямо „впередъ“, а г. Струве et consortes со всѣхъ силъ тянутъ его за полы „назадъ“, припѣвая: „Назадъ безъ страха и сомнѣнья!“

прошли в свое время школу ортодоксального гегельянства, но скоро, как говорит г. Струве, „ушли в материализм“. В материализм внесли они основное методологическое положение гегельянства—именно, что все подлежит непреодолимым законам диалектики. Но сохраняя это положение, они отвергли метафизическую мысль Гегеля о саморазвивающейся „идеѣ“, приняв, как основной факт общественного развития, развитие производственных, т. е. материальных отношений. Вот в этом смысле они и поставили гегелевскую диалектику „вверх головой“, говоря, что прежде она стояла „вверх ногами“. Г. Струве язвильно по этому поводу и даже острить, перефразируя слова Энгельса, но вѣдь г-ну Струве должно быть известно то, что знает каждый мало-мальски знакомый с исторіей профанъ, именно, что в *действительности* никто не ставил диалектику и „вверх ногами“, а то различное употребление, которое дѣлали различные люди изъ диалектики Гегеля, завистло отъ *ихъ классовой* психологін, отъ основъ *ихъ* мировоззрѣнія; у Гегеля же искали они в силу преемственности философской мысли методологическаго обоснованія *своей* философін, *своей* морали, однимъ словомъ, *своей* идеологін. Эту простую историческую истину в состояніи проглядѣть только тотъ, кто безразлично *можетъ* ставить диалектику и „вверх ногами“, можетъ по капризу сгибать ее „и на материалистической, и на идеалистической ладѣ“.

Материализмъ Маркса не даетъ покоя г-ну Струве. Онъ неоднократно дѣлаетъ упреки по адресу Маркса, что тотъ отрехся отъ „духа философскаго идеализма“, который, какъ мы уже видѣли, такъ хорошо сохранился въ Лассаля; послѣдователей же „диалектическаго материализма“ г. Струве беретъ еще спасти и призываетъ ихъ назадъ къ Лассалю, Гегелю, Фихте, но не къ „диалектикѣ“ ихъ, а къ ихъ „несгибаемому идеалистическому существу“. Я уже упомянулъ, что въ статьѣ г. Струве господствуетъ печальная неясность понятій. Въ самомъ дѣлѣ, что значить „идеалистическое существо“? Слово „идеалистическій“ можно понимать въ двухъ смыслахъ: 1) производя его отъ слова „идея“ и 2) производя отъ слова „идеаль“. Мы знаемъ, что терминъ „идея“ игралъ большую роль у нѣмецкихъ философвъ-идеалистовъ, но едва ли въ этомъ значеніи употребляетъ г. Струве прилагательное „идеалистическій“. Говорить объ „идеѣ“ въ историко-философскомъ смыслѣ, отрицая въ то же время „диалектику“, т. е. условіе существованія этой „идеи“,—было бы нелѣпо. Да притомъ приѣмлять опредѣленіе „идеалистическій“ въ этомъ смыслѣ къ „существу“ *историческихъ фигуръ* Лассалья и Фихте“ значило бы лишить это выраженіе всякаго смысла. Остается предположить, что подъ таинственнымъ терминомъ „идеалистическое существо“ кроется самая простая мысль о приверженности и преданности известнымъ „идеаламъ“. На такое пониманіе словъ г. Струве указываютъ между прочимъ такіа выраженія: „... съ особенной яркостью выступаетъ его (Лассалья) неунирающая заслуга: тотъ *идеалистическій духъ*, въ которомъ онъ понималъ *соціальную проблему*...“, или „... но это ... пониманіе... государства можетъ только по недоразумѣнію противопоставляться *идеалистическому* или этическому пониманію государства, какъ морально-общественнаго *идеала*“. Но если такъ,

неужели для спасенія „идеалистическаго существа“ необходимо отречься отъ „діалектики“ и „матеріализма“? Развѣ „діалектическое“ и въ частности „матеріалистическое“ пониманіе исторіи исключаетъ возможность проникновенія извѣстнымъ „морально-общественнымъ идеаломъ“, развѣ оно препятствуетъ образованію опредѣленнаго настроенія, обусловливающаго „идеалистическое“ отношеніе къ явленіямъ жизни? Присмотримся къ общественному смыслу отвергаемаго г-мъ Струве ученія и, быть можетъ, тогда мы увидимъ, коренится ли это протнворѣчіе въ самой теоріи, или же только въ головѣ ея критика.

По отношенію къ общественнымъ явленіямъ можно установить въ грубыхъ чертахъ такую генетическую послѣдовательность: экономика—психологія—наука. Появляется въ силу извѣстныхъ общественныхъ процессовъ новый соціальный агрегатъ съ своими характерными условіями существованія, своими интересами, и вотъ подъ давленіемъ этихъ характерныхъ условій въ умѣ его представителей складывается извѣстное психическое настроеніе, извѣстныя моральныя, правовыя и т. д. понятія. Эта присущая ему „психологическая форма“ является тѣмъ фундаментомъ для групповаго самосознанія, на которомъ это самосознаніе возникаетъ впоследствии при формулировкѣ историческихъ задачъ и роли этого агрегата. Въ этой „формѣ“ заключаются уже элементы групповаго самосознанія, но только въ скрытомъ, потенциальномъ состояніи. Является ученіе, стремящееся формулировать историческія потребности и задачи этой группы, и — если оно *точно* формулируетъ ихъ—оно находятъ въ психологіи членовъ данной группы полный откликъ. Оно входитъ въ умы людей, усваивается или—какъ нѣчто несомнѣнное и вполне понятное—представляется какъ бы пробужденіемъ дремавшаго сознанія. А разъ только теорія сольется съ настроеніемъ, она теряетъ свой догматизмъ, теряетъ свой объективный характеръ отношеній, причинность, и, напротивъ, становится субъективнымъ—общественно-субъективнымъ—выразителемъ *цѣли*. Но, повторяю, воспріятіе соціологической теоріи не только какъ *научнаго факта*, но и какъ *базиса для построенія „морально-общественнаго идеала“* возможно только тогда, когда эта теорія является вѣрнымъ выразителемъ той общественной эволюціи, которая создала извѣстный общественный агрегатъ, а вмѣстѣ съ нимъ его „психологическую форму“, его настроеніе. Такая теорія справедливо можетъ быть названа, по удачному выраженію того же Лассалья, „идеей“ извѣстнаго общественнаго агрегата. И если въ самомъ же Лассаль былъ „до конца его яркой и бурной дѣятельности живъ духъ великихъ нѣмецкихъ идеалистовъ“, и если „этотъ духъ съ необыкновенной силой отразился на его соціально-философскомъ міросозерцаніи“, или, выражаясь просто, если Лассаль съ неутомимой энергіей боролся за свои, и не только лично свои, идеалы, то этимъ онъ въ такой же мѣрѣ обязанъ опредѣленному „діалектическому“ взгляду на исторію, выразившемуся въ его „Программѣ“, какъ и личнымъ качествамъ свой богатой натуры. Только благодаря этому „діалектическому“ толкованію хода исторіи, толкованію, которое въ общихъ чертахъ соответствовало дѣйствительному направленію развитія, Лассаль не былъ съ первыхъ же шаговъ вышибленъ изъ колеи, нашелъ отзвукъ тамъ, гдѣ искалъ, и не былъ вынужденъ

отдаваться печальному занятію сгибання діалектики то „на матеріалістическій“, то „на ідеалістическій ладъ“.

Теорія економіческаго матеріалізма, противъ которой вооружается г. Струве во имя идеаловъ, открываетъ, какъ извѣстно, такія широкія перспективы для постановки опредѣленныхъ историческихъ задачъ и цѣлей, что приходится невольно удивляться, почему для „созданія положительнаго міросозерцанія“ г-ну Струве приходится пятиться назадъ на цѣлое столѣтіе. Экономическій матеріалізмъ старается дать прежде всего знаніе законовъ развитія, а это развитіе ведетъ къ осуществленію извѣстныхъ „идеаловъ“,— правда, не всѣхъ идеаловъ, которые могутъ зарождаться въ головахъ людей, особенно отрицающихъ „діалектическій“ взглядъ на ходъ событій, а только опредѣленныхъ идеаловъ; но вѣдь никогда, ни въ одинъ періодъ исторіи развитіе не вело къ осуществленію *всѣхъ* идеаловъ. „Несгибаемое идеалистическое существо“, или, переводя опять на языкъ профановъ, активная дѣятельность во имя опредѣленныхъ идеаловъ не только воплѣтъ совмѣстима съ самымъ послѣдовательнымъ „діалектическимъ“ и въ частности „матеріалістическимъ“ міросозерцаніемъ, но даже только при наличности его, т. е. при соответствіи этихъ идеаловъ ходу общественнаго развитія, приобретаетъ объективный (историческій) смыслъ и придаетъ послѣдователямъ его ту неослабную энергію, которая дѣлаетъ ихъ „идеалистическими существами“ *par excellence*. Но, увы! г. Струве уже разочаровался въ возможности такого „примиренія“. Для него стремленіе обосновать жизненную практику на наукѣ является не болѣе, какъ „утопіей“, въ чемъ онъ самъ откровенно признается въ своей статьѣ въ „Архивѣ Брауна*“). Неудивительно, что послѣ такого разрыва „идеалистическаго существа“ съ наукой научная мысль г-на Струве сразу почувствовала себя очень легко и вознеслась, какъ воздушный шаръ, къ небесамъ, гдѣ и витаетъ благополучно вотъ уже года два „безъ руля и безъ вѣтрилъ“. Ну, а что дѣлало пока „идеалистическое существо“? Не даромъ же г. Струве забылъ, гдѣ оставилъ его, и пошелъ искать къ... Фихте! Ну что жъ, Фихте, такъ Фихте, послѣдуемъ за нимъ и мы. Въ качествѣ профана, я, конечно, не знатокъ Фихте, какъ и 99% читателей г-на Струве и „Міра Божьяго“, но прибѣгнемъ къ посторонней помощи. „Я нашелъ органъ, — говоритъ Фихте въ своемъ „Bestimmung des Menschen“ **), — посредствомъ котораго человекъ можетъ познать реальность. Это не разумъ, ибо всякое знаніе предполагаетъ нѣкоторое высшее знаніе, служащее для него основой, и такому восхожденію не было бы конца. Это — *вѣра*, которая добровольно останавливается на *естественно* представляющихся намъ взглядахъ, останавливается потому, что при помощи только этихъ взглядовъ мы выполняемъ свое назначеніе. Вѣра эта разсматриваетъ наше знаніе, объявляетъ его „пригоднымъ“ и обращаетъ его въ нѣчто несомнѣнное — въ *убѣжденіе*. Это — не знаніе, но рѣшеніе воли принять данное знаніе. Не въ однихъ словахъ только сила такого опредѣленія: оно само по себѣ истинно, глубоко, и изъ него вытекаютъ слѣдствія чрезвы-

*) „Braun's Archiv für sociale Gesetzgebung u. Statistik“, 1899, B. XIV, S. 689-690 sg.

***) Льюисъ, „Исторія философіи“, СПб., 1892, стр. 588.

чайной важности. Я намѣренъ держаться за него. Всякое мое *убѣжденіе* есть только *вѣра*, и оно исходитъ изъ *воли*, а не изъ *разума*...“ и т. д.

Это называется субъективнымъ идеализмомъ. Но, какъ говорятъ французы, il y a des fagots et des fagots—бываетъ субъективный идеализмъ и субъективный идеализмъ, опять-таки въ зависимости отъ происхожденія слова „идеализмъ“ и отъ кое-чего другого. Если его производить отъ „идея“—получится субъективный идеализмъ 1-го сорта, но онъ обязательно влечетъ за собой известную „діалектику“. И у Фихте, величайшаго представителя этого „субъективнаго идеализма“, есть своя „діалектика“. Если вѣрить изложенію Льюиса, она заключается въ слѣдующемъ: „Что такое эпоха, какъ не *воплощеніе идеи*? Каждая эпоха имѣетъ, слѣдовательно, свою предсуществующую идею. Но эта идея опредѣляется идеями эпохъ предсуществующихъ и въ свою очередь опредѣляетъ идеи эпохъ послѣдующихъ. Такимъ образомъ въ *эволюціи* идей, или въ исторіи міра есть известныя *планы* и т. д., и т. д. *). Какъ видите, субъективный идеализмъ Фихте г-ну Струве не подойдетъ. Не подойдетъ уже потому, что самъ г. Струве призываетъ насъ къ „Фихте“, но не къ его „діалектикѣ“,—а тутъ „діалектика“ неустранима. Не подойдетъ онъ намъ съ г-номъ Струве еще и по другой причинѣ, о которой г. Струве почему-то умолчалъ,—вѣроятно, упустилъ изъ виду. Величественное зданіе идеалистической системы Фихте, которое, по мнѣнію того же Льюиса, при всей своей прелести противорѣчитъ „здравому смыслу“, т. е. здравому смыслу современнаго критика, имѣетъ одинъ недостатокъ: оно представляетъ продуктъ опредѣленной исторической эпохи, носитъ на себѣ клеймо времени и мѣста и „за давностью лѣтъ“ имѣетъ теперь только историческое значеніе. Опредѣленная историческая среда создала эту теорію, создала и *носителя* ея, самого Фихте, не физическаго Фихте, конечно, а его „идеалистическое существо“, и поэтому апеллировать *теперь* къ его философіи или къ его „существу“ значитъ устранять *историческую перспективу* и отвлекать мысль отъ *реальныхъ, жизненныхъ условий* къ метафизическому туману. Такъ нѣкогда заставляли насъ съ г-номъ Струве восхищаться „идеалистическими существами“ Леониды и Оемпстокла, но тамъ преслѣдовали этотъ опредѣленную цѣль, а здѣсь?..

Человѣчскій умъ имѣетъ одинъ неприятный недостатокъ: онъ очень бѣденъ по части изобрѣтенія новыхъ формъ. Всякое новое явленіе создаетъ свои формы изъ элементовъ минувшаго. Эту особенность одинъ польскій соціологъ пытался формулировать какъ общественный „законъ ретроспекціи“ **). Указанія на этотъ фактъ пѣются и у Маркса. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ: „Лютеръ переродился апостоломъ Павломъ, революція 1789—1814 гг. драпировалась по очереди: то какъ римская республика, то какъ римская имперія, а революція 1848 г. не нашла лучшаго дѣла, какъ парадировать то 1789 г., то революціонную традицію 1793—95 гг.“.

Если мы теперь прииѣнимъ этотъ законъ къ нашему случаю, то увидимъ,

*) Льюисъ, „Исторія философіи“, СПб. 1892, стр. 600, 601.

***) K. Kranz, „Sociologiczne prawo retrospekcyi“. Warszawa. 1898.

что г. Струве поступает вполне „законно“, когда дѣлаетъ ретроспективно глазки Фихте и

„se taille des pourpoints dans son manteau de roi“.

Но и мы, надѣясь, не погрѣшимъ противъ закона, если подѣ философской и исторической „фуфайкой“ — „идеалистическимъ существомъ“ Фихте — будемъ искать реальное содержаніе.

Еще въ 1894 г. одинъ авторъ *) указывалъ на то, что, кромѣ „субъективнаго идеализма“ Фихте, существуетъ еще „субъективный идеализмъ другого сорта или, правильнѣе, пожалуй, „второго“ сорта, очень и очень разнящійся отъ перваго. Названіе его ничего общаго не имѣетъ съ названіемъ системы Фихте, а сущность ничего общаго съ философіей. „Субъективнымъ“ онъ называется потому, что критерій для оцѣнки историческихъ событій сторонники его находятъ въ *своихъ* понятіяхъ истины и справедливости, а не выводятъ изъ законовъ общественнаго развитія, т. е. отрицаютъ всякую „діалектику“, а тѣмъ паче „матеріалистическую“; „идеализмомъ“ же именуется онъ въ силу признанія опредѣленнаго „морально-общественнаго идеала“, нормированнаго тѣми же понятіями истины и справедливости. А развѣ не того же адчетъ г. Струве? Развѣ онъ не призываетъ „діалектическихъ“ и иныхъ убѣжденных „матеріалистовъ“ бросить „діалектику“ и спастись подѣ знамя „идеалистическаго духа?“ Правда, г. Струве не употребляетъ выраженій—истина и справедливость, такъ что, можетъ быть, „морально-общественный идеалъ опредѣляется у него другими „объективными“ моментами? Обратимся къ его статьѣ.

„...Почему же ихъ (науки) должно сохранять? — сочувственно цитируетъ г. Струве Фихте,—очевидно лишь для того, чтобы въ надлежащее время *устроить всеобщую жизнь* и ввести *человѣческой* (пстинный и справедливый? Ю. А.) *порядокъ вещей*. Это конечная цѣль науки“. Не менѣе сочувственно цитируетъ онъ и Лассаля: „На государствѣ лежитъ *задача* осуществлять *развитіе свободы, развитіе челоѣческаго рода къ свободѣ*“. Мы не будемъ останавливаться надѣ тѣмъ, откуда выводилъ Лассаль эту *задачу* государства и насколько преуспѣлъ онъ отъ „идеалистическаго“ взгляда на него, а приведемъ подлинныя слова г. Струве: „...историко-реалистическое пониманіе конкретнаго соціальнаго содержанія государства, государства, какъ историческаго факта, можетъ только *по недоразумѣнію* противопоставляться *идеалистическому* или этическому пониманію государства, какъ *морально-общественнаго идеала*“ **).

*) „Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“ Спб., 1894 г., стр. 4, прим.

***) Интересно знать, какимъ образомъ государство, „какъ идеалъ“, будетъ „осуществлять развитіе свободы“, т. е., повидимому, нѣчто очень реальное? Здѣсь, вѣроятно, имѣемъ мы дѣло съ маленькимъ „lapsus“, только ужъ не „linguae“. Кстати слѣдуетъ замѣтить, что все приведенное замѣчаніе съ „недоразумѣніемъ“ представляетъ яркій образецъ столь милаго для г. Струве апеллированія отъ реальныхъ, жизненныхъ условий къ метафизическому тумазу, должнствующему скрыть отъ зрителя наготу „идеалистическаго существа“ автора.

Здѣсь уже ясно, какое отношеніе имѣеть государство, „какъ морально-общественный идеалъ“, къ государству, „какъ историко-реалистической“ категоріи. Новый призывъ г. Струве оказывается въ сущности призывомъ къ тому второсортному „субъективному идеализму“, о которомъ мы только что говорили. Какъ идеологическое построеніе слоя, лишеннаго реального общественнаго фундамента, ученіе это не пошло дальше провозглашенія культа личности, индивидуальности, и чтобы спасти эту личность отъ угрожавшей ей якобы гибели со стороны общественнаго развитія, оно рѣшилось *propter vitam vivendi perdere causas*—отвергнуть цивилизованное общество, сведя общежитіе людей до уровня недифференцированной орды*). Какъ идеологія отживающаго (въ историческомъ смыслѣ) слоя, это ученіе реакціонно (по сравненію съ ученіемъ болѣе прогрессивныхъ слоевъ), и намъ теперь вполне понятно, какимъ образомъ „созданіе положительнаго міросозерцанія на *новыихъ*, болѣе широкихъ основахъ“ оказалось „въ сущности“ тождественнымъ съ созданіемъ его „на *старыхъ*“ основахъ. И сюда-то тянетъ г. Струве навывныхъ профановъ во имя „великаго идеалистическаго духа Лассалля, Гегеля, Фихте!“

По поводу того вывода, къ которому мы пришли, позволю себѣ припомнить Вамъ, Милостивый Государь, одинъ діалогъ, происходившій ровно шесть лѣтъ тому назадъ между однимъ молодымъ и однимъ пожилымъ господиномъ.

Молодой господинъ. „По вашему взгляду исторической процессъ „законосообразенъ“, но въ то же время не существуетъ непреодолимыхъ историческихъ тенденцій, которыя, какъ таковыя, должны служить съ одной стороны *исходнымъ пунктомъ*, съ другой—обязательными границами для дѣлсообразной дѣятельности личности и общественныхъ группъ“.

Пожилый господинъ. Я думаю, что „живая личность со всѣми своими помыслами и чувствами становится дѣятелемъ исторіи на свой собственный страхъ. Она, а не какая-нибудь мистическая сила, *ставитъ цѣли въ исторіи* и движетъ къ нимъ событія сквозь строй препятствій, поставляемыхъ ей стихійными силами природы и историческихъ условій“.

Мол. госп. А по моему,—„личность просто соціологически ничтожная величина. Только личность, какъ представитель соціальной группы, личность—какъ это ни кажется нелѣпой *contradictio in adjecto*—совершенно безличная, есть основной элементъ соціологіи, исходный пунктъ всякаго соціологическаго разсужденія“. Повторяю, „экономическій матеріализмъ просто игнорируетъ личность“.

Пож. госп. Великіе люди, конечно, не съ неба свалываются на землю, а изъ земли растутъ къ небесамъ; ихъ создаетъ та же среда, которая выдвигаетъ и толпу, только концентрируя и воплощая въ нихъ разрозненно бродяція въ толпѣ силы, чувства, инстинкты, мысли, желанія.

Мол. госп. Напротивъ, именно „самый фактъ *соціальнаго* происхожденія трансцендентальнаго (логическаго) и нравственнаго сознанія говоритъ въ пользу устраненія изъ соціологіи личности въ смыслѣ индивидуальности. А что касается

*) „Чѣмъ разнороднѣе общество, тѣмъ уже поле развитія его членовъ и тѣмъ они однороднѣе“ (и обратно). Соч. Михайловскаго, IV, стр. 51.

„активной дѣятельности“, то „дѣятельность идеалистовъ не можетъ создать ничего прочнаго наперекоръ тому, что выдвигается стихійнымъ историческимъ процессомъ. Прямкнувъ къ послѣднему, идеалисты могутъ, повидимому, двигать горами, но признавать ихъ поэтому движущей силой значить впадать въ большую ошибку“. Такъ учить экономическій матеріализмъ.

Пож. госп. Ну, знаете ли, „при всемъ уваженіи къ научнымъ заслугамъ основателей теоріи экономическаго матеріализма, я принужденъ отвергнуть самую теорію, которая отнюдь не научна, а метафизична“.

Мол. госп. Это невѣрно. „Экономическій матеріализмъ, какъ попытка отыскать нѣкоторую правильность въ пестрой смѣнѣ историческихъ событій, самъ явился на смѣну философскимъ построениямъ исторіи, искавшимъ и находившимъ за реальными, психическими процессами, составляющими ея содержаніе, метафизическаго дѣятеля, которымъ оказывалась всегда какая-нибудь идея, абстрагированная отъ той же самой дѣйствительности, которую она должна была объяснить... Какъ реакція противъ идеалистической метафизики въ исторической философіи, экономическій матеріализмъ, быть можетъ, носить на себѣ нѣкоторую метафизическую внѣшность. Тѣмъ не менѣе по существу ничего метафизическаго въ немъ нѣтъ...“ „Экономическій матеріализмъ открываетъ очень широкія перспективы человѣчеству“. Я приведу вамъ нѣмецкаго автора: „Законы ихъ (людей) собственной общественной дѣятельности, которые до сихъ поръ являлись для людей чуждыми, господствующими надъ ними законами природы, съ полнымъ знаніемъ прилагаются теперь (т. е. по достиженіи извѣстныхъ цѣлей) людьми и подпадаютъ подъ ихъ господство. Собственное обобществленіе людей, которое являлось для нихъ до сихъ поръ чѣмъ-то навязаннымъ имъ природой и исторіей, становится теперь ихъ собственнымъ свободнымъ дѣяніемъ. Объективныя чуждыя силы, которыя до сихъ поръ господствовали надъ исторіей, подчиняются теперь контролю людей. Только съ этого момента люди будутъ съ полнымъ сознаніемъ сами дѣлать свою исторію, только съ этого момента приводимыя ими въ движеніе общественныя причины будутъ преимущественно и въ растущей степени имѣть желательныя послѣдствія. Таковъ прыжокъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы“. *Личность во всемъ этомъ не при чемъ!* *)).

Пожилой господинъ, отрицавшій экономическій матеріализмъ ради субъективнаго идеализма и защищавшій личность, былъ—Н. К. Михайловскій; собесѣдникъ его, такъ краснорѣчиво своими и чужими словами защищавшій экономическій матеріализмъ, громившій метафизическій идеализмъ и отрицавшій значеніе личности для социологін—этотъ „убѣжденный діалектической матеріальность—былъ однофамилецъ г-на Струве—тоже П. Струве, авторъ „Критическихъ замѣтокъ“ **).

*) См. П. Струве, „Критическія замѣтки“, Спб. 1894, стр. 63, 64 и др.; „Русское Богатство“, 1894 г., кн. X, стр. 45 sqq.

**) Я не могу его назвать иначе, какъ однофамилецомъ г-на Струве, такъ какъ, выражаясь на любимомъ г-номъ Струве философскомъ языкѣ, какъ явля-

Тому г-ну Струве, повидимому, не трудно было защищать эту теорію, такъ какъ она тогда соотвѣтствовала его „психологической формѣ“ *), теперь же, должно быть, *tempora sunt mutata*. Г. Струве успѣлъ въ эти шесть лѣтъ превратиться въ свою собственную противоположность, завершивъ благополучно полный циклъ Гегелевой триады. Послѣ такихъ перипетій поневолѣ бросишь „діалектику“ и займешься своимъ „несгибаемымъ идеалистическимъ существомъ“. Но зачѣмъ понадобился г-ну Струве Лассаль, и Гегель, и Фихте—это я понять не берусь. Но мнѣ, какъ профану, кажется, что всѣ эти имена онъ употребилъ всеу, и что для формулировки результата эволюцій г-на Струве достаточно было бы сказать: „назадъ къ... автору „Борьбы за индивидуальность“.

Эволюція г-на Струве сама по себѣ не представляла бы никакого интереса, если бы въ ней не связывались два обстоятельства: это, во-первыхъ, то, что г. Струве еще раньше создалъ себѣ определенное имя и приобрѣлъ кругъ сторонниковъ, для которыхъ нерѣдко является авторитетомъ; а во-вторыхъ, что эта эволюція сопровождается извѣстнымъ поворотомъ въ общественномъ настроеніи, по крайней мѣрѣ въ извѣстной части общества.

Роль, которую пришлось сыграть русской интеллигенціи въ исторіи общественнаго движенія за послѣдніи 50 лѣтъ представляетъ богатѣйшую тему, дающую поле для очень интересныхъ и поучительныхъ выводовъ. Здѣсь, конечно, не мѣсто вдаваться въ разсмотрѣніе этого вопроса, и я позволю себѣ только остановиться на одной изъ послѣднихъ страницъ этой исторіи. 80-е годы, годы гробового затихья въ общественной жизни, подготовили ликвидацію отжившаго, а нѣкогда всецѣлно господствовавшаго мировоззрѣнія—народничества. Ликвидация происходила одновременно съ двухъ концовъ: снизу и сверху. Снизу сама жизнь разбивала шагъ за шагомъ иллюзіи и идеологическія построенія старой школы, доказывая неопровержимой логикой фактовъ, что это цѣльное и стройное на видъ міросозерцаніе не удовлетворяетъ болѣе требованіямъ „усложнившейся“ жизни, что жизнь выдвинула новые факторы, новыя „перемѣнныя“, которыя должны кореннымъ образомъ измѣнить значеніе ихъ „функціи“ — „формулы прогресса“. Въ то же время и на верхахъ — въ области теоретической мысли, гдѣ жизнь отражается уже преломленной въ призмѣ методологическаго изслѣдованія—завязался оживленный споръ о необходимости новыхъ основъ міросозерцанія. Какъ реакція противъ отживавшаго народничества, новое направленіе, увлеченное въ то же время запросами реальной жизни, выставило теорію, успѣвшую уже на Западѣ завоевать себѣ прочное положеніе. Это былъ такъ наз. „экономическій матеріализмъ“. Новое ученіе, какъ стройное цѣлое, было продуктомъ вполне определенныхъ историческихъ условій, отражало настроеніе определенного общественнаго агрегата. Какъ таковое, оно было принято и новымъ направленіемъ, но усвоено далеко не всѣми его элементами, а главнымъ

ніе (феноменъ), г. Струве 1894 года ничего не имѣетъ общаго съ г-номъ Струве 1900 г., а, какъ Ding an sich, г. Струве 1894 г. имѣлъ „материалистическую сущность“, а г. Струве 1900 г.—„идеалистическую“.

*) Хотя, кажется, тоже больше „по недоразумѣнію“.

образомъ тѣни, настроенію которыхъ оно соотвѣствовало. Это скрытое разногласіе сначала совершенно не обращало на себя вниманія; проявляться начало оно только тогда, когда утихъ пылъ оживленной борьбы, авторитетъ противника былъ сломанъ и пришлось подвести итоги пройденному и пріобрѣтенному. Тутъ только оказалось, что союзники считаютъ на разныхъ счетахъ, и началъ обнаруживаться расколъ.

Одинъ изъ первыхъ выразителей новаго ученія былъ г. Струве, издавшій въ 1894 г. свою книгу „Критическія замѣтки по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи“ *). На книгѣ было проставлено „выпускъ I“, но, увы, дальнѣйшихъ выпусковъ читатель не дождался. Союзъ, основанный на почвѣ *трицианія* стараго ученія, не могъ удержаться, когда нечего было больше отрицать: необходимо былъ *положительный* базисъ, а его не было; непримиримое примирить нельзя было. Несоотвѣтствие данной философской теоріи настроенію известной части новаго направленія должно было необходимо выразиться въ неудовлетворенности этой теоріей, ибо психологія въ конечномъ счетѣ всегда беретъ верхъ надъ мертвой догмой. Тогда началось „плодотворное внесеніе критицизма“ въ теорію, другими словами—повальное отреченіе отъ „экономическаго матеріализма“. Какъ, напримѣръ, тотъ же г. Струве смотритъ на всѣ эти упраздненія, дополненія и исправленія „колоссальныхъ ошибокъ“, „основныхъ антимоній“ и всего пр., можемъ судить по слѣдующимъ словамъ Зомбарта, которыхъ онъ (т. е. г. Струве) считаетъ „совершенно правильными“: „Можно *радоваться* той борьбѣ, которая возгорится какъ разъ изъ-за марксизма, этой наиболѣе обстрѣливаемой позиціи. Будетъ происходить *веселая свалка* (?!). Умы, пробужденные, наконецъ, отъ спячки представителями теоріи „предѣльной полезности“, рѣзко столкнутся другъ съ другомъ. Но вѣдь это именно и *прекрасно*—спорить *ad majorem scientiae gloriam!*!“ **) Поздравляемъ г-на Струве и комп. и совѣтуемъ и впредь заниматься такимъ милымъ времяпрепровожденіемъ; но къ чему тогда вся эта статья о Ляссалѣ? Къ чему призывъ къ „идеалистическому существу“ и т. д.?

Мы уже видѣли раньше, что въ одинъ изъ „критическихъ“ моментовъ г. Струве „дифференцировался“: теоретическая мысль его отдѣлилась отъ „идеалистическаго существа“. Благодаря этому и получилась возможность для этой „освобожденной“ мысли продѣлывать разные „веселые“ salti mortali на потѣху почтенной scientiae. И вотъ теперь, когда г-ну Струве зачѣмъ-то опять понадобилось установить личность своего „идеалистическаго существа“, онъ отправляется за пимъ... въ начало XIX столѣтія!! А стояло только г-ну Струве опуститься съ облаковъ на юдоль земную, и онъ увидѣлъ бы очень интересную вещь: онъ увидѣлъ бы, что вокругъ него міръ кишитъ существами, которыя, оставаясь „діалектическими матеріалистами“, вполне реально и уснѣшно проявляютъ свое

*) Нельзя не признать, что ужъ тогда нѣкоторые проникательные люди (напр., г. Тулинъ) слышали фальшивыя ноты въ треляхъ г-на Струве.

**) П. Струве, „Къ критикѣ нѣкоторыхъ основныхъ проблемъ и положеній политической экономіи“, „Жизнь“, 1900 г., мартъ, стр. 361.

„идеалистическое существо“ безъ помощи Фихте и Гегеля, и даже безъ помощи Лассала. Тогда, быть можетъ, г. Струве подумалъ бы, прежде чѣмъ написать свой неустрашимый призывъ „назадъ!“ Но, увы, для г-на Струве, какъ „историческаго факта“, а не какъ „морально-общественнаго идеала“, такой шагъ *психологически невозможенъ*, невозможенъ именно потому, что за нимъ стоитъ такое же регрессивное общественное теченіе, противъ котораго онъ безсиленъ. Поэтому намъ остается только выразить наше искреннее сожалѣніе и раскланяться съ г-номъ Струве. Мы оцѣниваемъ по заслугамъ первые шаги г-на Струве, которыми онъ прокладывалъ дорогу новому міросозерцанію, но теперь, увы, мы можемъ только сказать одно:

„Der Mohr hat seine Arbeit gethan—der Mohr kann gehen.

Юл. Адамовичъ.

* * *
Гроза прошла надъ лѣсомъ стороною,
Былъ теплый дождь, въ травѣ стоитъ вода...
Иду одинъ тропинкою лѣсною,
И въ синевѣ вечерней надо мною
Слезою свѣтлой искрится звѣзда...

* * *
Иду—и вспоминается мерцанье
Мнѣ звѣздъ иныхъ... Глубокій мракъ рѣсницъ,
И ночь, и тучи жаркое дыханье,
И молодой грозы благоуханье,
И трепеть замирающихъ зарницъ...

* * *
Все пронеслось, какъ бурный вихрь весною,
И все въ душѣ я сберегу, любя...
Слезою свѣтлой блещетъ надо мною
Звѣзда весны за чашей кружевною...
Какъ тихъ закатъ! Какъ я люблю тебя!

Ив. Бунинъ.

Лидія Карловна Туганъ-Барановская.

(НЕКРОЛОГЪ).

20-го декабря минувшаго 1900-го года скончалась въ Петербургѣ послѣ тяжелой болѣзни Лидія Карловна Туганъ-Барановская (Давыдова). Покойная была однимъ изъ тѣхъ скромныхъ литературныхъ и общественныхъ работниковъ, имя которыхъ, сравнительно мало извѣстнае широкимъ слоямъ читающей публики, въ средѣ литературныхъ и идейныхъ товарищей пользуется заслуженнымъ уваженіемъ. Отзывчивая на все доброе и чуткая къ явленіямъ общественной жизни, Лидія Карловна во всякомъ дѣлѣ, въ которомъ принимала участіе, выдвигала на первый планъ интересы самого дѣла, ступая со свойственной ей скромностью свою личность. Умерла Лидія Карловна въ расцвѣтѣ силъ,—ей было всего 31 годъ отъ роду,—и умерла, можно сказать, за работой, т. к. всего за нѣсколько дней до смерти диктовала текстъ для своего отдѣла „На родинѣ“, который она вела въ „Мірѣ Божьемъ“ съ самаго основанія этого журнала.

Литературную дѣятельность начала Лидія Карловна очень рано и дебютировала въ качествѣ переводчика на страницахъ „Сѣвернаго Вѣстника“. Изъ отдѣльныхъ изданій ей принадлежатъ въ біографической бібліотекѣ Павленкова біографіи Джоржа Эллиотъ и Шопена и переводъ труда Уорда „Психическіе факторы цивилизаціи“. Съ самаго основанія журнала „Мірѣ Божій“ Лидія Карловна входитъ въ него въ качествѣ ближайшаго сотрудника и члена редакціи. Кромѣ кропотливаго и незамѣтнаго редакторскаго труда и постояннаго веденія отдѣла „На родинѣ“, она успѣла написать въ этомъ журналѣ рядъ статей по общественнымъ вопросамъ.

Смерть слишкомъ рано прервала эту молодую жизнь, посвященную честному общественному и литературному труду, и унесла въ могилу незамѣтнаго работника и хорошаго человѣка.

ИЗЪ ПСИХОЛОГІИ МЫСЛИ И ТВОРЧЕСТВА.

ВВЕДЕНІЕ.

Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust
Die eine will sich der andern trennen...
Goethe („Faust“).

Подъ общимъ заглавіемъ „Изъ психологіи мысли и творчества“ я имѣю въ виду предложить читателю рядъ посильныхъ этюдовъ, основанныхъ на изученіи жизни и дѣятельности различныхъ мыслителей, ученыхъ и художниковъ. Ближайшая задача этихъ опытовъ сводится къ наблюденіямъ надъ взаимодействіемъ между *мыслью и чувствомъ въ процессъ творческой работы ума*. Болѣе отдаленная задача состоитъ въ постановкѣ вопроса о томъ, какъ эта творческая работа ума отражается на укладѣ *личности*. Мнѣ думается, что такимъ путемъ можно придти къ нѣкоторымъ выводамъ, которые, быть можетъ, окажутся не лишними въ трудномъ дѣлѣ изученія происхожденія, эволюціи и высшаго призванія *личности*, какъ синтеза или организованной системы душевныхъ силъ индивидуума.

Въ интересахъ большей ясности и стройности послѣдующаго изслѣдованія я счелъ необходимымъ предпослать задуманнымъ этюдамъ это *введеніе*, посвященное сжато му очерку психологіи мысли и чувства, а также предварительному изложенію моихъ взглядовъ на психологическую природу личности.

Я далекъ отъ притязаній на полноту и безспорность психологическихъ воззрѣній, очерченныхъ на нижеслѣдующихъ страницахъ. Ихъ назначеніе—*методологическое*, т. е. они даютъ мнѣ руководящую точку зрѣнія и намѣчаютъ тѣ пункты въ психикѣ человѣческой, на которые и будутъ направлены мои посильныя наблюденія.

I.

„Душа—не яблоко: ее не разрѣжешь“,—говоритъ Шубинъ въ „Наканунѣ“ Тургенева. Это справедливо лишь отчасти и въ очень условномъ смыслѣ. Въ сущности душа человѣческая довольно легко „разрѣзывается“ по шву, которымъ скрѣплены одна съ другой (и притомъ далеко не прочно) двѣ сферы ея: *сфера чувствъ* и *сфера мысли*. Надо полагать, у высшихъ животныхъ онѣ скрѣплены гораздо осявательнѣе, и ихъ душа—гораздо больше „яблоко“, чѣмъ душа человѣка. У низшихъ животныхъ цѣльность души, конечно, еще солиднѣе, ея сплоченность еще крѣпче,—и ее, пожалуй, ужъ въ самомъ дѣлѣ не „разрѣжешь“.

Психика культурнаго человѣка сложна и разчленена. На первоначальной основѣ ея, т. е. на *волевомъ психическомъ аппаратѣ*, тысячелѣтними доисторическаго и историческаго развитія создались обширныя и причудливыя „надстройки“ чувствъ и умственныхъ процессовъ. Эта строительная дѣятельность совершалась, конечно, не по какому-либо плану, не по рациональнымъ законамъ психической архитектуры, а со всею иррациональностью слѣпнаго творчества природы. Душа человѣческая, какъ мы ее знаемъ теперь, есть продуктъ психической *эволюціи, которую нѣтъ никакихъ основаній считать законченною*. Мы можемъ гордиться богатствомъ нашей психики, когда сравниваемъ ее съ психикою дикарей; но эта гордость сейчасъ же должна смириться, какъ только вспомнимъ о всѣхъ неврозахъ и психозахъ, которымъ цивилизованный человѣкъ такъ подверженъ *именно въ силу несовершенства и неустойчивости своей нервно-мозговой и психической организации*.

Прогрессъ въ эволюціи психики человѣческой сводится 1) къ усовершенствованію, обогащенію, изошренію умственной и чувствующей сферъ, 2) къ подчиненію волевого аппарата власти ума и высшихъ чувствъ и 3) къ упроченію *синтеза* всѣхъ элементовъ и процессовъ психики. Этотъ синтезъ и есть то, что иначе называется *личностью*.

Для уясненія относительнаго совершенства или, лучше, несовершенства нашей психики прежде всего необходимо обратить вниманіе на *взаимоотношенія мысли и чувства*. Вникая въ психическую природу этихъ двухъ сферъ, мы ясно усматриваемъ коренное различіе между ними, ихъ разладъ, и приходимъ къ выводу, что это—какъ бы „двѣ души“, имѣющія свои особые „законы“, стремленія, „задачи“. Душевное равновѣсіе и внутреннее благополучіе человѣка въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ того,

насколько поладили между собою эти „двѣ души“ его, насколько крѣпокъ ихъ союзъ.

Есть одно, что ихъ сближаетъ и роднитъ: это—единство ихъ происхожденія. Основною ячейкою, изъ которой онѣ возникли *), должны быть признаны *элементарныя чувственныя воспріятія* (зрительныя, слуховыя, осязательныя и т. д.). Эти воспріятія, пока они еще не переработаны въ представленія, суть столько же элементы чувства, сколько и мысли, или, точнѣе, это—зачатки будущихъ чувствъ и матеріаль будущей мысли. Если угодно, здѣсь можно усматривать какъ бы *предварительный синтезъ* чувства и мысли. Но этотъ изначальный, зачаточный синтезъ подлежитъ разрушенію, безъ чего невозможно дальнѣйшее развитіе психики, идущее въ направленіе обособленія обѣихъ сферъ. Первые шаги развитія психики, это—уже нарушеніе равновѣсія. Если представимъ себѣ существо, психика котораго состоитъ только изъ чувственныхъ воспріятій, еще не переработанныхъ въ настоящія чувства, хотя бы простѣйшія, и въ настоящую мысль, хотя бы элементарную, то придется признать это существо столь же душевно-убогимъ, сколько и душевно-цѣльнымъ. Какъ только матеріаль чувственныхъ воспріятій перерабатывается съ одной стороны въ элементарные процессы, мысли, а съ другой—въ простѣйшія чувства,—принципіальная противоположность обѣихъ сферъ и ихъ разладъ сейчасъ-же обнаруживаются.

II.

Чувство, какъ таковое, характеризуется, во-первыхъ, наличностью такъ называемой *окраски*, большею частью подводимой подъ категоріи *пріятнаго и непріятнаго*. *Мысль, какъ таковая*, чужда какой бы то ни было окраски. Нужно строго различать между самими чувствами, напр., радости, озлобленія, зависти, жалости, грусти и т. д., и соотвѣтственными понятіями или представленіями: первыя—окрашены, вторыя—не окрашены. То или иное представленіе (напр., образъ любимаго человѣка, воспоминаніе о счастливомъ событіи) можетъ вызвать живую игру извѣстныхъ чувствъ (напр., радости, восторга), но данное представленіе и данное чувство не сливаются въ одинъ, нераздѣльный душевный моментъ, котораго „не разрѣжешь“; напротивъ, здѣсь очень легко сдѣлать разрѣзъ по линіи, отдѣляющей представленіе (процессъ мысли) отъ сопутствующаго чувства. И данное пред-

*) Въ эволюціонномъ порядкѣ, въ филогенезѣ психики,—и возникаютъ у каждаго человѣка въ его психическомъ онтогенезѣ.

ставленіе отнюдь нельзя назвать окрашеннымъ: окрашено не оно, а чувство, съ нимъ ассоціированное. Такія ассоціаціи могутъ быть настолько тѣсны и постоянны, что окраска чувства, связаннаго съ представленіемъ, легко переносится на самое представленіе. Есть, напр., образы и даже понятія, обычно вызывающія въ насъ чувство физическаго или нравственнаго отвращенія. При этомъ намъ кажется, будто въ составъ самого образа или въ содержаніе понятія входятъ элементы чувства. Это—иллюзія: въ составъ образа, въ содержаніе понятія входитъ только сознаніе ихъ отношеній къ опредѣленному чувству, а не самое это чувство. Такъ, напр., изображеніе въ мысли физической нечистоплотности часто заставляетъ насъ живо ощущать соотвѣтственное чувство отвращенія; но это чувство можетъ и не возникнуть, если картина нечистоплотности была мимолетная и не яркая. То, что во всякомъ случаѣ входитъ въ эту картину со стороны чувства, можетъ быть опредѣлено какъ сознаніе ея опредѣленнаго отношенія къ чувству, какъ ея оцѣнка или квалифікація, внутренняя чувствомъ. Сама по себѣ такая оцѣнка или квалифікація не есть чувство. Она—элементъ мысли, но только такой, наличность котораго обусловлена предварительной наличностью соотвѣтственнаго чувства. Если, предположимъ, у даннаго человѣка, въ силу какой-либо физической или психической аномаліи, совсѣмъ нѣтъ чувства отвращенія, вызываемаго картиною нечистоплотности, то онъ только понаслышкѣ будетъ знать, что нечистоплотность квалифіцируется какъ отвратительная, на самомъ же дѣлѣ у него этой оцѣнки не будетъ въ наличности,—въ его душевномъ обиходѣ,—въ смыслѣ живого, сознательнаго опредѣленія, опирающагося на личный внутренній опытъ, данный въ чувствѣ.

Такой анализъ представленій и понятій, подводящихся подъ категорію пріятнаго и непріятнаго, долженъ, по моему разумѣнію, привести къ выводу, что это отнюдь не явленія *окраски* мысли, а только процессы *ассоціаціи* мысли съ чувствомъ.

Но въ ряду ассоціаціи мысли съ чувствомъ особое мѣсто занимаютъ нѣкоторые изъ тѣхъ процессовъ, въ которыхъ оцѣнка представленій и понятій дана со стороны *нравственнаго чувства*. Если въ такой оцѣнкѣ даетъ себя знать *живой голосъ совѣсти*, то здѣсь мы уже имѣемъ ассоціацію иного рода, гораздо болѣе сложную и тѣсную,—мы имѣемъ здѣсь *синтезъ* мысли и чувства. О нравственномъ чувствѣ, въ смыслѣ живого голоса совѣсти, или категорическаго императива, заявляющаго о себѣ, изрекающаго свое одобреніе или свое *veto*, у насъ будетъ рѣчь ниже, и мы постараемся показать, что это настолько же явленіе мысли

насколько и явленіе чувства. Но его отнюдь нельзя подвести подъ понятіе *окраски* мысли чувствомъ. Оно гораздо сложнѣе, гораздо выше окрашенныхъ элементовъ мысли, и, какъ я думаю, оно и не мыслимо безъ предварительнаго развитія умственныхъ силъ, которое, въ свою очередь, основано на обособленіи мысли, на ея освобожденіи отъ окраски чувствъ.

Въ концѣ концовъ *окрашенные* процессы мысли (у человѣка культурнаго и нормальнаго) мы можемъ найти только въ ея элементахъ, именно въ чувственныхъ воспріятіяхъ, которыя, въ сущности, еще не мысль, а только матеріаль настоящей мысли, начинающейся образованіемъ представленій. Окраска самихъ воспріятій у взрослога не такая, какъ у ребенка. Тѣ изъ нихъ, которыя наиболѣе важны для мысли (зрительныя и слуховыя), по мѣрѣ развитія умственныхъ силъ ребенка, теряютъ окраску; тѣ же, которыя менѣе важны для мысли и тѣснѣе связаны съ фізіологической жизнью, напротивъ, съ возрастомъ окрашиваются сильнѣе (напр., воспріятія вкусовыя).

Процессъ развитія мысли, съ первыхъ же шаговъ ея, рѣзко характеризуется—у человѣка—стремленіемъ къ *безразличію* въ отношеніи къ *чувствующейся* окраскѣ, къ категоріи пріятнаго и непріятнаго. Въ умственныхъ актахъ, ведущихъ къ образованію представленій и понятій, чувствующаяся окраска воспріятій быстро потухаетъ, и только въ такомъ потухшемъ, безразличномъ видѣ воспріятія и становятся матеріаломъ, пригоднымъ для созданія картины міра, даннаго въ представленіяхъ и понятіяхъ.

На этомъ пути,—въ направленіи *безразличія, неокрашенности*,— между прочимъ, выдѣляется особый элементъ мысли, родъ умственнаго ощущенія — *свободы* отъ давленія чувствъ, отъ гнета чувствующейся окраски. Мысль обособляется и сперва ощущаетъ, а потомъ и сознаетъ, если можно такъ выразиться, всѣ преимущества своей возникающей автономіи. Ея процессы и результаты все болѣе и болѣе становятся самодовлѣющими. Возникаетъ сознаніе силы, законмѣрности и психологическихъ правъ мысли, независимо отъ воли и чувствъ. Однимъ словомъ, это—психологическія основанія того, что издревле принято называть *истиной*. Изъ намѣченной постановки вопроса читатель, полагаю, уже видитъ, съ какой стороны я хотѣлъ бы подойти къ психологической разработкѣ проблемы „истины“. Я не спрашиваю, что есть истина? Я хочу уяснить себѣ психологическое происхожденіе ощущенія и понятія *истинности*, какъ особой, сопутствующей развитію мысли, умственной категоріи, принципиально-отличной отъ окраски, свойственной чувствамъ. Въ томъ стремленіи къ безразличію относительно чувствующейся окраски,

о которомъ я только что говорилъ, я усматриваю первый шагъ къ образованію этой категоріи, присущей процессамъ мысли, и съ этой стороны ощущеніе истинности есть сперва только ощущеніе того, что въ возникающихъ образахъ, въ слагающихся понятіяхъ чувствующаяся окраска воспріятій потухла.

III.

Въ силу отсутствія *окраски* процессы мысли (представленія, понятія, идеи) могутъ быть понимаемы какъ *не эгоистическія* (въ извѣстномъ смыслѣ) проявленія нашей психики. Во избѣжаніе недоразумѣній, вмѣсто термина „эгоизмъ“ съ его производными будемъ пользоваться терминомъ „эгоцентризмъ“, понимая подъ нимъ особое отношеніе къ „я“ субъекта, именно то, которое дано въ чувствахъ и тѣмъ явственнѣе обнаруживается, тѣмъ живѣе сказывается, чѣмъ сильнѣе и выше чувство. Въ сферѣ чистой мысли, напротивъ, чѣмъ могущественнѣе, чѣмъ совершеннѣе и выше мысль, тѣмъ слабѣе ея связь съ „я“ субъекта, тѣмъ дальше стоитъ она отъ этого „я“: по природѣ своей мысль, въ противоположность чувству, *не эгоцентрична*. Въ формѣ представленій, понятій, идей данъ міръ, *не превращенный въ чувства* или, лучше сказать, освобожденный, очищенный отъ непосредственной, чувствующейся окраски желаніями, радостями, страданіями, наслажденіемъ, отвращеніемъ и т. д. Сфера всѣхъ этихъ чувствъ только *ассоціирована* съ объективнымъ міромъ мысли. Если бы возможно было разрушить эту ассоціацію, то вся *неэгоцентричность* мысли обнаружилась бы во всей своей холодной, безстрастной мощи. При этомъ предполагается, что сфера чувствъ не исчезла и продолжаетъ поставлять матеріаль для мысли, служить ей (иначе пострадала бы сама мысль). Тогда осуществилась бы великая утопія Спинозы: не скорбѣть, не ненавидѣть, а понимать... Въ свое время у насъ будетъ рѣчь объ этой утопій великаго мыслителя и о томъ недоразумѣніи, на которомъ она основана, и мы увидимъ, что лозунгъ высшаго, всеобъемлющаго, философскаго познанія гласитъ иное: скорбь, глубокая скорбь, которая не мѣшаетъ познавать, и всегда бодрствующее, нравственное негодованіе, которое не мѣшаетъ понимать. И мы увидимъ также, что такъ это и было у самого Спинозы.

Какъ процессы *окрашенные*, чувства по праву должны быть признаны *эгоцентрическими*, по преимуществу проявленіями психики. Даже высшія, благороднѣйшія чувства, влекущія человѣка къ подвигу самоотверженія, заставляющія его жертвовать собою для другихъ или для идеи, съ точки зрѣнія чисто-психологиче-

ской должны быть понимаемы, какъ акты наивысшаго *самоутвержденія* личности, наиболѣе яркаго и полнаго выраженія его „я“. Забѣгая впередъ, поставлю здѣсь же вопросъ: не усматриваются ли на верхахъ духовной жизни признаки возникновенія въ эволюціонномъ порядкѣ новыхъ чувствъ, дальнѣйшее развитіе которыхъ обнаружить, что эгоцентричность чувствъ не есть нѣчто вѣчное и непреложное, что возможно появленіе чувствъ *не эгоцентрическихъ*? Разсмотрѣніе этого вопроса займетъ насъ впоследствии, здѣсь же я только укажу, что та скорбь и негодованіе, о которыхъ я упомянулъ выше, какъ о спутникахъ высшаго познанія, представляются чувствами не эгоцентрическими, по крайней мѣрѣ, въ обыкновенномъ смыслѣ. Кромѣ этихъ чувствъ, въ процессъ высшаго познанія вырабатываются и другія, неэгоцентричность которыхъ еще яснѣе; таково, напр., то, которое Спиноза называлъ „умственной любовью къ Богу“ (*amor dei intellectualis*).

Прежде чѣмъ пойти дальше, посмотримъ, что даетъ намъ указанная противоположность мысли и чувства, со стороны ихъ отношенія къ „я“ человѣка, для дальнѣйшаго выясненія психологій „истины“. Мысль развивается въ направленіи *не эгоцентричности*. Отсюда понятно произвольное сознаніе того, что продукты мысли (представленія, понятія и ихъ сочетанія) являются, могутъ или должны возникать и имѣютъ свое право на существованіе и свою цѣну независимо отъ того, какъ они относятся къ „я“ человѣка: радуютъ ли они, или огорчаютъ, соотвѣтствуютъ ли желаніямъ и стремленіямъ человѣка, или нѣтъ. Возникаетъ какъ бы предчувствіе *самобытности* и *самоцѣнности* умственныхъ актовъ; появляется увѣренность въ томъ, что извѣстные продукты мысли должны быть принимаемы или отвергаемы не потому, что они намъ пріятны или непріятны, а на какомъ-то другомъ основаніи, котораго нужно искать въ природѣ самой мысли, а не внѣ ея, не въ природѣ чувства. Ошибки въ образованіи понятій и въ ихъ сочетаніи, затѣмъ поправки этихъ ошибокъ ведутъ къ установленію для мысли критерія *правильности* и *неправильности*. Съ тѣмъ вмѣстѣ развитіе категорій истинности вступаетъ въ новый фазисъ.

IV.

Но пойдемъ дальше. Достаточно извѣстно то первенствующее значеніе, которое въ дѣятельности мысли принадлежитъ такъ называемой *безсознательной* сферѣ ея. Подавляющее большинство умственныхъ актовъ совершается именно здѣсь, *за порогомъ со*

знанія. И жизнь мысли лучше всего можетъ быть опредѣлена, какъ постоянное общеніе между сознаниемъ и сферою бессознательною. Сохраненіе умственныхъ приобрѣтеній въ бессознательной сферѣ есть *память*, безъ которой ни умственная работа, ни прогрессъ мысли были бы невозможны. Но бессознательная сфера не есть какъ бы только складъ, магазинъ образовъ, понятій, идей: она—арена *умственной дѣятельности*. Вникая въ природу нашихъ умственныхъ актовъ, мы легко убѣждаемся въ томъ, что весьма многіе изъ нихъ протекаютъ бессознательно, и что нерѣдко въ сознаниіи отражается только послѣдній результатъ сложныхъ операцій, производящихся въ бессознательной сферѣ *автоматически*. Это значить, что вся эта работа обошлась намъ даромъ, и тутъ нельзя не видѣть огромнаго сбереженія умственной силы.

Къ числу автоматическихъ работъ, совершающихся въ бессознательной сферѣ, принадлежитъ утилизація языка, рѣчи. Языкъ—не только средство передачи мысли. Онъ прежде всего — орудіе мышленія. Онъ—сложный процессъ *апперцепціи* представленій, понятій и другихъ умственныхъ актовъ *грамматическими категориями*. Эти категоріи (части рѣчи и части предложенія) усваиваются нами въ раннемъ дѣтствѣ и становятся для насъ настоящими формами мысли *a priori* въ кантовскомъ смыслѣ. Когда языкъ усвоенъ и сталъ привычнымъ и необходимымъ орудіемъ мысли, тогда грамматическая апперцепція сосредоточивается въ сферѣ бессознательной, сохраняя съ сознаниемъ живую связь и постоянное общеніе, такъ что результаты ея дѣятельности легко переходятъ въ сознаніе. Если искусственно перепести туда не только эти результаты, но и самую дѣятельность языка, то не замедлитъ обнаружиться вся обширность, вся сложность и тонкость этой дѣятельности, а также и то, какъ много мѣста заняла бы она и какъ много потребовала бы вниманія и умственныхъ усилій, если бы цѣликомъ протекала въ сознаниіи. Всѣ мы хорошо знаемъ это по горькому опыту школьныхъ лѣтъ, когда, въ цѣляхъ обученія грамматикѣ, мы подвергались пензбѣжной операціи насильственнаго перемѣщенія существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ, подлежащихъ, сказуемыхъ и т. д. изъ бессознательной сферы, гдѣ они дѣйствуютъ автоматически, въ сознаніе, гдѣ ихъ работа уже перестаетъ быть даровой и гдѣ, по величинѣ требуемой ею затраты умственныхъ силъ и вниманія, легко можно составить понятіе объ ея огромной важности и цѣнности.

Всѣ, начиная съ языка, бессознательные, автоматическіе процессы мысли (а имя имъ—легіонъ) по праву разсматриваются какъ процессы, сберегающіе, накаплиющіе умственную силу, ко-

торая этимъ путемъ освобождается для новой, дальнѣйшей, высшей дѣятельности.

На этомъ основана самая возможность прогресса мысли, а, за нимъ и всей психики.

Вотъ теперь и спросимъ: существуетъ ли въ душѣ *чувствующей* своя бессознательная сфера, аналогичная той, которая принадлежитъ душѣ *мыслящей*?

Ученые много спорили о томъ, есть ли *память* чувствъ. Вопросъ можетъ считаться нерѣшеннымъ *). Я думаю, что онъ поставленъ неправильно. Сперва нужно рѣшить, возможно ли *бессознательное чувство*, какъ вполне возможна бессознательная мысль. Мнѣ кажется, отрицательный отвѣтъ самъ собой напрашивается. Вѣдь чувство съ его неизбѣжной окраской остается чувствомъ только до тѣхъ поръ, пока оно *ощущается, проявляется въ сознании*. Субъектъ можетъ неправильно понять свое чувство, можетъ ошибиться въ его опредѣленіи; есть не мало сложныхъ и тонкихъ чувствъ, трудно поддающихся отчетливому отраженію въ словѣ, въ представленіи, въ понятіи. Но, очевидно, эта трудность опредѣленія или ошибка въ немъ, въ свою очередь, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о *сознательности* чувства: вѣдь если бы сложное, трудно-опредѣлимое чувство *не сознавалось*, то не возникалъ бы и вопросъ о немъ, не было бы ни трудности, ни ошибки. По моему крайнему разумѣнію, выраженіе „бессознательное чувство“ есть *contradictio in adjecto*, какъ черная бѣлизна и т. п., и бессознательной сферы въ душѣ чувствующей нѣтъ. Этому, конечно, отнюдь не противорѣчитъ сохраненіе воспоминаній о пережитомъ и угасшемъ чувствѣ, а равно и возможность кажущагося повторенія этого чувства. Вы нѣкогда испытали большую радость, вызванную такимъ-то событіемъ въ вашей жизни. Прошли года, эта радость давно потухла,—ея нѣтъ у васъ; но представленія, съ нею связанная, воспоминанія о событіи, ее вызвавшемъ, о лицахъ, участвовавшихъ въ событіи и т. д., конечно, сохраняются въ вашей памяти, потому что они—мысль, а не чувство. Съ этими воспоминаніями могутъ ассоціироваться новыя чувства, отличныя отъ той радости, напр., чувство сожалѣ-

*) Ясную постановку этого вопроса и попытку рѣшить въ утвердительномъ смыслѣ находимъ у Рибо, въ книгѣ „La Psychologie des sentiments“ (1896), глава XI („La mémoire affective“). Наблюденія и соображенія Рибо клонящіяся къ доказательству существованія „аффективной памяти“, устанавливаютъ лишь одно: родъ „памяти“ въ области *чувственныхъ воспріятій* (обонятельныхъ, вкусовыхъ и др.), *а не настоящихъ чувствъ*; къ тому же эта „память, по свидѣтельству самого автора, оказывается весьма ограниченной. По нашему миѣнію, между нею и памятью умственной—цѣлая пропасть.

нія о томъ, что она прошла, грусть о счастья, котораго уже нѣтъ. Если же, вспоминая прошлое, вы живо перенесетесь воображеніемъ въ ваше тогдашнее душевное состояніе, и если при этомъ новыя чувства сожалѣнія, грусти и т. д. не придутъ отравлять пріятныхъ воспоминаній, то нѣчто аналогичное былой радости можетъ прозвучать въ вашей душѣ. Но не трудно видѣть, что это не прежнее воскресшее чувство, а новое, только похожее на него, возникшее запово въ силу извѣстныхъ умственныхъ актовъ (воспоминаній) и того, что въ данную минуту ваша чувствующая душа оказалась свободною отъ другихъ чувствъ. И, разумѣется, новое чувство, принадлежа къ одной категоріи съ прежнимъ, далеко не будетъ однако совпадать съ нимъ въ силѣ, интенсивности и въ тѣхъ отгѣнкахъ и подробностяхъ, которыя и образуютъ живую индивидуальность чувства. Наша *чувствующая* душа, по справедливости, можетъ быть сравниваема съ тѣмъ возомъ, о которомъ говорится: что съ возу упало, то и пропало. Напротивъ, душа *мыслящая*—это такой возъ, съ котораго ничего не можетъ упасть: вся поклажа тамъ хорошо помѣщена и скрыта въ сферѣ безсознательной. Возьмемъ другой примѣръ. Литвиновъ и Ирина любили другъ друга. Какъ ни была сильна и страстна эта любовь, она, послѣ извѣстнаго разрыва (въ Москвѣ), съ теченіемъ времени прошла, потухла. Потомъ они встрѣтились за-границей. Здѣсь, на первыхъ порахъ, ихъ чувствующія души были свободны отъ чувства любви. Но воспоминанія о прошломъ и жажда счастья (или, лучше сказать, тѣхъ острыхъ, страстныхъ, блаженно-мучительныхъ душевныхъ состояній, которыя даетъ любовь) привели къ новой любви. Она вспыхнула съ новой силой. Но это, въ точномъ психологическомъ смыслѣ, не прежнее чувство, а новое, только очень похожее на прежнее. Можно два раза заболѣть тифомъ, но новый тифъ, несмотря на все сходство съ прежнимъ, будетъ новой болѣзнью, которой теченіе и картина не можетъ по всѣмъ пунктамъ совпадать съ теченіемъ и картиною первой. Когда говорится, что Литвиновъ и Ирина не переставали любить другъ друга, и любовь безсознательно сохранялась въ ихъ душѣ, чтобы при новой встрѣчѣ вспыхнуть съ прежней силою, то это только — фигуральное выраженіе, противорѣчащее психологической природѣ чувствъ. Но когда говорятъ, что такая-то мысль долго сохранялась и даже работала въ безсознательной сферѣ, чтобы потомъ проявиться въ сознаниі, то это уже не фигуральное выраженіе, а вполнѣ точное обозначеніе факта.

Если бы чувства, нами переживаемыя, сохранялись и работали въ безсознательной сферѣ, постоянно переходя въ сознаніе (какъ

это дѣлаетъ мысль), то наша душевная жизнь была бы такой смѣсью рая и ада, что самая крѣпкая организація не выдержала бы этого непрерывнаго сцѣпленія радостей, горестей, обиды, злобы, любви, зависти, ревности, сожалѣній, угрызений, страховъ, отчаянія, надеждъ и т. д., и т. д. Нѣтъ, чувства, разъ пережитыя и потухшія, не поступаютъ въ сферу безсознательнаго, и такой сферы нѣтъ въ душѣ чувствующей. Но въ ней есть нѣчто иное. Это именно—*слѣды пережитаго*. Испытанное чувство исчезаетъ, но наша психика обогащается новымъ опытомъ и становится на будущее время болѣе *воспримчивою* къ данному чувству. Эта воспримчивость, пріобрѣтенная рядомъ опытовъ, можетъ передаваться наслѣдственнымъ путемъ и, черезъ нѣсколько поколѣній, превращается въ *инстинктъ*. Смотря по характеру чувства, пріобрѣтеніе воспримчивости къ нему можетъ приводить къ весьма различнымъ результатамъ, напр., къ большей легкости всякаго новаго появленія въ душѣ даннаго чувства, къ привычкѣ имѣть его (такъ можно привыкнуть къ тщеславію, къ заносчивости, къ властолюбію и т. т.), или же къ тому, что извѣстное чувство уже не будетъ проявляться съ тою яркостью, какъ проявлялось оно впервые.

Путемъ переживанія различныхъ чувствъ наша чувствующая психика обогащается внутреннимъ опытомъ и усваиваетъ, если можно такъ выразиться, „чувствоспособность“, въ силу которой ей становятся доступными всевозможныя чувства, хорошія и дурныя, равно какъ и различныя степени яркости чувствъ, отъ тусклыхъ и слабыхъ до такъ называемыхъ *аффектовъ*, т. е. сильныхъ и страстныхъ проявленій чувства.

Сравнивать эту чувствоспособность, эту настроенность души, хотя бы она была доведена до степени *инстинкта*, слѣпо, автоматически дѣйствующаго, съ ролью и характеромъ безсознательной сферы мысли нельзя безъ натяжекъ, и такое сравненіе ни къ чему не ведетъ, кромѣ отрицательнаго вывода, что эти психологическія величины несоизмѣримы и даже не могутъ быть названы гомологами.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что въ *психикѣ мыслящей*, гдѣ есть безсознательная сфера, господствуетъ законъ *памяти*, а въ *психикѣ чувствующей*, гдѣ безсознательной сферы нѣтъ, властвуетъ законъ *забвенія*.

Далѣе мы скажемъ, что чувства, какъ *сознательные* по преимуществу процессы психики, скорѣе тратятъ, чѣмъ сберегаютъ, душевную силу. Жизнь чувства—расходъ души *).

*) Попытку расчистить почву для возарвія на чувство, какъ на расходъ души, какъ на трату эвергіи, мы находимъ въ книгѣ проф. *И. Г. Оршанскаго*

V.

Важнѣйшею характерною особенностью мысли, тѣсно связанною съ ея бессознательными процессами, является ея вѣчное стремленіе восходить отъ единичнаго, частнаго, конкретнаго къ общему, обобщенному, отвлеченному.

Уже грамматическія категоріи суть отвлеченія. Но важнѣйшее дѣйствіе абстракціи сосредоточено не въ формальныхъ частяхъ слова, а въ его матеріальномъ (лексическомъ) содержаніи: конкретныя представленія обобщаются либо въ *типичные образы* (это—путь искусства, кромѣ лирики), либо въ *отвлеченныя понятія* (это—путь науки и философіи).

Ничего подобнаго нѣтъ въ сферѣ чувствъ. Чувство всегда конкретно. Нельзя обобщить, скажемъ, 100 чувствъ любви въ одномъ чувствѣ какой-то любви вообще. Только представленія (а не чувства) разныхъ сортовъ любви могутъ быть сведены къ общему *понятію* (опять-таки не чувству) любви вообще. Излишне пояснять, что чувства, объектомъ которыхъ служатъ не конкретныя вещи, а общія понятія, идеи (напр. любовь къ истинѣ), такъ же конкретны, въ смыслѣ чувства, какъ и всѣ прочія. Чувства всегда рѣзко индивидуальны, т. е. каждое изъ нихъ имѣетъ свою, такъ сказать, фізіономію, свой характеръ, опредѣленную окраску, такую-то степень силы или яркости и т. д. Оттуда—безконечное разнообразіе чувствъ той же категоріи.

И съ этой стороны коренное различіе между мыслию и чувствомъ можетъ быть сведено къ противоположенію сбереженія и накопленія психической силы въ обобщающихъ, отвлеченныхъ процессахъ мысли, расходованію и разсѣянію психической силы въ живой дѣятельности чувствъ, всегда конкретныхъ, всегда индивидуальныхъ.

Эта противоположность мысли и чувства нагляднѣе обнаруживается въ ихъ крайнихъ выраженіяхъ. Существеннѣйшій признакъ мысли—отвлеченіе. И чѣмъ мысль отвлеченнѣе, тѣмъ она больше мысль; чѣмъ она конкретнѣе, тѣмъ ближе подходитъ она къ чувству. Въ чувственныхъ воспріятіяхъ она сливается съ послѣднимъ. Слѣдовательно, чтобы созерцать мысль въ ея наиболѣе яркомъ выраженіи, нужно взять самыя широкія научныя и философскія обобщенія, гдѣ въ одномъ законѣ или въ одной идеѣ сведено къ единству огромное количество фактовъ и ихъ

„Механизмъ нервныхъ процессовъ“ (1898), гдѣ *разряженія* и *разсѣянія* энергій въ нервномъ процессѣ разсматриваются, какъ психо-фізическая основа чувства, акты же такъ называемаго *торможенія*—какъ основа мысли.

болѣ частныхъ обобщеній. Громадное сбереженіе умственной силы, осуществляемое этимъ путемъ, не требуетъ поясненія.

Существеннѣйшій признакъ чувства это—окраска, придающая ему особый характеръ, не позволяющій смѣшать его съ другимъ чувствомъ. Чѣмъ ярче окраска чувства, тѣмъ оно больше—чувство. Слѣдовательно, чтобы созерцать чувство въ его наиболѣе яркомъ выраженіи, нужно взять *аффекты* и *страсти*. Что аффекты и страсти представляютъ собою расходование душевной силы, это не можетъ подлежать сомнѣнію, равно какъ и то, что, если взять всю совокупность аффектовъ и страстей за извѣстный періодъ времени, то этотъ расходъ окажется огромнымъ. Какія статьи въ этомъ расходѣ могутъ быть признаны полезными и производительными,—это ужъ другой вопросъ; но несомнѣнно, что многія страсти и различные аффекты оказываются настоящимъ расточительствомъ, душевнымъ мотовствомъ, ведущимъ къ банкротству психики.

Такъ вотъ, если будемъ имѣть въ виду съ одной стороны высшіе процессы обобщающей мысли, научной и философской, а съ другой—самые сильные и яркіе аффекты и страсти, то коренная противоположность и антагонизмъ двухъ душъ—мыслящей и чувствующей—выступятъ отчетливо въ нашемъ сознаніи. И мы убѣдимся, что въ самомъ дѣлѣ эти „двѣ души“ плохо ладятъ между собою, и что психика человѣка, изъ нихъ слагающаяся, есть психика плохо организованная, неустойчивая, исполненная внутреннихъ противорѣчій.

Представимъ себѣ картину душевной жизни, управляемой интересами отвлеченной мысли,—при минимумѣ аффектовъ, при отсутствіи страстей,—и мы получимъ то, что Спиноза, лучшій представитель такой жизни, справедливо называлъ *свободою*.

Представимъ себѣ картину душевной жизни, управляемой аффектами и страстями,—при минимумѣ умственной дѣятельности, при отсутствіи отвлеченныхъ идей,—и мы получимъ то, что Спиноза справедливо называлъ *рабствомъ*.

VI.

До сихъ поръ мы говорили о чувствахъ, отвлекаясь отъ ихъ положительнаго содержанія. Теперь обратимся къ этой сторонѣ дѣла и прежде всего предложимъ слѣдующую *классификацію* чувствъ, основанную на эволюціонномъ критеріи: 1) чувства *органическія* (біологическія), 2) *надъ-органическія*, 3) *соціальныя*, 4) *надъ-соціальныя*. вмѣстѣ съ классификаціей мы дадимъ и *оптиму* чувствъ со стороны ихъ значенія въ общей экономіи психики человѣче-

скои. Критеріемъ такой оцѣнки послужить намъ понятіе о стремленіи чувствъ *порабощать* душу. Оговорюсь, что не имѣю возможности исчерпать здѣсь поставленный вопросъ и только постараюсь дать общую схему классификаціи и отправныя точки указанной оцѣнки чувствъ.

1) Чувства *органическія* (біологическія): мышечное, общетѣлесное (здоровья, нездоровья), голодь, жажда, сытость, половое и др. При нормальныхъ условіяхъ, при физическомъ и душевномъ здоровьи, при обычномъ удовлетвореніи соответственныхъ потребностей организма, эти чувства не порабащаютъ души. Только при ненормальныхъ условіяхъ, при отсутствіи необходимаго удовлетворенія потребностей организма, эти чувства вырастаютъ въ аффекты, порабащующіе мысль, другія чувства, волю. Легче всего—именно у мужчинъ—получаетъ аномальное развитіе половое чувство (и притомъ развитіе, не оправдываемое потребностью). На этомъ пути возникаютъ излишества и извращения, часто являющіяся симптомами разныхъ психозовъ. Если это—психозъ,—о душевной свободѣ не можетъ быть и рѣчи. Но и внѣ психоза это чувство слишкомъ часто (у мужчинъ) пріобрѣтаетъ непропорціонально-значительное мѣсто въ общей экономіи психики и является началомъ порабащующимъ. Женщины въ этомъ отношеніи гораздо свободнѣе и слѣдовательно совершеннѣе мужчинъ *).

2) *Надъ-органическія чувства*. Изъ нихъ, полагаю, слѣдуетъ признать важнѣйшимъ *любовь* между мужчиной и женщиной, въ смыслѣ столь извѣстнаго состоянія влюбленности и идеализированной страсти. Это, безспорно, одно изъ порабащующихъ чувствъ. Оно, безъ сомнѣнія, развилось на основѣ біологическаго инстинкта размноженія и можетъ быть понимаемо, какъ перерожденное и идеализированное половое чувство или какъ сложная психическая „надстройка“ надъ нимъ, въ которой обращаютъ на себя вниманіе черты, повидимому ничего общаго не имѣющія съ инстинктомъ размноженія и даже противорѣчащія ему (это—характерная особенность чувствъ надъ-органическихъ: на извѣстной

*) Стремленіямъ моралистовъ, проповѣдующихъ половое воздержаніе, нельзя не сочувствовать, тѣмъ болѣе что, сколько мнѣ извѣстно, авторитетъ науки на ихъ сторонѣ. Kraft-Ebing говоритъ: *Erziehung und Lebensweise haben auf die Intensität der Wita sexualis grossen Einfluss. Geistig angestrenzte Thätigkeit (ernstes studium), körperliche Anstrengung, gemüthliche Verstimmung, sexuelle Enthaltbarkeit sind der Erregung des sexualtriebs entschieden abträglich. Die Astinenz wirkt anfangs steigend. Bald früher, bald später, je nach constitutionellen Verhältnissen: lässt die Thätigkeit der Generationsorgane nach und damit die Libido. („Psychopatia sexuales“, стр. 32).*

высотѣ развитія они становятся „антиподами“ соотвѣтственныхъ органическихъ чувствъ). Поэты всѣхъ временъ (надо отдать имъ справедливость) сдѣлали очень много для идеализаціи и облагороженія любви-страсти. Въ смыслѣ украшенія и поэтизаціи жизни это чувство имѣетъ свою цѣнность. Но въ общемъ придется сказать, что оно приноситъ больше зла, чѣмъ добра. Вполнѣ умѣстное и благотворное въ юномъ возрастѣ, оно простираетъ свою власть и на старшія поколѣнія („любви всѣ возрасты покорны“), гдѣ оно—излишнее и, какъ все излишнее, вредно. Извѣстно, что глупостямъ, совершаемымъ людьми умными подъ властью этого чувства, имя—легионъ. Кромѣ глупостей, оно приводитъ и къ преступленіямъ, несчастьямъ всякаго рода, самоубійствамъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ будущемъ оно подвергнется значительнымъ измѣненіямъ въ своемъ составѣ, характерѣ и силѣ и потеряетъ ту власть и популярность, какими оно пользуется до сихъ поръ. Ужъ одно уравненіе женщины съ мужчинами на почвѣ общаго труда и развитія внесетъ коренныя измѣненія въ порядкѣ любовныхъ чувствъ, подогрѣваемыхъ, какъ извѣстно, различіемъ вторичныхъ половыхъ признаковъ,—а эти признаки въ извѣстной мѣрѣ уравниются въ общемъ царствѣ труда и мысли. Женщина будущаго, равноправный товарищъ мужчины на всѣхъ поприщахъ общественной дѣятельности, потеряетъ тѣ утрированныя и условно-красивыя черты такъ называемой „женственности“, которыя ни съ физической, ни съ духовной стороны не могутъ считаться положительнымъ приобрѣтеніемъ цивилизаціи.

3) *Чувства социальныя*: семейныя, общественныя, правовыя, политическія. Ихъ сфера огромна, и самыя чувства этой категоріи разнообразны до безконечности, раздѣляясь на разновидности и отличаясь по интенсивности; тутъ есть и обыкновенныя чувства, и аффекты, и страсти. Я не могу войти здѣсь въ разсмотрѣніе этого обширнаго порядка душевныхъ явленій (да это для мой цѣли и не нужно) и ограничусь нѣкоторыми соображеніями, преимущественно о тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ интересующему насъ вопросу о личности, объ ея душевномъ равновѣсіи и ея развитіи въ направленіи наибольшей цѣльности и экономіи психическихъ силъ.

И прежде всего укажемъ, что сама личность есть продуктъ (и притомъ сравнительно-поздній) развитія общественности, что она (личность, какъ особый укладъ духа) образовалась путемъ прогрессивнаго развитія именно *социальныхъ* (а не органическихъ и другихъ) чувствъ. Человѣкъ былъ искони животнымъ групповымъ, общественнымъ и выступилъ на историческую сцену

съ уже готовыми социальными чувствами и стремлениями, ставшими *инстинктомъ* не менѣе властнымъ и слѣпымъ, чѣмъ инстинкты биологическіе. Долгія тысячелѣтія прошли, прежде чѣмъ въ нѣдрахъ общественности могла образоваться *личность*. Многія социальныя явленія (въ томъ числѣ и государство) предшествовали возникновенію личности, и послѣдняя унаслѣдовала разнообразныя социальныя чувства, связывавшіяся съ до-личными общественными образованиями. Затѣмъ, въ порядкѣ историческаго развитія, эти архаическія чувства перерабатывались, видоизмѣнялись въ ту или другую сторону, переходили въ новыя чувства или совсѣмъ упразднялись. Какъ примѣръ, укажу на *патріотизмъ*. Въ наше время это социальное чувство, даже въ его наиболѣе вульгарномъ видѣ, все-таки представляется гораздо болѣе сложнымъ и часто болѣе возвышеннымъ сравнительно съ патріотизмомъ античнымъ, который, въ свою очередь, не былъ единообразнымъ, а развивался въ извѣстномъ направленіи, расширяясь и облагораживаясь. Если взять его въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ выраженій, то это окажется патріотизмъ не національный и даже не государственный въ собственномъ смыслѣ, а общинно-родовой, опиравшійся на узкіе интересы общины и на родовую религію (преимущественно культъ предковъ). Но былъ нѣкогда (и есть и нынѣ — у дикарей) „патріотизмъ“ еще болѣе примитивный и грубый: это — инстинктивное тяготѣніе къ своему „человѣческому стаду“ и слѣпая вражда къ другимъ такимъ же „человѣческимъ стадамъ“. Сущность явленія сводится именно къ тому, что здѣсь нѣтъ еще *личности*, а есть только *индивиды*, которые внѣ стада не существуютъ и искони были стадными. Намъ трудно проникнуть въ эту своеобразную психологію, гдѣ нѣтъ личности. Но вспомнимъ, что социальная психологія есть система психическихъ отношеній, связей и взаимодействій; эта система существенно измѣняется вмѣстѣ съ развитіемъ организаціи труда, его усложненіемъ, усовершенствованіемъ и раздѣленіемъ. На этой почвѣ впервые и создаются социально-психологическія основы или формы личности. Предпосылка личности это — сперва смутное, потомъ болѣе явственное сознаніе своего социальнаго положенія, своего мѣста въ общественной организаціи. Прошли тысячелѣтія, пока изъ этой предпосылки могла возникнуть человѣческая личность, долго еще остававшаяся шаткой и расплывчатой. *Личность есть конечный результатъ психологической переработки индивида силами осложняющейся, прогрессирующей общественности*. Только съ появленіемъ личности становится возможной антитеза: я и общество. Индивидъ, не имѣющій личности, этой антитезы не знаетъ: онъ

не противопоставляетъ себя обществу,—онъ тонетъ въ немъ. Всѣ индивиды, составляющіе группу, до неузнаваемости похожи другъ на друга даже физически, а психически ихъ совсѣмъ нельзя различить: внутренній міръ одного есть точное повтореніе внутренняго міра другого. Есть особи, но нѣтъ психологической индивидуальности, нѣтъ того обособленія личной психологіи, въ силу котораго становится возможною антитеза: я и общество. На этой ступени (на которой и въ настоящее время мы находимъ нѣкоторыхъ дикарей) индивидъ такъ тѣсно примыкаетъ къ группѣ, что у него нѣтъ психической возможности противодѣйствовать ея давленію и выбиться изъ соціальныхъ узъ, опутывающихъ его со всѣхъ сторонъ. Такое общество есть арена могущественныхъ психическихъ взаимодействій и раздраженій, и теорія Тарда *всецѣло* оправдывается *только* здѣсь. Мы съ нашимъ душевнымъ укладомъ, основаннымъ на всемірно-историческомъ, многовѣковомъ развитіи личности, не можемъ и представить себѣ всего гнета раздражительности и всей силы соціального давленія, о которыхъ мы ведемъ рѣчь. Развѣ только явленія гипноза и массовыя движенія, въ которыхъ личность временно какъ бы парализуется и устраняется, могутъ дать намъ нѣкоторое понятіе о соціальной психологіи дикаря и первобытнаго человѣка, о человѣческой психикѣ до возникновенія личности. Въ нашихъ глазахъ такой укладъ представляется явленіемъ патологическимъ, и онъ дѣйствительно патологиченъ съ точки зрѣнія той соціально-психологической нормы, которая обусловлена самымъ фактомъ существованія личности, какъ особаго порядка психическихъ явленій.

Психологія дикарей насъ интересуетъ здѣсь постольку, поскольку она можетъ дать намъ указанія для постановки вопроса о психологической природѣ личности и о соціальныхъ условіяхъ, необходимыхъ для ея образованія. Поэтому мы имѣемъ здѣсь въ виду тѣхъ дикарей, въ психологіи которыхъ не усматривается ясныхъ признаковъ личности, и въ жизни которыхъ нѣтъ соціальныхъ образованій, безусловно необходимыхъ для расцвѣта личной психики.

Съ тѣмъ вмѣстѣ такіе дикари любопытны для насъ и по вопросу о значеніи для личности тѣхъ чувствъ, которыя я называю *надъ-соціальными*. Но объ этомъ будетъ рѣчь ниже.

VII.

Личность,—сказали—мы, есть *синтезъ* психическихъ процессовъ индивида. На этомъ опредѣленіи остановиться нельзя: оно слишкомъ формально и не даетъ отвѣта на вопросы о характерѣ этого

синтеза, объ его психологической природѣ. Вѣдь дикарь, какъ особь, также имѣетъ свой душевный синтезъ; нельзя отрицать его существованія и у животныхъ. Вообще вездѣ, гдѣ есть расчлененная и организованная фізіологическая животная особь, тамъ есть и нѣкоторый синтезъ психическихъ процессовъ, данныхъ въ этой особи. Нервная система и мозгъ являются фізіологической предпосылкою и необходимымъ основаніемъ психическаго объединенія. Итакъ, существуютъ психическіе синтезы и до личности. Личность должна быть понимаема, какъ одинъ изъ многихъ синтезовъ, какъ особый родъ или *типъ* душевнаго объединенія, несвойственный животнымъ и еще не возникшій у весьма многихъ дикарей. Для осуществленія этого новаго типа синтеза необходима человѣческая общественность и притомъ прогрессирующая, цивилизующаяся. Личность—продуктъ цивилизаціи.

Отсюда понятно, какой интересъ представляетъ для насъ уясненіе характерныхъ чертъ индивидуальной психики дикаря. Оно дастъ возможность уловить тѣ особенности, которыми дикарь, какъ *психически-организованная особь*, отличается отъ цивилизованнаго человѣка, какъ *личности*. А это именно то, что намъ нужно.

Не лишнимъ будетъ сдѣлать здѣсь одну оговорку, для предупрежденія возможныхъ возраженій или сомнѣній. Могутъ замѣтить, что, если и у насъ, въ цивилизованномъ мірѣ, душа человѣка, нашего ближняго,—потемки, то тѣмъ болѣе темна и недоступна изученію душа дикаря. Могутъ указать при этомъ на шаткость и недостоверность нашихъ свѣдѣній о дикаряхъ, о многочисленныхъ ошибкахъ и недоразумѣніяхъ, иногда очень курьезныхъ, въ какія впадали путешественники и миссіонеры, имѣвшіе дѣло съ дикарями. На это мы возразимъ слѣдующее: конечно, ошибокъ и недоразумѣній было не мало, но они выясняются и исправляются. Собралъ большой запасъ достоверныхъ и цѣнныхъ наблюдений, уже составившихъ положительное достояніе науки. Затѣмъ, нужно различать между наблюденіями надъ учрежденіями, бытомъ, вѣрованіями и т. д. дикарей съ одной стороны, и тѣми, которыя относятся къ ихъ индивидуальной психологіи—съ другой. Насколько легко ошибиться въ области первыхъ, настолько легко дать правильныя и точныя свѣдѣнія относительно второй. Бытъ, учрежденія, вѣрованія дикарей настолько чужды намъ, мы такъ далеко ушли впередъ, что самый осторожный и свѣдущій наблюдатель рискуетъ не понять смысла того или другого обычая, невѣрно оцѣнить характеръ того или иного учрежденія. Другое дѣло—индивидуальная психика дикаря. Она настолько несложна, незамысловата и наивна въ своихъ обнаруженіяхъ, что наблюдатели имѣли полную возможность уяс-

нить себѣ и намъ важнѣйшія и постоянныя черты душевной жизни дикаго человѣка, — и, можно смѣло сказать, мы имѣемъ теперь достаточно-вѣрное о ней представленіе, если не въ подробностяхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ общемъ и существенномъ.

Это представленіе сводится къ слѣдующему:

1) *Слабость умственныхъ процессовъ.* Мысль дикаря ничтожна и по количеству, и по качеству. Малѣйшее умственное усиленіе утомляетъ его; онъ неспособенъ мыслить послѣдовательно въ опредѣленномъ направленіи; его мышленіе хаотично, не систематизировано: оно скудно общими понятіями и держится въ предѣлахъ конкретнаго; можно сказать, что дикари совсѣмъ не имѣютъ того, что логика называетъ *понятіемъ*, — они мыслятъ *предметно*. Въ связи со скудостью мысли, конечно, стоитъ и низкій уровень языка. Архаичность, невыработанность грамматическаго строя это — только другая сторона той же медали; скудость языка есть скудость мысли.

2) *Преобладаніе сферы чувствъ въ общей экономіи психики.* При этомъ нужно имѣть въ виду, что *по содержанію* сфера чувствъ у дикаря развѣ лишь немногимъ богаче сферы его мысли (въ особенности замѣтно отсутствіе высшихъ — человѣчныхъ — чувствъ, и бросается въ глаза преобладаніе низшихъ). Выдающееся значеніе чувствъ въ психикѣ дикаря основано не на богатствѣ этой сферы, а на ея функціи. Она бѣдна, но ея дѣятельность энергична. Чувства дикаря легко воспаляются и переходятъ въ *аффекты*. Подобно ребенку, онъ вѣчно во власти душевныхъ волненій, сопровождающихся слезами и смѣхомъ. Онъ въ высокой степени *эмоционаленъ*. Оттуда и тотъ фактъ, что мысль дикаря почти всегда связана, можно сказать, *окрашена* чувствами и эмоціями.

3) *Слабость задерживающей воли.* Подчиняясь власти аффектовъ, дикарь не въ силахъ воздержаться отъ моментальнаго приведенія въ дѣйствіе своихъ стремленій или вожелѣній. Дѣйствіе слѣдуетъ такъ фатально, можно сказать, автоматически за импульсомъ аффекта, что наблюденія, сюда относящіяся, приводятъ даже къ сомнѣнію въ существованіи у многихъ дикарей нравственнаго чувства. Зачастую дикари являютъ зрѣлище, поразительно совпадающее съ тѣмъ, что психіатры называютъ *нравственнымъ помѣшательствомъ*, подобно тому, какъ въ умственной сферѣ бросаются въ глаза черты, напоминающія картину *слабоумія*.

На основѣ этого общаго представленія о психикѣ дикаря у насъ слагается воззрѣніе на ея синтезъ, какъ на очень плохой, некрѣпкій. Если *наша* психика не можетъ считаться хорошо объединенной, если *нашъ* синтезъ личности еще очень далекъ отъ совершенства, то психика дикаря гораздо хуже организована и

явно сближается съ нѣкоторыми формами психозовъ душевной дезорганизациі. Душѣ дикаря недостаетъ какихъ-то скрѣпъ, какихъ-то связующихъ и объединяющихъ началъ, которыя бы могли дать извѣстную устойчивость его психикѣ, оживить и укрѣпить работу мысли, подчинить дѣятельность чувствъ извѣстной нормѣ, воспитать задерживающую волю. Обращаясь къ этимъ, отсутствующимъ у дикаря, *скрѣпамъ*, мы сейчасъ усматриваемъ, во-первыхъ, ихъ социальное и цивилизаторское значеніе, во-вторыхъ, ихъ несомнѣнную важность для образованія личности.

Въ ряду этихъ психическихъ скрѣпъ, объединяющихъ личность, упомянемъ прежде всего о той, которая тѣснѣйшимъ образомъ связана съ развитіемъ языка и умственной дѣятельности. Это именно *національность*. Всѣ мы имѣемъ національность, и наша психика работаетъ на ея основахъ, въ ея формахъ, а потому мы и не замѣчаемъ психологическаго значенія національности для правильнаго развитія, для нормальнаго отправленія душевныхъ функцій личности, какъ не замѣчаемъ своего здоровья или воздуха, которымъ дышимъ. Только наблюдая случаи денационализациі, т. е. тѣ, когда люди утратили свою національность, а другую еще не приобрѣли, мы можемъ замѣтить огромное значеніе этой психической скрѣпы: денационализациа ведетъ къ упадку личности, къ ослабленію ея умственной дѣятельности, къ нравственному разложенію.

Что такое національность? Не легко отвѣтить на этотъ вопросъ, но можно указать на главнѣйшій признакъ явленія національности: это именно — объединеніе социальныхъ группъ въ болѣе обширную группу на почвѣ общаго языка, достигшаго извѣстной высоты развитія и являющагося психическимъ основаніемъ для *коллективной умственной дѣятельности*, стремящейся возвыситься надъ тѣмъ, что непосредственно дано въ языкѣ. Национальность должна быть признана тамъ, гдѣ уже есть настоящій языкъ (а не собраніе говоровъ) и *общіе умственные интересы*, органомъ которыхъ и служить языкъ; эти умственные интересы выражаются въ творествѣ,—въ поэзіи, мифѣ, въ начаткахъ религіознаго сознанія. Это—первые шаги, это—симптомы возникновенія національности. Въ дальнѣйшемъ, вѣками культурнаго развитія, національность вмѣстѣ съ языкомъ превращается въ ту психологическую форму личности, которая придаетъ ей своеобразный душевный складъ, ничуть не опредѣляя ея положительнаго содержанія.

У дикарей нѣтъ національности, потому что нѣтъ объединенія въ языкъ и творествѣ, на немъ основанномъ. „Языки“ дикарей называются такъ только для краткости: это—не языки и

даже не діалекты, а только—*говоры*, весьма неустойчивые, разнообразящіеся въ лексическомъ отношеніи отъ поселка къ поселку, отъ орды къ ордѣ, измѣняющіеся до неузнаваемости черезъ два-три поколѣнія, причемъ ихъ формальный характеръ остается неподвижнымъ или, по крайней мѣрѣ, измѣняется слишкомъ медленно, для того, чтобы эти измѣненія могли такъ или иначе повліять на развитіе мысли. Здѣсь нѣтъ традиціи языка, какъ органа умственного творчества. Это—не языкъ, образующій высшую мысль, это только—даръ рѣчи для практическихъ цѣлей, для общенія. Зачатки поэзіи и мѣта, конечно уже имѣющіеся въ наличности, слишкомъ ничтожны, слишкомъ неустойчивы при такомъ „языкѣ“, чтобы на нихъ можно было смотрѣть, какъ на залогъ будущаго развитія мысли. Иначе говоря, у дикарей нѣтъ того широкаго общенія и психическаго взаимодействія, на почвѣ котораго возникаетъ національность съ ея особымъ складомъ и ея творчествомъ.

Чтобы лучше оцѣнить все значеніе этого факта, обратимся къ цивилизованному человѣку, *который данъ въ видѣть съ національной формой, а также снабженъ и другими психическими формами*, кромѣ національной; мы поведемъ рѣчь и о нихъ, чтобы объединить въ одномъ фокусѣ роль формальныхъ элементовъ и выяснить ихъ значеніе для личности.

Всякій, кто хоть немного вдумывался въ психологическій составъ личности, какъ она дана въ цивилизованномъ мірѣ, знаетъ конечно, какъ много въ этомъ составѣ того, что должно быть понимаемо, какъ *форма* личности, въ отличіе отъ ея содержанія. *Формальными* элементами являются тѣ черты, которыя личность воспринимаетъ изъ 1) національной среды, 2) изъ класса, къ которому она принадлежитъ, 3) отъ своего профессиональнаго положенія въ обществѣ и т. д. Въ каждомъ изъ насъ можно найти цѣлый рядъ такихъ формъ. Если, выражаясь фигурально, произвести поперечный разрѣзъ личности, то такой „разрѣзъ“ обнаружилъ бы рядъ концентрическихъ круговъ: самый широкій изъ нихъ *национальный* (положимъ, субъектъ—русскій), затѣмъ—кругъ, слагающійся изъ *историческихъ классовъ—сословныхъ чертъ* (напр. дворянинъ, потомокъ бояръ или князей), далѣе—кругъ изъ современныхъ классовыхъ отношеній (хотя и дворянинъ, и „потомокъ“, но въ то же время типичный для современности буржуа-капиталистъ), потомъ—кругъ изъ чертъ профессиональныхъ (долго служилъ по выборамъ и усвоилъ типичныя черты земскаго дѣятеля), наконецъ—кругъ изъ чертъ мѣстныхъ (типичный провинціалъ или типичный москвичъ). Такихъ „круговъ“ у одного можетъ быть больше, у другого меньше;

одни изъ нихъ представляются не яркими, малозамѣтными, другіе—гораздо ярче, устойчивѣе и сохраняютъ свое значеніе при всевозможныхъ перемѣнахъ въ судьбѣ человѣка; таковы „кругъ“ національный, а также — нѣкоторые изъ классово-сословныхъ, исторически развившихся и слагающихся изъ чертъ, передаваемыхъ наслѣдственнымъ путемъ (сюда можно отнести, напр., формальные признаки духовенства, ставшіе типичными и нерѣдко сохраняющіеся у лицъ, вышедшихъ изъ духовенства, но къ нему не принадлежащихъ, избравшихъ другое поприще). *Не все, но огромное большинство* этихъ формъ должны быть признаны съ этической стороны безразличными и нравственной оцѣнкѣ не подлежать. Только немногія изъ нихъ, именно изъ числа узкопрофессіональныхъ, связанныхъ съ дѣятельностью, подвергающейся нравственному сужденію (одобренію или порицанію), по необходимости подпадаютъ подъ нравственную оцѣнку (положительную, напр., для сестеръ милосердія, для миссіонеровъ и т. д., отрицательную — для ростовщиковъ, для воровъ, — ибо есть и такія профессиональныя формы). Нетрудно видѣть, что возможность нравственной оцѣнки увеличивается по мѣрѣ того, какъ „круги“ суживаются. Самый широкій — національный — никакого отношенія къ этикѣ не имѣетъ и не можетъ имѣть (весьма, къ сожалѣнію, распространенное стремленіе приписывать нравственныя качества, положительныя или отрицательныя, разнымъ національностямъ, какъ таковымъ, есть одно изъ самыхъ прискорбныхъ и зловредныхъ недомыслий). Къ этикѣ могутъ имѣть отношеніе только тѣ круги, которые ближе всего подходятъ къ центру, — къ той центральной точкѣ, гдѣ помѣщается самое *содержаніе* личности съ ея особымъ физиологическимъ строемъ, ея темпераментомъ, ея умственнымъ складомъ, ея нравственностью, волевымъ упорядоченіемъ, лучшими особенностями характера, вкусовъ, стремленій и т. д. Всѣ окружающіе эту точку концентрическіе круги формъ, какъ обручами, сжимаютъ и скрѣпляютъ личность. Они-то и объединяютъ ее, они вносятъ чрезвычайно важный вкладъ въ дѣло организаціи личности, въ дѣло созданія ея синтеза.

Дикарь не имѣетъ перваго и важнѣйшаго „круга“ — національности, какъ это было указано выше; другихъ круговъ — классовыхъ, профессиональныхъ — у него также нѣтъ за отсутствіемъ правильнаго, организованнаго труда *). Сама организа-

*) Читатель понимаетъ, что, говоря о дикаряхъ, мы все время имѣемъ въ виду настоящихъ дикарей, а не тѣ полудикія племена, которыхъ можно отнести подъ понятіе „варварства“ и которыя имѣютъ свою „культуру“, политическую организацію, жрецовъ, систему вѣрованій, сложные обычаи и т. д.

ція общественнаго труда едва ли и возможна безъ предварительнаго образованія народности, хотя бы въ ея зачаткахъ. Возникновеніе народности (національности) означаетъ ту степень объединенія группъ и созданіе той, какъ сказать, системы духовныхъ силъ, которыя и пролагаютъ путь къ организаціи общественнаго труда съ его раздѣленіемъ, съ его постояннымъ стремленіемъ къ усовершенствованію. Это раздѣленіе труда и ведетъ къ образованію классовъ съ ихъ классовыми психологическими формами личности.

Человѣческая *до-личная особь*, приобрѣтая національную „физиономію“, участвуя въ общемъ трудѣ и усваивая классовую форму психики, постепенно превращается въ *личность*.

Историческое развитіе и усовершенствованіе національныхъ формъ есть процессъ развитія и усовершенствованія личностей со стороны ихъ основнаго—національно-психологическаго—синтеза. Историческая смѣна классовыхъ формъ есть историческая смѣна общественныхъ типовъ личностей. Рядомъ съ этимъ идетъ усиленіе разнообразія, увеличеніе сложности личности. Два лица, принадлежащія къ одной національности, могутъ различаться со стороны классовой формы; принадлежа къ одной національности и имѣя одну и ту же классовую форму, они могутъ различаться со стороны профессиональной формы и т. д. Наконецъ, способъ сочетанія разныхъ формъ между собою и ихъ общее воздѣйствіе на индивидуальное содержаніе личности бывають крайне различны и соотвѣтственно приводятъ къ различнымъ результатамъ.

Можно было бы предпринять сравнительное изученіе всѣхъ классовыхъ формъ съ точки зрѣнія ихъ воздѣйствія на индивидуальное содержаніе личности и на то, что я называю ея психологической *скрупулю*. Вопросъ гласилъ бы: какія изъ этихъ формъ наиболѣе благоприятны для внутренняго усовершенствованія людей и для усиленія цѣльности, связности, душевной гармоніи личности? Такой вопросъ привелъ бы и къ постановкѣ другого: нельзя ли уловить, въ исторіи смѣны классовыхъ психологическихъ формъ, признаковъ прогрессивнаго развитія самой личности? Это возвращаетъ насъ къ тому тезису, который мы выставили въ началѣ статьи. Тезисъ гласитъ, что эволюція психики человѣческой еще далеко не закончена, что душа или, лучше, ея синтезъ,—личность современнаго человѣка, въ ея даже наилучшихъ выраженіяхъ,—представляетъ значительныя

Таковы напр. дагемейцы, кафры и др. африканскія племена, также большинство краснокожихъ,—все это не „дикари“, а „варвары“. Настоящія дикари это напр.,—*ведды* (на Цейлонѣ), *акха* (карлики Швейнфурга) и др.

несовершенства организаціи. Эволюція психики продолжается. Такъ вотъ, говоря объ исторически - смѣняющихся классовыхъ формахъ личности и подымая вопросъ оцѣнки ихъ относительнаго совершенства и психологическаго достоинства, мы и обращаемся вновь къ указанному основному тезису и спрашиваемъ: не есть ли историческая смѣна классовыхъ формъ только частный случай, эпизодъ въ эволюціи психики человѣческой, и, напр., образованіе и расцвѣтъ буржуазной формы—это былъ прогрессъ, шагъ впередъ въ эволюціи личности, а новая форма, грядущая на смѣну буржуазной, будетъ дальнѣйшимъ шагомъ въ этомъ направленіи?

Такая постановка вопроса предполагаетъ, что у насъ есть или можетъ найтись положительный критерій для опредѣленія *относительнаго совершенства личности*, какъ синтеза формальныхъ элементовъ съ элементами содержанія психики. Мнѣ кажется, за такимъ критеріемъ ходить не далеко. Очевидно, во-первыхъ, *содержаніе* личности должно быть по возможности совершеннымъ, т. е. состоять изъ всего лучшаго, что до сихъ поръ было выработано цивилизаціей. Цивилизація выработала рядъ высшихъ идей, чувствъ и стремленій: они должны быть въ наличности, такъ чтобы человѣкъ имѣлъ право сказать: я—человѣкъ, и ничто—лучшее—человѣческое мнѣ не чуждо. Во-вторыхъ, все худшее человѣческое (и до-человѣческое), все унаслѣдованное отъ болѣе или менѣе дикаго прошлаго и превратившееся въ бодрствующіе или заглохшіе инстинкты, въ ряду которыхъ есть чисто - звѣрскіе, должно быть нейтрализовано, подавлено и пребывать въ скрытомъ состояніи, если ужъ оно не можетъ быть совсѣмъ выброшено оттуда *). Въ-третьихъ, двѣ души, мыслящая и чувствующая, должны быть по возможности лучше и тѣснѣе скрѣплены и прилажены другъ къ другу, такъ чтобы не было между ними разлада, и чтобы онѣ сливались въ гармоничномъ синтезѣ, если можно такъ выразиться, въ третьей душѣ, которую въ самомъ дѣлѣ „не разрѣжешь, какъ яблоко“. Весьма возможно, что въ порядкѣ эволюціонномъ эта „третья душа“ и создается, и ея характернымъ признакомъ будетъ могучее развитіе *задерживающей воли*, о какомъ теперь мы, съ нашей слабовольной психикой, и понятія имѣть не можемъ. Эта „третья душа“ подыметъ въ сферу высшую, господствующую надъ мыслью и надъ чувствомъ, въ сферу *нравственную*.

---

*) Кажется, не можетъ. Законъ сохраненія психическихъ силъ еще не установленъ, но, повидимому, дѣло идетъ къ тому.

VIII.

Созданіемъ національныхъ, классовыхъ и прочихъ соціальныхъ формъ не исчерпываются тѣ условія и предпосылки, какія выработала цивилизація и которыя служатъ психологическими скрѣпками личности. Есть еще и другія, не менѣе, если не болѣе важныя скрѣпки. Онѣ-то и являются какъ бы предвѣстниками того процесса, который мы только что назвали созданіемъ „третьей души“. Это—особый порядокъ чувствъ, которыя, не взирая на ихъ весьма вѣроятное *соціальное происхождение*, я считаю болѣе правильнымъ выдѣлить въ особую рубрику. Я предлагаю называть эти чувства „*надъ-соціальными*“. Разсмотрѣніе этой четвертой рубрики окончательно выяснитъ намъ тотъ критерій, который необходимъ для оцѣнки относительнаго совершенства личности, какъ синтеза психическихъ процессовъ.

И такъ, 4) *чувства надъ-соціальныя*. Едва ли можно сомнѣваться въ ихъ соціальному происхожденію, хотя, строго говоря, ихъ генезисъ еще не можетъ считаться окончательно раскрытымъ наукою. Я лично принимаю ихъ соціальное происхождение, но думаю, что, разъ возникши въ нѣдрахъ общественности, они, даже въ своемъ элементарномъ видѣ, сразу приобрѣли особое психологическое значеніе и назначеніе, не умѣщающееся въ рамки явленій чисто-соціальныхъ. Первыми изъ этой категоріи чувствъ, въ эволюціонномъ порядкѣ, образовались уже въ глубокой древности *чувство религиозное и чувство элементарно-нравственное*. Пусть ихъ соціальное происхождение есть вопросъ, еще не рѣшенный, но ихъ крайне узкое, тѣсно-соціальное значеніе на раннихъ ступеняхъ развитія не можетъ подлежать сомнѣнію. У дикарей (тѣхъ, у которыхъ они имѣются) и въ отдаленной древности культурныхъ народовъ они, если можно такъ выразиться, насквозь пропитаны соціальною и запечатлѣны рѣзкимъ характеромъ общественной утилитарности. Но, по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія, весьма рано обнаруживаются ихъ *сверхъ-соціальныя* стремленія. Очень скоро (хоть и спорадически, у отдѣльныхъ лицъ) оказывается, что религія и этика мѣтятъ куда-то выше общества и нерѣдко вступаютъ въ конфликтъ съ другими чисто-соціальными психическими образованиями. Все болѣе и болѣе сфера ихъ дѣйствія переносится *въ самый центръ личности, въ индивидуальное „я“*. Образуется религиозное сознаніе и нравственный императивъ, какъ интимное достояніе личности, надъ которымъ общество не властно, и развитіе которыхъ можетъ поднять личность выше общества. По своей психологической природѣ, какъ она довольно рано обнаружилась, религиозное сознаніе (или чувство) и нрав-

ственный императивъ представляются психическими образованиями особаго порядка. Ихъ отличительная черта въ томъ, что они—*не только чувство, но и мысль*. Назвать ихъ простыми ассоціаціями мысли и чувства нельзя: вѣдь ихъ нельзя разложить на мысль и на чувство, какъ это легко дѣлается съ ассоціаціями. Говоря такъ, я имѣю въ виду *не содержаніе* религіознаго сознанія или нравственнаго чувства (напр., вѣра въ Бога по такому-то вѣроученію, нравственное признаніе такого-то правила, напр., „не убій“ и т. д.), а самое-то религіозное сознаніе и нравственный императивъ, какъ форму, бодрствующую въ душѣ человѣка и воспринимающую то или иное исторически данное содержаніе. Такъ вотъ возьмите эту *форму*, эту *категорію* религіозности и этики и вы увидите, что онѣ—*не разложимы*. Это, говоря фигурально, какъ бы „психическіе атомы“ той „третьей души“, о которой была рѣчь выше. Но въ то же время мы по опыту знаемъ, что онѣ, эти формы, сказываются какъ чувство и проявляются какъ мысль. Никто не будетъ отрицать, что религіозность есть чувство: оно достаточно ярко окрашено, чтобы субъектъ, его имѣющій, не сомнѣвался въ его принадлежности къ душѣ чувствующей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно хоть немного вникнуть въ особый характеръ этого чувства, чтобы убѣдиться въ слѣдующемъ: въ противоположность другимъ чувствамъ, оно есть *сужденіе*. Въ нравственномъ императивѣ этотъ характеръ *сужденія* проявляется еще отчетливѣе: любое движеніе нравственнаго чувства, первый лепетъ совѣсти есть уже скрытое сужденіе, чуть ли не силлогизмъ. Это значить, что это не только чувство, но и мысль, и притомъ не „механически“ (ассоціативно) связанная другъ съ другомъ, а такъ, что это — мысль постольку, поскольку чувство, и, наоборотъ. — чувство постольку, поскольку мысль.

Принимая во вниманіе эту двойственность природы религіознаго и этическаго и ихъ неразложимость на мысль, отдѣльную отъ чувства, и чувство, отдѣльное отъ мысли, мы приходимъ къ воззрѣнію на эти психическія образования, какъ на самыя несомнѣнныя проявленія *настоящаго психическаго синтеза личности*. Какъ ни далека отъ совершенства организація души человѣческой,—въ ней все-таки есть задатки или фактическія доказательства возможности лучшей организаціи, созданія болѣе прочнаго синтеза, сліянія двухъ душъ, мыслящей и чувствующей, въ одну—высшую. Начало этого сліянія уже осуществилось въ двухъ душевныхъ пунктахъ—въ религіозномъ и этическомъ. Оттуда ясно, какое огромное значеніе принадлежитъ религіозному и нравственному прогрессу человѣчества, разсматриваемому съ точки

зрѣнія постепеннаго усовершенствованія личности, созданія ея цѣльности и единства.

Выше мы указывали на прогрессъ національности, на историческую смѣну классовыхъ формъ, какъ на процессъ развитія самой личности. Теперь въ религіозномъ и этическомъ узлахъ психики мы находимъ другое орудіе или факторъ того же развитія. И это второе орудіе тѣмъ важнѣе, что оно, создавая и скрѣпляя личность, въ то же время возвышаетъ ее надъ чисто-соціальною стихіей и дѣлаетъ человѣка существомъ сверхъ-соціальнымъ, существомъ религіознымъ и нравственнымъ сперва въ возможности, а потомъ и фактически, въ мѣру прогрессивнаго развитія самого содержанія религіи и этики.

Во избѣжаніе недоразумѣній, поясню, что „сверхъ-соціальность“ не значитъ выходъ изъ предѣловъ общественности въ какіе-то эмпирии. Нѣтъ, надъ-соціальныя стороны человѣка вмѣстѣ съ нимъ остаются въ предѣлахъ общественности (изъ нихъ некуда выйти),—все равно какъ соціальное; въ свою очередь, остается въ предѣлахъ біологическихъ, не совпадая съ процессами біологическими, но развиваясь на ихъ основѣ. Находясь въ нѣдрахъ соціальности, все надъ-соціальное не остается равнодушнымъ зрителемъ общественной эволюціи, но является по-своему могущественнымъ ея двигателемъ. Вѣроятно, такова же роль соціальности въ предѣлахъ біологическихъ: силою соціальнаго прогресса образовался и продолжаетъ біологически совершенствоваться самый видъ *homo sapiens*.

Въ отличіе отъ другихъ чувствъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ большинства, религіозное и нравственное чувства являются процессами, берегающими и накапливающими психическую силу. И съ этой стороны они еще явственнѣе выступаютъ въ роли дѣйствующихъ факторовъ прогресса общественности. Въ томъ, что они, подобно мысли, берегаютъ и накаплиютъ душевную силу,—въ этомъ не трудно убѣдиться изъ наблюденій надъ укрѣпляющимъ, оздоравливающимъ дѣйствіемъ религіознаго сознанія и нравственнаго императива на всю психику. При этомъ поучительны психо-патологическіе случаи ихъ исчезновенія или извращенія. Какъ причастныя мышленію, какъ своеобразныя чувства сужденія, они обобщаютъ, подводятъ подъ опредѣленныя нормы все разнообразіе отношеній человѣка къ человѣку и къ божеству (или космосу), на подобіе того, какъ обобщающіе процессы мысли (понятія, идеи) упорядочиваютъ и упрощаютъ разнообразіе и безконечное множество конкретныхъ представленій.

Эта сторона—сбереженіе и накопленіе психическихъ силъ—явственно сказывается въ томъ, что религіозное сознаніе и нрав-

ственный императивъ выступаютъ въ исторіи человѣчества какъ силы *творческія*. А во всемъ психическомъ *творчество* можетъ быть только тамъ, гдѣ есть *сбереженіе силы*. Вспомнимъ великія всемірно-историческія религіозныя движенія, вспомнимъ великія этическія доктрины: какъ много душевныхъ силъ освободилось въ нихъ и выступило какъ дѣятельный факторъ прогресса. Это значитъ, что въ порядкѣ религіозной и нравственной эволюціи вѣками накопился огромный запасъ силъ. Накопленіе предшествуетъ освобожденію, и само творчество, какъ освобожденіе связанной силы, не есть растрата накопленнаго и всегда ведетъ къ новому накопленію, которое обнаружится раньше или позже.

IX.

Нѣсколько поясненій, относящихся къ психологической природѣ религіознаго сознанія и нравственнаго чувства, какъ я ее понимаю, будутъ здѣсь лишними.

Обыкновенно принято думать, что гдѣ есть человѣкъ, хотябы и самый дикій, тамъ уже есть и религіозное сознаніе, по крайней мѣрѣ въ его начаткахъ. Мнѣ кажется, это—ошибка, происшедшая отъ того, что изслѣдователи невольно приписываютъ дикарю позднѣйшія психическія образованія, которыхъ, въ сущности, онъ не имѣетъ. Когда ученые, собирая и сопоставляя отдѣльныя черты такъ называемыхъ „вѣрваній“ дикаря, восстанавливаютъ или сооружаютъ изъ нихъ цѣльное „мистическое міровоззрѣніе“, то они, сами того не замѣчая, впадаютъ въ мнѣологическое творчество: они великодушно берутъ на себя трудъ созданія „мировъ“ и „вѣроученій“, *котораго дикарь не продѣлалъ и продѣлать не можетъ*. И если бы такое „міровоззрѣніе“ предъявили дикарю, то онъ бы его не понялъ и не узналъ бы въ немъ своихъ представленій и вѣрваній. Онъ не имѣетъ системы мнѣческихъ воззрѣній. Для созданія системы необходимо извѣстное развитіе мысли, какого у дикаря нѣтъ. Наиболѣе примитивныя мнѣологическія воззрѣнія, именно *анимизмъ* и *фетишизмъ*, едва ли могутъ быть названы системою міровоззрѣнія, и ужъ навѣрно нельзя ихъ назвать религіозными вѣроученіями. *Это — не религія*, это только матеріалъ для будущаго міровоззрѣнія, которое, при благопріятныхъ условіяхъ (у народа прогрессирующаго), можетъ развиваться оттуда, но у настоящихъ дикарей фактически не развилось. Зачатки мнѣологической системы найдутся только у племенъ, уже перешедшихъ отъ дикости къ варварству. Анимистическія и фетишистическія представленія дикаря, въ ихъ грубѣйшемъ видѣ, это—только продукты его способа воспринимать и ассоціировать впечатлѣнія. Это—формы его мышленія, которое

еще не возвысилось до степени логического и остается еще психологическимъ и неразвитымъ грамматическимъ. Съ такими „языками“, какими располагають дикари, нельзя не только обобщать и строить системы, но и вообще мыслить элементарно-логически. Это—мышленіе, окрашенное чувствами, аффектами и воспріятіями волевыхъ движеній и потому приписывающее всѣмъ вещамъ одушевленность, чувство, волю. Фетишизмъ и анимизмъ—это только совокупность *обыденныхъ сужденій* дикаря, въ которыхъ не видать сколько-нибудь ясно выраженныхъ категорій религіозности и нравственности.

Только на извѣстной высотѣ мышленія, обусловленной прежде всего развитіемъ языка, открывается возможность объединенія, систематизаціи представленій, переработанныхъ въ *понятія*, и это—уже *творчество* и *логика*, къ которымъ дикарь психологически и лингвистически неспособенъ. Настоящая мнѳологія, какъ система воззрѣній, какъ архаическая философія, и одновременно съ нею зачатки религіоннаго сознанія возникаютъ вмѣстѣ съ творчествомъ и логикою мысли. Это—продукты высшаго, а не обыденнаго мышленія. Преданія, приурочивающія великія религіозныя системы къ великимъ именамъ, заключаютъ въ себѣ зерно великой правды. Религіозныя системы древности (у семитовъ и индо-европейцевъ это особливо ясно) только своимъ мнѳологическимъ матеріаломъ принадлежатъ коллективному творчеству, дѣйствовавшему въ теченіе долгихъ вѣковъ; но объединеніе этого матеріала въ систему, одухотвореніе его религіозной идеей, созданіе вѣрученія и догмы—все это столь же мало могло быть дѣломъ коллективнаго творчества массъ, какъ и первыя завоеванія науки, напр., открытіе Пиагооровой теоремы. Какъ въ философіи и наукѣ, такъ и въ религіяхъ мы имѣемъ результаты многовѣковой умственной дѣятельности не массъ, а представителей высшей мысли, съ ихъ школами, направленіями, борьбою мнѣній и ученій, наконецъ съ проявленіями таланта и геніальности.

Въ глубокой древности, когда у культурныхъ народовъ впервые возникали основы первобытныхъ религій, *религіозное чувство* было *почувствовано* лишь немногими,—личностями исключительно одаренными. Если можно такъ выразиться, это было въ своемъ родѣ „открытіе“, только въ сферѣ чувствъ. И, конечно, оно должно быть отнесено къ числу величайшихъ завоеваній человѣческаго генія. Впослѣдствіи, послѣ долгой и упорной работы мысли и упражненія чувства въ теченіе ряда вѣковъ, будутъ въ этой области сдѣланы новыя великія открытія и новыя завоеванія еврейскими пророками и индійскими мудрецами. Тогда окончательно выяснится природа религіознаго чувства, его

психологическій составъ, который у первыхъ творцовъ религіи былъ, конечно, еще смутнымъ и темнымъ. Въ своемъ развитомъ видѣ религіозное чувство являетъ двѣ стороны, два стремленія: *стремленіе къ космическому* (идея и чувство связи человѣческаго я съ божествомъ, съ космосомъ) и *стремленіе къ человѣческому* (сознаніе человѣчности, какъ антитезы божественному, космическому, и самый культъ, какъ религіозное учрежденіе, построенное и развиваемое въ интересахъ человѣчества).

Зачатіе въ душѣ человѣческой этихъ двухъ тягъ — космической и человѣческой — было огромнымъ шагомъ впередъ: возникъ узелъ, связующій мысль съ чувствомъ, явилось начало, объединяющее душу, и вмѣстѣ съ тѣмъ началась новая высшая работа и мысли, и чувства, невѣдомая дикарю. Мысль о божествѣ, хотя бы и грубая, есть уже умственный трудъ, ведущій къ упорядоченію представленій и нечувствительно, шагъ за шагомъ, толкающій впередъ — къ постановкѣ вопросовъ: какъ, почему, откуда, зачѣмъ и т. д. въ отношеніи явленій природы, а также и фактовъ человѣческой жизни. Поэтому такъ рано, уже въ глубокой древности, выступаютъ наружу натуръ-философскія, космогоническія, этические идеи религіи. Какъ систематизирующій и обобщающій трудъ мысли, это былъ процессъ накопленія и сбереженія силъ. Но съ нимъ былъ неразрывно связанъ особый порядокъ чувствъ — религіозныхъ. Въ своемъ болѣе архаическомъ видѣ, этотъ порядокъ сводился (насколько мы можемъ судить по даннымъ древнѣйшей исторіи религіи) къ немногимъ основнымъ чувствамъ, въ ряду которыхъ особенно замѣтно *чувство близости* къ божеству, родъ самоувѣренности, основанной на убѣжденіи, что человѣкъ владѣетъ своимъ божествомъ, дѣйствуя на него магическою силою молитвъ и заклинаній. Весьма правдоподобно, что далекіе, дорелигіозные корни этого своеобразнаго чувства скрываются въ фетишизмѣ. Религіозная работа мысли облагородила это чувство, и оно, сочетаясь съ другими (умиленіе, благодарность, страхъ, почтеніе), съ теченіемъ времени совсѣмъ стушеввалось, чему, конечно, много способствовало постепенное удаленіе божества отъ человѣка. Божественное отъ явленій близкихъ, доступныхъ человѣку (огонь, окружающая природа — горы, долины, рѣки, ручьи, камни, деревья и т. д.) переносилось на болѣе отдаленныя, на небеса, вселялось въ солнце, звѣзды, луну; потомъ, постепенно отдѣляясь отъ явленій, таинственно скрывалось за кулисами природы, незримо ею управляя; потомъ, само обобщаясь и объединяясь, все дальше уходило отъ природы, все рѣшительнѣе освобождалось отъ матеріальныхъ атрибутовъ, все болѣе одухотворялось и, наконецъ, ис-

чезало въ пространствахъ космическихъ. Въ мѣру этой эволюціи идеи совершалась и эволюція религіознаго чувства: человѣкъ становился благоговѣннѣе и смиреннѣе, и его молитва уже давно перестала быть заклинаніемъ, — она стала просьбою, поклоненіемъ, изліяніемъ души, исповѣданіемъ. Перенесеніе божественнаго изъ ближайшей обстановки въ среду космическую, вмѣстѣ съ его объединеніемъ и одухотвореніемъ, означало переработку религіознаго чувства изъ узко-утилитарнаго и паивнаго въ идеальное, высшее, мистическое. Это не могло не отразиться и на другой тягѣ религіи—человѣческой: отъ узкой практики культа божествъ природы и культа предковъ народы переходятъ къ всемірнымъ религіямъ, въ которыхъ мѣстный и національный характеръ религіи вытѣсняется международнымъ, общечеловѣческимъ.

Идея человечества впервые возникла (именно у еврейскихъ пророковъ) на почвѣ *религіознаго чувства* и сознанія.

Въ дальнѣйшемъ развитіи, на новыхъ путяхъ познанія и творчества, двѣ тяги, двѣ половины религіозности, выдѣляясь въ особая дѣятельности мысли, *преобразовались одна—космическая—въ метафизику и науку, другая—человѣческая—въ искусство.*

Въ своемъ историческомъ развитіи, отъ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней, метафизика, научная философія и сама положительная наука пронесли черезъ вѣка скрытую, тайную искру религіозности. Въ нихъ космическія стремленія человечества находятъ себѣ высшее выраженіе. Въ нихъ чувство мистичности сущаго растетъ и крѣпнеть, преобразуясь въ новое душевное явленіе или движеніе, явственно обозначившееся только въ сравнительно недавнее время. Оно такъ ново, что для него нѣтъ еще особаго названія. Его изученіе составитъ одну изъ задачъ этой работы.

Съ своей стороны и искусство пронесло черезъ вѣка тайную искру религіозности, которая въ немъ дана въ формѣ этической, потому что искусство есть выраженіе не космическихъ, а человѣческихъ стремленій.

Это приводитъ насъ къ поясненію того понятія о сверхъ-соціальности нравственности, которое мы намѣтили выше. Къ сказанному тамъ добавимъ, что, по нашему разумѣнію, нравственный императивъ, имѣвшій происхожденіе чисто-соціальное, превратился въ нѣчто, возвышающееся надъ общественностью, именно благодаря тому, что уже въ глубокой древности онъ былъ переработанъ религіознымъ чувствомъ. Мы уже говорили, что на раннихъ ступеняхъ религіозной мысли божества стоятъ очень близко къ человѣку; они, можно сказать, живутъ вмѣстѣ съ людьми, составляя одно общество съ ними. Въ этомъ симбіозѣ людей и божествъ „нравственные“ обязательства, вытекающія

изъ общественныхъ отношеній и еще не отдѣлившіяся отъ нравовыхъ, еще не превратившіяся въ *чистую этику*, существуютъ и практикуются не только между людьми, но и между людьми и богами. По мѣрѣ *удаленія* божествъ, о которомъ была рѣчь выше, нравственныя обязательства между людьми и богами понемногу обособляются отъ таковыхъ же междучеловѣческихъ, развиваясь въ особую вѣтвь соціальной этики. Когда божества уйдутъ далеко, когда они перестанутъ быть членами общества человѣческаго, соціальный характеръ этихъ обязательствъ между людьми и богами поблекнетъ; вмѣстѣ съ богами уйдетъ изъ общества и этика, окончательно отдалившись отъ права, которое останется въ обществѣ. Въ отношеніяхъ человѣка къ божеству все явственнѣе будетъ проявляться чувство и сознаніе *должнаго*, понимаемаго не какъ норма соціальнаго принужденія, а какъ норма божественнаго велѣнія. Переработанное, воспитанное религіозной мыслью и религіозной тягой къ человѣчеству, это чувство и сознаніе *должнаго* станетъ сверхъ-соціальнымъ и личнымъ человѣческимъ по преимуществу. Оно превратится въ родъ „внутренняго голоса“, въ психическую категорію, въ душевный регуляторъ, вѣчно бодрствующій, всегда наготовѣ, котораго обязанность — оцѣнивать поступки, помыслы, хотѣнія, страсти и т. д. съ особой точки зрѣнія, не юридической, не утилитарной, вообще не соціальной, а съ какой-то другой, соединяемой человѣкомъ съ понятіемъ „совѣсти“... Голосъ совѣсти говоритъ: ты долженъ поступать такъ-то и воздерживаться отъ такихъ-то поступковъ не потому, что это полезно или пужно кому бы то ни было, — тебѣ, другимъ, обществу, государству, — а потому только, что я, совѣсть, этого требую. Такое самоуправство, такой деспотизмъ совѣсти свидѣтельствуютъ прежде всего о томъ, что она — инстинктъ. И въ этомъ отношеніи она является деспотомъ не больше, чѣмъ другіе инстинкты, напр., половой. Но она по существу отличается отъ другихъ тѣмъ, что она отпюдь не *слѣпа*, не *ирраціональна*, какъ другіе: это — единственный *умный*, *самосознательный*, *раціональный* инстинктъ, который знаетъ, какой высшей цѣли онъ служить, для чего властвуетъ, во имя чего одобряетъ, порицаетъ, терзаетъ человѣка. Совѣсть ясно даетъ понять, что она стремится къ тому, чтобы человѣкъ былъ *личность*, а не только особь, и, поверхъ всякихъ группъ, въ которыя онъ входитъ, становился участникомъ чистой человѣчности. Въ мѣрѣ соціальныхъ узъ, въ группѣ, въ обществѣ, въ государствѣ, человѣкъ вступаетъ въ сложную сѣть отношеній, гдѣ онъ то служить средствомъ для другихъ, то самъ пользуется другимъ, какъ средствомъ. Эти отношенія могутъ быть полезныя, необходимыя, без-

различныя для однихъ, вредныя для другихъ, полезныя для цѣлаго, тяжелыя для отдѣльныхъ лицъ и т. д. Но каковы бы они ни были, въ лучшемъ случаѣ они *не нравственны*. Но *поверхъ социальности* завязаны инныя отношенія человѣка къ человѣку, опредѣляемыя формулою: *человѣкъ человѣку долженъ быть не средство, а цѣль*. Эта формула и есть *нравственный законъ*. Это то, чего хочетъ совѣсть. Хотѣнія и стремленія совѣсти, накапливаясь въ камнѣ, образуютъ этическое достояніе народовъ. Это достояніе есть, безспорно, психическая сила огромной энергіи; важная особенность этой силы, сближающая ее съ мыслию, состоитъ въ томъ, что, дѣйствуя, она не только не тратится, а еще увеличивается, все болѣе накапливается. Мысль и совѣсть могутъ истощиться отнюдь не отъ упражненія, не отъ дѣятельности, а только отъ неупражнения, отъ бездѣйствія *). Сила нравственного чувства, разъ приобрѣтенная людьми, достается послѣдующимъ поколѣніямъ даромъ—въ формѣ инстинкта.

Дѣятельность совѣсти кладетъ основаніе *особому, сверхъ-социальному союзу людей, не опредѣляемому ни экономіей, ни правомъ, — идеальному нравственному союзу*. Крайне медленно осуществляется онъ на дѣлѣ, даже въ предѣлахъ цивилизованнаго міра, не говоря уже объ отношеніяхъ культурнаго человѣка къ варвару и дикарю, которые нерѣдко трактуются первымъ, какъ животныя, а не люди.

Нравственный союзъ всего человѣчества—не утопія и уже фактически существуетъ въ лицѣ тѣхъ, правда, весьма немногочисленныхъ представителей человѣчества, у которыхъ нравственное чувство достигло наибольшаго развитія. Осуществленіе этого союза на дѣлѣ, т. е. такъ, чтобы онъ могъ замѣтно вліять на поведеніе, на нравственныя отношенія всѣхъ людей, зависитъ отъ привлеченія къ нему возможно большаго числа адептовъ. Онъ осуществится на дѣлѣ и явится гарантіей, напр., международного права только тогда, когда въ него войдутъ цѣлыя народы, наи-

*) Другое дѣло—чрезмѣрная умственная дѣятельность, ведущая къ *переутомленію*. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о школьномъ переутомленіи, мы скажемъ, что въ жизни цивилизованныхъ народовъ (преимущественно въ большихъ центрахъ, какъ Парижъ, Лондонъ и др.) замѣчаются явленія умственного переутомленія, легко объясняемыя крайнимъ напряженіемъ умственныхъ силъ, вызываемымъ *конкуренціей*. Психологически умственное утомленіе сводится къ перевѣсу работы сознанія надъ работой въ сферѣ безсознательной. Поэтому оно болѣе свойственно дѣятельности *изученія, усвоенія*, а также *обученія, преподаванія*, чѣмъ дѣятельности творческой. Добросовѣстный ученикъ и таковой же учитель низшей и средней школы, по самой природѣ умственной работы, переутомляются скорѣе, чѣмъ Дарвины и Канты. Существуетъ ли *нравственное переутомленіе*?

болѣе цивилизованные и вліятельные. Единственный путь къ этому—развитіе и распространіе нравственнаго сознанія.

Въ ряду дѣятельностей, воспитывающихъ и распространяющихъ нравственное чувство вмѣстѣ съ идеей человѣчности, особо важное мѣсто принадлежитъ *искусству*.

X.

Предыдущее изложеніе намѣтило основную точку зрѣнія и дало общую схему предпринятаго нами труда.

Эта схема обнимаетъ рядъ психологическихъ вопросовъ, разработка которыхъ и составитъ содержаніе дальнѣйшихъ главъ. Важнѣйшій изъ нихъ это—вопросъ *психологии и эволюціи личности* въ связи съ проблемою ея *надъ-соціального* призванія. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, *надъ-соціальное, человѣчное по преимуществу* призваніе личности осуществляется въ силу прогрессивнаго развитія ея религіознаго и нравственнаго уклада, а это развитіе есть результатъ сбереженія и накопленія психическихъ силъ въ процессѣ высшей умственной дѣятельности, познавательной и творческой.

Оттуда вытекаетъ программа нашихъ наблюденій. Мы не задаемся цѣлью дать общую картину развитія личности въ исторической перспективѣ. Наша задача гораздо скромнѣе. Мы ограничимся посильными *наблюденіями надъ психологіей отдѣльныхъ личностей*, славныхъ своею дѣятельностью въ сферѣ высшей мысли,—философской, научной, художественной. Вникая, насколько это возможно, во внутренній міръ гениевъ мысли и творчества, мы дадимъ посильное психологическое обосновапіе тѣмъ вопросамъ, которые въ настоящей вступительной статьѣ только намѣчены въ формѣ тезисовъ.

Въ заключеніе нѣсколько замѣчаній о терминологіи, имѣющей значеніе принципиальное. До сихъ поръ я избѣгалъ и буду впредь избѣгать общеупотребительныхъ терминовъ, которые, казалось бы, сами собою навязываются всякому, кто пишетъ о высшемъ мышленіи, о творествѣ, о нравственности. Эти термины суть: *истина, красота, правда* *). Я отказываюсь отъ нихъ потому, что они слишкомъ отзываются мнѣологическими привычками мысли, склонной объективировать обобщенія. Самый мнѣологическій и неудобный для современной мысли изъ этихъ терминовъ это — *красота*. Я рѣшительно отвергаю это выраженіе, потому что не признаю научнымъ *понятіе*, съ нимъ связанное, поскольку оно прилагается къ высшимъ процессамъ мысли (чаще всего къ художественнымъ).

*) О чувствѣ истины, какъ субъективномъ ощущеніи, была рѣчь выше.

О „красотѣ“ объективной (въ природѣ, въ космосѣ) и рѣчи быть не можетъ: это—миѣ, котораго происхожденіе и исторію не трудно прослѣдить. Можетъ быть рѣчь только о красотѣ субъективной, т. е. объ ощущеніи, чувствѣ, сознаниіи красиваго. Но въ такомъ случаѣ эту субъективную „красоту“ нужно разложить на психическіе процессы, къ которымъ она сводится. Мы увидимъ въ свое время, что, производя такую операцію съ чувствомъ или сознаниемъ „красоты“ въ сферѣ высшей мысли (напр., „красота“ въ искусствѣ), мы получаемъ въ результатѣ такіе психическіе процессы, для обозначенія которыхъ терминъ „красота“ и не удобенъ, и не нуженъ и, если ужъ прибѣгать къ старинной, унаслѣдованной отъ временъ миѣа, терминологіи, то въ данномъ случаѣ гораздо лучше употреблять терминъ „истина“. Миѣчность этого послѣдняго не такъ бьетъ въ глаза, онъ для современнаго мышленія объективируется далеко не съ такой легкостью, какъ терминъ „красота“. Тѣмъ не менѣе мы отказываемся и отъ него, ибо все-таки доля миѣологичности въ немъ есть. Говоря „истина“, мы невольно даемъ нежелательное направление нашей мысли въ сторону понятія о чемъ-то извпѣ данномъ, положительномъ, сущемъ. Насколько такой оборотъ мысли неудобенъ и несогласенъ съ характерными стремленіями современнаго мышленія, это станетъ совершенно яснымъ, какъ только обратимъ вниманіе на историческіе пути развитія науки и философіи, которымъ приписывается преимущественное завѣдываніе „категоріей истины“. Пути науки и философіи, если отвлечься отъ субъективнаго чувства самихъ ученыхъ и мыслителей (преимущественно прежнихъ временъ), сводятся къ открытію *методовъ* изслѣдованія, установленію новыхъ попятій, критикѣ, выработкѣ новыхъ способовъ и приѣмовъ мышленія. Все дѣло сводится въ концѣ концовъ къ усовершенствованію самого мышленія, а чувство истины, сопровождающее ученую или философскую работу, есть въ сущности чувство мозгового довольства, выдѣляющееся въ процессѣ правильной, методической, обильной результатами работы ума. Объ этомъ будетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ, и это одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на которые намъ придется обратить особенное вниманіе. Пока сдѣлаю два, три бѣглыхъ замѣчанія. Безспорно, Р. Мейеръ и Гельмгольцъ должны были живо чувствовать „мозговое довольство“, когда открывали законы сохраненія энергіи. Спиноза и Кантъ должны были явственно сознавать аналогичное движеніе чувствующей сферы, когда вырабатывали свои философскія воззрѣнія. И всѣ они, переводя это чувство въ область мысли, получали—*истину*. Наша задача, между прочимъ, и будетъ со-

стоять въ томъ, чтобы выяснитъ иллюзорность этой идеи и раскрыть психическій процессъ, приводящій къ такой иллюзіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ выяснится и то, что наша точка зрѣнія отнюдь не скептическая. Скептицизмъ, какъ извѣстно, появляющійся отъ времени до времени на поприщахъ высшей мысли, я считаю признакомъ упадка, симптомомъ оскудѣнія умственного творчества. Мое отрицательное отношеніе къ категоріи „истины“, не имѣющее ничего общаго съ скептицизмомъ, является только логическимъ выводомъ изъ того общезвѣстнаго положенія, что научная и философская мысль въ своемъ прогрессивномъ развитіи, явно становится все менѣе *догматичной*, и главный интересъ и значеніе высшей умственной дѣятельности переносится изъ ея результатовъ, въ данное время добытыхъ, въ самый ея процессъ. Знакомясь съ работою ученаго или мыслителя, мы прежде всего ставимъ вопросъ: *какъ, какими приемами и понятіями онъ мыслитъ?* И цѣнность добытыхъ имъ результатовъ опредѣляется научнымъ и философскимъ достоинствомъ его мышленія. А это достоинство опредѣляется не категоріей истины, а потребностями, запросами, условіями современнаго высшаго мышленія. Законъ сохраненія энергіи имѣетъ огромную цѣнность не потому, что онъ „истина“, а потому, что какъ нельзя лучше удовлетворяетъ извѣстнымъ запросамъ современнаго научнаго мышленія, являясь одной изъ наилучшихъ и удобнѣйшихъ для дальнѣйшей работы формы мысли. Если это называть „истиной“, то относительность и субъективность научной и философской „истины“ будутъ такъ ощутительны, что станутъ въ вопіющее противорѣчіе съ самимъ понятіемъ „истины“. Въ существѣ дѣла, „истина“ есть понятіе *догматическое* и перешло въ философію и науку изъ религиозныхъ системъ. Въ настоящее время, когда окончательно выяснился *недогматическій* характеръ научнаго и философскаго мышленія, приходится либо урѣзать само понятіе истины, превращая ее въ относительную, условную, субъективную и временную, либо, что гораздо послѣдовательнѣе, совсѣмъ его отвергнуть, какъ нефилософское и ненаучное. Мы предпочитаемъ послѣднее и надѣемся, читатель вынесетъ изъ дальнѣйшаго убѣжденіе, что это нисколько не умаляетъ достоинства научно-философской мысли, не противорѣчитъ ея высокому призванію, и что только путемъ дальнѣйшаго развитія въ направленіи, исключаящемъ мнѣологическое понятіе истины, высшая познавательная дѣятельность можетъ съ успѣховъ работать въ интересахъ человѣчества и человѣчности, на своемъ поприщѣ, въ своихъ стремленіяхъ къ космическому.

Д. Овсяннико-Куликовскій.

Очерки херсонской деревни.

(Голосъ изъ провинціи).

I.

Лѣтъ 30—40 тому назадъ Херсонская губернія была одной изъ богатѣйшихъ въ Россіи: плодородная черноземная почва съ избыткомъ прокармливала все деревенское населеніе, не требуя почти никакого ухода за собою; на обширныхъ степяхъ росла высокая, сочная трава, а на ней паслись громадныя стада овецъ, рогатаго скота и табуны лошадей въ 200 и больше головъ; вѣтряныя мельницы—о паровыхъ тогда не было и помину—ходили круглый годъ, потому что всякаго хлѣба было вдоволь... Но... все на свѣтѣ мѣняется. Измѣнилась и наша деревня: вы не увидите больше ни „буйныхъ“ хлѣбовъ, ни высокнхъ травъ, ни сытаго скота. На гумнѣ у крестьянина стоятъ два, три стожка хлѣба, засушеннаго солнцемъ, извѣденнаго хлѣбнымъ жукомъ; на поляхъ, поросшихъ сорными травами, пасутся тощія коровы и малорослыя лошади. Куда вы ни кинете взоръ,—всюду стелется передъ вами безконечная, однообразная равнина, выжженная знойнымъ солнцемъ юга; нигдѣ ни дерева, ни кустика, ни пруда: все вырублено, высушено, словомъ, ликвидировано безъ остатка. Въ самой деревнѣ вы не увидите никакого движенія, не услышите ни шума, ни пѣсень, ничего, что бы свидѣтельствовало о присутствіи живыхъ и живущихъ людей. Все точно вымерло...

Люди, конечно, есть, но имъ далеко не до пѣсень: всѣ заботы, всѣ мысли нашего мужика направлены исключительно на то, чтобы прокормить семью, рабочій скотъ и уплатить всякаго рода повинности. Это нераздѣльное и единственное мысленное тріо, царящее въ головѣ мужика.

Упадокъ херсонской деревни, думается намъ, обусловливается тремя обстоятельствами: все растущимъ обезземеліемъ крестьянъ, неурожаими послѣдняго десятилѣтія минувшаго вѣка и поголовнымъ невѣжествомъ деревенскаго люда. Что касается обезземеленія, то оно является естественнымъ слѣдствіемъ раздробленія крестьянскихъ надѣловъ путемъ наслѣдованія до такой величины, при которой становится невозможнымъ веденіе самостоятельнаго хозяйства. Съ другой стороны, покупательная сила крестьянина, истощенная неурожаими и частыми падежами скота, крайне невелика, и ея далеко не хватаетъ на прикупку новыхъ участковъ земли. Правда, иной разъ въ средѣ крестьянъ образуются товарищества для пріобрѣтенія земельныхъ участковъ облегченнымъ способомъ—при посредствѣ

крестьянского поземельного банка,—но вся бѣда въ томъ, что товарищи никогда не могутъ придти къ соглашенію относительно дѣлежа земли и вообще пользованія ею. Поэтому такія совмѣстныя покупки часто влекутъ за собою столько дрязгъ, ссоръ, тяжбъ и недоразумѣній, что многіе мужики предпочитаютъ воздерживаться отъ образованія товариществъ и покупаютъ землю, кто можетъ, по-одиночкѣ. Но такіе покупщики составляютъ рѣдкое исключеніе. Наконецъ, помѣщики-дворяне и помѣщики-купцы (которыхъ у насъ пока еще немного) продаютъ свою землю крайне неохотно, только въ случаѣ необходимости, и поэтому мужику, который и смогъ бы купить 2—3 десятины земли, очень трудно найти въ своей мѣстности подходящій для покупки участокъ.

Средній крестьянинъ имѣетъ у насъ теперь 1, 2, 3 десятины собственной земли, на которой онъ въ правѣ хозяйничать. Кто хоть немного знакомъ съ сельскимъ хозяйствомъ, тотъ согласится, что вести его на такомъ ничтожномъ клочкѣ можно только тогда, когда сельско-хозяйственная культура высоко развита въ данной странѣ. Тѣ же операціи, которыя продѣлываетъ крестьянинъ на своихъ двухъ десятинахъ, нельзя назвать хозяйствомъ: это всего только отчаянныя и безтолковыя попытки извлечь какой ни есть доходъ изъ кормилицы-земли. Какъ бы ни былъ хорошъ урожай, съ двухъ, трехъ десятинъ не соберешь—при нашихъ условіяхъ обработки земли—хлѣба и соломы настолько, чтобы прокормить семью, рабочей скотъ, а на вырученные деньги уплатить всѣ повинности и приобрести необходимые предметы домашняго обихода: посуду, одежду, кой-какіе полевые инструменты и т. п. Такимъ образомъ, одной надѣльной или вообще собственной земли для мужика недостаточно. Ему приходится прибѣгать къ арендѣ—набирать возможно большее количество земли, а такъ какъ это не всегда удается, потому что земли далеко не хватаетъ на всѣхъ арендаторовъ въ достаточномъ количествѣ, то является необходимость изыскивать иные источники къ существованію. Такимъ источникомъ служатъ батрачество. И дѣйствительно, въ послѣднее время крестьянинъ-арендаторъ и крестьянинъ-батракъ—преобладающій элементъ въ деревнѣ. Съ каждымъ годомъ крестьянину приходится брать въ аренду все большіе и большіе участки земли, потому что почва родитъ все хуже и хуже; съ каждымъ годомъ крестьянское хозяйство нищаетъ и увеличивается количество семей, высылающихъ своихъ членовъ въ батраки. Такъ понемногу образуется деревенскій пролетаріатъ. Въ ряду этого нарождающагося класса особенное мѣсто занимаютъ такъ называемые „десятинщики“. „Десятинщики“—народъ безземельный: либо разорившіеся крестьяне, либо бывшіе дворовые или ихъ потомки, а больше всего мѣщане-земледѣльцы, иногда туземцы, иногда переселившіеся къ намъ изъ другихъ губерній. Общаго у этихъ послѣднихъ съ мѣщанами только то, что они уплачиваютъ въ свое мѣщанское общество слѣдующіе съ нихъ сборы, въ остальномъ они тѣ же крестьяне. „Десятинщики“ живутъ въ помѣщичьихъ избахъ. Многіе помѣщики строятъ у себя такія избы специально для отдачи ихъ въ наемъ „десятинщикамъ“. Плата за помѣщеніе взимается натурою: пшеномъ, лѣтомъ, во время уборки хлѣба, „десятинщикъ“ долженъ убрать помѣщику, смотря по условію, 2—3 десятины или же выкосить во время сѣнокоса определенное количество

травы. Отсюда и произошло самое названіе „десятинщика“. Не имѣя своей земли, „десятинщики“, наравнѣ съ крестьянами-собственниками, принуждены арендовать таковую у помѣщика. Такимъ образомъ, все хозяйство „десятинщика“ находится въ тѣсной связи съ тѣмъ, захочетъ ли помѣщикъ дать на будущее время землю и избу, или нѣтъ. Зависимость отъ помѣщика, очевидно, довольно сильная. Опъ воленъ (если не *de jure*, то *de facto*) переѣхать „десятинщика“ изъ одного помѣщенія въ другое, воленъ и вовсе отказать въ дальнѣйшемъ наймѣ квартиры. А между тѣмъ „десятинщики“ живутъ иной разъ въ деревнѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе, и, стало быть, привычки, образъ жизни, родство—все это привязываетъ ихъ къ данной мѣстности. „Десятинщикъ“ можетъ жить въ деревнѣ, положимъ, 20—30 лѣтъ, а на 31-й годъ наследникъ или новый владѣлецъ имѣнія отказываетъ ему въ наймѣ избы либо поля. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ положеніе „десятинщика“ безвыходно: безъ избы ему негдѣ пріютиться, а безъ поля ему нечѣмъ существовать. Въ общемъ быть „десятинщиковъ“ находится въ состояніи, такъ сказать, неустойчиваго равновѣсія, завися единственно отъ усмотрѣнія землевладѣльца. „Десятинщики“ представляютъ собою чистѣйшій типъ деревенскаго пролетарія, ибо въ буквальный смыслъ слова не имѣютъ ни кола, ни двора: пара воловъ (да и то не всегда), коровенка да трое поросятъ—вотъ и все имущество „десятинщика“.

Здѣсь я долженъ оговориться, дабы не ввести читателя въ заблужденіе: я называю „десятинщика“ *чистѣйшимъ* типомъ пролетарія потому, что и крестьяне-собственники, съ моей точки зрѣнія, тоже пролетаріи, только въ менѣе рѣзкой формѣ. И это вотъ почему: крестьянинъ-собственникъ не въ силахъ существовать на счетъ доходовъ, извлекаемыхъ имъ изъ *своей* земли: онъ прибѣгаетъ къ арендѣ и кромѣ того идетъ въ батраки. Съ другой стороны, какъ я уже говорилъ, деревенскій пролетаріатъ только нарождается, собственникъ только на пути къ тому, чтобы стать пролетаріемъ. Поэтому прошу простить мнѣ нѣсколько неточную терминологию.

Теперь я скажу нѣсколько словъ о самомъ способѣ аренды земельныхъ угодій и вообще о веденіи мужикомъ хозяйства. Какъ собственники, такъ и „десятинщики“ снимаютъ землю у помѣщиковъ либо за деньги, либо за плату натурой. Десятина земли ходитъ у насъ обыкновенно по 6—7 рублей. Но чаще всего практикуется натуральный способъ аренды, болѣе выгодный для помѣщика, нежели аренда за деньги. Это такъ называемая „скопщина“. Заключается она въ слѣдующемъ: положимъ, мужикъ беретъ у помѣщика три десятины земли; онъ долженъ вспахать ее своими средствами и засеять своимъ зерномъ; во время жатвы онъ долженъ убрать хлѣбъ опять-таки за свой счетъ и сложить его въ „копы“. „Копы“ заключаетъ въ себѣ 60 сноповъ. Изъ каждаго трехъ или двухъ „копъ“, смотря по условію, помѣщикъ беретъ себѣ одну; остальные достаются крестьянину. „Копы“, слѣдующія помѣщику, крестьянинъ обязанъ свезти къ нему на гумно и сложить въ скирды. Помимо этого мужикъ доплачиваетъ помѣщику съ десятины „скопщинной“ земли одинъ или два рубля. Вотъ этотъ способъ аренды и называется „скопщина“, арендаторы именуются „скопщиками“.

Мы только что говорили, что „скопщина“ для помѣщика выгоднѣе, нежели аренда за деньги. Попробуемъ доказать это. Во-первыхъ, при арендѣ денежной крестьянинъ никогда не дастъ всей платы впередъ (таковъ ужъ у насъ обычай), а лишь по истеченіи полугодія, или же половину платитъ осенью, а половину весной. Если годъ будетъ неурожайный, если цѣны на хлѣбъ будутъ низки, то мужикъ не въ состояніи будетъ ничего заплатить, и помѣщику придется возиться съ каждымъ арендаторомъ въ отдѣльности и вести процессъ, который можетъ затянуться надолго, тогда какъ деньги часто бываютъ нужны немедленно. Съ другой стороны, „скопщина“ представляетъ всѣ выгоды для помѣщика, который не хочетъ лично хлопотать надъ посѣвами и уборкой хлѣба, или не имѣетъ достаточнаго количества скота для обработки всей своей земли: она запахивается и вообще обрабатывается „скопщиками“, они же свозятъ хлѣбъ на гумно и складываютъ его гъ скирды. Такимъ образомъ, помѣщикъ, отдающій землю подъ „скопщину“, можетъ пріѣхать въ деревню только на время жатвы и молотбы, стало быть на три, четыре недѣли, а затѣмъ опять отбыть на „теплыя воды“. А для надзора за пахотой и посѣвами вполне достаточно, какъ это и практикуется, поставить приказчика съ соотвѣтствующими полномочіями. Наконецъ, что самое главное, „скопщина“ приноситъ больше дохода, нежели аренда за деньги. Это видно изъ слѣдующаго примѣра: положимъ, помѣщикъ раздаетъ „скопщикамъ“ 500 десятинъ земли. Въ годы средняго урожая десятина даетъ 7—8 „копъ“ и каждая „копа“ 7—9 пудовъ. Стало быть, съ 500 десятинъ соберется 3.500 „копъ“ (500×7), или 24.500 пудовъ (3.500×7) *). Изъ этого количества хлѣба третья часть (обыкновенно земля отдается за 3-ю „копу“, иногда даже за 2 ю), т. е. 8.167 пудовъ придется на долю помѣщика. Если взять среднія цѣны нашего южнаго рынка, именно 60 копеекъ **) за пудъ хлѣба, то, слѣдовательно, за 8.167 пудовъ помѣщикъ выручитъ 4.900 рублей и 20 копеекъ. Вычтя отсюда стоимость молотбы хлѣба—именно 300 рублей ***), мы все-таки получимъ 4.600 р. и 20 к. Но къ этой суммѣ необходимо еще прибавить добавочную подесятинную плату, взимаемую при „скопщинѣ“, именно 1.000 рублей (500×2 . При отдачѣ земли за 3-ю „копу“, съ десятины берется обыкновенно два рубля).

Всего, значить, въ данномъ примѣрѣ помѣщикъ получитъ 5.600 рублей. А

*) Я беру наименьшія цифры средняго урожая: 1 дес. — 7 „копъ“; 1 „копа“ — 7 пудовъ.

**) Опять минимальныя среднія цѣны при среднемъ урожаѣ.

***) Стоимость молотбы опредѣляется (опять-таки при среднихъ цифрахъ) слѣдующимъ образомъ: изъ 3 500 „копъ“ помѣщикъ получаетъ 3-ю часть, т. е. 1.167 „копъ“. Десятисильная молотилка отдается внаймы по 25—30 рублей въ день и ежедневно обмолачиваетъ 200 „копъ“. Стало быть, хозяину молотилки придется заплатить за 6 дней (1.167 к. : 200 к.), 150 рублей. Рабочихъ при десятистальной молотилкѣ требуется 50 человекъ. Считая рабочій день по 50 копеекъ, мы найдемъ, что рабочимъ за 6 дней молотбы придется уплатить 150 р., а всего, стало быть, 300 рублей.

если отдать 500 десятинъ за деньги, то придется получить только 3.500 р. (500 д. $\times$ 7 р.). Разница очевидная.

Но для крестьянъ „скопщина“ далеко не такъ выгодна: при этомъ способѣ аренды мужикъ находится подѣ постояннымъ, зачастую мелочнымъ и придирчивымъ контролемъ помѣщика или его приказчика: онъ не имѣетъ права свезти съ поля свой хлѣбъ раньше, чѣмъ не свезетъ слѣдующаго помѣщику. Далѣе, помѣщикъ, согласно установившемуся обычаю, имѣетъ право выпрять тѣ копы, какія самъ захочетъ, и, конечно, всегда старается выбрать лучшія. (Кто себѣ врагъ!). Наконецъ, мужикъ долженъ сѣять не тотъ хлѣбъ, какой ему хочется, а тотъ, какой ему укажетъ собственникъ земли.

Какъ „скопщинная“, такъ и надѣльная земля обрабатываются крестьянами небрежно и неряшливо и засѣваются—экономія ради—самымъ худшимъ зерномъ. (Лучшій хлѣбъ давнымъ-давно проданъ). Ни правильнаго сѣвооборота, ни удобрения почвы у насъ не встрѣчается; объ искусственномъ орошеніи нечего и говорить. Убѣждать мужика „отъ писанія“ въ пользѣ и необходимости правильнаго веденія хозяйства—напрасный трудъ: онъ вамъ не повѣритъ и никакихъ „опытовъ“ производить у себя не будетъ. Только примѣръ могъ бы убѣдить его въ выгодѣ рациональнаго хозяйства, но кто же покажетъ ему этотъ примѣръ? Помѣщикъ? Конечно, нѣтъ: нашъ помѣщикъ большой скептикъ,—до сихъ поръ ко всякимъ агрономіямъ и тому подобнымъ метафизическимъ, по его мнѣнію, бреднямъ, онъ относится съ нескрываемымъ презрѣніемъ: „Всѣ, молъ, эти разговоры хороши только въ теоріи“. Что касается земскихъ агрономовъ, то они также мало могутъ помочь крестьянамъ: „словесныя“ убѣжденія ни къ чему не поведутъ, а развести двѣ, три десятины опытнаго поля на цѣлый уѣздъ—много ли отъ этого толку? Поэтому и въ наши дни мужицкое хозяйство ведется такъ же, какъ оно велось 50 лѣтъ тому назадъ. Система земледѣлія на „скопщинныхъ“ земляхъ то плодopережѣнная, то трехпольная, а на крестьянскихъ никакой собственно системы и не существуетъ: тамъ сѣютъ что и какъ попало. Въ общемъ весь трудъ мужика сводится къ тому, будетъ ли дождикъ, или нѣтъ: въ первомъ случаѣ урожай можетъ быть и хорошій, если только градъ не побьетъ хлѣба и если хлѣбный жукъ (*anisoplia austriatica*) не съѣстъ зерна, во второмъ случаѣ мужикъ не соберетъ ничего. Нужно замѣтить, что, помимо деревенскаго невѣжества, недовѣрія къ даннымъ науки и практики, трудно улучшить мужицкое хозяйство и по чисто экономическимъ причинамъ: во-первыхъ, краткосрочность аренды, какъ денежной, такъ и натуральной (земля отдается не больше чѣмъ на одинъ годъ), послужить препятствіемъ къ улучшенію качества почвы, если даже допустить, что мужикъ возьмется за такое улучшеніе: затрачивать на короткій срокъ значительныя деньги не всякій рискнетъ. Во-вторыхъ, удобрять землю нечѣмъ, потому что навозъ, одно изъ лучшихъ средствъ удобрения, идетъ у насъ, за отсутствіемъ лѣсовъ, на топливо.

Помимо земледѣлія у нашего мужика нѣтъ никакихъ другихъ постоянныхъ занятій. Скотоводство и овцеводство требуютъ большихъ участковъ и подѣ силу только крупнымъ землевладѣльцамъ, общественнаго же выгона у крестьянъ не хватаетъ даже для необходимаго рабочаго скота, и часть его приходится отдавать

на выпасъ помѣщику. Несмотря однако на это, крестьяне наши, гонимые нуждою, занимаются особаго рода спекуляціей на скотѣ, — спекуляціей, которая скорѣе приноситъ убытокъ, нежели выгоду. Именно зимою, когда скотъ дешевѣе, крестьянинъ накупаетъ годовалыхъ бычковъ, жеребятъ и тому подобную мелочь съ цѣлю, отдать лѣтомъ на выпасъ помѣщику, а осенью съ барышомъ продать на ближайшемъ базарѣ. Дѣлается это безъ всякаго разчета на то, хватить ли у помѣщика настолько выгона, чтобы принять къ себѣ весь мужицкій скотъ, или нѣтъ. Съ наступленіемъ весны къ помѣщику являются цѣлыя толпы мужиковъ и осаждаютъ его просьбами принять къ себѣ на выпасъ ихъ скотъ. Разумѣется, помѣщикъ не можетъ удовлетворить каждаго желающаго, и скотъ приходится продавать теперь же, нерѣдко съ убыткомъ. А продавать его нужно потому, что на общественный выгонъ не пустятъ скота сверхъ опредѣленнаго количества, — запасенный же дома кормъ весь съѣденъ въ теченіе зимы. И вотъ истощенное животное, всю зиму стоявшее на соломѣ, приходится гнать на базаръ, гдѣ уже ждутъ покупщики, заранѣе знающіе, въ чемъ дѣло, и дающіе за скотину, сколько имъ заблагоразсудится. Въ результатѣ—убытокъ въ два, три рубля на штукѣ. Тѣ же крестьяне, которымъ удастся помѣстить свой скотъ на чемъ-нибудь выгонѣ, продаютъ его осенью иногда съ порядочнымъ барышомъ, который, впрочемъ, тутъ же пропивается контрагентами по сдѣлкѣ въ видѣ „могарыча“ (по-нашему—„спрыскиваніе“ покупки). Такимъ образомъ, и съ этой стороны выгода такихъ спекуляцій довольно гадательна.

А между тѣмъ скотоводство и овцеводство—занятія очень прибыльныя и служатъ могучимъ подспорьемъ въ хозяйствѣ, если только вести ихъ умѣло. Но для этого прежде всего необходимо, какъ я уже говорилъ, имѣть большіе участки земли и запасать кормъ на зиму. У насъ же всю зиму скотъ кормится исключительно соломой. На нашихъ степяхъ растутъ только сорныя травы: вырубка всѣхъ лѣсовъ и постоянное бездождіе повели къ тому, что трава постепенно, такъ сказать, атрофировалась. У крестьянъ же покосовъ совершенно нѣтъ, такъ что скотъ пасется на всемъ пространствѣ общественнаго выгона. Такъ или иначе, а безъ травосѣянія не обойтись. Если на одномъ и томъ же выгонѣ отъ марта до ноября толчется скотъ,—и это въ теченіе многихъ лѣтъ,—то не удивительно, что на такомъ полѣ, при нашихъ малоснѣжныхъ зимахъ и бездождіи почти въ теченіе всего лѣта, ничего, кромѣ бурьяна, не растетъ. Такъ какъ скотъ выпускается на пастбище очень рано, то кормовыя травы выгрызаются уже черезъ 2—3 недѣли, и остается черное поле. Но и тутъ вы ничего не подѣлаете: говорить мужику отъ писанія совершенно бесполезно, а хорошаго примѣра онъ не увидитъ, потому что и у помѣщика трава не засѣвается и зимою скотъ кормится только соломой. Травосѣяніе съ деревенской точки зрѣнія—теорія, а помѣщикъ врагъ всякихъ „теорій“ и ведетъ свое хозяйство такъ же, какъ и мужикъ, „по завѣту отцовъ и дѣдовъ“.

Земледѣліе да жалкая спекуляція на скотѣ—единственныя занятія, изъ которыхъ нашъ мужикъ извлекаетъ доходы, какъ *хозяинъ*. Прочіе доходы добываются путемъ батрачества. Но и земледѣліе съ каждымъ годомъ падаетъ: почва,

ничѣмъ не удобряемая, постепенно истощается; каждое лѣто появляется въ огромномъ количествѣ хлѣбный жукъ, выѣдающій молодые, наливающіеся колосья, а солнце довершаетъ остальное, засушивая тотъ хлѣбъ, который удѣлѣлъ отъ грома жука. Скотъ годъ-отъ-году мельчаетъ, такъ какъ мужикъ спѣшитъ пустить его въ работу еще тогда, когда, по-настоящему, скоту слѣдовало бы питаться молокомъ матери. У насъ не рѣдкость увидѣть полугодовалыхъ жеребятъ и бычковъ, запряженныхъ въ телѣгу и надрывающихся изъ всѣхъ силъ, чтобы вытянуть ее на гору. Несчастныхъ животныхъ колотятъ зачастую палкой и по ушамъ, и по глазамъ, и по чему попало.

Трудно жить въ деревнѣ, но уйти некуда: во-первыхъ, и самый выходъ изъ своего сословія сопряженъ для мужика съ значительнаго рода затрудненіями; во-вторыхъ, куда же уйти? Въ городъ, въ рабочіе? Но вѣдь тамъ предложеніе рабочихъ рукъ вполне покрываетъ спросъ, но вѣдь тамъ и безъ мужика есть много людей, умирающихъ съ голоду. Но недостатокъ средствъ къ существованію постоянно гонитъ крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую, несмотря на всѣ неудобства такого бродяжничества. Распродавъ все свое хозяйство, весь домашній скарбъ, семья отправляется въ Бессарабію, въ Сибирь и, пробывши тамъ нѣсколько лѣтъ, возвращается опять на старое пепелище уже въ качествѣ „десятинниковъ“, такъ какъ своя земля продана. Такія скитанія повторяются у насъ ежегодно, и опытъ однѣхъ семей не служитъ урокомъ для другихъ. Что касается промышленности, которая могла бы поднять благосостояніе края, то въ нашей деревнѣ ея не существуетъ вовсе: вся она цѣлкомъ сосредоточивается въ центрахъ—Одессѣ, Николаевѣ, Елисаветградѣ. Относительно кустарной промышленности „Статистико-экономическій обзоръ херсонской губернской земской управы“ говоритъ слѣдующее *): „Промышленныя заведенія, имѣющія характеръ кустарнаго производства, и ихъ обороты *продолжаютъ* не поддаваться сколько-нибудь правильному учету“. Въ сущности, это означаетъ, что кустарная промышленность есть случайное, а не постоянное занятіе нашихъ крестьянъ. Она существуетъ лишь постольку, поскольку того требуютъ интересы домашняго хозяйства: если у мужика околѣеть лошадь, онъ надѣлаетъ изъ кожи ея ремней для сбруи; если у бабы на огородѣ есть нѣсколько грядокъ съ коноплей или льномъ, она выткетъ 2—3 аршина холста. Но вѣдь подобныя операціи и нельзя даже назвать промышленностью. Всѣ же остальные предметы домашняго обихода, какъ-то: колеса, ведра, топоры, вилы, грабли, ярма (упряжь для воловъ), даже кнутовище—мужику приходится покупать на базарѣ. И все это нужно приобрести на тѣ доходы, какіе даетъ земля...

А великъ ли бюджетъ нашего крестьянина? Попробуемъ подсчитать его хотя приблизительно. Положимъ, у крестьянина есть двѣ десятины собственной земли, и, положимъ, онъ беретъ у помещика еще 3 десятины подъ „сконщину“ за третью „копу“ съ доплатой по два рубля съ десятины **). При среднемъ уро-

*) „Стат.-экон. обзоръ Херс. губ.“ Изд. херс. губ. зем. упр., за 1897 г., стр. 92.

***) Здѣсь, какъ и выше, мы также беремъ среднія цифры.

жавъ онъ собереть съ своей земли 14 копъ (1 дес.—7 к.), со „скопщинной“ также 14 к. ($\frac{2}{3}$ всего количества). Итого 28 „копъ“, или 224 пуда. Принявъ, какъ и выше, стоимость пуда въ 60 коп., мы получимъ сумму въ 134 руб. 40 коп. Отсюда мы должны еще отнять, во-первыхъ, стоимость зерна, затраченного на посѣвъ, во-вторыхъ, добавочную подешатинную плату, именно 6 рублей (2 р. $\times$ 3 дес.). Много ли получить крестьянинъ чистаго дохода? Не забудьте, что изъ этого „чистаго“ дохода необходимо уплатить всякаго рода повинности, сборы общественные, мірскіе, земскіе налоги, нужно кое-что купить для дома, кое-что починить: тамъ, смотришь, новыя колеса для телеги, тамъ нужно камыша для укрытія крыши, женѣ полушубокъ, себѣ сапоги, сыну-солдату 5—10 рублей въ отвѣтъ на его слезное письмо, дочери ситцу на рубахи и т. д., п т. д. Я беру при этомъ *средній* урожай. Но вотъ, слѣдующій годъ—неурожайный, десятина дастъ всего 10—12 пудовъ; что тогда? Скотъ кормить нечѣмъ, потому что не хватитъ соломы: приходится или продавать его за безцѣнокъ, или смотрѣть, какъ онъ медленно околѣваетъ. Недомки растутъ, семьѣ ѣсть надо,—и мужикъ лѣзетъ по горло въ долги, занимая какихъ-нибудь 100 рублей подъ страшные проценты у мѣстнаго ростовщика; а изъ этихъ долговъ приходится выпутываться годами! И если припомнить, что за послѣднее десятилѣтіе неурожай въ Херсонской губерніи бывалъ чуть не каждый годъ, то можно представить себѣ истинную картину мужицкаго хозяйства. Я помню голодные годы начала послѣдняго десятилѣтія: на поляхъ, совершенно черныхъ, бродилъ скотъ со вздувшимися боками и ясно обозначенными ребрами, жалобно мыча и роя ногами почву. Что ни день, у мужика падала то овца, то корова, то лошадь. Всѣ крыши были раскрыты и съѣдены скотомъ, который еще больше болѣлъ отъ этой неудобоваримой пищи. Сажень соломы доходила до 75 рублей. (Въ обыкновенное время сажень стоитъ 10—15 рублей). Многія десятины остались неубранными, потому что крестьяне махнули на нихъ рукой: нечего было убирать. Кто былъ попредусмотрительнѣй, тотъ еще въ маѣ выкосилъ весь хлѣбъ на сѣно. Рогатый скотъ продавался по 3—4 рубля за штуку. Въ деревняхъ свирѣпствовала тифъ...

Съ того времени мужицкое хозяйство пошло на убыль все рѣзче и рѣзче. Какъ поднять его,—не беремся судить. Мудрые рецензы, которые прописываютъ въ газетахъ извѣстнаго лагеря знатоки деревни, какъ-то: введеніе обязательнаго труда для крестьянъ, всестороннее подтягиванье мужика и пр., словомъ, всѣ тѣ мѣры, которыя измышляются отъ нечего дѣлать,—хороши и благотворны, разумеется, только въ устахъ ихъ изобрѣтателей.

А пока что—передъ нами факты: деревня поменьку разбѣгается. Кто (это еще счастливецъ!) попадаетъ въ городъ, въ рабочіе, въ кучера; кто былъ на военной службѣ, поступаетъ въ городовые, въ пожарные, въ служители по различнымъ учрежденіямъ; часть деревни отправляется на „Амурію“. Рядомъ съ этимъ увеличивается классъ „десятишниковъ“, и распространяется шатаніе изъ стороны въ сторону тѣхъ, кто не успѣлъ или не смогъ нигдѣ пристроиться.

Все чаще и чаще слышится среди крестьянъ жалобы на тѣсноту: „Копашься, копашься, какъ червякъ въ землѣ,—скоро и негдѣ будетъ копать“.

II.

На почвѣ деревенской нужды развивается, какъ я уже говорилъ, батрачество. Земледѣіе не можетъ прокормить мужика, промышленности въ деревнѣ нѣтъ, стало быть, единственный выходъ—идти въ рабочіе къ землевладѣльцу. Многие крестьяне распродаютъ весь свой скарбъ и идутъ—мужъ въ кучера или чернорабочіе, жена въ „людскія“ кухарки или поденщицы. Дѣти, если они малы, слѣдуютъ за матерью; взрослые парни и дѣвушки точно также нанимаются на работы. Въ батраки идутъ только бѣдные; ни одинъ мало-мальски зажиточный крестьянинъ ни самъ не пойдетъ, ни домохадцевъ своихъ на работу не пуститъ, потому что батрачество—тяжелый кусокъ хлѣба. Правоотношенія между рабочимъ и нанимателемъ регулируются скорѣе всего усмотрѣніемъ послѣдняго, такъ какъ всякіе договоры о наймѣ заключаются „словесно“. Письменные условія не въ ходу. Права и обязанности сторонъ, благодаря этому, никогда не перечисляются точно: что долженъ дѣлать рабочій,—онъ этого точно не знаетъ; не знаетъ своихъ обязанностей и наниматель. Отрывается широкое поле для произвола со стороны сильнѣйшаго. Таковымъ, конечно, бываетъ наниматель. Отсутствие истиннаго образованія, здраваго пониманія человѣческихъ отношеній, незнакомство съ закономъ, регулирующимъ эти отношенія, наконецъ традиціи прошлаго—все это, вмѣстѣ взятое, приводитъ къ развитію того взгляда, что крестьянинъ отдаетъ внаймы не только свою рабочую силу, свой трудъ, но и всю свою личность, что не только его грѣшное тѣло, но и духъ подпадаетъ подъ господство нанимателя. Въ погонѣ за экономіей землевладѣлецъ старается нанять рабочаго какъ можно подешевле и притомъ съ такимъ расчетомъ, чтобы тотъ былъ „и швецъ, и янецъ, и на дудкѣ и грець“ или, какъ говорится въ одной изъ пушкинскихъ сказокъ:

„Нуженъ мнѣ работникъ—
Поваръ, конюхъ и плотникъ“.

Въ крестьянскомъ хозяйствѣ глава дома, а равно и прочіе члены семьи дѣйствительно исполняютъ ту работу, какая попадется подъ руку: здѣсь не можетъ быть и рѣчи о раздѣленіи труда. Каждый, кто можетъ, и пашетъ, и сѣетъ, и починяетъ возы, и свозитъ хлѣбъ, и досматриваетъ за скотомъ. Здѣсь это дѣлается въ силу необходимости. Но въ хозяйствахъ большихъ, поставленныхъ на широкую ногу, гдѣ толчется масса всякаго народа, необходимо должно быть проведено строгое раздѣленіе труда. А этого именно у насъ нѣтъ. Поэтому сегодняшній кучеръ завтра возитъ воду, а на третій день ѣдетъ въ городъ за покупками и т. п. Въ результатѣ ни одно дѣло не сдѣлано, какъ слѣдуетъ. Безполезно говорить, къ какимъ безобразіямъ приводитъ подобнаго рода хозяйничанье. Страдаютъ отъ этого и интересы рабочаго, котораго заставляютъ дѣлать совсѣмъ не то, для чего онъ былъ нанятъ. А это въ свою очередь ведетъ къ

постояннымъ пререканіямъ нанимателя съ рабочими и является однимъ изъ источниковъ тѣхъ жалобъ на грубость и неповиновеніе рабочаго, которыя, какъ изъ рога изобилія, появляются иногда въ печати. Кроме того, жалобы на „грубость и неповиновеніе“ являются, какъ слѣдствіе тѣхъ „манипуляцій“ и „жестовъ“, которые практикуются въ иныхъ экономіяхъ. Именно, всякій протестъ со стороны рабочаго, всякая попытка защитить свое личное достоинство понимаются исключительно, какъ „неповиновеніе“. Недоволенъ ли рабочій пищей, не захочетъ ли онъ работать ночью, послѣ захода солнца, огрызнется ли онъ на ругательство хозяина или приказчика,—все это даетъ только пищу для толковъ о мужицкой распушенности. Съ другой стороны, далеко не всѣ рабочіе рѣшаются на какіе бы то ни было протесты, потому что страхъ передъ патрономъ, мѣтніе, что патронъ „все можетъ“, еще живутъ въ деревнѣ. Чаше всего, въ случаѣ недовольства, рабочіе уходятъ отъ нанимателя. Если же они наняты по договорному листу, то наниматель, по закону, имѣетъ право требовать ихъ отъ всякаго другого нанимателя, въ правѣ прибѣгать и къ вѣншему содѣйствію для отысканія ушедшаго рабочаго и принудительнаго возвращенія въ прежнее мѣсто службы.

Посмотримъ теперь, какъ живутъ рабочіе въ помѣщичьихъ экономіяхъ. Въ большинствѣ экономій рабочіе ѣдятъ четыре раза въ сутки. На завтракъ (по мѣстному нарѣчію—„снѣданокъ“) имъ дается черный хлѣбъ. На обѣдъ борщъ, состоящій изъ воды, фасолы и картофеля. Тутъ же плаваетъ кусочекъ свиного сала, толщиной въ палець, хлѣбу въ квадратный вершокъ (это на 20—30 душъ!). Фасоль и картофель кладутся больше „для видимости“, а самый борщъ составляетъ подернутая саломъ буровато-коричневая водица. На „второе“ дается каша изъ кукурузной муки, такъ называемая „мамалыга“. „Мамалыга“ эта варится обыкновенно очень плохо: мука не растерта, и вся каша какая-то сырая, тяжелая. Это объясняется просто: чтобы вымѣшпать порцію „мамалыги“ на 20—30 душъ нужно приставить къ работѣ дюжого мужика, а у насъ обѣды варить слабосильная баба или 15-лѣтняя дѣвчонка. Та же баба варитъ, положимъ, обѣдъ и у себя дома, но только не на 30, а на 5—6 душъ. Маленькая разница. Но продолжаемъ: въ 4 часа дня рабочимъ дается „полдникъ“—черный хлѣбъ и нѣсколько головокъ чесноку, а на ужинъ варится либо та же „мамалыга“, только въ болѣе жидкомъ видѣ, либо „галушки“ на водѣ. Замѣтимъ также, что иногда къ обѣду не дается хлѣба: „довольно съ нихъ и одной мамалыги“. И они ѣдятъ. Пища варится грязно и неаккуратно, потому что за столомъ рабочихъ никто не слѣдитъ. Кухаркѣ выдается мука, крупа, зелень, а тамъ пускай она себя варитъ, какъ хочетъ и когда хочетъ. Поэтому хлѣбъ печется безъ всякаго расчета, сразу на недѣлю, двѣ и потомъ зацвѣтаетъ отъ хранения въ сыромъ мѣстѣ; въ борщѣ плаваютъ мухи, въ кашѣ и въ хлѣбѣ постоянно завариваются и запекаются прусаки, мошки, щепки и всякая дрянь. Если кухарка отлучится на мгновеніе изъ кухни, туда являются, неизвѣстно откуда, цѣлая ватага голодныхъ деревенскихъ псовъ (у насъ въ экономіяхъ не принято кормить собакъ на томъ основаніи, что „онѣ сами себя найдутъ“) и

облизывают и выдают, что только возможно, из котловъ, мисокъ и пр. Когда кухарка или ключница набредутъ на эту сцену, онѣ запускаятъ въ „подлую тварь“ полъножъ, и этимъ дѣло ограничивается: обѣдъ все-таки достается рабочимъ. Мы должны отмѣтить здѣсь еще одно обстоятельство относительно продовольствія рабочихъ: именно, и обѣды, и ужины готовятся въ большинствѣ случаевъ крайне несвоевременно: одинъ разъ къ 10 час. утра, другой разъ къ 2 час. дня. Для человѣка же, который работаетъ отъ 4-хъ часовъ утра до 7 часовъ вечера, очень важно сѣсть во-время. Дурные „харчи“ играютъ, конечно, немаловажную роль въ деревенской неурядицѣ и вызываютъ постоянныя жалобы рабочихъ. Скажемъ еще нѣсколько словъ о жилищѣ. Особаго жилища для рабочихъ у насъ, собственно, не полагается,—развѣ только для болѣе важныхъ персонъ: кузнеца, ключника. Остальные чернорабочіе помѣщаются лѣтомъ и зимою въ „людской кухнѣ“, тамъ же и ночуютъ. Можете себѣ вообразить, какая атмосфера царствуетъ въ помѣщеніи, гдѣ на пространствѣ какихъ-нибудь 100 квадратныхъ аршинъ скучено 15—20 душъ, гдѣ дымятся котлы со всякимъ варевомъ, гдѣ по полу ползаютъ ребятишки, дѣти работницъ? Тутъ же стоятъ какой-нибудь теленокъ, котораго нужно держать въ теплѣ, и лежатъ опоросившаяся свинья.

Какъ же рабочіе идутъ на службу при такихъ условіяхъ? На это мы уже отвѣтили въ началѣ нашей статьи: батрачество развивается исключительно на почвѣ нужды. Блестящимъ подтвержденіемъ этого положенія является то обстоятельство, что ни одинъ зажиточный крестьянинъ ни самъ не выходитъ, ни семью своей на работу не выпускаетъ. На работы выходитъ самая голытьба, да и то зачастую разбѣгается вслѣдствіе тяжелыхъ условій, соединенныхъ съ этой работой. Чтобы заставить *подельщиковъ* аккуратно являться на работу, нѣкоторые помѣщики практикуютъ такого рода приемы: въ одинъ прекрасный день рабочимъ объявляется, что если они не явятся къ молотилкѣ или свозкѣ хлѣба, положимъ, завтра, то имъ не выдадутъ платы за все предыдущее время. И рабочіе являються.

Что же касается того, что помѣщикъ обязанъ расчитываться съ рабочими аккуратно, что онъ долженъ уплачивать имъ по $\frac{1}{2}$ копейки съ рубля недоданной суммы въ день, то эти правила существуютъ только на бумагѣ. Помѣщикъ расчитывается только тогда, когда у него есть деньги, и безъ церемоніи гонитъ рабочего, явившагося за расчетомъ „не во-время“. На бумагѣ же существуютъ и всѣ другія правила, какъ-то: обязанность хозяина оказывать заболѣвшему рабочему пособие, обязанность его обращаться съ рабочими кротко и милостиво, требовать отъ нихъ только той работы, на которую они нанялись и т. п. Нашъ херсонскій хозяинъ—очень дѣятельный хозяинъ и не можетъ равнодушно видѣть, если человѣкъ сидитъ безъ дѣла. Когда Архипъ, спеціалистъ по части починки возовъ и телѣгъ, окончитъ всю свою работу и присядетъ на завалинкѣ покурить напросу, его немедленно посылаютъ приладить барчукамъ качель или поливать цвѣты. И Архипъ идетъ,—иначе его ждуть ругательства и упреки. А законъ категорически говоритъ: „Хозяинъ имѣетъ право требовать отъ рабочего только

той работы, для которой онъ нанялся“. Въ особенности широко толкуется у насъ „грубость и неповиновеніе“—эта деревенская сказка про бѣлаго бычка. Полагая, какъ мы уже говорили, что рабочій отдаетъ внаймы не только свой трудъ, но и всю свою личность, наниматель требуетъ прежде всего видимыхъ знаковъ „уваженія и преданности“: рабочій долженъ стоять передъ „баринномъ“ безъ шапки и не возражать на хозяйскія поученія. А поученія сыплются градомъ: потерялъ ли мужикъ какую-нибудь палку отъ телѣги, занесъ ли онъ мѣшокъ хлѣба не въ тотъ амбаръ, гдѣ надлежитъ быть,—за все это онъ долженъ выслушать справедливый хозяйскій укоръ. Баринъ укоряетъ его по большей части словесно, приказчикъ норовитъ въ рукопашную. А такъ какъ сегодня за лошадьми смотритъ Иванъ, а завтра Степанъ, такъ какъ грабли, вилы, топоры, дегтярницы и прочій скарбъ сегодня находятся въ вѣдѣніи Григорія, а завтра у Петра, то немудрено, что лошади оказываются не накормленными, коровы не напоенными, спицы и грабли ломаются, теряются, мѣшки рвутся, свиньи лѣзутъ въ огородъ и т. д. Такимъ образомъ, поводъ для поученій и наставленій представляется ежесекундно: хозяинъ, подобно капитану тонущаго корабля, стоитъ среди двора и командуетъ; люди бѣгаютъ, суетятся, ругаются; пять дюжихъ мужиковъ ловятъ какого-нибудь увертливаго поросенка, и среди всего этого грохота и шума раздаются крѣпкія слова команды. Когда мятушіеся безъ толку люди возражаютъ командиру корабля, что „за всѣми поросятами не угоняешься“ и что ихъ дѣло „глядѣть до коровъ“, то подымается настоящая буря: „Какъ! ахъ ты!.. да знаешь ли ты... Вѣрно хочешь, чтобы я тебя въ волость отправилъ“. Такіе діалоги вы можете услышать въ любой усадьбѣ ежедневно. Отсюда—„грубость и неповиновеніе“. Словомъ, жизнь создаетъ въ нашей средѣ такія положенія, при которыхъ одна изъ договаривающихся сторонъ приобретаетъ только права, а другая—однѣ обязанности.

Въ общемъ, рабочіе далеко не охотно идутъ на службу къ помѣщику, и жалобы на отсутствіе рабочихъ рукъ совершенно справедливы. Но въ тѣхъ, немногихъ къ сожалѣнію, экономіяхъ, гдѣ хозяйство ведется толково и правильно, гдѣ рабочимъ даютъ сносныя помѣщенія и здоровую пищу, гдѣ не бранятъ за всякій пустякъ, гдѣ, наконецъ, если и взыскиваютъ, то только за дѣло,—тамъ никогда не бываетъ недостатка въ рабочихъ рукахъ, тамъ пастухи, кучера, плотники, словомъ, весь рабочій людъ живетъ мирно, тихо, безъ дразгъ, безъ жалобъ, зачастую по нѣскольку лѣтъ.

А такъ какъ безусловно нельзя допустить, чтобы въ одной деревнѣ люди отъ природы были „вѣжливые“ и трудящіеся, а въ другой, отстоящей въ трехъ верстахъ отъ первой,—грубые и лѣнныя, то поэтому отсутствіе рабочихъ рукъ, а равно и постоянное недовольство хозяина рабочими приходится объяснять исключительно неприспособленностью землевладѣльцевъ къ новымъ формамъ человѣческихъ отношеній и живущими еще традиціями крѣпостнаго права.

III.

Любопытнѣе юридическій бытъ нашей деревни: здѣсь прежде всего бросается въ глаза то обстоятельство, что норма всякаго общежитія—законъ писанный—почти не имѣеть примѣненія въ жизни крестьянъ. Растолковать, объяснить деревенскому люду тѣ или другія положенія права некому, потому что и культурный элементъ деревни, въ лицѣ помѣщика, священника и учителя, не очень-то силенъ въ законѣ, а самъ мужикъ попросту безграмотенъ и, слѣдовательно, лишень возможности непосредственно ознакомиться съ закономъ. Благодаря этому, никто изъ крестьянъ не имѣеть никакого представленія о томъ, что существуетъ цѣлыхъ 16 томовъ свода законовъ, опредѣляющихъ права и обязанности и регулирующихъ взаимныя отношенія русскихъ гражданъ. Результатомъ такого невѣжества является то, что юридическій бытъ сельскаго населенія крайне неустойчивъ; „усмотрѣнiю“ предоставленъ широкій просторъ, а такъ какъ „усмотрѣнiя“ безчисленны, то, естественно, жизнь крестьянина не течеть по правильному руслу, а подвержена, такъ сказать, сомнѣнiямъ и колебанiямъ. Тѣмъ не менѣе, въ сознаниі народа крѣпко гнѣздится мысль, что жизнь должна управляться не чѣмъ инымъ, какъ закономъ: слово „законъ“ мужикъ повторяеть на каждомъ шагу, часто ни къ селу, ни къ городу. При заключенiи сдѣлки, при наймѣ на работы, словомъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ крестьянинъ не перестаетъ твердить: „Чтобы все было по закону, какъ слѣдуетъ!“ Но съ другой стороны, все, что ни предпринимаетъ начальство, всѣ мѣры, даже самыя законныя, мужикъ убѣжденно считаетъ произвольными и незаконными: велятъ ли убивать сапныхъ лошадей, или собирать хлѣбнаго жука, прiѣдетъ ли землемѣръ для размежеванья, — „миръ“ начинаеть галдѣть, ворчать, протестовать. „Такого закону нема!“ — говоритъ крестьянинъ, и вы ничѣмъ не убѣдите его, что такой законъ есть.

Законъ, какъ понятiе абстрактное, существуетъ, по мнѣнiю мужика, гдѣ-то далеко, далеко, Богъ знаетъ гдѣ; здѣсь же, на мѣстѣ, есть только „начальство“, которое всецѣло за-одно противъ мужика. Вотъ когда „тамъ“ разузнають, что творится въ деревнѣ, — думаетъ мужикъ, — вотъ тогда и слѣлають все, какъ слѣдуетъ.

Дѣйствительно, жизнь создала въ деревнѣ условія, при которыхъ ни пониманiе своихъ правъ и обязанностей, ни чувство законности, ни сознание своего человеческого достоинства не могутъ развиваться свободно и безпрепятственно. Самъ мужикъ безграмотенъ, а юридической помощи у него нѣтъ; отношенія же его къ деревенскому начальству и къ помѣщику таковы, что скорѣе всего способны заглушить чувство личнаго достоинства, а не развитъ его. Приставъ, урядникъ, старшина, и др., словомъ, всѣ чины, имѣющіе къ деревнѣ какое-либо отношеніе, страдаютъ своего рода *mania grandiosa*, требуя непремѣннаго „уваженія и преданности“ въ видѣ сниманія шапки, сворачиванья съ дороги (хотя бы мужикъ вѣхалъ съ полнымъ возомъ), величанья „вашимъ благородiемъ“ и т. п. Величiемъ проникаются даже такія лица, какъ писарь и староста. Все это „на-

чалство“ бранится, сквернословитъ и тычетъ въ зубы за всякій пустякъ, а тѣмъ болѣе за „возраженія“, хотя бы эти послѣднія были самыя законныя. Не отстаетъ, вѣроятно по преданіямъ старины, — и помѣщикъ въ дѣлѣ достиженія почета, послушанія и всяческой угодливости со стороны мужика. Покоряющіеся поощряются („Вотъ Терентій—вѣжливый человѣкъ: ѣдетъ ли баринъ, или барыня, онъ и шапку сниметъ, и ручку поцѣлуетъ“), а упорствующіе наказываются. („Я этому мерзавцу Герасиму ни одной десятины въ аренду не дамъ, — такой грубіанъ“)! Предоставляю судить, насколько успѣшно при такой обстановкѣ можетъ развиваться чувство собственнаго достоинства въ человѣкѣ.

Говоря о чувствѣ законности, о пониманіи крестьянами своихъ правъ и обязанностей и вообще объ юридической жизни деревни, намъ невольно приходится коснуться дѣятельности земскихъ начальниковъ. По смыслу закона на земскихъ начальниковъ возложены заботы „по завершенію крестьянскаго дѣла“. Толкованіе этихъ словъ, а равно и толкованіе другихъ статей законовъ, относящихся до крестьянъ, приводитъ къ заключенію, что дѣятельность земскихъ начальниковъ объемлетъ жизнь деревни во всѣхъ ея моментахъ, что центръ тяжести учрежденія земскихъ начальниковъ лежитъ не въ отправленіи правосудія, а именно въ области администраціи. На дѣлѣ у насъ земскіе начальники ограничиваются разборомъ судебныхъ дѣлъ, почти не выѣзжая въ область администраціи. Новая практика ввела тѣмъ не менѣе административные приемы въ залу суда, примѣнила ихъ тамъ, гдѣ имъ вовсе не мѣсто. Человѣка, привыкшаго къ торжественной обстановкѣ засѣданій окружныхъ судовъ, къ вѣжливости, царствующей тамъ, невольно поражаетъ тонъ, господствующій въ камерѣ земскаго начальника. Такъ, прежде всего, непріятно бьетъ по нервамъ обращеніе на „ты“; еще хуже дѣйствуютъ постоянные окрики вродѣ: „куда, дуракъ, лѣзешь“, „чего зѣвашь—здѣсь не собачья конура“ и т. п.

А между тѣмъ здѣсь, на днѣ жизни, болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, необходимо одинаковый, для всѣхъ правый и милостивый судъ, потому что мужикъ совершенно беззащитенъ отъ посягательства сильныхъ на его права и интересы. Ругань, которой обсыпаютъ его и баринъ, и приказчикъ, и урядникъ, и всякое лицо, власть имущее, совершенно притупляетъ въ немъ чувство собственнаго достоинства, но жаловаться на эту брань и тычки ему затруднительно и очень неудобно: помѣщикъ въ наказаніе за жалобу (грубость) можетъ не дать ему на слѣдующій годъ ни клочка земли въ аренду, приказчикъ попроситъ заступничества у помѣщика, урядникъ есть начальство, которое „все можетъ“, и т. д. Вотъ потому-то необходимо въ деревнѣ хорошій судъ, безпристрастный и скорый, необходимъ и извѣстный строгій надзоръ за тѣмъ, чтобы дѣйствія всѣхъ мѣстныхъ органовъ власти были законѣрны. Что касается жалобъ на помѣщика, то здѣсь никакой судъ, конечно, не поможетъ: экономическая зависимость крестьянина отъ землевладѣльца (вспомнимъ аренду) служитъ условіемъ, сдерживающимъ появленіе такихъ жалобъ въ большемъ числѣ. Но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ хорошій судъ и надзоръ за мѣстными органами несомнѣнно выве-

детъ деревню изъ безправія, въ которой она пребываетъ. Это слишкомъ элементарная истина для того, чтобы нужно было много говорить о ней.

Сквернословіе, свобода „рукоприкладства“ забиваютъ мужика и портятъ его характеръ, развивая въ немъ глубокое недоверіе къ „пану“ и „начальству“. Благодаря этому нашъ мужикъ никогда не говоритъ съ „баринномъ“ или „начальствомъ“ просто, искренно и правдиво: его всегда гнететъ мысль, высказанная еще однимъ изъ приспомянутыхъ героевъ „Ревизора“: „Нѣтъ ли здѣсь измѣны?“ На словахъ онъ будетъ раболѣпствовать передъ вами, поддакивать, соглашаться, но никогда не сдѣлаетъ того, что вы ему совѣтуете, хотя бы совѣтъ вашъ былъ дѣйствительно полезенъ и вызванъ участіемъ къ крестьянину и его судьбѣ. Иной разъ помѣщикъ, изъ интеллигентныхъ, разумѣется, возьмется говорить передъ „міромъ“ о необходимости выстроить школу или купить на общій счетъ молотилку и т. п. Напрасно: Васька слушаетъ да ѣсть, и единственный отвѣтъ Васьки на всѣ ваши совѣты и убѣжденія такой: „Воно дуже хорошо, тильки оно намъ не подходитъ“. Почему „не подходитъ“? Потому что „міръ“ искренно убѣжденъ, что вы говорили о школѣ или молотилкѣ въ вашихъ интересахъ, что тутъ есть какой-нибудь подвохъ. Приучили ли мужика къ такой мысли отцы и дѣды, самъ ли онъ опытомъ дошелъ до нея—не знаемъ. Фактъ тотъ, что у мужика нѣтъ вѣры ни къ барину, ни къ начальству: онъ ихъ боится, и только.

Что касается взаимныхъ отношеній крестьянъ и помѣщика, то деревня наша представляетъ собою два враждующихъ лагеря: въ одномъ—баринъ, въ другомъ—мужикъ. По наружности все обстоитъ благополучно: „вы наши отцы, а мы ваши дѣти“. Но если всмотрѣться въ жизнь деревни пристальнѣе, то нетрудно подмѣтить, что „баринъ“ и „міръ“ ведутъ самую ожесточенную борьбу: „міръ“ норовитъ захватить кусокъ барскаго поля, вырубить въ лѣсу два, три дерева, стащить клокъ соломы или сѣна, унести господское ведро отъ колодца, выгнать на барское поле свою скотину, накосить барской травы и т. д. Криминальныя происшествія этого рода безчисленны,—они-то и породили извѣстную формулу: „мужикъ—воръ“. Если подвергнуть всѣ эти преступленія, или преступки, маленькому юридическому анализу, то оказывается, что они совершаются при такихъ условіяхъ, которыя близко подходятъ къ юридическому понятію „крайней необходимости“. Доказать эту крайнюю необходимость на судѣ довольно трудно, почти невозможно, и поэтому мужикъ-воръ несетъ заслуженное наказаніе. Мы готовы согласиться, что въ этомъ случаѣ, т. е., обвиня мужиковъ въ воровствѣ и преслѣдуя ихъ судомъ, помѣщикъ со своей точки зрѣнія правъ: если бы не ограждать себя отъ криминальныхъ дѣяній, то „міръ“ растащилъ бы всю господскую солому и вырубилъ бы весь лѣсъ. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что склонность къ воровству есть прирожденное свойство нашего мужика (какъ объ этомъ твердятъ у насъ).

Теперь скажемъ о тактикѣ помѣщика. Его тактика будетъ, пожалуй, похитрѣе, нежели мірская. Въ темную ночь, когда преимущественно и происходятъ криминальныя событія, взводъ приказчиковъ и рабочихъ съ нагайками и дре-

колье въ рукахъ ѣдетъ въ поле или въ лѣсъ для ловли пасущихъ и рубящихъ мірянъ. Скотъ, пойманный на барскомъ полѣ, арестуется и съ триумфомъ отводится въ усадьбу; мірянину достается нѣсколько зуботычинъ и затѣмъ объявляется, что скотъ до тѣхъ поръ не будетъ выпущенъ, пока онъ, мірянинъ, не внесетъ помѣщику въ видѣ выкупа известной суммы, всегда довольно солидной. Мірянину ничего не остается, какъ принести требуемыя деньги, хотя бы занявъ ихъ подъ тройные проценты у мѣстнаго Кята. Пожаловаться на самоуправство и оскорбленіе дѣйствіемъ мужику и въ голову не придетъ, потому что какъ-никакъ, а онъ чувствуетъ себя виноватымъ. Точно такъ же поступаетъ и съ самовольными порубщиками, причѣмъ ихъ поколачиваютъ гораздо чувствительнѣе, нежели самовольно пасущихъ скотъ,—вѣроятно, въ виду большаго ущерба. А на слѣдующее утро помѣщикъ берется за перо и пишетъ безчисленныя жалобы по начальству. Замѣчательно, что во всѣхъ дѣлахъ, въ которыхъ сторонами являются мужикъ и помѣщикъ, обвинителемъ или истцомъ всегда выступаетъ послѣдній. Между тѣмъ и со стороны помѣщика бываетъ много правонарушеній... Но мы уже выясняли причины, по которымъ мужикъ рѣдко идетъ въ судъ съ жалобой на помѣщика. Здѣсь мы должны добавить, что, въ случаѣ обиды дѣйствіемъ, мірянинъ все-таки принимаетъ на этотъ счетъ нѣкоторыя особыя мѣры: призываетъ знахарку, а та выкапываетъ какой-то „собачій слѣдъ“ или шепчетъ на уголькахъ съ цѣлью напустить болѣзнь на барина. „Средствіе“ помогаетъ, конечно, мало... и жизнь течетъ попрежнему.

Но и отношенія крестьянъ между собою носятъ далеко не идиллическій характеръ: здѣсь происходитъ та же война, что и съ помѣщикомъ, только въ меньшихъ размѣрахъ. Иванъ норовитъ стащить сѣно у Петра, Петръ дрова у Семена, и каждый, кто имѣетъ мало, у того, кто имѣетъ больше. Самая ничтожная причина достаточна для того, чтобы поднять брань, ссоры, драку. Стащить ли кошка чужого цыпленка, выдернуть ли ребятшки палку изъ сосѣдскаго шлетня,—этого довольно для того, чтобы возбудить цѣлое дѣло. Насколько неохотно судится мужикъ съ помѣщикомъ, настолько же любятъ онъ тяжбу со своими однодеревенцами. Этотъ сутяжническій духъ развиваетъ и поддерживаетъ въ населеніи особое сословіе деревенскихъ юристовъ, вербующееся изъ выгнанныхъ со службы писарей и тому подобнаго люда. Юристы эти—сущее зло деревни: они подбиваютъ мужика на совершенно невозможные и бесполезные процессы, судя ему чуть не золотыя горы. Стоять только, по мнѣнію адвоката, „подвести такую статью“ да поговорить, какъ слѣдуетъ, съ гг. волостными судьями,—и отвѣтчика ушлютъ туда, куда и Макарь телятъ не гонялъ, а имущество его цѣликомъ отдадутъ истцу—и надѣлъ, и скотъ, и избу. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что безграмотный мужикъ убѣжденъ, что все зависитъ отъ того, какъ „подвести статью“. Ошеломленный обѣщаніями адвоката и его глубокими познаніями въ области права, мужикъ слѣпо довѣряетъ ему и благодарить, чѣмъ только можетъ: дѣвьями, саломъ, пшеномъ, яйцами и пр. Если процессъ проигрывается, адвокатъ и тутъ не унываетъ: онъ объясняетъ проигрышъ дѣла результатомъ подвоховъ отвѣтчика и смаредностью пестца, который жалѣлъ

денегъ на расходы, и такимъ образомъ сохраняетъ довѣріе кліента на будущее время.

Въ нашей деревнѣ, какъ и въ каждой другой, есть свои богачи и свои бѣдняки. Проще всего будетъ сказать, что богатство „хозяйственныхъ мужичковъ“ нашей губерніи добыто путемъ кулачества и всяческаго объегориванья своихъ однопоселенцевъ. Если у мужика нѣтъ хлѣба, если у него пала лошадь и ему нужно раздобыть деньги на покупку.—мѣстный богачъ ссудитъ ему и то и другое: хлѣбъ съ условіемъ отработать лѣтомъ во время жатвы, деньги подъ лихвенные проценты. Намъ извѣстны случаи, когда крестьянинъ платилъ богатѣю 10 копеекъ въ недѣлю за занятыя на мѣсяць три рубля. Это составляетъ 40%. Если мужикъ не можетъ уплатить долга въ срокъ,—богатѣй охотно согласится подождать, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы должникъ платилъ, положимъ, не 10, а 15 копеекъ въ недѣлю. До полного разоренія богатѣй никогда не доводить мужика: нѣтъ, ему гораздо выгоднѣе сохранить себѣ почти даровую рабочую силу и тянуть деньги понемножку. При такихъ условіяхъ отношенія крестьянъ къ богатѣямъ носятъ ожесточенный характеръ. Мужикъ всегда старается напакостить деревенскому кrezу: запустить въ огородъ свинью, или лошадь въ хлѣбъ и т. п. Въ свою очередь и богатѣй не остается въ долгу: если онъ поймаетъ чужую лошадь у себя на полѣ, то прежде всего отколотитъ ее немилосердно, а затѣмъ арестуетъ и сдеретъ съ виновника штрафъ втрое большій, чѣмъ это сдѣлаетъ помѣщикъ. Богатѣй ведетъ постоянную дружбу съ деревенскими властями и благодаря этому выходитъ сухъ изъ воды тамъ, гдѣ бѣдняку „влетаетъ“. И самъ помѣщикъ обращается съ „хозяйственнымъ“ мужичкомъ гораздо лучше, нежели съ бѣднымъ. Это понятно, потому что богатый ссужаетъ иной разъ и самого помѣщика деньгами, а во-вторыхъ, не находится отъ него ни въ какой зависимости: на работу не выходитъ, хлѣба и лѣса не занимаетъ и является даже выгоднымъ арендаторомъ, нанимая сразу 40—50 десятинъ земли. Сельскія власти и богачи составляютъ, если такъ можно выразиться, консервативный элементъ деревни и съ радостью привѣтствуютъ всякую мѣру, направленную къ подтягиванію „нехозяйственныхъ“. Возрѣніе это вытекаетъ изъ того привилегированнаго положенія, какое занимаютъ въ деревнѣ власти и богачи, и оправдывается—съ ихъ точки зрѣнія—тѣми напостями, какія на каждомъ шагу чинитъ имъ „міръ“ въ лицѣ „нехозяйственныхъ“. На этой почвѣ развивается вражда и озлобленіе двухъ деревенскихъ лагерей и тянется безконечная „война“... Что же касается наружныхъ, такъ сказать, отношеній, то здѣсь вся деревня соблюдаетъ самую строгую „политику“: мужички вѣжливо раскланиваются другъ съ другомъ и мирно калякаютъ о своихъ нуждахъ и дѣлахъ житейскихъ. Словомъ, по наружности и тутъ „все обстоитъ благополучно“.

Таковъ юридическій бытъ нашей деревни, если только подобныя отношенія можно назвать юридическими: слишкомъ ужъ много произвола, беззаконія, темноты, незнанія и непониманія ни своихъ правъ, ни своихъ обязанностей.

IV.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о духовной жизни нашей деревни, объ ея радостяхъ, развлеченіяхъ, объ ея развитіи. Нужно замѣтить, что населеніе Херсонской губерніи сплошь пришлое, чрезвычайно разнокалиберное по своему составу: вы встрѣтите у насъ и чистокровнаго хохла, и великоросса-раскольника, и потомка украинскихъ гайдамаковъ. Элементъ безпокойный, не могшій ужиться у себя на родинѣ, то и дѣло бѣжалъ сюда въ екатерининскіе времена; сюда же уходили изъ всякихъ губерній крѣпостные, тѣсняемые своими господами, сюда же и помѣщики переселяли крестьянъ. Каждый изъ бѣжавшихъ, каждый изъ переселявшихся или переселенныхъ приносилъ съ собою нравы и обычаи своей мѣстности, преданія своихъ отцовъ и дѣдовъ, весь строй жизни своей родины. Изъ такого разнообразія, естественно, не могло выработаться пѣльнаго, самобытнаго, общаго всѣмъ міросозерцанія: преданія и обычаи, имѣвшіе примѣненіе лишь въ тѣсномъ кругу семьи или нѣсколькихъ семей, мало-по-малу вымирали; пѣсни, игры, обряды, пословицы выходили изъ употребленія. Путемъ браковъ выработался особый типъ населенія—не то хохолъ, не то великороссъ; выработалось и особое нарѣчіе—смѣсь малорусскаго съ великорусскимъ. Будучи недавнимъ жителемъ Новороссіи, херсонскій мужикъ является человѣкомъ „безъ вчерашняго дня“. Своего прошлаго онъ не знаетъ, поскольку, конечно, такое знаніе доступно крестьянину путемъ преданія, а своего теперешняго, если такъ можно выразиться, онъ не сумѣлъ, или, быть можетъ, не успѣлъ выработать. Разнокалиберностью населенія объясняется и отсутствіе здѣсь обычнаго права, какихъ-либо общепринятыхъ обрядовъ при заключеніи сдѣлокъ, при свадьбахъ, при похоронахъ. Точно также область легендъ, повѣрій крайне скудна: лѣшіе, русалки, домовые не населяютъ фантазіи нашего мужика; бандуристь, брэнчащій „пѣсни гетмана“, никогда не заходитъ къ намъ въ деревню; у насъ нѣтъ ни былинъ, ни пѣсней, которыя распѣваются на сѣверѣ, нѣтъ игръ и хороводовъ, которыми забавляются парни и дѣвушки въ Малороссіи... Однообразно, сѣро и скучно тянется жизнь крестьянина, заброшеннаго въ глуши степей, вдали отъ всякаго цивилизующаго центра. Условія жизни не развили въ мужикѣ фантазіи, уничтожили дѣйствіе обычая и преданія; почва, когда-то чрезвычайно плодородная, прокармливала мужика, не требуя почти никакихъ трудовъ и затратъ съ его стороны, а это въ свою очередь повело къ притупленію энергій и стойкости въ работѣ; отсутствіе промышленности, всякаго сообщенія съ людьми остановило въ немъ естественную пытливость ума и желаніе узнать что-либо о томъ, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, чѣмъ и какъ живетъ бѣлый свѣтъ... Благодаря этому умственный кругозоръ крестьянина узокъ и тѣсенъ: его любопытство не простирается дальше межъ его Ивановки или Петровки. Наиболѣе развитые, наиболѣе очеловѣчившіеся крестьяне прекрасно сознаютъ это, и намъ не разъ случалось слышать ихъ убійственно-проницательное сужденіе о своихъ односельчанахъ. „У насъ народъ тихій, покойный—дальше, чѣмъ за пять верстъ, отъ своей слободы и отъѣхать боится“,—съ усмѣшкой говорилъ мнѣ

одинъ молодой парень, по ремеслу плотникъ, котораго отецъ не хотѣлъ отпустить въ Одессу на заработки. И это совершенная правда: народъ у насъ темный, дикій, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было. Единая всеобъемлющая потребность крестьянина—это „шкаликъ“, уносящій его изъ міра тяжелой, неприглядной мужицкой дѣйствительности въ міръ фантазій и мечтаній,—какихъ?—Богъ его знаетъ.

Да, скудна и сѣра жлзнь нашей деревни. Посмотримъ же, чѣмъ развлекается мужикъ, чѣмъ живетъ онъ въ немногіе свободные отъ работы часы. Въ будніе дни ни о какихъ развлеченияхъ не можетъ быть и рѣчи: проработавши 15—17 часовъ, человекъ думаетъ только о томъ, какъ бы заснуть. Но эта тяжелая и безпрестанная работа, естественно, вызываетъ въ мужикѣ желаніе отдыха, и поэтому-то, думается намъ, наша деревня такъ щедра на праздники. У насъ празднуютъ и „всѣхъ святыхъ“, и „Кирика -Улты“, и какого-то „Прокотія“ и т. п. Никакія наставленія не въ состояніи сократить этого огромнаго количества праздниковъ. Это вполне понятно: въ извѣстные дни мужикъ не работаетъ отнюдь не изъ религиозныхъ побужденій (это блестяще подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ доморощенные праздники никто и въ церковь не идетъ), а просто изъ желанія отдохнуть. Часто бываетъ такъ: деревенскій грамотей вычитаетъ гдѣ-нибудь, что вотъ „завтра“ праздникъ, и объявить объ этомъ односельчанамъ. „Завтра“ уже никто изъ Ивановки не идетъ на работу, тогда какъ въ Петровкѣ, отстоящей отъ Ивановки въ пяти верстахъ, работа въ полномъ разгарѣ. Съ другой стороны, послѣ-завтра празднуетъ Петровка, и работаетъ Ивановка. Это повторяется сплошь да рядомъ. Въ такіе праздники пожилые люди—бабы и мужики—предаются сну въ теченіе цѣлаго дня (вѣдь это же вся цѣль праздника), оставивши скотъ и вообще хозяйство на попеченіе малолѣтокъ. Парни собираются гдѣ-нибудь на лужайкѣ и, покуривая „цыгарки“, разсказываютъ о томъ, какъ у Никона украли корову, какъ староста „здорово“ поколотилъ Кузьму и т. д. Дѣвушки усаживаются гдѣ-нибудь возлѣ хаты, либо идутъ въ поле и распѣваютъ пѣсни... не поэтическія пѣсни Малороссіи, а „городскія“, случайно воспринятыя, вродѣ:

„Возлѣ церкви стояли кареты
И народу страсть много було,
Невѣста була разодѣта
Въ платѣ и въ желтомъ пальтѣ“.

Вечеромъ взрослое, пожилое населеніе собирается въ кучки и „калякаетъ“ о цѣнахъ на хлѣбъ, объ урожаѣ и о прочихъ матеріяхъ, неотступно долбящихъ мозгъ мужика, а молодые парни отираются въ чью-нибудь избу и начинаютъ играть въ карты.

За послѣднее время карты, какъ развлечение, все больше и больше пропикаютъ въ деревню: играютъ въ „три лстика“, въ какую-то „подкаретную“ и пр. Играютъ преимущественно молодые парни и притомъ азартно, на деньги, иногда цѣлую ночь напролетъ. Кто проиграетъ полученныя за работу деньги, идетъ закладывать деревенскому ростовщику свой полушубокъ, либо беретъ у отца гарнецъ пшеницы, мѣшокъ соломы и продаетъ ихъ тому же ростовщику. Иные

проигрываются до послѣдней нитки. Колотушки и брань отцовъ помогаютъ мало, потому что игроками являются взрослые парни дѣтъ 20—25. Карты, послѣдшія пѣсни да сапоги бутылками—вотъ все, что до сихъ поръ заимствовало отъ „цивилизаціи“ молодое деревенское поколѣніе...

Въ прочіе праздничные дни, „настоящіе“ праздники, какъ ихъ у насъ называютъ, крестьянннѣ, по выходѣ изъ церкви, всей семьей отправляется на базаръ. (Такіе базары еженедѣльно устраиваются у насъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ мѣстечкахъ и пр.). Дома остаются немощные старики да грудные младенцы. Базаръ для мужика—это все равно, что клубъ для провинціального интеллигента. Сюда прѣзжаетъ фруктовщикъ съ грушами, яблоками, вишнями, огородникъ съ арбузами, дынями и всякими овощами, торговецъ мануфактурными товарами; сюда съгоняется рогатый скотъ, овцы, свиньи, лошади; здѣсь же толчется еврей-„купецъ“, весь годовой оборотъ котораго равняется 100 рублямъ, помѣщикъ, обладатель 20 десятинъ, какой-нибудь заѣзжій фельдшеръ, врачующій недугующихъ ивановцевъ кровесосными банками, и т. п. людъ. Все это галдитъ, торгуется и, какъ водится, бранится. Ивановцы или петровцы ѣдутъ на базаръ не за покупками, не по неотложному дѣлу, а просто съ цѣлью развлеченья—людей посмотреть и себя показать, ибо при тѣхъ ограниченныхъ потребностяхъ, какія есть у нашихъ крестьянъ, имъ вовсе незачѣмъ ѣздить на базаръ каждую недѣлю. Возможность услышать какую-нибудь сплетню, желаніе поглазѣть на товары, поторговаться, покричать, потолкаться среди съѣхавшейся публики, а больше всего потребность выпить въ пріятномъ обществѣ—вотъ что гонитъ на базаръ мужика. Есть здѣсь, конечно, люди, дѣйствительно прѣхавшіе по дѣлу, но они составляютъ ничтожное меньшинство. Остальныхъ привлекло сюда желаніе хоть кое-какъ убить время, позабыться отъ работы и деревенскихъ дрязгъ. Поторговавшись часа три, кое-кто купитъ себѣ ведро либо кося, кое-кто продастъ поросенка или бычка, а затѣмъ начинается „спрыскиванье“ покунки. Контрагенты, захвативши бутылку „монопольки“, присаживаются вмѣстѣ со своими домохадцами у воза и начинаютъ угощать другъ друга; угощенье длится нѣсколько часовъ; пропиваются не только деньги, вырученныя отъ продажи поросенка, но и тѣ, которыя были привезены изъ дому. Нанпившись до безобразія, общество садится на возъ и отправляется домой, чтобы завтра, крихти и ругаясь послѣ похмѣлья, взяться опять за работу. Въ слѣдующій базарный день повторяется та же исторія: покунка, продажа, выинивка, а завтра ... опять работа.

Semper idem.

Теперь перейдемъ къ школѣ и ея вліянію на бытъ населенія. У насъ есть школы земскія и церковно-приходскія. Существуютъ онѣ не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности. Въ нихъ обучаютъ закону Божію, чтенію, письму и арифметикѣ. И тѣмъ не менѣе мы позволяемъ себѣ утверждать, какъ бы парадоксально ни казалось такое утверженіе, что наши деревни поголовно безграмотны, что вліяніе школы сводится почти къ нулю. Называть деревенское чтеніе и писаніе просвѣщеніемъ—это все равно, что называть сиропомъ напитокъ, приготовленный изъ ложки сахару и сорока ведеръ воды. Цифры, ежегодно печат-

таемая въ отчетахъ, не убѣдять насъ въ противномъ. Что изъ того, что ежегодно школы оканчивается 100, 200, 300 душъ, если черезъ два, три года ученики совершенно забываютъ все, чему ихъ учили? *Рецидивъ безграмотности*— вотъ главнѣйшій спутникъ просвѣщенія въ деревнѣ, а такой рецидивъ неизбежно проявляется у насъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Причины тому очень простыя: мужику нечего читать, такъ какъ всѣ книги, которыя являлись въ школьной библиотекѣ, прочтены имъ въ бытность его ученикомъ. Земство дѣлаетъ все, что можетъ, и если у насъ попадаются *единичныя личности* грамотныя и развитыя, то это всецѣло заслуга земской школы. Но у земства нѣтъ средствъ учредить библиотеку въ *каждой* деревушкѣ, а широкое распространеніе грамотности возможно только при этомъ послѣднемъ условіи. Самъ же мужикъ книгъ не покупаетъ и не будетъ покупать, опять-таки за весьма рѣдкими исключеніями, потому что расходъ на книгу онъ считаетъ совершенно непроеводительнымъ. Истратить 1—2 рубля на покупку книги—слишкомъ большая жертва для мужика, а человекъ рѣшается на извѣстную жертву только тогда, когда цѣль, ради достиженія которой необходима жертва, полезна либо увлекательна и заманчива для даннаго субъекта. Но мужикъ нашъ не знаетъ еще наслажденія, доставляемаго чтеніемъ: для него оно роскошь, не больше, прихоть, которая съ успѣхомъ можетъ остаться безъ удовлетворенія. Не будемъ черезчуръ строго осуждать мужика: припомнимъ, что и нашъ образованный классъ въ лицѣ многихъ и многихъ своихъ представителей безобразно скушъ на покупку книгъ, на выписку газетъ и журналовъ. Далѣе, въ будніе дни у мужика нѣтъ времени читать: онъ занятъ отъ восхода и до захода солнца; въ праздникъ же онъ либо ѣдетъ на базаръ, либо спитъ, либо пьянствуетъ. А такъ какъ наслажденіе, доставляемое водкой, мужикъ еще споконъ вѣка повялъ и оцѣнилъ, то не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что онъ именно выберетъ въ свободное время: книгу или кабакъ? Особой любви къ просвѣщенію крестьяне наши не питаютъ: напротивъ, старики и вообще люди пожилые, какъ бѣдные, такъ и богатые, относятся къ нему довольно враждебно. Такъ, напр., многіе деревенскіе богатыи упорно не хотятъ посылать своихъ дѣтей въ школу: „Чего имъ туда ходить,—говорятъ они:—чтобы они панами (барями) сдѣлались? Намъ нужно работника а не пана“. Такой взглядъ объясняется тѣмъ, что всѣ наиболѣе способные, побывавъ въ школѣ, стремятся уйти изъ деревни въ городъ: кто пристраивается на фабрику, кто поступаетъ въ кучера, въ дворники и т. д. Словомъ, всякій крестьянинъ, мало-мальски возвысившійся умственно надъ своими однопородными, торопится возможно скорѣе покинуть родныя палестины. А для деревенскаго богача, у котораго есть и скоть, и поле, и хлѣбъ въ достаточномъ количествѣ, крайне невыгодно терять работника. Уйдетъ одинъ сынъ, уйдетъ другой—и богатство, накопленное годами труда, продѣлокъ надъ своими сосѣдями и всяческихъ ухищреній, рискуетъ пойти прахомъ. Что же касается бѣдняковъ, то и имъ такъ же, если не въ большей мѣрѣ, нуженъ свой работникъ. Такииъ образомъ, крестьянинъ не видитъ никакой пользы въ томъ, чтобы его сынъ ходилъ въ школу: мальчикъ, побывши въ школѣ 1—2 года, либо забудетъ

очень скоро все, чему его учили, либо, въ лучшемъ случаѣ, удереть изъ деревни. И то, и другое одинаково бесполезно для домохозяина.

Не всё, конечно, крестьяне являются противниками образованія: напротивъ, отдѣльныя личности (въ семьѣ не безъ уroda) вполне сознають необходимость его и часто ропщутъ на свою темноту: „Копашься, копашься, какъ червякъ въ землѣ, и всю изнь такъ“,—говорятъ они. „Темный у насъ народъ, все равно, какъ звѣрь: ни ступить, ни словъ сказать не умѣетъ, ни за себя погонять“. „Хорошо, паньчамъ, которые люди ученые; все знаютъ: какъ, гдѣ, что; какія земля есть, какъ тамъ люди живутъ, а мы—извѣстно, темнота“.

Наша статья закончена. Здѣсь мы попробуемъ только вкратцѣ резюмировать все, нами сказанное. Херсонская деревня, по нашему мнѣнiю, падаетъ съ каждымъ годомъ. Ея упадокъ обуславливается дробленiемъ крестьянскаго хозяйства, истощенiемъ почвы и постоянными неурожаями, какъ частичнымъ слѣдствiемъ этого истощенiя. Возстановить само себя *in integrum* крестьянство, очевидно, безсильно: бѣдность и темнота деревни для этого являются несокрушимымъ препятствiемъ.

Я. К. Яковлевъ.

Провинціальныя картинки.

„Столпы“ уѣзднаго общества. — Неустанный городской голова. — О „хорошемъ либеральномъ тонѣ“. — Зарайскіе земцы и ихъ благоразуміе. — „Махмудкины дѣти“. — Изъ жизни незамѣтныхъ земскихъ тружениковъ. — Охрана школьниковъ отъ библиотекъ, книгъ и лекцій. — Нѣсколько словъ къ инциденту въ „лощинѣ межъ горъ“.

Если въ губернскомъ городѣ городской голова—персона не маловажная и не теряется между многочисленными тамъ дѣйствительными статскими совѣтниками и генералами, то въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ высшимъ административнымъ лицомъ отъ правительства является исправникъ, а изъ военныхъ—воинскій начальникъ (оба не выше полковниковъ), городской голова стоитъ на первомъ мѣстѣ, во всякомъ случаѣ—рядомъ съ исправникомъ и воинскимъ начальникомъ, изображая вѣстѣ съ ними три „столпа общества“... Если эти столпы живутъ въ мирѣ и согласіи, причемъ исправникъ попадетъ изъ людей пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, городокъ принимаетъ довольно игривый характеръ. Всѣ трое „содѣйствуютъ“ другъ другу: голова—исправнику, исправникъ—головѣ, оба они—воинскому начальнику, а тотъ—имъ... Мѣстный клубъ процвѣтаетъ, торговля—тоже, и всѣ довольны... Захочется исправнику устроить скверъ противъ своего дома, стоитъ похлопать градскаго голову по колѣнкѣ и сказать:

— А хорошо бы, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, садикъ тутъ устроить!

— Это можно!.. Пустяки!..

И вырастетъ садикъ.

Захочется головѣ выжить „собственнаго корреспондента“,—стоитъ только поговѣтоваться съ исправникомъ, и тотъ успокоитъ:

— Я приму мѣры!..

И корреспондентин не появляются.

Когда придетъ время „выборовъ“, исправникъ сильно поддержитъ товарища, но если между столпами пробѣжала черная кошка, исправникъ покажетъ, что и онъ кое-что значитъ въ городѣ, и что съ нимъ нельзя „фердыбачить“. Зато, если съ исправникомъ стрясется какая-нибудь бѣда, поступить, наприѣрѣ, кака-нибудь жалоба отъ горожанъ или просто доносъ къ губернатору, голова сумѣетъ внушить горожанамъ, что ссориться съ исправникомъ не слѣдуетъ,—и производство негласнаго дознанія докажетъ, что исправникъ оклеветанъ по злобѣ, а что въ дѣйствительности едва ли есть гдѣ-нибудь лучшій исправникъ...

— Когда же бываетъ лучше горожанамъ, обывателямъ?—спросить читатель
— Въ обоихъ случаяхъ „недурно“... Вотъ вамъ „картинка“, которая послужитъ иллюстраціей къ положенію вещей...

Жилъ-былъ въ г. С. купецъ-мукомоль Семипаловъ. Хорошій купецъ! Мололъ онъ себѣ рожь и пшеницу и наполнялъ житницы свои. Жилъ онъ побарски, правильно и смирно, носилъ бороду лопатой, грамоту зналъ не Богъ вѣсть какъ, но все-таки расписаться могъ безъ особыхъ затрудненій, а цифирь зналъ хуже ученыхъ. Проживъ много лѣтъ въ уединеніи, Семипаловъ сталъ задумываться:

— Мелю, мелю, а что же дальше?.. Неужто такъ всю жизнь возля своей мельницы и пребуду?!

Какъ разъ въ это время исправникъ повздорилъ съ головою, а приближались выборы. И вдругъ Семипалову пришла въ голову мысль: „а что кабы въ головы попасть!“ Исправникъ былъ такъ сердитъ на стараго голову, что одобрилъ мысль купца Семипалова.

— Баллотируйся! Чего тутъ!.. Поддержу!..

— А что касательно письменности?..

— Читаешь?

— Читаю бойко, а вотъ касательно письменности...

— Пустяки! Головѣ только подписываться приходится... Неужели ему еще писать самому!.. Все будетъ написано, даже „градской голова“; останется только фамилію наковырять...

На выборахъ Семипаловъ получилъ однимъ бѣлымъ шаромъ больше и такимъ образомъ попалъ въ столпы. Сильную онъ жажду имѣлъ poradѣть родному городу, да сподручный народъ больно ужъ жуликовать былъ. Чортъ ихъ знаетъ, что напишутъ да принесутъ, а Семипаловъ не разберетъ да и одобрить своимъ рукоприкладствомъ.

И сталъ Семипаловъ сомнѣваться.

— Ты мнѣ какую это бумагу подписывать даешь? Можетъ, тутъ написано, что я тебѣ долженъ тысячу рублей?..

И нашелся какой-то озорникъ писарь: не желая служить, онъ написалъ бумагу: „Имѣю честь заявить городу, что я совсѣмъ не гожусь въ городскіе оловы, что и удостоверяю своей подписью“, а Семипаловъ и вывелъ подъ ней свою фамилію. Потомъ эту бумагу таскали по городу, и всѣ смѣялись. Обидно было купцу Семипалову и, не дождавши своего трехлѣтія, онъ поблагодарилъ гласныхъ за довѣріе, поклонился на всѣ 4 стороны и удалился на мельницу... Городъ остался безъ головы, но все шло своимъ порядкомъ, словно ничего не случилось, и только въ бумагахъ, гдѣ было написано „градской голова“, появилось зигзагомъ „За“ и новая фамилія...

Но прежній покой къ Семипалову уже не возвращался. Только молоть ему было скучно,—онъ привыкъ уже къ обществу, къ властямъ, къ почету,—и часто подъ грохотъ мельничныхъ жернововъ и шестерней думалъ о своемъ позорѣ... Потомъ онъ уѣхалъ въ губернской городъ, чтобы развлечься, позабыть срамъ, и

это ему удалось. Спустя два мѣсяца купецъ Семипаловъ прѣѣхалъ въ С. въ коляскѣ съ молодой женой. Самъ былъ въ цилиндрѣ, а жена подъ ажурнымъ шелковымъ зонтикомъ. Всѣ такъ и ахнули...

— Почище самой исправницы будетъ!—толковали въ городѣ про супругу Семипалова.—По-французски такъ и жарить!..

И дѣйствительно, супруга Семипалова оказалось женщиной образованной, воспитанной, а главное—со связями въ губерніи. И исправникъ, и воинскій начальникъ, и вся аристократія С. искали случая поближе познакомиться съ семействомъ Семипалова. Тамъ—музыка, пѣніе, крокетъ, верховая ѣзда...

— Зачѣмъ ты отказался?—невольно говорила жена Семипалова, и всѣ, и исправникъ, и воинской начальникъ и ихъ жены въ одинъ голосъ упрекали купца Семипалова:

— Непростительно! Да кто же у насъ достойнѣе?!

— Писарь подвелъ...

— Съ кѣмъ не случается? Съ кѣмъ?—горячился исправникъ и разсказалъ случай:

— Вы знаете, какъ производятся въ губерніи розыски лицъ, лошадей и т. д.? Изъ губерніи разсылаются исправникамъ бланки съ надписью на одной сторонѣ кто или что разыскивается. Мы разсылаемъ эти бланки становымъ, а тѣ поручаютъ урядникамъ. Затѣмъ становые на оборотѣ бланковъ пишутъ результаты розысковъ. Такъ вотъ, одинъ изъ моихъ становыхъ и отличился: разыскивалось какая-то женщина, а онъ на оборотѣ подписалъ, что по розыскамъ въ вѣренномъ мнѣ станѣ означенной здѣсь кобылы сивой масти не оказалось...

Всѣ смѣялись и говорили, что дѣйствительно со всѣми случается въ жизни много курьезнаго. Жена Семипалова заговорила съ исправникомъ вполголоса по-французски, но тотъ извинился:

— Когда-то говорилъ, прекрасно говорилъ... Но теперь нѣтъ практики, здѣсь не съ кѣмъ... Приходится и по-русски-то говорить въ возможности фигуральнѣе!..

Приближались выборы. Семипаловъ не думалъ больше служить по выборамъ, но жена его такъ волновалась, словно дѣло шло объ ея собственномъ выборѣ. Она ѣздила въ губернскій городъ: тамъ ей обѣщали, но дали понять, что нное зависитъ и отъ мѣстныхъ властей. Она обрушилась на исправника и исправницу, на волнскаго начальника и его супругу, еще кое-кого интервьюировала и, въ концѣ концовъ, успокоилась:

— Ты будешь головой!—настойчиво твердила она Семипалову, а когда тотъ вспоминалъ про писаря, то успокаивала:

— Пустяки! со всѣми случается...

Настали выборы. Выбрали одного и послали на утверженіе въ губернію. Не одобрили тамъ избраннаго. Выбрали другого — опять не одобрили. Выбрали третьяго—тоже не одобрили и назначили отъ себя купца Семипалова.

И опять Семипаловъ сдѣлался головой и началъ подписывать. Пошли года. Городское хозяйство хромало. Огромныя пространства городской земли прибира-

лись ловкими отцами города, огораживались и переходили въ сомнительное владѣніе, оцѣнка городскихъ имуществъ ослабла, доходы городка упали и наступилъ кризисъ. Къ счастью окончился какой-то процессъ города съ казною и послѣдняя вернула городу пригородный лѣсъ, стоившій до 400.000 р. Хозяйство маленько оправилось: вымостили въ С. три улицы. Но скоро опять наступилъ кризисъ: когда зашелъ вопросъ о постройкѣ ремесленного училища, у города не оказалось средствъ.

— А лѣсъ?

— Лѣсъ продали...

— А деньги?..

— Употребили на благоустройство города...

— Какое?

— А мостовыя? а садики?

Горожане не удовольствовались. Они начали говорить, что писарь, отобравшій отъ Семипалова росписку въ своей негодности, былъ умный человѣкъ, и что довольно Семипалову служить...

— Забаллотирuemъ его!

— Прокатимъ на вороныхъ! Не суйся, коли неспособенъ!

Началась предвыборная агитація. Обыватели С. не желали и слышать о Семипаловѣ. Намѣчались новые кандидаты, пошли споры и ссоры... Въ числѣ избирателей возникла мысль предложить Семипалову баллотироваться, а затѣмъ торжественно прокатить его на вороныхъ, но многіе боялись такого смѣлаго шага, ибо не надѣялись на себя...

— А вдругъ опять однимъ шаромъ больше?

Долго обсуждали, какъ поступить, и рѣшили все-таки провалить Семипалова торжественно.

— Этакъ крѣпче будетъ! Всякое желаніе пропадетъ.

Выбрали двухъ гражданъ и отправили посланца къ Семипалову.

— Просимъ васъ, Иванъ Ивановичъ, послужить еще! Просимъ баллотироваться!

Но вышла жена и сказала:

— Онъ усталъ, ему надо отдохнуть! Онъ не желаетъ больше...

— Помилуйте! Васъ всѣ хотятъ.

— Ваня! Поди-ка сюда на минуту, мнѣ тебя надо!—сказала жена, и Семипаловъ, оставивъ пословъ въ гостиной, скрылся.

— Извините: никакъ не могу! И радъ бы, да не могу!—сказалъ Семипаловъ, вернувшись одинъ въ гостиную.

Послы долго его уговаривали, упрашивали, чуть не умоляли, но онъ твердилъ:

— Извините: усталъ, не могу...

„Слава Богу, усталъ!“—думали послы и оповѣстили избирателей, что Семипаловъ отказался отъ баллотировки.

— Усталъ?

— Усталъ...

— И прекрасно!..

— Слава Богу!

Избиратели торжествовали. Но недолго. Выбрали одного и послали на утверждение въ губернію,—забраковали, другого — тоже, и третьяго — тоже, а вмѣстѣ съ самъ опредѣлили отъ себя опять купца Семипалова.

— Да вѣдь вы устали?—спрашиваетъ избиратель.

— Онъ уже отдохнул!—отвѣчаетъ исправникъ.

Нашему журналу бюстители „хорошаго либеральнаго тона“ бросили упрекъ въ травлѣ земства, а такъ какъ мнѣ, какъ бытописателю провинціи, очень часто приходится имѣть дѣло съ нашимъ самоуправленіемъ, а вѣрнѣе, съ людьми, фигурирующими на этомъ поприщѣ, то я считаю своей обязанностью заявить, что поклонникомъ хорошаго либеральнаго тона я не состою и „либеральныхъ приличій“ не раздѣляю. Согласенъ, что бывають въ исторіи моменты, когда приличествуетъ помолчать, но для даннаго времени это не подходитъ. Принципы земскаго и городского самоуправленія утвердились настолько, что во имя ихъ не приходится покрывать неблаговидныхъ поступковъ отдѣльныхъ группъ или личностей, благополучно устроившихся и, какъ крыловская свинья, подрывающихъ этотъ самый принципъ. А, благодаря нѣкоторымъ благопріятнымъ условіямъ, такихъ персонъ пристраивается къ нашему самоуправленію все болѣе... Въ наше реформированное земство налетѣли новыя птицы и заплѣли „новыя пѣсни“... Это ярко сказалось въ послѣднихъ сессіяхъ земскихъ собраній... И эти новыя пѣсни звучать все громче и отчетливѣе, и я не знаю, почему объ этомъ слѣдуетъ молчать? Поклонники хорошаго либеральнаго тона говорятъ, что изобличеніе темныхъ сторонъ современнаго земства даетъ лишній козырь въ руки гг. Грингмутовъ, Мещерскихъ et tuti quanti... А я думаю, что эти господа уже растеряли всѣ свои козыри и что не они дѣлають исторію съ географіей... Вся суть въ томъ, что гг. охранители растерялись и боятся, какъ бы ихъ не смѣшали съ „Моск. В.“ или „Гражданиномъ“... Намъ этого бояться нечего и потому мы отвергаемъ обязательныя правила хорошаго либеральнаго тона... О новыхъ птицахъ въ новомъ земствѣ и о тѣхъ пѣсняхъ, которыя этими птицами поются я и хочу теперь немного побесѣдовать,

Вотъ какъ описываетъ корреспондентъ послѣднее зарайское земское собраніе „Грустно было смотрѣть на эту жалкую пародію прежде бывшаго живого дѣла: ни преній, ни разумныхъ оживляющихъ разсужденій! Ничего, что прежде одухотворяло эти собранія и показывало, что въ нихъ бьется и отзывается пульсъ общественнаго мнѣнія, въ этихъ собраніяхъ не было и признаковъ“.

— Почему же это, позвольте спросить?

— Извольте!

„На сей разъ,—пишетъ корреспондентъ—земское собраніе состояло съ одной стороны изъ управы, ея многочисленныхъ родственниковъ и г. г. земскихъ начальниковъ, а съ другой—изъ нѣсколькихъ старшинъ и крестьянъ, робко поглядывающихъ на своихъ начальниковъ...“

Само собой разумѣется, что ни о какихъ преніяхъ и дебатахъ не можетъ

быть рѣчи въ данномъ случаѣ. И вопросы разрѣшались быстро, гладко, безъ особыхъ мнѣній: 50 докладовъ управы были рѣшены такъ, какъ предлагала управа.

Предсѣдателю управы къ 2.400 р. жалованья постановили единогласно прибавить по 1.200 р. ежегодной награды, а когда въспросъ зашелъ объ увеличеніи школъ и жалованья учителямъ отъ 120—230 р. до 300 р., то этотъ самый предсѣдатель сказалъ отрезвляющее слово:

— Нужды земства велики и всѣ ихъ не удовлетворишь. Всякій новый расходъ неминуемо возвыситъ обложеніе плательщиковъ, а силы ихъ напряжены... Будемъ же благоразумны...

И всѣ земцы стали благоразумны и не согласились увеличить жалованье учителей хотя-бы съ 10 на 15 цѣлковыхъ!.. И не только отказали въ этомъ, а еще поблагодарили предсѣдателя управы за разумное разъясненіе!..

Почему же зарайскіе земцы такъ поздно схватились за благоразуміе, почему они одобрили ежегодную 1.200 р. награду предсѣдателю управы? Вѣдь вмѣсто этой награды можно было прибавить 20 учителямъ по пяти руб. въ мѣсяцъ, возвысивъ нищенскій окладъ въ 10 р. до 15 р. Никто не возражалъ противъ награды въ 1200 р. ежегодно, а какъ только зашелъ въспросъ о школахъ и возвышеніи заработка истиннымъ земскимъ труженникамъ, такъ сейчасъ вспомнили о плательщикахъ и о напряженіи обложенія ихъ! Учителя не имѣли въ собраніи родственниковъ, и потому никто о нихъ не позаботился...

Ну, скажите, гдѣ тутъ земство? Очевидно его нѣтъ, а есть только небольшая, но пріятная компанія...

Вотъ „инцидентъ“ въ другомъ, званьевскомъ, земскомъ собраніи.

Одинъ изъ гласныхъ, гнѣкто Коняхинъ, человекъ съ университетскимъ образованіемъ, возсталъ противъ распространенія земствомъ книгъ популярно-научнаго и другого содержанія на малорусскомъ языкѣ, усмотрѣвъ здѣсь пагубную тенденцію, и въ земскомъ собраніи поднимается цензурный вопросъ.

— Приобрѣтеніе малороссійскихъ книгъ не вызывается потребностью и идетъ вразрѣзъ съ правительственными распоряженіями. Для меня ясно, что подборомъ книгъ для земскаго склада преслѣдуется извѣстная тенденція!—сказалъ г. Коняхинъ.

Сперва все стило и какъ-то съежилось... Легко сказать: вразрѣзъ съ правительственными распоряженіями!..

Членъ управы Кондарацкій пришелъ въ себя и началъ пояснять, въ чемъ дѣло.

— Чтобы судить, на какомъ языкѣ приобретается складомъ больше книгъ, необходимо сдѣлать подсчетъ за нѣсколько лѣтъ... Г. Коняхинъ, подсчитавъ расходъ одного только 1899 г., сдѣлавъ неправильный выводъ, такъ какъ не принявъ во вниманіе того обстоятельства, что въ складѣ былъ большой запасъ книгъ на русскомъ языкѣ и покупать ихъ въ 1899 г. не было надобности. Что касается листковъ о сифилисѣ, оспѣ и скарлатинѣ, то необходимость ихъ распространія среди населенія вызваны страшной смертностью дѣтей. Листки эти

изданы Обществомъ русскихъ врачей въ память Прогова. Въ виду этого и принимая во вниманіе, что населеніе уѣзда состоитъ изъ 67% малороссовъ и 16% молдаванъ, съѣздъ врачей просилъ перевести эти листки на малорусскій и молдаванскій языки. Эти листки разрѣшены цензурой и печатаются русскимъ алфавитомъ!..

Встаетъ другой гласный и говоритъ:

— Желательно, чтобы на подборъ книгъ для склада было обращено особенное вниманіе. Тамъ почти отсутствуютъ книги нравственно-религіознаго содержанія и патріотическаго, въ то время какъ имѣются: „Аленькій цвѣточекъ“, „Махмуткины дѣти“, и т. д. Книги эти не должны быть распространяемы.

Слышатъ одинокій слабый голосъ:

— Земству нѣтъ нужды брать на себя роль цензора, такъ какъ книги для народа издаются съ разрѣшенія цензуры, которая у насъ, какъ извѣстно, довольно строгая, и потому не слѣдовало бы еще самимъ устраивать цензуру и ограничивать и безъ того очень ограниченный выборъ книгъ для склада...

Предсѣдатель управы говоритъ краткую рѣчь въ защиту „Махмуткиныхъ дѣтей“, убѣждая что ничего предосудительнаго въ этихъ дѣтяхъ нѣтъ и что эти дѣти разрѣшены для продажи народу и что, кромѣ пользы, ничего другого принести не могутъ. Но гласный, поставившій на видъ „Махмуткиныхъ дѣтей“, не соглашается: онъ требуетъ своей цензуры, домашней. Онъ еще говоритъ, что земство не имѣетъ права тратить деньги, собранныя съ кореннаго населенія на печатаніе листковъ на языкѣ пришлыхъ національностей, хотя бы листки эти преслѣдовали самыя высокогуманныя цѣли... И затѣмъ, чтобы быть послѣдовательными, придется печатать ихъ и на еврейскомъ языкѣ!..

— Все вышепозложенное я прошу занести въ протоколъ,—сказалъ этотъ земецъ и сѣлъ, полный „гражданскаго мужества“, торжествующій, побѣдоносный... „Во избѣжаніе дальнѣйшихъ пореканій“ предсѣдатель собранія нашелъ цѣлесообразнымъ поручить *контроль* надъ закушкой книгъ для земскаго склада членамъ училищнаго совѣта...

Трудно живется маленькимъ, но почтеннымъ земскимъ труженикамъ: учителямъ, фельдшерамъ и акушеркамъ, учительницамъ... Какъ имъ живется въ зарайскомъ земствѣ, читатель видѣлъ: тамъ учителя получаютъ отъ 10 р. въ мѣсяцъ, т. е. меньше, чѣмъ курьеры-посыльные при разныхъ административныхъ учрежденіяхъ, и когда заходитъ вопросъ о прибавкѣ имъ хотя бы по 5 р. въ мѣсяцъ,—земцы дѣлаются „благоразумными...“

На-дняхъ получилъ отъ одной изъ такихъ труженицъ письмо, простое, искреннее... Приведу его цѣликомъ,—очень ужъ оно характерно.

„Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго года я только что кончила курсъ, а въ декабрѣ поѣхала на мѣсто акушерки-фельдшерицы въ одинъ изъ уѣздовъ въ Костромской губ. Нужно замѣтить, что мѣсто я получила по объявленію, слѣдовательно, ѣхала на авось, не зная хорошенько не только условій службы,

но и путей сообщения до уѣзднаго города. Пришлось сдѣлать 450 верстъ на лошадахъ. На одномъ изъ постоянныхъ дворовъ случайно встрѣтилась съ фельдшеромъ, когда-то служившимъ въ томъ земствѣ, куда я ѣхала теперь на службу. Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ, что предсѣдатель управы въ высшей степени грубый человѣкъ, съ мелкими земскими служащими, какъ-то: учителями, фельдшерами, акушерками и прочей братіей, обращается, какъ съ прислугой. Приѣзжаю въ городокъ, отправляюсь въ управу. Противъ ожиданія меня встрѣчаютъ сравнительно вѣжливо, даже предлагаютъ стулъ,—сѣсть въ своемъ присутствіи и приказываютъ подать стакавъ чаю (что въ послѣдствіи надѣлало не мало шуму на всю округу и даже послужило укоромъ: несмотря, молъ, на такое отношеніе управы и то уходитъ съ мѣста!), стараются ознакомить съ обществомъ того пункта, гдѣ мнѣ придется жить:

„— Въ округѣ много помѣщиковъ, все люди симпатичные, радушные, гостепріимные, вамъ будутъ очень рады, потому что давно просятъ назначить фельдшеру... Вы у нихъ будете, какъ своя!

„Черезъ два дня добираюсь до мѣста моего назначенія. Небольшое село, расположенное на высокомъ берегу рѣки; избы развалившіяся, маленькія, наполовину отопляются по-черному; освѣщеніе—лучиной; ветхая школа (нѣсколько лѣтъ тому назадъ на нее ассигновано 3.000 р., но ждутъ, когда свалится), церковь. пріемный покой. На другой же день начинаю свою дѣятельность, т. е. принимаю больныхъ отъ 30 до 40 чел. въ будни и до 60 чел. въ праздники, 2—3 выѣзда ежедневно къ тяжело-больнымъ, иногда верстъ за 20. Судите сами, есть ли возможность ходить по гостямъ?!

„Столько больныхъ да еще на первыхъ порахъ, такъ сказать, прямо со школьной скамьи! Разумѣется, никакихъ визитовъ я не дѣлала, никуда не ходила, что вскорѣ вызвало неудовольствіе и массу сплетенъ со стороны такъ называемой деревенской интеллигенціи. Все мнѣ ставилось въ укоръ: помѣщики упрекали въ недостаткѣ уваженія, внимательности; духовенство считало меня чуть ли не еретикомъ за то, что не соблюдаю постовъ, не бываю каждый праздникъ у всенощной и обѣденъ. Крестьянамъ про меня говорили, что на мнѣ нѣтъ креста, въ чемъ они, видимо, сомнѣвались:

„— А знашь, про тебя бають, что креста на тебѣ нѣтъ!..

„Одна изъ помѣщицъ занималась лѣченіемъ крестьянъ, не нѣтя, конечно, ни малѣйшей подготовки къ этому; за свои труды она брала яйцами, пряжей, льномъ, а то больной сдѣлаетъ ей грабли, поправитъ борону, починитъ соху или поработаетъ на полѣ. Медикаменты она доставала въ земской больницѣ и на фельдшерскихъ пунктахъ. Когда она обратилась ко мнѣ, то я отказала, такъ какъ не считала себя въ правѣ, а во-вторыхъ, и сама нуждалась въ медикаментахъ. За это она стала мнѣ мстить: ѣду я, напримѣръ, къ больному, назначаю лѣченіе, вслѣдъ за мной ѣдетъ эта помѣщица, говоритъ больному, что я ничего не понимаю, что мое лекарство не поможетъ; сама назначаетъ лекарство и посылаетъ ко мнѣ больного со своимъ требованіемъ выдать медикаментъ по ея назначенію. Черезъ мѣсяць пріѣхалъ врачъ. Я ему говорю, что не даю медикаментовъ этой

помѣщицѣ и прошу, чтобы она не вмѣшивалась въ мое лѣченіе. Докторъ меня не одобрилъ—онъ оказался ея хорошимъ пріятелемъ—и тоже началъ меня допекать: требованія на медикаменты посылаются нами въ управу, но предварительно ихъ подписываетъ врачъ, и вышло такъ, что мнѣ часто приходилось оставаться безъ медикаментовъ и отказывать больнымъ въ помощи. Въ февралѣ мѣсяцѣ предсѣдатель выѣхалъ по уѣзду: всеобщее смятеніе! Учителя, учительницы, фельдшера, акушерки дрожатъ и заранѣе разстраиваютъ себѣ нервы.

„Является начальство, не подавая руки, не здороваясь, прямо начинаетъ кричать. Приходитъ въ больницу и спрашиваетъ, указывая пальцемъ на акушерку, которая служитъ давно, а въ данный моментъ стоитъ въ халатѣ:

„— Кто это?

„Осмотрѣвъ больницу, предсѣдатель тычетъ свой палецъ, который приходится буквально ловить...

„Я не могла служить. У меня разстроились нервы, и я бросила мѣсто... За мѣнявшій меня фельдшеръ сразу не понравился помѣщикамъ и черезъ 2 мѣсяца я узнала, что его перевелъ“.

Получилъ я еще одинъ документъ, тоже весьма характерный для обрисовки тѣхъ условий, при которыхъ приходится трудиться этимъ мелкимъ работникамъ на земской нивѣ.

Одна учительница земской школы въ Черниговскомъ уѣздѣ послала мальчика къ священнику съ просьбой одолжить ей на время безмѣнъ для взвѣшиванія.

„— Зачѣмъ ей безмѣнъ?

„— Мясо вѣшать!—сказалъ мальчикъ.

„— Ну, подожди тутъ.

„Батюшка ушелъ и долго не возвращался. Наконецъ онъ вышелъ и, отдавая пакетъ, сказалъ мальчику:

„— Отнеси ей эту бумагу!

„— А безмѣнъ?

„— Тамъ про безмѣнъ написано...

„— Вотъ тебѣ пакетъ!—сказалъ мальчикъ, возвращаясь отъ батюшки.

„— А безмѣнъ?

„— Тутъ, говорить, про безмѣнъ написано...

„Учительница съ удивленіемъ распечатала пакетъ и съ ужасомъ прочитала написанное на бланкѣ „В. П. И.“ отношеніе:

„Ея Высокоблагородію

„Г-жѣ учительницѣ народнаго земскаго училища села NN, Черниговскаго уѣзда. 1900 г. 17 ноября. № 27.

„Въ отвѣтъ на отпускъ Вамъ безмѣна для вѣса мяса чрезъ посланнаго Вами ученика Голика симъ имѣю честь поставить Вашему Высокоблагородію на видъ, что св. посты, установленные Св. Православной Церковію, одинаково должны быть соблюдаемы всѣми православными христіанами. Нарушеніе же ихъ съ виднымъ соблазномъ другихъ, къ тому же дѣтей-школьниковъ, на которыхъ таковыя примѣры учащихъ дѣйствуютъ пагубно, должны быть преслѣдуемы зако-

номъ церковнымъ и гражданскимъ. Долгомъ своимъ считаю увѣдомить Васъ, что буду хлопотать предъ начальствомъ объ удаленіи Васъ отъ занимаемой Вами должности, какъ лица, оскорбляющаго всякое религіозное чувство и меня, какъ законоучителя. Прошу настоящее отношеніе сохранить для приложенія къ дѣлу. Села NN, Черниговскаго уѣзда, священникъ такой-то“.

Вотъ какими неожиданностями полна жизнь бѣдныхъ труженниковъ и труженицъ на земской нивѣ. Кто бы могъ думать, что изъ-за безмѣна выйдетъ такая страшная исторія!..

И некому вступиться, — вотъ въ чемъ весь ужасъ положенія... Полное одиночество...

Въ Т. стараются ограждать молодое поколѣніе прежде всего отъ книгъ, какъ источника „образа мыслей“, и отъ библиотекъ, какъ капищъ всическаго зла и пороковъ. Вотъ какъ начальница мѣстной женской гимназіи объяснила ученицамъ I класса, что такое есть библиотека:

— Дѣти! Вы, вѣроятно, знаете, что есть такія заведенія, откуда берутъ книги для чтенія. Заведенія эти называются библиотеками. Такъ знайте же, что входъ въ нихъ вамъ запрещенъ. Особенно же предостерегаю васъ отъ городской общественной библиотеки, что на Площадной улицѣ. Туда не только самимъ за книгами не ходить, но даже и съ родителями. Иначе вы будете строго наказаны!..

И вотъ дѣвочки, возвратившись домой, съ ужасомъ рассказываютъ своимъ родителямъ объ этихъ ужасныхъ заведеніяхъ, въ которыя нельзя ходить даже съ папой и мамой!..

— Софья Ивановна, мамочка, даже и близко подходить не велѣла!..

Въ мужской гимназіи тоже рассказали мальчикамъ объ этихъ ужасныхъ заведеніяхъ...

Изъ другого города мнѣ пишутъ, что начальство учебныхъ заведеній просматриваетъ списки посѣтителей и требуемыхъ ими книгъ, и, если попадаетъ фамилія учащагося, — горе ему!..

Изъ Р. подобное же письмо: тамъ нѣкто г. Эльснеръ читалъ популярныя лекціи по біологіи. Лекціи эти устраивались въ помѣщеніи „Общества взаимнаго вспоможенія частному труду“ и усердно посѣщались публикой, въ числѣ коей было не мало молодежи на возрастъ, между прочимъ и воспитанницами старшихъ классовъ женской гимназіи. „Г-жа наша начальница, — пишетъ корреспондентъ, — обратилась къ нимъ съ рѣчью, въ которой усовѣщивала оставить это дѣло:

— Я запрещаю! Слышите!

— Но почему-же, N—N—овна?

— Да потому, что тамъ разношерстная публика, — это разъ, а во-2-хъ, много будете знать, скоро состаритесь!..

Послѣ этого на лекціяхъ стала появляться классная дама, которая не боялась, видимо, состариться. Она не столько слушала, сколько работала глазами, выслѣживая гимназистокъ...

Одну, наконецъ, „поймали“, хотя очень маленькую, первоклассницу! Что-то съ ней будетъ?!. Неужели изъ-за біологін она будетъ лишена грамматики?..

Господа педагоги! Да не лучше ли, въ самомъ дѣлѣ, чтобы съ корнемъ зло пресѣчь, взять книги всѣ и разомъ сжечь?.. Проектъ старый, но вѣрный... А то рекомендую еще способъ, практикуемый учителемъ нижегородскаго реальнаго училища г. В. Онъ заставляетъ учениковъ учить „свою“ грамматику, послѣ которой совѣтъ не захочется никакой біологін. Судите сами: дѣти должны зудить союзы, раздѣляемые этимъ педагогомъ на 15 видовъ: 1) соединительные, 2) раздѣлительные, 3) вопросительные, 4) относительные, 5) изъяснительные, 6) сравнительные, 7) причинные, 8) обстоятельства цѣли, 9) временные, 10) мѣстные, 11) условные, 12) уступительные, 13) послѣдовательные и 14) заключительные. И всѣ виды союзовъ перечислить, сказать „какъ-то“ и валять!..

Послѣ изученія такой грамматики у ученика, обыкновенно, глаза лѣзутъ на лобъ и онъ уже застрахованъ отъ біологін и отъ всякихъ зловредныхъ наукъ и книгъ... Если „союза“ окажется мало, вы возьмите у того же учителя еще „нарѣчій“, и тогда ужъ ручаюсь за полный успѣхъ!..

Въ заключеніе—еще нѣсколько словъ къ инциденту въ „лощинѣ межъ горъ“ и къ возстановленію затуманенной тамъ истины. Въ настоящае время я располагаю еще нѣкоторыми фактами, которые помогутъ истинѣ выглянуть изъ облаковъ тумана, напущеннаго „опроверженіемъ“ г. Теплова и К^о.

Фактъ 1. Въ своемъ опроверженіи г. Тепловъ и К^о, какъ помнятъ читатели, заявилъ, что врачъ Клячкинъ никогда не былъ у земства на хорошеиъ счету, а былъ лишь терпимъ, а между тѣмъ онъ же, г. Тепловъ, очень многимъ почтеннымъ горожанамъ говорилъ, что „такого хорошаго врача, какъ Клячкинъ, въ городѣ еще не было“. Когда понадобится, это подтвердить, конечно, очень многие.

Фактъ 2. Когда изгнанный г. Тепловымъ и К^о врачъ Клячкинъ былъ приглашенъ на службу города, то г. Тепловъ заявился къ городскому головѣ и сталъ уговаривать его не брать г. Клячкина на службу города, а когда голова отказался „удодить“, то г. Тепловъ пригрозилъ мезью горожанамъ и, дѣйствительно, началъ мстить: согласно постановленію земскаго собранія бѣднымъ, горожанамъ разрѣшено пользоваться бесплатными лѣкарствами изъ мѣстной земской больницы; г. Тепловъ, нарушивъ это постановленіе, сдѣлалъ распоряженіе не выдавать бесплатно лѣкарствъ бѣднымъ горожанамъ по рецептамъ врача Клячкина, а когда его спрашивали—почему, то Тепловъ заявлялъ:

— Если бы у васъ не былъ врачомъ Клячкинъ, тогда бы я разрѣшилъ выдачу лѣкарствъ.

Фактъ 3. Существуетъ постановленіе земскаго собранія, коимъ городской врачъ допускается въ земскую больницу въ качествѣ ординатора для пріема больныхъ горожанъ. Г. Тепловъ, нарушивъ это постановленіе, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы врача Клячкина не допускали къ занятіямъ въ земской больницѣ, и при

этожъ былъ настолько навпентъ, что оффициальной бумагою сообщилъ городской управѣ, что онъ только тогда исполнитъ поименованныя выше постановленія земскаго собранія (о выдачѣ бесплатнаго лѣкарства и о допущеніи городского врача къ занятіямъ въ земской больницѣ), когда въ городѣ будетъ другой врачъ, а не Клячкинъ. На такое „своеволие“ представителѣ: коллегіальнаго учрежденія городская управа подала жалобу губернатору, и послѣдній разъяснилъ г. Теплому, что своевольничать такъ не полагается.

Изложенными здѣсь фактами, достовѣрность которыхъ, въ случаѣ надобности, будетъ подтверждена, какъ слѣдуетъ, разъясняется всякій туманъ и вполнѣ подтверждается, что 1) врачъ Клячкинъ —хорошій врачъ, 2) уволенъ онъ изъ личной неприязни къ нему г. Теплова и К^о, а вовсе не въ интересахъ земскаго дѣла, что 3) г. Тепловъ своевольничаетъ, несмотря на „коллегіальность“, которой стыдливо прикрывается въ своемъ опроверженіи, 4) что онъ не брезгуетъ, преслѣдуя изъ личной неприязни г. Клячкина, такими мѣрами борьбы, коя идутъ вразрѣзъ съ интересами дѣла и бѣдныхъ горожанъ, вными словами, подтверждается все то, что опровергалось.

Кстати надо замѣтить, что г. врачебный инспекторъ, на ревизію коего ссылается опроверженіе, выразилъ г. Клячкину, какъ завѣдывавшему тогда больницей, свою признательность за образцовую постановку дѣла въ смыслѣ медицинскомъ, о чемъ опроверженіе забыло упомянуть.

Чтобы покончить эту „исторію“, необходимо спросить г. Теплова:

— Гдѣ находится докладъ члена управы г. Гончарова, который разсматривалъ жалобы больныхъ на дуриую пищу, и почему этотъ докладъ остался подъ сукномъ, въ то время, какъ докладу члена управы г. Хрѣнова, имѣвшего личный „зубъ“ противъ врача Клячкина, былъ данъ надлежащій ходъ?

Евг. Чириневъ.

Хроника внутренней жизни.

Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1901-ый годъ. — Циркуляръ министра юстиціи отъ 15 декабря 1900-го года. — Pro domo sua. — Правительственное постановленіе о прекращеніи газеты „Сѣверный Курьеръ“. — Сообщение министерства народнаго просвѣщенія о студенческихъ безпорядкахъ въ университетѣ Св. Владиміра.

Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и печать, и читающая публика привыкли съ живымъ интересомъ ожидать ежегодно опубликованія всеподданнѣйшихъ докладовъ министра финансовъ о государственной росписи. Интересъ этотъ обуславливается однако далеко не одними только внѣшними успѣхами финансовой политики послѣдняго времени, казавшимися вначалѣ чѣмъ-то необыкновеннымъ и поразительнымъ. Бездефицитное сведеніе росписей какъ по обыкновенному, такъ по большей части и по чрезвычайному бюджетамъ потеряло въ настоящее время интересъ необыкновенной новинки, а къ вопросамъ финансоваго хозяйства, несмотря на всю ихъ жизненность и важность, не только широкіе слои нашей публики, но и болѣе интеллигентные ея представители до сихъ поръ относятся, къ сожалѣнію, въ высшей степени индифферентно и пассивно. Что привлекало всеобщее вниманіе и заставляло нѣсколько расшевелиться средняго читающаго обывателя, такъ это то обстоятельство, что во всеподданнѣйшихъ докладахъ послѣдняго времени обыкновенно затрогивались и освѣщались такъ или иначе нѣкоторые изъ существеннѣйшихъ вопросовъ внутренней жизни страны и намѣчалось въ общихъ чертахъ желательное съ точки зрѣнія финансоваго вѣдомства ихъ разрѣшеніе. Понятно, что подобныя указанія принципиальнаго характера пріобрѣтали въ глазахъ публики значеніе какъ бы ближайшей правительственной программы, ибо казалось весьма вѣроятнымъ, что мнѣніе финансоваго вѣдомства, продиктованное насущными потребностями фиска, рано или поздно должно получить преобладающее значеніе въ правительственныхъ сферахъ, если бы даже въ данный моментъ оно и расходилось съ мнѣніемъ и настроеніемъ вѣдомства, ближайшимъ образомъ заинтересованнаго въ разрѣшеніи намѣченнаго вопроса. Именно внѣшній успѣхъ финансовой политики послѣдняго времени служилъ, казалось, надежнымъ ручательствомъ въ томъ, что и указанія финансоваго вѣдомства на необходимость тѣхъ преобразованій, которыя съ его точки зрѣнія являются необходимыми для упроченія такого же успѣха въ будущемъ, будутъ приняты во вниманіе, хотя бы

они и выходили совершенно изъ круга его компетенціи. Поэтому, затрогивая и освѣщая такъ или иначе общіе вопросы внутренней политики, финансовое вѣдомство въ глазахъ публики являлось какъ бы въ роли глашатая и проводника тѣхъ назрѣвшихъ вопросовъ и нуждъ народной жизни, безъ удовлетворенія которыхъ само государственное хозяйство рисковало упереться въ глухую стѣну и не найти надлежащихъ источниковъ для покрытія растущихъ изъ года въ годъ государственныхъ потребностей. Словомъ, пожеланія и указанія на необходимыя преобразованія въ странѣ внутренней жизни страны, высказанныя во всеподданнѣйшихъ докладахъ министра финансовъ, признавались за тотъ мінімумъ преобразовательной дѣятельности, который выдвигается въ правительственныхъ сферахъ на ближайшую очередь. Потому-то люди всякихъ взглядовъ, и согласные, и несогласные съ основными принципами нашей финансовой политики, и такіе, которые въ вопросахъ финансовыхъ никакихъ взглядовъ не имѣютъ, не могли не прислушиваться къ голосу финансового вѣдомства, когда оно высказывалось по общимъ вопросамъ внутренней политики въ документѣ первостепенной государственной важности.

Если программа желательныхъ преобразованій, намѣченная такимъ образомъ во всеподданнѣйшихъ докладахъ министра финансовъ, и не отличалась желательной опредѣленностью и полнотой; если, напротивъ, многія черты ея были едва намѣчены общими штрихами и страдали нѣкоторой расплывчатостью, допускавшей различныя истолкованія; если въ позднѣйшихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ встрѣчались порой прямыя отступленія отъ ранѣе высказанныхъ положеній и пожеланій,—то все же можно было съ увѣренностью утверждать, что финансовое вѣдомство сознаетъ, но и усиленно подчеркиваетъ зависимость дальнѣйшаго упорядоченія достигнутыхъ финансовыхъ успѣховъ отъ цѣлаго ряда условій народной жизни, созданіе и обезпеченіе которыхъ далеко выходятъ изъ круга его непосредственнаго вѣдѣнія.

Чтобы не ходить далеко за примѣрами, сошлемся еще разъ на всеподданнѣйшій докладъ о росписи на 1899-ый годъ съ его убѣдительнымъ призывомъ къ упроченію „прочнаго правопорядка“ въ крестьянской средѣ и позволимъ себѣ привести in extenso ту его часть, которую мы уже цитировали ровно годъ тому назадъ, разбирая докладъ о росписи на 1900-й годъ. „Хотя обстоятельства экономического характера,—писалъ г. министръ финансовъ въ январѣ 1899-го года,—и уровень народнаго образованія являются до извѣстной степени причинами, задерживающими упроченіе благосостоянія нашихъ крестьянъ, несомнѣнно, что на-ряду съ ними должна дѣйствовать другая причина и притомъ болѣе могущественная, коренящаяся въ самой организаціи хозяйственнаго быта, въ глубинахъ народной экономіи. По мнѣнію министра финансовъ причину эту слѣдовало бы искать въ неопредѣленности общественныхъ и имущественныхъ отношеній крестьянъ, порождающей многообразныя затрудненія въ самомъ распорядкѣ веденія личнаго хозяйства, въ наиболѣе выгодномъ распоряженіи силами и средствами и въ накопленіи послѣднихъ. Эта неопредѣленность обусловливается неполнотой законодательства о сельскихъ обывателяхъ, а главнымъ образомъ—недостаточнымъ его соот-

вѣтствіемъ потребности населенія въ прочномъ правопорядкѣ. Въ своихъ гражданскихъ отношеніяхъ крестьянское населеніе руководится опредѣленіями, заключающимися въ положеніяхъ 19 февраля 1861 г., въ извѣстной мѣрѣ—общими гражданскими законами, преимущественно же мѣстными обычаями. Господство обычая, вполне допустимое при простотѣ и несложности гражданскихъ отношеній въ патриархальномъ быту, не можетъ удовлетворить потребностей уже значительно усложнившейся жизни нашего крестьянскаго населенія. Самый обычай весьма часто оказывается неустойчивымъ и нерѣдко толкуется произвольно. Если принять во вниманіе, что обычаемъ этимъ опредѣляются не только частности и подробности, но и самое существо важнѣйшихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, то нельзя не придти къ заключенію, что обычай, безъ установленія точныхъ предѣловъ для его примѣненія и руководящихъ началъ закона, не можетъ служить надежнымъ основаніемъ гражданскихъ отношеній въ сколько-нибудь развивающемся общественномъ быту. Шаткость юридическаго порядка въ крестьянской средѣ усугубляется тѣмъ, что обычай нерѣдко оказывается въ противорѣчій съ закономъ, которымъ руководствуются общія судебныя мѣста при разрѣшеніи подсудныхъ имъ крестьянскихъ дѣлъ, и что гражданскіе законы далеко не соответствуютъ нуждамъ крестьянства. Отсюда происходитъ спутанность юридическихъ понятій народа, еще болѣе усиливаемая взглядами, которые усваиваются крестьянами во время пребыванія на городскихъ заработкахъ, въ совершенно иныхъ общегражданскихъ условіяхъ. Кроме того, обязательное отбываніе воинской повинности значительною частью взрослога населенія оказываетъ сильное вліяніе на нашу деревню, хотя бы уже тѣмъ, что расширяетъ кругозоръ крестьянина. Совокупность всѣхъ этихъ явленій имѣетъ большое значеніе для экономическаго строя крестьянской жизни. Основа крестьянскаго быта—домохозяйство, гдѣ элементы личные и имущественные вылились въ своеобразную форму русской крестьянской семьи; однако такая основа, при отсутствіи регулирующихъ началъ, даетъ часто лишь поводъ къ семейнымъ раздорамъ, распаденію семьи и упадку благосостоянія. Неясность правъ на пріобрѣтенное членомъ крестьянскаго двора имущество, обязанностей по отношенію къ домохозяйну—ослабляетъ энергію и производительность труда“.

„Неполнота и недостатки узаконеній о крестьянахъ не могутъ быть устранены частичными измѣненіями, а требуютъ разрѣшенія общихъ принципиальныхъ вопросовъ сельскаго устройства, отъ того или иного направленія которыхъ зависить весь ходъ дальнѣйшаго законодательства“.

Таковы были нѣкоторые изъ тѣхъ общихъ вопросовъ, ближайшее разрѣшеніе которыхъ ставилось министерствомъ финансовъ въ связь съ возможностью прочнаго обезпеченія въ будущемъ достигнутыхъ финансовыхъ успѣховъ, и, повторяемъ какъ бы ни относиться къ духу и направленію намѣченныхъ преобразованій, въ самой ихъ постановкѣ проглядывало широкое пониманіе непреодолимой зависимости финансоваго хозяйства отъ многообразныхъ условій народнаго хозяйства и народной жизни вообще.

Всеподданнѣйшій докладъ о росписи на текущій 1901-й годъ не содержитъ

никаких общих указаний на необходимые с точки зрения финансового ведомства преобразования в строе внутренней жизни страны и в этом отношении резко отличается от своих ближайших предшественников. Подчеркивается лишь необходимость „твердой финансовой политики“, которая не ставится в какую бы то ни было связь с теми или иными общими условиями народной жизни. Получается впечатление как бы оторванности финансовых соображений доклада от хозяйственной жизни страны, которая отстывает куда-то совсѣмъ на задній планъ, а государственное хозяйство разсматривается какъ нѣчто само-довольствующее и самоцѣльное.

„Возможность, — пишетъ г. министр финансовъ, — при стѣсненномъ положеніи денежных дѣлъ внутри страны и внѣ ея, обойтись безъ займа и не нуждаться въ немъ для исполненія росписи на будущій годъ представляетъ собою большой финансовый успѣхъ“, — и съ этимъ нельзя, пожалуй, не согласиться; но успѣхъ этотъ, какъ видно изъ объясненій, содержащихся въ самомъ же всеподданнѣйшемъ докладѣ, достигнуть не безъ экстреннаго напряженія платежныхъ силъ населенія и не безъ необходимости прибѣгнуть къ экономіи въ ассигнованіяхъ на такія потребности государства, оставленіе которыхъ безъ надлежащаго удовлетворенія даже въ теченіе короткаго сравнительно времени должно невыгодно отозваться на условіяхъ народной жизни и труда. Поэтому возможность покрытія расходовъ и части убытковъ, причиненныхъ осложненіями на Дальнемъ Востокѣ, исключительно на свободной наличности государственнаго казначейства, накопленной въ теченіе предыдущихъ лѣтъ, не можетъ еще сама по себѣ гарантировать отъ возможности финансовыхъ затрудненій въ будущемъ и не можетъ оправдывать хотя бы и временнаго пренебреженія заботами объ упроченіи элементарныхъ условий, обеспечивающихъ успѣшность хозяйственной дѣятельности населенія. Нельзя упускать изъ виду, что исчисленіе ожидаемыхъ въ 1901-мъ году обыкновенныхъ доходовъ въ суммѣ 1.730.096.006 руб., превышающей такое же исчисленіе на 1900-й годъ на крупную сумму — въ 136.350.326 руб., сдѣлалось возможнымъ лишь благодаря тому, что въ августѣ минувшаго года послѣдовало довольно значительное возвышеніе главнѣйшихъ акцизовъ и тарифныхъ ставокъ по весьма многимъ статьямъ дѣйствующаго таможеннаго тарифа. Мѣры эти, согласно Высочайшему повелѣнію, которымъ онѣ введены въ дѣйствіе, носятъ строго временный характеръ, и на министерство финансовъ возложена отвѣтственная обязанность войти съ представленіемъ объ ихъ отміну немедленно, какъ только минуетъ надобность въ экстренныхъ расходахъ на важныя надобности по случаю китайскихъ событій. Наконецъ и самая сумма экстренныхъ расходовъ этого рода, нечисленная по исполненію росписи 1900-го года въ 61,9 милліоновъ рублей, безотносительно весьма крупная, представляется однако не столь уже значительной по сравненію съ экстренными расходами хотя бы голодныхъ 1891-го и 1892-го года, когда изъ свободной наличности государственнаго казначейства было израсходовано на оказаніе помощи населенію пострадавшихъ мѣстностей до 136 милліоновъ рублей. Однако въ то время это обстоятельство не вызвало ни неожиданнаго и столь крупнаго повышенія главнѣйшихъ видовъ косвеннаго обложенія, ни столь тщательной э-

номіи въ расходахъ на текуція общекультурныя государственныя надобности, какою характеризуется, какъ увидимъ ниже, роспись на текуцій годъ.

Какъ бы то ни было, приходится, однако, признать, что отсутствіе общихъ указаній принципиальнаго характера во всеподданнѣйшемъ докладѣ министра финансовъ о росписи настоящаго года врядъ ли является простою случайностью, обусловленною сосредоточеніемъ главнаго вниманія на преодоленіи тѣхъ трудностей, которыя пришлось пережить финансовому вѣдомству въ истекшемъ году. Нѣкоторымъ вопросамъ міровой политики Россіи, а также вопросамъ о положеніи міроваго денежнаго рынка, о значеніи для Россіи накопленія свободныхъ средствъ, объ устойчивости денежной реформы посвящено не мало мѣста и вниманія. И казалось бы, что именно въ связи со всѣми пережитыми страной затрудненіями самъ собою возникаетъ вопросъ объ упроченіи тѣхъ условій народной жизни, которыя могли бы создать обстановку, наиболѣе благопріятствующую скорѣйшему пополненію сказавшихся недочетовъ и предотвращенію ихъ въ будущемъ. Вѣдь именно роспись на 1899 годъ, слѣдовавшій за 1898, когда государству тоже пришлось понести довольно значительные расходы на оказаніе продовольственной помощи бѣдствовавшему населенію, и когда, въ связи съ воспоминаніями о 1891—92 годахъ, невольно возникалъ вопросъ о серьезныхъ недочетахъ въ условіяхъ жизни нашего крестьянства,—именно эта роспись сопровождалась всеподданнѣйшимъ докладомъ, выставившимъ наиболѣе полную и рельефную программу необходимыхъ внутреннихъ преобразованій.

Когда событія на Дальнемъ Востокѣ, по признанію самого министерства финансовъ, „весьма тяжело отражаются на многихъ сторонахъ экономической жизни страны и причиняютъ крупныя убытки, распространяющіеся далеко за предѣлы мѣстности, объявленной на военномъ положеніи“; когда денежный рынокъ испытываетъ недостатокъ въ свободныхъ капиталахъ, а промышленность находится въ угнетенномъ состояніи; когда политическія событія требуютъ отъ страны значительныхъ жертвъ, а платежныя силы населенія напряжены еще болѣе обыкновеннаго экстреннымъ возвышеніемъ главнѣйшихъ видовъ косвеннаго обложенія; когда, наконецъ, неожиданно и чисто механически задерживается удовлетвореніе растущихъ общекультурныхъ потребностей страны,—то, казалось бы, что именно въ такое время надлежитъ указать на необходимость устраненія тѣхъ тормозовъ, которые, какъ признавалось въ свое время самимъ министромъ, продолжаютъ еще стоять на пути дальнѣйшаго экономическаго развитія страны, обезпечивающаго, въ свою очередь, и здоровое развитіе государственнаго хозяйства. Позволительно сомнѣваться, чтобы при такихъ условіяхъ одна только „твердая финансовая политика“, оторванная отъ общихъ вопросовъ внутренней государственной политики, могла упрочить въ будущемъ тѣ финансовыя успѣхи, на которые съ полнымъ правомъ ссылается не разъ г. министръ финансовъ во всеподданнѣйшемъ отчетѣ.

И мы думаемъ, что настоящее время, помимо высказанныхъ соображеній, является сравнительно благопріятнымъ для постановки именно общихъ вопросовъ такого рода еще и въ другомъ отношеніи.

Въ декабрьской хроникѣ за истекшій годъ, отмѣтивъ газетное извѣстiе о томъ, что расходныя смѣты всѣхъ вѣдомствъ составлены и утверждены съ такимъ расчетомъ, чтобы расходы на 1901 годъ, по возможности, не превышали расходовъ 1900 года, мы сопоставили его съ отсутствiемъ слуховъ о какихъ бы то ни было новыхъ законодательныхъ предположенiяхъ крупнаго принципиальнаго значенiя и пришли къ выводу, что административная система конца 80-хъ и 90-хъ годовъ нашла уже себѣ фактически возможное, при данныхъ условiяхъ, законодательное выраженiе и что поэтому въ ближайшемъ будущемъ, подъ влиянiемъ необходимости удовлетворенiя нѣкоторыхъ назрѣвшихъ жизненныхъ потребностей, слѣдуетъ ожидать хоть нѣкоторыхъ отступленiй отъ этой системы.

„Какъ извѣстно,—писали мы, — административная система конца 80-хъ и 90-хъ годовъ характеризуется главнымъ образомъ усиленiемъ бюрократическаго элемента во всѣхъ сферахъ государственной и общественной жизни и находящимся въ связи съ этимъ расширенiемъ непосредственной хозяйственной дѣятельности государства. Теоретически, конечно, ростъ функцiй и полномочiй агентовъ государственной власти почти не знаетъ предѣловъ, и можно себѣ представить такую сложную и всеобъемлющую административную машину, которая совершенно не оставляетъ мѣста какой бы то ни было общественной инициативѣ и самодѣятельности. Проекты реформъ, разрабатываемыхъ реакціонной печатью, и представляютъ собою образцы подобныхъ теоретическихъ построенiй, въ своемъ родѣ часто весьма послѣдовательныхъ и оригинальныхъ. Но все усложняющаяся дѣйствительная жизнь ставитъ извѣстные предѣлы всякимъ теорiямъ, а въ томъ числѣ, конечно, и теорiи бюрократическаго всемогущества. По мѣрѣ роста культуры и выступленiя на историческую сцену новыхъ, болѣе широкихъ слоевъ населенiя, жизнь выдвигаетъ все новыя и новыя задачи, неотложности которыхъ нельзя не признать подъ страхомъ остановки хозяйственнаго роста страны и успѣшное выполненiе которыхъ оказывается при данныхъ условiяхъ непосильнымъ для самой могущественной бюрократiи. Въ этомъ, конечно, а не въ чемъ-либо другомъ, лежатъ причины какъ неполнаго осуществленiя въ жизни тѣхъ преобразованiй, которыя были задуманы и намѣчены въ 80-хъ годахъ графомъ Д. А. Толстымъ, такъ и остановки дальнѣйшаго законодательнаго ихъ развитiя въ настоящее время. Это не значитъ, конечно, чтобы въ ближайшемъ будущемъ можно было ожидать какого-либо крутого перелома или быстрога развитiя законодательства въ духѣ расширенiя сферы общественной инициативы и самодѣятельности. По всей вѣроятности, ничего подобнаго не произойдетъ и даже въ нѣкоторыхъ деталяхъ системы конца 80-хъ и 90-хъ годовъ будетъ получать дальнѣйшее развитiе и примѣненiе на практикѣ. Но, тѣмъ не менѣе, циклъ крупныхъ преобразованiй въ ея духѣ слѣдуетъ считать исчерпаннымъ и завершеннымъ новеллами истекающаго года и ожидаемымъ преобразованiемъ судебнаго строя, и въ ближайшiе годы можно надѣяться на нѣкоторыя колебанiя и частичныя отступленiя отъ общаго духа системы“.

Такимъ образомъ, при отсутствiи активныхъ преобразовательныхъ плановъ въ духѣ системы 80-хъ и 90-хъ годовъ въ средѣ другихъ вѣдомствъ, министерство

финансовъ могло бы, если бы находило это нужнымъ, съ меньшими сравнительно затрудненіями, чѣмъ какихъ-нибудь 2—3 года тому назадъ, поддерживать хотя бы ту программу, которая была имъ намѣчена во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1899 года и практическое осуществленіе которой признавалось тогда однимъ изъ необходимыхъ условій созданія прочной базы для финансоваго хозяйства страны. Отсутствіе въ настоящемъ необходимыхъ для практическаго осуществленія реформы денежныхъ средствъ также не могло бы быть основаніемъ, чтобы не начать подготовительныхъ работъ или хотъ поставить ее вновь на очередь, ибо и то, и другое почти никакихъ затратъ не требуетъ. Остается, стало быть, одинъ выводъ—что въ настоящее время министерство финансовъ или не находитъ своевременнымъ возбуждать подобные вопросы, или считаетъ финансовое хозяйство страны настолько упроченнымъ, что оно не нуждается уже въ той широкой базѣ, о которой говорилось въ докладѣ 1899 года.

Что касается самого факта составленія расходныхъ смѣтъ всѣхъ вѣдомствъ съ такимъ расчетомъ, чтобы онѣ не превышали смѣтныхъ назначеній предыдущаго года, то онъ находитъ себѣ полное подтвержденіе несмотря на то, что въ общемъ обыкновенныхъ расходовъ предположено произвести въ 1901 году на 92.210.877 руб. болѣе противъ 1900 года. Какъ видно изъ всеподданнѣйшаго доклада, въ эту сумму входятъ прежде всего 45 милліоновъ рублей, ассигнованныхъ на увеличеніе подвижнаго состава желѣзныхъ дорогъ, между тѣмъ какъ до настоящаго момента расходы на этотъ предметъ относились къ чрезвычайнымъ расходамъ и перенесены въ обыкновенный бюджетъ впервые согласно Высочайше утвержденному мнѣнію Государственнаго Совѣта отъ 22 мая 1900 года. Такимъ образомъ, увеличеніе сравнимыхъ частей обыкновенныхъ расходовъ, исчисленныхъ по смѣтамъ на 1900 и 1901 годъ, выразится для послѣдняго года въ суммѣ около 47 милліоновъ рублей. Эта послѣдняя сумма цѣликомъ распределяется между смѣтами министерствъ морского, финансовъ и путей сообщенія, причемъ на долю перваго падаетъ увеличеніе смѣты на 6,9 милліоновъ руб., на долю втораго—на 24,3 мил. руб. и на долю третьяго—на 15,8 мил. руб. Всѣ эти дополнительныя ассигнованія, за исключеніемъ 6,9 мил. руб. по морскому вѣдомству, относятся или къ расходамъ оборотнымъ, или къ такимъ затратамъ на расширеніе и поддержаніе казеннаго хозяйства (главнымъ образомъ казенной продажи питій и желѣзныхъ дорогъ), которые вызываются уже ранѣе опредѣлившимися и намѣченнымъ ходомъ дѣла, перерывъ или приостановка котораго въ данный моментъ грозили бы убытками или потерей ближайшихъ прибылей.

„По остальнымъ вѣдомствамъ, — прибавляетъ всеподданнѣйшій докладъ, — измѣненія ассигнованій противъ 1900 года представляются незначительными“.

Это послѣднее обстоятельство, все громадное значеніе котораго для жизни страны также не нашло себѣ выраженія во всеподданнѣйшемъ докладѣ, указываетъ, однако, на то, что бездефицитное сведеніе росписи на 1901 годъ безъ необходимости прибѣгать къ займу для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ китайскими событіями, съ назначеніемъ, однако, въ самой смѣтѣ свыше 56 милліоновъ руб. изъ свободной наличности государственнаго казначейства на

покрытіе сѣтннхъ чрезвычайныхъ расходовъ, куплено, какъ сказано, довольно дорогою цѣной — цѣной временнаго отказа отъ удовлетворенія цѣлаго ряда на- зрѣвшихъ потребностей общекультурнаго характера.

Г-нъ министръ финансовъ, не касаясь въ частности вопроса объ отсутствіи увеличенія ассигнованій на 1901 годъ на надобности подобнаго характера, счелъ, однако, нужнымъ разъяснить точку зрѣнія министерства финансовъ на накопленіе въ рукахъ фиска свободныхъ остатковъ посредствомъ весьма осторожнаго исчя- сления ожидаемыхъ доходовъ и экономіи въ расходахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пред- ставить возраженія противъ существующаго мнѣнія о невыгодности подобнаго образа дѣйствія. „Иногда, — пишетъ г. министръ финансовъ, — съ искреннимъ убѣжденіемъ проводится мысль, что накопленіе запаса средствъ въ распоряженіи го- сударства не находитъ себѣ оправданія. Роспись, согласно этому мнѣнію, должна быть составляема такъ, чтобы доходы примѣнялись къ расходамъ, значительныя же избытки доходовъ представляютъ излишнее бремя для населенія; поэтому въ случаѣ полученія такихъ избытковъ надлежитъ или пользоваться ими для болѣе широкаго удовлетворенія государственныхъ потребностей, или уменьшить налоги. Но министръ финансовъ держится иного взгляда. Въ этомъ дѣлѣ прежде всего слѣдуетъ опредѣленно установить, какимъ именно расходамъ — обыкновеннымъ ли только, или же и чрезвычайнымъ — должны при нормальномъ теченіи государствен- ной жизни соответствовать текущіе доходы. На этотъ вопросъ нельзя дать одно- образнаго отвѣта. Государства съ малою задолженностью, а изъ государствъ, имѣющихъ крупный долгъ, тѣ, въ которыхъ онъ помѣщенъ внутри страны, могутъ безъ ущерба для своихъ финансовъ заключать займы на чрезвычайныя издержки, особенно на производительныя. Здѣсь въ извѣстной мѣрѣ примѣнимо соображеніе, которому, впрочемъ, очень часто придаютъ слишкомъ широкое значеніе, что тя- гости производительныхъ расходовъ, плодами которыхъ воспользуются будущія поколѣнія, правильнѣе возлагать путемъ займа на эти будущія поколѣнія. Но подобный образъ дѣйствій былъ бы неблагоприятенъ для Россіи, обремененной крупнымъ долгомъ, не малая доля котораго размѣщена за-границею, причемъ зна- чительная часть займовъ заключена въ прежнее время не для производительныхъ цѣлей, а для покрытія расходовъ военнаго времени, оставившихъ послѣдующимъ поколѣніямъ тяжелое наслѣдіе уплаты по обязательствамъ. Увеличеніе задолжен- ности безъ серьезной къ тому необходимости поставило бы наше государственное хозяйство на опасный путь. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда обращеніе къ госу- дарственному кредиту представляется цѣлесообразнымъ, существуетъ немалое раз- личіе между положеніемъ государства, обладающаго свободными средствами и мо- гущаго выждать предложенія выгодныхъ условій займа, и государства, вынужден- наго за отсутствіемъ средствъ соглашаться на тѣ условія, которыя ему продик- туютъ кредиторы“.

„Независимо отъ приведенныхъ доводовъ финансоваго характера, — продол- жаетъ всеподданнѣйшій докладъ, — другія, еще болѣе важныя соображенія обяза- ваютъ при веденіи государственнаго хозяйства Россіи стремиться не только къ достиженію равновѣсія между доходами и расходами, но и къ накопленію сво-

бодныхъ средствъ. Пространство Россійской Имперіи такъ велико, входящія въ составъ ея области такъ различны по климатическимъ и другимъ естественнымъ условіямъ, быту и источникамъ существованія населенія, что правительству надо быть всегда готовымъ къ встрѣчѣ то здѣсь, то тамъ какой-нибудь невзгоды. Страна можетъ процвѣтать, а отдѣльными ея частями испытывать неурожаи, повальные болѣзни или другія бѣдствія. Гдѣ же найти средства для помощи населенію, если вести хозяйство въ-обрѣзъ, не имѣя сбереженій на черный день? Между тѣмъ, вызванные неурожаими расходы, до 162 мил. рублей въ 1891—92 г. и свыше 35 милліоновъ въ 1898 году, не говоря о другихъ многочисленныхъ случаяхъ воспособленія нуждающемуся населенію, показали, въ какихъ широкихъ размѣрахъ государство должно располагать запасными средствами на удовлетвореніе потребностей, не поддающихся предвидѣнію. Но область внутренняго управленія задачи государства не исчерпываются. Политическія судьбы Россіи, какъ міровой державы, ставятъ ея жизнь въ тѣсную связь съ жизнью другихъ странъ. Гдѣ бы ни совершались тѣ или нынѣ важныя событія, непосредственные интересы какихъ бы отдѣльныхъ странъ они ни затрогивали,—событія эти большею частью отражаются на положеніи нашего отечества; иногда они находятся въ прямой зависимости отъ отношенія къ нимъ Россіи, въ другихъ случаяхъ побуждаютъ насъ самихъ принимать серьезныя мѣры, чтобы обезпечить за нашимъ отечествомъ сохраненіе принадлежащаго ему мірового значенія. Ближайшимъ послѣдствіемъ такого вліянія политическихъ событій на положеніе Россіи является прежде всего, конечно, необходимость изыскать средства на покрытіе требуемыхъ этими событіями расходовъ. Самый бѣглый подсчетъ памятныхъ всѣмъ издержекъ этого рода лишь за послѣднее время указываетъ, что среди глубокаго мира, которымъ пользуется Россія при всѣмъ извѣстномъ миролюбіи Вашего Императорскаго Величества, совокупность подобныхъ расходовъ достигла чрезвычайно крупной цифры. Притомъ потребности, вызываемыя политическими событіями, возникаютъ, обыкновенно, неожиданно и большею частью должны быть удовлетворены безотлагательно. Поэтому, за неимѣніемъ запасныхъ средствъ, приходилось бы въ подобныхъ обстоятельствахъ или поступаться политическими интересами, или обращаться къ займамъ, независимо отъ того, благоприятствуютъ ли условія даннаго времени кредитнымъ операціямъ. Но опытъ показываетъ, что государство, какъ и частное лицо, нерѣдко получаетъ выгодныя предложенія займовъ, когда оно въ нихъ не нуждается, и, напротивъ того, при всей своей кредитоспособности, иногда не находитъ капиталовъ на соответственныхъ условіяхъ именно въ пору дѣйствительной и притомъ обостренной необходимости. Въ подобныхъ обстоятельствахъ отсутствіе запаса средствъ могло бы сдѣлаться причиной политическаго ущерба для государства“.

Нельзя не замѣтить, что во всѣхъ этихъ, весьма важныхъ, доводахъ преобладаетъ чисто фискальная точка зрѣнія и государственное хозяйство представляется тѣмъ-то изолированнымъ и оторваннымъ отъ хозяйственной жизни страны.

Вопросы, подобныя возбужденному въ приведенной части всеподаниѣйшаго доклада, по справедливому замѣчанію министра финансовъ, не допускаютъ одно-

образнаго разрѣшенія, одинаково пригоднаго для всѣхъ временъ и народовъ и при всякихъ условіяхъ; при ихъ рѣшеніи приходится, конечно, принимать во вниманіе по возможности всѣ существенныя условія конкретной дѣйствительности. Но, съ другой стороны, и выборъ той или иной руководящей точки зрѣнія при самой оцѣнкѣ этихъ условій имѣетъ не менѣе существенное значеніе. Помимо этого разбираемый вопросъ, какъ всякій вопросъ жизненной практики, даже при условіи совпаденія исходныхъ принциповъ, допускаетъ возможность серьезныхъ разногласій при оцѣнкѣ количественныхъ его деталей. Какъ согласиться, напримѣръ, достаточно или недостаточно для Россіи въ настоящее время свободная наличность примѣрно въ 300, 400 или 500 милліоновъ и гдѣ вообще граница накопленія, если призвать даже самое накопленіе остатковъ въ принципѣ желательнымъ?

Оспариваемый во всеподданнѣйшемъ докладѣ взглядъ, если брать сколько-нибудь серьезныя его литературныя выраженія, никогда и не высказывался въ столь абсолютной и аподиктической формѣ, какую можно придать ему на основаніи приведеннаго мѣста всеподданнѣйшаго доклада. При всеяъ разнообразіи въ его отгѣнкахъ, взглядъ этотъ кладетъ въ свою основу убѣжденіе, что прочныя финансовыя успѣхи возможны лишь при наличности роста благосостоянія широкихъ массъ населенія, въ свою очередь зависящаго отъ всей совокупности условій ихъ жизни. Поэтому представители такого взгляда постоянно указывали, какъ на неблагопріятный и могущій представлять опасности въ будущемъ симптомъ, на медленный сравнительно ростъ нашихъ государственныхъ расходовъ, предназначенныхъ на осуществленіе общекультурныхъ задачъ государства. Съ ихъ точки зрѣнія, затрата извѣстной части средствъ, обращавшейся въ свободную наличность государственнаго казначейства, на удовлетвореніе именно такого рода нуждъ государства, обезпечивала бы прочность финансоваго хозяйства и въ минуты затрудненій лучше и прочнѣе, чѣмъ даже наличность свободныхъ средствъ, накапливаемыхъ фискомъ. Такъ между прочимъ каждое увеличеніе косвеннаго обложенія,—къ которому пришлось прибѣгнуть и въ настоящее время,—дало бы значительно большій избытокъ доходовъ при условіи разумныхъ затратъ значительныхъ суммъ въ теченіе ряда предыдущихъ лѣтъ на улучшеніе общихъ условій жизни широкихъ массъ; условія заключенія внутренняго займа при тѣхъ же условіяхъ, если бы къ нему и пришлось прибѣгнуть, были бы также иныя, ибо, помимо прочаго, и количество народныхъ сбереженій было бы иное. Экстренныя затраты на народное продовольствіе, необходимостью которыхъ между прочимъ также мотивируется необходимость накопленія крупныхъ запасовъ въ рукахъ фиска, въ свою очередь могли бы быть значительно уменьшены въ будущемъ при тѣхъ же условіяхъ; ибо, какъ оффиціально признавалось не разъ самимъ министерствомъ финансовъ, періодическіе недороды въ цѣлыхъ обширныхъ районахъ страны, вызывающіе необходимость въ широкой помощи населенію со стороны государства, являются результатомъ не только и не столько случайныхъ неблагопріятныхъ метеорологическихъ условій, сколько коренятся также и въ общихъ условіяхъ жизни крестьянской массы. А условія эти, въ свою очередь,

подаются, конечно, до известной степени государственному воздействию. Константируемое всеподданнѣйшимъ докладомъ относительное сокращеніе даже въ 1900-мъ году таможенного дохода, вслѣдствіе уменьшенія ввоза чугуна, желѣза, машинъ и проч., которое обуславливается „сокращеніемъ устройства новыхъ заводовъ“, тоже могло бы быть до известной степени компенсировано при известныхъ условіяхъ болѣе широкимъ развитіемъ потребления другихъ иностранныхъ товаровъ, составляющихъ, съ нашей русской точки зрѣнія, предметы роскоши, но находящихся на Западѣ громадныя сбыты въ широкихъ слояхъ болѣе культурнаго и богатаго населенія.

Вотъ съ такой-то относительной точки зрѣнія невольно возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія въ цѣлесообразности даже при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ той крайней экономіи по отношенію къ расходамъ на растущія и далеко еще не вполне удовлетворенныя потребности народной жизни, которую отличается особенно роспись на текущій годъ. И по меньшей мѣрѣ постольку, поскольку такая экономія объясняется стремленіемъ къ накопленію свободной наличности и къ воздержанію отъ займовъ, хотя бы и не на особенно благоприятныхъ условіяхъ, послѣднія тенденціи нельзя признать ни безусловно полезными, ни безусловно необходимыми въ нашемъ финансовомъ хозяйствѣ, хотя бы онѣ и обуславливали въ свою очередь внѣшніе его успѣхи. Если и ранѣе, по мнѣнію представителей разбираемаго взгляда, въ жертву подобнымъ успѣхамъ приносились порой нѣкоторыя существенныя нужды страны, то въ нынѣшнемъ году эти жертвы стали особенно чувствительны. Если государственные займы являются бременемъ, которое настоящія поколѣнія налагаютъ на будущія, то и чрезвычайная экономія въ расходахъ на общекультурныя и производительныя затраты для нихъ можетъ оказаться косвенно бременемъ не менѣе тяжкимъ, лишая вмѣстѣ съ тѣмъ современное поколѣніе многихъ благъ, пользованіе которыми было бы полезно и для нихъ, и для будущихъ поколѣній, создавая для дѣятельности послѣднихъ лучшія условія и давая имъ возможность шагнуть далѣе и приступить къ разрѣшенію уже новыхъ задачъ, ставить которыя передъ человѣкомъ не перестаетъ и никогда не перестанетъ исторія.

Другимъ оффиціальнымъ документомъ, котораго нельзя пройти молчаніемъ, является циркуляръ министра юстиціи отъ 15 декабря 1900-го года.

Циркуляръ этотъ стремится разъяснить всѣмъ участвующимъ въ отправленіи уголовного правосудія по важнѣйшимъ дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей или сословныхъ представителей, лицамъ и органамъ ихъ истинныя обязанности, вытекающія изъ самыхъ задачъ и цѣлей уголовного правосудія, и предупредить по возможности на будущее время возможность тѣхъ неправомерностей и уклоненій практики, которыя наблюдаются, по словамъ циркуляра, въ настоящемъ.

Указавъ въ самомъ началѣ, что въ сущности всѣ необходимыя общія основанія правильнаго отправленія уголовного правосудія содержатся „въ подлежа-

шихъ правилахъ устава уголовного судопроизводства“, разъясненныхъ рѣшеніями Правительствующаго Сената, г. министръ юстиціи констатируетъ, какъ сказано, что „министерство юстиціи, слѣдя за ходомъ упомянутыхъ дѣлъ, не могло не обратить вниманія на обнаруживаемые по нимъ болѣе или менѣе крупныя процессуальныя недостатки, могущіе вредно отзываться на характеръ и результатахъ судебной дѣятельности. Относя большинство подобныхъ недостатковъ къ дѣйствию причинъ, „не зависящихъ отъ воли судебныхъ дѣателей“, циркуляръ однако далѣе утверждаетъ, „что иногда нежелательныя уклоненія отъ правильнаго порядка могли бы быть своевременно избѣгнуты или устранены при болѣе бдительномъ и строгомъ соблюденіи всего того, чѣмъ обеспечивается успѣшное выполненіе конечнаго призванія уголовного суда—изобличить и покарать виновнаго, съ полнымъ огражденіемъ невиннаго и наименьшимъ стѣсненіемъ законныхъ правъ и интересовъ“.

Таковы мотивы изданія циркуляра.

Тщательно прослѣдивъ за его содержаніемъ, не трудно убѣдиться, что оно сводится къ систематическому извлеченію изъ устава уголовного судопроизводства и нѣкоторыхъ рѣшеній Правительствующаго Сената основныхъ правилъ уголовного процесса, приуроченныхъ къ важнѣйшимъ процессуальнымъ моментамъ или къ роли того или иного участника процесса. Чтобы не утомлять читателя многочисленными выписками и сопоставленіями съ подлежащими статьями устава уголовного судопроизводства, мы остановимся на той части циркуляра, которая говоритъ о возбужденіи уголовного преслѣдованія—этомъ, дѣйствительно весьма важномъ моментѣ уголовного процесса. Интересы раскрытія преступника и интересы частныхъ лицъ, могущихъ навлечь на себя подозрѣніе, сталкиваются въ немъ иногда очень рѣзко, и разграниченіе ихъ составляетъ одну изъ трудныхъ задачъ правосудія.

Глава третья устава уголовного судопроизводства „о законныхъ поводахъ къ начатію слѣдствія“ трактуетъ объ интересующемъ насъ вопросѣ. Если свести воедино и обобщить постановленія входящихъ въ ея составъ въ настоящее время 19 статей, какъ это дѣлается и во всѣхъ „курсахъ“ уголовного процесса, читаемыхъ для студентовъ и иныхъ слушателей, то существенное содержаніе названной главы можно формулировать такъ: законъ для начатія предварительнаго слѣдствія требуетъ прежде всего наличности одного изъ перечисленныхъ исчерпывающимъ образомъ въ статьѣ 297 „законныхъ“ поводовъ. Къ такимъ поводамъ относятся: 1) объявленія и жалобы частныхъ лицъ; 2) сообщенія полиціи; 3) явка съ повинною; 4) возбужденіе дѣла прокуроромъ и 5) возбужденіе дѣла по непосредственному усмотрѣнію слѣдователя. Никакіе другіе поводы не могутъ служить основаніемъ не только къ возбужденію уголовного преслѣдованія противъ опредѣленнаго лица, но и къ начатію слѣдствія о преступленіи, виновникъ котораго пока не раскрытъ. Но изъ содержанія дальнѣйшихъ статей видно, что кромѣ „законнаго повода“ требуется для начатія слѣдствія еще и „достаточное основаніе“, и только наличность обонхъ условій можетъ оправдывать по закону это процессуальное дѣйствіе. „Прокуроръ и его товарищи,—читаемъ, напримѣръ, въ

ст. 312, — не должны требовать начатія слѣдствія безъ достаточныхъ къ тому оснований. Въ сомнительныхъ случаяхъ они должны собрать свѣдѣнія посредствомъ негласнаго полицейскаго развѣдыванія“.

Обращаясь послѣ этой справки вновь къ циркуляру, мы находимъ въ немъ по интересующему насъ вопросу слѣдующее: „При возбужденіи уголовного преслѣдованія путемъ начатія предварительнаго слѣдствія и привлеченія къ нему обвиняемаго совершенно необходимо прежде всего задаться вопросомъ о томъ, имѣются ли къ сему, кромѣ законнаго повода, еще и достаточныя основания въ видѣ наличности въ преслѣдуемомъ дѣяніи признаковъ наказуемости. Лишь по внимательномъ установленіи квалификація фактовъ, составляющихъ предметъ дѣла, возможно съ извѣстною увѣренностью въ правотѣ преслѣдованія допустить принятіе всѣхъ тѣхъ серьезныхъ мѣръ противъ личной свободы, которыя связаны съ судебно-уголовнымъ воздѣйствіемъ. Иначе, какъ прокурорскія, такъ и слѣдственные распоряженія могутъ оказаться беспочвенными, произвольными и влекущими за собою, сверхъ основательныхъ нареканій, еще и дисциплинарныя послѣдствія. Конечно, изъ опасенія ихъ отнюдь не слѣдуетъ уклоняться отъ пользованія обвинительными и слѣдственными полномочіями, которыми общежитіе охраняется отъ тяжкихъ посягательствъ, во тѣмъ не менѣе нужно тщательно взвѣсить юридическую сторону дѣла, прежде чѣмъ предпринимать уголовное производство, такъ какъ при ошибкѣ или неосмотрительности оно заранѣе будетъ обречено на уничтоженіе. Въ особо сомнительныхъ случаяхъ лучше даже вовсе воздержаться отъ возбужденія дѣла, нежели рисковать такимъ его оборотомъ, не отвѣчающимъ ни назначенію, ни достоинству судебной власти. Неблагоприятна, впрочемъ, и противоположная крайность, когда, напримѣръ, изъ-за казуистическихъ тонкостей или преувеличенно сложныхъ толкованій задерживается или ослабляется правоѣрная сила уголовного возмездія. Здѣсь, какъ и въ другихъ проявленіяхъ карательной дѣятельности, всего умѣстнѣе тотъ осторожный и умѣренный образъ дѣйствій, который, руководствуясь точными предписаніями закона, не исключаетъ рѣшительности, а только обставляетъ ее добросовѣстною самоповѣркою и возможностью мотивированнаго отчета во всемъ сдѣланномъ“.

Таковъ въ общемъ характеръ содержанія и другихъ частей циркуляра.

Повторять и твердить старыя истины бываетъ иногда не только полезно, но и необходимо. Но наступленіе этой печальной необходимости не можетъ во всякомъ случаѣ служить похвальнымъ листомъ для современности.

Признавая поэтому далеко не бесполезнымъ по нашему времени авторитетный призывъ со стороны лица, столпаго во главѣ вѣдомства юстиціи, къ исполненію и соблюденію элементарныхъ принциповъ и правилъ устава уголовного судопроизводства, этого памятника иного времени, мы не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ не разсматривать его, какъ извѣстный реальный симптомъ того ослабленія уваженія къ закону и чувства законности, которое, проникая въ теченіе послѣдняго времени все глубже и глубже въ нашу жизнь и нравы, коснулось уже отчасти, какъ констатируется циркуляромъ, и судебнаго вѣдомства, по самой своей задачѣ призваннаго пмменно къ охраненію и соблюденію закона и насажденію чувства законности.

Конечно, борьба съ такимъ явленіемъ посредствомъ однихъ только циркуляровъ, какъ бы убѣдительно они составлены ни были, невозможна, ибо оно слишкомъ глубоко коренится въ нѣкоторыхъ условіяхъ современной жизни; но разсматриваемый циркуляръ, какъ всякое официальное заявленіе принципиальнаго характера, долженъ быть отмѣченъ, поскольку изъ него возможно дѣлать выводы о настроеніи того вѣдомства, изъ котораго онъ исходитъ. И съ этой точки зрѣнія прежде всего нельзя не обратить вниманія на невольную, можетъ быть, ограничительную оговорку, встрѣчающуюся въ циркулярѣ, способную именно въ наше время подать поводъ къ неправильнымъ толкованіямъ и выводамъ даже со стороны тѣхъ лицъ, къ которымъ непосредственно обращается министр юстиціи. Мы имѣемъ въ виду ту часть введенія къ циркуляру, въ которой говорится о томъ, что преподаваемые въ немъ указанія относятся къ главнымъ условіямъ, „которымъ должно удовлетворять производство *важнѣйшихъ* уголовныхъ дѣлъ, подсудныхъ суду *съ участіемъ присяжныхъ заседателей или сословныхъ представителей*“. Такое ограниченіе оправдывается до извѣстной степени соображеніями простого удобства изложенія, ибо важнѣйшія дѣла вмѣстѣ съ тѣмъ являются наиболѣе сложными, въ которыхъ рѣзко выдѣлены и обособлены такіе процессуальные моменты, которые въ дѣлахъ менѣе сложныхъ частью вовсе могутъ быть опускаемы, а частью сливаются съ другими, и такимъ образомъ на разборѣ хода дѣлъ важнѣйшихъ возможно болѣе ярко и наглядно подчеркнуть желательныя общія положенія процесса.

Повторяемъ, что наши, можетъ быть, и чрезмѣрная опасенія, для которыхъ не могло бы быть мѣста въ сравнительно недавнемъ прошломъ, обусловлены характернѣйшимъ для нашего времени упадкомъ чувства законности въ извѣстныхъ слояхъ общества, проникающимъ, хотя къ счастью пока и въ незначительной степени, и въ судебныя сферы, какъ о томъ свидѣлствуютъ и содержаніе циркуляра министра юстиціи, и самый фактъ его появленія.

12-го декабря истекшаго года въ газетѣ „Россія“ появилась статья подъ заглавіемъ „Походъ на земство“, начинающаяся со слѣдующихъ строкъ: „Въ текущей журналистикѣ замѣчается странное и печальное явленіе: не только „Новое Время“, которое, какъ мудрая, многоопытная бабушка, обо всемъ говоритъ на-двое, но въ унисонъ ему и другія изданія, самаго, казалось бы, не двусмысленнаго направленія, какъ, напр., „Недѣля“, „Жизнь“ и „Сѣверный Курьеръ“, дружно ополчились противъ земства“.

Поводъ къ написанію этой статьи со стороны „Жизни“ далъ пишущій эти строки своей хроникой за ноябрь прошлаго года. На нее и встрѣчается далѣе общая ссылка въ статьѣ „Россія“, причемъ однако авторъ не приводитъ изъ написаннаго мною ни единой строки.

Я бы не сталъ, разумѣется, отмѣчать этой, статьи, если бы не думалъ, что сооставленіе „Жизни“ съ „Новымъ Временемъ“ является плодомъ какого-либо недоразумѣнія.

Читателямъ, слѣдившимъ хоть сколько-нибудь внимательно за тѣмъ, что слу-

чалось мнѣ, какъ хроникеру, писать о земствѣ, мнѣ нѣтъ надобности объяснять что-либо. Автору же статьи въ „Россiя“ могу лишь посовѣтовать прочесть внимательно часть ноябрьской хроники, посвященную земскимъ вопросамъ, и онъ безъ труда убѣдится, что нападалъ я не на земство, а на земцевъ да и то не на всѣхъ, а на извѣстную часть, къ сожалѣнiю, по условiямъ современной земской жизни получающую все болѣе и болѣе преобладающее значенiе.

Разница, смѣю думать, довольно существенная. Земству же, какъ учрежденiю, способному къ дальнѣйшему росту и видоизмѣненiю, я въ той же хроникѣ, не боясь оказаться ложнымъ пророкомъ, предсказываю лучшее будущее, скорѣйшаго наступленiя котораго желаю не менѣе, чѣмъ такъ называемые друзья земства.

И думаю еще, что, при всей неизбѣжности ошибокъ и недосмотровъ въ сгѣшной газетной работѣ, въ настоящее время хотя бы простое сопоставленiе чьихъ-либо взглядовъ или статей съ нововременскими надо дѣлать съ большей осторожностью и осмотрительностью.

Министры: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенiя и юстици и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, на основанiи примѣчанiя къ ст. 148 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщанiи 22-го сего декабря, постановили: совершенно прекратить изданiе газеты „Сѣверный Курьеръ“, входящей въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ.

Правительственное сообщенiе (отъ мин. нар. проsv.):

„Еще въ июнѣ мѣсяцѣ минувшаго года тайными студенческими организаціями нѣкоторыхъ высшихъ учебныхъ заведенiй, присвоившими себѣ разныя наименованiя, былъ созванъ въ гор. Одессѣ „общестуденческой сѣздъ“, въ которомъ приняли участiе „делегаты“ отъ этихъ организацій,—для выработки единообразнаго плана дѣйствiй „всего русскаго студенчества“. Въ одно изъ засѣданiй сѣзда собравшіеся „делегаты“ были арестованы, а находившіеся при нихъ документы отобраны. Эти документы содержали, между прочимъ, данныя объ устройствѣ запрещенныхъ студенческихъ организацій, ихъ численномъ составѣ и цѣляхъ, которыя онѣ преслѣдуютъ, а также планы дальнѣйшей ихъ дѣятельности и проектъ объединенiя ихъ въ одномъ центральномъ органѣ, который, въ извѣстныхъ случаяхъ, руководилъ бы дѣйствiями студентовъ въ желаемомъ направленiи. Въ этихъ планахъ и проектѣ, помимо преступныхъ политическихъ цѣлей, которыя, по словамъ нѣкоторыхъ документовъ, должны скрываться отъ большинства студентовъ „вслѣдствiе боязни массы передъ всякой политикой“, ставится, въ числѣ прочаго, задачей дѣятельности студенческихъ организацій, обнимающихъ собою, по свидѣтельству тѣхъ же документовъ, лишь незначительную часть учащейся молодежи высшихъ учебныхъ заведенiй,—выраженiе всякаго рода протестовъ по поводу явленiй академической, общественной и политической жизни и устройство организованныхъ студенческихъ движенiй. Хотя, какъ сказано, участники сѣзда были арестованы, но попытки къ осуществленiю намѣченной ими программы дѣйствiй стали настойчиво обнаруживаться во многихъ

высших учебных заведений съ начала текущаго учебнаго года, въ частности, въ видѣ шумныхъ протестовъ и беспорядковъ подъ самыми разнообразными предлогами, иногда не имѣвшими никакого отношенія къ данному учебному заведенію. Съ особою силою эти попытки сказались въ кievскомъ университетѣ св. Владимира, гдѣ онѣ, въ началѣ декабря, заключились буйною сходкою, рѣшившею прекратить учебныя занятія послѣ зимнихъ каникулъ, если требованія студентовъ не будутъ уважены.

Броженіе среди студентовъ кievскаго университета началось въ октябрѣ мѣсяцѣ. Первоначальнымъ поводомъ къ этому броженію послужили лекціи профессора, который, замѣняя своего товарища, уѣхавшаго въ заграничный отпускъ, принялъ на себя чтеніе его предметовъ, по порученію факультета. Недовольные этою временною замѣною одного преподавателя другимъ, студенты начали волноваться, уговариваться не посѣщать аудиторіи нежелательнаго для нихъ лектора и составлять сходки съ цѣлью добиться назначенія другого преподавателя. Несмотря на мѣры вразумленія, принимавшіяся инспекціею, секретаремъ и деканомъ факультета и ректоромъ университета, броженіе среди студентовъ усиливалось и въ самомъ концѣ октября стало выражаться шумными сборищами и непослужительными демонстраціями, въ которыхъ принимали участіе уже и студенты другихъ курсовъ и даже другихъ факультетовъ. Это броженіе приостановилось, по крайней мѣрѣ, наружно, лишь съ прекращеніемъ профессоромъ лекцій, но приостановка оказалась непродолжительною. 13-го ноября вновь собралась многочисленная сходка, въ числѣ до 700 человекъ, на этотъ разъ уже подъ другимъ предлогомъ—для суда надъ товарищемъ за совершенный имъ на улицѣ предосудительный проступокъ, оглашенный мѣстной печатью. Инспекторъ студентовъ, послѣ тщетной попытки своего помощника, встрѣченнаго свистками и враждебными криками, отправился самъ и проникъ не безъ труда въ затворенную аудиторію, гдѣ происходила сходка, которая приняла его сначала недружелюбно. Указавъ студентамъ на незаконность ихъ дѣйствій и на то, что провинившійся товарищъ уже удаляется изъ университета и что другіе упоминавшіеся на сходкѣ случаи неблаговидныхъ поступковъ разслѣдованы и подлежатъ суду правленія, инспекторъ, послѣ усиленныхъ настояній, успѣлъ уговорить студентовъ разойтись, что тѣ, послѣ нѣкотораго колебанія, и исполнили, несмотря на протесты и противодѣйствіе руководителей сходки, старавшихся задержать уходившихъ въ коридоръ и увлечь ихъ въ другую аудиторію. Раздраженные этою неудачею, названные руководители устроили въ слѣдующій учебный день, 15-го ноября, новую сходку, въ которой участвовало примѣрно такое же число студентовъ, какъ и въ предшествовавшей, но которая оказалась настолько упорною, что успія инспекціи прекратить беспорядокъ не достигали цѣли. Пробывъ въ аудиторіи около двухъ часовъ, толпа вышла оттуда съ шумомъ, свистомъ и пѣніемъ пѣсенъ, продолжала безчинствовать нѣкоторое время въ коридорѣ и забылась настолько, что не дала возможности говорить ректору, явившемуся для ея увѣщанія. Она разошлась лишь тогда, когда руководители отпустили ее, причемъ нѣкоторые изъ нихъ благодарили присутствовавшихъ за „торжество настоя-

шаго дня". Главные виновники сходки, дѣйствовавшіе довольно открыто и беззащитно, были переписаны инспекціею и, по распоряженію попечителя учебнаго округа, преданы суду правленія. Вслѣдъ затѣмъ наступило нѣкоторое успокоеніе, въ теченіе котораго учебныя занятія шли безпрепятственно. Принимая въ соображеніе, между прочимъ, это успокоеніе, выразившееся въ томъ, что сходки въ продолженіе 2½ недѣль не возобновлялись, правленіе университета, въ заведеніи 2-го декабря, сочло возможнымъ отнестись съ крайнимъ снисхожденіемъ къ участникамъ беспорядковъ 15-го ноября и четырехъ главныхъ виновниковъ приговорило къ карцеру, отъ 5 до 2 дней, ограничившись относительно остальныхъ виновныхъ лицъ низшими мѣрами взысканія — выговоромъ и лишеніемъ на годъ нѣкоторыхъ льготъ. Этотъ приговоръ послужилъ, однако, предлогомъ къ дальнѣйшему движенію.

Двос изъ приговоренныхъ къ карцеру студентовъ рѣшительно отказались подчиниться наложенному взысканію, объявленному имъ, 4-го декабря, инспекторомъ, и тотчасъ по выходѣ изъ кабинета послѣдняго стали приглашать студентовъ на сходку къ 12 часамъ слѣдующаго дня. Такъ какъ большія аудиторіи, въ которыхъ можно было ожидать сходки, были, по распоряженію инспекціи, закрыты къ назначенному часу 5-го декабря, то собравшіеся въ коридорѣ студенты пытались войти въ двѣ другія аудиторіи, въ которыхъ читались лекціи, чтобы устроить тамъ сходку. Встрѣтивъ, однако, дружный отпоръ со стороны профессоровъ и слушателей, толпа перешла изъ одного этажа въ другой и силою ворвалась въ одну изъ запертыхъ аудиторій, выломавъ напоромъ замокъ въ дверяхъ и расположившись въ занятомъ помѣщеніи; при этомъ, проходя по коридору, одинъ изъ студентовъ далъ сигнальный звонокъ для окончанія лекцій за 20 минутъ до срока, но, впрочемъ, не достигъ цѣли.

Еще до начала сходки ректоръ пригласилъ къ себѣ тѣхъ двухъ студентовъ, которые отказались подвергнуться на нихъ взысканію, и указалъ имъ, что, согласно дѣйствующимъ правиламъ, неподчиненіе приговору правленія влечетъ за собою увольненіе изъ университета; но это указаніе не склонило упорствовавшихъ къ повиненію. Тогда ректоръ объявилъ имъ объ ихъ увольненіи, потребовалъ возвращенія входныхъ на лекціи билетовъ и предложилъ немедленно уйти изъ университетскаго зданія. Выслушавъ это распоряженіе, одинъ изъ нихъ отправился прямо на сходку, которая къ этому времени уже собралась, а другой удалился изъ университета, но вскорѣ вернулся, окруженный толпою товарищей, и также пошелъ на сходку, встрѣтившую его шумными привѣтствіями.

Пробывъ около двухъ часовъ въ аудиторіи и, между прочимъ, подвергнувъ обсужденію вопросы о посылкѣ делегатовъ въ другія высшія учебныя заведенія и о защитѣ „невинно пострадавшихъ“ товарищей, осужденныхъ за беспорядки 15-го ноября, сходка, въ которой принялъ участіе до 250 человекъ, постановила: потребовать отмены приговора правленія и возвращенія въ университетъ уволенныхъ товарищей, не подчинившихся этому приговору, а въ противномъ случаѣ — „забастовать“ и продолжать „забастовку“ послѣ рождественскихъ праздниковъ. Сдѣлавъ такое постановленіе, они послали депутатовъ просить ректора

къ себѣ въ аудиторію; но тотъ отвѣтилъ посланнымъ, что къ студентамъ, которые не исполняютъ его требованій, онъ не пойдетъ. Послѣ этого собравшіеся оставались въ аудиторіи еще около получаса и потомъ разошлись, рѣшивъ предварительно устроить проводы уволеннымъ товарищамъ, предполагавшимъ въ тотъ же день выѣхать изъ Кіева. И дѣйствительно, поздно вечеромъ толпа студентовъ, человѣкъ въ 300, при участіи небольшого числа лицъ женскаго пола, собралась на вокзалъ ко времени отъѣзда уволенныхъ и устроила имъ демонстративные проводы, сопровождавшіеся пѣніемъ пѣсенъ. Прощаясь съ провожавшими, одинъ изъ уволенныхъ приглашалъ студентовъ не прекращать сходокъ и стойко держаться до послѣдней возможности.

Этими проводами начавшееся движеніе не ограничилось. 7-го декабря, къ 12 часамъ дня, снова собралась въ той же аудиторіи многолюдная сходка, предметомъ обсужденія которой попрежнему оставался вопросъ объ отмѣнѣ приговора правленія и возвращенія уволенныхъ. Какъ и предыдущая, сходка отличалась большою разнузданностью. Послѣ шумныхъ разговоровъ, продолжавшихся около 2¹/₂ часовъ, къ ректору опять были посланы депутаты съ приглашеніемъ явиться на сходку и выслушать ея постановленіе. Отказавъ въ этомъ, ректоръ старался объяснить депутатамъ всю неосновательность требованія сходки, но напрасно. Въ отвѣтъ на его слова депутаты заявили, что студенты не разойдутся, пока къ нимъ не явится ректоръ, хотя бы имъ пришлось оставаться цѣлыя сутки въ университетѣ.

Пока происходила описываемая сходка, чтеніе лекцій въ другихъ помѣщеніяхъ шло обычнымъ порядкомъ. По окончаніи лекцій инспекція распорядилась закрыть всѣ входы въ университетъ, причемъ, однако, желающимъ было предоставлено свободно выходить изъ зданія, но не дозволялось возвращаться обратно. Поэтому, когда, позднѣе, удалившаяся группа студентовъ, человѣкъ въ 15, вернулась вновь, неся съ собою различные припасы, она не была пропущена въ зданіе; но въ это время, по давнему сигналу, остававшіеся въ университетѣ выломали дверь въ одномъ изъ входовъ и пропустили товарищей, принесшихъ провизію и свѣчи. Поставивъ къ этому выходу караульныхъ, студенты уже могли свободно получать дальнѣйшее продовольствіе. Когда наступили сумерки, они зажгли въ аудиторіи принесенныя свѣчи, держали себя шумно, пѣли пѣсни. Возраставшая разнузданность дошла до такихъ предѣловъ, что какое-либо воздѣйствіе на расходившуюся толпу со стороны инспекціи и университетскаго начальства представлялось невозможнымъ. Вскорѣ выломали двери въ сосѣднее помѣщеніе и такимъ образомъ расположились въ двухъ аудиторіяхъ; потомъ стали разбивать стекла въ наружныхъ окнахъ и, вслѣдъ затѣмъ, отряжать группы, человѣкъ по 20, въ шинельную за платьею чтобы защититься отъ холода и, быть можетъ, устроиться на ночь. Изъ аудиторіи раздавался звонъ разбиваемыхъ стеколъ и крики безчинствовавшей толпы.

Такъ какъ буйство продолжало усиливаться, то о происшедшемъ было доложено генералъ-губернатору, который, получивъ отъ университетскаго начальства отрицательный отвѣтъ на вопросъ, можетъ ли оно тотчасъ же прекратить без-

чинство, распорядился немедленно посылкою воинской команды къ университету и поручил вице-губернатору и начальнику губернскаго жандармскаго управления переписать всѣхъ участниковъ сходки и распустить ихъ по домамъ, а нежелающихъ подчиниться этому требованію — арестовать. Около 7^{1/2} часовъ солдаты заняли выходы университетскаго зданія и оцѣнили помѣщенія, занятые студентами, которые встрѣтили вошедшихъ въ аудиторію начальствующихъ лицъ враждебно и дерзко, но потомъ, при видѣ сопровождавшаго ихъ конвоя, стали вести себя сдержаннѣе и вѣжливѣе. Тѣмъ не менѣе, на предложеніе раздѣлиться на группы по факультетамъ для удобства переписки они отвѣчали, что добровольно не выйдутъ изъ аудиторіи, пока къ нимъ не явится ректоръ выслушать постановленія сходки, послѣ чего они исполнять предъявленное къ нимъ требованіе. Чтобы избѣжать принужденія силою, вице-губернаторъ и начальникъ жандармскаго управления оставили аудиторію, направились къ ректору и просили его выйти къ студентамъ, которые къ тому времени уже нѣсколько успокоились. Когда ректоръ вошелъ въ аудиторію, одинъ изъ студентовъ обратился къ нему съ рѣчью, въ которой изложилъ слѣдующія постановленія сходки: 1) сходка требуетъ, чтобы наказаніе карцеромъ не примѣнялось въ кievскомъ университетѣ, 2) она требуетъ, чтобы оба уволенные товарища были приняты обратно въ университетъ, и 3) если эти требованія не будутъ исполнены, сходка постановила устроить въ январѣ „всеобщую обструкцію“. На это ректоръ отвѣчалъ новымъ разъясненіемъ неосновательности студенческихъ требованій, послѣ чего студентъ, говорившій отъ имени сходки, объявилъ себя удовлетвореннымъ. Участники сходки были затѣмъ послѣдовательно переписаны по группамъ, въ 30 человекъ каждая, и въ томъ же порядкѣ распущены по домамъ. Всѣхъ переписанныхъ оказалось 396 человекъ, въ томъ числѣ — одинъ студентъ другого университета, два вольнослушателя и одно лицо, уже окончившее университетскій курсъ.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ предыдущаго, въ отдѣльныхъ сходкахъ, имѣвшихъ мѣсто въ кievскомъ университетѣ въ теченіе перваго полугодія текущаго учебнаго года, принимало участіе отъ 250 до 700 студентовъ, что, по отношенію къ общему числу учащихся въ этомъ университетѣ, превышающему 2.700 человекъ, составляетъ незначительное меньшинство, упорно мѣшающее остальнымъ студентамъ вести правильныя занятія. Къ этому нужно добавить, что, по наблюденіямъ инспекціи, главный и дѣятельный составъ сходокъ образуютъ одни и тѣ же лица, гдѣ бы и по какому бы поводу ни происходила сходка.

Въ виду всего вышеназложеннаго, министръ народнаго просвѣщенія, телеграммою отъ 8-го декабря, предложилъ попечителю кievскаго учебнаго округа примѣнить къ участникамъ сходки 7-го декабря Высочайше утвержденныя 29-го іюля 1899 года временныя правила объ отбываніи воинской повинности воспитанниками высшихъ учебныхъ заведеній, удаляемыхъ изъ сихъ заведеній за учиненіе скопомъ безпорядковъ.

Образованное на основаніи приведеннаго закона особое совѣщаніе изъ представителей министерствъ: народнаго просвѣщенія, военнаго, внутреннихъ дѣлъ

и юстиціи посвятило рассмотрѣнію дѣла 15 засѣданій, въ теченіе времени съ 11-го по 31-е декабря включительно, опросило всѣхъ явившихся по вызову участниковъ безпорядковъ 7-го декабря, выслушало письменныя показанія неявившихся и, обсудивъ поведеніе каждаго участника въ связи съ выяснившимися обстоятельствами дѣла, большинствомъ голосовъ опредѣлило: признать всѣхъ студентовъ университета св. Владиміра, участвовавшихъ въ сходкѣ 7-го декабря, виновными и подлежащими удаленію изъ университета и зачисленію въ военную службу на разные сроки: а) двухъ студентовъ—на три года, б) пяти студентовъ—на два года и в) всѣхъ остальныхъ, со включеніемъ студента другого университета, въ числѣ 385 человекъ,—на одинъ годъ, о чемъ и представить министру народнаго просвѣщенія.

Разсмотрѣвъ представленные протоколы и опредѣленіе особаго совѣщанія, вмѣстѣ съ приложенными къ нимъ документами, и руководствуясь ст. 6 временныхъ правилъ 29-го іюля 1899 года, министръ народнаго просвѣщенія постановилъ по настоящему дѣлу слѣдующее окончательное рѣшеніе:

1) Опредѣленіе особаго совѣщанія относительно двухъ студентовъ первой категоріи и пяти студентовъ второй категоріи утвердить.

2) Опредѣленіе особаго совѣщанія относительно 176 студентовъ третьей категоріи, какъ принимавшихъ дѣятельное участіе въ безпорядкахъ 7-го декабря или, кромѣ участія въ сихъ послѣднихъ, замѣченныхъ въ рядѣ бывшихъ безпорядкахъ, утвердить.

3) Опредѣленіе же особаго совѣщанія относительно 209 студентовъ той же третьей категоріи, какъ изблеченныхъ лишь въ присутствіи на сходкѣ 7-го декабря и не замѣченныхъ въ прежнихъ безпорядкахъ, отмѣнить, подвергнувъ этихъ студентовъ выговору со внесеніемъ въ штрафной журналъ, лишеніемъ всѣхъ льготъ въ теченіе университетскаго курса и предупреденіемъ, что, въ случаѣ новаго участія въ безпорядкахъ, настоящая ихъ виновность будетъ служить обстоятельствомъ, отягчающимъ ихъ вину.

Въ дополненіе къ изложенному рѣшенію министръ народнаго просвѣщенія разъяснилъ, что для лицъ, подлежащихъ въ силу этого рѣшенія зачисленію въ войска, порядокъ и время отбыванія воинской повинности, а равно зачетъ этого отбыванія въ счетъ той службы, которую они должны нести на основаніи общаго закона о воинской повинности, подлежатъ вѣдѣнію военнаго министерства

Иностранное обозрѣніе.

XIX вѣкъ продолжается.—Власть золота.—Накопленіе.—Империализмъ и націонализмъ.—Разложеніе Австріи.—Міровая политика.—Культурная борьба.—Смерть королевы Викторіи.—Викторія, какъ жена, мать и королева.

XX вѣкъ уже успѣлъ причинить непріятность одному почтенному джентльмену. Джентльменъ этотъ—мистеръ Нойлесъ (Knowles), издатель извѣстнаго англійскаго журнала „XIX вѣкъ“ („Nineteenth Century“). Человѣчество перешло въ XX вѣкъ, а мистеръ Нойлесъ остался съ XIX вѣкомъ: перескочить въ новое столѣтіе ему помѣшалъ какой-то другой хитроумный джентльменъ, взявшій раньше его привилегію на названіе своего журнала „XX-ый вѣкомъ“. Нойлесъ вышелъ изъ затрудненія очень просто, но, по общему мнѣнію, очень неудачно: къ названію своего журнала онъ прибавилъ „and after“ („и слѣдующіе“) — „XIX вѣкъ и слѣдующіе“. Ему бы слѣдовало, по нашему мнѣнію, прибавить не „and after“, а „continues“ („продолжается“) — „XIX вѣкъ продолжается“ или, пожалуй, „Продолженіе XIX-го вѣка“. Это было-бы, по крайней мѣрѣ, смѣло. Императоръ Вильгельмъ II (человѣкъ, какъ извѣстно, нетерпѣливый) укоротилъ XIX вѣкъ на годъ, мистеръ же Нойлесъ продолжалъ бы его на неопредѣленное время. Это было бы не только смѣло, но, съ извѣстной точки зрѣнія, даже очень вѣрно. XIX вѣкъ какъ эпоха, не можетъ еще считаться законченнымъ, — онъ еще продолжается, но направленіе его движенія стало теперь яснымъ *). Человѣчество жило прошлыя сто лѣтъ страшно интенсивно, выполняя огромную подготовительную работу для измѣненія условій жизни, для осуществленія идеаловъ свободы и любви, но эта подготовительная работа далеко еще не закончена, и настоящій новый вѣкъ лишь слабо мерцаетъ въ туманномъ будущемъ. Понятно, что и послѣдній годъ столѣтія носитъ промежуточный характеръ, и его событія не заканчиваютъ и не начинаютъ эпохи ни въ одной изъ областей человѣческой жизни.

Самымъ выдающимся политическимъ событіемъ прошлаго года, конечно, было „возмущеніе Китая“ и не признанная официально, но чрезвычайно жестокая и кровавая европейско-китайская война. Видѣть въ этомъ событіи начало новой эры, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые публицисты, совершенно невѣрно. Евро-

*) Оттого характеристика главнѣйшихъ теченій XIX вѣка имѣетъ въ настоящее время такой жизненный, такой животрепещущій интересъ.

пейско-китайская война—лишь одинъ изъ эпизодовъ исторіи накопленія, исторіи капитализма. Капитализмъ въ своемъ развитіи и распространеніи не могъ, конечно, остановиться передъ китайскою стѣною, за которою тѣсятся сотни милліоновъ трудолюбивыхъ и нетребовательныхъ монголовъ.

Въ китайской стѣнѣ давно уже были пробиты бреши, событія послѣдняго года разрушаютъ ее окончательно, и Китай теперь для капиталистовъ сдѣлается тѣмъ, чѣмъ для англійской буржуазіи является Индія—источникомъ легкаго и быстрого обогащенія. Но, конечно, не всѣ „страны“ воспользуются въ одинаковой степени новымъ источникомъ обогащенія, потому что не всѣ страны обладаютъ усовершенствованными орудіями эксплуатаціи. „Побѣда надъ Китаемъ“ принесетъ несравненно больше выгодъ англійскимъ и нѣмецкимъ капиталистамъ, чѣмъ, напр., русскимъ купцамъ.

По особому договору съ китайскимъ правительствомъ, благодарнымъ за восстановление порядка, Россія получила протекторатъ надъ Манджуріей, которая отнынѣ будетъ управляться подъ вполнѣ дѣйствительнымъ русскимъ контролемъ.

Нѣмецкія и англійскія газеты привѣтствуютъ дипломатическую побѣду Россіи, добавывая, быть можетъ, не совсѣмъ искренно, что русское господство въ Манджуріи можетъ быть лишь выгодно Англии и Германіи.

„Извѣстіе о полученіи Россіей протектората надъ Манджуріей,—пишетъ въ „Times“ очень компетентный въ китайскомъ вопросѣ англичанинъ Францискъ Янхасбандъ,—„встрѣчено было Европой съ полнымъ одобреніемъ, и нигдѣ оно не вызвало большей радости, чѣмъ у насъ, торговые обороты которыхъ съ Манджуріей превышаютъ манджурскую торговлю всѣхъ остальныхъ странъ“.

Янхасбандъ указываетъ на тѣ опасности и трудности, которыя ему пришлось пережить 14 лѣтъ тому назадъ, когда онъ съ товарищами ѣздилъ въ Мукденъ, Киринъ и Тзи-гаи-харъ; теперь же, благодаря Россіи, торговые сношенія съ этими городами сдѣлаются для англичанъ безопасными и удобными.

Однако, за выраженіемъ радости у мистера Янхасбанда слѣдуетъ очень значительное „но“.

Въ этомъ „но“ указывается на печальную для англичанъ „инстинктивную вѣру“ русскихъ въ протекціонизмъ, который уже удалил англійскія торговые суда изъ Портъ-Артура, и выражается опасеніе, что „безопасность пути“ доставится англичанамъ слишкомъ дорого. Въ заключеніе мистеръ Янхасбандъ сѣтуетъ на длительность южно-африканской войны, мѣшающей англичанамъ настоящимъ образомъ отстаивать свои торговые интересы.

Въ „письмѣ“ мистера Янхасбанда, какъ видите, звучитъ радость пессимистическая, въ письмѣ же „ливерпульскаго купца“, помѣщенномъ въ томъ же „Times“, слышится оптимистическое злорадство.

„Ливерпульскій купецъ“ думаетъ, что китайцы начнутъ теперь эмигрировать въ русскія владѣнія и въ концѣ концовъ не только „вернуть“ Манджурію, но и отрѣжутъ хорошій кусокъ Сибири. „Мы подтвердимъ тогда,—говоритъ почтенный ливерпульскій купецъ,—справедливость французской поговорки:

„Несчастья наших друзей не всегда бывают намъ черезчуръ неприятны“.

Отнятія Китаемъ у Россіи „хорошаго куска Сибири“ придется ждать еще слишкомъ долго для оправданія этой французской поговорки. Въ ея справедливости англичане могли убѣдиться и нынѣ во время своихъ южно-африканскихъ затрудненій: ихъ неудачи были не черезчуръ неприятны ихъ европейскимъ и американскимъ друзьямъ.

Южно-африканская война была вторымъ крупнымъ событіемъ прошлаго года. Онъ получилъ ее отъ 1899 года, послѣ „черной“ для англичанъ недѣли ряда тяжелыхъ пораженій, и нынѣ передаетъ ее новому вѣку въ моментъ критическаго для англичанъ вторженія буровъ въ Капскую область.

И это событіе—лишь одинъ изъ эпизодовъ исторіи „накопленія“, исторіи распространенія капиталистической эксплуатаціи. Золото направляетъ желѣзо, изъ-подъ котораго струится англійская и бурская кровь. Въ сущности не „желѣзомъ и кровью“, а золотомъ рѣшаются „великіе вопросы современности“. „Золоту“ на этотъ разъ приходится выдержать очень трудную борьбу, и, если оно одержитъ побѣду, то это будетъ Пиррова побѣда: если оно выйдетъ побѣдителемъ, то все же сила его будетъ пошатнута. Власть золота пока еще огромна, но она не вѣчна.

Проливать кровь бѣлыхъ становится все труднѣе, и, несмотря на массу готоваго горючаго матеріала, несмотря на цѣлые столбы искръ, летящихъ со всѣхъ концовъ міра, европейскій пожаръ не вспыхиваетъ, и правительства всѣхъ цивилизованныхъ странъ славословятъ миръ. Послѣ неожиданной серьезности южно-африканской войны англичане (да и не одни англичане) сдѣлаются еще болѣе осторожными.

Китайскія и южно-африканскія событія слишкомъ сильно захватили общее вниманіе, и сравнительно мало замѣченнымъ прошло образованіе единой австралійской федераціи (Commonwealth), почти независимой отъ Англій. Буры, отчаянно защищая свою независимость, помогли австралійскимъ колоніямъ отстоять свое широкое самоуправленіе: послѣ „черной недѣли“ англійскому правительству немислимо было сеоряться со своими „колоніями“, и Чемберленъ побудилъ парламентъ принять австралійскую федеративную конституцію въ томъ видѣ, какъ она была вотирована австралійскими гражданами. И какая печальная иронія судьбы, что Австралія своею кровью и своимъ золотомъ поддержала Англію въ ея борьбѣ противъ южно-африканскихъ республикъ, защищающихъ свою независимость!

Федеративная Австралія будетъ отнынѣ новымъ факторомъ въ міровой политикѣ. Англія возлагаетъ на нее, какъ свою вѣрную союзницу, большія надежды. Вообще, за послѣдніе годы на міровую политическую арену выступаютъ все новыя и новыя націи, необычайно быстро приобретающія вѣсъ и значеніе въ „европейскомъ“ (?) концертѣ. Уже и теперь смѣшно въ сущности говорить объ „европейскомъ“ концертѣ, управляющемъ міромъ. Японія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты принимаютъ въ управленіи міромъ несравненно

большее участіе, чѣмъ Австрія и Италія, эти двѣ „великія“ европейскія державы.

Австрія встрѣтила новое столѣтіе выборами въ рейхсратъ. Избирательная система въ Австріи крайне сложна и нелѣпа; всеобщее избирательное право дѣйствуетъ въ одной только пятой куріи; въ двухъ высшихъ куріяхъ правомъ голоса пользуется очень ограниченное число богатыхъ магнатовъ: понятно, что результаты дають далеко не точную картину народнаго настроенія, но по ней все же можно составить себѣ представленіе объ общественно-политической эволюціи, нѣкоторыя черты которой выступаютъ очень рѣзко. Прежде всего бросается въ глаза усиленіе крайнихъ націоналистическихъ партій.

Число шенеріанцевъ—крайнихъ нѣмецкихъ націоналистовъ—съ пяти возросло до 23. Чтобы оцѣнить значеніе этого успѣха, надо помнить, что руководители этой группы открыто проповѣдуютъ присоединеніе нѣмецкихъ австрійскихъ провинцій къ Германской имперіи. Соціалдемократы на этотъ разъ потеряли шесть мѣстъ въ Богеміи, гдѣ сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь, бушуютъ національныя страсти. Понизилось число соціалдемократическихъ избирательныхъ голосовъ и въ Галиціи, гдѣ съ трудомъ прошелъ одинъ Дашинскій, но въ Галиціи австрійскія власти и польская шляхта „дѣлали выборы“ на этотъ разъ съ особеннымъ искусствомъ. Въ избирательныхъ урнахъ происходили необычныя превращенія въ пользу шляхтичей, и ихъ кандидаты выбирались даже тамъ, гдѣ большинство избирателей было за соціалдемократовъ или народниковъ. Не жалѣли шляхтичи и денегъ для покупки избирателей. Но зато въ собственной Австріи число голосовъ, поданныхъ за соціалдемократовъ, сильно возросло. Характерно, что за соціалдемократовъ въ Вѣнѣ подавали голоса представители мелкой буржуазіи, какъ это показываютъ выборы въ третьей куріи, гдѣ соціалдемократическіе кандидаты получили больше голосовъ, чѣмъ либералы всѣхъ отгѣнковъ. Въ общемъ, однако, число соціалдемократическихъ депутатовъ въ австрійскомъ рейхсратѣ съ 14 упало до 10. Число антисемитскихъ голосовъ значительно понизилось; это тоже явленіе характерное не для одной Австріи. Антисемитизмъ мало жизнеспособенъ и обыкновенно лишь подготовляетъ почву для соціалдемократіи. Либкнехтъ довольно вѣрно опредѣлялъ антисемитовъ, назвавъ ихъ глупыми соціалистами. Потерпѣла поражение и клерикальная, католическая народная партія, старавшаяся стоять внѣ національныхъ и классовыхъ распрей. Число ея членовъ сократилось съ 27 до 23-хъ. Здѣсь видно отраженіе борьбы нѣмецкихъ націоналистовъ съ воздѣйствіями, идущими изъ Ватикана, заинтересованнаго въ сохраненіи католической Австро-Венгріи въ ея настоящемъ видѣ и старающагося связать нѣмцевъ-католиковъ съ чехами и поляками на вѣроисповѣдальной почвѣ. Чехи возвращаются въ парламентъ въ нѣсколько усиленномъ составѣ, но безъ прежняго единства. Число младочеховъ съ 61 упало до 53, но зато 10 представителей посылаютъ двѣ новыхъ чешскихъ группы: чешская рабочая партія и чешскіе аграріи. Рейхсратъ попрежнему будетъ или бездѣйствовать, или служить ареною для бурныхъ схватокъ между нѣмцами и чехами.

На примѣрѣ Австро-Венгрии видно, что XIX вѣкъ еще далеко не разрѣшил одного изъ своихъ важнѣйшихъ вопросовъ—вопроса національнаго, но имъ совершена значительная часть подготовительной работы. Можно почти увѣренно сказать, что въ концѣ XX вѣка Австро-Венгрия не будетъ уже существовать. Къ благополучію составляющихъ ее народовъ она распадется на нѣсколько естественныхъ національныхъ единицъ.

Возникшій въ концѣ XIX вѣка съ такою помпою чемберленовскій „имперіализмъ“ встрѣтитъ сильнаго противника въ лицѣ „націонализма“. По нашему мнѣнію, прогрессъ на сторонѣ скорѣе „націонализма“, чѣмъ чемберленовскаго „имперіализма“, такъ какъ торжество космополитизма возможно лишь при разрѣшеніи національнаго вопроса въ смыслѣ созданія благоприятныхъ условий для свободнаго развитія всѣхъ націй внѣ зависимости отъ ихъ силы и величины.

Печально недомысліе тѣхъ, кто, не сочувствуя эксплуатаціи чело­вѣка чело­вѣкомъ, сочувствуютъ чемберленовскому имперіализму.

Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ на послѣднихъ президентскихъ выборахъ „имперіализмъ“, какъ извѣстно, одержалъ побѣду, но антиимперіалистская пропаганда во время избирательной борьбы не прошла даромъ; во всякомъ случаѣ побѣдитель-имперіализмъ въ Америкѣ, точно такъ же, какъ и въ Англии послѣ послѣднихъ выборовъ, держитъ голову далеко не такъ гордо, какъ до побѣды: онъ чувствуетъ близкое поражение.

Сѣверо-американскій сенатъ началъ новое столѣтіе очень важнымъ и характернымъ постановленіемъ: 32 голосами противъ 10 онъ принялъ поправку къ „военному закону“, поправку, которая предлагаетъ президенту пользоваться военною силою на Филиппинахъ только для поддержанія порядка въ уже умиротворенныхъ частяхъ этихъ острововъ и, объявивъ амністію за всѣ политическія преступленія, заключить перемиріе съ повстанцами и пригласить ихъ вождей посѣтить Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты для выясненія своихъ желаній.

Отъ англійскаго парламента, къ сожалѣнію, нельзя еще пока ожидать постановленія о прекращеніи военныхъ дѣйствій въ Южной Африкѣ и о приглашеніи въ Лондонъ бурскихъ делегатовъ для выясненія своихъ желаній. Но все же подобное постановленіе не кажется теперь столь невозможнымъ, какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Англійскій народъ страшно утомленъ войною, отъ повиннической ярости не осталось почти никакихъ слѣдовъ, число лицъ, осуждающихъ войну, быстро растетъ, „герои“ вроде Робертса, Френча, Китченера не вызываютъ былыхъ восторговъ и т. д.,—все это признаки приближающагося поворота въ общественномъ мнѣніи, поворота, который можетъ оказаться очень неприятнымъ Чемберлену и его друзьямъ.

Уступчивость англичанъ тѣмъ болѣе вѣроятна, что не всѣ они убѣждены въ невозможности побѣдоноснаго возстанія капштадтскихъ буровъ, которое приведетъ къ образованію независимыхъ южно-африканскихъ штатовъ.

Во всякомъ случаѣ, „имперіализмъ“ не такъ силенъ, какъ это кажется господамъ беренштейнцамъ. Кстати, Беренштейну, живущему до сихъ поръ эмигрантомъ въ Лондонѣ, прусское правительство позволило вернуться на родину.

Англійскія буржуазныя газеты выражаютъ надежду, что это возвращеніе ускоритъ превращеніе социалдемократіи въ партію мирной эволюціи, въ партію здороваго реализма.

Въ Германіи „имперіализмъ“ именуется „мировой политикой“ (Weltpolitik), онъ обставленъ необычайно пышно и обходится народу необычайно дорого, но эти жертвы приносятся не напрасно: процессъ „накопленія“ и концентраціи долженъ сильно ускориться; деньги плательщиковъ налоговъ съ процентами „вернутся“ въ карманы капиталистовъ. Въ прошломъ году правительство при содѣйствіи центра провело новый морской законъ, которымъ ассигнуются новыя сотни милліоновъ на военный флотъ.

Среди почтенныхъ бюргеровъ встрѣчаются скептики, предпочитающіе пути болѣе обычные, чѣмъ тѣ, которые выбираетъ нынѣшнее германское правительство, какъ извѣстно, нѣсколько зараженное романтизмомъ. Очень возможно, что правительственный центръ при слѣдующихъ выборахъ будетъ выбитъ изъ своей позиціи, и правительству придется отказаться отъ дальнѣйшаго развитія „мировой политики“ въ романтическомъ направленіи. Благоразумные бюргеры интересуются въ данное время не столько Китаемъ, Самоа и другими заморскими землями, сколько предстоящимъ возобновленіемъ торговыхъ договоровъ съ ближайшими сосѣдями, въ особенности съ Россіей. Здѣсь дѣло идетъ о близкихъ и существенныхъ интересахъ. Аграріи употребляютъ всѣ усилія, чтобы помѣшать возобновленію ненавистныхъ имъ договоровъ и ввести высокія запретительныя пошлины на хлѣбъ. Но у договоровъ есть свои вліятельные защитники, представители обрабатывающей промышленности, справедливо опасующіеся, что земледѣльческія страны въ отвѣтъ на повышеніе пошлинъ на сельско-хозяйственные продукты отвѣтятъ повышеніемъ пошлинъ на продукты фабричныя и заводскіе. Рабочіе стоятъ за торговые договоры и отжѣну пошлинъ на хлѣбъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что вопросъ о протекціонизмѣ очень сложный, не поддающійся разрѣшенію ни въ времени и пространствѣ.

Франція въ данное время мало интересуется „имперіализмомъ“, а „націонализмъ“ нѣкоторыхъ изъ ея политиковъ не имѣетъ ничего общаго съ защитой угнетенныхъ національностей и свободнымъ развитіемъ отдѣльныхъ народностей.

Франція вступаетъ въ новое столѣтіе въ моментъ сильно обострившейся „культурной борьбы“ съ богатыми и вліятельными монашескими конгрегаціями. „Культурная борьба“ началась во Франціи уже давно, ее, по справедливости, можно назвать вѣковой, но ударъ, который министерство Вальдека-Руссо и Мильерана намѣревается нанести клерикаламъ, сильно ее обостряетъ.

Законъ о конгрегаціяхъ, внесенный министерствомъ въ палату депутатовъ, сводится въ сущности къ конфискаціи государствомъ огромныхъ богатствъ монашескихъ конгрегацій, и понятно, что монахи и клерикалы напрягаютъ всѣ усилія, чтобы отклонить этотъ ударъ и свалить ненавистное имъ „министерство франкмасоновъ и социалистовъ“. Въ борьбу вмѣшался самъ папа, приславшій парижскому епископу открытое письмо съ осужденіемъ министерства Вальдека-Руссо. Многіе думаютъ, что „культурная борьба“ можетъ въ концѣ концовъ

окончиться замѣной республиканскаго правленія клерикально-монархическимъ. Это— большое увлеченіе! Борьба будетъ, конечно, упорная, и не всѣ эпизоды ея можно предвидѣть, но можно, я думаю, съ увѣренностью сказать, что клерикалы не сломятъ республики.

Въ Германіи „культурная борьба“, по нашему мнѣнію, значительно двинула впередъ общественно-политическую жизнь. То же будетъ и во Франціи. Полезная всякая борьба, въ которой не проливается человѣческая кровь.

„Культурная борьба“ занимала видное мѣсто въ XIX вѣкѣ; не менѣе важное значеніе она будетъ имѣть и въ XX вѣкѣ, пока же эпоха XIX вѣка еще продолжается.

22 (9) января скончалась англійская королева Викторія.

„She wrought her people lasting good,
Her Court was pure, her life severe.

A thousand claims to reverence closed
In her as mother, wife, and Queen“.

„Она правила своимъ народомъ постоянно хорошо,
Ея дворъ былъ чистъ, ея жизнь сурова.

Тысячу правъ на уваженіе имѣетъ она,
Какъ мать, жена и королева“.

Такъ когда-то воспѣвалъ Викторію ея любимый поэтъ Тениссонъ. Онъ ставилъ на первое мѣсто „мать и жену“, а не „королеву“.

Другой извѣстный писатель Киплингъ называлъ ее „виндзорскою вдовой“, опять-таки выдвигая на первый планъ ея семейныя добродѣтели, ея вѣрность памяти супруга. И дѣйствительно, самую характерною чертою королевы Викторіи была ея стойкая привязанность къ своему супругу, принцу Альберту, отъ котораго она въ теченіе 20 лѣтъ счастливаго замужества родила девять человѣкъ дѣтей. Потерявъ любимаго мужа въ 1861 году, она до самой смерти, въ продолженіе 40 лѣтъ, оставалась неутѣшною вдовою, живя простою, замкнутою жизнью: она прекратила придворныя празднества, она устранила придворную пышность. Можно сказать, что ея дворъ сорокъ лѣтъ носилъ неофициальный трауръ по умершемъ „принцѣ-супругѣ“. Эта вѣрность памяти мужа вызывала къ ней уваженіе въ широкихъ народныхъ массахъ, но аристократическая и денежная знать, а также торговцы предметами роскоши были крайне недовольны замкнутостью королевы и отсутствіемъ придворныхъ баловъ и другихъ празднествъ. Королева открыто обвинялась въ пренебреженіи своими обязанностями, и буржуазная печать не разъ ей указывала на необходимость пожертвовать своими личными чувствами долгу „общественнаго служенія“.

И несомнѣнно, что смерть королевы искренно оплакивали лишь простодушныя старушки изъ простаго народа, свыкшіяся со своей вдовой-королевой, а отнюдь не богатыя и важныя лэдди.

Очень характерно, что защищать королеву отъ нападокъ приходилось таинъ

людямъ, какъ знаменитый Джонъ Брайтъ, борецъ за расширеніе правъ народа и за отміну хлѣбныхъ пошлинъ. „Я не могъ сидѣть и слушать эти замѣчанія (обвиненія королевы за ея замкнутую жизнь) безъ чувства удивленія и боли,—сказалъ онъ въ 1866 году на одномъ большомъ лондонскомъ митингѣ.—Я думаю, что многіе совершаютъ большую несправедливость по отношенію къ королевѣ въ ея неутѣшномъ и вдовьемъ положеніи. И я осмѣливаюсь сказать, что женщина, будь это королева великой державы или жена одного изъ вашихъ рабочихъ, разъ она въ состояніи такъ живо хранить въ своемъ сердцѣ великую печаль о потерянномъ человѣкѣ, разъ она способна такъ любить, она заслуживаетъ съ вашей стороны великой и благородной симпатіи“.

Эти слова были покрыты рукоплесканіями собранія, состоявшаго, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ.

Достоинства королевы, какъ жены и матери, должны были особенно сильно imponировать народу, высоко цѣнящему семейныя добродѣтели, но далеко не привыкшему наблюдать ихъ у прежнихъ своихъ королей и королевъ.

Вѣдь Викторія вступила на престолъ всего лишь черезъ семь лѣтъ послѣ смерти своего дяди короля Георга IV, о которомъ, напр., Гиббинсъ отзывается въ слѣдующихъ вполнѣ опредѣленныхъ выраженіяхъ: „Георгъ IV умеръ 26 июня 1830 года, не любимый, никѣмъ не оплакиваемый, оставивъ о себѣ память, какъ о человѣкѣ развратномъ и живомъ“. О „народной“ же королевѣ Викторіи тотъ же Гиббинсъ пишетъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ.

Не легко найти англичанина, который бы не гордился, что его маленькая королева имѣла *при жизни* 86 прямыхъ потомковъ: 9 дѣтей, 40 внучатъ и 37 *правнуковъ*; изъ этихъ 86 человѣкъ въ моментъ смерти были живы 74, въ томъ числѣ всѣ 37 правнуковъ.

37 правнуковъ—это не шутка!

Итакъ, какъ жена и мать, Викторія стоитъ выше всякихъ похвалъ.

Какъ королева, она въ началѣ своего царствованія пыгалась виѣшиваться въ государственныя дѣла, и ея желанія не всегда совпадали съ дѣйствительными нуждами народа, но послѣ смерти „принца супруга“ она вполнѣ предоставила управленіе государствомъ министрамъ, смѣнявшимся соотвѣтственно замѣненію большинства палаты общинъ. Она совершенно усвоила взглядъ лорда Пальмерстона, выраженный имъ въ 1863 г. въ письмѣ къ сэру Шарлю Фиппсу, частному секретарю королевы.

„Основой безопасности трона въ этой странѣ, — писалъ лордъ Пальмерстонъ, — является положеніе, что монархъ не можетъ поступать неправильно. Это не значитъ, что неправильности вообще не могутъ совершаться, но это значитъ, что всѣ дѣйствія монарха предпринимаются по совѣту министровъ, пользующихся въ данное время довѣріемъ короны, и что поэтому эти министры, а не монархъ лично, должны быть подвергнуты осужденію или критикѣ...“ Къ этому надо прибавить, что въ теченіе царствованія Викторіи окончательно и неизбежно установилось положеніе: довѣріе монарха должно совпадать съ довѣріемъ большинства палаты общинъ.

Эти положенія усвоены и сыномъ Викторіи, принцемъ Уэльскимъ, превратившимся нынѣ въ короля Эдуарда VII. Въ своей первой простой и скромной рѣчи новый (но не молодой) *) король заявилъ, что онъ будетъ монархомъ „конституціоннымъ въ самомъ строгомъ значеніи этого слова...“ Новый король не отличается семейными добродѣтелями своей матери: во время извѣстнаго скандальнаго процесса ему, тогда еще наслѣдному принцу, пришлось выслушать отъ судьи строгій выговоръ за образъ жизни, недостойный будущаго короля, но теперь никто не сомнѣвается, что онъ будетъ хорошимъ государемъ. Его очень сочувственно привѣтствуетъ даже полу-соціалистическая и республиканская „Reynold's Newspaper“.

Во всякомъ случаѣ королева Викторія спасла престижъ Ганноверскаго дома. При ней уваженіе къ королевской семьѣ росло. Она умерла въ нерадостное время несправедливой войны въ Южной Африкѣ и страшнаго голода въ Индіи, но все же прогрессъ Англій за время ея царствованія не подлежитъ сомнѣнію. Достаточно сказать, что въ началѣ ея царствованія во всѣхъ англійскихъ школахъ было всего 250.000 дѣтей, нынѣ же отъ 4—5 милліоновъ, а прогрессъ народнаго образованія—лучшее мѣрило для общаго развитія страны.

В. П.

*) Ему уже 60 лѣтъ.

Письмо въ редакцію.

Милостивый Государь,

Господинъ редакторъ!

Я прочиталъ въ октябромъ № вашего журнала нѣсколько замѣчаній, которыя г. Рожковъ напечаталъ о моей книгѣ „Современная Франція“. Я надѣюсь, что Вы позволите мнѣ сдѣлать здѣсь нѣкоторыя фактическія указанія на неточности рецензій.

Здѣсь я приведу буквально слова г. Рожкова: „Нельзя, далѣе, признать, что авторъ достаточно для ученаго спеціалиста освѣдомленъ въ источникахъ и литературѣ вопроса: такъ, онъ проявляетъ мало знакомства съ ученою литературой по исторіи революціи, ссылается, какъ на историковъ, на Вольтера и даже Гюго, слишкомъ много вѣритъ Луи Блану и, говоря очень мало и неудовлетворительно о политическомъ значеніи энциклопедистовъ, Вольтера и Руссо, ни словомъ не упоминаетъ о Монтескье и Мабли. Главнымъ источниками свѣдѣній о современной Франціи ему послужили „Большая Энциклопедія“ и матеріалъ, почерпнутый изъ газетъ“.

Если бы г. Рожковъ сдѣлалъ мнѣ общій упрекъ, что моя книга „не научна“, и бы склонился передъ этимъ упрекомъ. Впрочемъ, это мало тронуло бы меня, такъ какъ моя книга есть популярное изложеніе, и я первый отклоняю отъ себя титулъ „ученаго изслѣдователя“, которымъ г. Рожковъ, въ своемъ стремленіи раздѣлять писателей на „ученыхъ и не ученыхъ“, желаетъ меня наградить.

Въ длинной процитированной фразѣ вѣрно только то, что я не говорю о Мабли, такъ какъ о Монтескье я говорю, не называя его. Но этотъ упрекъ—не имѣетъ значенія: я не могъ говорить обо всѣхъ писателяхъ и философахъ въ введеніи на 48 стр., въ которомъ я даю общій взглядъ на исторію Франціи съ возрожденія городовъ до 1850 г. Но все остальное невѣрно. Въ общей сложности „Энциклопедію“ я цитирую два или три раза, въ фактическихъ вопросахъ, вродѣ данныхъ о промышленности французскихъ городовъ и протекціонныхъ мѣрахъ Кольбера. Газетъ я не цитирую вовсе, кромѣ одного раза въ моемъ введеніи, гдѣ я цитирую „Le Moniteur Universel“, официальный органъ республики 1793 года. Даже въ новѣйшей исторіи, въ исторіи послѣднихъ дней, такъ сказать, я цитирую книги, брошюры, парламентскія рѣчи и только 3 или 4 раза—газеты. Очень естественно, что я цитирую Вольтера, историка Людовика XIV, чтобы характеризовать эпоху, и что я еще разъ цитирую Вольтера, чтобы охарактеризовать его собственныя идеи. Наконецъ, что касается Луи Блана, то мое „неограниченное довѣріе“ къ нему состоитъ въ томъ, что я нѣсколько разъ цитирую изъ его „Исторіи Революціи“ нѣсколько отрывковъ рѣчей жирондистовъ и монтаньяровъ, точно такъ же, какъ

я разъ цитирую *Histoire de Dix ans*, чтобы привести одно мѣсто изъ доклада депутата Dupin о положеніи рабочихъ въ промышленныхъ департаментахъ Франціи 1834 г. Наконецъ, я цитирую разъ рѣчь Виктора Гюго въ національномъ собраніи, въ которой я нашелъ очень характерную фразу кардинала Дюбуа. Приписывая всѣмъ этимъ авторамъ мѣсто, котораго они въ моей книгѣ не имѣютъ, г. Рожковъ обходитъ молчаніемъ всѣхъ цитируемыхъ мною классиковъ по исторіи Франціи, которыхъ, конечно, упомянулъ бы каждый писатель, даже если онъ „ученый изслѣдователь“.

Далѣе г. Рожковъ упрекаетъ меня въ томъ, что я написалъ всего двѣ страницы о конституціи 1875 г., „а о такихъ важныхъ явленіяхъ, какъ конституціи 1791 г., первой имперіи, реставраціи 1830 г., 1848 г., второй имперіи, у него нѣтъ ничего или почти ничего“.

Это указываетъ на недостаточно внимательное чтеніе моей книги, такъ какъ о конституціяхъ эпохи революціи я говорю на стр. 23, 24, 25. Большая часть моей исторіи реставраціи вращается вокругъ конституціонныхъ вопросовъ, но спеціально о хартіи я говорю на 32 стр. О конституціи іюльской монархіи я говорю на 35 стр.; о конституціи 1848 г.—на стр. 43, 45, и на стр. 47—48 я дѣлаю резюме о степени участія народа во власти по разнымъ конституціямъ, до побѣды всеобщаго избирательнаго права. Также невѣрно, что я не говорю о конституціи второй имперіи, такъ какъ о самой конституціи я говорю на стр. 51 и 58, и кромѣ того я описываю такъ подробно, какъ только позволяетъ мѣсто, политическую борьбу второй имперіи, которая очень часто разыгрывалась по поводу конституціонныхъ законовъ. О конституціи третьей республики, помимо указанныхъ г. Рожковымъ страницъ, я говорю на стр. 339, по поводу пересмотра конституціи 1884 г.

Х. Инсарова.

НОВЫЯ КНИГИ,

ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

Н. В. Трубниковъ. Богатство Россіи. Исслѣдованія, наблюденія и характеристики. Ч. I. Спб. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сельско-хозяйственный обзоръ Вятской губерніи за 1900 г. В. I. Изд. Вят. Губ. Зем. Упр. В. 1900 г.

Статистическій обзоръ экономическаго положенія крестьянскаго населенія Орловскаго уѣзда, Вят. губ. за 1899—1900 сел.-хоз. годъ В. 1900 г.

Е. Семченко. Какъ слѣдуетъ относиться къ склонности дѣтей рисовать самостоятельно. Каз. 1900 г.

Д-ръ В. В. Фавръ. Способы общественно-государственной борьбы съ пьянствомъ. Харьк. 1900 г. Ц. 35 к.

Я. В. Абрамовъ. Старый и новый свѣтъ. Спб. 1900 г. Ц. 50 к.

В. Коринъ. Зарницы. Стихи и пѣсни. Вып. II. Спб., 1901 г. Ц. 1 р.

М. Бородинъ. Поэтическое творчество А. Н. Майкова. Спб. Изд. Сойкина.

В. Ф. Залѣскій Къ вопросу о реформѣ средней школы. Каз. 1900 г. Ц. 1 р.

Записки Императорскаго Харьковскаго университета. Кн. 4. Харьковъ, 1900 г.

Н. М. Соколовъ. О словѣ. Спб. Изд. Сойкина.

А. Т. Грабина. Панъ Халявскій. Комедія-фарсъ въ 4 дѣйств. Киевъ. 1900 г.

Списокъ сельско-хозяйственныхъ имуществъ. Изд. М. З. и Г. И. Департаментъ Земледѣлія. Спб. 1900 г.

А. Ресинъ. Современные художники. I. Общіе принципы и правда въ искусствѣ. Пер. П. Когана. М. Изд. Мамонтова. Ц. 2 р. 25 к.

Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. В. III. Изд. „Научно-Образоват. Библ.“. М. 1900 г.

Гетчинсонъ. Вымершія чудовища и

животныя прошлыхъ геологическихъ эпохъ. Изд. „Научно-Образоват. Библ.“. М. 1899 г.

П. Жанэ. Основные принципы промышленнаго электричества. Пер. съ фр. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 40 к.

А. Зеленинъ (сост.). Путешествіе Н. М. Пржевальскаго. 2 тома. Изд. Сойкина. Спб.

А. А. Толстой. Въ голодные годы. Записки и статьи. М. Ц. 1 р.

Джонатанъ Свифтъ. Путешествіе Гулливера по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. М. Изд. Мамонтова. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Доклады очередному губ. зем. собранію 1900 г., по народному образованію. Яр., 1900 г.

Докладъ школьной комиссіи. Ярослав. губ. зем. собр., сессія 1900 г. Яр., 1900 г.

В. Ярмонкинъ. Письма идеалиста. 7 письмо. Спб. 1900 г.

Антонъ Чеховъ. Пьесы. Изд. А. Маркса. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

А. П. Лукинъ. Отголоски жизни. 2 т. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

И. П. Бѣлоконскій. Деревенскія впечатлѣнія Изъ записокъ земскаго статистика. Спб. 1900 г. Ц. 1 р. 50 к.

П. В. Каменскій. Преподаваніе гражданской морали въ народныхъ школахъ въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы. Ц. 30 к. Сборъ въ пользу недостаточныхъ студ. харьк. унив.

П. В. Каменскій. Исторія одного дня. Достоверное сказаніе. Екатериносл. 1900 г.

Матеріалы по санитарному состоянію населенія Симбирской губ. В. I. Формы отчетности и отчеты завѣдующихъ пунктами. Симб. 1900 г. Изд. Симб. губ. земства.

Н. М. Сибирцевъ, его жизнь и деятельность. Изд. журн. „Почвовѣдѣніе“. Спб. 1901. Ц. 60 к.

А. Мануиловъ. Понятіе цѣнности по учению экономистовъ классической школы. М. 1901. Ц. 1 р. 50 к.

С. А. Мокржецій. Энтомологическій календарь для садоводовъ. Симф., 1900 г. Ц. 20 к.

В. Г. Бѣлинскій. Полное собраніе сочиненій. Т. III. Подъ ред. С. А. Венгерова. Спб. 1901 г.

М. Ю. Лермонтовъ. 1) Мцыри. Ц. 3 к.; 2) Вѣла. Ц. 5 к.; Демонъ. Ц. 4 к.—Изд. Вятск. губ. земства.

Бульверъ. Гарольдъ. Изданіе „Всходо-въ“. Ц. 50 к.

Киплингъ. Человѣкъ-волкъ. Изд. „Всходо-въ“. Ц. 30 к.

Освободительныя войны XIX в. Изд. „Всходо-въ“. Бесплатное приложеніе къ журналу „Всходы“.

С. Минцловъ. Кладъ. Изданіе „Всходо-въ“. Ц. 50 к.

А. Заринъ. Скрипачъ. Ц. 50 к. Изд. „Всходо-въ“.

Э. Маевскій. Профессоръ Допотопновъ. Ц. 50 к. Изд. „Всходо-въ“.

Статистическій сборникъ по Ярославской губ. Вып. 9-й. Виды на урожай въ 1900 г. изд. Стат. бюро Яросл. губ. зем. Яросл. 1900 г.

Статистическое описаніе Ярославской губ. Т. 1. Мышкинскій уѣздъ. Изд. Яросл. губ. зем. упр. Яросл., 1900 г.

А. Нѣмовскій. Листопадъ. Изд. Непатова. М. 1900 г., Ц. 25 к.

А. Ф. Конн. Федоръ Петровичъ Гаазъ. Біогр. очеркъ. 2 изд. Спб. Ц. 50 к.

Н. Анненнова-Бернаръ. Разказы и очерки. Изд. „Русской Мысли“, М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

С. Гинзбургъ и П. Марекъ (ред.) Еврейскія народныя пѣсни въ Россіи. Изд. „Всхода“. Спб. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

В. Саводникъ. Поезія Вл. С. Соловьева. М. 1901 г. Ц. 25 к.

Левъ Майзель (перев.) Евреи въ Китаѣ. Варш. 1900 г.

Альфредъ де-Мюссе. Избранныя сочиненія. Пер. В. Е. Чехихина. Изд. П. Глазунова Спб. 1901 г.

Н. Минскій. Новыя пѣсни. Спб. Ц. 1 руб.

С. М. Станіоновичъ. Вокругъ свѣта на „Коршунъ“. Съ рис. Изд. Курнина. М. 1901 г.

Онъ же. Исторія одного матроса. Пов. для юнош., съ иллюстр. Изд. Курнина. М. 1901 г.

К. Лунашевичъ. Красный цвѣточекъ. Сказочный разказъ. Изд. Лавровой и Попова. Спб. 1901 г.

Joseph Bonjansky. Die gewerblichen gewossenschaften. Leipzig. 1900.

The anglo-russian Literary Society. The imperial Institute. London. S. W.

Отчетъ ковенской вечерней бесплатной школы для еврейскихъ женщинъ и дѣвицъ за 1899—1900 г. Ковна. 1900 г. Я. А. Ф. -инъ. Генрихъ Ибсенъ. Критическіе этюды. М. Ц. 50 к.

П. Соколовскій, проф. (ред.) Пандекты. Обязательственное право. М., 1900 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ф. Аргининъ. Изъ огня выхватила. Картины въ 4 дѣйств. М. 1901 г.

П. П. Гидичъ. Купальныя огни. Ром. Изд. „Труда“, Спб. 1901 г. Ц. 2 р.

А. Осиповъ. Бобыль. Ист. пов. Изд. Е. Лавровой и Н. Попова. Спб. 1901 г.

В. Короленко. Рѣка играетъ. Изд. Курнина. М. 1901 г. Ц. 12 к.

С. Князьновъ. Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право. Ист. очеркъ. Подъ ред. А. Кизеветтера. Спб. Ц. 15 к.

П. Засодимскій. Сара Гальборхъ. Пов. Изд. Е. Лавровой и Н. Попова. Спб. 1900 г. Ц. 75 к.

В. Фромъ. Завоеваніе Мексики Ф. Кортесомъ. М. 1900 г. Ц. 5 к.

А. фонъ-Бриненъ. Итальянское искусство въ эпоху Возрожденія. Ч. 4. Изд. Солдатенкова. М. 1901 г. Ц. 2 р.

М. Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Т. I., ч. 1 и 2. Изд. 2. Ц. 3 руб.

А. Ульяновъ. Заячья елка. Ц. 15 к.—Старый башмакъ. Ц. 10 к.—Корноушка. Ц. 15 к. Изд. т. д. „С. Курнинъ и Ко“. М. 1900 г.

К. Лунашевичъ. Баринъ и слуга. Ц. 25 к.—Старый Памфиличъ. Ц. 25 к. Изд. С. Курнина, М. 1901 г.

А. Кизеветтеръ. Петръ Великій за-границей. М. 1900 г. Ц. 10 к.

С. Поспѣловъ. Разказы о дикихъ животныхъ Россіи. Кн. 1. Спб. Изд. Лавровой и Попова.

Н. Поздняковъ. Канцеляристъ. Разск. Изд. С. Курнина. М. 1901 г. Ц. 25 к. Родныя картинки. Сборн. стих. для заучиванія наизусть и выразительнаго чтенія. Сост. кружкомъ учительницъ Спб. городскихъ нач. училищъ. Изд. Лавровой и Попова. Спб., 1901 г. Ц. 10 к.

О. Петерсонъ. Сервантесъ и его произведенія. Біогр. очеркъ. Изд. Лавровой и Попова. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

С. В. Курнинъ. Что читать дѣтямъ? Сборн. рецензій изъ журналовъ, преимущественно педагогич. Пособіе при изученіи дѣтской литературы. М. 1901 г., Ц. 60 к.

В. Анри. Воспитаніе памяти. Изд. „Вѣстника Воспитанія“. М. 1901 г. Ц. 40 к.

М. Сладкій. Разказы и очерки изъ жизни погибшихъ людей. М. Изд. Мозалева. 1901 г. Ц. 25 к.

Г. Гиббинсъ. Исторія торговли Европы. Пер. съ нѣм. Е. Ч. Спб., 1901 г. Ц. 85 к.

Журналы экономическаго совѣта при Яросл. Губ. Зем. Упр. Вып. X. Яросл. 1900 г.

Крестьянское скотовѣдѣніе въ Вятской губ. въ 1898—99 гг. Лошади и крупный рогатый скотъ. Изд. Вятск. губ. зем. Вятка. 1900 г.

А. Полянский. Русская женщина на государственной и общественной службѣ. Сборникъ постановленій и распоряженій правительства. Изд. Скирмунта, М. 1901 г. Ц. 1 р. 50 к.

Э. Реклю. Земля. Вып. V. Атмосфера и воздушныя теченія. Изд. 2. Пер. подъ ред. Д. Коропчевскаго. Изд. О. Н. Поповой. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

Д. Шрейдеръ. Страна восходящаго солнца. Разказы объ японцахъ. Съ 20 рис. Изд. 2-е. О. Н. Поповой, Спб. 1901 г. Ц. 25 к.

Н. Бунаковъ. Народныя былины о русскихъ могучихъ богатыряхъ. Чтеніе для народа и нар. школь. Изд. М. Карчагина. 1900 г. Ц. 40 к.

Н. Б. Сѣверова. „Эта“. Съ илл. Рѣпина. Спб. 1901 г. Изд. Суворина. Ц. 1 р. 50 к.

Т. Пепинъ. Страпа рабочихъ клубовъ. Изъ жизни „Союза рабочихъ клубовъ“. Пер. съ англ. И. Озерова. Изд. В. Линда и Д. Байкова. М. 1901 г. Ц. 50 к.

А. Максимовъ. Что сдѣлано по исторіи семьи? Очеркъ по исторіи положенія вопроса о первобытныхъ формахъ семьи и брака. М. 1901 г. Изд. В. Линда и Д. Байкова. Ц. 80 к.

А. и Ф. Гербертсонъ. Человѣкъ и его трудъ. Введеніе въ географію человѣка. Пер. съ англ. Съ рис. Изд. М. Орѣхова. Спб. 1901 г. Ц. 1 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Изданія А. В. ЕРМОЛАЕВОЙ.

- М. Ковалевоній.**—Экономическій строй Россіи. 1 р. 50 к.
М. Ковалевскій.—Краткій обзоръ экономической эволюціи. 25 к.
Г. Тордъ.—Молодые преступники. 30 к.
Эрнстъ Генкель.—Современное знаніе о филогенетическомъ развитіи че-
ловѣка. 60 к.
Г. Гиббенсъ.—Исторія торговли Европы. 85 к.

Библиотека знанія:

1. Астрофизика.—Вислиценуса. 40 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

2. Астрономія.—Мебіуса.

Складъ изданій. Спб. Невскій пр.

Книжный складъ О. Н. ПОПОВОЙ.

Открыта подписка на новый годъ

(съ октября 1900 по октябрь 1901)

ЕЖЕМЪСЯЧНАГО ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ИЗДАНІЯ

ИСКУССТВО

И

Художественная промышленность

выходящаго безъ предварительной цензуры подъ ред. **Н. П. СОВКО.**

Со снимками въ черномъ видѣ и въ краскахъ какъ въ текстѣ,
такъ и на особыхъ листахъ.

Подписная цѣна въ годъ за 12 выпусковъ съ особыми приложениями (въ об-
щемъ до 1000 стр. текста и около 500 снимковъ); безъ дост. 8 руб.; съ дост. и
перес. 10 руб.; за-границу 12 руб.

Въ отдѣльной продажѣ—по 1 руб. за выпускъ, причѣмъ 1-я книжка высы-
ляется наложеннымъ платежемъ за 2 руб., съ зачетомъ 1½ руб. изъ этой суммы
при подпискѣ.

Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ
подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться преимущественно
въ Главную Контору въ С.-Петербургѣ: Почтамтская, 13.

